
ЖЮЛЬ
ВЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ ВЕРН

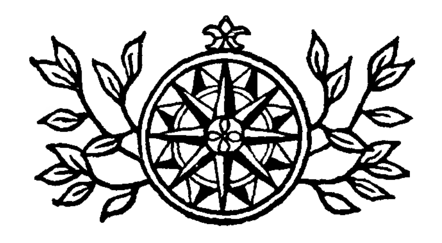
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1956

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

«ЧЕНСЛЕР»

ГЕКТОР СЕРВАДАК

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1956

Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

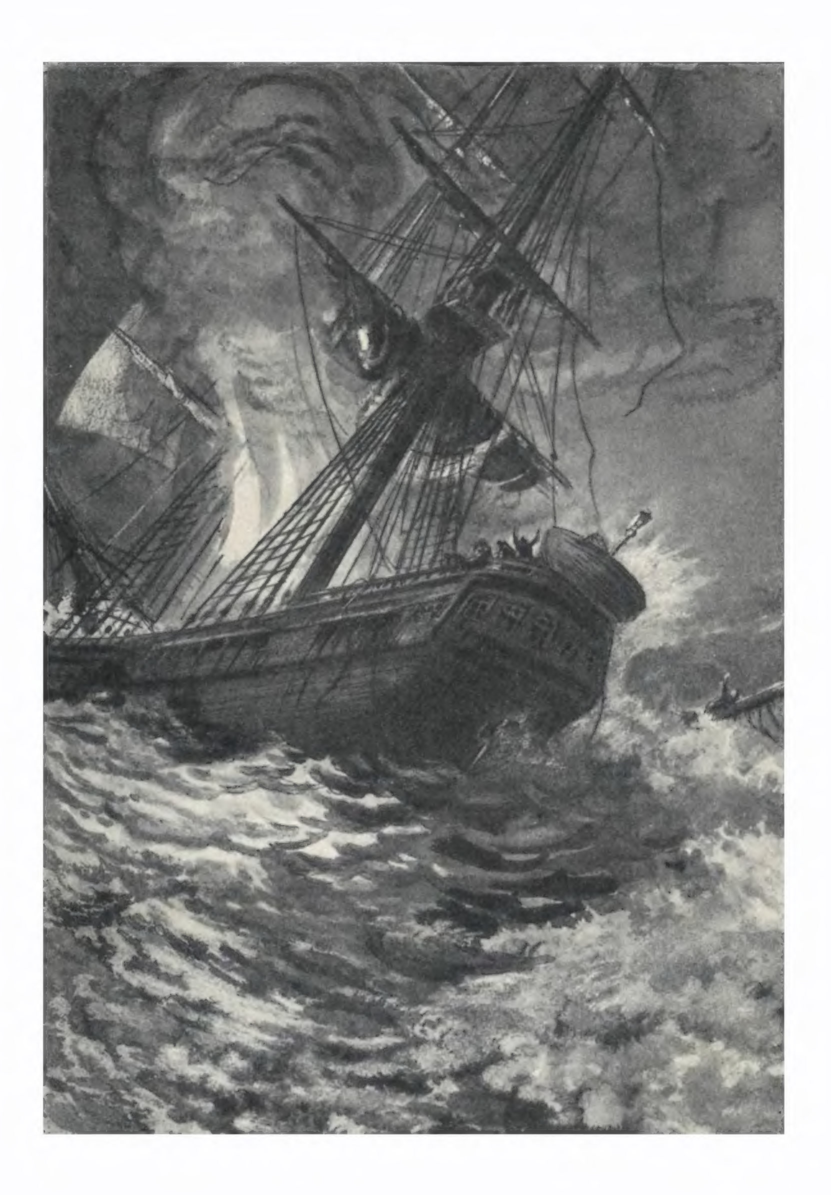
Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

«ЧЕНСЛЕР»

Дневник
пассажира Ж.-Р. Казаллона

Перевод М. Ф. Мошенко и Р. А. Розенталь
под редакцией О. В. Моисеенко

I

— Чарлстон. Двадцать седьмое сентября 1869 года. — Корабль покидает набережную Баттери в три часа пополудни. Отлив быстро несет его в открытое море. Капитан Хантли приказывает поставить верхние и нижние паруса, и «Ченслер», подгоняемый северным ветром, пересекает бухту. Вскоре он огибает форт Самтер и оставляет слева береговые батареи. В четыре часа корабль входит в пролив, где его подхватывает стремительное в эту пору дня течение. Но до открытого моря еще далеко, и, чтобы добраться до него, надо пройти по одному из узких каналов, прорытых волнами в песчаных отмелях. Капитан Хантли направляет корабль по юго-западному фарватеру, влево от форта Самтер. Теперь «Ченслер» идет в крутой бейдевинд. В семь часов вечера корабль минует последнюю песчаную косу, и вот он уже несется под всеми парусами по Атлантическому океану.

«Ченслер» — превосходное трехмачтовое судно с прямым вооружением, водоизмещением в девятьсот тонн — принадлежит крупной Ливерпульской компании «Лирд и братья». Он был спущен на воду два года назад. Корпус обшит медью, палуба сделана из индийского дуба, а все нижние мачты, кроме бизань-мачты, — железные, так же, как и часть оснастки. Этот прочный и красивый корабль, числящийся среди лучших кораблей в реестрах бюро «Веритас», совершает свое третье плаванье между Чарлстоном и Ливерпулем.

Хотя при выходе из Чарлстонской бухты британский флаг был спущен, но стоило любому моряку взглянуть на корабль, чтобы безошибочно определить его национальную принадлежность. От ватерлинии до клотика «Ченслер» был тем, чем он казался, то есть типично английским судном.

Вот причины, по которым я решил сесть на этот корабль, возвращавшийся в Англию.

Между Южной Каролиной и Соединенным королевством не существует прямого пароходного сообщения. Чтобы совершить это трансатлантическое путешествие, надо отправиться в Соединенные Штаты, в Нью-Йорк или в Новый Орлеан. Между Нью-Йорком и Старым Светом есть несколько линий — английская, французская, гамбургская; любой пароход — «Шотландия», «Перейре» или «Голсатия» — быстро доставил бы меня по назначению. А между Новым Орлеаном и Европой курсируют суда «Национальной пароходной компании», следуя по линии французских трансатлантических кораблей: Колон — Франция. Но, прохаживаясь по набережной Чарлстона, я увидел «Ченслер». Он мне понравился. Не знаю, что побудило меня сесть на это судно. Возможно, вид комфортабельных кают. К тому же плавание под парусами, особенно при благоприятном ветре и не слишком сильном волнении, можно совершить почти так же быстро, как на пароходе, но зато оно во всех отношениях приятнее. В начале осени в этих широтах погода стоит еще прекрасная. Итак, я решил ехать на «Ченслере».

Хорошо ли я поступил? Не придется ли мне раскаиваться в принятом решении? Это покажет будущее. Я изо дня в день буду вести дневник, хоть и не знаю, когда пишу эти строки, попадет ли он когда-нибудь в руки читателю.

II

— *Двадцать восьмое сентября.* — Я уже говорил, что капитан «Ченслера» — Хантли, прибавлю еще, что зовут его Джон-Сайлас. Это шотландец из Данди. Ему пятьдесят лет, и он пользуется репутацией опытного

моряка, много раз плававшего по Атлантическому океану. Хантли — человек среднего роста, узкий в плечах, с небольшой головой, по привычке несколько склоненной влево. Не причисляя себя к первостатейным физиономистам, я думаю, что составил себе правильное представление о капитане, хотя я знаю его лишь несколько часов.

Возможно, что Сайлас Хантли хороший моряк и прекрасно знает свое дело, но вряд ли он человек физически сильный, твердый и решительный.

В самом деле, Хантли несколько тяжеловесен, плечи у него опущены. Он апатичен, о чем свидетельствуют неуверенный взгляд, нерешительные движения и медленная, вперевалку, походка. У капитана нет и не может быть ни стойкости, ни даже упрямства. Чтобы убедиться в этом, стоит взглянуть на его безжизненные глаза, вялый рот и бессильно опущенные руки. К тому же я подметил на лице у Сайласа Хантли какое-то странное выражение; не могу пока объяснить, в чем тут дело, хоть и наблюдаю за ним с тем вниманием, которого заслуживает капитан, тот, кого называют на корабле «первым после бога».

Однако, если я не ошибаюсь, на борту «Ченслера» есть человек, который в случае надобности может занять важное место между богом и Сайласом Хантли. Это помощник капитана, которого я еще недостаточно изучил. Вот почему не стану пока говорить о нем.

Экипаж «Ченслера» состоит из восемнадцати человек — капитан Хантли, его помощник, Роберт Кертис, лейтенант Уолтер, боцман и четырнадцать английских и шотландских матросов — количество более чем достаточное для трехмачтового судна водоизмещением в девятьсот тонн. Эти люди, очевидно, хорошо знают свое дело. Могу только сказать, что при выходе из Чарлстонской бухты они отлично справились со всеми маневрами под командой помощника капитана.

Чтобы покончить с перечислением лиц, находящихся на борту «Ченслера», следует назвать буфетчика Хобарта, негра-повара Джинкстропа и также упомянуть о пассажирах.

Пассажиров, включая и меня, восемь человек. Я почти не знаю их, но однообразная жизнь на корабле, мелкие повседневные случайности, близкое соприкосновение на тесном пространстве, естественная потребность общения, любопытство, присущее каждому человеку, — все это в конце концов нас, вероятно, сблизит. До сих пор суматоха, неизбежная при посадке, хлопоты по устройству, необходимому для двадцати — двадцатипятидневного плавания, и всевозможные другие дела отдаляли нас друг от друга. Вчера и сегодня даже не все вышли к столу в кают-компании, — возможно, что некоторые пассажиры страдают морской болезнью. Словом, я не всех видел, но знаю, что среди нас есть две дамы, занимающие каюты в кормовой части судна.

Вот список пассажиров, взятый мной из судового журнала:

Мистер и миссис Кир, американцы из Буффало;

Мисс Херби, англичанка, компаньонка миссис Кир;

Господин Летурнер с сыном Андре, французы из Гавра;

Уильям Фолстен, инженер из Манчестера, и *Джон Руби,* торговец из Кардиффа, — оба англичане.

Дж.-Р. Казаллон из Лондона — автор этого дневника.

III

— *Двадцать девятое сентября.* — Привожу текст коносамента капитана Хантли, иначе говоря документа, в котором засвидетельствован факт погрузки товаров на «Ченслер» и перечислены условия их доставки.

«Бронсфилд и К°, комиссионеры. Чарлстон.

Я, Джон-Сайлас Хантли из порта Данди (Шотландия), капитан судна «Ченслер» водоизмещением в девятьсот тонн или около того, находясь в настоящее время в Чарлстоне, с тем чтобы при первом попутном ветре отбыть с помощью божьей прямым путем в Ливерпуль, принял от господ Бронсфилд и компания, торговых комиссионеров в Чарлстоне, одну тысячу семьсот

тюков хлопка, стоимостью в двадцать шесть тысяч фунтов [1], все тюки в прекрасном состоянии, с клеймом и номером согласно прилагаемой описи; указанный груз я обязуюсь доставить в полной сохранности в Ливерпуль, если не приключится в море какой-либо прискорбной случайности, и сдать братьям Лирд или любому лицу по их приказанию, получив фрахт ровно две тысячи фунтов [2], как то указано в договоре о найме корабля, и сверх того возмещение убытков от могущих быть повреждений согласно существующим на это морским правилам и обычаям. В том, что принятые на себя обязательства будут выполнены, ручаюсь судном и всем своим достоянием.

В удостоверение чего и подписываю три тождественных коносамента. По приложении на одном из них подписи получателя остальные два теряют силу.

Составлен в Чарлстоне тринадцатого сентября 1870 года.

Дж.-С. Хантли».

Итак, «Ченслер» везет в Ливерпуль тысячу семьсот тюков хлопка. Отправители: Бронсфилд и К° из Чарлстона. Получатели: Братья Лирд из Ливерпуля.

Погрузка прошла вполне удачно, ибо судно специально построено для перевозки хлопка. Весь трюм заполнен хлопком за исключением небольшой его части, предназначенной для багажа пассажиров. Плотно уложенные при помощи ваг тюки лежат тесными рядами. В трюме не оказалось таким образом свободного места, что весьма выгодно для капитана судна, перевозящего груз.

IV

— *С тридцатого сентября по шестое октября.* — «Ченслер» — быстроходное судно, без труда обгоняющее корабли такого же водоизмещения. С тех пор как ветер посвежел, за его кормой остается пенистый след,

---

[1] Приблизительно шестьсот пятьдесят тысяч франков. *(Прим. автора.)*

[2] Приблизительно пятьдесят тысяч франков. *(Прим. автора.)*

он тянется насколько видит глаз, словно белое кружево на синем фоне моря.

Волнение в океане не особенно сильное. Насколько я знаю, никто на корабле не страдает ни от бортовой, ни от килевой качки. К тому же пассажиры наши едут не впервые, и все они более или менее знакомы с морем. Поэтому за столом в часы трапез не пустует ни одно место.

Пассажиры постепенно знакомятся друг с другом, и жизнь на корабле становится менее скучной. Я часто беседую с французом, господином Летурнером.

Господин Летурнер — высокий человек лет пятидесяти пяти. У него седые волосы, в бороде проглядывают серебряные нити. На вид он безусловно старше своих лет — очевидно, ему пришлось немало выстрадать. Чувствуется, что и сейчас его снедает какое-то затаенное горе. Видимо, этот человек носит в себе неиссякаемый источник печали, что заметно по его слегка согнутому стану и по манере часто опускать голову на грудь. Он никогда не смеется, а если слегка улыбается, то только своему сыну. Взгляд его ласков, но словно затуманен слезами. Во всем облике старика — характерная смесь горечи и нежности, обычно же его лицо выражает безграничную доброту.

Можно подумать, что господин Летурнер в чем-то себя укоряет. И это действительно так! Но как не испытать глубокого волнения, узнав, какими, безусловно преувеличенными, упреками осыпает себя несчастный отец?

Господин Летурнер едет на корабле вместе с сыном Андре. У этого двадцатилетнего юноши мягкое привлекательное лицо. Он очень похож на отца, только наружность у него менее волевая. Но Андре — калека, вот причина неутешного горя старика. Левая нога у юноши сильно искривлена, и ходит он не иначе, как опираясь на палку и сильно хромая.

Отец боготворит сына, и чувствуется, что вся его жизнь посвящена бедному калеке. Он страдает из-за врожденного недостатка Андре гораздо сильнее, чем сын, и в душе постоянно просит у него прощения Его преданность Андре проявляется ежеминутно. Он не

оставляет сына одного, исполняет малейшее его желание, следит за каждым его движением. Руки отца принадлежат больше сыну, чем ему самому. Они неизменно обнимают, поддерживают юношу, когда тот гуляет по палубе «Ченслера».

Из всех пассажиров господин Летурнер особенно сблизился со мной и постоянно рассказывает мне о сыне.

Сегодня я ему сказал:

— Я только что беседовал с Андре. У вас хороший сын, господин Летурнер. Это умный и образованный молодой человек.

— Да, господин Казаллон, — ответил Летурнер, силясь улыбнуться, — у него прекрасная душа, заключенная в убогом теле, — душа его покойной матери, которая умерла, произведя его на свет!

— Он вас любит, сударь.

— Дорогое дитя! — прошептал господин Летурнер, грустно опуская голову. — Да, вам трудно понять, — продолжал он, — как страдает отец, глядя на сына-калеку... калеку от рождения!

— Господин Летурнер, — ответил я, — несчастье поразило и вас и вашего сына, но бремя это вы разделили непоровну. Андре безусловно достоин жалости, но разве мало быть любимым так, как вы его любите? Физический недуг переносится легче, чем нравственные муки, а они-то главным образом достались на вашу долю. Я внимательно наблюдал за Андре и готов побиться об заклад, что его удручает больше всего ваша печаль...

— Но я всячески скрываю от него свое горе, — взволнованно произнес господин Летурнер, — и стремлюсь только к одному: развлекать Андре, не давать ему грустить. Я знаю, несмотря на хромоту, мой сын страстно любит путешествия. У него всесторонне развитой ум, богатая фантазия, и вот уже несколько лет как мы с ним путешествуем. Сначала мы объехали Европу, а теперь возвращаемся из Соединенных Штатов. Я сам руководил образованием Андре, мне не хотелось посылать его в коллеж Теперь же, чтобы пополнить полученное сыном образование, я путешествую вместе

с ним. Андре одарен живым умом, пылким воображением, он очень восприимчив. Иногда я с радостью вижу, что он забывает о своем несчастье, любуясь величием природы.

— Да, сударь... без сомнения... — взволнованно говорю я.

— Но если он и забывает, — продолжает Летурнер, пожимая мне руку, — то я не могу забыть и не забуду никогда! Скажите, сударь, думаете ли вы, что мой сын не винит ни мать, ни меня в том, что он калека от рождения?

Меня удручает скорбь этого отца, который казнит себя за то, в чем никто не виноват. Я порываюсь его утешить, но в эту минуту появляется Андре. Летурнер спешит к нему навстречу и помогает подняться по довольно крутому трапу, ведущему на ют.

Там Андре Летурнер опускается на одну из скамеек, расположенных над клетками для кур, отец садится рядом с ним. Они беседуют, и я принимаю участие в разговоре. Речь идет о плавании «Ченслера», о случайностях путешествия и о жизни на корабле. Господин Летурнер тоже не особенно хорошего мнения о Сайласе Хантли. Нерешительность капитана, его сонный вид действительно производят неприятное впечатление. И, наоборот, помощник капитана Роберт Кертис чрезвычайно нравится Летурнеру. Это человек лет тридцати, хорошо сложенный, в высшей степени подвижной и физически сильный. Он, очевидно, наделен неукротимой волей и не любит пребывать в бездействии.

Роберт Кертис как раз появляется на палубе. Я внимательно разглядываю помощника капитана, и меня поражает его волевая наружность и огромная жизненная сила. У него статная фигура, уверенные манеры, гордый взгляд, слегка сдвинутые брови. Видно, что он не только энергичен, но и обладает хладнокровием, столь необходимым моряку. В то же время у него добрая душа, ибо он очень участливо относится к молодому Летурнеру и неизменно старается быть ему полезным.

Оглядев небо и проверив паруса, помощник капитана вступает с нами в разговор.

Заметно, что молодой Летурнер любит с ним беседовать.

Роберт Кертис сообщает нам некоторые сведения о пассажирах, с которыми мы еще очень мало знакомы.

Мистер и миссис Кир — американцы из Северной Америки, разбогатевшие на эксплуатации нефтяных месторождений. Известно, что в Соединенных Штатах очень многие нажили себе на этом огромные состояния. Мистер Кир — человек лет пятидесяти — производит впечатление скорее разбогатевшего выскочки, чем богача. Это скучный попутчик, ничего не признающий, кроме своих удобств. Руки у него постоянно засунуты в карманы, в которых позвякивают золотые и серебряные монеты. Он горделив, тщеславен, самовлюблен, презирает других и проявляет величайшее безразличие ко всему и ко всем, кроме собственной особы. Он выступает важно, как павлин, о нем можно сказать словами ученого физиономиста Гратиоле: «Он сам себя вдыхает, смакует, вкушает». Словом, это глупец и эгоист. Не понимаю, почему он едет на «Ченслере» — простом коммерческом судне, где ему не могут предоставить комфорта, каким отличаются трансатлантические пароходы.

Миссис Кир — незначительная сорокалетняя женщина, с заметной сединой на висках, вялая, ко всему равнодушная; она неумна, необразованна, не умеет поддержать разговор. Кажется, что она смотрит и не видит, слушает и не слышит. Думает ли она? Я не решился бы это утверждать.

Единственное занятие миссис Кир — требовать по всякому поводу услуг от своей компаньонки мисс Херби, молодой двадцатилетней англичанки, доброй и спокойной; ради жалких грошей, которые платит ей, словно из милости, торговец нефтью, ей приходится терпеть немало унижений.

Молодая девушка очень хороша собой — блондинка с темноголубыми глазами и изящным овалом лица. В ней совершенно не чувствуется пустоты, свойственной англичанкам. Рот у нее прелестен, но редко кому удается это заметить, ведь у бедной девушки нет ни времени, ни повода для улыбки. Да и кому стала бы

улыбаться компаньонка, выносящая беспрестанные придирки и нелепые капризы своей госпожи? Однако, если мисс Херби и страдает в глубине души, она все же смирилась со своей участью, или по крайней мере так кажется со стороны.

У Уильяма Фолстена, инженера из Манчестера, характерная английская наружность. Он управляет большим заводом гидравлических машин в Южной Каролине и едет в Европу за разными новыми усовершенствованиями, между прочим — за центробежными мельницами фирмы Кэйл. Этот сорокапятилетний мужчина — тип ученого, который думает лишь о машинах, — с головой ушел в механику и в математические расчеты и ничего, кроме этого, не знает и знать не хочет. Когда он с вами заговаривает, от него невозможно бывает отделаться, причем испытываешь такое чувство, словно попал между шестерен какой-то безжалостной машины.

Среди пассажиров есть некто по имени Джон Руби, торговец, человек заурядный, мелкий, ограниченный. Целых двадцать лет он только и делал, что продавал и покупал, и так как обычно продавал дороже, чем покупал, то и нажил состояние. Что теперь делать с деньгами, он и сам не знает. Всю свою жизнь он вел розничную торговлю и отвык думать, размышлять, стал на редкость невосприимчив, и, уж конечно, к нему трудно применить изречение Паскаля: «Человек явно создан для того, чтобы мыслить. В этом все его достоинство и вся его заслуга».

V

— *Седьмое октября.* — Вот уже десять дней как мы покинули Чарлстон, и, повидимому, плавание протекает благополучно. Мне часто случается беседовать с помощником капитана, и между нами установились дружеские отношения.

Сегодня Роберт Кертис сообщил, что мы находимся недалеко от Бермудских островов, иначе говоря мы

удалились от мыса Гаттераса в открытый океан. Согласно произведенным вычислениям координаты судна 32° 20′ северной широты и 64° 50′ западной долготы, считая от Гринвичского меридиана.

— Мы увидим Бермудские острова, вернее остров Святого Георгия, до наступления ночи, — сказал мне Роберт Кертис.

— Как Бермудские острова? А я-то полагал, что корабль, держащий курс из Чарлстона в Ливерпуль, должен идти севернее, следуя по течению Гольфстрима? — удивленно спросил я.

— Без сомнения, господин Казаллон, — ответил Роберт Кертис, — это обычный путь судов, но, повидимому, на этот раз капитан не намерен его придерживаться.

— Почему?

— Это мне неизвестно, но он взял курс на восток, и «Ченслер» идет на восток.

— И вы обратили его внимание на то, что..?

— Да, я обратил его внимание на необычайность такого курса, но получил ответ, что он сам отвечает за свои поступки!

При этом Роберт Кертис хмурится, машинально проводит рукой по лбу и, как мне кажется, не говорит всего того, что хотел бы сказать.

— Но как же так, господин Кертис, — настойчиво продолжаю я, — сегодня седьмое октября и отыскивать новые пути поздно. Нельзя терять ни одного дня, иначе мы не прибудем в Европу до наступления сезона плохих погод...

— Безусловно, господин Казаллон, ни одного дня.

— Не сочтите это за нескромность, господин Кертис, но мне хочется спросить, что вы думаете о капитане Хантли?

— Я думаю, — ответил помощник капитана, — я думаю, что... он — мой капитан!

Этот уклончивый ответ до сих пор меня беспокоит.

Роберт Кертис не ошибся. Около трех часов пополудни вахтенный заметил землю с наветренной стороны, на северо-востоке, но сперва она показалась нам лишь голубоватой дымкой.

В шесть часов я поднялся на палубу с отцом и сыном Летурнер, и мы стали рассматривать Бермудский архипелаг — ряд сравнительно невысоких островов, окруженных грядой рифов.

— Вот тот волшебный архипелаг, господин Казаллон, — сказал Андре Летурнер, — те живописнейшие острова, которые ваш поэт Томас Мур воспел в своих одах! А еще раньше, в тысяча шестьсот сорок третьем году, о них с восторгом отзывался изгнанник Уолтер. Если не ошибаюсь, английские дамы одно время носили шляпы, сделанные из листьев какой-то бермудской пальмы.

— Вы правы, дорогой Андре, — ответил я, — Бермудский архипелаг был в моде в семнадцатом веке, но теперь он совершенно забыт.

— А между тем, Андре, моряки придерживаются иного мнения об этих островах, — заметил Роберт Кертис, — и это вполне естественно: место столь живописное очень опасно для кораблей. В двух-трех лье от берега тянется цепь подводных камней, которых особенно страшатся мореплаватели. Следует добавить, что хотя небо здесь прозрачно и ясно, чем по праву гордятся жители Бермудских островов, хорошая погода часто сменяется ураганами. Бури, опустошающие Антильские острова, захвытывают краем и Бермудские и бывают здесь особенно страшны. Так что я не советую мореплавателям доверяться рассказам Уолтера и Томаса Мура.

— Вы, конечно, правы, господин Кертис, — продолжал, улыбаясь, Андре Летурнер, — но поэты, как и пословицы, существуют лишь для того, чтобы опровергать друг друга. Правда, Томас Мур и Уолтер прославили чудесную красоту этого архипелага, но зато величайший из ваших поэтов, Шекспир, знающий архипелаг безусловно лучше, чем они, избрал его местом действия самых ужасных сцен своей «Бури»!

В самом деле, море здесь очень опасно. Англичане, которым Бермудские острова принадлежат со времени их открытия, используют их лишь как военную базу между Антильскими островами и Новой Шотландией. Этот архипелаг состоит из ста пятидесяти островов и

островков, но когда-нибудь их будет насчитываться гораздо больше, так как мадрепоры работают неустанно, строя все новые Бермуды, которые в отдаленном будущем сольются между собой и образуют новый материк. Таков закон природы.

Никто из остальных пассажиров не потрудился подняться на палубу, чтобы взглянуть на любопытный архипелаг. А бедная мисс Херби едва только появилась на юте, как послышался скрипучий голос миссис Кир, и она вынуждена была вернуться к своей хозяйке.

VI

— *С восьмого по тринадцатое октября.* — Северо-восточный ветер все крепчает, и «Ченслер» под фоком и марселями, у которых взяты все рифы, лавирует против ветра.

На море сильное волнение, и плавание очень утомляет. Переборки кают-компании неприятно скрипят, и это начинает раздражать. Большинство пассажиров находится в помещениях на юте.

Я же предпочитаю оставаться на палубе, хотя ветер подхватывает дождевые струи и, дробя их в водяную пыль, пронизывает меня до костей.

Так в течение двух дней мы идем в крутой бейдевинд. «Свежий бриз» превратился в шторм. Брам-стеньги спущены. Ветер усилился до пятидесяти — шестидесяти миль в час [1].

Несмотря на свои превосходные качества, «Ченслер» значительно отклонился от первоначального пути, и его все больше относит к югу. Густые облака мешают измерить высоту солнца, приходится ограничиться счислением, чтобы приблизительно знать местонахождение судна.

Наши спутники, которым помощник капитана ничего не говорил, до сих пор не знают, что мы взяли какой-то странный курс. Англия на северо-востоке, а мы плывем на юго-восток! Роберт Кертис решительно

---

[1] Приблизительно тридцать метров в секунду. (*Прим. автора*)

не понимает упорства капитана, который должен был бы повернуть на другой галс и, идя на северо-запад, использовать попутные течения. Но нет! С тех пор как ветер подул с северо-востока, «Ченслер» забирает все больше к югу.

Встретясь сегодня на юте с Робертом Кертисом, я говорю ему:

— Уж не с ума ли сошел ваш капитан?

— Я хотел вас спросить об этом, господин Казаллон, ведь вы как будто внимательно наблюдали за ним, — отвечает Роберт Кертис.

— Право, не знаю, что вам сказать, господин Кертис, но, признаться, его странный вид, порой блуждающий взгляд... Вам уже случалось плавать вместе с ним?

— Нет, это впервые.

— А вы с ним больше не говорили о курсе корабля?

— Говорил, но он мне ответил, что курс правильный.

— А что думают о действиях капитана лейтенант Уолтер и боцман?

— Они думают то же, что и я.

— Ну, а если бы капитан Хантли захотел вести корабль в Китай?

— Они повиновались бы так же, как и я.

— Однако повиновение имеет границы?

— Нет, до тех пор пока поведение капитана не ведет корабль к гибели.

— А если он сумасшедший?

— Если это так, господин Казаллон, то я приму необходимые меры.

Предпринимая путешествие на «Ченслере», я совсем не ожидал такого осложнения.

Между тем погода все больше портится, и настоящий шторм, словно сорвавшись с цепи, разражается в этой части Атлантического океана. Корабль идет под малым кливером и грот-марселем, у которого взяты все рифы, и он мог смело идти навстречу ветру и бушующим волнам. Но, как я уже говорил, «Ченслер» значительно отклонился от курса, и его все дальше относит к югу, что стало совершенно очевидным, когда в ночь с 11 на 12 октября корабль вошел в Саргассово море.

Это море — не что иное, как обширное водное пространство, окруженное теплым течением Гольфстрима. Оно заросло водорослями, которые испанцы зовут «саргассо», и корабли Колумба не без труда пересекли его во время своего первого плавания.

С наступлением утра Атлантический океан принял довольно странный вид, и Летурнеры вышли взглянуть на него, несмотря на свирепые порывы ветра, заставляющие звучать металлические ванты подобно струнам арфы. Ветер так силен, что наша одежда разлетелась бы в клочья, если бы он проник под нее. Корабль несется по этому морю, покрытому водорослями, словно по обширной, поросшей травой равнине, и форштевень проходит по ней, как лемех плуга. Порой ветер подхватывает водоросли и несет их с собой; они цепляются за снасти, обвивают мачты до самых верхушек, точно дикие виноградные лозы, и образуют у нас над головой причудливую беседку из зелени. Некоторые из этих водорослей — огромные ленты в триста — четыреста футов длиной — развеваются по ветру, похожие на языки пламени. Несколько часов нам приходится пробиваться сквозь море саргассов, и «Ченслер» с мачтами, увитыми водорослями, напоминает рощу, двигающуюся среди бескрайней прерии.

VII

— *Четырнадцатое октября.* — «Ченслер», наконец, покинул этот океан водорослей. Шторм заметно стих. Ветер превратился в «свежий бриз», и мы быстро идем под марселями, у которых взяты два рифа.

Ярко светит появившееся в небе солнце. Становится очень жарко. Определение координат судна, произведенное в хороших условиях, дает 21° 33′ северной широты и 50° 17′ западной долготы. Итак, «Ченслер» отклонился к югу более чем на 10°.

Корабль попрежнему держит курс на юго-восток!

Желая понять, в чем причина недопустимого упрямства капитана Хантли, я несколько раз заговаривал с ним. В своем ли он уме, или нет? Не знаю, что и

думать. В общем, он рассуждает здраво. Может быть, у капитана частичное помешательство и затмение находит на него лишь тогда, когда дело касается мореплавания. Подобные случаи уже наблюдались в медицинской практике. Я говорю об этом Роберту Кертису, который холодно меня выслушивает. Он вновь заявляет, что не вправе отстранить капитана, пока его безумие не установлено и не грозит гибелью судну. Действительно, это серьезная мера, и большая ответственность легла бы в случае чего на помощника капитана.

Я вернулся в свою каюту около восьми часов вечера и при свете раскачивающейся лампы провел час, читая и размышляя. Потом прилег и уснул.

Несколько часов спустя меня разбудил необычайный шум. На палубе раздавались тяжелые шаги и слышались взволнованные голоса. Мне показалось, что матросы суетятся, бегают по судну. Что за причина столь странного оживления? Без сомнения брасопят реи, что необходимо для поворота на другой галс... Но нет! «Ченслер» продолжает крениться на правый борт, следовательно он не изменил галса.

Я подумал было подняться на палубу, но шум вскоре утих. Слыша, что капитан Хантли возвратился в свою каюту, расположенную на юте, я снова улегся на койку. По всей вероятности, какой-нибудь маневр вызвал это хождение взад и вперед. Однако ход корабля не увеличился. Значит, ветер не крепчает.

На следующий день, 14 октября, в шесть часов утра я поднимаюсь на ют и окидываю взглядом корабль.

Как будто ничто не изменилось. «Ченслер» идет левым галсом под нижними парусами, марселями и брамселями. Он очень устойчив и прекрасно держится на волнах, подгоняемый довольно свежим ветром. Скорость довольно велика, должно быть не менее одиннадцати миль в час.

Вскоре на палубе показывается господин Летурнер с сыном. Я помогаю юноше подняться на ют. Андре с наслаждением вдыхает живительный утренний воздух, насыщенный запахом моря.

Я спрашиваю, не были ли они разбужены этой ночью шумом шагов, суетой?

— Нет, что вы, — отвечает Андре Летурнер, — я спал без просыпу всю ночь.

— Значит, ты спал очень крепко, дорогой мой, — замечает отец, — потому что меня тоже разбудил шум, о котором говорит господин Казаллон. Мне даже послышались слова: «Скорее, скорее! К люкам!»

— А в котором часу это было? — интересуюсь я.

— Приблизительно часа в три утра, — отвечает господин Летурнер.

— Вы не знаете причину этого шума?

— Право, не знаю, господин Казаллон, но вряд ли это что-нибудь серьезное, потому что иначе нас вызвали бы на палубу.

Я осматриваю люки, расположенные по обе стороны грот-мачты. Люки задраены как обычно, но я замечаю, что они покрыты толстым брезентом и приняты все меры, чтобы воздух не проникал в них. Почему же так тщательно законопачены люки. На это, очевидно, есть причина, которую я не могу отгадать. Роберт Кертис, наверно, все мне расскажет. Я оставляю про себя свои наблюдения, ничего не говорю господину Летурнеру и жду, когда наступит вахта помощника капитана.

День обещает быть прекрасным, солнце взошло ослепительно яркое, словно умытое, а это хорошая примета. На противоположной стороне небосвода виден ущербный диск луны, которая должна зайти в десять часов пятьдесят семь минут утра. Через три дня наступит последняя ее четверть, а 24 октября появится молодой месяц. Я справляюсь по календарю и вижу, что в этот день ожидается прилив, совпадающий с периодом новолуния. Нас, плывущих в открытом море, это почти не коснется. Ведь мы не увидим прилива во всей его мощи. Зато на берегу материков и островов будет интересно наблюдать, как под влиянием молодого месяца огромные массы воды поднимутся на значительную высоту.

Я один на юте. Летурнеры спустились пить чай. Я же поджидаю помощника капитана.

В восемь часов приходит Роберт Кертис и принимает вахту у лейтенанта Уолтера. Я хочу пожать ему руку. Но прежде чем поздороваться со мной, Роберт Кертис бросает быстрый взгляд на палубу, и брови его слегка хмурятся. Затем он изучает небо и осматривает паруса.

Приблизившись к лейтенанту Уолтеру, он спрашивает:

— А капитан Хантли?

— Я еще не видел его, сударь.

— Ничего нового?

— Ничего.

Несколько минут они разговаривают, понизив голос. Лейтенант Уолтер качает головой в ответ на какой-то заданный ему вопрос.

— Пришлите мне боцмана, Уолтер, — говорит помощник капитана, когда лейтенант уже собирается уходить.

Боцман является немедленно, и Роберт Кертис задает ему какие-то вопросы, на которые тот отвечает тихим голосом, качая головой. Затем по приказу помощника капитана боцман вызывает вахтенную команду и велит полить водой брезент, покрывающий большой люк.

Через несколько минут я подхожу к Роберту Кертису, и разговор заходит сперва о каких-то незначительных мелочах. Помощник капитана не затрагивает интересующего меня вопроса, и, наконец, я говорю ему·

— Кстати, господин Кертис, что такое произошло этой ночью на корабле?

Он пристально смотрит на меня и не отвечает.

— Да, — продолжаю я, — меня разбудил необычный шум, потревоживший также сон господина Летурнера. Что случилось?

— Ничего, господин Казаллон, — отвечает Роберт Кертис, — просто ошибочный поворот руля чуть было не вывел корабль из ветра, пришлось переставлять паруса, что и вызвало беготню по палубе. Но беду быстро исправили, и «Ченслер» немедленно лег на свой курс

Мне кажется, что Роберт Кертис, всегда такой прямой, на этот раз скрыл от меня правду.

VIII

— *С пятнадцатого по восемнадцатое октября.* — Плавание продолжается в тех же условиях. Ветер попрежнему дует с северо-востока, и неопытному глазу кажется, что на борту ничего особенного не случилось.

А между тем что-то есть! Матросы часто собираются кучками, о чем-то говорят, но тотчас же замолкают при нашем приближении. Несколько раз я уловил слово «люк», которое уже привлекло внимание господина Летурнера в ту тревожную ночь. Что такое происходит в трюме «Ченслера», из-за чего такие предосторожности? Почему люки герметически закрыты? Право, будь в трюме пленный экипаж вражеского корабля, мы и тогда не приняли бы более решительных мер.

Пятнадцатого октября, прогуливаясь на баке, я услышал, как матрос Оуэн сказал товарищам:

— А знаете что, ребята? Не стану я ждать до последнего! Каждый за себя!

— Ну, а что же ты сделаешь, Оуэн? — спрашивает повар Джинкстроп.

— Что? — удивляется матрос. — Да ведь шлюпки-то изобретены не для дельфинов, как по-вашему?

Этот разговор резко обрывается, и мне ничего больше не удается узнать.

Что это? Уж не готовится ли мятеж против офицеров корабля? Заметил ли Роберт Кертис признаки недовольства? Надо быть настороже против некоторых матросов и применять к ним железную дисциплину.

Прошло три дня, но ничего нового как будто не произошло.

Со вчерашнего дня я замечаю, что капитан и его помощник часто совещаются друг с другом. Роберт Кертис проявляет нетерпение, что удивительно со стороны человека, так хорошо владеющего собой. Мне кажется, что после этих совещаний капитан Хантли более чем когда-либо придерживается своего мнения. Кроме того, он находится, повидимому, в состоянии нервного возбуждения, причина которого от меня ускользает.

За обедом мы с господином Летурнером замечаем молчаливость капитана и озабоченность Роберта Кертиса. Порой помощник капитана пытается завязать разговор, который тут же обрывается, и ни инженер Фолстен, ни господин Кир не могут его поддержать. Молчит, конечно, и Руби. Между тем пассажиры не без основания начинают жаловаться, что путешествие затягивается. Мистер Кир как человек, перед которым, по его мнению, все должны преклоняться, очевидно, возлагает ответственность за эту задержку на капитана Хантли и ведет себя по отношению к нему очень высокомерно.

Начиная с семнадцатого числа палубу поливают по приказанию помощника капитана несколько раз в день. Обычно это проделывали только утром, а теперь, вероятно, поливку приходится производить чаще из-за жары, ведь нас сильно отнесло к югу. Чехлы, покрывающие люки, постоянно смачиваются, и их плотная ткань стала непроницаемой. «Ченслер» вполне обеспечен шлангами, которые облегчают дело. Я думаю, что палубы роскошнейших яхт не моются так усердно. Казалось бы, матросы имеют основание жаловаться на увеличение работы, но они не жалуются.

В ночь с 23 на 24 октября жара в каютах и в кают-компании показалась мне нестерпимой. Хотя на море сильное волнение, я был вынужден оставить открытым иллюминатор в своей каюте, находящейся на правой стороне корабля.

Определенно чувствуется, что мы находимся под тропиками.

Я поднялся на палубу с зарей. Непонятно, почему температура снаружи не соответствует внутренней температуре корабля. Утро скорее прохладное, так как солнце едва показалось над горизонтом, а на верхней палубе в то же время очень жарко.

Матросы все время моют палубу; вырываясь непрерывной струей из шлангов, вода стекает по шпигатам правого или левого борта, в зависимости от крена корабля. По палубе струится прозрачный пенистый ручей, и матросы бегают по нему босые. Не знаю почему, но мне захотелось последовать их примеру.

Я разуваюсь, снимаю носки и вот уже шлепаю по прохладной морской воде.

К своему великому изумлению, я ощущаю под ногами, что палуба «Ченслера» очень горяча, и не могу удержаться от восклицания.

Услышав это, Роберт Кертис оборачивается, идет ко мне и, отвечая на мой немой вопрос, говорит:

— Ну да! На борту пожар!

IX

— *Девятнадцатое октября.* — Теперь все стало понятным: разговоры матросов, их встревоженный вид, слова Оуэна, беспрестанная поливка палубы и, наконец, эта жара, которая дошла уже до кают-компании и становится нестерпимой. Пассажиры просто изнемогают и никак не могут понять причину столь высокой температуры.

Сделав мне это важное сообщение, Роберт Кертис умолкает. Он ждет расспросов, но меня, признаться, трясет как в лихорадке. Вот оно ужаснейшее из несчастий, какие только случаются в море, и ни один человек, как бы он хорошо ни владел собой, не может слышать без содрогания зловещие слова: «На борту пожар!»

Однако я почти тотчас беру себя в руки и спрашиваю Роберта Кертиса:

— Когда начался пожар?

— Шесть дней тому назад.

— Шесть дней! Значит, в ту самую ночь?

— Да, в ту ночь, когда был такой переполох на палубе «Ченслера». Вахтенные матросы заметили легкий дымок, выбивавшийся из щелей большого люка. Они немедленно сообщили об этом капитану и мне. Сомнений не было. В трюме загорелся груз, а добраться до очага пожара не представлялось возможным. Мы сделали все что могли в этом случае, то есть заколотили люки, чтобы преградить доступ воздуха в трюм. Я надеялся таким образом затушить начинающийся пожар;

и действительно, в первые дни мне показалось, что мы справились с огнем. Но вот уже три дня, как пришлось, к несчастью, убедиться, что пожар разгорается. Палуба у нас под ногами нагревается, и если бы из предосторожности я не приказал все время ее поливать, здесь уже нельзя было бы стоять. Мне хотелось, чтобы вы знали правду, господин Казаллон, — говорит в заключение Роберт Кертис, — вот почему я рассказал вам все это.

Я молча выслушал рассказ помощника капитана. Положение очень серьезное — это ясно. Пожар все усиливается, и не в силах человеческих его остановить.

— Знаете ли вы, как возник пожар? — спрашиваю я у Роберта Кертиса.

— Очевидно, получилось самовозгорание хлопка, — отвечает он.

— А часто это случается?

— Часто? Нет, но иногда; например, если хлопок был не очень сух в момент погрузки, самовозгорание может произойти в глубине сырого трюма, который плохо вентилируется. Для меня более чем ясно, что возникший на борту пожар не имеет иной причины.

— Зачем нам доискиваться до причин, — замечаю я. — Скажите, нет ли каких-нибудь средств помочь беде, господин Кертис?

— Нет, господин Казаллон, — говорит Роберт Кертис, — повторяю вам, что все необходимое уже сделано. Я хотел было прорубить отверстие в корпусе судна на высоте ватерлинии, чтобы таким образом в трюм проникла вода, которую затем выкачали бы насосами, но оказалось, что огонь уже добрался до верхних слоев хлопка и потушить его можно лишь затопив весь трюм. Все же я велел проделать в палубе несколько отверстий, и по ночам в них льют воду, но этого недостаточно. Нет, существует один только способ, — к нему-то и прибегают в подобных случаях, — это прекратить доступ воздуха в трюм и предоставить огню самому потухнуть за недостатком кислорода.

— Но пожар все же усиливается?

— Да, и это доказывает, что воздух откуда-то про-

никает в трюм. Однако, несмотря на все поиски, мы нигде не обнаружили ни одной щели.

— А бывало, что корабли, попавшие в такое положение, все же спасались?

— Ну, конечно, господин Казаллон. Иногда корабли прибывали в Ливерпуль или Гавр с грузом хлопка, наполовину уничтоженным огнем. Но в таких случаях пожар удавалось затушить в пути или по крайней мере не дать ему разгореться. Я знаю не одного капитана, входившего в порт с горящей под ногами палубой. Там не медля приступали к выгрузке, стараясь одновременно спасти и судно и нетронутую часть груза. У нас — другое дело. Я ясно чувствую, что пожар не только не прекращается, а усиливается с каждым днем! Безусловно где-то есть отверстие, которое мы никак не можем найти, и наружный воздух, проходя в трюм, только раздувает огонь!

— Не лучше ли повернуть назад и направиться в ближайшую гавань?

— Пожалуй, — отвечает Роберт Кертис. — Как раз об этом лейтенант, боцман и я хотим поговорить сегодня с капитаном. Признаюсь вам, господин Казаллон, что я уже изменил курс на свой страх и риск, и мы идем теперь с попутным ветром на юго-запад, то есть к берегу.

— Пассажиры не знают о грозящей опасности?

— Нет, и я прошу вас держать в тайне то, что я вам сейчас сказал. Испуг женщин и трусов лишь осложнит наше положение. Вот почему матросы получили приказ молчать.

Я понимаю, насколько вески доводы помощника капитана, и обещаю ему не проронить ни слова.

X

— *Двадцатое — двадцать первое октября.* — А «Ченслер» между тем продолжает плавание. На нем поднято столько парусов, сколько может выдержать рангоут. Временами брамстеньги гнутся и, кажется, вот-вот сломаются. Но Роберт Кертис начеку. Он

боится всецело положиться на рулевого и стоит рядом с ним у штурвала, умело маневрируя, чтобы ослабить действие ветра, когда тот грозит судну бедой. В надежных руках своего кормчего «Ченслер» идет вперед, ни на минуту не теряя скорости.

Весь день 20 октября пассажиры провели на юте.

Они, конечно, заметили ненормальное повышение температуры в кают-компании, но, не подозревая истины, ничуть не тревожатся. К тому же ноги у них хорошо обуты и не ощущают, как нагрелись доски палубы, хотя ее и поливают почти беспрерывно. Шланги не остаются в бездействии, и это могло бы вызвать хоть недоумение, но нет, в большинстве своем пассажиры растянулись на скамьях и, убаюканные легкой качкой, наслаждаются полным покоем.

Один только Летурнер, повидимому, удивлен чрезмерной чистоплотностью, необычной на торговых судах. Он заговаривает со мной по этому поводу, но я отвечаю ему уклончиво. Правда, этот француз — человек энергичный, волевой, и ему можно довериться, но я обещал Роберту Кертису молчать и молчу.

Между тем сердце мое сжимается, когда я думаю о возможных последствиях пожара. Нас на борту двадцать восемь человек, быть может — двадцать восемь смертников, под ногами у которых огонь скоро не оставит ни одной целой доски!

Сегодня состоялось совещание капитана, его помощника, лейтенанта и боцмана, совещание, от которого зависит спасение «Ченслера», его пассажиров и всего экипажа.

Роберт Кертис сообщил мне о принятом решении. Как легко было предвидеть, капитан Хантли совершенно потерял голову. У него не осталось ни выдержки, ни решимости, ни энергии, и он негласно передал командование Роберту Кертису. Огонь распространяется, это бесспорно. В помещении, отведенном для матросов в носовой части «Ченслера», уже невозможно оставаться. Очевидно, потушить пожар нельзя, и он рано или поздно вырвется наружу.

Что же делать в таком случае? Остается одно: добраться до ближайшей земли. Такой землей, согласно

произведенным вычислениям, оказались Малые Антильские острова, и есть надежда быстро туда добраться благодаря постоянному северо-восточному ветру.

Вот какое решение было принято, и помощнику капитана остается только придерживаться того курса, которым корабль идет уже целые сутки. Пассажиры, не умеющие ориентироваться среди беспредельной пустыни океана и плохо разбирающиеся в показаниях компаса, не заметили, что «Ченслер» переменил курс.

А на самом деле, подняв все паруса вплоть до лиселей и бомбрамселей, он спешит к Антильским островам, отстоящим от него более чем на шестьсот миль.

Между прочим, на вопрос Летурнера об изменении курса Роберт Кертис ответил, что он не в силах бороться с ветром и ведет судно на запад, чтобы воспользоваться там благоприятными течениями.

Это было единственное замечание, вызванное тем, что «Ченслер» изменил путь.

Следующий день, 21 октября, не принес никаких перемен. Пассажиры считают, что плавание совершается в обычных условиях и жизнь на корабле течет попрежнему.

Распространение пожара в трюме не особенно заметно снаружи, и это хороший знак. Все отверстия так плотно заделаны, что не видно ни малейшего дымка, свидетельствующего о пожаре. Может быть, удастся локализовать огонь, может быть, за недостатком воздуха он затухнет или будет спокойно тлеть, а не разгорится, не охватит всего груза. Вот на что надеется Роберт Кертис и из предосторожности велит тщательно законопатить отверстия, через которые в трюм опущены шланги, боясь, как бы вместе с ними туда не проникло немного воздуха.

Да поможет нам бог, так как, по правде сказать, сами мы совершенно бессильны.

День прошел без происшествий, если не считать случайно подслушанного мною разговора, из которого явствует, что наше положение, и так очень серьезное, может стать катастрофическим.

Судите сами.

Я сидел на юте, а поблизости тихо беседовали два

пассажира, не предполагая, что кто-нибудь их услышит. То были инженер Фолстен и торговец Руби, которые часто разговаривают между собой.

Мое внимание сначала привлекли гневные жесты инженера, который, казалось, в чем-то упрекал своего собеседника. Я невольно прислушался.

— Это идиотство, идиотство, — повторяет Фолстен. — Как можно быть таким неосторожным!

— Да полно, — беззаботно отвечает Руби, — ничего не случится!

— Напротив, может случиться большое несчастье, — продолжает инженер.

— Я уже не первый раз так поступаю.

— Но ведь достаточно одного толчка, чтобы вызвать взрыв!

— Бутыль прекрасно упакована, господин Фолстен, и я повторяю: бояться нечего.

— Но почему вы не предупредили капитана?

— Да просто потому, что он отказался бы взять бутыль.

Ветер на несколько мгновений стих, и я ничего больше не слышу, но ясно — инженер продолжает настаивать. Руби в ответ только пожимает плечами.

Вскоре до меня доносится продолжение разговора.

— Да, да! Надо предупредить капитана, — настаивает Фолстен, — необходимо бросить бутыль в море. У меня нет охоты взлететь на воздух.

Взлететь на воздух! Я срываюсь с места. Что хочет сказать инженер? На что он намекает? Ведь он не знает положения, не знает, что на «Ченслере» пожар!

Но одно страшное в нашем положении слово заставляет меня подскочить. Это слово, или, вернее, слова «пикрат калия» повторены несколько раз.

В один миг я очутился возле двух собеседников и, сам себе не отдавая отчета в том, что делаю, схватил Руби за шиворот.

— На борту есть пикрат калия?

— Да! — отвечает Фолстен. — Целая бутыль в тридцать фунтов.

— Где?

— В трюме, там же, где и хлопок!

XI

— *Двадцать первое октября. Продолжение.* — Не могу передать, что я почувствовал, услышав ответ Фолстена. То был не ужас, нет, а скорее что-то вроде чувства покорности судьбе! Мне кажется, что все это не столько осложнит положение, сколько может послужить развязкой драмы! И вот я совершенно спокойно иду к Роберту Кертису на бак.

Узнав, что бутыль, содержащая тридцать фунтов пикрата калия, иначе говоря, количество, достаточное, чтобы взорвать целую гору, находится в глубине трюма, в самом очаге пожара, и что «Ченслер» с минуты на минуту может взорваться, Роберт Кертис даже глазом не моргнул, только на лбу у него залегли складки да зрачки расширились.

— Так! — говорит он мне. — Ни слова об этом... Где этот Руби?

— На юте.

— Идемте со мной, господин Казаллон!

Мы отправляемся на ют, где продолжают пререкаться инженер и торговец.

Роберт Кертис подходит прямо к ним.

— Это вы сделали? — спрашивает он Руби.

— Ну да, я, — спокойно отвечает Руби, который думает, что виноват разве только в провозе запрещенного груза.

Мне показалось на одно мгновение, что Роберт Кертис сейчас задушит злосчастного пассажира, не понимающего всей опасности подобного безрассудства. Но помощник капитана сдерживается, и я замечаю, как он закладывает руки за спину, чтобы не поддаться соблазну и не схватить Руби за горло.

Затем начинает спокойно допрашивать торговца. Тот подтверждает мои слова. Среди его товаров находится бутыль, содержащая приблизительно тридцать фунтов взрывчатого вещества.

Руби поступил в данном случае с неосторожностью, присущей, надо признаться, англосаксам, и погрузил взрывчатую смесь в трюм корабля с такой же беспечностью, с какой француз поставил бы туда обыкновен-

ную бутылку вина. И если он не сказал капитану о содержимом бутыли, то лишь потому, что, как ему было хорошо известно, тот отказался бы принять его на борт своего корабля.

— Все это дело выеденного яйца не стоит, — замечает он, пожимая плечами, — если же бутыль вам мешает, прикажите выбросить ее в море! Мой груз застрахован!

При этом заявлении я уже не могу больше сдерживаться, так как не обладаю хладнокровием Роберта Кертиса.

Вне себя от гнева я подбегаю к Руби и, прежде чем помощнику капитана удается меня остановить, кричу:

— Негодяй, разве вы не знаете, что на борту пожар?

Я тут же пожалел об этих словах, но было слишком поздно! Они произвели на Руби потрясающее впечатление. Несчастного охватил панический страх. От ужаса он застыл на месте, волосы стали дыбом, глаза вылезли из орбит, дыхание стало прерывистым, как у астматика, язык онемел. Внезапно пальцы его задвигались, он оглядел палубу «Ченслера», которая с минуты на минуту может взлететь на воздух и, размахивая руками, соскочил с юта, упал, поднялся и начал бегать по кораблю. Тут к нему вернулся дар речи, и с его губ сорвались зловещие слова:

— Пожар, пожар на борту!

Услышав этот крик, на палубу сбегаются все матросы, видимо полагая, что огонь пробился наружу и настала минута спасаться на шлюпках. Появляются также пассажиры, мистер Кир с женой, мисс Херби, оба Летурнера. Роберт Кертис хочет заставить Руби замолчать, но тот от страха потерял рассудок.

Суматоха царит неописуемая. Миссис Кир падает в обморок. Муж не обращает на нее никакого внимания, предоставляя мисс Херби ухаживать за ней. Матросы уже схватили тали, чтобы снять шлюпку и спустить ее на воду.

Я сообщаю Летурнерам то, чего они не знают, а именно, что груз объят пламенем. Взволнованный отец думает только об Андре и прижимает его к себе, словно стараясь защитить. Юноша сохраняет полное

хладнокровие и старается успокоить отца, повторяя, что непосредственной опасности еще нет.

Между тем Роберту Кертису удается с помощью лейтенанта остановить матросов. Он заверяет их, что пожар не усилился, а пассажир Руби потерял голову и сам не знает, что говорит. Он убеждает их не поступать опрометчиво, так как все успеют покинуть корабль, когда это будет необходимо...

Матросы останавливаются, услышав голос помощника капитана, которого любят и уважают. Он добивается от них того, чего капитан Хантли не мог бы добиться, и шлюпка остается на месте.

Большое счастье, что Руби не заикнулся о пикрате калия, находящемся в трюме. Если бы матросы узнали правду, если бы поняли, что «Ченслер» стал вулканом, готовым взорваться у них под ногами, они вышли бы из повиновения и, несмотря на все уговоры, непременно сбежали бы с корабля.

Помощник капитана, инженер Фолстен и я — одни только знаем, как ужасны могут быть последствия пожара, и это должно быть известно только нам.

Едва только порядок восстановлен, мы с Робертом Кертисом отправляемся к Фолстену на ют. Инженер оставался там среди общей паники и, скрестив на груди руки, обдумывал, вероятно, какую-нибудь проблему по механике. Мы просим его не говорить никому ни слова о новом несчастье, вызванном неосторожностью Руби.

Фолстен обещает хранить молчание. Что же до капитана Хантли, которому еще не известен весь ужас нашего положения, то Роберт Кертис сам берется поставить его в известность.

Но прежде всего надо принять меры в отношении Руби, ибо несчастный совершенно лишился рассудка. Он не сознает, что делает, и продолжает бегать по палубе с криками: «Пожар! Пожар!»

Роберт Кертис приказывает матросам схватить пассажира. Руби удается связать, заткнуть ему рот и перенести в каюту, где он будет находиться под постоянным присмотром.

Роковое слово так и не сорвалось с его губ!

XII

— Двадцать второе — двадцать третье октября. — Роберт Кертис все сообщил капитану Хантли; формально он все еще является командиром корабля, от которого нельзя скрывать создавшееся положение.

На это сообщение капитан не ответил ни слова. Проведя рукой по лбу, как человек, который хочет отогнать от себя докучливую мысль, он преспокойно вошел в свою каюту, не сделав никакого распоряжения.

Роберт Кертис, лейтенант, Фолстен и я держим совет, и меня крайне поражает хладнокровие, с которым мы относимся к постигшей нас беде.

Мы обсуждаем все шансы на спасение, и Роберт Кертис говорит под конец:

— Пожар остановить невозможно, жара в носовой части стала невыносимой. Наступит момент, и, вероятно, очень скоро, когда огонь прорвется, наконец, сквозь палубу. Если волнение на море позволит нам воспользоваться шлюпками, то мы еще до этого покинем «Ченслер». Если же бежать с корабля не удастся, мы будем бороться с огнем до последней возможности. Кто знает, не легче ли будет затушить пожар, когда он вырвется наружу? Возможно, что мы скорее одолеем явного врага, чем тайного.

— Я вполне согласен с вами, — спокойно отвечает инженер.

— И я тоже, — говорю я. — Но, господин Кертис, учитываете ли вы, что в глубине трюма находятся тридцать фунтов взрывчатого вещества?

— Нет, господин Казаллон, — это пустяки, и они не в счет! Зачем мне зря беспокоиться? Могу ли я вынуть из горящего груза бутыль с взрывчатым веществом, да еще спустившись в трюм, куда нельзя открыть доступ воздуха. Нет! Об этом и помышлять нечего. Не взорвется ли пикрат калия реньше, чем я закончу эту фразу? Вполне возможно! Огонь либо доберется до него, либо не доберется. Следовательно, то обстоятельство, о котором вы говорите, для меня не существует. Избавить всех нас от ужасного конца — дело бога, а не мое.

Роберт Кертис говорит все это спокойно, серьезно, мы же молча опускаем головы. При таком бурном море спастись бегством нельзя, — значит, надо забыть об этом.

«Взрыв не обязателен, но возможен», — сказал бы формалист.

Такое замечание с прекраснейшим в мире хладнокровием сделал инженер.

— У меня к вам есть вопрос, господин Фолстен, — говорю я тогда. — Может ли пикрат калия воспламениться без предварительного толчка?

— Безусловно, — отвечает инженер. — В обычных условиях пикрат калия воспламеняется так же, как порох. Ergo... [1]

Да, Фолстен сказал «Ergo». Похоже, право, что он читает лекцию по химии.

Мы поднимаемся на палубу. Выходя из кают-компании, Роберт Кертис сжимает мне руку.

— Господин Казаллон, — говорит он, не пытаясь скрыть свое волнение, — «Ченслер» — это корабль, который я так люблю... Видеть, как его пожирает огонь, и быть бессильным, совершенно бессильным!..

— Господин Кертис, ваше волнение...

— Сударь, простите меня, в эту минуту я потерял власть над собой! Вы один видели, как я страдаю. Но этого больше не будет, — добавляет он, стараясь овладеть собой.

— Значит, положение безнадежно?

— Безнадежно, — бесстрастно повторяет Роберт Кертис. — Мы привязаны к мине, фитиль которой зажжен! Остается узнать, долго ли он будет гореть.

Сказав это, Роберт Кертис ушел.

Во всяком случае, ни матросы, ни пассажиры не знают, насколько опасно наше положение.

С тех пор как стало известно о пожаре, мистер Кир занялся отбором наиболее ценных вещей и, конечно, позабыл о жене. Заявив помощнику капитана, что необходимо затушить огонь, он возложил на него ответ-

---

[1] Следовательно *(лат.)*.

ственность за все последствия пожара, удалился в свою каюту в кормовой части судна и больше не показывался. Миссис Кир все время стонет, и, несмотря на свои чудачества, несчастная женщина внушает жалость. Мисс Херби считает себя более чем когда-либо обязанной ухаживать за своей госпожой и проявляет исключительную самоотверженность. Я не могу не восхищаться этой молодой девушкой, для которой долг — это все.

На следующий день, 23 октября, капитан Хантли пригласил своего помощника к себе в каюту, где между ними произошел следующий разговор, который мне и передал Роберт Кертис.

— Господин Кертис, — говорит капитан, блуждающий взгляд которого свидетельствует о помрачении рассудка, — ведь я моряк, не правда ли?

— Да, сударь!

— Так вот, представьте себе, что я позабыл свое дело... Не понимаю, что со мной... но я забываю... не знаю... Разве мы не взяли курс на северо-восток по выходе из Чарлстона?

— Нет, сударь, — отвечает Роберт Кертис, — мы все время шли на юго-восток, согласно вашему приказу.

— Однакоже мы везем груз в Ливерпуль?

— Конечно.

— А как... как называется наш корабль, господин Кертис?

— «Ченслер».

— Ах, да! «Ченслер»... Где он сейчас находится?

— Несколько южнее тропика Рака.

— Так вот, сударь, я не берусь вести его на север... Нет! Не могу... Не хочу выходить из каюты... Вид моря мне противен...

— Надеюсь, сударь, что заботливый уход...

— Да... да! Увидим... позже. А сейчас я дам вам приказ, последний, который вы от меня получите.

— Я вас слушаю.

— Начиная с этой минуты, сударь, я — ничто на борту корабля и вы принимаете его командование... Обстоятельства сильнее меня, не могу больше бороться...

Что-то плохо соображаю и мне очень не по себе, господин Кертис, — добавляет Сайлас Хантли, сжимая лоб обеими руками.

Помощник капитана внимательно вглядывается в того, кто до сих пор командовал кораблем, и ограничивается ответом:

— Хорошо, сударь!

Потом, поднявшись на палубу, он передает мне этот разговор.

— Если этот человек окончательно и не сошел с ума, — говорю я, — то во всяком случае он душевнобольной. Хорошо, что капитан добровольно отказался от командования.

— Я замещаю его в очень тяжелых условиях, — заявляет Роберт Кертис. — Ну что же, я исполню свой долг.

Сказав это, Роберт Кертис подзывает матроса и приказывает вызвать боцмана, который тотчас же является.

— Боцман, — говорит ему Роберт Кертис, — соберите экипаж у грот-мачты.

Через несколько минут все матросы «Ченслера» уже толпятся в назначенном месте.

Роберт Кертис становится среди них.

— Ребята, — говорит он спокойно, — в этом тяжелом для всех нас положении и по причинам, о которых я не хочу говорить, Сайлас Хантли сложил с себя обязанности капитана. С сегодняшнего дня на борту командую я.

Так Роберт Кертис стал капитаном «Ченслера», и это назначение может лишь послужить к общему благу. Теперь во главе экипажа стоит человек решительный и надежный, готовый на все ради нашего спасения. Летурнеры, Фолстен и я тотчас же поздравляем Робе́рта Кертиса, к нам присоединяются лейтенант и боцман.

Корабль продолжает идти на юго-запад, и Роберт Кертис, велев поднять все паруса, стремится поскорее добраться до ближайшего из Малых Антильских островов.

XIII

— *С двадцать четвертого по двадцать девятое октября.* — Все эти пять дней море очень неспокойно. И хотя «Ченслер» идет с попутным ветром и волной, его так и подбрасывает. Находясь на этом горящем брандере, мы не имеем ни минуты покоя и завистливым взглядом созерцаем окружающую нас воду, которая притягивает, завораживает.

— А почему бы не прорубить отверстие в палубе? — спрашиваю я у Роберта Кертиса. — Пусть вода зальет трюм. Велика ли беда, если корабль наполнится водой? Ведь, потушив пожар, можно будет насосами откачать воду!

— Я уже говорил вам и повторяю, господин Казаллон, — отвечает Роберт Кертис, — что едва только воздух проникнет в трюм, как пожар мгновенно распространится и пламя охватит весь корабль от киля до клотика! Мы бессильны что-либо сделать. Бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество ждать.

— Да, герметически заделать все щели — вот единственное средство борьбы с пожаром. Этим-то как раз и занимаются матросы.

Между тем пожар все больше распространяется и, быть может, быстрее, чем мы предполагаем. Стало так жарко, что пассажиры вынуждены искать убежище на палубе и в двух кормовых каютах с большими иллюминаторами; только там и можно еще дышать. Миссис Кир не покидает одну из них, а другую Роберт Кертис предоставил торговцу Руби. Я несколько раз навещал этого несчастного, который совершенно потерял рассудок, и его приходится держать связанным, иначе он разнесет в щепки дверь каюты. Странное дело! В своем безумии он не забыл о пожаре и жалобно стонет, точно в силу какого-то непонятного физиологического явления ощущает настоящие ожоги.

Я не раз заходил также к бывшему капитану. Он вполне спокоен и здраво рассуждает обо всем, кроме мореплавания. Касаясь этого предмета, Сайлас Хантли становится невменяемым. Я предложил больному

поухаживать за ним, но он отказался. Из своей каюты он не выходит.

Сегодня помещение экипажа полно едким, удушливым дымом, который проникает сквозь перегородку. Ясно, что пожар приближается с этой стороны, и, прислушавшись, можно даже расслышать глухое шипение. Но ведь для того, чтобы огонь разгорелся, надо много кислорода. Где же отверстие, которое осталось незамеченным во время наших поисков? Страшная катастрофа близится! Быть может, это вопрос нескольких дней, нескольких часов. А на море, к несчастью, такое волнение, что нечего и думать о том, чтобы спустить шлюпки.

По приказу Роберта Кертиса перегородку покрыли брезентом, который беспрестанно поливают водой. Несмотря на это, дым попрежнему распространяется вместе с влажным горячим воздухом и наполняет носовую часть корабля, где становится невозможно дышать.

Хорошо, что грот-мачта и фок-мачта железные. Не будь этого, они загорелись бы у основания, упали бы на палубу и мы погибли бы.

Роберт Кертис велел поставить все паруса, какие у нас есть, и подгоняемый усилившимся северо-восточным ветром «Ченслер» быстро идет вперед.

Вот уже две недели, как начался пожар, и он разгорается, так как мы бессильны бороться с ним. Управлять судном становится все труднее. Ют не приходится над трюмом, и там еще можно ходить, но зато на палубу невозможно ступить, вплоть до бака, даже в обуви на толстой подошве. Вода больше не охлаждает досок, которые лижет снизу огонь, и они коробятся посредине. Пазы расходятся. Смола плавится, закипает вокруг суков и растекается капризными узорами, следуя крену судна, которое из стороны в сторону швыряют волны.

Вдруг в довершение несчастья ветер резко меняет направление и начинает дуть с такой бешеной силой, что напоминает ураганы, какие бывают иногда в этих местах. Он лишь отдаляет нас от Антильских островов, к которым мы стремимся. Роберт Кертис пытается сопротивляться буре и приводит «Ченслер» к ветру, но

сила ветра так велика, что нам остается спасаться бегством, чтобы избавиться от свирепых валов, особенно страшных, когда они обрушиваются на кормовую часть судна.

Двадцать девятого октября ярость шторма доходит до предела. Волны неистовствуют, обдавая брызгами весь корабль. Спустить шлюпку в море невозможно — она мгновенно затонула бы. Одни из нас спасаются на юте, другие на баке. Смотрим друг на друга, боясь произнести хоть слово.

Мы даже не думаем о бутыли с пикратом калия. Мы забыли об этих «пустяках», как сказал Роберт Кертис. Не пожелать ли, право, чтобы корабль взорвался, — по крайней мере наступит развязка. Говоря об этом, я хочу как можно точнее выразить наше общее чувство. Человек, которому долго угрожает опасность, начинает под конец призывать ее, ибо ожидание неизбежной катастрофы ужаснее самой катастрофы.

Капитан Кертис своевременно позаботился о том, чтобы извлечь продовольствие из камбуза, куда сейчас уже нельзя попасть. От жары и так уже испортилось много провизии, но несколько бочонков с солониной и сухарями, бочонок водки, бочки с водой все-таки вытащили на палубу. Рядом положили несколько одеял, инструменты, компас, запасные паруса, чтобы при первой возможности немедленно покинуть корабль.

В восемь часов вечера, несмотря на вой урагана, слышится громкий треск огня. Доски на палубе поднимаются под напором горячего воздуха, и из-под них вырываются черные клубы дыма, словно пар из-под крышки парового котла.

Матросы бросаются к Роберту Кертису, ожидая его приказаний. У всех одна мысль: бежать с этого вулкана, который вот-вот начнет действовать у нас под ногами!

Роберт Кертис окидывает взглядом океан с его огромными бушующими волнами. К шлюпке, укрепленной посреди палубы, уже нельзя приблизиться, но еще можно использовать лодку, подвешенную у правого борта, и вельбот, висящий на корме корабля.

Матросы бегут к лодке.

— Назад! — кричит Роберт Кертис. — Назад! Иначе мы лишимся последнего шанса на спасение!

Несколько обезумевших матросов во главе с Оуэном все же хотят спустить лодку. Роберт Кертис бросается на ют и, схватив топор, предупреждает:

— Проломлю голову первому, кто дотронется до талей!

Матросы отступают. Одни лезут на ванты. Другие взбираются на марсы.

В одиннадцать часов утра в трюме раздаются громкие взрывы. Это лопаются переборки, открывая путь раскаленному воздуху и дыму. Тотчас же потоки пара вырываются из помещения экипажа, и длинный язык пламени лижет фок-мачту.

Раздаются крики. Миссис Кир, поддерживаемая мисс Херби, торопливо покидает свою каюту, которой угрожает огонь. Затем появляется Сайлас Хантли с черным от дыма лицом и, поклонившись Роберту Кертису, спокойно направляется на корму, поднимается по выбленкам и усаживается на крюйс-марсе.

Увидев Сайласа Хантли, я вспоминаю о другом человеке, оставшемся запертым под ютом, в каюте, к которой, возможно, уже подобрался огонь.

Нельзя же дать погибнуть несчастному Руби! Я спешу к трапу, но сумасшедший уже разорвал свои путы и появляется на палубе с опаленными волосами, в горящей одежде. Без единого крика шагает он по тлеющим доскам, не чувствуя боли от ожогов. Он попадает в клубы черного дыма, но не задыхается. Точно саламандра в образе человека, Руби идет сквозь огонь!

Слышится новый грохот, — это шлюпка разлетелась в щепы; крышка среднего люка вылетает, разодрав брезент, и столб долго сдерживаемого огня взвивается до середины мачты.

В этот момент сумасшедший испускает дикий вопль и с его губ срываются слова:

— Пикрат калия! Пикрат калия! Мы все взорвемся... взорвемся!.. взорвемся!..

И прежде чем кто-либо мог его остановить, он бросается в огненную пучину трюма.

XIV

— *Ночь двадцать девятого октября.* — Эта сцена потрясла нас, и, несмотря на наше отчаянное положение, мы почувствовали весь ее ужас.

Руби не стало, но его последние слова, возможно, будут иметь самые печальные последствия. Матросы слышали, как он кричал: «Пикрат калия». Они поняли, что корабль может с минуты на минуту взлететь на воздух и что им угрожает не только пожар, но и чудовищной силы взрыв.

Несколько матросов, потеряв всякое самообладание, хотят бежать немедленно, бежать любой ценой...

— Лодка! Лодка! — кричат они.

Безумцы, они не видят, не хотят видеть бушующего моря, не понимают, что ни одна лодка не справится с валами, вздымающимися на головокружительную высоту. Ничто не может их удержать, они уже не подчиняются капитану. Роберт Кертис бросается в толпу матросов — напрасно! Оуэн подстрекает товарищей, найтовы отданы, и лодку перекидывают за борт. Следуя движению корабля, она с минуту раскачивается в воздухе, но цепляется за поручень. Матросы не без труда высвобождают ее. Лодка уже почти касается воды, как вдруг чудовищная волна подхватывает ее, относит в сторону и затем с неодолимой силой швыряет о корпус «Ченслера».

Шлюпка и лодка уничтожены, у нас остался только хрупкий и узкий вельбот.

Матросы остолбенели, пораженные ужасом. Слышен лишь свист ветра в снастях да треск и шипение огня. Пожар свирепствует в глубине судна, и потоки почерневшего от сажи пара, вырываясь из люка, столбом поднимаются к небу. С кормы не видно, что делается на носу корабля, так как огненная завеса разделяет «Ченслер» на две части.

Пассажиры и два-три человека из экипажа укрылись в задней части юта. Миссис Кир лежит без сознания на клетках для кур, а мисс Херби сидит подле нее. Господин Летурнер прижимает к груди сына. Нервное возбуждение овладевает мной, и я не в силах с ним

справиться. Инженер Фолстен хладнокровно посматривает на часы и засекает время в блокноте.

Что делается на носу, где, по всей вероятности, находятся лейтенант, боцман и остальной экипаж, нам не видно. Всякое сообщение между двумя половинами корабля прервано, и никто не может пробиться сквозь завесу огня, вырывающегося из центрального люка.

Я подхожу к Роберту Кертису.

— Надежда потеряна? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он. — Теперь, когда люк открыт, мы обрушим туда потоки воды, и, может быть, нам удастся затушить пожар!

— Но как же работать шлангами на горящей палубе, господин Кертис? Как давать приказания сквозь пламя?

Роберт Кертис не отвечает.

— Все погибло? — снова спрашиваю я.

— Нет, нет! — повторяет Роберт Кертис. — Я не отчаюсь до тех пор, пока от «Ченслера» останется хоть одна доска.

Пожар между тем все усиливается. Вода в море приобретает красноватый оттенок. Заревом полыхают облака у нас над головой. Длинные языки пламени вырываются из люков, и нам приходится искать спасения на гакаборте. Миссис Кир кладут в подвешенный вельбот, мисс Херби занимает место рядом с ней.

Какая страшная ночь! Чье перо сумеет описать весь этот ужас!

Разыгравшийся не на шутку ураган раздувает точно огромными мехами этот пылающий костер, и «Ченслер» несется во мраке, похожий на гигантский брандер. Нет иной альтернативы: либо броситься в море, либо погибнуть в пламени!

Так, значит, пикрат калия не взорвется? Огненная бездна не разверзнется под нашими ногами! Руби солгал! В трюме нет взрывчатого вещества!

В половине двенадцатого, когда море разбушевалось не на шутку, среди рева разъяренных стихий слышится характерный треск, которого так боятся моряки, и на носу корабля раздается крик:

— Буруны, буруны с правого борта!

Роберт Кертис вскакивает на борт, окидывает быстрым взглядом белые гребни волн и, повернувшись к рулевому, повелительно кричит:

— Лево на борт!

Слишком поздно... чудовищная волна подхватывает «Ченслер», и мы ощущаем глухой толчок. Корабль ударяется кормовой частью, киль его упирается во что-то твердое, и бизань-мачта, переломившись у основания, падает в море. «Ченслер» недвижим.

XV

— *Продолжение ночи двадцать девятого октября.* — Полночь еще не наступила. Луны нет, кругом кромешная тьма. Мы не знаем, где наш корабль наскочил на риф. Быть может, подгоняемый штормом, он достиг американского берега и с рассветом мы увидим землю?

Я сказал, что, ударившись несколько раз кормой, «Ченслер» остановился. Вскоре на носу слышится грохот цепей, и Роберт Кертис понимает, что якоря отданы.

— Отлично! — говорит он. — Лейтенант с боцманом отдали оба якоря. Надо надеяться, корабль не сорвется.

Я вижу, что Роберт Кертис идет по направлению к границе, переступить которую не позволяет огонь. Он добирается до русленей правого борта, куда как раз кренится корабль, и несколько минут стоит там, несмотря на окатывающие его огромные волны. Он прислушивается. Можно подумать, что среди шума бури он различает какой-то особый звук.

Наконец, Роберт Кертис возвращается на ют.

— Вода вливается в трюм, — говорит он. — Да поможет нам небо! Возможно, она победит огонь!

— Ну, а потом? — спрашиваю я.

— «Потом» — это будущее, господин Казаллон, а оно в руках божьих! Будем думать только о настоящем! — отвечает Роберт Кертис.

Первое, что надо сделать, это испытать насосы, но их нельзя достать среди пламени. Может быть, ко-

рабль получил пробоину и теперь вода заливает огонь. Мне кажется, пожар утихает. Слышится глухое шипение, говорящее о борьбе двух стихий. Без сомнения, трюм наполняется и нижний ряд тюков хлопка уже затоплен. Ну что ж! Пусть вода затушит пожар, а потом мы справимся с ней. Надо надеяться, она окажется менее страшна, чем огонь! Вода — это стихия моряка, и он привык ее побеждать!

До утра остается три часа, ночь тянется бесконечно, и мы ждем рассвета, терзаясь беспокойством. Где мы? Неизвестно. Несомненно одно: буря мало-помалу стихает, ярость волн уменьшается. Повидимому, «Ченслер» налетел на подводную скалу через час после наибольшей высоты прилива, но это трудно определить точно, без предварительных расчетов и наблюдений. Если это так, то есть надежда, что, затушив пожар, мы без труда снимемся с рифа в следующий же прилив.

Около половины пятого утра огненная завеса, отделяющая нос от кормы корабля, понемногу рассеивается, и мы замечаем, наконец, темную группу людей. Это экипаж, укрывавшийся на баке. Скоро сообщение восстанавливается между обеими частями судна, и лейтенант с боцманом перебираются на ют по поручням, так как на палубу невозможно ступить.

Капитан Кертис, лейтенант и боцман совещаются в моем присутствии и приходят к заключению, что не следует ничего предпринимать до утра. Если земля недалеко и волнение немного утихнет, мы достигнем берега на вельботе или на плоту. Если же не видно земли и «Ченслер» потерпел аварию далеко в море, надо постараться снять его с рифа, наскоро починить и добраться до ближайшего порта.

— Трудно угадать, где мы находимся, — говорит Роберт Кертис, мнение которого разделяют лейтенант и боцман, — северо-западный ветер, очевидно, отнес «Ченслер» довольно далеко к югу. Я давно уже не определял высоту солнца, но, насколько я знаю, в этой части Атлантики нет никаких рифов. Возможно, поэтому мы потерпели крушение где-нибудь у берегов Южной Америки.

— Но мы попрежнему находимся под угрозой взрыва, — замечаю я. — Не лучше ли покинуть «Ченслер» и укрыться...

— На этом рифе? — возражает Роберт Кертис. — Но что мы знаем о нем? Не покрывается ли он водой во время прилива? Разве можно его осмотреть в такой темноте? Подождем до утра, там будет видно.

Я немедленно передаю слова Роберта Кертиса остальным пассажирам. В них нет ничего особенно ободряющего, но никто не хочет думать о новой опасности, грозящей кораблю, в том случае, если он, на наше несчастье, налетел на неведомый риф в нескольких стах милях от берега. Мы думаем только об одном: вода теперь работает на нас и успешно борется с пожаром, сводя на нет опасность взрыва.

В самом деле, из люка вместо яркого пламени повалил густой черный дым. Несколько огненных языков еще мелькают среди его темных клубов, но почти тотчас же гаснут. Треск огня сменяется свистом воды, испаряющейся из внутреннего очага пожара. Безусловно, море делает то, чего не могли сделать все наши шланги и ведра, и действительно, чтобы затушить пожар, вспыхнувший среди тысячи семисот тюков хлопка, требовалось по меньшей мере наводнение!

XVI

— *Тридцатое октября.* — Утро уже забрезжило, но туман ограничивает поле зрения. Земли не видно, и все же мы нетерпеливо всматриваемся в западную и южную часть океана.

Вода почти совсем спала. Корабль, который с полным грузом имеет около пятнадцати футов осадки, сидит теперь не глубже чем на шесть футов. Над поверхностью океана торчат там и сям верхушки подводных скал, наверно базальтовых, если судить по их окраске. Каким образом «Ченслер» оказался посреди этих рифов? Очевидно, он был подхвачен огромной волной, что я и почувствовал за несколько мгновений

до аварии. Я изучаю расположение скал, окружающих корабль, и не могу себе представить, как нам удастся выбраться отсюда. «Ченслер» имеет большой диферент на нос, что очень затрудняет передвижение по палубе; кроме того, с тех пор как вода убывает, он стал крениться на левый борт. Роберт Кертис опасался даже, как бы во время отлива корабль не опрокинулся, но крен больше не увеличивается, и в этом отношении бояться нечего.

В шесть часов утра чувствуются сильные толчки. Это бизань-мачта, унесенная волнами, снова приплыла и ударяется о бок «Ченслера». В то же время раздаются крики и слышится несколько раз повторенное имя Роберта Кертиса.

Посмотрев в ту сторону, откуда доносятся крики, мы видим в неясном свете зарождающегося дня человека, вцепившегося в крюйс-марс. Это чудом избежавший смерти Сайлас Хантли, которого увлекла за собой упавшая в море мачта.

Пренебрегая опасностью, Роберт Кертис бросается на помощь своему бывшему капитану и вытаскивает его из воды. Сайлас Хантли, не сказав ни слова, усаживается в самом отдаленном углу юта. Это уже не человек, а какая-то безвольная тень, с ним никто больше не считается.

Наконец, удается подвести бизань-мачту к «Ченслеру» и крепко привязать с подветренной стороны, чтобы она не угрожала больше пробить корпус судна, к тому же этот обломок нам еще, быть может, пригодится.

Теперь, когда достаточно рассвело, туман понемногу рассеивается. Море уже видно на расстоянии более трех миль в окружности, но нигде нет ничего похожего на берег. Гряда рифов с милю длиною тянется с юго-запада на северо-восток. На севере, не более чем в двухстах саженях от «Ченслера», выступает из воды островок неправильной формы. Это не что иное, как причудливое нагромождение скал, футов в пятьдесят высотой, и море, наверно, не покрывает их даже в самый сильный прилив. Мы сможем в случае

необходимости добраться до этого острова по узкой отмели, обнажающейся при низкой воде.

Вдали море снова принимает темную окраску. Глубина там большая и гряда рифов кончается.

Огромное разочарование овладевает всеми. Действительно, можно опасаться, что за этими бурунами нет никакой земли.

Уже семь часов, — стало совсем светло, и туман исчез. Четко вырисовывается линия горизонта, но океан пустынен — кругом лишь вода и небо.

Роберт Кертис безмолвно, напряженно обозревает океан, взгляд его подолгу задерживается на западной части горизонта. Мы с господином Летурнером стоим рядом, ловим малейшее его движение и ясно читаем мысли, вихрем проносящиеся в голове капитана. Его удивление велико. Ведь он считал, что корабль находится вблизи земли, ибо со времени поворота у Бермудских островов мы неизменно шли на юг. А между тем никакой земли не видно.

Роберт Кертис покидает ют, пробирается по борту до грот-вант, поднимается по выбленкам и ловко влезает на брам-стеньгу. Оттуда он несколько минут старательно осматривает бескрайнее водное пространство, потом, схватившись за один из бак-штагов, соскальзывает вниз и возвращается к нам.

Мы смотрим на него вопрошающим взглядом.

— Земли не видно! — холодно отвечает он на наш немой вопрос.

Подходит мистер Кир и спрашивает раздраженно:

— Где мы находимся, сударь?

— Не знаю, — отвечает Роберт Кертис.

— Вы должны это знать, — глупо заявляет торговец нефтью.

— Пусть так! Но я все же не знаю!

— Так имейте в виду, — продолжает мистер Кир, — что я не намерен вечно торчать на вашем корабле, сударь, и требую, чтобы вы продолжали путь!

Роберт Кертис лишь пожимает плечами.

Потом, обернувшись ко мне и Летурнеру, говорит:

— Если покажется солнце, я определю его высоту, тогда мы узнаем, в какое место Атлантического океана нас забросила буря.

И Роберт Кертис дает распоряжение выдать съестные припасы пассажирам и экипажу, в чем мы очень нуждаемся, так как истощены усталостью и голодом. Мы едим сухари с консервированным мясом. Затем капитан, не теряя ни минуты, начинает изыскивать средства, чтобы снять корабль с рифа.

Пожар значительно уменьшился, и огонь уже не вырывается наружу. Дым стал не такой густой, хотя он все еще черен, как сажа. Очевидно, в трюме «Ченслера» много воды, но в этом убедиться нельзя, ибо по палубе попрежнему невозможно ходить.

Роберт Кертис приказывает поливать тлеющие доски, и через два часа матросы могут спуститься на палубу.

В первую очередь приступают к измерению воды в трюме. Этим делом занимается боцман. Оказывается, уровень ее достигает пяти футов, но капитан не дает приказа пустить в ход насосы, так как хочет, чтобы вода завершила свое дело. Сначала надо покончить с пожаром, потом с водой.

Не лучше ли, однако, немедленно покинуть корабль и искать пристанища на скалистом островке? Но капитан не согласен с этим, так же как лейтенант и боцман. И они правы, ведь при сильном волнении нельзя будет оставаться на этих скалах, даже на самых высоких из них, ибо валы все с них сметут. Что касается взрыва, то опасность его тоже значительно уменьшилась. Вода, несомненно, наполнила ту часть трюма, в которой находятся товары Руби, а следовательно и бутыль с пикратом калия. Итак, решено, что никто не покинет «Ченслера». Мы тут же устраиваем на юте нечто вроде лагеря, причем несколько уцелевших от пожара матрацев предоставлены двум женщинам. Матросы, которым удалось сберечь свои вещевые мешки, тащат их на бак. Здесь они и располагаются, так как их помещение не пригодно для жилья.

Какое счастье, что повреждения в камбузе не очень велики и большую часть продуктов, а также бочки

с водой, удалось спасти! Склад запасных парусов, расположенный на носу, тоже остался нетронутым.

Наконец-то наши испытания как будто подходят к концу! Хочется этому верить, тем более что с утра ветер значительно упал и в открытом море стало немного спокойнее. Это очень хорошо, ибо волны могли бы в щепы разнести «Ченслер» о твердые базальтовые скалы.

Мы с Летурнерами долго беседовали об офицерах и матросах и об их поведении перед лицом опасности. Все они проявили мужество и решительность. Особенно отличились лейтенант Уолтер, боцман и плотник Даулас. Да, у нас на корабле есть славные люди и хорошие моряки, на которых можно положиться. О Роберте Кертисе не приходится и говорить. Сегодня, как и всегда, он полон энергии, всюду поспевает, ничто не застает его врасплох. Капитан воодушевляет матросов словом и делом, он — душа всего экипажа, который беспрекословно ему повинуется.

Между тем в семь часов утра вода начала прибывать. Сейчас одиннадцать часов, и все гребни рифов уже скрылись в волнах. Как и следовало ожидать, вместе с приливом стал повышаться уровень воды в трюме «Ченслера». Вскоре лот показывает девять футов, значит затоплены новые ряды тюков хлопка, с чем нас можно только поздравить.

С тех пор как наступил прилив, большая часть скал, окружающих «Ченслер», исчезла под водой. Видны только очертания маленького круглого бассейна диаметром в двести пятьдесят — триста футов, в северном углу которого находится «Ченслер». Море здесь довольно спокойно, и волны не доходят до корабля. При неподвижности нашего судна это — большое счастье, так как иначе валы разбивались бы о него, как об утес.

Наконец, в половине двенадцатого весьма кстати показалось солнце, которое с десяти часов скрывалось за облаками. Капитан еще ранним утром успел вычислить часовой угол и теперь готовится определить меридиональную высоту, чтобы в полдень сделать точную обсервацию.

Затем он удаляется в свою каюту, вычисляет координаты корабля и, возвращаясь на ют, говорит нам:

— Мы находимся на восемнадцатом градусе пятой минуте северной широты и сорок пятом градусе пятьдесят третьей минуте западной долготы.

Капитан тут же разъясняет положение судна тем, кто мало знаком с долготами и широтами. Роберт Кертис прав, что ничего не хочет скрывать. Он за то, чтобы каждый из нас уяснил себе положение.

«Ченслер» потерпел аварию на 18° 5′ северной широты и 45° 53′ западной долготы, наскочив на риф, не обозначенный на карте. Спрашивается, как до сих пор могли не знать о существовании рифов в этой части Атлантического океана? Повидимому, наш островок появился сравнительно недавно. Не вулканического ли он происхождения? Не знаю, как можно иначе объяснить его возникновение.

Как бы то ни было, а островок находится по крайней мере в восьмистах милях от Гвианы, то есть от ближайшей к нам земли, — вот что совершенно точно показывают вычисленные Робертом Кертисом координаты.

«Ченслер», таким образом, отклонился к югу вплоть до восемнадцатой параллели, сначала из-за безрассудного упрямства Сайласа Хантли, а потом по причине штормового северо-западного ветра, от которого он вынужден был спасаться бегством. Значит, ему надо еще пройти более восьмисот миль прежде, чем он достигнет ближайшего берега.

Положение серьезное, но все, что нам сказал капитан, не слишком нас расстроило, во всяком случае в данный момент. Какие опасности могут нас испугать теперь, когда мы только что избежали угрозы пожара и взрыва? Совершенно забывается, что трюм «Ченслера» заливает водой, что земля далеко, что, выйдя снова в море, корабль может затонуть в пути... Мы еще находимся под впечатлением пережитых ужасов и, немного успокоившись, склонны верить в благополучный исход плавания.

Что сейчас предпримет Роберт Кертис? Очевидно, то, чего требует здравый смысл: надо окончательно

потушить пожар, выбросить в море весь груз или часть его, не позабыв о бутыли с пикратом калия, заделать течь и воспользоваться приливом, чтобы как можно скорее покинуть риф.

XVII

— *Тридцатое октября. Продолжение.* — Я беседовал с господином Летурнером о нашем положении. Помоему, если все сложится хорошо, мы недолго останемся сидеть на рифе, но Летурнер, повидимому, не разделяет моего оптимизма.

— А я, напротив, очень боюсь, — ответил он, — как бы нам не пришлось надолго задержаться на этих скалах!

— Но почему? Выбросить за борт несколько сотен тюков хлопка не так уж трудно и долго, — эту работу можно сделать за два-три дня.

— Разумеется, господин Казаллон, выбросить тюки — дело нехитрое. Но ведь проникнуть в трюм «Ченслера» нельзя, там нечем дышать, и, пожалуй, раньше как через несколько дней туда не попадешь, раз груз еще горит в середине. И сможем ли мы вообще продолжать плавание, даже когда потушим пожар? Нет! Надо еще заделать течь, очевидно порядочную, и заделать очень тщательно, чтобы не пойти ко дну после того, как мы чуть не погибли в огне? Нет, господин Казаллон, я не строю себе иллюзий и почел бы за счастье, если бы нам удалось покинуть этот риф через три недели. И дай-то бог, чтобы буря не разыгралась прежде, чем мы выйдем в море. Иначе «Ченслер» разобьется, как скорлупка, об этот риф, который станет нашей могилой!

В самом деле, такова наибольшая опасность, которая нам сейчас угрожает. Пожар мы потушим, пробоину, надо думать, заделаем, но ведь мы зависим от милости ветра. Пусть даже мы спасемся от бури, взобравшись на вершину скалы, но что станется с пассажирами и экипажем, если корабль разобьется о скалы?

— Доверяете ли вы Роберту Кертису, господин Летурнер? — спрашиваю я.

— Безусловно, и считаю милостью божьей, что наш прежний капитан передал ему командование судном. Я уверен, что Роберт Кертис сделает решительно все, чтобы найти выход из нашего трудного положения.

Когда спрашиваешь капитана, долго ли продлится вынужденная стоянка «Ченслера», он неизменно отвечает, что ничего пока не может сказать, все зависит от обстоятельств, но он надеется, что погода не испортится. И действительно, барометр неуклонно поднимается, указывая на отсутствие атмосферических колебаний. А это верный признак продолжительного безветрия и счастливое предзнаменование для предстоящих нам работ.

Время еще не ушло, и все мы энергично принимаемся за дело.

Роберт Кертис хочет прежде всего окончательно потушить огонь, который еще тлеет над уровнем воды, залившей трюм.

О спасении груза не стоит и помышлять. Поэтому остается только одно: затушить огонь, залив его сверху водой. И вот снова прибегают к шлангам.

Матросы вполне справляются с работой без посторонней помощи. Пассажиров пока не привлекают, хоть все мы готовы предложить свои услуги, и ими не придется пренебрегать, когда вопрос станет о разгрузке корабля. В ожидании этого мы с Летурнером занимаемся беседой, чтением, а я, кроме того, посвящаю несколько часов своему дневнику. Инженер Фолстен, человек малообщительный, он либо погружен в цифры, либо чертит эпюры машин с планом, разрезами и видом снизу. Дай-то бог, чтобы он изобрел какой-нибудь мощный механизм, который помог бы снять «Ченслер» с рифов! Что касается супругов Кир, то они держатся в стороне, не докучая нам своими бесконечными пререканиями; к несчастью, мисс Херби вынуждена оставаться с ними, и мы видим молодую девушку очень мало, а то и совсем не видим. Сайлас Хантли ни во что не вмешивается. Моряк в нем умер, а как человек

он не живет, а прозябает. Буфетчик Хоббарт исполняет свои обязанности так, словно на корабле ничего не случилось и он идет обычным курсом.

Хоббарт — личность до приторности угодливая. Он очень скрытен, и у него бывают вечные раздоры с поваром Джинкстропом — грубым, уродливым и нахальным негром, который слишком много времени проводит с остальными матросами.

Итак, развлечений на борту очень мало. К счастью, мне пришла в голову мысль исследовать незнакомый риф, на который наткнулся «Ченслер». Прогулка не обещает быть ни долгой, ни интересной, но это единственная возможность хоть на несколько часов покинуть корабль и изучить островок, происхождение которого, несомненно, очень любопытно.

Кроме того, очень важно снять план рифа, не обозначенного на картах. Я думаю, что мы с Летурнерами вполне справимся с этой гидрографической задачей, предоставив Роберту Кертису дополнить ее точными координатами островка.

Мое предложение поддержано Летурнерами. Нам предоставляют вельбот, и, захватив с собой гирю и лотлинь, мы покидаем «Ченслер» 31 октября утром в сопровождении лишь одного матроса-гребца.

XVIII

— *С тридцать первого октября по пятое ноября.* — Прежде всего мы обошли вокруг островка, имеющего около четверти мили в длину.

Это маленькое «кругосветное путешествие» быстро закончено, и с лотом в руках мы устанавливаем, что берега островка почти отвесно обрываются у воды. Глубина здесь очень велика и не подлежит сомнению, что островок — результат внезапного поднятия морского дна, вызванного действием плутонических сил.

Словом, происхождение островка, несомненно, вулканическое. Куда ни кинешь взгляд, всюду видны базальтовые глыбы, словно старательно уложенные ру-

кою человека и своей правильной призматической формой напоминающие гигантские кристаллы.

Море вокруг так изумительно прозрачно, что легко различить основание этого любопытного надводного сооружения, тоже состоящее из сросшихся между собою базальтовых призм.

— Что за странный островок! — восклицает господин Летурнер. — И безусловно недавнего происхождения!

— Ты прав, отец, — подтверждает Андре. — Замечу только, что этот утес образовался так же, как островок Джулия у берегов Сицилии и группа островов Санторин в Эгейском море. Природа словно нарочно создала его для того, чтобы он послужил пристанищем «Ченслеру».

— Повидимому, здесь недавно произошло поднятие морского дна, — вмешиваюсь я в разговор, — ибо этот риф не обозначен даже на новейших картах. Не заметить же моряки его не могли, так как пути многих кораблей пересекают эту часть Атлантического океана. Давайте же получше исследуем островок и сообщим о нем мореплавателям.

— А не исчезнет ли он так же внезапно, как и появился? — замечает Андре Летурнер. — Вы же знаете, господин Казаллон, что острова вулканического происхождения весьма недолговечны. Едва наш остров нанесут на карту, как от него, быть может, не останется и следа.

— Неважно, сынок, — возражает господин Летурнер, — лучше указать людям на несуществующую опасность, чем позабыть о вполне реальной угрозе. Уверяю тебя, моряки не вправе будут жаловаться, если не найдут больше рифа там, где мы его обозначим!

— Твоя правда, отец, — отвечает Андре, — ведь не исключена возможность, что островок просуществует столько же, сколько и материки. Но если ему суждено исчезнуть, пусть это произойдет через несколько дней. Капитан Кертис успеет как раз исправить все повреждения, и вместе с тем ему не придется снимать корабль с рифа.

— Право, Андре, — шутливо восклицаю я, — вы собираетесь самовластно распоряжаться природой. Вы желаете, чтобы она воздвигала и уничтожала острова по вашему усмотрению, ради ваших удобств! Создав риф, чтобы помочь затушить пожар на «Ченслере», она по мановению вашей палочки должна опустить его на дно океана и таким образом освободить корабль.

— Ничего я не хочу, господин Казаллон, — отвечает, улыбаясь, молодой человек, — кроме одного — возблагодарить бога за его несомненную помощь. Ему угодно было забросить наш корабль на эту подводную скалу, и он же спустит его на воду, когда придет время.

— А мы со своей стороны приложим все усилия, чтобы помочь самим себе, не так ли, друзья?

— Да, господин Казаллон, — серьезно отвечает господин Летурнер, — ведь люди должны сами себе помогать. Однако Андре прав, доверяясь богу. Конечно, пускаясь в дальнее плавание, человек проявляет все те качества, которыми одарила его природа. Но среди безграничного океана, среди бушующих стихий он чувствует, насколько хрупко его суденышко и как сам он слаб и беспомощен! Поэтому я думаю, что у моряка должен быть такой девиз: «Уверенность в себе, вера в бога!»

— Вполне разделяю ваше мнение, сударь, — замечаю я, — по-моему, мало найдется моряков, для которых не существует бога!

Беседуя так, мы тщательно исследуем основание островка и все более убеждаемся в том, что он возник совсем недавно. В самом деле, на базальтовых скалах не видно ни одной ракушки, ни единого пучка водорослей. Любитель естественной истории не стал бы затрачивать время на исследования этого нагромождения камней, где отсутствуют флора и фауна, где не найдешь ни моллюсков, ни водорослей. Ветер не занес еще сюда ни единого семечка, и морские птицы никогда не залетали сюда. Один только геолог мог бы обнаружить интересный для изучения материал, исследуя эти базальтовые глыбы, сохранившие еще следы своего вулканического происхождения.

Наш вельбот как раз возвращается к южному мысу островка, где потерпел аварию «Ченслер». Я предлагаю своим спутникам сойти на берег, и они охотно соглашаются.

— Если островку суждено исчезнуть, — смеясь, говорит Андре, — пусть на него хоть раз ступит нога человека!

Лодка причаливает, и мы выходим на берег. Андре опережает нас: в этом месте скат довольно пологий, и молодой человек может идти без посторонней помощи.

Отец Летурнер остается позади, рядом со мной, и мы поднимаемся по очень удобному склону на самую большую скалу.

Через четверть часа мы уже наверху и все трое садимся отдохнуть на базальтовую призму — это самая высокая точка островка. Андре Летурнер достает из кармана записную книжку и начинает зарисовывать островок, который очень четко выделяется на зеленом фоне моря.

На небе ни облачка. Отлив только что обнажил последние рифы, образующие на юге узкий канал, по которому и прошел «Ченслер» перед тем, как наскочить на подводную скалу.

Форма островка довольно странная и очень напоминает окорок. Мы находимся как раз там, где этот окорок утолщается.

Едва только Андре зарисовал очертания островка, как его отец восклицает:

— Ведь ты нарисовал окорок, сынок!

— Да, отец, — отвечает Андре, — окорок из базальта, размеры которого порадовали бы Гаргантюа. Если только капитан Кертис согласится, мы назовем этот риф Хэм-Рок[1].

— Удачное название, — говорю я, — риф Хэм-Рок! Но пусть мореплаватели не слишком приближаются к нему, надо иметь крепкие зубы, чтобы отведать этакой ветчинки.

«Ченслер» наскочил на южную оконечность островка, то есть на ножку окорока, и находится в

[1] Ветчинный риф *(англ.)*.

маленькой бухточке, образованной ее загнутым концом. Нос у корабля опущен, и он сильно кренится, ибо вода сейчас сильно спала.

Как только набросок Андре Летурнера закончен, мы идем обратно по другому склону утеса, полого спускающемуся к западу, и скоро нашим взорам открывается красивый грот. При взгляде на него можно, право, подумать, что это одно из тех чудесных произведений, которые природа создала на Гебридах и особенно на острове Стаффа. Летурнеры, посетившие Фингалову пещеру, говорят, что наш грот — точная ее копия, только в миниатюре. Те же призматические глыбы, образовавшиеся в результате охлаждения базальтов; тот же черный готический свод с желтыми орнаментами; та же чистота рисунка призматических граней, которые ни один архитектор не мог бы обтесать лучше. Наконец, тот же мелодичный шум ветра, эхом отдающийся в базальтовых глыбах, который древние кельты приписывали игре на арфах неких таинственных теней. Но если в гроте на острове Стаффа под ногами струится вода, то наш грот целиком вымощен тем же крепким базальтом, и волны заливают его лишь в сильную бурю.

— Есть еще одно различие, — замечает Андре Летурнер, — если грот на острове Стаффа — великолепный готический собор, то наш грот — всего лишь придел в этом соборе! Ну, кто бы мог подумать, что на неизвестном рифе, затерянном среди океана, встретится такое чудо природы?

Отдохнув около часа на Хэм-Роке, мы возвращаемся по берегу островка на «Ченслер». Сообщаем Роберту Кертису о своих открытиях, и он наносит островок на корабельную карту под наименованием, которое дал ему Андре Летурнер.

С тех пор мы не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать на Хэм-Роке и не провести там нескольких приятных часов. Роберт Кертис также посетил островок, но он слишком озабочен и не уделил должного внимания красотам грота, Фолстен съездил туда один раз, чтобы исследовать природу скал и отколоть несколько кусков базальта с бесцеремонностью

геолога. Мистер Кир не пожелал двинуться с места и все время провел на корабле. Я предложил как-то миссис Кир сопутствовать нам, но она боялась, что переезд на вельботе ее утомит, и отказалась.

Господин Летурнер спросил со своей стороны мисс Херби, не хочется ли ей осмотреть островок. Молодая девушка чуть было не согласилась, радуясь возможности избавиться хотя бы на час от тирании своей капризной хозяйки, но, когда она обратилась к миссис Кир за разрешением, та отказала ей наотрез.

Я был возмущен поведением миссис Кир и вступился за ее компаньонку. Дело обошлось не без борьбы, но, так как мне приходилось оказывать небольшие услуги эгоистической даме и я могу еще пригодиться в будущем, она уступила под конец моим настояниям.

Мисс Херби несколько раз сопровождала нас во время этих прогулок. Мы ловим рыбу на побережье островка и весело завтракаем в гроте, слушая, как звучат от дуновения ветерка невидимые арфы. И мы поистине счастливы, видя, как радуется вырвавшаяся на свободу мисс Херби. Конечно, островок мал, но ничто в мире еще не казалось таким большим и прекрасным молодой девушке. Мы тоже полюбили этот голый риф, и вскоре на нем не осталось ни одного неизвестного нам камня, ни одной неисследованной расселины. По сравнению с палубой «Ченслера» это — целый мир, и я уверен, что в минуту отъезда мы покинем островок не без грусти.

Кстати, Андре Летурнер сообщил нам, что остров Стаффа принадлежит семейству Мак-Дональда, которое сдает его в аренду за двенадцать фунтов стерлингов [1] в год.

— А как вы думаете, господа, — спросила мисс Херби, — можно бы сдать в аренду наш островок больше чем за полкроны?

— За него и пенни не дадут, мисс, — сказал я смеясь. — Уж не вы ли намерены арендовать его?

— Нет, что вы, господин Казаллон, — ответила

---

[1] Триста франков. *(Прим. автора.)*

молодая девушка, подавляя вздох, — а между тем это может быть единственное место, где я была счастлива!

— И я тоже! — прошептал Андре.

Сколько скрытой боли чувствуется в словах мисс Херби! Несчастная сирота, не имеющая ни родных, ни друзей, нашла проблеск счастья лишь на этом неведомом рифе посреди Атлантического океана!

XIX

— *С шестого по четырнадцатое ноября.* — В первые пять дней после аварии из трюма «Ченслера» вырывался густой едкий дым, потом он понемногу стал редеть, и 6 ноября можно уже считать, что пожар прекратился. Из предосторожности Роберт Кертис приказывает по-прежнему накачивать воду в трюм, так что корпус судна залит теперь чуть ли не до межпалубного пространства. Только во время отлива вода в трюме убывает, понижаясь до уровня моря.

— Раз вода вытекает так быстро, значит пробоина получилась большая, — говорит мне Роберт Кертис.

И в самом деле, пробоина в корпусе оказалась не менее четырех квадратных футов. Один из матросов, Флейпол, нырнув при низкой воде, определил место и размеры повреждения. Течь открывается в тридцати футах от руля; три доски обшивки выбиты при ударе приблизительно на два фута выше килевого шпунта. Огромная сила толчка объясняется не только штормом, бушевавшим тогда на море, но и значительной осадкой судна. Даже удивительно, что корпус не был проломлен в нескольких местах. Что же касается течи, то пока еще невозможно сказать, легко ли удастся ее заделать. Для этого надо вытащить или переместить груз, чтобы дать плотнику осмотреть поврежденное место. Но пройдет еще дня два прежде, чем можно будет проникнуть в трюм и вытащить оттуда тюки хлопка, уцелевшие от огня.

А пока что Роберт Кертис трудится не покладая рук, и матросы усердно следуют его примеру. Выполнен ряд важных работ.

Так, капитан приказал поставить упавшую во время аварии бизань-мачту, которую удалось втащить на риф вместе со всем такелажем. С помощью установленных на корме кранов мачта поднята на борт судна. Плотник Даулас мастерски приделал ее к прежнему основанию. Обе сломанные части крепко-накрепко соединены железными болтами.

Вслед за этим матросы тщательно пересмотрели все снасти, заново натянули ванты, фордуны и штаги, сменили несколько парусов, привели в порядок бегучий такелаж, и теперь можно спокойно продолжать плавание.

Есть еще много работы на корме и на носу «Ченслера», ибо ют и помещение экипажа сильно пострадали от огня; необходимо все отремонтировать заново, а это потребует времени и труда. Времени у нас достаточно, есть и рабочие руки, и мы скоро сможем опять занять свои каюты.

Только восьмого числа удалось приступить к разгрузке «Ченслера». Так как во время прилива груз покрывается водой, у люков устанавливают тали, и мы помогаем матросам вытаскивать из трюма тяжелые тюки хлопка, по большей части совершенно испорченные. Их грузят по одному в вельбот и перевозят на риф.

Когда верхний слой тюков выгружен, приходится подумать о том, чтобы откачать, хотя бы частично, наполняющую трюм воду. Для этого необходимо прежде всего как можно скорее заделать пробоину. Это трудное дело, но боцман и матрос Флейпол превосходно справляются с ним. Во время отлива они ныряют в море под корму корабля, добираются до пробоины и забивают отверстие медным листом. Но так как лист может не выдержать напора снаружи, когда вода из трюма будет выкачена, Роберт Кертис приказывает навалить тюки хлопка на поврежденное место. В материале нет недостатка, и вскоре все дно «Ченслера» как бы вымощено тяжелыми водонепроницаемыми тюками, благодаря чему, надо надеяться, медный лист будет держаться крепче.

Все удалось как нельзя лучше. И едва заработали насосы, уровень воды в трюме стал мало-помалу сни-

жаться, что дало возможность продолжать разгрузку.

— Нам, вероятно, удастся подойти вплотную к пробоине и заделать течь изнутри, — говорит нам Роберт Кертис. — Конечно, лучше всего было бы положить судно на бок и сменить доски обшивки, но мы не можем предпринять такой сложный ремонт, к тому же я боюсь, как бы не испортилась погода. Если корабль будет лежать на боку, его погубит первый же налетевший шквал. Все же я ручаюсь, что течь будет прочно заделана и вскоре мы попытаемся достигнуть берега, не подвергая себя слишком большой опасности.

После двух дней упорной работы выкачали почти всю воду и закончили выгрузку хлопка. Пассажирам пришлось в свою очередь взяться за насосы, чтобы помочь матросам, и мы добросовестно справились с делом. Андре Летурнер работал вместе со всеми, несмотря на хромоту, и каждый из нас выполнил долг по мере своих сил.

Все же это утомительное дело, и мы не можем долго откачивать воду, не отдыхая. Руки и поясница скоро устают от бесконечного подымания и опускания ручки насоса, и я понимаю, почему матросы питают отвращение к этой работе. А ведь надо сознаться, что мы находимся в благоприятных условиях, поскольку судно стоит на месте и у нас нет под ногами бездны океана. Мы не защищаем свою жизнь от угрожающего нам моря, не боремся с водой, которая вновь заливает судно по мере того, как ее выкачивают. Дай-то бог, чтобы мы никогда больше не подверглись подобному испытанию на тонущем корабле.

XX

— *С пятнадцатого по двадцатое ноября.* — Сегодня удалось осмотреть трюм, где и была, наконец, обнаружена бутыль с пикратом калия. Она находилась близ кормы, куда, к счастью, еще не дошел пожар. Бутыль цела и невредима, даже содержимое не попорчено водой. Ее спрятали в надежном месте на дальнем краю

островка. Но почему было тут же не бросить взрывчатое вещество в море? Не знаю, но, как бы то ни было, бутыль не бросили.

Роберт Кертис и Даулас установили при осмотре, что палуба и поддерживающие ее бимсы пострадали гораздо меньше, чем предполагалось. От сильного жара толстые крепкие доски и поперечные брусья лишь покоробились, — очевидно, огонь обрушился главным образом на корпус «Ченслера».

В самом деле, внутренняя обшивка корабля выгорела на большом пространстве. То там, то тут торчат обугленные концы нагелей, и, к несчастью, очень серьезно пострадал набор корабля. Пенька в торцовых и продольных швах усохла, и просто чудо, что корабль до сих пор не развалился.

Нельзя не признать, что все это очень неприятно. «Ченслер» получил такие повреждения, которые нашими средствами невозможно исправить, тем более что кораблю предстоит еще долгое плавание.

Понятно, что капитан и плотник возвращаются с осмотра очень озабоченные. Повреждения настолько серьезны, что, будь Роберт Кертис на острове, а не на утесе, который море грозит залить каждую минуту, он, не колеблясь, разобрал бы судно, чтобы построить из него другое, поменьше, но более надежное.

Однако Роберт Кертис быстро принимает решение и собирает всех — матросов и пассажиров — на палубе.

— Друзья мои, — говорит он, — авария гораздо значительнее, чем мы предполагали, корпус «Ченслера» сильно поврежден. Вместе с тем у нас нет ни возможности, как следует починить судно, ни времени, чтобы построить новое, так как при первом шторме нас смоет с этого островка. Вот почему я предлагаю сделать следующее: заделать как можно лучше течь и добраться до ближайшей земли. Мы находимся лишь в восьмистах милях от порта Парамарибо на северном берегу голландской Гвианы и при благоприятной погоде будем там через десять — двенадцать дней.

Ничего другого не оставалось делать, и предложение Роберта Кертиса было единодушно принято.

Даулас со своими помощниками тотчас же принялся заделывать течь и укреплять насколько возможно шпангоуты, поврежденные огнем. Ясно, однако, что «Ченслер» не выдержит длительного перехода и с него придется сойти в первом же порту.

Плотник конопатит также внешнюю обшивку судна в тех местах, которые обнажаются во время отлива, но он ничего не может сделать с частью, неизменно скрытой под водой, и вынужден ограничиться там внутренним ремонтом.

Работы заканчиваются 20 ноября. Сделав все, что в человеческих силах для восстановления корабля, Роберт Кертис решает в тот же день выйти в море.

Нечего и говорить, что как только выбросили груз и выкачали воду из трюма, «Ченслер» сошел с рифа и оставался на поверхности воды даже в часы отлива. Из предосторожности, чтобы корабль не прибило к рифу, с носа и кормы были отданы якоря. «Ченслер» стоял в маленькой естественной гавани, справа и слева защищенный скалами, которые море не покрывает даже при полной воде. В самой широкой части этой гавани «Ченслер» мог поворачиваться по ветру, причем этот маневр облегчался прикрепленными к рифу перлинями. В данный момент корабль был обращен носом к югу.

По всей вероятности, вывести «Ченслер» в открытое море будет нетрудно. Надо либо поднять паруса при благоприятном ветре, либо дотащить судно на буксире до конца пролива при противном ветре. Встретятся, конечно, и некоторые трудности, которые надо будет преодолеть.

В самом деле, вход в пролив преграждает подводная скала, и даже при полной воде глубина там едва ли достаточна для теперешней осадки «Ченслера». Если он и прошел над этой плотиной перед катастрофой, то, повторяю, потому, что его поднял огромный вал и перебросил в естественную гавань, о которой я уже говорил. К тому же в тот день наблюдался исключительно сильный прилив, один из тех, что бывает в периоды равноденствия, и раньше нескольких месяцев он не повторится.

Само собой разумеется, что Роберт Кертис не согласится ждать несколько месяцев. Сегодня полнолуние, и вода высока; следует воспользоваться этим, вывести корабль из гавани и, нагрузив его балластом, чтобы он устойчиво держался под парусами, пуститься в дальний путь. Ветер как раз благоприятный, северо-восточный. Дует он по направлению к проливу. Однако капитан поступает совершенно правильно, не желая пускаться на всех парусах навстречу препятствию, на которое может наскочить корабль, прочность которого теперь оставляет желать лучшего. И вот, посоветовавшись с лейтенантом Уолтером, боцманом и плотником, Роберт Кертис приказывает тащить «Ченслер» на буксире. Один якорь отдают с кормы на случай, если маневр не удастся и придется возвращаться обратно, два других выносят за пролив, длина которого не превышает двухсот футов. Цепи наматываются на вал брашпиля, у которого работает весь экипаж, и в четыре часа пополудни «Ченслер» начинает двигаться по направлению к проливу.

В двадцать три минуты пятого прилив достигнет наивысшей точки. Остается еще десять минут. «Ченслер» протащили так далеко, как только позволяет его осадка, но вот передняя часть киля поднялась на подводную скалу, и корабль остановился.

И теперь, когда форштевень «Ченслера» преодолел препятствие, Роберт Кертис решает присоединить силу действия ветра к механической силе брашпиля и велит поставить верхние и нижние паруса.

Однако пора! Море не шелохнется. Матросы и пассажиры работают у брашпиля. Летурнеры, Фолстен и я стоим на правом борту, у насоса. Роберт Кертис на юте наблюдает за парусами, лейтенант дежурит на баке, боцман у руля.

«Ченслер» несколько раз вздрагивает, прилив слегка приподнимает его. Море, к счастью, спокойно.

— Ну, друзья, — кричит Роберт Кертис своим спокойным решительным голосом, — дружно, разом... вперед!

Брашпиль вновь начинает работать. Слышно позвякивание цепей. Проходя через клюзы, они постепен-

но натягиваются. Ветер крепчает, и, так как корабль не может развить нужную скорость, мачты гнутся под напором парусов. Проходим футов двадцать. Один из матросов запевает громкую песню, под которую легче становится работать. Мы удваиваем усилия, корпус «Ченслера» дрожит...

Напрасные старания! Прилив начинает спадать. Мы не пройдем.

Однако «Ченслер» не может оставаться на подводной скале во время отлива, он потеряет равновесие и переломится надвое. По приказу капитана быстро убирают паруса, кормовой якорь должен немедленно сослужить нам службу. Терять нельзя ни минуты. Корабль тянется назад, и все замирают в страшной тревоге... Но «Ченслер» плавно скользит килем по подводной скале и возвращается обратно в маленькую гавань, которая становится отныне его тюрьмой.

— Господин капитан, как же мы теперь пройдем? — спрашивает боцман.

— Не знаю, — отвечает Роберт Кертис, — но мы пройдем!

XXI

— *С двадцать первого по двадцать третье ноября.* — В самом деле, надо уходить из этого узкого бассейна и без промедления. Погода, благоприятствовавшая нам весь ноябрь месяц, грозит перемениться. Со вчерашнего дня барометр упал, и море вокруг Хэм-Рока начинает волноваться. Между тем в бурю нельзя оставаться близ островка, так как «Ченслер» вдребезги разобьется о скалы.

В тот же вечер мы с Робертом Кертисом, Фолстеном, боцманом и Дауласом исследуем подводную скалу, заграждающую выход из бухточки. Есть только один способ проложить путь кораблю — это пробить скалу кирками на десять футов в ширину, на шесть футов в длину и углубить дно пролива на восемь-девять дюймов, хорошо все расчистив кругом. Тогда при

своей теперешней осадке «Ченслер» без труда выйдет из бассейна в открытое море.

— Но ведь базальт тверд, как гранит, — замечает боцман, — придется с ним повозиться, тем более что работать можно только во время отлива, иначе говоря каких-нибудь два часа в сутки!

— Тем более, боцман, нельзя терять ни минуты, — отвечает Роберт Кертис.

— Да на это понадобится целый месяц, господин капитан, — говорит Даулас. — Нельзя ли взорвать скалу? Ведь у нас на борту есть порох.

— Его слишком мало, — заявляет боцман.

— Действительно, положение чрезвычайно серьезное. Целый месяц работы! Да ведь раньше месяца волны разобьют корабль.

— А ведь у нас есть нечто получше пороха, — вмешивается в разговор Фолстен.

— Что же это такое? — спрашивает Роберт Кертис.

— Пикрат калия!

В самом деле, у нас есть пикрат калия. Та самая бутыль, которую погрузил на борт «Ченслера» несчастный Руби. Пикрат чуть было не взорвал корабль, а теперь пригодится, чтобы взорвать препятствие! Стоит только заложить мину, и скала будет сметена с лица земли!

Как я уже говорил, бутыль с пикратом калия укрыта на островке в надежном месте. Какое счастье, просто перст провидения, что ее не выбросили в море!

Матросы приносят кирки, и Даулас под руководством Фолстена принимается долбить базальт в определенном направлении, чтобы сделать минную камеру. Можно надеяться, что камера будет готова ночью, а завтра на рассвете перед кораблем откроется после взрыва свободный выход в море.

Как известно, пикриновая кислота — горькое кристаллическое вещество, добываемое из каменного угля. В соединении с углекислым калием она дает желтого цвета соль, известную под названием пикрата калия. Взрывчатая сила его несколько слабее, чем у пироксилина или динамита, но намного больше, чем у обыкно-

венного пороха [1]. Воспламеняется пикрат калия от сильного, резкого удара. Мы без труда можем достигнуть того же результата при помощи капсюля — детонатора.

Даулас и его помощники трудятся с большим усердием, но на рассвете конца работы все еще не видно. Да это и не удивительно — ведь долбить минную камеру можно только во время отлива, то есть в течение какого-нибудь часа-двух. Значит, надо поработать четыре оглива подряд, чтобы сделать ее достаточно глубокой.

И вот только утром 23 ноября работа, наконец, закончена. В базальтовой скале сделано косое углубление, в которое как раз могут войти фунтов десять взрывчатого вещества. А время между тем уже приближается к восьми.

Перед тем как заложить мину, Фолстен заявляет нам:

— По-моему, не худо бы смешать пикрат с обыкновенным порохом, тогда вместо капсюля, который взрывается лишь от удара, можно будет попросту зажечь фитиль, что гораздо проще. Кроме того, употребление смеси пороха и пикрата рекомендуется при взрыве твердых пород. Пикрат, обладающий большой взрывчатой силой, проложит путь, а порох, который воспламеняется медленнее и горит равномернее, лучше разрушит базальт.

Инженер Фолстен говорит мало, но надо ему отдать справедливость — уж если раскроет рот, то скажет что-нибудь дельное. Его совет принимается. Смешивают оба вещества и, опустив один конец фитиля на дно углубления, закладывают туда минный заряд.

«Ченслер» стоит достаточно далеко от мины, и ему нечего опасаться. Однако из предосторожности пассажиры и матросы укрываются в гроте на противоположном берегу островка, и даже мистер Кир, несмотря на возражения, вынужден покинуть корабль.

Тогда Фолстен зажигает фитиль, который дол-

---

[1] Один грамм пикринового порошка равняется по силе действия тринадцати граммам обыкновенного пороха. *(Прим. автора.)*

жен гореть минут десять до взрыва, и присоединяется к нам.

Слышится взрыв. Он звучит глухо, гораздо слабее, чем мы предполагали, но так всегда бывает, когда мина заложена глубоко.

Спешим взглянуть, что получилось... Все удалось как нельзя лучше: от базальтовой скалы буквально не осталось и следа, препятствие устранено; образовавшийся маленький канал быстро начинает наполняться водой, так как прилив уже наступил.

Путь свободен. Мы оглушительно кричим «ура». Дверь тюрьмы распахнулась, и заключенным остается только бежать.

И вот, дождавшись высокой воды, «Ченслер» минует пролив и выходит в открытое море.

Но нам приходится пробыть еще один день возле островка, так как перед плаванием необходимо взять балласт для придания остойчивости судну. Целые сутки матросы проводят за погрузкой камней и наименее испорченных тюков хлопка.

В этот день Летурнеры, мисс Херби и я совершили еще одну прогулку на базальтовый островок, который мы никогда больше не увидим и где провели целых три недели. Андре очень искусно выгравировал на одной из скал слово «Ченслер», название рифа, а также дату кораблекрушения. И вот последнее «прости» сказано островку, связанному для некоторых из нас с воспоминаниями о счастливейших днях жизни.

Наконец, 24 ноября, в час утреннего прилива, на «Ченслере» ставят нижние паруса, марселя и брамселя, и два часа спустя последняя верхушка Хэм-Рока исчезает за горизонтом.

XXII

— *С двадцать четвертого ноября по первое декабря.* — И вот мы снова в море, на корабле, надежностью которого нельзя похвастаться. Большое счастье, что плавание нам предстоит недолгое — остается пройти всего восемьсот миль. Если попутный северо-восточный ветер продержится еще несколько дней, то

«Ченслер» не слишком пострадает в пути и без труда достигнет берегов Гвианы.

Курс взят на юго-запад. Жизнь на борту идет своим чередом.

Первые дни проходят спокойно, без происшествий. Направление ветра не меняется, но Роберт Кертис не хочет ставить много парусов, опасаясь, как бы при большой скорости судна не открылась течь.

Невесело, в общем, плыть, когда нет уверенности в прочности корабля, на котором находишься, к тому же мы возвращаемся по уже пройденному пути вместо того, чтобы идти вперед! Поэтому каждый погружен в свои мысли и нет на борту того оживления, которое наблюдается при быстром и благополучном плавании.

Днем 29 ноября ветер передвигается на один румб к северу. Идти на фордевинд уже нельзя. Приходится брасопить реи и ставить паруса на правый галс. Поэтому судно довольно сильно накренилось.

Видя, что крен не уменьшается, а это очень опасно для корабля, Роберт Кертис дает команду взять брамселя на гитовы. И он прав, ведь дело не в том, чтобы ускорить плавание, а в том, чтобы добраться до берега без новых происшествий.

Ночь с 29 на 30 ноября темная, пасмурная. Ветер все крепчает и, к несчастью, начинает дуть с северо-запада. Пассажиры большей частью сидят в каютах, но капитан Кертис остается на юте, и матросы не покидают палубы. Корабль все время идет с большим креном, хотя верхние паруса и убраны.

Около двух часов ночи, когда я только что собрался спуститься к себе в каюту, матрос Берке выбегает из трюма с криком:

— Вода! На два фута воды!

Роберт Кертис и боцман спешат по трапу в трюм и убеждаются, что зловещая новость более чем справедлива. То ли, несмотря на все предосторожности, снова открылась течь, то ли разошлись плохо законопаченные швы, но только трюм довольно быстро наполняется водой.

Капитан возвращается на ют, приводит корабль

на фордевинд, чтобы его меньше качало. И мы ждем утра.

На заре новое измерение показывает, что в трюме уровень воды поднялся до трех футов.

Я смотрю на Роберта Кертиса. От волнения у него побелели губы, но внешне он вполне спокоен. Несколько пассажиров поднимаются на палубу. Они уже осведомлены о происходящем, да это и трудно скрыть.

— Новое несчастье? — спрашивает господин Летурнер.

— Это можно было предвидеть, — отвечаю я. — Но мы, наверно, не очень далеко от земли и, надеюсь, скоро до нее доберемся.

— Да услышит вас бог! — замечает господин Летурнер.

— Разве есть бог на борту? — восклицает, пожимая плечами, Фолстен.

— Да, сударь, он здесь, — серьезно говорит мисс Херби.

Инженер умолкает, относясь с уважением к этим словам, полным нерассуждающей веры.

Между тем по приказу Роберта Кертиса работа насосов возобновилась. Матросы принялись за дело без всякой охоты, с молчаливой покорностью. Но ведь вопрос стоит о спасении корабля, и, разделившись на две команды, они посменно выкачивают воду.

Днем боцман несколько раз измеряет уровень воды в трюме и обнаруживает, что она медленно, но неуклонно прибывает.

К несчастью, от долгого употребления насосы стали часто портиться, и приходится их чинить. А иногда они засоряются то золой, то волокнами хлопка, заполняющего нижнюю часть трюма. Чистка тоже отнимает немало времени и тормозит работу.

На следующее утро оказывается после нового измерения, что уровень воды поднялся до пяти футов. Итак, стоит почему-либо перестать откачивать воду, и она зальет весь корабль. Это было бы лишь вопросом времени и, несомненно, очень короткого. Ватерлиния «Ченслера» уже опустилась в воду на один фут, и килевая качка становится все ощутимее, ибо корабль с трудом

поднимается на гребень волны. Я вижу, как хмурится капитан Кертис всякий раз, когда боцман или лейтенант подходят к нему с докладом. Это плохой признак.

Работа насосов не прекращается весь день и всю ночь, но море опять побеждает. Матросы выбились из сил, упали духом, и это чувствуется. Но капитан и боцман сами занимают места у насосов, и пассажиры следуют их примеру.

Положение было лучше, когда «Ченслер» налетел на риф Хэм-Рок. Теперь корабль находится над морской бездной, которая каждую минуту грозит его поглотить.

XXIII

— *Второе — третье декабря.* — Мы боремся изо всех сил еще сутки, не давая уровню воды в трюме подниматься. Ясно, однако, что скоро уже нельзя будет выкачивать столько воды, сколько ее набирается.

Капитан Кертис не отдыхает ни минуты. Он снова лично осматривает трюм, я сопровождаю его вместе с плотником и боцманом. Отодвинув несколько тюков, мы прислушиваемся и различаем какое-то журчание, или, точнее, бульканье. Не открылась ли снова течь? Или весь корпус судна расшатался? Трудно сказать. Как бы то ни было, Роберт Кертис пытается преградить доступ воде, подведя с внешней стороны под корму просмоленный парус. Быть может, приток воды хоть временно прекратится? В таком случае работа насосов пойдет успешнее и осадка корабля, вероятно, уменьшится.

Но дело это гораздо сложнее, чем кажется. Сначала надо уменьшить скорость «Ченслера», затем при помощи горденей подвести толстые паруса под его киль и закрыть ими место, где находится пробоина, плотно обтянув талями этот пластырь.

Все приведено в исполнение, теперь мы уже начинаем побеждать море и испытываем прилив бодрости. Несомненно, вода еще проникает в трюм, но меньше, чем прежде, и к концу дня установлено, что уровень ее понизился на несколько дюймов. Всего лишь не-

сколько дюймов! Не беда! Все же насосы выбрасывают больше воды, чем ее просачивается в трюм. Работа не прекращается ни на минуту.

Ночь выдалась темная, ветер сильно посвежел, капитан Кертис приказывает поставить все паруса. Он прекрасно знает, как ненадежен корпус «Ченслера», и потому спешит добраться до ближайшего берега. Если бы в открытом море показался какой-нибудь корабль, он, не колеблясь, подал бы сигнал бедствия, чтобы спасти пассажиров и матросов, а сам остался бы на борту «Ченслера», считая своим долгом не покидать корабля до последней минуты. На следующий день выясняется, однако, что все принятые меры ни к чему не привели.

За ночь парус, которым было обтянуто поврежденное место, не выдержал напора воды, и утром 3 декабря боцман произвел, как всегда, измерение и крикнул, отчаянно ругаясь:

— Опять на шесть футов воды в трюме!

Да, это неоспоримый факт! Корабль снова погружается, и его ватерлиния уже заметно ушла под воду.

Однако мы работаем насосами еще усерднее, чем прежде. Силы наши слабеют, руки болят, пальцы в крови, но, несмотря на все усилия, вода побеждает. Роберт Кертис выстроил людей в ряд большого люка, и полные ведра быстро начинают переходить из рук в руки.

Все напрасно! В половине девятого утра отмечено новое повышение уровня воды в трюме. Тут некоторыми матросами овладевает отчаяние. Роберт Кертис приказывает им продолжать работу. Они отказываются.

У матросов есть зачинщик, о котором я уже говорил, это мятежник Оуэн. Ему сорок лет. На подбородке — рыжеватая остроконечная борода, нерастущая или чисто выбритая на щеках. Губы узкие, поджатые, светлокарие глазки окружены красными веками, прямой нос, сильно оттопыренные уши, лоб изборожден злыми морщинами.

Он первый покидает пост.

Пять или шесть товарищей следуют за ним, и среди них я замечаю повара Джинкстропа, он тоже нехороший человек.

На приказание Роберта Кертиса вернуться к насосам Оуэн отвечает от имени всех решительным отказом.

Капитан повторяет приказ. Оуэн снова отказывается.

Роберт Кертис вплотную подходит к бунтовщику.

— Не советую вам меня трогать! — холодно заявляет Оуэн и поднимается на бак.

Тогда Роберт Кертис идет к себе в каюту и возвращается оттуда с заряженным револьвером в руке.

Оуэн одно мгновение пристально смотрит на капитана, но Джинкстроп делает ему знак, и все снова принимаются за работу.

XXIV

— *Четвертое декабря.* — Первая попытка к возмущению была энергично пресечена капитаном. Но можно ли рассчитывать на такую же удачу в будущем? Надо надеяться, что да: если экипаж разложится, наше положение, и без того серьезное, станет ужасным.

Ночью насосы уже едва справляются с откачкой. Судно движется тяжело, с трудом поднимаясь на гребень волны. Вода хлещет через борт, проникает в люки. Она все прибывает.

Положение скоро станет не менее опасным, чем оно было во время пожара, в последние его часы. Пассажиры, экипаж — все чувствуют, что судно постепенно уходит у них из-под ног. Они видят, что вода поднимается медленно, но непрерывно, она начинает им внушать такой же ужас, как прежде огонь.

Между тем матросы продолжают работать под грозные окрики Роберта Кертиса и волей-неволей борются изо всех сил, но силы эти уже на исходе. Матросы не могут выкачать воду, которая прибывает без конца; уровень ее поднимается с каждым часом. Те, кто вычерпывает ее ведрами в трюме, уже стоят по пояс в воде и рискуют утонуть. Они вынуждены подняться на палубу.

Остается один лишь выход, и утром 4 декабря лейтенант, боцман и капитан Кертис, посовещавшись,

принимают решение оставить судно. Так как вельбот, единственное, что у нас осталось, не может вместить и пассажиров и экипаж, — придется сделать плот. Матросы будут выкачивать воду до тех пор, пока не получат приказа покинуть судно.

Вызывают плотника Дауласа. Решено, что плот начнут строить немедленно из запасных рей и рангоута, предварительно распиленных на бревна нужной длины. Море относительно спокойно, и это облегчит работу, трудную даже при самых благоприятных обстоятельствах.

И вот Роберт Кертис, инженер Фолстен, плотник и десять матросов, вооруженных пилами и топорами, достают и распиливают реи, прежде чем бросить их в море. После этого останется лишь крепко связать их и сделать прочное основание футов сорока в длину и двадцати — двадцати пяти в ширину.

Остальная команда и мы, пассажиры, занимаемся откачкой воды. Возле меня работает Андре Летурнер, на которого отец смотрит с глубокой скорбью. Что будет с его сыном, под силу ли ему сражаться с волнами в такой обстановке, когда даже здоровому человеку трудно спастись? Как бы то ни было, нас двое, и мы не покинем юношу в беде.

От миссис Кир, надолго впавшей в какое-то дремотное, почти бессознательное состояние, скрыли грозящую нам опасность.

Мисс Херби несколько раз ненадолго выходила на палубу. От усталости она побледнела, но держится стойко. Я советую ей быть готовой ко всему.

— Я всегда готова к худшему, сударь, — отвечает храбрая девушка и тотчас же возвращается к миссис Кир.

Андре Летурнер провожает ее печальным взглядом.

К восьми часам вечера основание плота уже почти готово. Спускают пустые, герметически закрытые бочки и прикрепляют их к плоту, чтобы он лучше держался на воде.

Через два часа в рубке раздаются отчаянные вопли. Выбегает мистер Кир.

— Мы тонем! Тонем! — кричит он.

И тотчас же мисс Херби и Фолстен выносят бесчувственную миссис Кир.

Роберт Кертис бросается в свою каюту и возвращается с картой, секстаном, компасом.

Крики ужаса... На судне все и вся беспорядочно перемешалось. Матросы устремляются к плоту, но не могут им воспользоваться: готово лишь основание, настил еще отсутствует...

Невозможно пересказать все мысли, промелькнувшие у меня в эту минуту, или нарисовать быстро пронесшиеся видения — развернутый свиток моей жизни! Мне кажется, что все мое существование сосредоточилось в этой последней, завершающей его минуте! Я чувствую, что палуба уходит у меня из-под ног. Я вижу, как вокруг судна поднимается вода, точно океан разверзся, чтобы нас поглотить!

Несколько матросов, испуская вопли ужаса, ищут убежища на вантах. Я собираюсь последовать за ними ..

Кто-то останавливает меня. Летурнер указывает мне на сына, из его глаз текут крупные слезы.

— Да, — говорю я, судорожно сжимая его плечо. — Вдвоем мы спасем его!

Но Роберт Кертис опережает меня, он подходит к Андре, чтобы отнести его на ванты грот-мачты. «Ченслер», который шел с большой скоростью, гонимый ветром, внезапно останавливается. Мы ощущаем сильный толчок.

Судно идет ко дну! Вода уже лижет мне ноги, я инстинктивно хватаюсь за канат... Но вдруг мы перестали погружаться. И хотя палуба ушла на два фута под воду, «Ченслер» продолжает держаться на поверхности океана.

XXV

— *Ночь с четвертого на пятое декабря.* — Роберт Кертис берет на руки молодого Летурнера и, перебежав с ним через залитую водой палубу, ставит его на ванты правого борта. Отец Летурнер и я взбираемся на те же ванты.

Я оглядываюсь. Ночь достаточно светла, и я могу рассмотреть все, что делается вокруг. Роберт Кертис опять занял свой пост в рубке. Сзади, возле незатопленного еще гакаборта, я различаю смутные силуэты мистера Кира, его жены, мисс Херби и Фолстена; на самом краю бака вижу лейтенанта и боцмана; на марсах и вантах — всех остальных.

Андре Летурнер поднялся на грот-марс с помощью отца, который переставлял его ноги с перекладины на перекладину, и, несмотря на качку, благополучно добрался до места. Но миссис Кир не поддалась никаким уговорам и не покинула рубки, где ее может смыть волной, если усилится ветер. Поэтому и мисс Херби самоотверженно осталась подле нее.

Как только судно перестало погружаться, Роберт Кертис приказал немедленно спустить все паруса, а затем убрать реи и брам-стеньги, чтобы оно не потеряло остойчивости. Он надеется, что благодаря этим мерам «Ченслер» не будет опрокинут волнами. Но ведь судно может с минуты на минуту затонуть? Я подхожу к Роберту Кертису и задаю ему этот вопрос.

— Не знаю, — отвечает он спокойно. — Это прежде всего зависит от моря. Ясно, что теперь «Ченслер» находится в состоянии равновесия... но это каждое мгновение может измениться.

— Может ли плавать «Ченслер», раз его палуба уже на два фута погрузилась в воду?

— Нет, господин Казаллон, но течение и ветер могут нести его и, если он продержится несколько дней, прибить его к какой-нибудь точке побережья. Наконец, у нас есть плот — наше последнее прибежище; он будет окончен через несколько часов, и с наступлением дня мы на него переберемся.

— Значит, надежда еще не потеряна? — спросил я, удивленный спокойствием Роберта Кертиса.

— Надежды никогда нельзя терять, господин Казаллон, даже в самом отчаянном положении. Если из ста шансов девяносто девять против нас, то на сотый все-таки можно рассчитывать, это все, что я могу сказать вам. Если память мне не изменяет, наполовину затонувший «Ченслер» находится точно в таком же

положении, в каком было трехмачтовое судно «Юнона» в тысяча семьсот девяносто пятом году. Более двадцати дней оно находилось на волосок от гибели. Пассажиры и матросы спаслись на марсах, и, когда, наконец, показалась земля, все, кто вынес голод и усталость, были спасены. Это известный факт из летописи флота, и я не могу не вспомнить о нем в такую минуту! Нет никаких оснований полагать, что на «Ченслере» оставшимся в живых повезет меньше, чем на «Юноне».

Многое, пожалуй, можно возразить Роберту Кертису, но из этого разговора ясно одно: наш капитан не потерял надежды.

Но раз равновесие может быть в любое мгновение нарушено, необходимо покинуть «Ченслер», и чем раньше, тем лучше. Поэтому решено, что завтра, как только плот будет готов, все переберутся на него.

Легко представить себе, какое отчаяние овладело экипажем, когда Даулас заметил около полуночи, что остов плота исчез! Канаты, как они ни были крепки, перетерлись от боковой качки, и плот уже, вероятно, с час как унесен течением.

Когда матросы узнали об этом новом несчастье, послышались возгласы отчаяния.

— В море! Мачты в море! — кричат потерявшие голову люди.

Они хотят перерезать такелаж, чтобы сбросить в море стеньги и сейчас же построить новый плот...

Но тут раздается голос Роберта Кертиса.

— По местам, ребята! — кричит он. — Чтобы ни одна нитка не была перерезана без моего приказания! «Ченслер» держится! «Ченслер» еще не тонет!

К экипажу, как только он услышал решительный голос капитана, вернулось хладнокровие, и, несмотря на явное неудовольствие некоторых матросов все разошлись по местам.

С наступлением дня Роберт Кертис поднимается на салинг, он внимательно осматривает даль вокруг судна. Нет! Плота нигде не видно! Что же делать? Снарядить вельбот и пуститься на поиски, быть может продолжительные и опасные? При сильном волнении это невозможно, такому утлому суденышку не совла-

дать с ним. Значит, надо взяться за постройку нового плота — и немедленно.

Волнение еще усилилось, и миссис Кир, наконец, решилась оставить свое место в конце юта; она тоже взобралась на грот-марс и упала там почти в полном бесчувствии. Мистер Кир поместился вместе с Сайласом Хантли на фор-марсе. Возле миссис Кир и мисс Херби устроились оба Летурнера, тесно прижавшись друг к другу, ведь длина этой площадки составляет всего-навсего двенадцать футов. Но между вантами протянуты канаты, которые помогают держаться при сильной качке. Кроме того, Роберт Кертис велел натянуть над марсом парус, который немного защищает обеих женщин от палящего солнца.

Несколько бочонков и ящиков, плававших между мачтами, были во-время подобраны, подняты на марс и крепко привязаны к штагам. Эти ящики с консервами и сухарями да бочонки с пресной водой — весь наш скудный запас провизии.

XXVI

— *Пятое декабря.* — Жаркий день. Декабрь на шестнадцатой параллели это уже не осенний, а настоящий летний месяц. Надо ждать жестокой жары, если ветер не умерит палящего зноя солнечных лучей.

Однако на море волнение продолжается. Волны бьются, точно об утес, о корпус судна, на три четверти погруженного в воду. Пенистые гребни достигают марсов и обдают нас брызгами, похожими на мелкий дождь.

Вот все, что осталось от «Ченслера», что находится еще на поверхности бурного моря: три мачты, над ними — стеньги, бушприт, к которому подвешен вельбот, чтобы его не разбили волны, затем рубка и бак, соединенные лишь узким фальшбортом. Что касается палубы, она совершенно погружена в воду.

Сообщение между марсами очень затруднено. Только матросы, передвигаясь по штагам, могут пробираться от одного марса до другого. Внизу между

мачтами, на пространстве от гакаборта до бака, волны перекатываются, пенясь, точно над подводной скалой, и мало-помалу отрывают от судна куски обшивки; матросы подбирают доски. Воистину ужасающее зрелище для пассажиров, взгромоздившихся на узкие площадки, — видеть у себя под ногами ревущий океан. Мачты, торчащие из воды, вздрагивают при каждом ударе волны, и кажется, что их вот-вот смоет.

Лучше всего не смотреть, не думать, ведь эта бездна притягивает, хочется броситься в нее!

Между тем матросы без устали трудятся над сооружением второго плота. В дело идут стеньги, брамстеньги, реи; под руководством Роберта Кертиса работа ведется самым тщательным образом. Повидимому, «Ченслер» затонет не скоро: по словам капитана, он еще продержится некоторое время, наполовину погруженный в воду. И Роберт Кертис следит, чтобы плот был сколочен возможно крепче. Путь предстоит долгий, так как ближайший берег, гвианский, отстоит от нас на несколько сот миль. Поэтому лучше провести лишний день на марсах и за это время соорудить плот понадежнее. На этот счет мы все одного и того же мнения.

Матросы несколько приободрились, работа идет дружно.

И только один моряк, шестидесятилетний старик, поседевший в плаваниях, находит, что нет смысла покидать «Ченслер». Это ирландец О'Реди.

Как-то мы с ним одновременно оказались в рубке.

— Сударь, — сказал он, жуя табак с видом величайшего равнодушия, — товарищи думают, что нам надо оставить судно. Я — нет. Я девять раз терпел кораблекрушение — четыре раза в открытом море и пять раз у берега. Это стало моей профессией. О, я знаю толк в кораблекрушениях. Так вот, провались я на этом месте, ежели вру, но те хитрецы, что искали спасения на плотах или в шлюпках, всегда находили гибель! Пока судно держится, надо оставаться на нем. Уж поверьте мне.

Произнеся весьма решительным тоном эту тираду, старый ирландец, заговоривший, очевидно, для очистки

совести, снова ушел в себя и не сказал больше ни слова.

Сегодня днем, часа в три, я заметил, что мистер Кир и бывший капитан Сайлас Хантли оживленно разговаривают на фор-марсе. Торговец нефтью, повидимому, в чем-то горячо убеждает своего собеседника, а тот возражает. Сайлас Хантли несколько раз и подолгу озирает море и небо, покачивая головой. Наконец, после целого часа препирательств Хантли спускается по штагу на бак, подходит к группе матросов, и я теряю его из виду.

Впрочем, я не придаю особого значения этому разговору. Возвращаюсь на грот-марс и несколько часов провожу в беседе с обоими Летурнерами, мисс Херби и Фолстеном. Солнце палит немилосердно, и если бы не парус, заменяющий тент, положение наше было бы невыносимо.

В пять часов мы обедаем. Каждый получает по сухарю, немного сушеного мяса и полстакана воды. Миссис Кир, изнуренная лихорадкой, не ест. Мисс Херби ухаживает за больной, время от времени смачивая водой ее запекшиеся губы. Несчастная женщина сильно страдает. Сомневаюсь, чтобы она могла долго выдержать выпавшие на нашу долю испытания.

Муж ни разу не осведомился о ней. Впрочем, была минута, когда мне показалось, что сердце этого эгоиста забилось, наконец, от искреннего душевного порыва. Часов около шести мистер Кир позвал несколько матросов с бака и попросил их помочь ему спуститься с фор-марса. Не почувствовал ли он желание побыть возле жены, лежащей на грот-марсе?

Матросы не сразу ответили на зов мистера Кира. Тот окликнул их еще громче, обещая хорошо заплатить тем, кто окажет ему эту услугу.

Два матроса, Берке и Сандон, тотчас же бросились к фальшборту и по вантам поднялись на марс.

Добравшись до мистера Кира, они долго торгуются. Ясно, что матросы заломили большую цену, а мистер Кир не хочет ее дать. Матросы собираются даже спуститься обратно, оставив пассажира на марсе. Но, наконец, обе стороны приходят к соглашению, мистер

Кир достает пачку долларов и вручает ее одному из матросов. Тот внимательно пересчитывает деньги — на мой взгляд, не меньше ста долларов.

Матросам предстоит доставить мистера Кира на бак. Берке и Сандон обвязывают вокруг его тела веревку, которую затем наматывают на штаг. Они спускают пассажира словно тюк, встряхивая его под шутки и прибаутки матросов.

Но я ошибся. Мистер Кир не имел ни малейшего желания отправиться на грот-марс и побыть возле жены. Он остается на баке вместе с Сайласом Хантли, который поджидал его там. Вскоре становится темно, и я теряю их из вида.

Наступила ночь, ветер стих, но море все еще неспокойно. Луна, взошедшая еще в четыре часа дня, лишь изредка проглядывает в узкие просветы между туч. Длинные слоистые облака, обложившие горизонт, отливают красным, что предвещает на завтра крепкий ветер. Дай-то бог, чтобы он опять подул с северо-востока и понес нас к берегу! Если же направление ветра изменится, нас ждет неминуемая гибель. Ведь мы переберемся на плот, который может идти лишь по ветру.

Роберт Кертис поднялся на грот-марс в восемь часов вечера. Он, кажется, не особенно доволен видами на погоду и старается угадать, что сулит нам завтрашний день. С четверть часа капитан наблюдает небо; прежде чем спуститься, он, не говоря ни слова, пожимает мне руку и отправляется на свое обычное место, в рубку.

Я пытаюсь заснуть на марсе, в тесноте, но сон не приходит. Осаждают мрачные предчувствия, тревожит почти полное безветрие, которое кажется мне зловещим. Лишь изредка легкое дуновение проносится по оснастке судна, чуть-чуть дрожат металлические тросы. Впрочем, море не совсем спокойно. Волнение довольно сильное — очевидно, где-то далеко свирепствует буря.

Часам к одиннадцати вечера ярко засияла луна, показавшаяся между тучами, и волны заблестели, точно сами излучали этот свет.

Я встаю, всматриваюсь вдаль. Странно, мне мерещится какая-то черная точка, которая то поднимается,

то опускается на сверкающей поверхности моря. Это не скала, нет, так как она перемещается вместе с волнами. Что же это такое?

Луна снова заволакивается облаками, тьма становится непроглядной, и я ложусь возле вант левого борта.

XXVII

— *Шестое декабря.* — Мне удалось на несколько часов заснуть. В четыре часа утра меня вдруг разбудил свист ветра. Сквозь рев бури, сотрясающей мачты, слышится голос Роберта Кертиса.

Я поднимаюсь. Крепко уцепившись за канат, пытаюсь рассмотреть, что происходит вокруг.

Во мраке слышен рев моря. Между мачтами, содрогающимися от боковой качки, проносятся пенистые волны, скорее мертвенно-синего, чем белого цвета. На беловатом фоне моря, со стороны кормы, видны две черные тени. Это капитан Кертис и боцман. Их голоса, едва различимые среди грохота моря и свиста ветра, доносятся до меня, словно стоны.

В эту минуту мимо проходит один из матросов, поднявшийся на марс, чтобы закрепить какую-то снасть.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Ветер переменился...

Матрос говорит еще что-то, но я не разбираю его слов.

Мне слышится нечто вроде «подул в обратную сторону»!

— В обратную сторону! Но значит, это уже не северо-восточный ветер, а юго-западный, и теперь нас несет от берега в открытое море! Итак, предчувствие не обмануло меня!

Медленно занимается день. Оказывается, ветер — северо-западный и дует он хотя не прямо от берега, но это тоже для нас плохо. Он удаляет нас от земли. Но этого мало. Вода на палубе поднялась до пяти футов, так что фальшборт уже не виден. За ночь судно еще глубже погрузилось в воду; бак и рубка едва

виднеются над волнами, которые непрестанно на них набегают. Ветер крепчает. Роберт Кертис и его матросы кончают постройку плота, но работа идет медленно из-за сильного волнения; надо принять самые серьезные меры, чтобы плот не разбило волнами еще раньше, чем он будет готов.

Отец и сын Летурнеры как раз стоят возле меня. Качка очень усилилась, и старик поддерживает Андре.

— Марс ломается! — восклицает старик Летурнер, слыша, как трещит небольшая площадка, на которой мы примостились.

При этих словах мисс Херби поднимается и говорит, указывая на миссис Кир, распростертую у ее ног:

— Что же нам делать?

— Оставаться здесь, — отвечаю я.

— Мисс Херби, — прибавляет Андре, — марс пока еще самое надежное убежище. Не бойтесь ничего...

— Не за себя я боюсь, — спокойно отвечает молодая девушка, — а за тех, кто дорожит своей жизнью.

В четверть девятого боцман кричит матросам:

— Эй, вы там — на баке!

— В чем дело, боцман? — отвечает один из матросов, кажется О'Реди.

— Вельбот не у вас?

— Нет, боцман.

— Ну, значит, гуляет по морю!

В самом деле, вельбота на бушприте уже нет, и тотчас же все замечают, что вместе с ним исчезли мистер Кир, Сайлас Хантли и три человека из экипажа — один шотландец и два англичанина. Теперь я понял, о чем накануне совещались мистер Кир и Сайлас Хантли. Опасаясь, что «Ченслер» пойдет ко дну до окончания постройки плота, они уговорились бежать и, подкупив трех матросов, завладели вельботом. Так вот что это была за черная точка, которую я видел ночью. Негодяй бросил свою жену на произвол судьбы! Подлец капитан покинул судно! Они украли у нас вельбот, единственное, оставшееся у нас суденышко!

— Пять человек спаслись! — говорит боцман.

— Пять человек погибли! — возражает старик ирландец.

И в самом деле, вид бушующего моря как бы подтверждает слова О'Реди.

Теперь нас на борту только двадцать два человека. Насколько еще уменьшится это число?

Узнав о подлом дезертирстве капитана и о краже вельбота, экипаж осыпает беглецов проклятиями. Если бы случай привел их обратно на «Ченслер», они дорого заплатили бы за свое предательство!

Я советую скрыть от миссис Кир бегство мужа. Несчастную женщину снедает лихорадка, с которой мы бессильны бороться, ведь катастрофа произошла так быстро, что мы не успели спасти аптечку. Но, будь у нас лекарства, разве они помогли бы в той обстановке, в какой находится миссис Кир?

XXVIII

— *Шестое декабря. Продолжение.* — «Ченслер» с трудом сохраняет равновесие среди осаждающих его волн. Весьма вероятно, что корпус судна не выдержит и распадется; к тому же оно все глубже погружается в море.

К счастью, плот будет закончен вечером. Мы сможем перебраться на него, если только Роберт Кертис не предпочтет сделать это завтра на рассвете. Основание плота сделано прочно. Бревна связаны крепкими веревками, а так как они кладутся крест-накрест, то все сооружение возвышается примерно на два фута над поверхностью воды. Настил же состоит из досок фальшборта, оторванных волнами и своевременно подобранных.

К вечеру на плот начинают грузить все уцелевшие припасы, паруса, приборы, инструменты. Надо торопиться, так как грот-марс уже находится всего на высоте десяти футов над водой, а от бушприта виден только сильно накренившийся кончик.

Я буду очень удивлен, если завтра «Ченслеру» не придет конец.

Ну, а наше душевное состояние? Я стараюсь разобраться в том, что происходит во мне.

Я испытываю скорее какое-то глубокое безразличие, чем чувство покорности судьбе. Господин Летурнер живет только своим сыном, который в свою очередь думает лишь об отце. Андре выказывает мужественную христианскую покорность, очень напоминающую настроение мисс Херби. Фолстен всегда остается Фолстеном, и помилуй меня бог — он еще заносит какие-то цифры в свою записную книжку. Миссис Кир умирает, несмотря на заботливый уход молодой девушки и все мои старания.

Что касается матросов, двое-трое спокойны, но остальные почти потеряли голову. Иные находятся во власти грубейших инстинктов, которые могут толкнуть их на любую крайность. Этих людей, подпавших под влияние Оуэна и Джинкстропа, трудно будет сдерживать, когда мы очутимся с ними на тесном плоту!

Лейтенант Уолтер очень ослабел; несмотря на все свое мужество, он не в состоянии выполнять свои обязанности. Роберт Кертис и боцман — люди энергичные, непоколебимые, люди «крепкого закала» — пользуясь выражением, употребляемым в металлургии.

Около пяти часов вечера перестал страдать один из наших товарищей по несчастью: миссис Кир умерла после мучительной агонии, вероятно не сознавая опасности своего положения. Послышался вздох, другой — и все было кончено. Мисс Херби до последней минуты окружала ее заботами, которые всех нас глубоко тронули!

Ночь прошла без всяких происшествий. Утром, едва забрезжил свет, я дотронулся до руки умершей, она уже окоченела. Тело нельзя оставлять на марсе. Мисс Херби и я завернули миссис Кир в ее одежду. Затем мы прочли несколько молитв за упокой души несчастной женщины, и первая жертва постигших нас бедствий исчезла в морской пучине.

Тут один из матросов, находящихся на вантах, произнес ужасные слова:

— Мы скоро пожалеем, что бросили в море труп!

Я оборачиваюсь. Это Оуэн. Мне приходит в голову, что ведь и в самом деле может наступить день, когда мы окажемся без продовольствия.

XXIX

— *Седьмое декабря.* — Судно все больше погружается в воду, которая доходит почти до фор-марса. Ют и бак покрыты водой, нок бушприта исчез. Из волн торчат только три мачты.

Но плот готов, и на него погружено все, что можно спасти. В передней части плота устроено гнездо для мачты, которую будут поддерживать ванты, прикрепленные к краям площадки. Грот-бом-брамсель привяжут к рее, он поможет нам добраться до берега.

Кто знает, не спасемся ли мы на этом хрупком дощатом плоту, ведь «Ченслер» все равно обречен на гибель? Надежда так глубоко гнездится в человеческом сердце, что я все еще не потерял ее!

Уже семь часов утра. Мы собираемся перебраться на плот. Вдруг «Ченслер» начинает быстро погружаться в воду; плотники и матросы, работающие на плоту, вынуждены обрубить швартовы, чтобы не попасть в водоворот вместе с кораблем.

Мы испытываем мучительную тревогу: как раз в то мгновение, когда бездна готовится поглотить судно, плот, наше единственное спасение, может ускользнуть от нас!

Два матроса и юнга потеряв голову бросаются в море вслед за плотом, но бороться с волнами они не в силах. Вскоре всем нам становится ясно, что они не смогут ни добраться до плота, ни вернуться на судно: волны и ветер слишком сильны. Роберт Кертис привязывает себе к поясу веревку и бросается к ним на помощь. Напрасное самопожертвование! Еще прежде, чем он успевает доплыть до них, трое несчастных, несмотря на свои отчаянные усилия, исчезают в пучине, тщетно протягивая к нам руки!

Матросы вытаскивают из воды Роберта Кертиса, который весь избит валами, — валы уже доходят до верхушек мачт.

Между тем Даулас и матросы пытаются снова приблизиться к судну с помощью шестов, которыми они гребут как веслами. После часа напряженной работы,

часа, показавшегося нам веком, так как море за это время поднялось до уровня марсов, плот, отнесенный только на два кабельтовых[1], приблизился к «Ченслеру». Боцман бросает Дауласу швартов, и плот снова привязывают к такелажу грот-мачты.

Нельзя терять ни минуты: возле тонущего судна образуется сильный водоворот, и поверхность воды покрывается огромными пузырями.

— На плот! На плот! — кричит Роберт Кертис.

Мы бросаемся к плоту. Андре Летурнер, уверившись, что мисс Херби спустилась, сам благополучно перебирается на площадку плота, а вслед за ним — и его отец. В течение нескольких минут мы садимся все, кроме капитана Кертиса и старика матроса О'Реди.

Роберт Кертис стоит на грот-марсе. Он покинет свое судно только перед тем, как оно канет в бездну. Это его долг и его право. Какое волнение, повидимому, охватывает капитана в эти минуты прощания с «Ченслером» — судном, которое он любит, которым он еще командует!

Ирландец остался на фор-марсе.

— Садись на плот, старина! — кричит ему капитан.

— Судно тонет? — с величайшим хладнокровием спрашивает упрямый старик.

— Да. Тонет.

— Значит, надо уходить, — отвечает О'Реди, стоя по пояс в воде.

И, тряхнув головой, прыгает на плот.

Роберт Кертис еще остается на марсе; он бросает вокруг прощальный взгляд и покидает свой корабль последним.

Пора! Швартовы медленно перерезывают, и плот медленно отплывает от гибнущего судна.

Все мы смотрим в ту сторону, где идет ко дну корабль. Сначала исчезает верхушка фок-мачты, затем — грот-мачты, и, наконец, от красавца «Ченслера» не остается и следа.

---

[1] Около четырехсот метров. *(Прим. автора.)*

XXX

— *Седьмое декабря. Продолжение.* — Уносящий нас плот затонуть не может. Он сделан из бревен, которые при любых обстоятельствах будут держаться на воде. Но не разобьют ли его волны? Не перетрутся ли канаты, которыми он связан? Не поглотит ли море горстку потерпевших кораблекрушение, собравшихся на этой скорлупе?

Из двадцати восьми человек, отплывших на «Ченслере» из Чарлстона, десять уже погибло.

Осталось, значит, восемнадцать — восемнадцать человек на плоту, имеющем футов сорок в длину и двадцать в ширину.

Вот имена тех, кто остался в живых: Летурнеры, инженер Фолстен, мисс Херби и я — пассажиры; капитан Роберт Кертис, лейтенант Уолтер, боцман, буфетчик Хоббарт, повар — негр Джинкстроп, плотник Даулас и семь матросов: Остин, Оуэн, Уилсон, О'Реди, Берке, Сандон и Флейпол.

Не довольно ли бедствий ниспослано нам небом за семьдесят два дня — с тех пор как мы покинули берега Америки? Не достаточно ли уже тяжко бремя страданий, возложенное на нас? Даже самые доверчивые не смеют надеяться.

Но не надо заглядывать в будущее, будем думать только о настоящем и отмечать день за днем все эпизоды разыгрывающейся драмы.

С пассажирами плота читатель уже знаком. Скажем несколько слов о провизии и вещах, оставшихся в их распоряжении.

Роберт Кертис мог погрузить на плот только то, что удалось извлечь из камбуза; большая часть провианта пропала в тот момент, когда опустилась под воду палуба «Ченслера». Запасы наши скудны, если принять во внимание, что придется кормить восемнадцать человек и что пройдет, быть может, много времени, прежде чем мы увидим корабль или землю. Бочонок с сухарями, бочонок с сушеным мясом, маленькая бочка водки, две бочки воды — вот и все, что нам удалось

спасти. Поэтому необходимо с первого же дня установить рацион.

Запасной одежды нет никакой. Несколько парусов будут служить нам одновременно и одеялами и крышей. Инструменты, принадлежащие плотнику Дауласу, секстан и компас, карта, складные ножи, металлический чайник, жестяная кружка, с которой никогда не расстается старый ирландец О'Реди, — таковы инструменты и утварь, которыми мы располагаем. Все ящики, стоявшие на палубе в ожидании погрузки на первый плот, затонули, когда судно стало погружаться в море, а пробраться в трюм после этого было невозможно.

Положение наше тяжелое, но отчаиваться нет основания. К несчастью, следует опасаться, что с упадком физических сил у многих пропадет и воля к борьбе. К тому же среди нас есть лица с дурными наклонностями. Справиться с ними будет нелегко.

XXXI

— *Седьмое декабря. Продолжение.* — Первый день прошел без приключений.

Сегодня в восемь часов утра капитан Кертис собрал всех нас, пассажиров и матросов.

— Друзья мои, — сказал он, — выслушайте меня. Я командую на этом плоту, как командовал на борту «Ченслера», и рассчитываю на повиновение каждого из вас. Будем же думать только об общем спасении, будем действовать дружно, и да смилуется над нами небо!

Эти слова были встречены всеобщим одобрением.

Ветерок, направление которого капитан определил по компасу, окреп и подул с севера — обстоятельство весьма благоприятное. Надо немедля им воспользоваться, чтобы возможно скорее вернуться к берегам Америки. Плотник Даулас занялся установкой мачты, гнездо которой было прилажено на передней части плота; он сделал две подпорки, чтобы придать мачте

устойчивость. Тем временем боцман и матросы прикрепили маленький бом-брамсель к рее, специально для этого предназначенной.

К половине десятого мачта уже поставлена и укреплена при помощи вант. Парус поднят, галс посажен, шкот выбран, и плот, подгоняемый ветром, идет довольно быстро; ветер еще крепчает.

Как только кончили эту работу, плотник принялся за установку руля, который позволит нам придерживаться желаемого направления. Роберт Кертис и инженер Фолстен дают плотнику советы и указания. После двухчасовой работы удается приладить к заднему краю плота подобие кормового весла, вроде того, что употребляют малайцы.

В это время капитан Кертис производит необходимые наблюдения, чтобы точно вычислить долготу, а с наступлением полудня измеряет высоту солнца. Вот результаты его наблюдений:

Северная широта — 15° 7′.

Западная долгота — 49° 35′, считая от Гринвичского меридиана.

Эта точка, нанесенная на карту, показывает, что мы находимся приблизительно на расстоянии шестисот пятидесяти миль к северо-востоку от Парамарибо, самой близкой к нам части южноамериканского материка, то есть берегов голландской Гвианы.

А между тем мы не можем даже при наличии пассатов рассчитывать на то, что нам удастся делать более десяти — двенадцати миль в день на таком несовершенном сооружении, как плот, неспособном спорить с ветром. Другими словами — при самых благоприятных обстоятельствах нам понадобится два месяца, чтобы достигнуть берега, если только мы не встретим какое-нибудь судно — случай маловероятный. В этой части Атлантического океана корабли ходят гораздо реже, чем дальше к северу или югу. К несчастью, нас отнесло в сторону от путей, по которым следуют английские или французские трансатлантические корабли, направляющиеся к Антильским островам или в Бразилию; лучше не рассчитывать на случайную встречу. А если наступит штиль, если ветер переме-

нится и понесет нас на восток, понадобится, может быть, и не два месяца, а четыре, шесть; а ведь наши съестные припасы кончатся к концу третьего месяца!

Итак, осторожность требует, чтобы мы с первого же дня ограничили свои потребности. Капитан Кертис совещался с нами по этому поводу, и мы ввели суровый режим, которого намерены придерживаться. Рацион установлен одинаковый для всех и с таким расчетом, чтобы лишь наполовину утолять голод и жажду. Управление плотом не требует большого расхода физических сил. Нам можно поэтому довольствоваться и скудным питанием. Водка, — а в бочонке ее имеется только пять галлонов [1], — будет выдаваться очень скупо. Никто не имеет права прикасаться к ней без разрешения капитана.

Режим «на борту» установлен следующий: пять унций мяса и пять унций сухарей в день на душу. Немного, но тут ничего не поделаешь, ибо восемнадцать человек съедят в день более чем по пяти фунтов каждого из этих продуктов, то есть в три месяца — шестьсот фунтов. В нашем же распоряжении имеется не больше шестисот фунтов мяса и сухарей. Следовательно, рацион нельзя увеличить. Воды же у нас около ста тридцати двух галлонов [2], и решено, что мы будем получать на человека всего одну пинту [3] в день; таким образом воды нам тоже хватит на три месяца.

Раздача съестных припасов будет производиться в десять часов утра боцманом. Каждый получит на день свой рацион сухарей и мяса, а съедать его будет, как и когда захочет. За недостатком посуды — ведь у нас нет ничего, кроме чайника и кружки ирландца, — вода будет выдаваться два раза в день, в десять часов утра и в шесть вечера: каждому придется выпить ее тут же.

Надо заметить, что у нас есть надежда увеличить свои запасы: дождь и рыбная ловля могут оказаться для нас немалым подспорьем. На плоту выставлены две пустые бочки в расчете на то, что дождь наполнит

[1] Около двадцати трех литров. *(Прим. автора.)*
[2] Около шестисот литров *(Прим. автора.)*
[3] 0,56 литра. *(Прим. автора.)*

их. А рыболовную снасть взялись изготовить матросы; плот потащит ее за собой.

Вот какие меры приняты нами. Они всеми одобрены и будут строго соблюдаться. Лишь при самом суровом режиме можно надеяться, что мы избегнем ужасов голода. Жестокие испытания научили нас предусмотрительности, и если нам придется терпеть еще большие лишения, то лишь потому, что судьба пошлет нам новые удары!

XXXII

— *С восьмого по семнадцатое декабря.* — С наступлением вечера мы забились под паруса. Утомленный долгим пребыванием на рангоуте, я на несколько часов заснул. Плот, относительно мало нагруженный, плывет довольно легко. Море спокойно, и волны не беспокоят нас. К несчастью, волнение стихло лишь потому, что спадает ветер, и к утру я вынужден отметить в дневнике: штиль.

С наступлением дня я не мог записать ничего нового. Отец и сын Летурнеры тоже проспали часть ночи. Мы еще раз пожали друг другу руки. Отдохнула и мисс Херби; ее лицо уже не кажется таким усталым, оно, как всегда, дышит спокойствием.

Мы находимся ниже одиннадцатой параллели. Стоит сильная жара, солнце светит ярко. Воздух насыщен горячими испарениями. Ветер налетает порывами, и в промежутках, увы, слишком продолжительных, парус неподвижно висит на мачте. Но Роберт Кертис и боцман по некоторым приметам, в которых разбираются только моряки, предполагают, что какое-то течение увлекает нас на запад — со скоростью двух-трех миль в час. Это была бы для нас удача, которая сильно сократила бы наше плавание. Хочется надеяться, что капитан и боцман не ошиблись — ведь с первых же дней в такую жару нам едва хватает нашего рациона воды, чтобы утолить жажду!

И, однако, с тех пор как мы покинули «Ченслер», или, вернее, марсы корабля, чтобы пересесть на плот,

положение значительно улучшилось. Ведь «Ченслер» мог в любую минуту затонуть, а деревянная площадка, которую мы сейчас занимаем, относительно прочна. Да, повторяю, положение заметно улучшилось, и по сравнению с прежним все мы чувствуем себя неплохо. У нас есть некоторые удобства. Мы можем передвигаться по плоту. Днем мы собираемся, разговариваем, спорим, смотрим на море. Ночью спим под защитой парусов. Развлекаемся, наблюдая за горизонтом и следя за рыболовными снастями, опущенными в воду.

— Господин Казаллон, — говорит мне Андре Летурнер через несколько дней после нашего перехода на плот, — мне кажется, что здесь нам живется так же спокойно, как на острове Хэм-Рок.

— Да, дорогой Андре.

— Но прибавлю, что у плота есть перед островом важное преимущество: он движется.

— При попутном ветре, Андре, преимущество явно на стороне плота, но если ветер переменится...

— Полно, господин Казаллон! — отвечает молодой человек. — Не будем смотреть на будущее слишком мрачно. Побольше веры!

Вера воодушевляет всех нас! Да! Нам кажется, что ужасные наши испытания кончились! Обстоятельства переменились к лучшему. Все мы почти успокоились.

Я не знаю, что происходит в душе Роберта Кертиса и не могу сказать, разделяет ли он наши радужные надежды. Держится он большей частью особняком. Это объясняется, конечно, лежащей на нем огромной ответственностью. Он — капитан, он обязан спасать не только свою жизнь, но и наши! Я уверен, что он понимает свой долг именно так. Поэтому он часто сидит погруженный в размышления, и мы стараемся не беспокоить его.

В эти долгие часы большинство матросов спит на переднем конце плота. По приказу капитана другую половину отвели пассажирам; здесь соорудили палатку, которая дает нам немного тени. Чувствуем мы себя удовлетворительно. Только лейтенанту Уолтеру никак не удается поправиться. Заботы, которыми мы

окружаем его, не идут ему впрок, и он слабеет с каждым днем.

Только теперь я вполне оценил Андре Летурнера. Этот славный молодой человек — душа нашего маленького кружка. Он обладает оригинальным умом, его суждения часто поражают своей новизной и неожиданностью. Беседа с ним нас развлекает и подчас бывает очень поучительна. Когда Андре говорит, его несколько болезненное лицо оживляется. Отец, можно сказать, упивается его словами. Иногда он берет сына за руку и не выпускает ее целыми часами.

Мисс Херби, как всегда, очень сдержанная, все же порой принимает участие в наших беседах. Каждый из нас старается заботами и вниманием отвлечь ее от мыслей об утрате людей, которые считались ее покровителями. Эта молодая девушка нашла в господине Летурнере надежного друга, почти отца; когда она обращается к нему, в ее словах сквозит непринужденность, объясняемая пожилым возрастом Летурнера. По его настоянию она рассказала ему свою жизнь — жизнь, полную мужества и самоотверженности. На что может рассчитывать бедная сирота? Она прожила два года в доме миссис Кир и теперь осталась без всяких средств, но с спокойной верой в будущее, ибо она готова встретить любые испытания. Мисс Херби внушает нам уважение своим характером, своей нравственной силой, и до сих пор ни один из самых грубых людей, находящихся на борту, не осмелился оскорбить ее ни словом, ни жестом.

Двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого декабря никаких перемен в нашем положении не произошло. Ветер попрежнему налетал порывами. Плавание наше ничем не нарушалось. Никаких работ на плоту не было надобности выполнять. Не пришлось даже переделывать руль, вернее кормовое весло. Плот идет, подгоняемый ветром, он достаточно устойчив и не дает крена ни в одну, ни в другую сторону. На переднем конце плота всегда дежурят несколько матросов: им приказано зорко наблюдать за морем.

Уже прошла неделя с тех пор, как мы покинули «Ченслер». Я замечаю, что мы привыкли к нашему

рациону — по крайней мере к рациону еды. Правда, нам не приходится истощать свои силы физической работой. Как говорится в просторечии, «мы не изматываем себя» — выражение, хорошо передающее мою мысль; в наших условиях человеку немного надо для поддержания сил. Самое тяжелое для нас — это недостаток воды: в такую жару нам явно не хватает выдаваемой порции.

Пятнадцатого декабря возле плота появилась целая стая рыб из породы спаров. Хотя наши рыболовные снасти состоят всего-навсего из длинных веревок с загнутым гвоздем на конце и кусочками сухого мяса в виде приманки, мы вылавливаем множество спаров, до того они прожорливы.

Да, улов поистине чудесный, и в этот день у нас на плоту праздник. Мы жарим рыбу на вертеле, варим ее в морской воде, разведя костер на переднем конце плота. Какое пиршество! Да и пополнение наших запасов... Рыбы так много, что за два дня мы наловили ее около двухсот фунтов. Если бы еще вдобавок пошел дождь, то лучшего и желать нельзя было бы.

К несчастью, стая спаров недолго оставалась в наших водах. 17 декабря на поверхности моря появилось несколько крупных акул — из чудовищной породы пятнистых морских волков, в четыре-пять метров длиной. Плавники и спина у них черные, с белыми пятнами и поперечными полосами. Близость этих ужасных акул всегда вызывает тревогу. Плот наш не высок, мы находимся почти на одном с ними уровне, и несколько раз их хвосты ударяли по нашему борту с невероятной силой. Однако матросам удалось прогнать их ударами аншпугов. Я был бы очень удивлен, если бы акулы не последовали за нами, считая нас верной добычей. Не нравятся мне эти «предчувствующие» чудовища.

XXXIII

— *С восемнадцатого по двадцатое декабря.* — Сегодня погода переменилась, ветер усилился. Не будем жаловаться, он нам благоприятствует. Капитан приказал из предосторожности получше укрепить мачту,

чтобы вздувшийся парус не опрокинул ее. После этого тяжелый плот стал двигаться несколько быстрее, оставляя за собой длинный след.

Днем на небе появились облака, и жара несколько спала. Волны сильнее раскачивают плот, два или три раза они даже залили его. К счастью, плотнику удалось сделать из нескольких досок фальшборт в два фута вышиной, и теперь мы лучше защищены от моря. Бочонки с провизией и водой крепко принайтовлены двойным канатом. Если бы волны унесли их, это обрекло бы нас на ужасные бедствия, нельзя даже и подумать о такой возможности без содрогания!

Восемнадцатого декабря матросы достали из воды морские водоросли, известные под названием «саргассовые», мы уже встречали их между Бермудскими островами и Хэм-Роком. Это не что иное, как сахаристые ламинарии. Я советую моим спутникам пожевать их стебли. Они очень освежают рот и горло.

Сегодня не произошло ничего нового. Я лишь заметил, что некоторые матросы — Оуэн, Берке, Флейпол, Уилсон и негр Джинкстроп — часто совещаются между собой. О чем? Не могу понять. Они умолкают, как только кто-нибудь из офицеров или пассажиров приближается к ним. Роберт Кертис заметил это еще до меня. Эти тайные совещания ему не нравятся. Он решил внимательно наблюдать за матросами. Негр Джинкстроп и матрос Оуэн — негодяи, которых следует остерегаться, так как они могут увлечь за собой других.

Девятнадцатого декабря зной становится невыносимым. На небе ни облачка. Ветер не надувает паруса, и плот остается неподвижным. Несколько матросов окунулось в море, и купанье очень освежило их, на время умерив жажду. Но купаться в море, изобилующем акулами, чрезвычайно опасно, и никто из нас не последовал примеру этих беспечных людей. Кто знает, может быть позднее мы не устоим и сами будем купаться. Когда видишь, что плот стоит на месте, поверхность океана гладка, парус вяло обвис на мачте, становится страшно: неужели же наше плавание еще затянется?

Нас очень беспокоит здоровье лейтенанта Уолтера. Молодого человека снедает лихорадка, припадки кото-

рой наступают через неравные промежутки времени. Быть может, с болезнью удалось бы справиться с помощью хинина. Но, повторяю, рубку затопило так быстро, что ящик с медикаментами в мгновение ока исчез в волнах. Кроме того, бедный малый, повидимому, страдает туберкулезом — болезнью неизлечимой, и за последнее время его состояние очень ухудшилось. Некоторые симптомы весьма характерны. У Уолтера сухой кашель, короткое дыхание, обильные выпоты, особенно по утрам; он худеет, нос заострился, скулы выдаются, и на бледном лице пятнами выделяется чахоточный румянец, щеки впали, рот свело, глаза неестественно блестят. Если бы даже несчастный лейтенант находился в лучших условиях, медицина оказалась бы бессильной перед этой беспощадной болезнью.

Двадцатого декабря та же жара, плот все так же неподвижен. Горячие лучи солнца проникают сквозь полотно нашего тента, и зной так невыносим, что мы просто задыхаемся. С каким нетерпением мы ждем минуты, когда боцман выдаст нам скудную порцию воды! С какою алчностью мы глотаем эти несколько капель теплой жидкости! Кто не испытывал мук жажды, тот меня не поймет.

Лейтенант Уолтер очень осунулся; недостаток воды он переносит хуже, чем все мы. Я заметил, что мисс Херби отдает ему почти всю свою порцию. Эта добрая душа всеми силами старается хоть немного облегчить страдания нашего несчастного товарища.

Сегодня мисс Херби сказала мне:

— Наш больной слабеет с каждым днем, господин Казаллон.

— Да, мисс, — ответил я, — и мы ничего не можем сделать для него, ничего!

— Тише, — сказала мисс Херби, — как бы он нас не услышал!

Она отходит, садится на край плота и, опустив голову на руки, погружается в раздумье.

Сегодня произошел неприятный случай, о котором следует упомянуть. Матросы Оуэн, Флейпол, Берке и негр Джинкстроп оживленно разговаривали о чем-то целый час. Они спорили вполголоса и, судя по их же-

стам, были сильно возбуждены. После этого разговора Оуэн решительно направился к той части плота, которая отведена пассажирам.

— Ты куда, Оуэн? — спрашивает у него боцман.

— Куда нужно, — нахально отвечает матрос.

Услышав этот грубый ответ, боцман поднимается, но Роберт Кертис, опередив его, уже стоит лицом к лицу с Оуэном.

Матрос, выдержав взгляд капитана, развязно заявляет:

— Капитан, я должен поговорить с вами от имени товарищей.

— Говори, — холодно отвечает Роберт Кертис.

— Это касательно водки, — продолжает Оуэн. — Вы знаете, маленький бочонок... для кого его берегут? Для дельфинов, для офицеров?

— Дальше? — спрашивает Роберт Кертис.

— Мы требуем, чтобы по утрам нам выдавали, как всегда, нашу порцию.

— Нет, — отвечает капитан.

— Что такое?.. — вскрикивает Оуэн.

— Я говорю: нет.

Матрос пристально смотрит на Роберта Кертиса; на его губах змеится недобрая улыбка. Одно мгновение он колеблется, может быть собирается настаивать, но, сдержавшись, молча возвращается к товарищам. И они начинают шушукаться.

Правильно ли поступил Роберт Кертис, так решительно отвергнув просьбу матросов? Это покажет будущее. Когда я заговорил об этом случае с капитаном, он сказал:

— Дать водку этим людям? Уж лучше выбросить бочонок в море!

XXXIV

— *Двадцать первое декабря.* — Вчерашнее столкновение пока еще не имеет никаких последствий.

Спары опять появились на несколько часов возле нашего плота; улов оказался богатым. Рыбу склады-

вают в пустую бочку; теперь, когда у нас есть лишний запас провизии, мы надеемся, что по крайней мере не будем страдать от голода.

Наступил вечер, но не принес с собой прохлады, обычной для тропических ночей. Сегодня будет, повидимому, очень душно. Над волнами носятся тяжелые испарения. Молодой месяц взойдет лишь в половине второго утра. Ни зги не видно, и вдруг горизонт озаряется ослепительным светом зарниц. Электрические вспышки пожаром охватывают часть неба. Но грома нет и в помине. Тишина кругом стоит такая, что становится жутко.

Мисс Херби, Андре Летурнер и я, дожидаясь мгновения прохлады, целых два часа наблюдаем эти предвестники грозы, эту репетицию, устроенную природой; мы забываем об опасностях, восхищаясь великолепным зрелищем: битвой между заряженными электричеством облаками. Они походят на зубчатые стены крепости, гребни которых поминутно вспыхивают огнем. Души самые ожесточенные чувствительны к таким величественным зрелищам; матросы внимательно наблюдают за этим разгорающимся в облаках пожаром. В то же время все настороженно следят за «всполохами», которые так называют в просторечье, потому что они вспыхивают то тут, то там и сеют тревогу, предвещая близкую битву стихий. В самом деле, что станется с нашим плотом среди бешеного разгула моря и неба?

До полуночи мы все сидим на заднем конце плота. При свете молний, особенно ярких в ночной тьме, лица кажутся мертвенно-бледными; такой призрачный оттенок обычно придает предметам пламя спирта, насыщенного солью.

— Вы не боитесь грозы, мисс Херби? — спрашивает Андре Летурнер у молодой девушки.

— Нет, — отвечает мисс Херби, — я сказала бы, что чувствую не страх, а скорее благоговение. Ведь это одно из самых прекрасных явлений природы, не восхищаться им нельзя.

— Да, это правда, мисс Херби, — отвечает Андре Летурнер, — особенно когда рокочет гром. Нет звуков более величественных... Разве может выдержать с ними

сравнение гром артиллерии, этот сухой грохот без раскатов? Гром наполняет душу, это именно звук, а не шум, он то усиливается, то стихает, как голос певца. Правду говоря, мисс Херби, никогда голос артиста не волновал меня так, как этот великий несравненный голос природы.

— Глубокий бас, — сказал я смеясь.

— Да, в самом деле, — ответил Андре, — и хотелось бы, наконец, услышать его... ведь эти молнии без звука так однообразны!

— Да что вы, дорогой Андре, — ответил я. — Будет гроза, ничего не поделаешь, но только не накликайте ее.

— Гроза — это ветер!

— И вода, конечно, — прибавила мисс Херби, — вода, которой нам так не хватает!

Многое можно было бы возразить этим двум молодым людям, но мне не хочется примешивать свою грустную прозу к их поэзии. Они рассматривают грозу с особой точки зрения и вот уже целый час как занимаются тем, что поэтизируют и призывают ее.

Тем временем звездное небо постепенно скрылось за густой пеленой облаков. Звезды гаснут одна за другой в зените после того, как зодиакальные созвездия исчезли в тумане, заволакивающем горизонт. Над нашими головами повисли, закрыв последние звезды, тяжелые черные тучи. Из них поминутно вырываются белые снопы света, озаряя плывущие ниже маленькие сероватые облака.

Все электричество, накопившееся в верхних слоях атмосферы, до сих пор разряжалось бесшумно, но так как воздух очень сух и служит поэтому плохим проводником, электрические флюиды не замедлят проложить себе путь с сокрушительной силой. Ясно, что вскоре разразится страшная гроза.

Роберт Кертис и боцман вполне со мной согласны. Боцман руководствуется только своим чутьем моряка — чутьем непогрешимым; что касается капитана, то, кроме чутья weather wise[1], он обладает позна-

[1] Буквально: угадывающий погоду *(англ.)*.

ниями ученого. Он показывает мне густое облако, которое метеорологи называют «cloud-ring»;[1] такой формы облака образуются только в жарком поясе, насыщенном испарениями, которые пассаты несут с различных точек океана.

— Да, господин Казаллон, — говорит мне Роберт Кертис, — мы находимся в зоне гроз, куда ветер занес наш плот. Наблюдатель, одаренный тонким слухом, постоянно слышит здесь раскаты грома. Это замечание было сделано уже давно, и я думаю, что оно верно.

— Мне кажется, — ответил я, напряженно прислушиваясь, — что различаю раскаты, о которых вы говорите.

— В самом деле. — сказал Роберт Кертис. — Это первые предвестники бури, которая через два часа разгуляется на славу. Ну что ж! Мы готовы ее встретить.

Никто из нас не думает о сне, да и не мог бы спать в этой атмосфере. Молнии сверкают все ярче, они вспыхивают на горизонте, охватывая пространство в 100—150° и постепенно распространяются по всему небосводу, а воздух начинает излучать фосфоресцирующий свет.

Наконец, раскаты грома приближаются, становятся явственнее, но, если можно так выразиться, это пока еще закругленные звуки, без углов, то есть без сильных взрывов, — рокот, не усиливаемый эхом. Небесный свод как бы окутан облаками, заглушающими грохот электрических разрядов.

Море до сих пор оставалось спокойным, тяжелым, почти недвижным, но постепенно на нем начинают вздыматься широкие волны — безошибочная примета для моряков. Они говорят, что море «вот-вот разыграется», что где-то вдалеке прошла буря и оно ее чувствует. Вскоре поднимается страшный ветер. Если бы мы были на «Ченслере», капитан приказал бы «привести судно к ветру», но плот не может маневрировать, и ему придется нестись по воле бури.

В час утра яркая молния, сопровождаемая через несколько секунд ударом грома, показала нам, что

[1] Кольцеобразное облако *(англ.)*.

гроза уже почти над нами. Горизонт вдруг исчез в плотном сыром тумане, и нам почудилось, что стена тумана вплотную придвинулась к нам.

И тотчас же послышался голос одного из матросов:

— Шквал! Шквал!

XXXV

— *Ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря.* — Боцман хватает фал, привязанный к парусу, и одним рывком спускает рею. И как раз во-время, ибо шквал налетел с необычайной силой. Если бы не предостерегающий крик матроса, шквал опрокинул бы нас и швырнул в море. Палатку, устроенную на заднем конце плота, снесло в один миг.

Но если плот, еле возвышающийся над водой, не боится ветра и не может пострадать от него, ему угрожают чудовищные волны, вздымаемые ураганом. Море на несколько минут как бы оцепенело под напором ветра; но затем, противодействуя его силе, волны поднимаются еще с большей яростью, еще выше.

Плот отражает эти беспорядочные скачки волн, он не идет вперед, его кидает из стороны в сторону, как щепку.

— Привяжите себя! Привяжите себя! — кричит боцман, бросая нам веревки.

На помощь пассажирам приходит Роберт Кертис. И вот Летурнеры, Фолстен и я уже крепко привязаны к плоту. Море смоет нас только в том случае, если плот будет разбит. Мисс Херби привязала себя за талию к одному из шестов унесенной ветром палатки. При свете молнии я вижу, что лицо ее осталось спокойным, ясным.

Теперь молнии сверкают непрерывно и сопровождаются раскатами грома. Этим светом, этими звуками мы ослеплены, оглушены. Удары грома следуют один за другим, одна молния не успевает погаснуть, как уже полыхает другая. От этих ярких вспышек кажется, что весь небосвод объят пламенем. Да и самый океан охвачен пожаром; и мне чудится, что молнии слетают

с гребней волн, взвиваются в небо и скрещиваются с такими же молниями в облаках. В воздухе распространяется сильный запах серы, но молнии до сих пор нас щадили и падали только в воду.

К двум часам ночи гроза разбушевалась вовсю. Ветер превратился в ураган, и сильное волнение грозит разбить плот. Плотник Даулас, Роберт Кертис, боцман и другие матросы стараются получше скрепить его веревками. На нас обрушиваются огромные валы, окатывая с ног до головы почти теплой водой. Летурнер подставляет себя этим яростным волнам как бы для того, чтобы защитить сына. Мисс Херби неподвижна, как статуя, олицетворяющая покорность судьбе.

При мимолетном свете молний я замечаю длинные и густые рыжеватые облака; слышится треск, напоминающий ружейную пальбу; этот особый звук производится бесчисленными электрическими разрядами, встречающими на своем пути зерна града. И в самом деле, от столкновения грозовой тучи с холодной струей воздуха образовался град, и теперь он идет с неистовой силой. Градины величиной с орех падают на нас как снаряды и ударяют по плоту с металлическим звуком.

Град продолжается с полчаса и понемногу сбивает ветер, который, мечась из стороны в сторону, через некоторое время возобновляется с небывалой силой. Ванты лопнули, и мачта лежит поперек плота, матросы спешат высвободить ее из гнезда, чтобы она не переломилась у основания. Руль унесен валами, а вслед за ним и кормовое весло; удержать его было невозможно. Левый фальшборт сорван, и в образовавшуюся брешь хлынули волны.

Плотник и матросы хотят исправить повреждение, но качка мешает им, они валятся один на другого. Вдруг плот, поднятый на гребень чудовищного вала, наклоняется под углом более чем в 45°. Как этих людей не унесло? Как не разорвались удерживающие нас веревки? Как волны не швырнули всех нас в море? На эти вопросы невозможно ответить. Мне кажется немыслимым, чтобы один из валов не опрокинул плот, и тогда мы, привязанные к этим доскам, утонем, задохнемся.

И в самом деле, около трех часов утра, когда ураган разыгрался с еще большей силой, плот, поднятый волной, стал чуть ли не на ребро. Раздались крики ужаса! Мы опрокинемся!.. Нет... Плот удержался на гребне волны, на непостижимой высоте, и при ослепительном свете перекрещивающихся молний мы, ошеломленные, оцепеневшие от страха, окидываем взглядом море: оно бурлит, пенится, словно ударяясь о скалы.

Затем плот почти тотчас же снова принимает горизонтальное положение; но при толчке порвались канаты, которыми были привязаны бочонки. На моих глазах один из них исчез в море, у другого, наполненного водой, выскочило дно.

Матросы бросаются, чтобы удержать бочонок с сушеным мясом. Но один из них защемил ногу между разошедшимися досками плота и упал, испуская жалобные стоны.

Я хочу бежать к нему на помощь, с трудом развязываю удерживающие меня веревки... Слишком поздно, и при вспышке молнии я вижу, что несчастный матрос, которому удалось высвободить ногу, унесен волной, залившей весь плот. Его товарищ исчез вместе с ним. Мы лишены возможности спасти их.

Волна опрокидывает меня на настил плота; голова моя ударяется о край какого-то бревна, и я теряю сознание.

XXXVI

— *Двадцать второе декабря.* — Наконец, наступило утро; из-за облаков, еще остававшихся на небе после бури, показалось солнце. Борьба стихий продолжалась всего несколько часов, но она была ужасна; ветер и вода вступили в чудовищное единоборство.

Я отметил только важнейшие события: ведь обморок, вызванный падением, лишил меня возможности видеть конец катаклизма. Знаю только, что вскоре после сильного ливня ураган утих. Избыток атмосферного электричества, наконец, получил грозовую раз-

рядку. Гроза не затянулась на всю ночь. Но какой урон, какие невознаградимые потери она причинила нам за это короткое время. Какие бедствия нас теперь ожидают! Мы не сумели собрать ни капли из тех потоков воды, которые пролились на нас!

Я пришел в себя благодаря заботам Летурнеров и мисс Херби. Но если я не был унесен, когда на нас вторично хлынули волны, то этим обязан Роберту Кертису.

Один из двух матросов, погибших во время бури, — Остин, двадцати восьми лет, славный парень, энергичный и мужественный. Второй — старик ирландец О'Реди, переживший на своем веку столько кораблекрушений.

Теперь нас на плоту только шестнадцать — значит, около половины тех, кто сел на борт «Ченслера», уже нет в живых.

Что у нас осталось из провизии?

Роберт Кертис решил сделать точный подсчет уцелевшим запасам. На сколько времени их хватит?

Вода у нас пока есть, так как на дне разбившейся бочки осталось около четырнадцати галлонов[1], а второй бочонок уцелел. Но бочонок с сушеным мясом и тот, в который мы складывали наловленную рыбу, унесены; из этого запаса не осталось ничего. Что касается сухарей, то Роберт Кертис полагает, что их уцелело не более шестидесяти фунтов.

Шестьдесят фунтов сухарей на шестнадцать человек — это значит, что пища у нас есть только на восемь дней, если считать по полфунта в день на душу.

Роберт Кертис ничего не скрыл от нас. Его выслушали в полном молчании. В таком же молчании прошел весь день 22 декабря. Все мы ушли в себя, но ясно, что одни и те же мысли преследуют каждого из нас. Мне кажется, что теперь мы смотрим друг на друга совсем другими глазами и что призрак голода уже стоит над нами. До сих пор мы еще по-настоящему не страдали ни от голода, ни от жажды. А теперь рацион воды придется уменьшить, что же касается рациона сухарей...

---

[1] Шестьдесят пять литров. *(Прим автора.)*

Как-то я подошел к группе матросов, растянувшихся на краю плота, в тот момент, когда Флейпол иронически говорил:

— Если кому суждено умереть, так уж пусть лучше поскорей умирает.

— Да, — ответил Оуэн, — по крайней мере его порция достанется другим.

День прошел в подавленном настроении. Каждый получил свои полфунта сухарей. Некоторые набросились на них с жадностью, другие бережно отложили часть про запас. Мне кажется, что инженер Фолстен разделил свою порцию на несколько частей, по числу обычных приемов пищи.

Если кто-нибудь из нас выживет, то это Фолстен.

XXXVII

— *С двадцать третьего по тридцатое декабря.* — После бури ветер, все еще свежий, подул с северо-востока. Надо этим воспользоваться, так как он несет нас к земле. Мачта, исправленная стараниями Дауласа, опять крепко вделана в гнездо, парус поднят, и плот идет, подгоняемый ветром, со скоростью двух — двух с половиной миль в час.

Матросы занялись изготовлением кормового весла из шеста и широкой доски. Оно работает кое-как, но при той скорости, которую ветер сообщает плоту, нет нужды в больших усилиях, чтобы управлять им.

Настил мы тоже исправили, скрепив веревками разошедшиеся доски. Унесенная морем обшивка левого борта заменена новой, и теперь волны не заливают нас. Словом, мы сделали все возможное, чтобы исправить плот — это соединение мачт и рей, — но главная опасность грозит нам с другой стороны.

Небо прояснилось, засияло солнце, а с ним вернулась тропическая жара, от которой мы так страдали за последние дни. Сегодня она, к счастью, умеряется ветром. Палатку вновь соорудили, и мы по очереди ищем там защиты от жгучих солнечных лучей.

Однако недостаток пищи дает себя знать. Мы явно страдаем от голода. У всех ввалились щеки, осунулись лица. У многих из нас явно не в порядке нервная система; пустота в желудке вызывает сильные боли. Будь у нас хоть какой-нибудь наркотик, опиум или табак, нам, быть может, удалось бы обмануть голод, усыпить его! Но нет! Мы лишены всего!

Только один человек на плоту не ощущает этой властной потребности. Это лейтенант Уолтер, снедаемый изнурительной лихорадкой, — она-то и «питает» его; но зато больного мучит сильнейшая жажда. Мисс Херби не только отдает ему часть своей порции, но и выпросила у капитана дополнительный рацион воды; каждые четверть часа она смачивает лейтенанту губы. Уолтер не в силах говорить, но он благодарит добрую девушку взглядом. Бедняга! Он обречен, и самый заботливый уход не спасет его. Ему-то во всяком случае уже недолго осталось страдать!

Сегодня, повидимому, лейтенант сознает свое положение; он подзывает меня рукой. Я сажусь возле него. Тогда он собирает все свои силы и прерывающимся голосом спрашивает:

— Господин Казаллон, я скоро умру?

Я колеблюсь лишь одно мгновение, но Уолтер замечает это.

— Правду! — говорит он. — Всю правду!

— Я не врач и не могу...

— Это неважно! Отвечайте мне, прошу вас!..

Я долго смотрю на больного, потом прикладываю ухо к его груди. За последние дни чахотка, повидимому, произвела в этом организме ужасные опустошения. Совершенно ясно, что одно из его легких отказалось работать, а другое с трудом справляется со своей задачей. У Уолтера сильно поднялась температура, а при заболевании туберкулезом это, насколько я знаю, признак близкого конца.

Что мне ответить на вопрос лейтенанта?

Он не спускает с меня вопрошающих глаз, а я не знаю, что сказать, и подыскиваю слова для уклончивого ответа.

— Друг мой, — говорю я, — при таком положении никто из нас не может рассчитывать на долгую жизнь! Кто знает, может быть, не пройдет и недели, как все мы тут на плоту...

— Не пройдет и недели! — шепчет лейтенант, попрежнему не отрывая от меня горящих глаз.

Затем он отворачивается и, повидимому, забывается сном.

Двадцать четвертого, двадцать пятого, двадцать шестого декабря никаких перемен в нашем положении. Это может показаться невероятным, но мы привыкаем не умирать с голоду. Потерпевшие крушение часто отмечали в своих рассказах то же, что наблюдаю и я. Читая их, я не верил, находил, что все преувеличено. Но это не так. Теперь я вижу, что голод можно переносить гораздо дольше, чем я думал. Между прочим, капитан счел нужным выдавать нам, кроме сухарей, еще несколько капель водки, и это поддерживает нас гораздо больше, чем можно было бы думать. Если бы такой рацион был нам обеспечен хотя бы на два, на один месяц! Но запасы истощаются, и недалек тот день, когда у нас не будет даже этого скудного пропитания.

Надо, значит, во что бы то ни стало вырвать пищу у моря, а это теперь очень трудно. Все же боцман и плотник смастерили новые удочки, рассучив с этой целью веревку; они вырвали несколько гвоздей из досок настила и прикрепили их к удочкам вместо крючков.

Боцман, повидимому, доволен своей работой.

— Это, конечно, не то, что заправские удочки, — говорит он, — но рыба все равно может клюнуть. Да вот, все дело в насадке! У нас есть только сухари, а сухарь на удочке не держится. Если бы поймать хоть одну рыбу! Я бы уж использовал ее для насадки. Но как ее словить, эту первую рыбу, — вот в чем загвоздка!

Боцман прав, и ловля вряд ли что-нибудь даст нам. Все же он решается рискнуть, забрасывает удочки. Но, как и можно было ожидать, рыба не клюет. Да и мало рыбы в этих морях!

Двадцать восьмого и двадцать девятого декабря мы снова силимся поймать рыбу — и так же неудачно. Кусочки сухаря, которые мы насаживаем на удочки, размокают в воде. Приходится отказаться от дальнейших попыток. Мы только без всякого толку тратим сухари, нашу единственную пищу, а ведь пришла пора считать даже крошки.

Боцман в поисках выхода вздумал насадить на гвозди лоскутки материи. Мисс Херби оторвала для него кусок своей красной шали. Может быть, этот яркий лоскут, мелькая под водой, привлечет какую-нибудь прожорливую рыбу?

Эту новую попытку предприняли днем тридцатого. В течение нескольких часов мы забрасываем удочки, но, когда вынимаем их, оказывается, что красный лоскут остался нетронутым.

Боцман совершенно обескуражен. Опять сорвалось! Чего бы мы не дали, чтобы выудить эту первую рыбу, которая дала бы нам возможность поймать и других!

— Есть еще одно средство заправить наши удочки, — говорит мне боцман на ухо.

— Какое? — спрашиваю я.

— Узнаете потом! — отвечает боцман, как-то странно взглянув на меня.

Что он хотел сказать? Ведь этот человек никогда зря не болтает! Я думал о его словах всю ночь.

XXXVIII

— *С первого по пятое января.* — Прошло более трех месяцев с тех пор, как мы вышли на «Ченслере» из Чарлстона. Уже целых двадцать дней мы носимся по океану на нашем плоту, отдавшись на волю стихий! Подвинулись ли мы на запад, к побережью Америки, или же буря отбросила нас еще дальше от земли? Мы даже не имеем возможности ответить на этот вопрос. Во время урагана, имевшего для нас такие роковые последствия, инструменты капитана сломались, несмотря на все предосторожности. У Роберта Кертиса

нет уже ни компаса, который помог бы ему определить страны света, ни секстана для измерения высоты светил. Находимся ли мы поблизости от берега или отделены от него сотнями миль? Этого мы не знаем, но опасаемся, что земля далеко: ведь все ополчилось против нас.

Полная неизвестность порою доводит нас до отчаяния; но так как надежда неразлучна с человеческим сердцем, мы порою верим вопреки разуму, что суша недалеко. Каждый вглядывается в горизонт и старается различить очертания берега в беспредельной дали океана. Нас, пассажиров, глаза все время обманывают, и это еще обостряет наши мучения. Думаешь, будто увидел... но нет! Это только облако, это туман или более высокая, чем другие, волна. Земли не видно, ни одно судно не выделяется на сероватом фоне воды. Плот неизменно остается в центре пустынного океана.

Первого января мы съели наш последний сухарь, или, вернее говоря, последние сухарные крошки. Первое января! Какие воспоминания пробуждает у нас этот день и каким тягостным он кажется нам по сравнению с прошлым. Новый год, поздравления, пожелания, сердечное внимание родных и близких, надежда, от которой полнится сердце, — все это не для нас! Кто из нас посмел бы сказать слова, обычно произносимые с улыбкой: «С новым годом! С новым счастьем!» Кто из нас смеет надеяться прожить еще один день?

И, однако, боцман подошел ко мне и сказал, как-то странно взглянув на меня:

— Господин Казаллон, поздравляю вас...

— С новым годом?

— Нет, с наступлением нового дня, — и даже это очень самонадеянно с моей стороны, так как на плоту нет ни крошки еды.

Да, больше нечего есть. Это всем нам известно, и, однако, наутро, в час выдачи пайка, это поражает нас, как неожиданный удар. С трудом верится, что наступил абсолютный голод!

К вечеру я почувствовал сильные рези в желудке. Началась мучительная зевота; через два часа боли несколько утихли.

Третьего января я с удивлением убеждаюсь, что никаких болей нет. Я чувствую внутри какую-то бездонную пустоту, но это скорее душевное состояние, чем физическое ощущение. Мне кажется, что голова у меня невероятно тяжелая, еле держится на плечах, она кружится, точно я стою над пропастью.

Но не все испытывают одно и то же. Некоторые из моих спутников ужасно страдают. Между прочим, плотник и боцман, обладающие волчьим аппетитом, так мучаются, что у них время от времени невольно вырываются стоны. Они туго стянули себе живот веревкой. А ведь это только второй день!

Ах! полфунта сухарей, этот скудный паек, который казался нам недостаточным, каким завидным он стал в наших глазах! Теперь, когда у нас нет ничего, эта порция кажется нам огромной! Если бы нам еще раз выдали эти полфунта, если бы мы получили хоть половину, хоть четверть, мы просуществовали бы несколько дней! Мы ели бы сухари по крошке.

В осажденном городе, обреченном на голод, можно еще отыскать в развалинах, в канавах, в закоулках какую-нибудь кость, какие-нибудь отбросы, чтобы хоть на минуту обмануть голод! Но на этих досках, не раз омытых волнами, уже не найдешь ничего, — ведь мы обыскали все щели, все уголки, куда ветер мог бы занести хоть крошку...

Очень долгими кажутся нам ночи — более долгими, чем дни! Тщетно ждешь от сна хотя бы минутного забвения! Если смыкаешь глаза, то это лишь лихорадочная дрема, полная кошмаров.

Но сегодня ночью, изнемогая от усталости, я на несколько часов уснул, и вместе со мной уснул мой голод.

На следующее утро в шесть часов меня разбудили крики, раздававшиеся на плоту. Я вскакиваю и вижу на передней части плота негра Джинкстропа, матросов Оуэна, Флейпола, Уилсона, Берке, Сандона. Они собрались в кучку и держат себя вызывающе. Эти негодяи завладели инструментами плотника — топором, пилой, лопатой и угрожают капитану, боцману и Дауласу. Я тотчас же подхожу к Роберту Кертису и тем,

кто его окружает. Фолстен следует за мной. У нас нет ничего, кроме перочинных ножей, но тем не менее мы полны решимости защищаться.

Оуэн и его отряд идут на нас. Эти несчастные пьяны. Ночью они разбили бочонок с водкой и напились.

Чего они хотят?

Оуэн и негр, более трезвые, чем остальные, подстрекают своих сторонников убить нас; все охвачены каким-то пьяным бешенством.

— Долой Кертиса! — кричат они. — В море капитана! Командует Оуэн! Командует Оуэн!

Вожак — это Оуэн, а негр — его правая рука. Ненависть этих двух человек к офицерам проявилась в этом бунте, который даже в случае удачи не улучшит их положения. Но их мятежники не способны рассуждать; они вооружены, а мы нет — и в этом их сила.

Роберт Кертис, видя, что они приближаются, идет к ним навстречу и кричит громовым голосом:

— Сложите оружие!

— Смерть капитану! — ревет Оуэн.

Негодяй жестом подбадривает своих сообщников, но Роберт Кертис, отстранив пьяных матросов, направляется прямо к нему.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он.

— Чтобы никто не командовал на плоту! — отвечает Оуэн. — Здесь все равны!

Глупец! Как будто бы не все равны перед таким бедствием!

— Оуэн, — вторично говорит капитан, — отдай оружие!

— Смелее! — кричит Оуэн своим.

Начинается схватка. Оуэн и Уилсон бросаются на Роберта Кертиса, который отбивается обломком шеста; Берке и Флейпол нападают на Фолстена и на боцмана. Я сцепился с негром Джинкстропом, он размахивает топором, стараясь меня ударить. Я пытаюсь обхватить его руками, чтобы сковать его движения, но негодяй сильнее меня. После недолгой борьбы я чувствую, что начинаю слабеть. Но тут Джинкстроп падает, увлекая

меня за собой. Это Андре Летурнер схватил его за ногу и повалил.

Он-то и спас меня. Негр, падая, выпустил оружие, которым я завладел. Я хочу размозжить ему голову, но Андре останавливает меня в свою очередь.

Взбунтовавшиеся матросы оттеснены на переднюю часть плота. Роберт Кертис, увернувшись от ударов, которые пытался нанести ему Оуэн, схватил топор и размахнулся.

Но Оуэн отскочил в сторону, и топор угодил прямо в грудь Уилсону. Негодяй падает навзничь, прямо в воду и исчезает в волнах.

— Спасите его! Спасите его! — кричит боцман.

— Но он мертв! — отвечает Даулас.

— Э! Именно поэтому!.. — вырывается у боцмана, но он не кончает фразы.

Смертью Уилсона схватка закончилась. Флейпол и Берке, мертвецки пьяные, лежат без движения, мы бросаемся на Джинкстропа и крепко привязываем его к подножию мачты.

С Оуэном совладали плотник и боцман. Роберт Кертис подходит к нему.

— Молись богу! Ты умрешь! — говорит он.

— Вам, видно, страсть как хочется съесть меня! — отвечает Оуэн невообразимо нахальным тоном.

Этот ужасный ответ спас ему жизнь. Роберт Кертис, побледнев, отбрасывает уже занесенный топор, отходит в сторону и садится на край плота.

XXXIX

— *Пятое и шестое января.* — Это происшествие нас глубоко поразило. Слова Оуэна при сложившихся обстоятельствах не могли не потрясти даже сильных духом.

Немного успокоившись, я горячо поблагодарил молодого Летурнера, который спас мне жизнь.

— Вы меня благодарите, — отвечает он, — а ведь вам бы следовало, пожалуй, меня проклинать!

— Вас, Андре!

— Господин Казаллон, я только продлил ваши мучения!

— Все равно, господин Летурнер, — говорит подошедшая к нам в эту минуту мисс Херби, — вы исполнили ваш долг!

Чувство долга — вот что неизменно поддерживает мисс Херби. Она похудела от перенесенных лишений; полинявшее платье разорвано, свисает клочьями, но ни одна жалоба не срывается у нее с языка; молодая девушка не поддается унынию.

— Господин Казаллон, — спросила она, — мы обречены на голодную смерть?

— Да, мисс Херби, — ответил я почти жестко.

— Сколько времени можно прожить без еды?

— Дольше, чем принято думать! Может быть, долгие, бесконечные дни!

— Люди более крепкие страдают сильнее, не так ли? — спрашивает она.

— Да, но зато они скорее умирают.

Как я мог так ответить молодой девушке? Я не нашел ни одного слова надежды! Я бросил ей в лицо голую, жестокую правду! Или во мне угасло всякое чувство человечности? Андре Летурнер и его отец, присутствовавшие при этом разговоре, поглядывали на меня удивленными ясными глазами, расширенными от голода. Они, должно быть, спрашивают себя, я ли говорю все это.

Несколько минут спустя, когда мы остались с глазу на глаз с мисс Херби, она сказала мне вполголоса:

— Господин Казаллон, окажете вы мне одну услугу?

— Да, мисс, — отвечаю я взволнованно; я готов сделать для мисс Херби все, что в моих силах.

— Если я умру раньше вас, — продолжает мисс Херби, — а это может случиться, ведь я слабее вас, — обещайте бросить мое тело в море.

— Мисс Херби, я совершенно напрасно...

— Нет, нет, — протестует она с полуулыбкой, — вы были правы, что именно так говорили со мной, но обещайте исполнить мою просьбу. Это — малодушие.

Живая, я ничего не боюсь... Но после смерти... дайте же мне слово, что бросите меня в море.

Я обещал. Мисс Херби протянула мне руку, и я почувствовал слабое пожатие ее похудевших пальчиков.

Прошла еще одна ночь. Минутами мои страдания так жестоки, что у меня вырываются стоны; потом боли стихают, и на меня нападает какое-то оцепенение. Очнувшись, я с удивлением вижу, что товарищи мои еще живы.

Повидимому, лучше других переносит лишения наш буфетчик Хоббарт, о котором я почти не упоминал до сих пор. Это низенький человечек с хитрой физиономией и вкрадчивым взглядом; он часто улыбается одними губами, глаза его всегда полузакрыты, как бы для того, чтобы скрыть мысли. Все в нем фальшиво. Я готов присягнуть, что это лицемер. Я уже сказал, что лишения, повидимому, мало отразились на нем... Не то чтобы он не жаловался — напротив, он без конца хнычет, но, не знаю почему, это хныканье кажется мне притворным. Посмотрим, что будет дальше. Буду следить за этим человеком, так как у меня возникли на его счет некоторые подозрения; хотелось бы проверить их.

Сегодня, 6 января, Летурнер отозвал меня в сторону и сказал, что хочет «поговорить по секрету». Он не желает, чтобы его при этом видели или слышали.

Я отправляюсь с ним на самый дальний край плота, и, так как уже наступил вечер, темнота скрывает нас от посторонних взоров.

— Сударь, — говорит мне вполголоса Летурнер, — Андре очень слаб! Мой сын умирает с голоду! Сударь, я не могу этого видеть! Нет, я больше не могу!

Летурнер произносит эти слова голосом, в котором слышится сдержанный гнев, глубокое отчаяние. О! Я понимаю, как должен страдать этот отец!

— Нельзя терять надежду, — говорю я, беря его за руку. — Какое-нибудь судно...

— Сударь, — продолжает отец, прерывая меня, — я говорю с вами совсем не для того, чтобы выслуши-

вать банальные утешения. Никакого судна не будет, вам это хорошо известно. Нет. Я имею в виду совсем другое. Сколько времени мой сын, вы сами и все остальные ничего не ели?

— Запас сухарей кончился второго января. Сегодня шестое. Значит, уже четыре дня... — отвечаю я на этот неожиданный вопрос.

— Четыре дня как вы не ели! — заканчивает Летурнер. — Ну, а я не ел восемь дней!

— Восемь дней!

— Да! Я сберегал сухари для моего сына.

У меня выступают слезы на глазах. Я беру за руку Летурнера... Я едва могу говорить. Я смотрю на него!.. Восемь дней!

— Сударь, — произношу я наконец, — что я могу сделать для вас?

— Тсс! Не так громко! Чтобы никто не слышал!

— Говорите же!

— Я хочу, — шепчет он, — я желаю, чтобы вы предложили Андре...

— А вы разве не можете?..

— Нет! Нет!.. Он понял бы, что я лишал себя пищи ради него!.. Он отказался бы... Нет! Надо, чтобы это исходило от вас...

— Господин Летурнер!..

— Умоляю вас! окажите мне эту услугу... величайшую из всех... Между прочим... за ваш труд...

При этих словах Летурнер берет мою руку и тихонько гладит ее.

— За ваш труд... Вы покушаете сами... немного!..

Бедный отец! Слушая его, я дрожу, как ребенок. Я весь трепещу, и сердце у меня громко стучит! А Летурнер тихонько вкладывает мне в руку маленький кусочек сухаря.

— Берегитесь, чтобы никто вас не видел! — говорит он. — Эти звери вас убьют. Вот тут дневная порция, но завтра я дам вам столько же.

Несчастный отец не верит мне! И, быть может, он прав: почувствовав этот кусочек сухаря в своей руке, я чуть не поднес его ко рту!

Я устоял, и пусть читатели поймут все, что не в

силах выразить мое перо! Ночь наступила внезапно, как всегда на низких широтах. Я незаметно подхожу к Андре Летурнеру и отдаю ему кусочек сухаря, будто бы сбереженный мною.

Молодой человек, не раздумывая, хватает его.

— А отец? — спрашивает он, опомнившись.

Я отвечаю, что господин Летурнер получил столько же... И я тоже... Что завтра... и в следующие дни... я смогу давать ему по такой же порции... Пусть берет... Пусть берет, не колеблясь!

Андре не поинтересовался, откуда у меня этот сухарь, он жадно поднес его ко рту.

В этот вечер, несмотря на предложение Летурнера, я не ел ничего!.. Ничего!..

XL

— *Седьмое января.* — Морская вода, почти беспрестанно заливающая плот, как только поднимается волнение, стала разъедать кожу на ногах у некоторых матросов. Оуэн, которого боцман после бунта держит связанным на переднем конце плота, находится в самом плачевном состоянии. По нашей просьбе с него сняли веревки. Сандон и Берке тоже пострадали от едкой соленой воды, а мы пока пощажены: волны почти не доходят до задней части плота.

Сегодня боцман, обезумев от голода, стал грызть куски парусов, деревянные шесты. У меня еще и сейчас отдается в ушах скрип его зубов. Несчастный не в силах дольше выносить такие мучения и старается хоть чем-нибудь наполнить желудок, чтобы обмануть голод. После долгих поисков он, наконец, находит болтающийся на одной из мачт обрывок кожи. Ведь кожа все же вещество органическое, и он пожирает ее с невыразимой жадностью. Повидимому, боцману становится легче. Все мы следуем его примеру. Кожаная шляпа, козырьки фуражек, все съедобное, что мы сумели отыскать, — все идет в ход. В нас говорит какой-то звериный инстинкт, которого мы не в состоянии подавить.

В эту минуту можно подумать, что в нас не осталось ничего человеческого. Никогда не забуду этой сцены!

Если голод и не утолен, то по крайней мере рези в желудке на время утихли. Но некоторые из нас не могли вынести этой отвратительной пищи: их вырвало.

Прошу извинить меня за эти подробности! Я должен передать без утайки все, что перестрадали потерпевшие кораблекрушение на «Ченслере». Пусть читатели узнают из моего рассказа, сколько моральных и физических страданий может вынести человеческое существо! Пусть это послужит уроком, вынесенным из моего дневника! Расскажу решительно обо всем; к сожалению, я предчувствую, что мы не достигли еще предела наших мучений!

Во время этой сцены я сделал наблюдение, подтвердившее мои догадки насчет буфетчика. Хоббарт, хотя и хныкал попрежнему и даже больше, чем всегда, но к другим не присоединился. Его послушать, так он умирает от истощения, но, глядя на него, невольно думаешь, что он меньше страдает, чем остальные. Не припрятан ли у этого лицемера в каком-нибудь тайнике запасец, которым он до сих пор пользуется? Я слежу за ним, но ничего особенного не открыл.

Зной попрежнему нестерпим, в особенности если ветер не умеряет его. Рацион воды, конечно, недостаточен, но голод, повидимому, убивает жажду. И хотя я думал, что от недостатка воды мы будем страдать еще больше, чем от недостатка пищи, я еще не могу этому поверить или по крайней мере представить себе это. Да избавит нас господь от новой муки!

К счастью, в бочонке, который наполовину разбился, осталось несколько пинт воды, а второй еще не тронут. Хотя нас теперь стало меньше, капитан, вопреки требованию некоторых матросов, уменьшил ежедневный рацион до полпинты на душу. Я одобряю эту меру.

Что касается водки, ее осталось лишь четверть галлона, спрятанного в надежном месте, назади плота.

Сегодня, 7 января, около половины восьмого вечера, один из нас скончался. Теперь нас осталось только четырнадцать! Лейтенант Уолтер умер у меня

на руках. Ни я, ни мисс Херби не могли его спасти... он уже свое отстрадал!

За несколько минут до смерти Уолтер поблагодарил мисс Херби и меня голосом, который мы с трудом могли расслышать. Из его дрожащих рук выпало смятое письмо.

— Сударь, — сказал он. — Это письмо... от моей матери... я не имею сил... последнее, которое я получил! Она пишет: «Я жду тебя, дитя мое, я хочу свидеться с тобой!» Нет, мама, ты уже не увидишь меня! Сударь... это письмо... приложите его к моим губам... я хочу поцеловать его... Мама... боже!..

Я вложил это письмо в холодеющую руку лейтенанта Уолтера и помог ему поднести его к губам. Его взгляд на мгновение оживился, я услышал слабый звук поцелуя...

Лейтенант Уолтер умер! Господи, прими его душу!

XLI

— *Восьмое января.* — Всю ночь я провел возле тела несчастного лейтенанта, а мисс Херби несколько раз приходила молиться за усопшего.

Когда наступило утро, труп уже совершенно остыл. Я спешил... Да! Спешил бросить его в море. Я просил Роберта Кертиса помочь мне в этом печальном деле. Мы завернем покойника в жалкие остатки одежды и предадим погребению в морской пучине; надеюсь, что из-за крайней худобы лейтенанта тело его не всплывет на поверхность.

Роберт Кертис и я, приняв меры, чтобы нас не видели, извлекли из карманов лейтенанта кой-какие предметы, которые будут переданы его матери, если один из нас выживет.

Заворачивая труп в одежду, которая должна послужить ему саваном, я не мог не содрогнуться от ужаса.

Правой ноги не было, вместо нее торчал окровавленный обрубок!

Кто виновник этого кощунства? Должно быть, ночью меня одолела усталость и кто-то воспользовался моим сном, чтобы изувечить труп Уолтера. Кто же это сделал?

Роберт Кертис бросает вокруг гневные взгляды. Но на плоту мы не заметили ничего необычного; тишина прерывается время от времени лишь стонами. Может быть, за нами следят! Поспешим бросить эти останки в море, чтобы избежать еще больших ужасов!

Прочтя заупокойную молитву, мы бросаем труп в воду. Он тотчас же исчезает в волнах.

— Черт возьми! Хорошо питаются акулы!

Кто это сказал? Я оборачиваюсь. Это негр Джинкстроп.

Боцман стоит возле меня.

— Эта нога... — спрашиваю я у него. — Вы думаете, что они, эти несчастные...

— Нога?.. Ах да! — как-то странно отвечает боцман. — Впрочем, это их право!

— Их право?! — кричу я.

— Сударь, — говорит мне боцман, — лучше съесть мертвого, чем живого.

Я не знаю, что ответить на эти холодно сказанные слова, и ложусь в конце плота.

Часов в одиннадцать случилось, однако, счастливое событие.

Боцман, который еще с утра закинул свои удочки, на этот раз поймал трех рыб — крупные экземпляры трески, длиною в восемьдесят сантиметров каждая. Эта рыба в сушеном виде известна под названием «stokfish».

Едва боцман вытащил свою добычу, как матросы накинулись на нее. Капитан Кертис, Фолстен и я бросаемся, чтобы их удержать, и вскоре нам удается установить порядок. Три рыбы на четырнадцать человек — это немного, но, как бы то ни было, каждый получит свою долю. Одни пожирают рыбу сырой, можно даже сказать живой, и их большинство. У других — Роберта Кертиса, Андре Летурнера и мисс Херби — хватает силы воли подождать. Они зажигают на углу плота несколько кусков дерева и обжаривают свою порцию на

вертеле. У меня для этого слишком мало выдержки, и я глотаю сырое, окровавленное мясо!

Летурнер-отец проявил такое же нетерпение, как и другие, он набросился на свою порцию рыбы, точно голодный волк. Не могу понять, как еще может жить этот несчастный человек, так долго лишенный пищи.

Я сказал, что боцман очень обрадовался, вытащив рыбу. Его радость была так велика, что походила на бред.

Если такие уловы будут повторяться, то они могут спасти нас от голодной смерти.

Я вступаю в разговор с боцманом и предлагаю ему повторить попытку.

— Да! — говорит он. — Да... Конечно... я попытаюсь... Попытаюсь!..

— Почему же вы не закидываете удочек? — спрашиваю я.

— Не теперь! — отвечает он уклончиво. — Крупную рыбу удобнее ловить ночью, да и насадку надо беречь. Дураки мы, ничего не сохранили, чтобы приманивать рыбу!

Он прав, и возможно, что эта ошибка непоправима.

— Однако, — говорю я, — раз вам удалось без насадки...

— Насадка была.

— И хорошая?

— Отличная, сударь, раз рыба клюнула!

Я смотрю на боцмана, а он на меня.

— И у вас осталось еще что-нибудь для заправки удочек? — спрашиваю я.

— Да, — тихо отвечает боцман и уходит, не прибавив ни слова.

Скудная пища, которую мы проглотили, придала нам силы, а вместе с силами явился и проблеск надежды. Мы говорим об улове боцмана и не можем поверить, чтобы нам не удалось наудить еще рыбы. Может быть, судьба, наконец, устанет преследовать нас?

Мы начинаем вспоминать о прошлом — доказательство того, что на душе стало спокойнее. Мы

живем уже не только мучительным настоящим и тем ужасным будущим, которое нас ожидает. Отец и сын Летурнеры, Фолстен, капитан и я вспоминаем обо всем, что случилось с нами после катастрофы. Погибшие товарищи наши, подробности пожара, кораблекрушение, островок Хэм-Рок, погружение «Ченслера» в воду, ужасное плавание на марсах, постройка плота, буря — все эти эпизоды, которые кажутся нам теперь такими далекими, проходят перед нами. Да! все это было, а мы еще живем!

Живем! Разве это называется жить! Из двадцати восьми человек осталось только четырнадцать, а скоро нас, может быть, будет только тринадцать!

— Несчастливое число, — говорит молодой Летурнер, — но нам будет трудно подыскать четырнадцатого!

Ночью с 8 на 9 января боцман снова закидывает удочки с заднего конца плота, и сам остается, чтобы следить за ними, никому не доверяя этого дела.

Утром я подхожу к нему. День едва забрезжил. Боцман старается проникнуть своим горящим взглядом в самую глубину темной пучины. Он не видит меня, даже не слышит моих шагов.

Я слегка дотрагиваюсь до его плеча. Он оборачивается.

— Ну как, боцман?

— А так, что эти проклятые акулы проглотили мою наживку! — отвечает он глухим голосом.

— И у вас больше не осталось ее?

— Нет! И знаете ли вы, что это доказывает, сударь? — прибавил он, сжимая мое плечо. — Что не надо делать ничего наполовину!

Я закрываю ему рот рукой! Я понял!..

Бедный Уолтер!

XLII

— *С девятого по десятое января.* — Сегодня опять наступил штиль. Солнце пылает, ветер спал, и ни малейшей ряби не видно на гладкой поверхности моря, которое едва заметно колышется. Если здесь нет

какого-нибудь течения, которое мы все равно не можем определить, плот, вероятно, находится на одном месте.

Я уже сказал, что жара стоит нестерпимая. Поэтому и жажда причиняет нам еще большие муки, чем голод. У большинства из нас от сухости стянуло рот, горло и гортань; вся слизистая оболочка затвердевает от горячего воздуха, вдыхаемого нами.

По моим настояниям капитан на этот раз изменил порядок выдачи воды. Он удвоил нам рацион, и мы кое-как утоляем жажду четыре раза в день. Я говорю «кое-как», ибо оставшаяся вода слишком тепла, хотя бочку и покрыли куском парусины.

Словом, день выдался тяжелый. Матросы под влиянием голода снова впали в отчаяние.

Вечером взошла почти полная луна, но ветра попрежнему не было. Все же прохладная тропическая ночь приносит некоторое облегчение. Но днем температура невыносима. Жара все усиливается, и мы из этого заключаем, что плот сильно относит к югу.

Мы уже перестали искать глазами берег, и нам кажется, что на земном шаре нет ничего, кроме соленой воды. Всюду и везде лишь бесконечный океан!

Десятого — тот же штиль, та же температура. С неба падает огненный дождь, и мы дышим раскаленным воздухом. Жажда становится нестерпимой, она так терзает нас, что мы забываем муки голода, алчно ожидая минуты, когда Роберт Кертис выдаст каждому его рацион — несколько жалких капель воды. Ах! Только бы напиться всласть, хотя бы после пришлось умереть, исчерпав весь запас воды!

Сейчас полдень! Один из наших спутников вдруг закричал от боли. Это несчастный Оуэн; лежа на передней части плота, он корчится в ужаснейших судорогах. Я иду, пошатываясь, к Оуэну. Как ни расценивать его поведение, надо из чувства человечности облегчить его страдания.

Вдруг матрос Флейпол тоже испускает крик. Я оборачиваюсь.

Флейпол стоит, прислонившись к мачте, и указывает рукой на какую-то точку, появившуюся на горизонте.

— Судно! — кричит он.

Все вскакивают. На плоту — полное безмолвие. Вслед за другими встает, сдерживая стоны, и Оуэн.

В самом деле, в направлении, указанном Флейполом, виднеется белая точка. Но движется ли она? Парус ли это? Какого мнения на этот счет моряки, обладающие таким острым зрением?

Я слежу за Робертом Кертисом, который стоит, скрестив руки, и всматривается в белую точку. Все мускулы на его лице напряглись, подбородок поднят, брови насуплены, глаза прищурены, пристальный взгляд прикован к горизонту. Если эта белая точка — парус, капитан не ошибется.

Но Роберт Кертис разочарованно встряхивает головой, руки его бессильно опускаются.

Я смотрю. Белой точки не видно. То был не корабль, нет, а какое-то отражение, гребень мелькнувшей волны.

Если же это судно, то оно уже исчезло!

Какая тоска охватила нас после мгновенно блеснувшей надежды! Все мы снова заняли привычные места. Один Роберт Кертис недвижимо стоит на месте, хоть и не смотрит больше на горизонт.

Тут Оуэн начинает вопить еще громче прежнего. Он весь корчится от нестерпимых болей. На него страшно смотреть. Горло у него спазматически сжимается, язык сух, живот вздулся, пульс нитевидный, частый, с перебоями. Сильнейшие судороги сотрясают его тело, временами его даже подбрасывает. По этим симптомам можно безошибочно определить, что Оуэн отравился окисью меди.

У нас нет необходимых противоядий. Можно лишь вызвать рвоту, чтобы очистить желудок Оуэна от его содержимого. Обычно с этой целью применяется теплая вода, и я обращаюсь к капитану с просьбой дать мне ее хоть немного. Кертис соглашается. Так как в первом бочонке вода уже кончилась, я хочу зачерпнуть из другого, еще нетронутого, но Оуэн поднимается на колени и кричит голосом, уже не похожим на человеческий:

— Нет, нет, нет!

Почему он отказывается? Я подхожу к Оуэну и объясняю ему, что намерен сделать. Он еще решительнее заявляет, что этой воды пить не будет.

Тогда я пытаюсь вызвать рвоту тем, что щекочу ему нёбо, и вскоре его начинает рвать синеватой жидкостью. Теперь совершенно ясно: Оуэн отравился сернокислой окисью меди, иначе говоря купоросом, и, что бы мы ни делали, он погиб!

Но как он отравился? После рвоты Оуэну становится немного лучше. Он, наконец, в состоянии говорить. Капитан и я расспрашиваем его...

Я даже не пытаюсь описать впечатление, которое произвел на нас ответ несчастного матроса!

Оуэн, терзаемый жаждой, украл несколько пинт воды из нетронутого бочонка!.. Вода в этом бочонке отравлена!

XLIII

С одиннадцатого по четырнадцатое января. — Оуэн умер ночью в страшнейших мучениях.

Да, правда! В бочонке был прежде купорос. Это факт. Но по какой роковой случайности этот бочонок использовали для хранения воды и почему — случайность, еще более прискорбная, — он попал к нам на плот?.. Не все ли равно? Одно ясно: воды у нас больше нет.

Тело Оуэна пришлось бросить в море, так как оно тотчас же начало разлагаться. Боцман не мог даже использовать его для заправки удочек; оно превратилось в какую-то рыхлую массу. Смерть этого несчастного даже не принесла нам пользы.

Все мы понимаем, в каком очутились положении, и не можем вымолвить ни слова. Да и что тут скажешь? Нам даже тяжело слышать собственный голос. Мы стали очень раздражительны, и лучше уж нам не разговаривать друг с другом, так как малейшее слово, взгляд, жест могут вызвать взрыв ярости, которую невозможно сдержать. Я не понимаю, как мы еще не помешались.

Двенадцатого января мы не получили нашего обычного рациона воды: накануне была выпита последняя капля. На небе ни единого облачка. Надежды на дождь нет, и будь у нас термометр, он, вероятно, показал бы 104° в тени [1], если бы на плоту была тень.

Тринадцатого положение не изменилось. Морская вода начинает сильно разъедать мне ноги, но я почти не замечаю боли. У тех же, кто уже раньше страдал от этих язв, состояние ухудшилось.

Ах, подумать только, что если можно было бы превратить в пар морскую воду, а затем ее конденсировать, она стала бы пригодной для питья! Она уже не содержала бы соли и ее можно было бы пить! Но у нас нет ни нужных приборов, ни возможности их изготовить.

Сегодня боцман и два матроса выкупались, рискуя угодить в пасть акулы. Купанье немного освежает. Троих наших спутников и меня, людей, едва умеющих плавать, спустили на веревке в воду, где мы пробыли около получаса. В это время Роберт Кертис наблюдал за морем. К счастью, акулы не появлялись. Несмотря на все уговоры, мисс Херби не захотела последовать нашему примеру, хотя она сильно страдает.

Четырнадцатого, часов в одиннадцать утра, капитан подошел ко мне и сказал шепотом:

— Не волнуйтесь, господин Казаллон, не привлекайте к себе внимания. Возможно, что я ошибаюсь, и мне не хочется причинить нашим спутникам новое разочарование.

Я смотрю на Роберта Кертиса.

— На этот раз, — заявляет он, — я действительно заметил судно!

Капитан хорошо сделал, что предупредил меня, так как я мог бы не совладать с собой.

— Взгляните, — прибавляет он. — Вон там, за левым бортом!

Я встаю, прикидываясь равнодушным, хотя на самом деле очень волнуюсь, и оглядываю дугу

---

[1] 104° по Фаренгейту соответствуют 40° по Цельсию. *(Прим. автора.)*

горизонта, на которую указал Роберт Кертис. Я не обладаю острым зрением моряка, но все же различаю еле заметные очертания судна, идущего под всеми парусами.

Почти тотчас же боцман, уже несколько минут смотревший в ту же сторону, вскрикивает:

— Судно!

Показавшийся на горизонте корабль сначала не производит ожидаемого впечатления. То ли не веряг в его появление, то ли силы уже иссякли. Никто не двигается с места. Но после того как боцман несколько раз повторил: «Судно! судно!» — все взоры обратились, наконец, к горизонту.

На этот раз ошибиться невозможно. Мы его видим, этот корабль, на который уже перестали надеяться. Но увидят ли нас оттуда?

Матросы стараются определить, что это за корабль и, в особенности, куда он держит курс.

Роберт Кертис, долго и пристально смотревший на горизонт, говорит:

— Это бриг, он идет в бейдевинд, правым галсом. Если он пройдет два часа в том же направлении, то непременно перережет нам дорогу.

Два часа! Два века! Но судно может с минуты на минуту переменить курс, тем более что оно, вероятно, лавирует против встречного ветра. Если это так, то, кончив маневр, оно пойдет левым галсом и исчезнет. Ах, если бы корабль шел по ветру или со спущенными парусами, мы имели бы право надеяться!

Надо, чтобы нас увидели с судна! Надо во что бы то ни стало добиться, чтобы нас заметили оттуда! Роберт Кертис приказывает подавать всевозможные сигналы, ибо бриг находится еще милях в двенадцати к востоку и криков наших там не услышат. Огнестрельного оружия у нас нет, и мы не можем привлечь внимание выстрелами. Поднимем же какой-нибудь флаг на верхушку мачты. Шаль мисс Херби — красная, а этот цвет лучше всего выделяется на фоне моря и неба.

Мы поднимаем вместо флага шаль мисс Херби, и легкий ветер, покрывающий рябью поверхность воды,

тихонько треплет его. Когда флаг развевается, в сердце закрадывается надежда. Утопающий, как известно, хватается за соломинку.

Для нас эта соломинка — флаг.

Целый час мы попеременно переходим от надежды к отчаянию. Бриг, повидимому, приближается к плоту, но иногда он словно останавливается, и мы спрашиваем себя, уж не повернет ли он обратно.

Как медленно плывет судно! А между тем оно идет под всеми парусами, можно различить бом-брамсели, стаксели и чуть ли не корпус корабля над горизонтом. Но ветер слаб, а если он еще спадет!.. Мы отдали бы годы жизни, чтобы стать старше на один час!

В половине первого боцман и капитан определяют, что бриг находится от нас на расстоянии девяти миль. Значит, за полтора часа он сделал всего три мили. Легкий ветерок, проносящийся над нашими головами, вряд ли доходит до него. Теперь мне кажется, что паруса брига уже не надуваются, что они повисли вдоль мачт. Я смотрю, не поднимется ли ветер, но волны кажутся уснувшими, и дуновение, на которое мы возлагали такие надежды, замирает, едва возникнув.

Я стою назади плота вместе с Летурнерами и мисс Херби; мы поминутно переводим взгляд с судна на капитана. Роберт Кертис застыл на месте, опершись о мачту рядом с боцманом. Глаза их ни на минуту не отрываются от брига. Мы читаем на их лицах волнение, которое они не в силах побороть. Никто не проронил ни слова до тех пор, пока плотник Даулас не крикнул с отчаянием, не поддающимся описанию:

— Он поворачивает!

Вся наша жизнь сосредоточилась в это мгновение в глазах. Все мы вскочили, некоторые встали на колени. Вдруг у боцмана вырывается ужасное ругательство. Судно находится в девяти милях от нас, и с этого расстояния там не могли заметить наш сигнал! Плот же — всего только точка, затерявшаяся среди водного простора в ослепительном сиянии солнечных лучей. Его не увидишь. И его не видели! Ведь капитан корабля, кто бы он ни был, не может быть настолько

бесчеловечен, чтобы уйти, не подав нам помощи! Нет! Это невероятно. Он нас не видел!

— Огня! огня! — вдруг вскрикнул Роберт Кертис. — Давайте зажжем костер! Друзья мои! Друзья! Это наш последний шанс — иначе нас не заметят!

На передний конец плота бросили несколько досок, сложили костер. Их зажгли не без труда, так как они отсырели. Тем лучше: дым будет гуще и, значит, заметнее. Огонь вспыхивает, в воздух поднимается почти черный столб дыма. Если бы это было ночью, если бы темнота наступила прежде, чем бриг исчезнет из вида, пламя увидели бы даже на таком далеком расстоянии.

Но часы бегут, огонь гаснет!..

Чтобы смириться после этого, чтобы подчиниться божьей воле, надо иметь над собой власть, которую я уже потерял. Нет! Я не могу верить в бога, обманувшего нас минутной надеждой, которая лишь усилила наши муки. Я богохульствую, как богохульствовал боцман... Моего плеча коснулась чья-то слабая рука, и я увидел мисс Херби. Она указывает мне на небо!

Но это уже слишком! Я ничего не хочу видеть, я ложусь под парус, я прячусь, и из груди моей вырываются рыдания...

В это время судно поворачивает на другой галс, медленно удаляется на восток; три часа спустя самый зоркий глаз уже не мог бы заметить на горизонте его развернутые паруса.

XLIV

— *Пятнадцатое января.* — После этого последнего удара судьбы нам остается одно: ждать смерти. Раньше или позже, но она придет.

Сегодня на западе появились облака. Потянул ветерок. Жару стало легче переносить, и, вопреки нашей подавленности, мы чувствуем влияние происшедшей перемены. Я с удовольствием вдыхаю менее сухой воздух. Но с тех пор как боцман поймал рыбу, мы ничего не ели, то есть уже целую неделю. На плоту нет ни крошки. Вчера я дал Андре Летурнеру последний ку-

сок сухаря, сбереженного стариком. Господин Летурнер плакал, вручая мне его.

Еще вчера негру Джинкстропу удалось освободиться от своих пут, и Роберт Кертис не отдал приказания снова связать его. Да и к чему! Негодяй и его сообщники изнурены продолжительным постом. Что они могут предпринять?

Сегодня показалось несколько крупных акул; их черные плавники с необыкновенной быстротой рассекают воду. Я невольно думаю, что это живые гробы, которые вскоре поглотят наши жалкие останки. Акулы уже не пугают меня, а скорее притягивают. Они почти вплотную подплывают к бортам плота, и одно из этих чудовищ чуть не откусило руку Флейполу, опустившему ее в воду.

Боцман, широко раскрыв глаза и стиснув зубы, неподвижным взглядом следит за акулами. Он рассматривает их совсем с другой точки зрения, чем я: как бы съесть их, вместо того чтобы быть съеденным ими. Поймай он хоть одну, уж он не побрезговал бы ее жестким мясом. Да и мы тоже.

Боцман хочет попытаться. И так как у нас нет крюка, к которому можно было бы прикрепить веревку, надо его сделать. Роберт Кертис и Даулас поняли замысел боцмана и стали совещаться, все время бросая в море обломки шестов или куски веревок, чтобы удержать акул вокруг плота.

Даулас взял свой плотничий топорик, которым он собирается заменить крюк. Возможно, что этот инструмент зацепится лезвием или противоположным концом за пасть акулы, если она попытается его проглотить. Деревянную ручку топорика привязали к крепкому канату, другой конец которого прикрепили к одному из столбов плота.

Эти приготовления еще обостряют наш голод. Мы задыхаемся от нетерпения. Мы стараемся удержать акул всеми возможными средствами. Крюк готов, но у нас нет ничего для приманки. Боцман ходит взад и вперед по плоту, разговаривает сам с собой, обшаривает все углы, и порой мне кажется, что он проверяет, не умер ли кто-нибудь из нас.

Приходится прибегнуть к средству, уже однажды испробованному: боцман обертывает топорик красным лоскутом, оторванным от той же шали мисс Херби.

Но сначала он удостоверяется, все ли в порядке. Крепко ли привязан топорик? Хорошо ли прикреплена снасть к плоту? Достаточно ли прочен канат? Боцман все проверяет и только затем бросает свой снаряд на воду.

Море прозрачно, в нем без труда можно разглядеть любой предмет на глубине ста футов. Я вижу, как топорик, обернутый в красный лоскут, медленно опускается. Алое пятно отчетливо выделяется в синей воде.

Все мы, и пассажиры и моряки, наклонились над фальшбортом в глубоком молчании. Но с тех пор как мы стараемся раздразнить акул нашей приманкой, они как будто исчезли. Впрочем, вряд ли эти прожорливые создания уплыли далеко, их так много в этих местах, что любая добыча — даже самая незавидная — будет проглочена в одно мгновение.

Вдруг боцман делает знак рукой. Он указывает на огромную темную массу, она скользит по направлению к плоту, слегка высовываясь из воды. Это акула длиною в двенадцать футов: она поднялась из глубины и плывет прямо к нам.

Как только она оказалась саженях в четырех от плота, боцман подтянул канат, так что крюк очутился на пути акулы; красный лоскут шевелится, что придает ему видимость одушевленного предмета.

Я чувствую, что сердце мое забилось с необычайной силой, как будто на карту поставлена моя жизнь.

Между тем акула все приближается; налившиеся кровью глаза блестят над водой, а когда она поворачивается, в разверстой пасти видны острые зубы.

Раздается чей-то крик!.. Акула замирает на месте и затем исчезает в морской глубине.

Кто из нас испустил этот крик, разумеется, невольный?

Боцман выпрямляется, бледный от гнева.

— Я убью первого, кто скажет хоть слово, — говорит он.

И снова принимается за работу.

Собственно говоря, боцман прав!

Крюк опять погружен в воду, но прошло полчаса, и ни одна акула не показывается; снаряд пришлось спустить на глубину двадцати саженей. Однако мне кажется, что вода на этой глубине неспокойна, а это указывает на присутствие акул.

И в самом деле, веревку вдруг сильно дернуло, она выскользнула из рук боцмана, но в море не ушла, так как была крепко привязана.

Акула клюнула и сама себя подсекла.

— На помощь, ребята, на помощь! — кричит боцман.

Пассажиры и матросы тотчас же берутся за дело. Надежда окрылила нас, и все же мы недостаточно крепки, а чудовище бьется с необычайной силой. Мы стараемся сообща вытащить акулу. Мало-помалу вода приходит в волнение под мощными ударами ее хвоста и плавников. Наклонившись, я вижу огромное тело, судорожно бьющееся на окровавленных волнах.

— Смелее, смелее! — кричит боцман.

Наконец, появляется голова акулы. Через полуоткрытую пасть топорик проник в глотку, вонзился в тело, и чудовище никак не может от него освободиться. Даулас хватает большой топор, чтобы прикончить акулу, как только она будет на уровне плота.

Вдруг раздается сухой треск. Акула с силой сомкнула челюсти, перекусила рукоятку топорика и исчезла в море.

Из груди у нас вырывается вопль отчаяния!

Боцман, Роберт Кертис и Даулас еще раз попытались поймать акулу, хотя теперь у них уже нет ни топорика, ни инструментов, чтобы изготовить снаряд. Они бросают в море веревку с мертвой петлей на конце. Но эти лассо лишь скользят по гладкому телу акул. Боцман дошел даже до того, что пытается привлечь внимание своей голой ногой, которую он опустил за борт, рискуя, что она будет откушена...

Эти бесплодные попытки, наконец, прекращаются. Каждый возвращается на свое место, чтобы ожидать

там смерти, которую уже ничто не может предотвратить.

Но я ушел не сразу и успел услышать, как боцман сказал Роберту Кертису:

— Капитан, когда же мы бросим жребий?

Роберт Кертис ничего не ответил, но вопрос поставлен.

XLV

— *Шестнадцатое января.* — Мы все лежим, подстелив под себя паруса. Если бы мимо нас прошло судно, то его экипаж принял бы плот за обломок кораблекрушения, покрытый трупами.

Я страдаю ужасно. Разве я мог бы есть при таком состоянии губ, языка, гортани? Не думаю, и, однако, мои спутники и я бросаем друг на друга кровожадные взгляды.

Сегодня, несмотря на грозовые облака, жара еще усилилась. Над морем поднимаются густые пары. Однако мне кажется, что дождь пойдет где угодно, только не над нашим плотом.

И все же мы смотрим на тучи жадным взглядом. Наши губы тянутся к ним. Летурнер-отец с мольбой подымает руки к безжалостному небу.

Я прислушиваюсь: не раздастся ли отдаленный рокот, предвещающий грозу. Одиннадцать часов утра. Облака застилают солнце, но теперь уже ясно, что они не заряжены электричеством. Гроза, очевидно, не разразится, так как все облака имеют одинаковую окраску и их контуры, так отчетливо рисовавшиеся ранним утром, теперь слились в сплошную сероватую массу. Это всего лишь туман.

Но разве из этого тумана не может пролиться дождь, хотя бы дождик, всего несколько капель!

— Дождь! — вдруг вскрикивает Даулас.

И в самом деле! В какой-нибудь полумиле от плота с неба спускается завеса дождя, и я вижу капельки, подскакивающие на поверхности океана. Окрепший ветер дует прямо на нас. Лишь бы только

туча не иссякла прежде, чем пройдет над нашими головами!

Бог, наконец, сжалился над нами. Дождь падает крупными каплями из темных облаков. Но ливень не будет продолжительным. Надо собрать все, что он может дать, так как нижний край тучи уже пламенеет над горизонтом.

Роберт Кертис велел поставить сломанную бочку так, чтобы в нее набралось побольше воды; паруса развернули: пусть впитают в себя столько дождя, сколько можно.

Мы легли навзничь, открыв рот. Дождь поливает мне лицо, губы, и я чувствую, как он стекает в горло! Ах! Невыразимое наслаждение! Сама жизнь вливается в меня! Дождевые струйки словно смазывают у меня все внутри. Я глубоко дышу, впивая живительную влагу, проникающую в самую глубину моего существа.

Дождь продолжался около двадцати минут; затем наполовину пролившаяся туча рассеялась.

Мы поднялись обновленными, лучшими. Да! «лучшими». Мы пожимаем друг другу руки, беседуем! Нам кажется, что мы спасены! Бог в своем милосердии пошлет нам другие тучи, и они опять дадут нам воду, которой мы были так долго лишены!

И ведь вода, упавшая на плот, тоже не будет потеряна. Она впиталась в паруса, собралась в бочке, надо только бережно хранить ее и раздавать по капле.

В самом деле, в бочке оказалось две-три пинты воды, а если выжать паруса, то наш запас еще немного увеличится.

Матросы хотят приступить к делу, но Роберт Кертис останавливает их.

— Погодите-ка! — говорит он. — А что, эта вода пригодна для питья?

Я с удивлением смотрю на него. Почему бы ей быть непригодной — ведь это дождевая вода!

Роберт Кертис выжимает в жестяную кружку немного воды, содержащейся в складках паруса. Потом он пробует ее и, к моему величайшему удивлению, тотчас же выплевывает.

Я попробовал ее в свою очередь. Это соленая вода! Совсем как морская!

Дело в том, что паруса просолились от волн и сообщили воде соленый вкус. Непоправимое несчастье! Но все равно! Мы надеемся. Ведь в бочонке осталось несколько пинт воды, и, кроме того, раз дождь был, он еще будет.

XLVI

— *Семнадцатое января.* — Если мы на некоторое время утолили жажду, то голод мучает нас еще сильнее. Неужели нет никакой возможности поймать одну из акул, которыми кишит море вокруг плота? Нет, разве только самому броситься в море и напасть на них с ножом в руке в их же собственной стихии, как это делают индийские искатели жемчуга. Роберт Кертис подумывал о том, чтобы попытать счастья. Но мы его удержали. Акул здесь слишком много, и он только обрек бы себя на верную и бесполезную гибель.

Я замечаю, что можно обмануть жажду, окунувшись в море или жуя какой-нибудь металлический предмет. Но голод ничем не обманешь. Воду легче достать, ее дает, например, дождь. Поэтому никогда не надо терять надежду на воду, но можно потерять всякую надежду на получение пищи.

И вот мы впали в состояние полной безнадежности. Если договаривать все до конца, то надо сказать, что некоторые из моих спутников поглядывают друг на друга алчным взглядом. Так вот, значит, какое направление приняли наши мысли и до какой дикости голод может довести людей, одержимых одним-единственным желанием!

После получасового дождя грозовые тучи рассеялись, небо снова стало чистым. Ветер на мгновение окреп, но вскоре снова спал, и парус повис вдоль мачты. Да мы и перестали рассматривать ветер, как двигатель. Где находится наш плот? В какую сторону Атлантического океана его занесло течением? Никто не

может ни ответить на этот вопрос, ни пожелать, чтобы ветер подул, скажем, с востока, а не с севера или с юга! Мы просим у ветра лишь одного, чтобы он освежил нам грудь, напитал влагой сухой воздух, обжигающий нас, чтобы он, наконец, умерил жару, которую шлет нам с неба огненное солнце.

Настал вечер, до полуночи будет темно, затем покажется луна, вступившая в последнюю четверть. Звезды, подернутые дымкой, не искрятся тем чудесным светом, который льется с неба в холодные ночи.

В полубреду, терзаемый жестоким голодом, особенно острым по вечерам, я ложусь на груду парусов у правого борта и наклоняюсь над водой, чтобы вдохнуть в себя освежающий запах моря.

Неужели кто-нибудь из товарищей, лежащих на своих обычных местах, нашел забвение от своих мук во сне? Думаю, что никто. Что касается меня, мой опустошенный мозг мутится, меня одолевают кошмары.

Все же я погружаюсь в болезненную дрему, нечто среднее между сном и бодрствованием. Не знаю, сколько времени я находился в этом полузабытьи. Помню только, что меня вывело из него какое-то странное ощущение.

Может быть, я грежу, но неожиданно до меня долетает запах, которого я сначала не узнаю. Он еле уловим, и временами его приносит легкий ветерок. Ноздри у меня раздуваются и втягивают этот непонятный запах. «Что же это такое?» — чуть не вскрикиваю я... Но инстинктивно сдерживаю себя и ищу, как ищут в памяти забытое слово или имя.

Проходит несколько мгновений, запах становится ощутимее, и я вдыхаю его все сильнее.

«Но, — говорю я себе вдруг, как человек, вспомнивший позабытое, — это же запах вареного мяса!»

Еще и еще раз вдохнув его, я убеждаюсь, что чувства меня не обманули, и, однако, на этом плоту...

Поднявшись на колени, я еще глубже втягиваю в себя воздух, — извините за выражение, — принюхиваюсь к нему!.. Тот же запах вновь щекочет мне

ноздри. Я, следовательно, нахожусь под ветром, который доносит его с переднего конца плота.

И вот я покидаю свое место, ползу, как животное, ищу не глазами, а носом, скольжу под парусами, между шестами, с осторожностью кошки: только бы не привлечь внимание своих спутников.

В течение нескольких минут я рыщу по всем углам, руководствуясь, словно ищейка, обонянием. Иногда я теряю след — то ли удаляюсь от цели, то ли падает ветер, — а иногда запах начинает раздражать меня с особенной силой. Наконец-то я напал на след и чувствую, что иду прямо к цели!

Я нахожусь как раз на переднем конце плота, у правого борта, и ясно ощущаю, что здесь-то и пахнет копченым салом. Нет, я не ошибся. Мне кажется, что сало у меня здесь, на языке, рот наполняется слюной.

Теперь мне остается залезть под широкую складку паруса. Никто меня не видит, не слышит. Я ползу на коленях, на локтях Протягиваю руку. Пальцы схватывают предмет, завернутый в кусок бумаги. Я быстро придвигаю его к себе и рассматриваю при свете луны, показавшейся в эту минуту над горизонтом.

Нет, это не обман зрения, я держу кусок сала. В нем меньше четверти фунта, но он достаточно велик, чтобы на целый день утишить мои муки! Я подношу его ко рту..

Кто-то хватает меня за руку. Я оборачиваюсь, с трудом удерживаюсь от рычания. Передо мною буфетчик Хоббарт.

Все объясняется: и поведение Хоббарта, и его относительно хорошее здоровье, и лицемерные жалобы. При переходе на плот он сумел припрятать немного провизии и питался, в то время как мы умирали от голода. Ах, негодяй!

Да нет же! Хоббарт действовал умно. Я нахожу, что он человек осторожный, смышленый, и если ему удалось сохранить немного пищи тайком от всех, тем лучше для него... и для меня.

Хоббарт другого мнения. Он хватает меня за руку и старается отнять кусок сала, не произнося при этом

ни слова; он не хочет привлекать к себе внимание товарищей.

Я тоже заинтересован в том, чтобы молчать. Как бы еще другие не вырвали у меня из рук добычу! И я борюсь молча, с тем большей яростью, что слышу бормотанье Хоббарта: «Мой последний кусок! Последний!»

Последний? Надо добыть этот кусок во что бы то ни стало! Я хочу его! И получу! И я хватаю за глотку своего противника. Раздается хрип, но вскоре Хоббарт затихает. Я жадно впиваюсь зубами в кусок сала, крепко держа одной рукой Хоббарта.

Отпустив, наконец, несчастного буфетчика, я ползком возвращаюсь на свое место. Никто меня не видел. Я поел!

XLVII

— *Восемнадцатое января.* — Дожидаюсь рассвета со странной тревогой! Что скажет Хоббарт? Мне кажется, он имеет право выдать меня. Нет! Это нелепо. Ведь я расскажу обо всем, что произошло. Если станет известно, как жил Хоббарт, когда мы умирали от голода, как он питался тайком от нас, в ущерб нам, товарищи безжалостно убьют его.

Все равно! Хотелось бы скорей дождаться дня.

Муки голода утихли, хотя сала было так мало — один кусочек, «последний», как сказал этот несчастный. И все же я не страдаю, но, говоря откровенно, меня терзает раскаяние: как же я не разделил эти жалкие крохи с моими товарищами? Мне следовало подумать о мисс Херби, об Андре, об его отце... а я думал только о себе!

Луна поднимается все выше, и скоро занимается заря: утро наступит быстро, ведь под этими широтами не бывает ни рассвета, ни сумерек.

Я так и не сомкнул глаз. С первыми проблесками света мне показалось, что на мачте виднеется какая-то бесформенная масса.

Что это такое? Я еще ничего не могу рассмотреть и остаюсь лежать на груде парусов.

Наконец, по поверхности моря скользнули первые лучи солнца, и я различаю тело, качающееся на веревке в такт движению плота.

Неодолимое предчувствие влечет меня к этому телу, и я бегу к подножию мачты...

Это тело повешенного. Этот повешенный — буфетчик. Я толкнул на самоубийство несчастного Хоббарта — да, я!

У меня вырывается крик ужаса. Мои спутники встают, видят тело, бросаются к нему... Но не для того, чтобы узнать, осталась ли в нем хоть искра жизни!.. Впрочем, Хоббарт мертв, и труп его уже похолодел.

В мгновение ока веревка срезана. Боцман, Даулас, Джинкстроп, Фолстен и другие наклоняются над мертвым телом...

Нет! Я не видел! Я не хотел видеть! Я не участвовал в этой страшной трапезе! Ни мисс Херби, ни Андре Летурнер, ни его отец не пожелали заплатить такой ценой за облегчение своих страданий!

Что касается Роберта Кертиса, я не знаю... Я не смел спросить его.

Но другие: боцман, Даулас, Фолстен, матросы! Люди, превратившиеся в диких зверей... Какой ужас!

Летурнеры, мисс Херби, я — мы спрятались под тентом, мы ничего не хотели видеть! Достаточно было и того, что мы слышали!

Андре Летурнер порывался броситься на этих каннибалов, отнять у них остатки ужасной пищи! Я силой удержал его.

И, однако, они имеют на это право, несчастные! Хоббарт был мертв! Не они его убили! И, как сказал однажды боцман, «лучше съесть мертвого, чем живого».

Кто знает, быть может, эта сцена — только пролог гнусной, кровопролитной драмы, которая разыграется у нас на плоту!

Я поделился этими мыслями с Андре Летурнером.

Но не мог рассеять ужас и отвращение, которые доводят его чуть ли не до помешательства.

Однако мы умираем от голода, а наши восемь товарищей, быть может, избегнут этой ужасной смерти.

Хоббарт благодаря припрятанной провизии был среди нас самым здоровым. Ткани его тела не изменены какой-нибудь органической болезнью. Он лишил себя жизни в расцвете сил.

Но что за ужасные мысли приходят мне на ум? Неужели эти каннибалы внушают мне не отвращение, а зависть?

В эту минуту раздается голос одного из них — плотника Дауласа.

Он говорит, что надо выпарить на солнце морскую воду и собрать соль.

— Мы посолим остатки, — говорит он.

— Да, — отвечает боцман.

Вот и все. Без сомнения, совет плотника принят, ибо я не слышу больше ни звука. На плоту царит глубокое молчание, и я заключаю из этого, что мои товарищи спят.

Они сыты!

XLVIII

— *Девятнадцатое января.* — В продолжение всего этого дня то же безоблачное небо, та же жара. Наступает ночь, но не приносит прохлады. Я не проспал и нескольких часов.

К утру слышу гневные крики.

Летурнеры и мисс Херби, лежавшие вместе со мной под тентом, встают. Я приподнимаю полотно, чтобы посмотреть, в чем дело.

Боцман, Даулас и другие матросы чем-то разъярены. Роберт Кертис, сидящий на заднем конце плота, встает и пытается их успокоить. Он спрашивает, что привело их в такое бешенство.

— Да! Да! Мы узнаем, кто это сделал! — говорит Даулас, бросая вокруг себя свирепые взгляды.

— Да, — подхватывает боцман, — здесь есть вор! То, что у нас осталось, исчезло!

— Это не я! Не я! — отзываются по очереди матросы.

Несчастные шарят во всех углах, приподнимают

паруса, передвигают доски. И так как все поиски напрасны, их гнев возрастает.

Боцман подходит ко мне.

— Вы, должно быть, знаете, кто вор? — спрашивает он.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — отвечаю я.

Приближается Даулас, а за ним и другие матросы.

— Мы обыскали весь плот, — говорит Даулас. — Остается осмотреть палатку...

— Никто из нас не выходил отсюда, Даулас.

— Надо поглядеть!

— Нет! Оставьте в покое тех, кто умирает с голоду!

— Господин Казаллон, — говорит мне боцман, сдерживаясь, — мы вас не обвиняем. Если кто-нибудь из вас взял свою долю, к которой он не хотел притронуться вчера, что ж, это его право. Но исчезло все, вы понимаете — все!

— Обыскать палатку! — восклицает Сандон.

Матросы подходят ближе. Я не могу противиться этим несчастным, которых ослепляет гнев. Мне становится страшно. Неужели Летурнер дошел до того, что взял — не для себя, конечно, но для сына... Если это так, то безумцы растерзают его на части!

Я смотрю на Роберта Кертиса, как бы прося у него защиты. Капитан становится возле меня. Обе руки его засунуты в карманы, и я угадываю, что он сжимает оружие.

Между тем по настоянию боцмана мисс Херби и Летурнеры вышли из палатки; матросы обшарили все, самые потайные ее уголки, — к счастью, тщетно.

Очевидно, кто-то выбросил в море останки Хоббарта.

Боцман, плотник, матросы впадают в ужасное отчаяние.

Но кто же это сделал? Я смотрю на мисс Херби, на старого Летурнера. Вижу по их глазам, что не они.

Я перевожу взгляд на Андре, который на мгновение отворачивается.

Несчастный молодой человек! Неужели это он? И понимает ли он последствия этого поступка?

XLIX

— С двадцатого по двадцать второе января. — В последующие дни участники ужасной трапезы, происходившей 18 января, почти не страдали: ведь они насытились и утолили жажду.

Но мисс Херби, Андре Летурнер, его отец и я... Наши муки неописуемы! Не дошли ли мы до того, что сожалеем об исчезновении останков? Если кто-нибудь из нас умрет, устоим ли мы?..

Вскоре голод снова начинает терзать боцмана, Дауласа и других, они смотрят на нас безумными глазами. Неужели мы для них — верная добыча?

Но голод, это не самое худшее, жажда еще более мучительна. Да! Если бы нам предложили на выбор несколько капель воды и несколько крошек сухаря, ни один из нас не колебался бы! Это говорят все те, кто потерпел крушение и бедствовал, как мы. И говорят правильно! От жажды страдают сильнее, чем от голода, да и умирают от нее скорее.

А вокруг — вода, вода, которая на вид ничем не отличается от пресной! Ужасная пытка! Я не раз пробовал проглотить несколько капель этой воды, но она вызывала во мне неодолимую тошноту и еще более жгучую жажду, чем прежде.

Мера терпения переполнена! Вот уже сорок два дня, как мы расстались с «Ченслером». Ни у кого из нас не осталось ни проблеска надежды. Разве нам не суждено умереть — и худшей из всех смертей?

Я погружаюсь в какой-то туман, и этот туман все сгущается. Я впадаю в лихорадочный бред. Борюсь, стараясь удержать разбредающиеся мысли. Этот бред пугает меня! Куда он меня заведет? Буду ли я достаточно силен, чтобы вернуться к сознанию действительности?

Я пришел в себя — не могу сказать после скольких часов. Голова у меня покрыта компрессами, пропитанными морской водой; за мной ходит мисс Херби, но я чувствую, что мне недолго осталось жить!

Сегодня, 22 января, разыгралась ужасная сцена Негр Джинкстроп, внезапно впавший в буйное

помешательство, рыча бегает по плоту. Роберт Кертис хочет его успокоить, но напрасно! Он кидается на окружающих, очевидно, с намерением проглотить их. Приходится защищаться от него, как от хищного зверя. Джинкстроп схватил аншпуг, и увертываться от его ударов очень трудно.

Но вдруг — это можно объяснить только своеобразным течением припадка — ярость Джинкстропа обращается на него самого. Он рвет свое тело зубами, ногтями, кровь брызжет нам в лицо.

— Пейте! Пейте! — кричит он.

Так он беснуется несколько минут, затем бежит к краю плота с теми же воплями:

— Пейте! Пейте!

Он взмахивает руками, и я слышу, как тело его падает в море.

Боцман, Фолстен, Даулас бросаются к фальшборту, чтобы поймать на лету это тело, но на поверхности моря уже не видно ничего, кроме большого красного круга, посредине которого бьются чудовищные акулы!

L

— *Двадцать второе — двадцать третье января.* — Теперь нас на борту только одиннадцать. Для меня ясно, что с каждым днем будут новые жертвы. Развязка драмы приближается. Если на этой неделе мы не достигнем земли или нас не подберет какое-нибудь судно, потерпевшие крушение погибнут все до единого.

Двадцать третьего января вид неба изменился, ветер посвежел. Ночью он потянул с северо-востока. Парус надулся, и отчетливый след, остающийся за плотом, показывает, что мы идем довольно быстро. Со скоростью трех миль в час, как говорит капитан.

Роберт Кертис и инженер Фолстен — самые крепкие из нас. Несмотря на ужаснейшую худобу, они удивительно стойко выносят все лишения. Я не в силах описать, до какого состояния дошла бедная мисс Херби. От нее осталась одна лишь душа, но душа му-

жественная! Вся жизнь ее как будто сосредоточилась в глазах, необыкновенно блестящих. Кажется, что она не от мира сего!

Зато боцман, человек большой жизненной силы, повидимому, совершенно изнемогает. Он неузнаваем. Голова падает на грудь, длинные костлявые руки лежат на острых коленях, резко обозначившихся под изношенными панталонами. Он неизменно сидит в углу плота, не поднимая глаз. В отличие от мисс Херби боцман человек вполне земной; он до того неподвижен, что порою я опасаюсь, не умер ли он.

На плоту не слышно ни разговоров, ни даже стонов. Полное безмолвие. За день не услышишь и десяти слов. Впрочем, если бы мы произнесли нашими опухшими и потрескавшимися губами несколько слов, их нельзя было бы разобрать. На плоту остались только привидения, бескровные, безжизненные, — в них уже нет ничего человеческого!

LI

— *Двадцать четвертое января.* — Где мы? В какую часть Атлантического океана занесло наш плот? Два раза я спрашивал об этом Роберта Кертиса, но он не мог сказать ничего определенного. Однако капитан, все время следивший за направлением течений и ветров, полагает, что нас, повидимому, относит к западу, то есть к земле.

Сегодня ветер совершенно упал. Тем не менее по морю гуляют большие волны, указывающие, что на востоке водная стихия взбунтовалась. Без сомнения, в той части Атлантического океана ее всколыхнула буря. Плот очень обветшал. Роберт Кертис, Фолстен и плотник — все из последних сил стараются укрепить те части, которые грозят оторваться.

Но к чему стараться! Пусть они, наконец, рассыпятся, эти доски, пусть нас поглотит океан! Стоит ли бороться с ним за свою жалкую жизнь!

Ведь мучения наши достигли наивысшего предела. Большего человек не может вынести. Нет, не может!

Жара невыносима. Небо поливает нас расплавленным свинцом. Сквозь наши лохмотья проступает пот, и это еще усиливает жажду. Я не могу описать свои ощущения! Нет слов, чтобы изобразить такие сверхчеловеческие страдания!

Единственный способ освежиться, к которому мы прежде иногда прибегали, теперь нам недоступен. Больше нельзя и думать о купанье, так как после смерти Джинкстропа акулы приплывают стаями и окружают наш плот.

Я попытался сегодня добыть немного годной для питья влаги, испаряя морскую воду, но, несмотря на все мое упорство, мне с трудом удается смочить кусочек тряпки. К тому же чайник так стар, что стал протекать, и мне пришлось отказаться от этой затеи.

Инженер Фолстен тоже донельзя изнурен, — если он и переживет нас, то лишь на несколько дней. Поднимая голову, я даже не вижу его. Лежит ли он под парусами, или уже умер? Один только энергичный капитан Кертис стоит на краю плота и смотрит! Подумать только: этот человек... еще надеется!

Я отправляюсь на свое место, чтобы растянуться там и ждать смерти. Чем раньше она придет, тем лучше.

Сколько прошло часов — не знаю...

Вдруг слышу взрыв смеха. Кто-то из нас, очевидно, сошел с ума!

Взрывы смеха становятся громче. Я не поднимаю головы. Мне все равно. Однако до меня долетают какие-то бессвязные слова.

— Лужайка, лужайка! Зеленые деревья! А под деревьями трактир! Живо! Водки, джина, воды! За каждую каплю даю гинею! Я заплачу! У меня есть золото! Золото!

Галлюцинирует... Бедняга... За все золото государственного банка ты не получишь теперь ни капли воды...

Это матрос Флейпол. В бреду он восклицает:

— Земля! Вон земля!

Это слово могло бы воскресить мертвого! Я с трудом поднимаюсь. Ни намека на землю! Флейпол расхажи-

вает по плоту, смеется, поет и подает сигналы в сторону воображаемого берега... У него, конечно, нет непосредственных восприятий слуха, зрения, вкуса, но их заменяют чисто мозговые явления. Он разговаривает с отсутствующими приятелями и зовет их с собой в кардифский кабачок «Под сенью королевского герба». Здесь он предлагает им джину, виски, воды — особенно воды, которой он упивается! Ходит среди распростертых тел и, на каждом шагу спотыкаясь, падая и поднимаясь, распевает хриплым голосом. Можно подумать, что он мертвецки пьян. Отдавшись во власть безумия, он уже не страдает, не испытывает жажды. Ах! хотелось бы и мне так помешаться...

Неужели этот несчастный кончит так же, как негр Джинкстроп, неужели он бросится в море?

Повидимому, у Дауласа, Фолстена и боцмана мелькнула та же мысль. Но если Флейпол захочет покончить с собой, они не допустят, чтобы это было сделано «без пользы для них»! И вот они поднимаются, ходят за ним по пятам, сторожат его! Если Флейпол бросится в море, они на этот раз выхватят его из пасти акул!

Но Флейпол не бросился в море. Он так опьянел от галлюцинаций, словно действительно напился водки. Свалившись, как сноп, он заснул тяжелым сном.

LII

— *Двадцать пятое января.* — Ночь с 24 на 25 января была туманной и почему-то одной из самых жарких, какие только можно вообразить. От тумана мы задыхаемся. Одной лишь искры, чудится нам, достаточно, чтобы вспыхнул пожар, как в пороховом погребе. Плот даже не кружится на месте, он совершенно неподвижен. Я спрашиваю себя временами, способен ли он вообще плыть?

Ночью я несколько раз пытался сосчитать, сколько нас осталось на борту. Кажется, что одиннадцать, но

мне с трудом удается сосредоточиться, и выходит то десять, то двенадцать. Должно быть, после смерти Джинкстропа на плоту осталось одиннадцать человек. Завтра их будет десять. Я умру.

И в самом деле, я чувствую, что страдания мои скоро кончатся: передо мной проходит вся прошлая жизнь. Родина, друзья, семья — мне дано увидеть их в последний раз в туманной грезе!

К утру я проснулся, если можно назвать сном болезненную дремоту, в которую я впал. Да простит мне бог, но я серьезно подумываю положить конец своим страданиям. Мысль эта засела у меня в голове. Я испытываю облегчение, говоря себе, что могу поставить точку, когда захочу.

С каким-то странным спокойствием сообщаю о своем решении Роберту Кертису. Капитан лишь одобрительно кивает головой.

— Что касается меня, — говорит он, — я не убью себя. Это означало бы покинуть свой пост. Если смерть не придет за мной раньше, чем за остальными, я останусь на этом плоту последним.

Туман все не рассеивается. Мы окружены какой-то сероватой пеленой. Не видно даже воды. Туман поднимается с океана густыми волнами, но чувствуется, что над ним сияет жаркое солнце, которое быстро разгонит эти пары.

Около семи часов мне показалось, что над моей головой кричат птицы. Роберт Кертис — он все еще стоит и смотрит вдаль — жадно прислушивается к этим крикам. Они возобновляются трижды.

В третий раз я подхожу к нему и слышу глухое бормотанье:

— Птицы!.. Но, значит, земля близко!..

Неужели Роберт Кертис все еще верит в появление земли? Я в это не верю! Не существует ни континентов, ни островов. Земной шар всего лишь жидкий сфероид, каким он был во второй период после своего возникновения!

И все же я жду с некоторым нетерпением, чтобы туман рассеялся; не то чтобы я рассчитывал увидеть

землю, но эта нелепая мысль, эта несбыточная надежда преследует меня, и я спешу от нее освободиться.

Только часам к одиннадцати туман начинает редеть. Над водой еще вьются густые клубы, а выше, в прорывах облаков, я вижу небесную лазурь. Яркие лучи пронзают завесу испарений и впиваются в нас, как раскаленные добела металлические стрелы. Но на горизонте пары сгущаются, и я ничего не могу различить.

Клубы тумана окружают нас еще с полчаса, они расползаются очень медленно из-за полного отсутствия ветра.

Роберт Кертис, опираясь на борт плота, старается разглядеть, что делается за завесой тумана.

Наконец, жгучее солнце очищает поверхность океана, туман отступает, свет наполняет пространство, четко выступает горизонт.

Как и все эти полтора месяца, он лежит перед нами пустынной окружностью: вода сливается с небом!

Роберт Кертис, поглядев кругом, не произносит ни слова. О! Мне искренне жаль его, ведь он единственный из нас, кто не имеет права лишить себя жизни, когда захочет. Я же умру завтра, и если смерть не поразит меня, я сам пойду ей навстречу. Не знаю, живы ли еще мои спутники, но мне кажется, что я уже давно не видел их.

Наступила ночь. Я не мог уснуть ни минуты. Часов около двух жажда стала так нестерпима, что вызвала у меня жалобные стоны. Как! Неужели мне не дано испытать перед смертью высшее наслаждение — загасить огонь, который жжет мне грудь?

Да! Я напьюсь собственной крови за отсутствием крови других! Пользы мне от этого не будет, знаю, но по крайней мере я обману жажду!

Едва эта мысль мелькнула у меня в голове, как я привел ее в исполнение. С трудом раскрываю перочинный нож и обнажаю руку. Быстрым ударом перерезаю себе вену. Кровь выходит капля по капле, и вот я утоляю жажду из источника собственной жизни!

Кровь снова входит в меня и на мгновение утишает мои жестокие муки; потом она останавливается, иссякает.

Как долго ждать завтрашнего дня!

С наступлением утра густой туман снова собрался на горизонте и сузил круг, центром которого является плот. Этот туман горяч, как пары, вырывающиеся из котла.

Сегодня — последний день моей жизни. Прежде чем умереть, мне хотелось обменяться рукопожатием с другом. Роберт Кертис стоит неподалеку. Я с трудом подползаю к нему и беру его за руку. Он меня понимает, он знает, что это прощанье, и словно порывается пробудить во мне последний проблеск надежды, но напрасно.

Хотелось бы мне также повидать Летурнеров и мисс Херби... Но я не смею! Молодая девушка все прочтет в моих глазах. Она заговорит о боге, о будущей жизни, которую надо терпеливо ожидать... Ожидать! На это у меня нет мужества... Да простит меня бог!

Я возвращаюсь на задний конец плота, и после долгих усилий мне удается стать возле мачты. Я в последний раз обвожу взглядом это безжалостное море, этот неизменный горизонт! Если бы даже я увидел землю или парус, поднимающийся над волнами, я решил бы, что это игра воображения... Но море пустынно!

Теперь десять часов утра. Пора кончать. Голодные боли, жгучая жажда начинают терзать меня с новой силой. Инстинкт самосохранения во мне умолк. Через несколько минут я уже не буду страдать!.. Да сжалится надо мною господь!

В это мгновение раздается чей-то голос. Я узнаю голос Дауласа.

Плотник подходит к Роберту Кертису.

— Капитан, — говорит он, — бросим жребий!

Я уже готов был кинуться в море, но вдруг останавливаюсь. Почему? Не знаю. Но я возвращаюсь на свое место.

LIII

— *Двадцать шестое января.* — Предложение сделано. Все его слышали, все его поняли. Вот уже несколько дней как это стало навязчивой идеей, которую никто не смел высказать.

Итак, будет брошен жребий.

Тот, кого изберет судьба... Что ж, каждый получит свою долю.

Пусть так! Если жребий падет на меня, я не стану жаловаться.

Мне кажется, что было предложено сделать исключение в пользу мисс Херби, — этого потребовал Андре Летурнер. Но среди матросов поднялся гневный ропот. Нас на борту одиннадцать человек, следовательно, каждый из нас имеет десять шансов за себя, один против, и если сделать исключение для кого бы то ни было, соотношение изменится. Мисс Херби разделит общую участь.

Половина одиннадцатого утра. Боцман, которого предложение Дауласа подбодрило, настаивает на том, чтобы немедленно приступить к жеребьевке. И он прав. Впрочем, никто из нас не дорожит жизнью. Тот, кого отметит судьба, лишь на несколько дней, может быть, всего на несколько часов, опередит своих спутников. Это нам известно, и мы не страшимся смерти. Но не страдать от голода день или два, не чувствовать жажды, вот чего мы хотим, и мы этого добьемся.

Не знаю, каким образом билетики с нашими именами очутились в чьей-то шляпе. Вероятно, Фолстен написал их на листе, вырванном из своей записной книжки.

Перед нами одиннадцать имен. Мы договорились, что жертвой будет тот, чье имя окажется на последнем оставшемся билетике.

Кому производить жеребьевку? Никто не решается.

— Я! — говорит один из нас.

Обернувшись на этот голос, я узнаю Летурнера. Он стоит, мертвенно-бледный, протянув вперед руку, страшный в своем спокойствии; пряди седых волос упали на запавшие щеки.

Несчастный отец! Я понимаю. Я знаю, почему ты вызвался читать записки... Нет предела твоей отцовской самоотверженности...

— Как хотите! — говорит боцман.

Господин Летурнер опускает руку в шляпу. Он берет билетик, разворачивает его, произносит вслух фамилию и передает тому, кто назван.

Первым выходит Берке, он испускает крик радости.

Вторым — Флейпол.

Третьим — боцман.

Четвертым — Фолстен.

Пятым — Роберт Кертис.

Шестым — Сандон.

Уже названа половина имен плюс одно.

Мое еще не названо. Я пытаюсь вычислить оставшиеся у меня шансы: четыре за, один против.

С тех пор как Берке закричал, не было произнесено ни одного слова.

Летурнер продолжает свое зловещее дело.

Седьмое имя — мисс Херби; молодая девушка даже не дрогнула.

Восьмое имя — мое. Да! Мое!

Девятое: «Летурнер»!

— Который? — спрашивает боцман.

— Андре! — отвечает Летурнер-отец.

Раздается крик, и Андре падает без сознания.

— Ну, скорее же! — рычит плотник Даулас. В шляпе остались два билетика, два имени: его и Летурнера.

Даулас сверлит взглядом соперника, словно собираясь ринуться на него и пожрать. Летурнер спокоен, почти улыбается. Он опускает руку и вынимает из шляпы предпоследний билет, медленно развертывает его и произносит голосом, в котором не слышится ни малейшей дрожи, с твердостью, которой я никогда не ожидал от этого человека: «Даулас!»

Плотник спасен. Из его груди вырывается нечто похожее на рев.

Тогда Летурнер берет последний билет и, не развертывая его, рвет на мелкие части.

Но один оторванный клочок залетел в угол плота. Никто этого не заметил. Я ползу в ту сторону, подбираю кусочек бумаги и читаю: Анд...

Летурнер бросается ко мне, он с силою вырывает у меня из рук бумажку, яростно мнет ее и, пристально глядя на меня, бросает в море.

LIV

— *Двадцать шестое января. Продолжение.* — Я угадал. Отец пожертвовал собою ради сына. Он мог отдать ему только свою жизнь и отдал ее.

Изголодавшиеся люди не хотят больше ждать. Их муки усиливаются при виде жертвы. Летурнер для них уже не человек. Они не говорят ни слова, но губы у них вытягиваются, оскаленные зубы, готовые впиться в добычу и рвать ее со свирепой жадностью, как рвут клыки хищных зверей. Не хватает только, чтобы они бросились на свою жертву и проглотили ее живьем!

Кто поверит, что в это мгновение раздался призыв к человечности, проблески которой еще сохранились, быть может, в этих людях? И кто, в особенности, поверит, что этот призыв будет услышан? Да, одно слово остановило матросов в ту самую минуту, когда они собирались ринуться на Летурнера. Боцман, готовый сыграть роль мясника, Даулас с топором в руке вдруг застыли, словно завороженные.

Мисс Херби подходит к ним, с трудом волоча ноги.

— Друзья мои, — говорит она, — подождите еще один день! Только один день! Если завтра не покажется земля, если ни одно судно не встретится нам, наш бедный товарищ станет вашей жертвой...

При этих словах сердце мое дрогнуло. Они показались мне пророческими. Не свыше ли вдохновлена эта благородная девушка? К сердцу прихлынула мощная волна надежды. Может быть, берег, судно явились мисс Херби в одном из тех видений, которые бог посылает некоторым избранным. Да! Надо подождать

еще один день! Разве это много — один день, после всего, что мы выстрадали.

Роберт Кертис такого же мнения, как и я. Мы присоединяемся к просьбе мисс Херби. И Фолстен тоже. Мы умоляем наших спутников, боцмана, Дауласа и других...

Матросы останавливаются, ни один из них не ропщет.

Боцман бросает топор; он говорит глухим голосом:

— Завтра, на рассвете!

Все сказано. Если завтра мы не увидим ни земли, ни судна, свершится ужасное жертвоприношение.

Все возвращаются на свои места и остатком воли стараются подавить стоны. Матросы прячутся под парусами. Они даже не смотрят на море. Не все ли равно! Завтра они насытятся.

Между тем Андре Летурнер пришел в себя и прежде всего взглянул на отца. Затем я вижу, что он считает тех, кто остался на плоту... Все налицо. На кого же пал жребий? Когда Андре потерял сознание, не были еще произнесены две фамилии — плотника и его отца! Но Летурнер и Даулас еще живы!

Мисс Херби подходит к нему и говорит, что жеребьевка не была закончена.

Андре удовлетворен ее ответом. Он берет за руку отца. У Летурнера спокойное, слегка улыбающееся лицо. Он видит, он понимает только одно: его сын пощажен. Эти два существа, так тесно связанные друг с другом, усаживаются на заднем конце плота и разговаривают вполголоса.

А я еще не пришел в себя от первого впечатления, произведенного вмешательством молодой девушки. Я верю в помощь провидения. Мне трудно даже выразить, как глубоко эта мысль овладела мной. Я готов утверждать, что близится конец наших бедствий, и так уверен в этом, словно судно или земля уже оказались перед нами, в каких-нибудь двух-трех милях. В этой вере нет ничего удивительного. Мой мозг так опустошен, что химеры принимаются мною за действительность.

Я говорю о своих предчувствиях с Летурнерами. Андре полон веры, как и я. Несчастный юноша! Если бы он знал, что завтра...

Отец серьезно слушает и поддерживает во мне надежду. Он тоже верит, что небо пощадит оставшихся в живых пассажиров и матросов «Ченслера», или по крайней мере делает вид, что верит; он осыпает своего сына ласками — последними...

Позже, когда мы остаемся вдвоем с Летурнером, он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Я поручаю вам моего несчастного сына, — пусть он никогда не узнает, что...

Он не кончает фразы — и крупные слезы катятся из его глаз.

Я всей душой надеюсь. Осматриваю горизонт, ни на минуту не отрывая от него глаз, весь его обегаю взглядом. Море пустынно, но это не вызывает во мне тревоги. Еще до наступления завтрашнего дня мы увидим парус или землю.

Роберт Кертис, как и я, наблюдает море. Мисс Херби, Фолстен, даже боцман — все глядят на бескрайний водный простор, сосредоточив всю силу жизни в этом взгляде.

Тем временем спускается ночь, но я уверен, что какое-нибудь судно приближается к нам в этой глубокой тьме и что на заре оттуда заметят наши сигналы.

LV

— *Двадцать седьмое января.* — Я не смыкаю глаз. Прислушиваюсь к малейшему шуму, к плеску воды, к рокоту волн. Вокруг плота теперь нет ни одной акулы. В этом я вижу счастливое предзнаменование.

Луна взошла в сорок шесть минут первого. Но при смутном свете ее нет возможности видеть морскую даль. Сколько раз мне казалось, что я различаю в нескольких кабельтовых контуры вожделенного паруса.

Наступает утро... Солнце встает над пустынным морем!

Страшная минута приближается. И я чувствую, что вчерашние надежды понемногу угасают во мне. Судно не показывается. И земли тоже нет. Медленно возвращается ко мне сознание действительности, и я вспоминаю! Сейчас свершится гнусная казнь!

Я не смею смотреть на жертву. Когда Летурнер останавливает на мне взгляд, выражающий покорность судьбе, я опускаю глаза.

Сердце у меня сжимается от непреодолимого ужаса, а голова так кружится, точно я пьян.

Уже шесть часов утра. Нет, я не верю в помощь провидения. Сердце бьется учащенно, пульс перевалил за сто, и весь я в холодном поту.

Боцман и Роберт Кертис стоят, опершись на мачту, и все еще наблюдают океан. На боцмана страшно смотреть. Чувствуется, что он ничего не предпримет раньше назначенного часа, но и опоздания не допустит. Я не могу угадать мыслей капитана. Его лицо мертвенно бледно, живут только глаза.

Матросы, шатаясь, бродят по плоту и уже пожирают свою добычу горящим взглядом.

Я не могу оставаться на месте и отправляюсь на передний конец плота.

Боцман все еще стоит, все еще смотрит.

— Пора! — восклицает он.

Я вздрагиваю.

Боцман, Даулас, Флейпол, Берке, Сандон идут на задний конец плота. Плотник судорожно сжимает топор.

Мисс Херби не может сдержать стона.

Вдруг Андре выпрямляется.

— Мой отец? — вскрикивает он сдавленным голосом.

— Жребий пал на меня... — отвечает Летурнер.

Андре бросается к отцу и обвивает его руками.

— Ни за что! — кричит он, и крик этот похож на рычание. — Уж лучше убейте меня! Да, убейте меня! Это я бросил в море труп Хоббарта! Это меня, меня надо зарезать!

Несчастный! Эти слова еще подливают масла в огонь. Даулас, подойдя к юноше, отрывает его от Летурнера.

— Хватит нежностей! — говорит он.

Андре падает навзничь, и два матроса держат его так, чтобы он не мог сделать ни одного движения.

В то же время Берке и Флейпол, схватив свою жертву, тащат ее на передний конец плота.

Эта ужасная сцена происходит быстрее, чем можно описать. Ужас пригвождает меня к месту! Я хотел бы броситься между Летурнером и его палачами, но не могу даже пошевельнуться!

Господин Летурнер стоит. Он отталкивает матросов, сорвавших с него часть одежды. Его плечи обнажены.

— Одну минуту, — говорит он тоном, в котором слышится неукротимая энергия, — одну минуту! Я не намерен украсть у вас ваш рацион! Но ведь сегодня вы не проглотите меня целиком, надо думать.

Матросы останавливаются, озадаченные, они смотрят, они слушают.

Летурнер продолжает:

— Вас десятеро! Разве моих двух рук вам недостаточно? Отрежьте их, а завтра получите остальное!..

Летурнер протягивает две обнаженные руки.

— Пусть так! — страшным голосом кричит плотник Даулас.

Быстрым, как молния, движением он поднимает топор...

Роберт Кертис не в состоянии вынести этого. Я тоже. Пока мы живы, убийство не совершится. Капитан подбегает к матросам... Но в гуще свалки кто-то толкает меня, и я падаю в море.

Я закрываю рот, я предпочитаю умереть, задохнувшись! Но не выдерживаю. Губы мои размыкаются! Вода вливается в рот...

Боже милостивый! Вода — пресная!

LVI

— *Двадцать седьмое января. Продолжение.* — Я пью, пью! Я возрождаюсь! Жизнь входит в меня! Я уже не хочу умирать!

Я кричу. Мои крики услышаны. Роберт Кертис наклоняется над бортом, бросает мне веревку, за которую я цепляюсь. Взбираюсь по ней и снова попадаю на плот.

И тут же кричу:

— Вода пресная!

— Пресная?! — повторяет Роберт Кертис. — Земля близко!

Еще не поздно! Убийство не совершилось. Роберт Кертис и Андре боролись против этих каннибалов, и мой голос раздался в то мгновение, когда они уже изнемогали.

Борьба прекратилась. Я повторяю все то же: вода пресная, пресная! И, перегнувшись за борт, пью жадно, большими глотками!

Мисс Херби первая последовала моему примеру. Роберт Кертис, Фолстен и другие бросаются к этому источнику жизни. Все до одного. Хищные звери превращаются в людей и поднимают руки к небу. Некоторые матросы крестятся и кричат, что свершилось чудо. Все ложатся на край плота и с восхищением пьют. Ярость сменяется экстазом!

Андре и его отец последними склоняются к воде.

— Но где же мы находимся? — спрашиваю я.

— Менее чем в двадцати милях от земли, — отвечает Роберт Кертис.

Все смотрят на него. С ума, что ли, сошел наш капитан? Никакого берега не видно, и плот попрежнему находится в центре водной пустыни.

Но ведь вода-то пресная! Давно ли мы вступили в зону пресной воды? Не все ли равно! Чувства не обманули нас, наша жажда утолена.

— Да, земля невидима, но она здесь! — говорит капитан, указывая рукой на запад.

— Какая земля? — спрашивает боцман.

— Америка, где течет Амазонка, единственная река, течение которой настолько сильно, что оттесняет соленую воду океана на двадцать миль от устья!

LVII

— *Двадцать седьмое января. Продолжение.* — Роберт Кертис, очевидно, прав. Устье Амазонки, дебит которой двести сорок тысяч кубических метров в час [1], единственное место в Атлантическом океане, где мы могли найти пресную воду. Земля близка! Мы это чувствуем! Ветер несет нас туда!

В эту минуту мисс Херби начинает громко молиться, и мы присоединяемся к ней.

Андре Летурнер — в объятиях отца. Они стоят назади плота, а мы все собрались на переднем его конце и смотрим на горизонт, на запад...

Проходит час, вдруг Роберт Кертис вскрикивает:

— Земля!

Дневник, в котором я вел ежедневные записи, кончен. Наше спасение — дело нескольких часов, и я вкратце расскажу о нем.

Наш плот был замечен в одиннадцать часов утра рыбаками с острова Маражо, находившимися на мысу Магуари. Нас подобрали, о нас позаботились, затем отвезли в город Белен, где нам был оказан трогательный прием.

Плот пристал к берегу на 0° 12′ северной широты. Он, значит, был отброшен по крайней мере на 15° к юго-западу с того дня, когда мы покинули судно. Я говорю «по крайней мере», ибо совершенно ясно, что мы оказались еще южнее. Если мы очутились у устья Амазонки, то лишь потому, что плот был подхвачен Гольфстримом. Иначе мы погибли бы.

Из двадцати восьми человек, севших на борт «Чен-

---

[1] В три тысячи раз больше дебита Сены. (*Прим. автора.*)

слера» в Чарлстоне, то есть из восьми пассажиров и двадцати моряков, было подобрано только пять пассажиров и шесть моряков — итого одиннадцать человек.

Только они и остались в живых.

Бразильскими властями был составлен протокол нашего спасения.

Его подписали: мисс Херби, Ж.-Р. Казаллон, Летурнер-отец, Андре Летурнер, Фолстен, боцман, Даулас, Берк, Флейпол, Сандон и — последним — капитан Роберт Кертис.

Я должен прибавить, что в городе Белене нам почти тотчас же была предоставлена возможность вернуться на родину. Мы сели на судно, которое отвезло нас в Кайенну; отсюда мы доберемся до Колона и пересядем на французский трансатлантический пароход «Виль-де-Сен-Назер». Этот пароход и отвезет нас в Европу.

Вполне естественно, что теперь после стольких бедствий, перенесенных вместе, стольких опасностей, которых нам удалось избежать, так сказать, чудом, всех пассажиров «Ченслера» связывает нерушимая дружба! Куда бы ни забросила каждого из нас судьба, как бы ни сложилась наша жизнь, мы никогда не забудем наших спутников! Роберт Кертис навсегда останется другом тех, которые были его товарищами по несчастью.

Мисс Херби намерена была удалиться от мира и посвятить свою жизнь заботам о страждущих.

— Разве мой сын — не больной?.. — сказал ей Летурнер.

У мисс Херби теперь есть отец в лице Летурнера, брат в лице его сына Андре. Я говорю брат, но вскоре эта мужественная девушка обретет в своей новой семье вполне заслуженное счастье, которого мы горячо ей желаем.

1875 г.

ГЕКТОР СЕРВАДАК

Путешествия и приключения в околосолнечном мире

Перевод
Н. М. Гнединой и М. В. Вахтеровой
под редакцией О. В. Моисеенко.

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Вот моя визитная карточка!» — говорит граф, на что капитан отвечает: «А вот моя!»

— Нет, капитан, я не склонен уступать вам место!

— Сожалею, граф, но ваши притязания не могут изменить моих намерений!

— Вот как?

— Именно так!

— И все же считаю своим долгом заметить, что за мной, бесспорно, право давности!

— А я отвечу, что в подобного рода делах давность не дает никаких прав

— Я найду способ устранить вас, капитан!

— Сомневаюсь, граф.

— Полагаю, что шпага...

— А хоть бы и пистолет!

— Вот моя визитная карточка!

— А вот моя!

После этого разговора, в котором возражения следовали одно за другим, как удары скрещивающихся рапир, противники обменялись визитными карточками.

На одной значилось:

«Гектор Сервадак, капитан штаба французских войск в Мостаганеме».

На другой:

«Граф Василий Тимашев, шкуна «Добрыня».

Собираясь уходить, граф спросил:

— Где встретятся наши секунданты?

— Если угодно, сегодня в штабе, в два часа дня, — ответил Сервадак.

— В Мостаганеме?

— В Мостаганеме.

Засим капитан Сервадак и граф Тимашев отвесили друг другу учтивый поклон.

Но тут графу пришло на ум новое соображение.

— Капитан, — сказал он, — думаю, что следует держать в тайне истинную причину дуэли.

— И я так думаю, — ответил Сервадак.

— И ничье имя не будет названо?

— Ничье, граф.

— А повод для поединка?

— Повод? Да если угодно, граф, сошлемся на спор о музыке.

— Отлично, — ответил граф, — я, скажем, стоял за Вагнера, что и соответствует моим взглядам.

— А я за Россини, — улыбаясь, подхватил Сервадак, — потому что он вполне в моем вкусе.

И, раскланявшись в последний раз, они, наконец, расстались.

Описанный нами вызов на дуэль состоялся в двенадцатом часу дня на маленьком мысу, в той части алжирского побережья, которая расположена между Тенесом и Мостаганемом, в трех примерно километрах от устья Шелиффа. Мыс этот возвышается над водой метров на двадцать, и синие волны Средиземного моря, разбиваясь о его подножье, плещутся у прибрежных скал, красноватых от окиси железа. Было 31 декабря. В эту пору дня косые лучи солнца одевают ослепительной чешуей блесток каждый бугорок на взморье, но сейчас солнце заволокла непроницаемая пелена туч. Над морем и над сушей стлалась густая мгла. Уже больше двух месяцев туманы, которые по непонятным причинам окутали землю, немало затрудняли сообщение между различными континентами. Но с этим ничего нельзя было поделать.

Простившись с капитаном Сервадаком, граф Тимашев подошел к четырехвесельной шлюпке, поджидавшей его в маленькой бухте. И легкая лодка сразу же отчалила, унося графа к его шкуне, которая стояла наготове в нескольких кабельтовых от берега, подняв бизань и поставив против ветра стаксель.

А капитан Сервадак махнул рукой солдату, стоявшему поодаль. Солдат молча подвел к нему прекрасную арабскую лошадь. Легко вскочив в седло, Сервадак поспешил в Мостаганем, сопровождаемый денщиком, который несся на скакуне столь же резвом.

Была половина первого, когда всадники промчались через мост над Шелиффом, незадолго до этого выстроенный инженерными войсками. И едва часы пробили без четверти два, как взмыленные кони уже пролетели через Маскарские ворота — один из пяти проходов в зубчатой городской стене.

В тот год в Мостаганеме насчитывалось около пятнадцати тысяч жителей, из них — три тысячи французов. Город сохранял свое значение одного из окружных центров Оранской провинции, а также военного центра — там находился штаб подразделения французских войск. Местные жители торговали мучными изделиями, изделиями из сафьяна, дорогими тканями, узорными цыновками. Во Францию вывозили зерно, хлопок, шерсть, скот, винные ягоды, виноград. Но в описываемые нами времена уже не осталось и следа от старой якорной стоянки, куда не могли заходить корабли при сильном западном и северо-западном ветре. Теперь в Мостаганеме устроена хорошо защищенная гавань, позволяющая городу вывозить все изобилие товаров, производимых в бассейне реки Мины и в низовьях Шелиффа.

Вот почему шкуна «Добрыня» при наличии такого надежного пристанища могла безопасно прозимовать близ этих крутых и неприступных берегов. В течение двух месяцев местные жители видели русский флаг, развевавшийся на гафеле «Добрыни», а на ее грот-мачте — брейд-вымпел французского яхт-клуба с заглавными буквами титула, имени и фамилии владельца шкуны: «Гр. В. Т.».

Очутившись в черте города, капитан Сервадак отправился в Матморские казармы. Здесь он сразу же разыскал двух товарищей, на которых мог положиться, — майора второго стрелкового и капитана восьмого артиллерийского полков.

Оба с полной серьезностью выслушали просьбу Гектора Сервадака быть его секундантами, но не сдержали улыбки, когда их приятель сослался на невинный спор о музыке, как на подлинную причину своей дуэли с графом Тимашевым.

— Нельзя ли все-таки уладить дело миром? — спросил майор.

— И не старайтесь! — отрезал Гектор Сервадак.

— Ну хоть какая-нибудь пустячная уступка... — начал было капитан.

— Не может быть никаких уступок, когда речь идет о Вагнере и Россини! — с достоинством отвечал Сервадак. — Либо тот, либо другой! К тому же потерпевшей стороной является Россини: этот безумец Вагнер написал о нем совершеннейшую чушь, и я жажду мщенья!

— Что ж, — сказал майор, — от удара шпаги не всегда умирают.

— Особенно когда человек твердо намерен не получать такого удара, — заметил капитан Сервадак.

Делать было нечего: обоим офицерам оставалось только отправиться в штаб, где ровно в два часа дня им предстояла встреча с секундантами графа Тимашева.

И все же, да позволено будет нам заметить, Сервадаку не удалось провести приятелей; они, быть может, и догадывались об истинной причине, заставившей его взяться за оружие, но делали вид, будто удовлетворены тем объяснением, какое капитану Сервадаку заблагорассудилось им дать.

Через два часа, вернувшись со свидания с секундантами графа, они сообщили об условиях поединка: граф Тимашев, носивший звание флигель-адъютанта его императорского величества, как и многие русские путешественники за границей, согласился драться на шпагах, ибо шпага — признанное оружие солдата.

Поединок назначили на следующий день — 1 января в девять часов утра, на одном из утесов в трех километрах от устья Шелиффа.

— Итак, до завтра, точно в назначенный час, по-военному! — сказал майор.

— Да, в точности, по-военному! — ответил Сервадак.

Оба офицера крепко пожали руку приятелю и пошли в кофейню «Зюльма» играть в пикет.

А капитан Сервадак тотчас же пустился в обратный путь.

Недели две тому назад он съехал со своей квартиры на Оружейной площади. Ему было поручено сделать топографическую съемку местности, поэтому он поселился в алжирском *гурби,* на побережье близ Мостаганема, в восьми километрах от Шелиффа, и только с денщиком делил свой досуг. Это было не слишком весело, и всякий другой на его месте рассматривал бы столь неприятное назначение, как ссылку.

Итак, Сервадак ехал по дороге к своему гурби, но мысли его витали вкруг рифм, которые он пытался подобрать для задуманного стихотворения, несколько устарелого по форме и именуемого им «рондо». Не скроем от читателя, что так называемое рондо предназначалось молодой вдовушке, на брак с которой капитан уповал, а целью его поэтического произведения было доказать, что ежели на вашу долю выпало счастье полюбить особу столь достойную всяческого преклонения, то любить ее следует «возможно проще». Впрочем, капитана Сервадака меньше всего заботило, правилен ли этот афоризм, ибо стихи он творил для того, чтобы получилось хоть какое-нибудь стихотворение.

«Да, да, — бормотал он, меж тем как денщик молча трусил на лошади бок о бок с ним, — прочувствованное рондо непременно произведет впечатление! В здешних краях рондо — редкость, и, надо надеяться, стихотворение оценят по достоинству».

И капитан стихотворец начал так:

Когда мы любим, — ей-же-ей, —
Все просто, без сомненья...

«Да, любишь просто, то есть честно, имея целью вступленье в брак, вот и я сам... Фу-ты, дьявол, куда девались рифмы! Нелегко рифмовать на «енье». Вот угораздило меня построить рондо на «еньях»!»

— Послушай-ка, Бен-Зуф!

Бен-Зуфом звали денщика Сервадака.

— Слушаю, господин капитан! — откликнулся Бен-Зуф.

— Ты когда-нибудь сочинял стихи?

— Никак нет, господин капитан, только видел, как сочиняют.

— Кто же это был?

— Балаганный зазывала. Как-то вечером, на гулянье, он приглашал публику в балаган на Монмартре, где показывали ясновидящую.

— И ты помнишь его стишки?

— Как же, господин капитан:

Входите! Вас блаженство ждет,
И вы уйдете в восхищенье,
Здесь тот, кто любит, узнает
Той, кем любим, изображенье.

— Помилуй бог, ну и дрянь же твои стишки!

— Это потому так кажется, господин капитан, что я приплел их сейчас ни к селу ни к городу, а если сказать их к месту, то получается складно, ничуть не хуже, чем всякий другой стих!

— Погоди, — прервал его Сервадак, — помолчи-ка, Бен-Зуф! Наконец-то я поймал рифмы для третьей и четвертой строчек:

Когда мы любим, — ей-же-ей, —
Все просто, без сомненья,
Так верь самой любви скорей,
Чем пылким увереньям!

Но все дальнейшие стихотворческие потуги Сервадака ни к чему больше не привели, и, когда в шесть часов вечера он подъехал к своему гурби, весь его поэтический улов состоял из начального четверостишия рондо.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой запечатлены внешние и внутренние черты капитана Сервадака и его денщика Бен-Зуфа

В последний день того года, когда происходили описываемые события, в одном из послужных списков, хранящихся в военном министерстве, можно было прочитать следующее:

«Сервадак Гектор, родился 19 июля 18.. г. в Сен-Трелоди, — кантон и округ Леспарский, департамент Жиронды.

Годовой доход: Тысяча двести франков ренты.

Срок службы: 14 лет 3 месяца и 5 дней.

Служба и боевые походы: Училище Сен-Сир — 2 года. Военно-инженерное училище — 2 года. 87-й линейный полк — 2 года. 3-й стрелковый полк — 2 года. Служба в Алжире — 7 лет. Поход в Судан. Поход в Японию.

Служебное положение: Капитан штаба французских войск в Мостаганеме.

Знаки отличия: Награжден орденом Почетного Легиона 13 марта 18.. г.».

Гектору Сервадаку минуло тридцать лет. У него не осталось ни родных, ни близких и почти никакого состояния; но, равнодушный к богатству, он был неравнодушен к славе; пылкое воображение сочеталось в нем с острым природным умом, помогавшим в любую минуту не только подшутить, но и ответить на шутку; он отличался великодушием и беззаветной храбростью, за что, очевидно, и стал баловнем бога войны, хотя доставил ему немало забот; однако, сколь это ни удивительно для сына Гаронны — гасконца, вспоенного молоком дюжей медокской виноградарши,

он не вырос бахвалом. Таков был по своему внутреннему складу капитан Сервадак. Подлинный наследник героев, стяжавших лавры во времена ратных подвигов, Гектор Сервадак принадлежал к разряду тех очаровательных молодых людей, которых, казалось, сама природа предназначила для чего-то необычайного, ибо у их колыбели стояли две крестных: фея Приключений и фея Удачи.

Переходя же к описанию его внешности, скажем, что Гектор Сервадак был молодец хоть куда, пяти футов и шести дюймов росту, стройный и изящный; черные его волосы вились кольцами, руки и ноги были красивой формы, усики щегольски закручены, синие глаза смотрели прямо, — коротко говоря, созданный для того, чтобы нравиться, он нравился всем и — воздадим ему должное — не чрезмерно показывал, что догадывается об этом.

Признаться, — да и он сам в этом открыто признавался, — познания капитана Сервадака не превышали того, что положено знать. «У нас в артиллерии от дела не отлынивают», — говорят офицеры-артиллеристы, желая этим сказать, что не боятся работы. Зато Сервадак «от дела отлынивал» весьма охотно, ибо по натуре своей был в равной мере и праздным гулякой и стихокропателем. Но так как он схватывал все на лету, ему удалось кончить школу не из последних и поступить в штаб. Вдобавок он был недурным рисовальщиком и лихим наездником: даже своенравный скакун в манеже Сен-Сира — сменивший знаменитого «дядю Тома» — беспрекословно ему повиновался. В послужном списке Сервадака отмечено, что капитану неоднократно объявлялась благодарность в приказах по армии и, надо сказать, вполне заслуженно.

Известен такой подвиг Сервадака:

Однажды он вел по траншее группу стрелков. Гребень бруствера в одном месте осыпался под градом снарядов и перестал служить укрытием от картечи, которая косила людей направо и налево. Солдаты остановились в замешательстве. Тогда капитан Сервадак взошел на бруствер и своим телом закрыл брешь.

— Теперь проходите! — крикнул он.

И рота прошла под градом пуль, а командир остался цел и невредим.

По окончании Военно-инженерного училища Сервадак, не считая двух походов (суданского и японского), безотлучно находился в Алжире, при штабе подразделения войск в Мостаганеме. Получив приказ провести топографическую съемку местности между Тенесом и устьем Шелиффа, он поселился в гурби, который едва мог служить приютом во время непогоды. Но не в характере Сервадака было тревожиться из-за таких пустяков. Привольная жизнь среди природы привлекала его той свободой, какую давало ему положение офицера. Гектор Сервадак то бродил по песчаной отмели, то носился верхом на коне среди скал и не чрезмерно спешил закончить порученное ему дело.

Ему нравилось это почти независимое существование. Вдобавок он был не слишком обременен работой, и ему удавалось два-три раза в неделю ездить в Оран или Алжир и появляться на приемах у своего генерала или на балах у генерал-губернатора.

Здесь-то и довелось ему лицезреть госпожу де Л.; именно ей намеревался он посвятить то замечательное рондо, первое четверостишие которого только что увидело свет. Вдова полковника госпожа де Л. была молода, весьма хороша собой, весьма сдержанна, пожалуй, чуть-чуть надменна и не замечала, либо не желала замечать, нежные чувства, ею внушенные. Вот почему капитан Сервадак не решался пока признаться ей в любви. Он знал, что у него есть соперники, в том числе, как нам с вами известно, и граф Тимашев. Соперничество и вынуждало обоих противников скрестить шпаги, о чем молодая вдова не подозревала. Впрочем, имя ее, уважаемое в обществе, не было даже упомянуто.

Вместе с Сервадаком в гурби жил его денщик Бен-Зуф. Денщик был душой и телом предан офицеру, которому имел честь день-деньской услуживать. Будь у Бен-Зуфа выбор между должностью адъютанта при алжирском генерал-губернаторе и должностью денщика

при капитане Сервадаке, он, не колеблясь, выбрал бы последнюю. Однако, если у Бен-Зуфа и не было честолюбия в отношении себя, то совершенно иначе относился он к служебным успехам своего начальника и каждое утро осматривал левое плечо его офицерского мундира: не вырос ли за ночь и на этом плече эполет?

Имя Бен-Зуфа может ввести в заблуждение: читатель решит, что наш доблестный солдат родом из Алжира. Ничуть не бывало! Это не имя, а прозвище! Позвольте, но почему же денщика, нареченного Лораном, именовали Зуфом? Почему Беном, если он родился в Париже, точнее на Монмартре? Вот исключение из правил, которое не взялся бы объяснить ни один самый ученый этимолог.

Итак, Бен-Зуф не только жил на Монмартре, но и был коренным жителем знаменитого Монмартрского холма, ибо Бен-Зуф увидел свет в квартале, расположенном между башней Сольферино и мельницей Галет. Поэтому вполне естественно, что человек, имевший счастье родиться в таком исключительном месте, питает беспредельное восхищение к своему родному холму и считает, что нет в мире ничего равного ему по великолепию. И в глазах Бен-Зуфа Монмартр был единственной стоящей внимания горой во всей вселенной, а одноименный квартал — собранием всех чудес мира. Бен-Зуфу довелось странствовать по свету. И судя по его рассказам, в какую бы страну он ни приезжал, он видел только Монмартры, которые, пожалуй, были покрупней, но уж наверняка не так живописны, как настоящий Монмартр. А что ж, по-вашему, на Монмартре нет церкви, которая ни в чем не уступает Бургосскому собору? И каменоломен почище Пентелийских? И бассейна, от зависти к которому высохло бы Средиземное море? И мельницы, где не просто изготовляют муку, но и делают всемирно известные галеты? А башня Сольферино? Ведь она куда устойчивее, чем «падающая башня» в Пизе? А остатки лесов, которые вплоть до самого нашествия кельтов были вполне девственными? Что ж, по-вашему, Монмартр не гора, не настоящая гора, которую только завистники

смеют уничижительно называть «холмом»? Нет, Бен-Зуф скорее дал бы себя четвертовать, чем признался бы, что высота Монмартрской «горы» меньше пяти тысяч метров!

Где же, где еще во всем мире, вы найдете столько чудес, собранных в одном месте?

«Нигде», — отвечал Бен-Зуф всякому, кто дерзал считать его суждения несколько преувеличенными.

Согласитесь, однако, что страсть это безобидная! Как бы то ни было, Бен-Зуфом владела одна мечта: вернуться на родной Монмартр, к родному холму и прожить остаток жизни там, где она началась... разумеется, вместе с капитаном, об этом и толковать нечего! А Сервадак, которому Бен-Зуф все уши прожужжал рассказами о несравненных красотах восемнадцатого округа Парижа, мало-помалу проникся отвращением к этому месту. Но Бен-Зуф не терял надежды обратить капитана в свою веру, тем более что твердо решил никогда с ним не расставаться.

Бен-Зуф уже отслужил свой срок в армии. Он даже успел дважды побывать в отпуске и собирался выйти в чистую в возрасте двадцати восьми лет, когда его, рядового первого класса восьмого конно-егерского полка, назначили денщиком Гектора Сервадака. Он ходил с Сервадаком в поход. Он не раз дрался бок о бок с ним и проявил такую доблесть, что был представлен к ордену Почетного Легиона, но отказался от награды, предпочтя остаться денщиком при своем капитане. И если Гектор Сервадак спас жизнь Бен-Зуфу в Японии, то Бен-Зуф отплатил ему тем же во время Суданской кампании. А ведь такие вещи не забываются.

Короче говоря, Бен-Зуф отдал в полное распоряжение капитана свои руки «крепче литой стали», как сказали бы металлурги, свое железное здоровье, закаленное под небом всех широт, свою несокрушимую силу, которая давала ему право называть себя «оплотом Монмартра», и, наконец, вместе с бесстрашным сердцем — беззаветную преданность.

Остается добавить, что хотя Бен-Зуф не был «поэтом», как его капитан, зато мог бы считаться ходячей

энциклопедией, живым сборником солдатских побасенок и прибауток. В этом он не знал себе равных, и его неистощимая память хранила тьму веселых песенок и куплетов.

Капитан Сервадак отдавал должное Бен-Зуфу; он смотрел сквозь пальцы на многие его чудачества, впрочем вполне терпимые благодаря неизменно веселому нраву денщика, и умел иногда находить такие слова, которые рождают привязанность у подчиненного к командиру.

Как-то раз, когда Бен-Зуф, сев на своего любимого конька, гарцевал, образно выражаясь, по восемнадцатому парижскому округу, Сервадак сказал:

— Послушай-ка, Бен-Зуф! А ведь если толком разобраться, то Монмартрскому холму не хватает всего каких-нибудь четырех тысяч семисот пяти метров, чтобы стать Монбланом!

Глаза Бен-Зуфа засияли в ответ, и с тех пор родной холм и капитан жили в его сердце, как одно неразрывное целое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой мы узнаем, что поэтическое вдохновение капитана Сервадака улетучилось вследствие некоего злополучного происшествия

Гурби не что иное, как особого рода хижина, сделанная из жердей, покрытых соломой, или, на местном наречии, «дрисом». Жить в гурби чуть получше, чем в палатке кочевника араба, и много хуже, чем в каменном или кирпичном доме.

Итак, досконально изучив вопрос, мы пришли к выводу, что гурби Сервадака попросту конура; устроиться там вдвоем было мудрено, но гурби примыкал к каменной стене заброшенной караульни, где и поместился Бен-Зуф с обеими лошадьми. Здесь прежде стоял отряд саперов, и после него остались кое-какие рабочие инструменты: лопаты, кирки, заступы и прочее.

Об уюте, конечно, мечтать не приходилось, но ведь гурби был временной стоянкой. Впрочем, и капитан и денщик не отличались привередливостью по части жилья и пищи.

«Если у вас есть хоть малейшая склонность к философии и здоровый желудок, вы нигде не пропадете», — любил говорить Гектор Сервадак.

И поскольку философия для гасконца нечто вроде разменной монеты, она у него никогда не переводится, ну а желудок у капитана был таков, что, вздумай он поглотить всю воду Гаронны, это ни на минуту не нарушило бы его пищеварения.

Что до Бен-Зуфа, то, если верить в переселение душ, он в прежнем своем воплощении наверное был страусом, — от прошлого существования Бен-Зуф унаследовал такую необычайную утробу, с желудочным соком такой силы, что мог переваривать камни, как куриную котлетку.

Здесь уместно будет сообщить читателю, что хозяева гурби были обеспечены продовольствием на месяц, что колодец снабжал их вдоволь питьевой водой, что в конюшне был заготовлен корм для лошадей и что, кроме того, равнина между Тенесом и Мостаганемом может поспорить своим чудесным плодородием с цветущими полями Митиджи. Водилась там и дичь; а штабному офицеру не возбраняется брать с собой во время топографических съемок двустволку, если он не забыл захватить при этом эклиметр и мензулу.

Возвратившись в гурби после прогулки на свежем воздухе, Сервадак пообедал с волчьим аппетитом. Бен-Зуф изумительно готовил. Вот уж чью стряпню не назовешь пресной! Он солил, перчил и приправлял уксусом по-солдатски. Но, как мы уже говорили, яства его предназначались для желудков, которые не страшились самых острых приправ и не были подвержены гастрическим заболеваниям.

После обеда, пока денщик аккуратно убирал остатки кушаний в свой «нутряной шкап», как называл он собственный желудок, Сервадак, закурив сигарету, вышел подышать воздухом на скалистый берег.

Надвигалась ночь. Прошло больше часа с тех пор, как солнце село в густых тучах за широкой долиной по ту сторону Шелиффа. Странное зрелище представляло собой небо: оно изумило бы всякого наблюдателя космических явлений. Сумерки сгустились уже настолько, что ничего нельзя было рассмотреть на расстоянии более полукилометра, и все же на севере, в верхних туманных слоях воздуха, разливалось зарево. Оно не отбрасывало ни равномерного сияния, ни сверкающих лучей, обычно исходящих от мощного очага света. Следовательно, это не было северное сияние, потому что оно предстает во всем своем великолепии только на более высоких широтах. Итак, было бы весьма затруднительно ответить на вопрос, какому явлению природы следовало приписать столь пышную иллюминацию в новогоднюю ночь.

Капитан никак не мог считаться астрономом. После окончания школы он ни разу, — чему нетрудно поверить, — не заглянул в учебник космографии. Впрочем, в тот вечер ему было не до наблюдений за небесной сферой. Он ходил взад и вперед, курил. Думал ли он только о поединке, который поставит его завтра лицом к лицу с графом Тимашевым? Как бы то ни было, если эта мысль порой и приходила ему на ум, она не вызывала вражды против графа. Оба они (мы должны это признать) не питали ненависти друг к другу. Им попросту пришлось искать выхода из такого положения, когда один из двух — лишний. Гектор Сервадак считал графа вполне достойным человеком, а граф в свою очередь не мог отказать ему в чувстве искреннего уважения.

В восемь часов вечера капитан вернулся домой в свою единственную комнатку, где стояла койка, раздвижной рабочий столик и несколько чемоданов, заменявших шкафы. Денщик занимался кулинарией не в гурби, а за стеной, в караульне, там же он почивал на «тюфяке из доброго старого дуба», как он выражался. Это не мешало ему спать по двенадцати часов без просыпу, в чем он перещеголял даже сурка.

Сервадак не спешил ложиться спать; он сел за стол, где в беспорядке валялись его чертежные при-

надлежности. Машинально взял он в одну руку красно-синий карандаш, в другую — циркуль. И так как перед ним лежала калька, он стал рассеянно чертить на ней разноцветные, неровные линии, которые ничуть не походили на строгий рисунок топографического плана.

Тем временем Бен-Зуф, ожидая, пока ему прикажут идти спать, маялся в углу, пытаясь вздремнуть, чему препятствовало странное волнение, обуревавшее капитана.

Дело в том, что сейчас штабного офицера сменил за рабочим столом поэт-гасконец. Да! Гектор Сервадак прилагал неимоверные усилия, чтобы совладать с рондо, и тщетно призывал вдохновение, которое оставалось неумолимым. Не для того ли размахивал он циркулем, чтобы придать своим стихам математически-точный размер? Не для того ли пустил в ход двуцветный карандаш, чтобы как-нибудь расцветить однообразие упорно недававшихся ему рифм? Вполне возможно. Но так или иначе, Сервадак трудился в поте лица.

— Проклятье! — восклицал он. — И зачем только я выбрал такую строфу, где приходится за волосы притаскивать одни и те же рифмы, точно дезертиров на поле боя! Ну нет, тысяча чертей, я не сдамся! Никто не посмеет сказать, что французский офицер отступил перед рифмой! Стихотворение — это батальон! Первая рота выступила! (Сервадак подразумевал первую строфу.) Ну-ка, следующие, стройся!

Должно быть, рифмы, которым Сервадак угрожал не на шутку, послушались, наконец, его команды, потому что на бумаге вскоре появилась сначала красная, затем синяя строчка:

В словах, блестящих, словно страз,
О милая, что нужды?

«Какого черта бормочет капитан? — спрашивал себя Бен-Зуф, тщетно пытаясь прикорнуть в своем углу. — Битый час он хорохорится — точь-в-точь селезень, который слетал в теплые края».

Гектор Сервадак метался по комнате в припадке неистового вдохновения:

Но как всех этих длинных фраз
Ты, сердце, чуждо!

«Все ясно, — стихи сочиняет, — сказал себе Бен-Зуф, выглянув из своего угла. — Ну и шумное же это дело! Тут не соснешь».

И он что-то глухо проворчал.

— Что с тобой, Бен-Зуф? — окликнул его Сервадак.

— Со мною ничего, господин капитан. Дурной сон, верно, привиделся!

— Пошел к черту!

— С превеликим удовольствием, особенно если он не сочиняет стихов, — пробормотал Бен-Зуф.

— Вот скотина, сбил меня все-таки, — сказал Сервадак, — Бен-Зуф!

— Здесь, господин капитан, — ответил денщик, вскочив и отдавая честь.

— Смирно, Бен-Зуф! Замри! Вот она, попалась мне! Я нашел концовку рондо!

И, сопровождая плавным движением руки каждый стих, Сервадак вдохновенно, как истинный поэт, продекламировал:

Поверьте мне, — без лишних слов
Клянусь и обещаю,
Что вас люблю, любить готов
И ради вас...

Но последние слова четверостишия так и не были произнесены: какая-то страшная сила швырнула Сервадака и Бен-Зуфа ничком наземь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

к которой читатель волен добавить любое количество вопросительных и восклицательных знаков

Отчего в эту самую минуту линия горизонта изменилась так внезапно и разительно, что даже в открытом море испытанный глаз моряка не нашел бы ту окружность, где должно было сливаться небо с водой?

Отчего море вздыбилось, подняв волны до такой высоты, какая прежде казалась ученым невозможной?

Отчего в грохот треснувшей земной коры ворвался грозный гул, где смешались разнообразнейшие звуки — скрежет перемещающихся в недрах пластов, рев подпочвенных вод, сталкивающихся на небывалой глубине, и свист воздушных масс, крутящихся вихрем, как при циклоне?

Отчего вдруг возник ослепительный свет, засверкал ярче северного сияния, залил весь небосвод, мгновенно затмив даже самые крупные звезды?

Отчего через минуту после того, как бассейн Средиземного моря, казалось, опустел, в него вдруг с неслыханной яростью снова хлынули воды?

Отчего лунный диск увеличился так неимоверно, словно ночное светило за несколько секунд приблизилось к нам с расстояния в девяносто шесть тысяч лье до десяти тысяч лье?

Отчего вслед за тем на небосводе появился новый, ярко сияющий, огромный шар, доселе неизвестный астрономам, и вскоре исчез за густыми облаками?

И, наконец, что за необычайное явление природы вызвало эту катастрофу, которая потрясла до основания землю, море, небо, вселенную?

Кто мог бы это объяснить? И остался ли на земном шаре хоть один человек, чтобы ответить на эти вопросы?

ГЛАВА ПЯТАЯ,

где говорится о некоторых изменениях, произошедших в окружающем мире, причем установить их причину не представляется возможным

И все-таки в той части алжирского побережья, которая ограничена на западе правым берегом Шелиффа, а на севере Средиземным морем, на первый взгляд ничто не изменилось. Сотрясение было необычайно

сильным; однако от него не пострадал ни внешний вид низменности, правда, кое-где словно вспучившейся, ни причудливый рисунок берегов, ни очертания моря, все еще продолжавшего бушевать. Уцелела и караульня, если не считать того, что ее каменные стены дали трещины. Только гурби рассыпался, как карточный домик от дуновения ребенка, а обитатели гурби лежали недвижно под обвалившейся соломенной кровлей.

Капитан Сервадак очнулся только через два часа после катастрофы. Не сразу вернулась к нему память; однако первые слова, которые он произнес (что нас с вами удивить не может), были последними словами из достославного рондо, замершими на устах капитана при столь необыкновенных обстоятельствах:

...Что вас люблю, любить готов
И ради вас...

Вслед за чем, опамятовавшись окончательно, он проговорил:

— Позвольте, позвольте, что собственно здесь произошло?

Ответить себе на этот вопрос оказалось делом нелегким. Высвободив руку, он разгреб солому и высунул голову наружу.

Прежде всего капитан Сервадак огляделся по сторонам.

— Гурби развалился! — объявил он. — Должно быть, смерч пронесся!

Он ощупал себя: цел и невредим, ни единой царапины.

— Черт побери! А где денщик?

Он приподнялся и позвал:

— Бен-Зуф!

Тогда рядом с Сервадаком, пробив отверстие в соломенной кровле, вынырнула вторая голова.

— Здесь! — прокричал Бен-Зуф.

Можно было подумать, будто он только и ждал этого зова, чтобы ответить, как на перекличке.

— Ты что-нибудь понимаешь, Бен-Зуф? — спросил Сервадак.

— Понимаю, господин капитан, что тут, как видно, и будет наш последний перегон!

— Пустяки! Смерч, Бен-Зуф, самый простой смерч!

— Смерч так смерч, — философически ответил денщик. — Особых повреждений в костях нет, господин капитан?

— Нет, Бен-Зуф.

Через минуту оба были уже на ногах; расчистив место, где прежде стоял гурби, они нашли почти в полной сохранности свои вещи, приборы, утварь, и Сервадак спросил:

— А который собственно час?

— По крайней мере восемь, — ответил Бен-Зуф, посмотрев на солнце; оно уже довольно высоко стояло над горизонтом.

— Как, восемь часов!

— Никак не меньше, господин капитан!

— Неужели?

— Так точно, и нам пора идти!

— Куда?

— На наше свидание, конечно.

— Какое свидание?

— Да ведь у нас дуэль с графом...

— Ах, черт! — воскликнул Сервадак. — Я чуть было не забыл!

Но посмотрев на свои карманные часы, он рассердился:

— Да что ты мелешь, с ума ты сошел! Сейчас без нескольких минут два.

— Два часа утра или два часа дня? — осведомился Бен-Зуф, поглядывая на солнце.

Гектор Сервадак приложил часы к уху.

— Идут! — сказал он.

— Солнце тоже не стоит, — заметил денщик.

— В самом деле, судя по солнцу... Ого! Клянусь вином Медока!

— Что с вами, господин капитан?

— Да ведь сейчас, должно быть, восемь часов вечера!

— Вечера?

— Ну да! Солнце на западе, стало быть оно заходит!

— Вот уж нет, господин капитан, — ответил Бен-Зуф, — оно встает в полном акурате, как новобранец, когда бьют зорю. Глядите! Пока мы тут с вами толковали, солнце поднялось еще выше!

— Что же это такое? Солнце восходит на западе? — пробормотал Сервадак. — Да полно! Это невозможно!

Однако спорить против очевидности не приходилось: над водами Шелиффа поднялось лучезарное светило и плыло по западной части горизонта, там, где прежде оно проходило вторую половину своей дневной дуги.

Гектора Сервадака осенила догадка: вследствие какого-то совершенно невероятного, во всяком случае необъяснимого, космического переворота изменилось вращательное движение Земли вокруг оси, а не положение Солнца в межпланетном пространстве.

Как в этом разобраться? Неужто же невозможное стало возможным? Окажись сейчас возле Сервадака кто-нибудь из членов «Бюро долгот» Парижской обсерватории, капитан постарался бы получить разъяснения. Но так как Сервадак был предоставлен самому себе, то и сказал:

— Пускай разбираются астрономы! А я через неделю прочту в газетах, что они там придумали.

И, бросив размышлять о причинах столь удивительного явления, Гектор Сервадак обратился к денщику:

— В путь! Что бы ни случилось, пусть даже вся земная и небесная механика перевернулась вверх дном, я обязан явиться первым на место дуэли и оказать графу Тимашеву честь...

— Проткнуть его шпагой, — договорил Бен-Зуф.

Установив, что видимое движение Солнца происходит в обратном направлении, Сервадак и его денщик должны были бы обратить внимание и на другие перемены в окружающем мире, происшедшие в памятное мгновение новогодней ночи; будь они тогда способны наблюдать, их, несомненно, поразило бы, как невероятно изменились атмосферные условия. В пер-

вую очередь это коснулось их самих. Они чувствовали, что дыхание у них стало учащенным, как это бывает при восхождении на гору, когда воздух становится разреженным и, следовательно, менее насыщенным кислородом. Кроме того, голоса звучали глуше. Оставалось предположить одно из двух: либо притупился их слух, либо воздух вдруг стал хуже проводить звук, чем раньше.

Но в эту минуту Сервадаку и Бен-Зуфу было не до изменений физических свойств природы; они направлялись прямо к Шелиффу по крутой тропинке между прибрежных скал.

Погода отличалась от вчерашней, сплошного тумана уже не было. Небо, окрашенное в какой-то странный цвет, вскоре обложило тяжелыми, низкими тучами, и уже нельзя было проследить за светоносным путем Солнца от одного горизонта до другого. Все предвещало ливень или сильную грозу. Но дождь все не шел: очевидно, водяные пары еще недостаточно сгустились.

Впервые море у этих берегов казалось совершенно пустынным; на сероватом фоне неба, сливавшегося с водой, — ни паруса, ни дымка парохода. А горизонт (или то был обман зрения?) необычайно сузился как со стороны моря, так и со стороны равнины. Исчезла бесконечность его далей, словно земной шар стал выпуклее.

Капитан Сервадак и Бен-Зуф шли быстро в полном молчании; вскоре они оказались неподалеку от места поединка, находившегося в пяти километрах от гурби. Оба почувствовали в это утро, что их организм изменился. Они еще не отдавали себе в этом полного отчета, но им словно легче стало нести свое тело, словно у них крылья выросли. И все же, если бы Бен-Зуф захотел облечь в слова свои ощущения, он наверное сказал бы, что ему «вроде как бы не по себе».

— А главное, мы позабыли заправиться, — ворчал он.

Такая забывчивость, бесспорно, не была свойственна нашему доблестному воину.

Вдруг слева от тропинки послышался визгливый лай; из чащи мастиковых деревьев выскочил шакал. Он принадлежал к особой разновидности африканских шакалов, у которых шкура пятнистая, а лапы с наружной стороны полосатые, причем полосы, как и пятна на шкуре, — черные.

Шакалы опасны только тогда, когда охотятся стаей. В одиночку это животное не страшнее собаки. Не такой человек был Бен-Зуф, чтобы испугаться шакала, но Бен-Зуф не терпел их породу потому, может статься, что она не представлена на Монмартре.

Выбравшись из зарослей, зверь забился в расщелину у подножья утеса высотой с добрых десять метров. Он посматривал на пришельцев с явной тревогой. Бен-Зуф сделал вид, что замахивается на него; угрожающее движение спугнуло зверя; к великому удивлению капитана и денщика, он подпрыгнул вверх и сразу очутился на вершине утеса.

— Вот так циркач! — воскликнул Бен-Зуф. — Подпрыгнул на целых тридцать футов!

— А ведь верно, черт возьми! — задумчиво сказал Сервадак. — Я в жизни не видывал такого прыжка!

Усевшись на скале поудобней, шакал наблюдал за путниками с ехидным видом. За это Бен-Зуф решил его проучить и схватил камень.

Камень был очень крупный, но показался денщику легким, как губка.

— Бесовское отродье, — сказал Бен-Зуф, глядя на шакала, — бросать в него таким камешком, все равно что сдобной булкой швыряться! Но почему камень хоть и велик, а ничего не весит?

За неимением ничего подходящего Бен-Зуф все-таки метнул в неприятеля «сдобной булкой».

Бен-Зуф промахнулся. Однако было ясно, что он питает к шакалу далеко не миролюбивые чувства; зверь благоразумно пустился наутек, перескакивая через изгороди и деревья, и скрылся из виду в несколько гигантских прыжков, на которые способен разве только кенгуру, да и то сделанный из резины.

А камень, не попав в живую мишень, описал длиннейшую дугу, перелетел через утес и упал в пятистах шагах от него.

— Ах ты племя бедуинское! — выругался потрясенный Бен-Зуф. — Этак я, пожалуй, переплюну самую мощную гаубицу!

Бен-Зуф находился в ту минуту немного впереди капитана, подле рва с водой шириною в десять футов, через который им предстояло перебраться. Бен-Зуф разбежался и прыгнул через ров с азартом завзятого гимнаста.

— Это еще что такое! Куда ты, Бен-Зуф! Разобьешься, олух!

Эти слова вырвались у капитана Сервадака, когда он увидел, что его денщик парит в воздухе, футах в сорока над землей.

Сообразив, какая опасность угрожает Бен-Зуфу при падении, Гектор Сервадак бросился за ним и тоже хотел перескочить ров; но мускульное напряжение, которое он при этом сделал, оказалось настолько сильным, что его подбросило вверх на высоту около тридцати футов. На лету он столкнулся с падавшим Бен-Зуфом. Затем, повинуясь в свою очередь закону тяготения, он и сам полетел вниз с возрастающей скоростью, однако, коснувшись земли, испытал толчок не больший, чем если бы спрыгнул с высоты четырех-пяти футов.

— Вот так так! — вскричал Бен-Зуф, покатываясь со смеху. — Да мы с вами клоунами сделались, господин капитан!

Несколько секунд Гектор Сервадак стоял в глубоком раздумье; затем подошел к денщику и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Не улетай, Бен-Зуф, пожалуйста, и посмотри на меня внимательно! Я, должно быть, еще не проснулся; разбуди же меня, ущипни хоть до крови, лишь бы помогло! С ума мы сошли, что ли, или грезим наяву?

— То-то и дело, господин капитан, — отвечал Бен-Зуф, — что наяву со мною такого не случалось, а только во сне, когда, бывало, привидится, будто я

птичка и будто мне перемахнуть через Монмартр все равно, что через свою фуражку перешагнуть. Нет, все это чудно как-то. С нами что-то случилось; мало того, случилось такое, чего ни с кем еще не приключалось. А может, как раз на алжирском побережье такое и бывает?

Гектор Сервадак стоял, словно громом пораженный.

— С ума сойти можно! — воскликнул он. — Так это не сон, не бред!

Но Сервадак не принадлежал к числу людей, способных бесконечно ломать себе голову над загадкой, которую в этих условиях было очень трудно разгадать.

— Что ж! Будь что будет, — сказал он, решив ничему больше не удивляться.

— Да, господин капитан, — ответил Бен-Зуф, — и прежде всего доведем до конца наше дельце с графом Тимашевым.

За рвом раскинулась лужайка, поросшая бархатистой травой и обрамленная чудесными деревьями, посаженными с полвека назад, — вечнозелеными дубами, пальмами, рожковыми деревьями, смоковницами, между ними росли кактусы и алоэ, а кое-где высились огромные эвкалипты.

Эта защищенная со всех сторон площадка и была выбрана для поединка.

Сервадак окинул беглым взглядом лужайку и, убедившись, что никого нет, сказал:

— Тьфу ты, пропасть! Мы все-таки пришли на наше свидание первыми!

— Или последними, — возразил Бен-Зуф.

— Как так, последними? Да ведь еще девяти нет, — ответил Сервадак, вынимая из кармана часы, которые перед уходом из гурби поставил по солнцу.

— Господин капитан, видите ли вы там, за облаками, этакий белесоватый шарик? — спросил денщик.

— Вижу, — ответил капитан, глядя на еле различимый в тумане диск, стоявший в зените.

— Так вот, — продолжал Бен-Зуф, — этот шарик и есть солнце либо его заместитель по должности.

— В январе месяце солнце в зените, да еще на тридцать девятом градусе северной широты? — вскричал Сервадак.

— Оно самое, господин капитан, и не извольте гневаться, а только оно показывает, что сейчас полдень. Солнце, как видно, сегодня торопится, и я готов пари держать на миску кускуса, что оно зайдет через три часа.

Гектор Сервадак стоял молча, скрестив руки на груди. Затем он сделал полный оборот вокруг себя, что давало ему возможность оглядеть весь горизонт.

— Нарушены законы тяжести! Страны света переместились, — шептал он, — день стал вдвое короче!.. Стало быть, мой поединок с графом Тимашевым откладывается на неопределенный срок! Нет, тут что-то неладно! Это не я спятил, черт побери! Ни я, ни Бен-Зуф.

Невозмутимый Бен-Зуф, из уст которого даже самое необычайное из космических явлений не исторгло бы ни единого возгласа удивления, спокойно смотрел на капитана.

— Бен-Зуф, — обратился к нему Сервадак.

— Слушаю, господин капитан!

— Видишь ли ты здесь кого-нибудь?

— Никого не вижу, господин капитан. Русский отправился восвояси!

— Предположим. Но тогда меня дожидались бы секунданты и, увидев, что я опаздываю, непременно наведались бы в гурби.

— Что верно, то верно, господин капитан!

— Отсюда следует, что они и не приезжали!

— А если не приезжали, то почему?

— Потому что, — и это совершенно ясно, — они не могли приехать. А граф Тимашев...

Не договорив, капитан Сервадак взбежал на скалу, возвышавшуюся над взморьем, чтобы взглянуть, не стоит ли «Добрыня» на якоре в нескольких кабельтовых от берега. В конце концов граф Тимашев мог приехать на место дуэли морем, как и вчера.

Море было пустынно, и тут-то впервые капитан Сервадак заметил, что даже при полном безветрии оно бушует, словно на дне его клокочет вода, кипящая

на сильном огне. Ясно, что шкуне было бы трудно бороться с таким совершенно необычным волнением.

Кроме того, — и тоже впервые, — Гектор Сервадак с изумлением обнаружил, насколько уменьшился радиус той окружности, где небо сходится с водой.

И действительно, от наблюдателя, находившегося на вершине этого высокого утеса, линия горизонта должна была бы отстоять километров на сорок. А теперь пределом видимости стало расстояние в десять километров, словно за несколько часов объем земного шара сильно сократился.

— Странно, в высшей степени странно! — сказал Сервадак.

Тем временем Бен-Зуф вскарабкался на верхушку эвкалипта с проворством проворнейшего из четвероруких. С этой высоты хорошо были видны окрестности как в сторону Тенеса и Мостаганема, так и в южном направлении. Спустившись на землю, Бен-Зуф сообщил капитану, что равнина, повидимому, совершенно безлюдна.

— К Шелиффу! — сказал Гектор Сервадак.— Идем к реке! Там, может быть, мы поймем, что произошло!

— К Шелиффу! — повторил Бен-Зуф.

От лужайки до реки было не больше трех километров; капитан Сервадак предполагал перейти мост, а затем добраться до Мостаганема. Но надо было торопиться, чтобы поспеть в город засветло. Даже сквозь мутный полог туч можно было заметить, как быстро садится солнце, да еще перпендикулярно к горизонту, тогда как в это время года и на широте Алжира оно заходит, описывая плавную кривую. Еще одной загадкой больше!

Шагая по дороге, капитан Сервадак размышлял обо всех этих чудесах. Если в результате какого-то, совершенно небывалого еще явления Земля вращается теперь вокруг своей оси в обратном направлении, если даже допустить, поскольку Солнце стоит в зените, что алжирское побережье передвинулось через экватор в Южное полушарие, то земной шар, повидимому, не претерпел никаких существенных изменений, во всяком случае в этой части Африки, разве только стал не-

сколько выпуклее. Берег все тот же: крутые откосы, пески и голые скалы, красные, словно от окиси железа. Всюду, куда только хватал глаз, очертания берега остались прежними. Никаких перемен не обнаружилось и слева, к югу, вернее в том направлении, которое Сервадак упорно называл югом, вопреки тому, что восток и запад явно переместились; сейчас уже нельзя было отрицать очевидности — они поменялись местами. В трех лье от берега виднелись отроги гор Меджерды; знакомые вершины отчетливо вырисовывались на фоне неба.

Вдруг сквозь просвет между туч пробились косые лучи солнца и упали на землю. Сомнения быть не могло: дневное светило, взойдя на западе, садилось на востоке.

— Черт подери, — сказал Сервадак, — любопытно все-таки узнать, что думают обо всем этом в Мостаганеме! Что скажет военный министр, когда телеграф сообщит ему: африканская колония так запуталась в проблемах физических, как никогда еще не запутывалась в общественных?

— Африканскую колонию, всю как есть, посадят в каталажку! — ответил Бен-Зуф.

— И что поведение стран света находится в полном противоречии с правилами воинского устава?

— Отправить страны света в штрафную роту!

— И что в январе месяце солнце бьет мне прямо в лицо?

— Солнце смеет бить офицера! Расстрелять солнце!

И дока же был Бен-Зуф по части военной дисциплины!

Гектор Сервадак и его денщик торопились изо всех сил. Используя ту особую и необычайную легкость, которая стала их неотъемлемым свойством, они неслись быстрее зайца, прыгали легче серны. Они свернули с тропинки, петлявшей по верху скал и только удлинявшей дорогу, и избрали кратчайший путь по прямой: «полет птицы», сказали бы в Старом Свете, «полет пчелы», сказали бы в Новом. Для них не существовало препятствий! Изгородь? Они проносились над

ней. Ручей? Они преодолевали его одним прыжком. Купа деревьев? Они перепрыгивали ее с места в стремительном броске. Холм? Да они просто парили над ним! Теперь Бен-Зуф и впрямь мог бы перешагнуть через Монмартрский холм! Сервадак и Бен-Зуф боялись только одного: как бы не удлинить путь по вертикали, стремясь сократить его по горизонтали. Они поистине едва касались земли; при такой беспредельной упругости земля, казалось, служила только трамплином.

Наконец, показались берега Шелиффа; в несколько прыжков Сервадак и его денщик очутились на правом берегу реки.

Но здесь они поневоле остановились: моста больше не было, да и надобность в нем отпала.

— Мост снесен! — воскликнул Сервадак. — Здесь, очевидно, произошло наводнение, чуть ли не второй потоп!

— Подумаешь, невидаль, — проворчал Бен-Зуф.

А между тем были все основания удивляться.

Шелифф исчез. От левого берега не осталось и следа. Правый берег реки, которая еще вчера текла по плодородной равнине, стал берегом моря. На всем необозримом просторе, открывавшемся на западе, мирное течение Шелиффа сменили бурливые волны, и были они не желтыми, а синими, не тихо лепечущими, а грозно ропщущими, словно на месте реки возникло море. Здесь обрывалась суша, которая еще накануне была территорией Мостаганема.

Гектор Сервадак захотел удостовериться, что перед ними действительно море, он прошел вперед по заросшему олеандрами берегу, зачерпнул в горсть воды и попробовал на вкус.

— Соленая! — проговорил он. — За несколько часов море поглотило всю западную часть Алжира.

— Значит, — сказал Бен-Зуф, — это продлится дольше, чем простое наводнение?

— Дело в том, что изменился весь мир, — ответил Сервадак, качая головой. — Такая катастрофа может повлечь за собой неисчислимые последствия! А что сталось с моими товарищами, с моими друзьями?

Никогда еще Бен-Зуф не видел Сервадака столь взволнованным. Он постарался придать своему лицу подобающее обстоятельствам выражение, хотя еще меньше Сервадака догадывался о том, что собственно произошло. Бен-Зуф, возможно, отнесся бы к происходящему с философическим спокойствием, если бы не считал долгом солдата разделять чувства своего капитана.

Новая береговая полоса, очертания которой совпадали с очертаниями бывшего правого берега Шелиффа, слегка закругляясь, тянулась с севера на юг. Повидимому, катастрофа, разразившаяся в этой части Алжира, пощадила берег Шелиффа. Он остался таким же, каким запечатлен на гидрографической карте, причудливо изрезанный, с купами могучих деревьев, с зеленым ковром лужаек. Только это был не берег реки, а берег неведомого моря.

Но глубоко взволнованный Сервадак едва успел отметить те разительные перемены, которые произошли вокруг. Дневное светило, как только оказалось в восточной части горизонта, сразу же скрылось с глаз, точно ядро, пущенное в море. Будь это под тропиками, — 21 сентября или 21 марта, когда солнце пересекает небесный экватор, — то и тогда переход от дня к ночи не совершился бы столь стремительно. День потух без сумерек, а следующий, возможно, наступит без утренней зари... Кромешная тьма мгновенно окутала все: землю, море, небо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

приглашающая читателя принять участие в первой прогулке капитана Сервадака по его новым владениям

Читатель, уже знакомый с характером капитана Сервадака, человека отважного и склонного к приключениям, легко поверит нам, что капитан нимало не растерялся от всех этих чрезвычайных происшествий.

Однако он воспринял их не столь безучастно, как Бен-Зуф, потому что всегда стремился вникнуть в причину явлений. Их последствия его мало заботили — лишь бы знать причину. По утверждению Сервадака, быть убитым пушечным ядром — сущие пустяки, раз уж вы досконально знаете, по каким правилам баллистики и по какой траектории летело ядро, угодившее вам прямо в грудь. Так относился он ко всем жизненным явлениям. Поэтому, уделив последствиям недавних событий столько времени, сколько ему позволял его беспечный нрав, Гектор Сервадак думал лишь об одном: как установить их причину.

— Что за черт, — воскликнул он, пораженный внезапно наступившей темнотой, — надо все-таки посмотреть на это днем... если только день или какое-нибудь подобие дня еще настанет. Будь я проклят, если знаю, куда девалось солнце!

— Господин капитан, — сказал Бен-Зуф, — дозвольте спросить, что же мы теперь будем делать?

— Останемся здесь, а завтра, если это самое завтра все же наступит, обследуем берег в западном и южном направлении и вернемся в гурби. Главное, это установить, куда зашли мы и что нам делать дальше, раз невозможно понять, что здесь стряслось. Стало быть, после того как мы обследуем берег с запада и юга...

— Если берег есть, — вставил денщик.

— И если есть юг, — добавил Сервадак.

— Так что можно лечь спать?

— Да, если можешь заснуть!

Получив разрешение начальства, Бен-Зуф, чье душевное спокойствие не нарушил даже этот день, столь богатый событиями, улегся в расщелине скалы, подложил ладонь под щеку и заснул глубоким сном неведения, который подчас безмятежней, чем сон праведника.

Капитан Сервадак отправился бродить по берегу нового моря, в его сознании возникали все новые и новые вопросы, от которых у него кружилась голова.

Прежде всего, каковы размеры катастрофы? Захватила ли она только часть Африки? Пощадила ли города Алжир, Оран, Мостаганем, так близко расположенные друг от друга? Должен ли Гектор Сервадак считать,

что его друзья, его полковые товарищи, погибли во время наводнения, как и все многочисленное население побережья? Или же Средиземное море, переместившись вследствие какого-то сдвига земной коры, вторглось в устье Шелиффа и затопило только близлежащую часть Алжира? Этим в известной мере он мог объяснить исчезновение реки, но отнюдь не другие космические явления.

Еще одна гипотеза. А что, если средиземноморское побережье Африки вдруг передвинулось к экватору? Тогда Сервадаку удалось бы ответить на два вопроса сразу: почему солнце движется по новой дневной дуге и почему ночь наступила без сумерек; однако это не объясняло, почему двенадцатичасовой день сменился шестичасовым и почему солнце встает на западе и заходит на востоке!

«Достоверно одно, — повторял себе капитан Сервадак, — день сегодня продолжался только шесть часов и страны света, во всяком случае восток и запад, «сделали поворот на обратный курс», как сказал бы моряк. Ну что ж, завтра увидим, когда солнце встанет, если только оно еще встанет!»

Капитан Сервадак уже начал сомневаться во всем.

К великой его досаде, за пеленой туч не удавалось рассмотреть небо с искрящимися на нем звездами. Как ни скудны были познания Сервадака в области космографии, он все же имел некоторое представление о главных созвездиях. Ему хотелось проверить, на прежнем ли месте Полярная звезда, или там теперь другая; это неопровержимо доказало бы, что Земля вращается вокруг новой оси и даже, может быть, в обратном направлении, а это уже само по себе объяснило бы многое. Но в тучах, таких густых, что, казалось, они грозят всемирным потопом, не было ни малейшего просвета, и ни одна звезда не явилась взору отчаявшегося наблюдателя.

Нечего было ждать и появления луны, потому что по причине новолуния она скрылась за горизонтом вместе с солнцем.

Каково же было удивление капитана Сервадака, когда, погуляв часа полтора, он увидел над горизонтом

яркий свет, пробивавшийся сквозь плотную пелену туч.

«Луна! — вскричал он. — Да нет, невозможно. Неужели целомудренная Диана пошла по той же дорожке и восходит на западе? Нет! Это не луна. Она никогда не светит так ярко... А вдруг она приблизилась к земле?»

Действительно, эта планета, как бы ее ни называть, излучала такой мощный свет, что он проник сквозь толщу испарений, и на земле забрезжила настоящая заря.

«Уж не солнце ли это? — спрашивал себя капитан. — Но ведь прошло всего каких-нибудь полтора часа с тех пор, как оно закатилось на востоке! Однако, если это не солнце и не луна, то что же это? Болид чудовищных размеров? Тысяча чертей! Неужели же проклятые тучи так никогда и не рассеются?»

Затем Гектор Сервадак обратился к себе самому.

«Ну-с, позвольте вас спросить, — сказал он себе, — не лучше ли было в юности употребить хоть часть так глупо потраченного вами времени на изучение астрономии? Почем знать, а вдруг то, над чем я сейчас ломаю себе голову, на самом деле проще простого?»

Но он так и не проник в тайны нового неба. Свет огромной силы, отбрасываемый, очевидно, каким-то ослепительным диском гигантских размеров, почти час подряд заливал лучами верхние слои облаков. Затем, — и это было не менее странно, — вместо того чтобы описать дугу, подобно всем планетам, повинующимся законам небесной механики, и зайти на противоположной стороне горизонта, диск стал удаляться по перпендикулярной линии к плоскости экватора, а с ним исчез и мягкий сумеречный свет, такой приятный для глаз.

Кругом снова воцарилась полная тьма, так же как и в голове у капитана Сервадака. Он уже окончательно перестал что-либо понимать. Самые элементарные законы механики были нарушены: небесная сфера напоминала стенные часы, в которых вдруг испортилась главная пружина, ход планет противоречил закону всемирного тяготения, и не было никаких основа-

ний рассчитывать, что солнце еще когда-нибудь появится на небосклоне.

Однако через три часа дневное светило взошло на западе, хотя его восходу не предшествовала заря; утренний свет выбелил груду темных облаков, день сменил ночь, а капитан Сервадак, сверившись со своими часами, установил, что ночь длилась ровно шесть часов.

Шестичасовой сон не мог удовлетворить Бен-Зуфа, неисправимого любителя поспать.

Сервадак растолкал его довольно бесцеремонно.

— Вставай, пора собираться в дорогу! — крикнул он.

— Эх, господин капитан, — отозвался Бен-Зуф, протирая глаза, — да ведь я еще не выспался, только-только закрыл глаза!

— Ты проспал целую ночь!

— По-вашему, это ночь?

— Конечно. Она продолжалась шесть часов, но что поделаешь, привыкай!

— Что ж, привыкну.

— В дорогу. Нам нельзя терять времени. Скорее вернемся в гурби, посмотрим лошадей да кстати спросим у них, как они полагают, чем все это объясняется?

— Они полагают, что их полагается чистить каждый день, — отвечал денщик, который не брезговал и каламбуром, — а они с вечера не чищены. Так что, господин капитан, придется сделать им полный туалет!

— Хорошо, хорошо, но поспеши с туалетом, и, как только ты их оседлаешь, мы отправимся в разведку. Узнаем по крайней мере, что осталось от Алжира!

— А потом?

— Потом, если не удастся попасть в Мостаганем с юга, мы повернем на восток к Тенесу.

Капитан Сервадак и его денщик пустились в обратный путь к гурби береговой тропинкой. Аппетит у них разыгрался, и по дороге они без стеснения утоляли его винными ягодами, финиками, апельсинами, которые свисали с деревьев. Разросшиеся молодые насаждения превратили местность в огромный и обильный плодовый сад, сейчас заброшенный, поэтому капитан Сервадак

и Бен-Зуф могли не опасаться, что их привлекут к ответственности за покушение на чужую собственность.

Через полтора часа после того, как они покинули то место, где прежде находился правый берег Шелиффа, наши путники вернулись в гурби. Здесь все осталось в прежнем положении. Никто, очевидно, не заходил в их отсутствие; восточная часть местности казалась такой же безлюдной, как и западная.

Сборы были недолги. Бен-Зуф наполнил сухарями и холодной дичью свою походную сумку. Что до питья, то пресной воды было вдоволь. По равнине струилось множество прозрачных ручьев. В прошлом притоки реки, они теперь сами стали реками, впадающими в Средиземное море.

Через минуту Зефир (эту кличку носил жеребец капитана Сервадака) и Галета (так, в память о монмартской мельнице, назвал свою кобылку Бен-Зуф) были взнузданы и оседланы. Всадники проворно сели на коней и поскакали к Шелиффу.

Вследствие уменьшения силы тяжести их физическая сила возросла, как им казалось, чуть ли не в пять раз; соответственно возросла и сила лошадей. То были уже не простые четвероногие: подобно сказочным гиппогрифам, они неслись, едва касаясь копытами земли. К счастью, Гектор Сервадак и Бен-Зуф были хорошими наездниками, — они не только не сдерживали лошадей, но, ослабив поводья, еще больше подгоняли их.

Расстояние в восемь километров между гурби и устьем Шелиффа было преодолено в двадцать минут; затем, несколько умерив бег лошадей, всадники направились на юго-восток, по бывшему правому берегу реки.

Все здесь сохраняло тот же вид, что и прежде. Но только, как помнит читатель, суша по другую сторону реки исчезла и все пространство вокруг стало поверхностью моря. Итак, в ночь с 31 декабря на 1 января всю эту часть Оранской провинции возле Мостаганема, во всяком случае до самого горизонта, затопило море.

Капитан Сервадак превосходно знал местность. Когда-то он производил здесь геодезические съемки, и ему был знаком каждый уголок. Он поставил себе целью, обследовав возможно дальше окрестности, составить рапорт и послать его... Куда, кому, когда? Вот этого-то он и не знал.

За четыре часа, оставшиеся до вечера, всадники отъехали приблизительно на тридцать пять километров от устья Шелиффа. На ночь они сделали привал подле небольшой излучины прежней реки, куда вчера еще вливались воды ее левого притока, — реки Мины, теперь поглощенной новым морем.

За всю поездку они не встретили ни одной живой души, что было поистине удивительно.

Бен-Зуф кое-как приспособил место для ночлега. Лошадей стреножили и пустили пастись в густой прибрежной траве. Ночь прошла без происшествий.

На следующий день, 2 января, точнее говоря, когда по прежнему земному календарю должна была бы наступить ночь с 1 на 2 января, капитан Сервадак и его денщик снова сели на коней и продолжили разведку. Выехав на рассвете, они за шестичасовой день покрыли расстояние в семьдесят километров.

Границей местности, как и раньше, являлся бывший правый берег реки. Однако примерно в двадцати километрах от Мины значительная часть берега обрушилась, а с ней затонуло и местечко Суркельмиту вместе с восемьюстами жителей. И кто знает, не постигла ли та же участь более крупные города этой части Алжира, расположенные по ту сторону Шелиффа, — Мазаран, Мостаганем, Орлеанвиль?

Обогнув маленький залив, образовавшийся при обвале, капитан Сервадак оказался как раз напротив того места, где должен был находиться городок Амми-Мусса, носивший название Камис, когда там жило племя Бану-Ураг. Но от этого окружного центра не осталось и следа; исчез и пик Манкура высотой в тысяча сто двадцать шесть метров, у подошвы которого был расположен город.

На ночь наши разведчики сделали привал у обрыва, где раньше было крупное селение Мемунтюруа, которое

исчезло бесследно; здесь их новые владения кончались.

— А я-то думал, что сегодня поужинаю и переночую в Орлеанвиле, — сказал капитан Сервадак, глядя на раскинувшееся перед ним мрачное море.

— Туда не добраться, господин капитан, — ответил Бен-Зуф, — разве что на лодке!

— А знаешь, Бен-Зуф, нам с тобой здорово повезло!

— Ну как же, господин капитан, мы к этому привычны! Увидите, мы еще придумаем, как перебраться через море, и погуляем по Мостаганему!

— Гм! Если мы на полуострове, а надо надеяться, что это так, то мы скорее заявимся в Тенес и там узнаем, что нового на свете!

— Пожалуй, сами расскажем, — весьма здраво заметил Бен-Зуф.

Когда через шесть часов солнце снова взошло, Сервадак увидел новые очертания местности.

От места их ночлега и к югу и к северу тянулась теперь береговая полоса. Прежнего берега Шелиффа больше не существовало. Здесь по еще свежей трещине в земле проходила новая граница расколовшейся равнины. Как уже сказано, не осталось и следа от селения Мемунтюруа. А когда Бен-Зуф взобрался на холм, стоявший неподалеку, он ничего не увидел, кроме моря. Земли не было. Следовательно, от Орлеанвиля, который прежде находился в десяти километрах отсюда на юго-запад, ничего не осталось.

Покинув место ночного привала, капитан Сервадак и его денщик двинулись дальше, вдоль новой границы, через обвалы и оползни, через растрескавшиеся поля, мимо деревьев, вырванных почти с корнем и повисших над водой, мимо старых олив, чьи причудливо изогнутые стволы словно были подрублены топором.

Сейчас всадники ехали медленнее: им постоянно приходилось делать крюк то из-за встречавшейся на их пути бухты, то из-за мыса, выдававшегося в море. Поэтому, проехав расстояние в тридцать пять километров, они только на закате достигли подножия гор Джи-

Меджерды, являвшихся до катастрофы продолжением Малого Атласского хребта.

Теперь горный хребет круто обрывался, образуя над побережьем отвесную стену.

На другое утро, переправившись верхом через горное ущелье, капитан Сервадак и Бен-Зуф взошли пешком на одну из высоких вершин и, наконец, получили точное представление о том клочке алжирской территории, обитателями которой отныне являлись, по-видимому, они одни.

Новая береговая полоса длиной около тридцати километров простиралась от подошвы Меджерды до конца средиземноморского побережья. Эта местность не соединялась перешейком с Тенесом, — Тенес исчез бесследно. Итак, разведка местности показала, что наши герои находились не на полуострове, а на острове. Глядя с высоты, капитан Сервадак, к великому своему удивлению, обнаружил, что его со всех сторон окружает море, и куда ни устремлял он взгляд, он не встречал никаких признаков суши.

Этот остров, только что отторгнутый от алжирской земли, имел форму неправильного четырехугольника, почти треугольника, и периметр его можно было бы разложить на следующие слагаемые: сто двадцать километров вдоль бывшего правого берега Шелиффа; тридцать пять километров с юга на север до хребта Атласских гор; тридцать километров наискосок в сторону моря и сто километров вдоль бывшего побережья Средиземного моря. Итого — двести восемьдесят пять километров.

— Все правильно, — сказал капитан Сервадак, — но все-таки почему?

— Ба! Почему бы нет? — ответил Бен-Зуф. — Потому, что потому! Если уж так было угодно господу богу, надо смириться, господин капитан.

Они спустились к подошве горы, где лошади мирно пощипывали зеленую травку. В этот день они добрались до берега Средиземного моря, нигде не обнаружив следов бывшего здесь городка Монтенот. Он исчез, как и Тенес, не сохранилось даже развалин.

На следующий день, 5 января, они двинулись форсированным маршем вдоль средиземноморского побережья. Оно вовсе не осталось в неприкосновенности, как предполагал Сервадак, — не хватало четырех деревушек: Калаат-Шимах, Агмисс, Марабу и Пуэнт-Басс. Мысы, на которых они находились, не выдержав мощного сотрясения, оторвались от материка. Кроме того, наши путешественники убедились в том, что единственные люди на острове они сами, а фауна представлена только стадами скота, бродившими по полям.

Капитан Сервадак и Бен-Зуф потратили на объезд острова пять дней, считая по новому календарю, а в действительности два с половиной дня, считая по старому. Таким образом, они вернулись в гурби через шестьдесят часов после того, как оттуда выехали.

— Итак, господин капитан? — сказал Бен-Зуф.

— Итак, Бен-Зуф?

— Вот вы и стали генерал-губернатором Алжира!

— Алжира без населения!

— Вот так раз! Меня, значит, вы в расчет не принимаете?

— Кто же ты теперь?

— Население, господин капитан, население!

— А мое рондо? — вздохнул капитан Сервадак, устраиваясь на ночь. — Стоило ли стараться!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Бен-Зуф считает себя вправе сетовать на невнимание генерал-губернатора

Десять минут спустя «генерал-губернатор» и вверенное его заботам «население» уснули крепким сном в одной из каморок караульни, так как гурби пока еще представлял собой груду обломков. Однако Гектора Сервадака и во сне тревожила мысль о том, что, установив столько последствий катаклизма, он все еще не открыл его первопричину. И хотя капитан был не силен в космографии, он напряг свою память и вспомнил не-

которые, казалось, забытые им основные законы этой науки. Тогда у него возник вопрос: не вызваны ли наблюдаемые им явления тем, что изменился наклон оси Земли по отношению к ее эклиптике?

Это могло бы объяснить перемещение морей и, вероятно, стран света, но не повлекло бы за собой ни сокращения дня, ни уменьшения силы тяжести на земле. Вскоре Сервадак отказался и от этой гипотезы, что его порядком мучило, ибо, как говорится, он зашел в тупик. Повидимому, чудеса еще не кончились, и возможно, какая-нибудь новая несообразность наведет его на правильный путь. По крайней мере он на это надеялся.

Наутро Бен-Зуф первым делом занялся приготовлением сытного завтрака. Пора, черт возьми, подкрепиться! Бен-Зуф и сам был голоден, как три миллиона алжирцев. Сейчас или никогда надо заморить червячка, покуда есть дюжина яиц, уцелевших после катаклизма, «вдребезги разбившего целую страну»! Да к этому бы еще полную миску кускуса, — ведь Бен-Зуф готовит его мастерски. Завтрак удастся на славу!

И вот плита на своем месте в караульне, медные кастрюли сверкают, словно только что вышли из рук лудильщика, а студеная вода ждет, чтоб ее налили из большой алькарацы, бока которой точно покрыты холодной испариной. Как только вода закипит, Бен-Зуф опустит в нее яйца и через три минуты получит яйца всмятку.

Огонь в плите развели в мгновение ока, и денщик по своему обыкновению замурлыкал солдатскую песенку:

Положил ли вдоволь соли
Ты в походный котелок?
А телятины поболе
На жаркое приберег?

Расхаживая взад и вперед по кухне, капитан Сервадак с любопытством наблюдал за хлопотами Бен-Зуфа: он подстерегал, как охотник подстерегает дичь, то новое явление, которое послужит разгадкой для всех предыдущих. Разгорится ли огонь в плите? Достаточно ли

кислорода для горения, не изменился ли состав воздуха?

Да, огонь в плите разгорелся; Бен-Зуф раздул его своим, несколько учащенным, дыханием, и хворост, положенный на растопку, а затем и уголь запылали ярким пламенем. Стало быть, тут ничего особенного не произошло.

Поставив на огонь кастрюлю, Бен-Зуф налил ее водой и стал ждать, чтобы она закипела и можно было опустить в нее яйца, которые как будто состояли из одной скорлупы, так мало они весили.

Не прошло и двух минут, как вода в кастрюле закипела.

— Что за чертовщина! — воскликнул Бен-Зуф. — Огонь, что ли, стал жарче гореть!

— Не огонь стал жарче гореть, — ответил, подумав, капитан Сервадак, — а вода быстрее закипает.

И сняв со стены термометр Цельсия, он опустил его в кипяток.

Столбик ртути показал только шестьдесят шесть градусов.

— Вот, пожалуйста! — вскричал Сервадак. — Вода кипит при шестидесяти шести градусах, а ведь ей полагается кипеть при ста!

— Итак, господин капитан?

— Итак, Бен-Зуф, покипяти-ка яйца еще минут пятнадцать, да и тогда они едва ли сварятся!

— Да ведь они сварятся вкрутую!

— Нет, мой друг, — всмятку, и мы будем макать в них ломтики хлеба.

Причиной, вызвавшей это явление, было, очевидно, уменьшение высоты атмосферного столба, что совпадало с уже замеченным уменьшением плотности воздуха. Капитан Сервадак не ошибся. Давление атмосферы на поверхности земного шара понизилось примерно на треть; вот почему вода, оказавшись под меньшим давлением, кипела не при ста градусах, как раньше, а при шестидесяти шести. Совершенно так же кипела бы она на вершине горы высотой в одиннадцать тысяч метров над уровнем моря, и будь у капитана барометр, он бы давно установил, что атмосферное давление

понизилось. Именно этим объяснялось и то, что голоса теперь звучали глуше, дыхание стало более учащенным, а кровеносные сосуды расширились, к чему Сервадак и Бен-Зуф уже успели приспособиться.

— И все-таки, — сказал себе капитан Сервадак, — вряд ли можно предположить, что наша стоянка переместилась на такую высоту, ведь море тут же, вот оно плещется у берегов!

В данном случае Гектор Сервадак сделал правильные выводы. Однако он попрежнему не в состоянии был сказать, в чем же причина. Inde iræ! [1]

Тем временем яйца, пролежав в кипятке дольше обычного, почти сварились. То же самое произошло и с кускусом. Резонно заметив, что теперь придется начинать стряпню на час раньше, Бен-Зуф подал кушанья на стол.

При всей своей озабоченности Гектор Сервадак поел с большим аппетитом.

— Итак, господин капитан? — сказал Бен-Зуф, который всегда начинал беседу этими словами.

— Итак, Бен-Зуф? — отозвался Сервадак, привыкший отвечать так своему денщику.

— Что мы будем делать?

— Ждать.

— Чего же?

— Чтобы за нами приехали.

— Морем?

— Непременно морем, ведь наша стоянка превратилась в остров.

— Значит, господин капитан, вы полагаете, что товарищи наши...

— Полагаю, вернее надеюсь, что катастрофа разрушила только отдельные пункты на алжирском побережье, а стало быть, товарищи наши живы и невредимы.

— Что ж, господин капитан, будем надеяться.

— Генерал-губернатор, несомненно, пожелает уяснить себе, что произошло. Он, наверное, выслал из Алжира судно, чтобы обследовать побережье, и, смею думать, нас не забудут. А потому, Бен-Зуф, следи

[1] Отсюда и гнев *(лат.)*.

за морем и, чуть только покажется корабль, подай ему сигнал.

— А если корабль не придет?

— Тогда мы построим какое-нибудь суденышко и сами поедем туда, раз за нами никто не едет.

— Вот хорошо-то, господин капитан, так вы, значит, моряк?

— Моряком может стать каждый, когда это необходимо, — невозмутимо отвечал штабной офицер Сервадак.

С этих пор Бен-Зуф дни напролет стоял с подзорной трубой, не сводя глаз с горизонта. Но в поле зрения ни один парус не показывался.

— Ах ты племя берберийское! — сердито говорил Бен-Зуф. — Его превосходительство генерал-губернатор не больно беспокоится о нас!

К шестому января в положении наших островитян не произошло никаких перемен. Дата 6 января была датой прежнего календаря, действовавшего до того, как земные сутки сократились вдвое. Капитан Сервадак умышленно придерживался старого календаря, чтобы не потерять счет времени. Поэтому, хотя солнце на небосклоне островитян взошло и зашло двенадцать раз, капитан считал, что истекло только шесть дней с полуночи 1 января, с начала нового года. Для точного исчисления времени он пользовался своими карманными часами. Стенные часы с маятником, попав в условия, при которых вес предметов уменьшился, несомненно дали бы неправильные показания; а ход карманных часов зависит от действия пружины и не подчиняется силе тяжести, и, если только часы капитана Сервадака не испортились, они показывали время правильно даже теперь, после нарушения основных физических законов. В данном случае так оно и было.

— Шут его знает, — сказал Бен-Зуф, питавший некоторую слабость к изящной словесности, — сдается мне, господин капитан, что вы теперь смахиваете на Робинзона, а я вроде как Пятница. Уж не стал ли я негром?

— Нет, Бен-Зуф, — ответил капитан Сервадак, — пока еще кожа у тебя отличного белого цвета... с темным отливом!

— Бледнолицый Пятница! — сказал Бен-Зуф. — Это что-то не то, но мне так больше нравится!

Итак, 6 января, поскольку никто за ними не приехал, капитан Сервадак счел своевременным сделать то, что до него делали все Робинзоны: составить опись ресурсов питания, включая растения и животных, имевшихся в его владениях.

Остров Гурби, — таково название, данное ему капитаном Сервадаком, — занимал пространство примерно в три тысячи квадратных километров, иначе говоря — триста тысяч гектаров. Быков, коров, коз и овец было здесь довольно много, но подсчитать их пока не представлялось возможным. Дичь водилась в изобилии, и нечего было бояться, что она перекочует в другое место. Росли и хлебные злаки. Через три месяца можно будет собрать урожай пшеницы, кукурузы, риса и прочего.

Таким образом, «губернатор» острова, его «население» и обе лошади снабжены пищей вдоволь. Даже если на острове появятся новые поселенцы, они тоже будут вполне обеспечены.

С шестого по тринадцатое января шел проливной дождь. Небо беспрестанно застилали густые тучи, и плотность их не уменьшалась. Неоднократно разражалась сильная гроза — редкое явление в это время года. От внимания Сервадака не ускользнуло, что температура, как ни странно, все время повышается. Необыкновенно раннее лето! Оно началось в январе. Еще более поразительно было неуклонное, все возрастающее повышение температуры, словно земной шар непрерывно и равномерно приближался к солнцу!

По мере того как увеличивалось тепло, усиливался и свет, и если бы не густые облака, закрывавшие экраном небо, солнечное излучение воздействовало бы на все земное с совершенно небывалой мощью.

Читатель легко представит себе, в какое бешенство приходил Сервадак, не имея возможности наблюдать ни солнца, ни луны, ни звезд, ни единого уголка на небе,

где он, вероятно, нашел бы ответ на свои вопросы, если бы туман рассеялся. Бен-Зуф попытался было успокоить капитана, проповедуя смирение, которое у него самого подчас переходило в безразличие, но встретил столь резкий отпор, что не решался больше вмешиваться. Поэтому он ограничивался тем, что исправно нес свою службу наблюдателя. Шел ли дождь, свистел ли ветер, бушевала ли гроза, Бен-Зуф денно и нощно стоял на посту, оставив себе только несколько часов для сна. Но тщетно глядел он на горизонт, — кругом все было так же неизменно пусто. Да и какой корабль мог бы бороться с этим бурным морем, выдержать натиск подобного шквала? Волна на море вставала на небывалую высоту, и ураган носился по водам с ни с чем не сравнимой яростью. Поистине, явления, которыми сопровождался потоп в период вторичной формации Земли, когда вода на первозданной планете, испарявшаяся от ее внутреннего тепла, поднималась в парообразном состоянии в пространство, а затем сплошным потоком лилась обратно, вряд ли превосходили по своей силе описанные нами явления.

И вдруг 13 января потоп прекратился, как по волшебству. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое последний бешеный порыв ветра рассеял последние тучи. Гектор Сервадак, шесть дней безвыходно просидевший в караульне, выбежал наружу, как только дождь прошел и ветер утих. Он поспешил к береговому утесу, чтобы самому занять наблюдательный пост. Прочтет ли он что-нибудь по звездам? Появится ли снова огромный диск, виденный им лишь одно мгновенье, в ночь с 31 декабря на 1 января? Откроется ли, наконец, загадка его судьбы?

Небо сияло. Сейчас ничто, даже легкая дымка, не скрывало блеска созвездий. Ночной купол раскинулся, как необъятная карта неба, и на ней обозначились такие далекие туманности, которые прежде астрономы видели только через телескоп.

Первым делом капитан Сервадак стал искать Полярную звезду, ибо в том, что касалось Полярной звезды, его знания были основательны.

Звезда нашлась, но стояла очень низко над горизонтом и, возможно, уже перестала служить центральным стержнем для всей звездной системы. Иначе говоря, если мысленно продолжить ось Земли, она больше не будет проходить через ту неподвижную точку, которую Полярная звезда обычно занимала в пространстве. И действительно, уже через час Полярная звезда заметно передвинулась, опустившись к горизонту, как будто она входила в одно из зодиакальных созвездий.

Следовательно, оставалось только установить, какая звезда заняла место Полярной, то есть через какую точку неба теперь проходит мысленно продолженная ось Земли. Несколько часов подряд капитан Сервадак наблюдал небо исключительно с этой целью. Новая Полярная звезда должна была стоять так же неподвижно, как и прежняя, посреди других звезд, которые в своем видимом движении совершают вокруг нее свой суточный оборот.

Вскоре капитан Сервадак обнаружил, что одна из звезд, расположенная очень близко к северному горизонту, как будто отвечает этим условиям неподвижности, сохраняя свое постоянное положение среди остальных. Это была звезда Вега из созвездия Лиры, та самая, которая вследствие прецесии — перемещения земной оси, обусловливающего постепенное перемещение точек равноденствия, — должна занять место Полярной звезды через двенадцать тысяч лет. А так как за две недели никак не могло пройти двенадцати тысяч лет, то оставалось сделать вывод, что ось Земли внезапно переместилась.

«Но тогда, — рассуждал сам с собой капитан Сервадак, — переместилась не только земная ось. Ведь если она проходит теперь через точку, так низко стоящую над горизонтом, стало быть, Средиземное море передвинулось в пояс экватора».

И он погрузился в размышления, блуждая взором по небу между ставшей теперь зодиакальным созвездием Большой Медведицей, от которой остался только хвост, торчащий из воды, и новыми, впервые увиденными звездами Южного полушария.

Восклицание Бен-Зуфа вернуло его на землю.

— Луна! — кричал денщик.

— Луна?

— Она самая, — отвечал Бен-Зуф в восторге, что видит вновь «спутницу ночей земных», как сказал бы поэт.

И Бен-Зуф указал пальцем на диск, поднимавшийся над горизонтом в точке, противоположной той, которую должно было бы в это время занимать солнце.

Луна ли это, или какая-нибудь другая малая планета, которая, приблизившись к Земле, казалась крупней? Капитан Сервадак попал бы в затруднительное положение, если бы его попросили ответить на этот вопрос. Он взял довольно сильную подзорную трубу, служившую ему при геодезических съемках, и навел ее на неизвестную планету.

— Если это Луна, — сказал он, — то надо признать, что она значительно дальше от нас, чем прежде! Теперь ее расстояние от Земли исчисляется не тысячами, а миллионами лье!

После тщательного наблюдения капитан Сервадак уверился в том, что перед ним не Луна. Он не находил на этом потускневшем диске знакомой игры света и тени, придающей Луне сходство с человеческим лицом. Он не обнаружил никаких следов равнин или морей, ни тех борозд, которыми окружен, словно светлыми лучами, великолепный лунный кратер Тихо.

— Ну нет, это не Луна, — сказал он.

— Почему же? — спросил Бен-Зуф, чрезвычайно дороживший своим открытием.

— Потому что у этого светила есть свой спутник, своя маленькая луна!

И в самом деле: в поле зрения подзорной трубы появилась довольно ясно различимая светящаяся точка; так иногда выглядит какой-нибудь спутник Юпитера, наблюдаемый с помощью не очень сильного оптического прибора.

— Но если это не Луна, то что же это такое? — вскричал капитан Сервадак, топнув ногой. — Это не Венера и не Меркурий, — у них нет спутников! И тем не менее это некая планета, орбита которой находится внутри орбиты Земли, — ведь она тоже сопровождает

Солнце в его видимом движении. Тьфу ты, пропасть! Если это не Венера и не Меркурий, то это может быть только Луна, а если это Луна, то где и за каким чертом она стащила себе спутника?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

где речь идет о Венере и Меркурии, которые угрожают стать «камнем преткновения» в межпланетном пространстве

Скоро снова взошло солнце, и рой звезд померк в его ослепительных лучах. Продолжать наблюдения было уже невозможно. Пришлось отложить их до ночи, если только небо не будет облачным.

Что до диска, свет которого проник ночью сквозь пелену облаков, то капитан Сервадак тщетно искал его следы. Он исчез либо потому, что отдалился на очень большое расстояние, либо потому, что по ходу своего движения отклонился в сторону, оказавшись вне поля видимости.

Наступила поистине прекрасная погода. Ветер перебросился на запад, вернее, туда, где раньше находился запад, а затем совершенно утих. Солнце аккуратно всходило на новом горизонте и заходило с противоположной стороны. День и ночь с математической точностью сменялись ровно через шесть часов, так как солнце не отклонялось от линии нового экватора, проходившего теперь через остров Гурби.

При этом температура воздуха непрерывно возрастала. Капитан Сервадак по нескольку раз в день справлялся с термометром, висевшим у него в комнате, и 15 января установил, что термометр показывает в тени 50° по Цельсию.

Разумеется, пока гурби еще не был поднят из развалин, Сервадак и Бен-Зуф приспособили под жилье лучшую комнату в караульне. В первые дождливые дни ее каменные стены защищали от ливней, а теперь спасали от полуденного зноя. Жара становилась

тем нестерпимей, что солнце светило при совершенно безоблачном небе и, пожалуй, даже Сенегалия и экваториальная часть Африки никогда еще не подвергались такому беспрерывному жару солнечных лучей. Если бы температура продолжала держаться на том же уровне, то выгорела бы вся растительность острова.

Верный своим привычкам, Бен-Зуф не выказывал удивления по поводу нестерпимой жары, но пот, катившийся с него градом, был красноречивей всяких слов. Не вняв уговорам капитана, он отказался покинуть свой наблюдательный пост на береговом утесе и добросовестно продолжал поджариваться на солнце, не спуская глаз со Средиземного моря, безмятежно-спокойного, как озеро, и попрежнему пустынного. Если Бен-Зуф мог безнаказанно выносить отвесные лучи полуденного солнца, то верно потому, что кожа у него была дубленая, а череп бронированный.

Однажды, увидев Бен-Зуфа «на вахте», капитан Сервадак заметил:

— Ах вот оно что! Оказывается, ты родился в Габоне?

На что получил ответ:

— Никак нет, господин капитан, на Монмартре, но там в точности как здесь!

А уж если наш доблестный Бен-Зуф утверждал, что на милом его сердцу Монмартрском холме тропический климат, то спорить было бесполезно.

Палящая жара повлияла, разумеется, и на растительность острова Гурби; последствия изменения климата сказались на всей природе. В несколько дней соки, устремившись от корней к кронам деревьев, пробудили жизнь даже в самых верхних ветвях; лопнули почки, появилась листва, расцвели цветы, созрели плоды. То же самое происходило с хлебными злаками. Маис и пшеница росли буквально на глазах, густая трава ковром покрывала луга. Сенокос, жатва и сбор плодов совпали: быстротечное лето и осень стали одним временем года.

Жаль, что капитан Сервадак не разбирался в космографии хоть немного лучше! Он бы сказал:

«Если наклон земной оси изменился и если, судя по всем данным, земная ось образует прямой угол с эклиптикой, то теперь у нас установится такой же порядок, как на Юпитере: вместо смены времен года установятся пояса с постоянным климатом, в которых зима либо весна, лето либо осень будут продолжаться вечно».

Затем Сервадак непременно добавил бы:

«Но, клянусь винами Гасконии, не пора ли узнать, чему мы обязаны такими переменами?»

Однако столь ранний урожай ставил Сервадака и Бен-Зуфа в затруднительное положение. Дел было так много, что рук не хватало; не помогла бы и поголовная мобилизация всего «населения» острова. Кроме того, необычайная жара мешала работать без перерыва. Правда, островитяне считали, что время терпит. Запасы в Гурби были в изобилии, к тому же сейчас при спокойном море и ясной погоде можно было надеяться, что у острова появится корабль. Обычно в этой части Средиземного моря царило оживление: сюда заходили либо французские корабли, несущие службу у берегов, либо каботажные судна различных государств, которые поддерживали постоянную связь с самыми отдаленными уголками побережья.

Островитяне рассуждали правильно, а все-таки на море почему-то не показывался ни один корабль, и Бен-Зуф без всякой пользы испекся бы заживо на раскаленных скалах, если бы его не спасал сооруженный им зонт.

Тем временем капитан тщетно пытался восстановить в своей памяти познания, полученные в коллеже и Военно-инженерном училище. Он погрузился в расчеты, с ожесточением стремясь точно установить новое положение земного сфероида в мировом пространстве, но так и не преуспел в этом. А между тем он должен был бы прийти к мысли, что если Земля теперь вращается вокруг своей оси в обратном направлении, то соответственно изменилось и ее движение вокруг Солнца; следовательно, продолжительность года также стала иной: она либо увеличилась, либо уменьшилась.

Действительно, Земля явно приближалась к днев-

ному светилу. Ее орбита, очевидно, сместилась, что подтверждалось не только непрерывно растущим повышением температуры, но и новыми наблюдениями капитана Сервадака, показавшими, что земной шар приближается к своему центру притяжения.

Дело в том, что теперь диаметр Солнца был вдвое больше по сравнению с солнечным диском, виденным с Земли невооруженным глазом до наступления катастрофы. Такой громадный диск можно было бы наблюдать с поверхности Венеры, то есть с расстояния в двадцать пять миллионов лье от Солнца. Отсюда следовало, что Земля удалена теперь от Солнца только на двадцать пять миллионов лье вместо прежних тридцати восьми миллионов. Оставалось узнать, не сократится ли еще больше расстояние между Землею и Солнцем; в таком случае, потеряв равновесие, земной шар будет притянут Солнцем. И это было бы гибелью Земли.

В те ясные дни вести наблюдение за небом не составляло никакого труда, но и ночи стояли такие ясные, что перед Гектором Сервадаком открывался целый мир светил во всем его великолепии. Звезды и планеты были рассыпаны по небу, словно светящиеся буквы необъятной азбуки вселенной, которые капитан, как ни бился, не мог сложить в слова и строки. Разумеется, Сервадак не открыл бы ничего нового ни в величине звезд, ни в их удаленности друг от друга. Известно, что Солнце, стремящееся к созвездию Геркулеса со скоростью шестидесяти миллионов лье в год, до сих пор приблизилось к нему лишь на ничтожно малый отрезок всего пути, настолько велико расстояние между ним и этим созвездием. То же самое можно сказать и об Арктуре, несущемся в мировом пространстве со скоростью двадцати двух лье в секунду, иначе говоря, втрое быстрее Земли.

Но если по звездам ничего нельзя было прочитать, то иное дело планеты, по крайней мере те, чьи орбиты являются внутренними по отношению к орбите Земли.

Две планеты отвечают этим условиям — Венера и Меркурий. Первую отделяет от Солнца среднее рас-

стояние в двадцать семь миллионов лье, вторую — пятнадцать миллионов лье. Таким образом, орбита Меркурия является внутренней по отношению к орбите Венеры, и орбиты обеих этих планет — внутренними относительно орбиты Земли. И вот после долгих наблюдений и глубоких размышлений Сервадак пришел к выводу, что количество тепла и света, получаемого в настоящее время Землей от Солнца, равняется примерно количеству тепла и света, получаемого от него Венерой, то есть вдвое больше того, что Солнце давало Земле до катастрофы. Сервадак заключил из этого, что Земля значительно приблизилась к дневному светилу, и получил еще одно подтверждение этому, наблюдая прекрасную Венеру, звезду, которой невольно любуются даже самые равнодушные люди, когда, не затмеваемая лучами Солнца, она восходит на вечернем или утреннем небосклоне.

Фосфорус или Люцифер, Геспер или Веспер, как называли ее древние, утренняя или вечерняя звезда, звезда пастухов (было ли еще у какого-нибудь другого светила, кроме, пожалуй, Луны, столько названий?) — словом, Венера, предстала сейчас взору Сервадака в виде невероятно увеличившегося диска. Казалось, это маленькая луна; все ее фазы можно было свободно различить невооруженным глазом. Освещался ли ее диск полностью, находилась ли она в первой или последней четверти, планета была прекрасно видна. Выемки на ее серпе указывали на то, что солнечные лучи, преломившись в атмосфере Венеры, попадали в такие ее области, где, казалось бы, уже наступил закат Солнца. Это доказывало, что на планете есть атмосфера, поскольку на ее поверхности наблюдалось действие отраженного света. Отдельные светлые точки на серпе Венеры были большими горами, высота которых, по утверждению Шрётера, в десять раз превосходит Монблан, то есть равна одной сто сорок четвертой радиуса планеты [1].

Таким образом, капитан Сервадак счел себя вправе

---

[1] Высота самых больших гор на Земле не превышает $^1/_{740}$ ее радиуса. *(Прим. автора.)*

утверждать, что Венера находится не дальше чем в двух миллионах лье от Земли. Он сказал об этом Бен-Зуфу.

— Что ж, господин капитан, — ответил денщик, — два миллиона лье — это не так уж плохо!

— Это немало для двух воюющих армий, — ответил капитан Сервадак, — но для двух планет это ничтожное расстояние.

— Что же может случиться?

— Мы упадем на Венеру, черт побери!

— Ого! А воздух там есть?

— Есть.

— И вода?

— Повидимому.

— Вот и хорошо! Ну что ж, отправимся в гости к Венере!

— Но произойдет страшное столкновение! Венера и Земля, очевидно, летят навстречу друг другу, а так как величина их масс примерно одинакова, то обеих ждет гибель.

— Точь-в-точь два поезда катят навстречу друг другу, — заметил Бен-Зуф тем невозмутимым тоном, от которого капитан приходил в бешенство.

— Ну да, два поезда, болван! — закричал он. — Только они мчатся в тысячу раз быстрее экспресса, и поэтому одна из планет неминуемо разлетится вдребезги, а может быть, и обе! Посмотрим тогда, что останется от твоей паршивой кочки, от Монмартрского пригорка!

Бен-Зуф был уязвлен в самое сердце. Он стиснул зубы, сжал кулаки, но сдержался и несколько секунд безмолвно переваривал обиду: «Паршивая кочка!» Затем сказал:

— Господин капитан, я в вашем распоряжении! Приказывайте! Если есть способ помешать столкновению...

— Нет, осел, и поди ты к черту!

Получив такой ответ, Бен-Зуф в полном расстройстве удалился, не проронив больше ни слова.

В последующие дни расстояние между обеими планетами сократилось еще больше, и было ясно, что

Земля, двигавшаяся по новой орбите, пересечет орбиту Венеры. В то же время она заметно приблизилась к Меркурию. Это светило, редко видимое невооруженным глазом, — разве только во время наибольшей элонгации, западной или восточной, — явилось сейчас во всем своем блеске. Все в этой планете, прозванной в древности «Искрометной», заслуживает самого тщательного изучения: смена фаз, схожих с фазами Луны, сила, с которой Меркурий отражает лучи Солнца, дающего ему в семь раз больше тепла и света, чем земному шару, его почти сливающиеся, вследствие значительного наклона оси, зоны вечного холода и страшного зноя, его экваториальные полосы и горы высотой в девятнадцать километров.

Но опасность исходила не от Меркурия: Земле угрожало столкновение с Венерой. К 18 января расстояние между обеими планетами сократилось приблизительно до одного миллиона лье. Венера излучала такой мощный свет, что все предметы на Земле стали отбрасывать необыкновенно резкие тени. Венера попрежнему обращалась вокруг своей оси за двадцать три часа двадцать одну минуту, а это доказывало, что продолжительность суток на планете осталась той же. Видны были облака, носившиеся в ее атмосфере, постоянно насыщенной парами, и казавшиеся полосами на фоне диска. Затем явственно обозначились семь пятен, — это, по мнению Бианкини, моря, сообщающиеся между собой. И, наконец, красавица планета предстала при белом свете дня; однако это польстило капитану Сервадаку куда меньше, чем генералу Бонапарту, который однажды, во времена Директории, увидев Венеру в полдень, впоследствии поддерживал легенду о том, что ему явилась «его звезда».

Двадцатого января расстояние между обоими светилами, установленное согласно законам небесной механики, сократилось еще больше.

«Какой ужас должны испытывать сейчас наши товарищи в Африке, друзья во Франции, население обоих материков! — говорил себе порой Сервадак. — Чего только не пишут в газетах! Какие толпы молящихся стекаются в церкви! Должно быть, ждут светопрестав-

ления! Я и сам думаю, да простит мне господь бог, что никогда еще оно не было так близко, как теперь! А я еще удивлялся, что за нами не посылают корабля! Да разве у генерал-губернатора и военного министра есть время нами заниматься? Через два дня, самое большее, Земля рассыплется на тысячи кусков и ее осколки пойдут гулять где попало по мировому пространству!»

Однако этому не суждено было случиться.

Напротив, начиная с 20 января планеты стали мало-помалу отдаляться друг от друга. К великому счастью, плоскости орбит Венеры и Земли не совпадали, и, следовательно, роковое столкновение не могло произойти.

Бен-Зуф вздохнул с облегчением, когда капитан сообщил ему приятную новость.

Двадцать пятого января расстояние между планетами увеличилось настолько, что все опасения отпали.

— Ну вот, — сказал капитан Сервадак, — а все-таки сближение планет пошло нам на пользу: теперь мы знаем, что у Венеры нет луны!

Дело в том, что Доминико Кассини, Шорт, Монтень де Лимож, Монбарон и другие астрономы всерьез утверждали, что у Венеры есть спутник.

— А жаль, что это не так, — добавил Гектор Сервадак, — ведь мы могли бы прихватить по дороге и эту луну; тогда к нашим услугам было бы целых две. Но, черт возьми, неужели же я так и не добьюсь объяснения, почему произошла вся эта путаница в небесной механике?

— Господин капитан, — обратился к нему Бен-Зуф.

— Чего тебе?

— А не стоит ли у нас в Париже, неподалеку от Люксембургского дворца, дом с этаким большущим колпаком на самой маковке?

— Обсерватория?

— Она самая! Так вот, разве ученые господа, что сидят под колпаком, не обязаны объяснить все это?

— Конечно, обязаны.

— Тогда, господин капитан, наберемся терпения, пока они все не растолкуют, и будем философами!

— Ого, Бен-Зуф, да ты разве знаешь, что такое быть философом?

— Да, потому что я солдат.

— Что же это, по-твоему?

— Это значит, что, когда делу помочь нельзя, надо терпеть, а у нас с вами так оно и есть, господин капитан.

Гектор Сервадак ничего не ответил своему денщику, но мы вправе предполагать, что до поры до времени он перестал добиваться объяснения необъяснимых пока явлений.

Впрочем, вскоре произошло одно непредвиденное событие, которое повлекло за собой весьма важные последствия.

Двадцать седьмого января в девять часов утра в караульню вошел невозмутимый Бен-Зуф и с полным бесстрастием обратился к Сервадаку:

— Господин капитан, разрешите доложить?

— Что там еще? — отозвался Сервадак.

— Корабль!

— Экая скотина! Говорит об этом так спокойно, точно пришел сказать, что кушать подано!

— А как же иначе! На то мы и философы, — возразил Бен-Зуф.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

где капитан Сервадак задает целый ряд вопросов, но они остаются без ответа

Сервадак выскочил из караульни и со всех ног пустился бежать к вершине утеса.

Сомнений не было: к острову шло какое-то судно, оно находилось уже менее чем в десяти километрах от берега; но из-за того, что земная поверхность стала выпуклей, сократилось поле зрения, и над волнами торчали только верхушки мачт.

И хотя корпус корабля был невидим, по его мачтам и снастям все же можно было определить, какого это

рода судно. Очевидно, это была шкуна, и через два часа капитан Сервадак распознал ее уже без труда.

Он ни на секунду не отрывал подзорной трубы от глаз.

— Это «Добрыня»! — вскричал он.

— «Добрыня»? — переспросил Бен-Зуф. — Вот уж нет! Дымка-то не видно!

— Шкуна идет под парусами, — ответил капитан Сервадак, — но это, конечно, шкуна графа Тимашева!

Так оно и оказалось, и, если только граф был на борту, значит какая-то невероятная случайность снова свела его с соперником.

Разумеется, Сервадак видел теперь в том, кто приближался к острову, не врага, а человека, подобно ему, потерпевшего бедствие; он совершенно забыл и о поединке и о причинах, его вызвавших. Обстоятельства так переменились, что он испытывал самое живейшее желание увидеться с графом и поговорить обо всех этих чрезвычайных происшествиях. Шкуна отсутствовала двадцать семь дней; за это время она могла обследовать ближайшие берега Алжира и даже, может быть, посетила берега Испании, Италии и Франции, обошла все Средиземное море, так необычайно изменившееся, и, наверное, привезла свежие новости из этих стран, от которых остров Гурби был отрезан. Теперь-то Гектор Сервадак узнает не только о том, какие части Земли постигла катастрофа, но и причину самого бедствия. Кроме того, граф Тимашев человек благородный и сочтет своим долгом доставить на родину Сервадака и его денщика.

— Но ведь «Добрыне» негде будет причалить, — сказал Бен-Зуф, — устья Шелиффа больше нет!

— Этого и не нужно, — ответил Сервадак. — Граф пошлет шлюпку, и нас доставят на борт.

Шкуна приближалась довольно медленно, так как ветер был встречный и ей приходилось держать в бейдевинд. Как ни странно, машина на корабле бездействовала, хотя экипаж ее, должно быть, спешил узнать, что это за новый остров, показавшийся на горизонте. Правда, на судне могло не хватить горючего, поэтому, вероятно, оно шло под парусами, которыми, впрочем, управляли весьма искусно. К счастью, несмотря на

легкие тучки, погода была ясная, ветер умеренный, шкуне не мешало волнение, и условия для плавания в общем были хорошие.

Гектор Сервадак ни на минуту не сомневался в том, что «Добрыня» постарается пристать к берегу. Граф, должно быть, недоумевал: вместо африканского материка перед ним оказался остров. Не опасался ли он, что не найдет убежища у этих новых берегов, что шкуна не сможет пристать? Капитан Сервадак решил подыскать подходящее место для якорной стоянки и подать оттуда сигнал.

Вскоре стало ясно, что «Добрыня» направляется к месту бывшего устья Шелиффа. Тогда Сервадака осенила новая мысль. Зефир и Галета были быстро оседланы, всадники вскочили на коней и помчались на западный конец острова.

Через двадцать минут капитан и денщик, спешившись, уже обследовали окрестность.

Вскоре Сервадак заметил за поворотом мыса маленькую, защищенную бухту, где в случае надобности могло бы укрыться небольшое судно. Бухта была отгорожена от открытого моря грядою крупных рифов, между которыми открывался узкий проход. Вода здесь, наверно, была тихой даже в бурю. Однако, присмотревшись к прибрежным скалам, капитан Сервадак с изумлением обнаружил на них следы очень высокого прилива, о чем свидетельствовали облепившие их гирляндами морские водоросли.

— Ого, — сказал он, — в Средиземном море теперь бывают настоящие приливы?

Судя по всему, приливы и отливы были здесь довольно значительны, и вода подымалась высоко — еще одно необычайное явление, ибо до сих пор приливы и отливы в бассейне Средиземного моря почти не ощущались.

Тем не менее после самого высокого прилива, вызванного, несомненно, приближением к Земле в ночь с 31 декабря на 1 января того огромного диска, который Сервадак видел в новогоднюю ночь, приливы заметно пошли на убыль и теперь стали такими же, как и до катастрофы.

Сделав это наблюдение, капитан Сервадак тем и ограничился, всецело занятый «Добрыней».

Шкуна была уже в двух-трех километрах от острова. На ней, несомненно, заметили и поняли сигналы с берега: «Добрыня» слегка изменила курс, и матросы стали убирать верхние паруса. Вскоре на мачтах остались только два марселя, бизань и кливер, что облегчило управление рулевому. Наконец, шкуна обогнула мыс и, лавируя между рифами, смело вошла в проход бухты, на который Сервадак указывал рукой. Через несколько минут якорь «Добрыни» врезался в песчаное дно бухты, с борта спустили шлюпку и граф сошел на берег.

Капитан Сервадак побежал к нему навстречу.

— Граф, — крикнул он, — прежде всего до всяких объяснений, скажите, что произошло?

В ответ граф Тимашев, человек весьма сдержанный, чья невозмутимость представляла собой полную противоположность горячности французского офицера, поклонился и произнес с характерным русским акцентом:

— Капитан, позвольте мне до всяких объяснений заверить вас, что наша встреча для меня полная неожиданность. Я расстался с вами на материке, а встречаюсь на острове...

— Хоть я и не трогался с места, граф.

— Знаю, капитан, и прошу принять мои извинения в том, что я не явился на условленное свиданье, но...

— О граф, — поспешил перебить его капитан Сервадак, — об этом мы поговорим в другой раз, если вам будет угодно.

— Я всегда к вашим услугам.

— А я к вашим. Но позвольте мне повторить свой вопрос: что произошло?

— Об этом именно я и собирался спросить у вас.

— Как? Вам ничего неизвестно?

— Ничего.

— И вы не можете объяснить, почему эта часть африканского материка превратилась в остров?

— Не могу, капитан.

— И вы не знаете, каковы размеры катастрофы?

— Знаю не больше вас, капитан.

— Можете ли вы по крайней мере сообщить, не произошло ли на северном побережье Средиземного моря...

— А разве это все еще Средиземное море? — перебил его, задав столь странный вопрос, граф Тимашев.

— Об этом вам, граф, должно быть известно лучше, чем мне, поскольку вы совершили рейс по этому морю.

— Я не совершал рейса по этому морю.

— Вы ни разу не приставали к берегу?

— Ни разу, ни на один час даже. Я нигде не нашел земли.

Капитан Сервадак посмотрел на своего собеседника в полном недоумении.

— Но, граф, — сказал он, — заметили вы хотя бы, что с первого января восток находится там, где должен быть запад?

— Да.

— И что день продолжается только шесть часов?

— Вот именно!

— И что сила тяжести уменьшилась?

— Безусловно.

— И что мы потеряли Луну?

— Бесследно!

— И чуть было не столкнулись с Венерой?

— Справедливо замечено.

— И что, следовательно, Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца в другом направлении?

— Это совершенно ясно.

— Граф, — сказал капитан Сервадак, — прошу извинить мое недоумение. Я был уверен, что ничего нового не могу вам сообщить, но рассчитывал, что узнаю новости от вас.

— Я решительно ничего не знаю, капитан, — ответил граф Тимашев, — кроме того, что в ночь с тридцать первого декабря на первое января, когда я вышел в море, направляясь на свиданье с вами, огромная

волна подняла шкуну на неимоверную высоту. Нам показалось, что этот разгул стихий вызван каким-то явлением космического порядка, которое я не берусь объяснить. С тех пор, после неоднократных повреждений паровой машины, нас все время носило по волнам по воле неистового шторма, который бушевал несколько дней. «Добрыня» уцелел чудом; я приписываю это тому, что, попав в центр вихревого движения циклона, шкуна сравнительно мало пострадала от разъяренных стихий. За все эти дни мы не видели суши и ваш остров — первая встреченная нами земля.

— Но, граф, — воскликнул капитан Сервадак, — тогда нужно вновь пуститься в плавание, нужно обследовать Средиземное море и установить, каковы размеры стихийного бедствия, вызванного катастрофой.

— Таково и мое мнение.

— Предоставите ли вы мне место на борту вашей шкуны, граф?

— Да, капитан, даже для кругосветного плавания, если это понадобится для наших розысков.

— О, с нас довольно будет и Средиземного моря!

— Кто может с уверенностью сказать, — возразил граф, покачав головой, — что плавание по Средиземному морю не окажется и кругосветным плаванием?

Капитан Сервадак оставил его слова без ответа и глубоко задумался.

Тем не менее другого выхода не было, как осуществить принятое решение, то есть произвести разведку, обследовать остаток африканского побережья, узнать в столице Алжира, что сталось с обитаемой частью земного шара, и затем, если южное побережье Средиземного моря полностью уничтожено, повернуть на север, чтобы установить связь со средиземноморскими странами Европы.

Однако плавание пришлось отложить до того времени, пока не будут устранены повреждения. Несколько труб внутри парового котла лопнуло, образовалась течь, вода заливала топку. До исправления нельзя было разводить огонь. Плавание же под парусами отнимало больше времени и трудов, особенно при неспокойном море и противном ветре. А так как шкуна, при-

способленная к длительному плаванию между торговыми портами Ближнего Востока, располагала двухмесячным запасом угля, то имело смысл израсходовать топливо для быстрого перехода с тем, чтобы пополнить запас горючего на первой же стоянке.

Итак, вопрос был решен без всяких колебаний.

К счастью, ремонт произвели быстро. На шкуне оказались запасные трубы, которыми заменили поврежденные. Через три дня после прибытия «Добрыни» на остров Гурби паровой котел уже был в исправности.

Во время пребывания графа на острове Сервадак ознакомил гостя со своими небольшими владениями. Они объехали верхом всю новую береговую полосу и после рекогносцировки пришли к выводу, что объяснения событий, произошедших в этой части Африки, нужно искать за ее пределами.

Тридцать первого января шкуна была готова к отплытию. В околосолнечном мире не произошло больше никаких перемен. Правда, термометр показывал, что начинается небольшое понижение температуры, которая целый месяц держалась исключительно высокой. Следовало ли сделать отсюда вывод, что Земля обращается вокруг Солнца по новой орбите? Решить этот вопрос можно было не раньше чем через несколько дней.

Стояла невозмутимо ясная погода, хотя в воздухе снова скоплялись испарения, и барометр падал. Однако это не могло помешать «Добрыне» выйти в море.

Но как быть с Бен-Зуфом? Сопровождать ли ему своего капитана, или остаться на острове? В пользу последнего решения говорил один веский довод в числе многих других, достаточно важных: на шкуну нельзя было погрузить лошадей, а Бен-Зуф ни за что не согласился бы расстаться с Зефиром и Галетой, особенно с Галетой. Кроме того, необходимость присматривать за новыми владениями, возможность высадки на остров новых путешественников, забота о скоте, который нельзя было бросать на произвол судьбы, принимая во внимание, что он, как это ни маловероятно, со временем может оказаться единственным источником

питания для поселенцев, и прочие разнообразные соображения побуждали Бен-Зуфа остаться, с чем капитан Сервадак согласился, хотя и с сожалением. Кроме того, нашему славному Бен-Зуфу не угрожала опасность пробыть на острове до конца дней. Как только экспедиция выяснит новое положение дел, шкуна вернется, захватит Бен-Зуфа и доставит его на родину.

Тридцать первого января Бен-Зуф, «облеченный всеми полномочиями губернатора» и, по собственному признанию, несколько взволнованный, простился с капитаном Сервадаком. Перед расставанием он просил капитана, в случае если плавание приведет его на Монмартр, проверить, стоит ли «гора» на прежнем месте; затем машина заработала, шкуна вышла из узкой бухты и понеслась в открытое море.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где наши герои, вооружившись подзорной трубой и лотом, пытаются найти следы французской колонии Алжир

Шкуна «Добрыня», построенная на верфях острова Уайт, представляла собой отличное, изящное и прочное судно, водоизмещением в двести тонн, вполне способное выдержать кругосветное плавание. Когда Колумб и Магеллан впервые отважились пересечь Атлантический и Тихий океаны, их корабли были несравненно меньше по размерам и хуже оснащены, чем шкуна графа Тимашева. В трюме «Добрыни» хранился запас провианта на три месяца, и при необходимости шкуна могла совершить рейс по Средиземному морю, не заходя в порты. Заметим еще, что перед отплытием с острова Гурби не потребовалось увеличивать ее балласт. Дело в том, что если она, как и все на Земле, теперь весила меньше, то соответственно меньше весила и вода. Поэтому соотношение веса судна и веса несущей его воды осталось прежним, и плавание «Добрыни» проходило в тех же условиях, что и раньше.

Граф Тимашев не был моряком. Командование, вернее управление судном, он вверил лейтенанту Прокофьеву.

Лейтенанту было лет тридцать. Сын крепостного, отпущенного графом Тимашевым на волю задолго до знаменитого манифеста Александра II об освобождении крестьян, он родился в имении графа и был глубоко предан своему бывшему барину как человек, всем ему обязанный, и как искренний его друг. В совершенстве изучив морское дело на военных и торговых судах русского флота и получив чин лейтенанта, он перешел на «Добрыню». Большую часть года граф проводил на шкуне; зимой он плавал по Средиземному морю, а летом в северных морях.

Прокофьев был не только сведущим моряком, но и широко образованным человеком. Это делало честь и ему самому и графу, его воспитателю. Управление «Добрыней» находилось в надежных руках, да и экипаж у него был отличный: механик Тиглев, четверо матросов — Негош, Толстой, Едаков, Пановко и повар Михайла, — все сыновья арендаторов графа, который перенес на корабль уклад и обычаи русской знати. Они не страшились никаких космических катастроф, видя, что их бывший барин делит общую с ними участь. Только один Прокофьев испытывал глубокую тревогу, отлично понимая, что в глубине души граф тревожится не меньше его.

Итак, «Добрыня» держал курс на восток; он несся на всех парусах и на всех парах, при попутном ветре; шкуна могла бы делать по одиннадцать узлов в час, если бы высокая волна не «сбивала» ее скорости. Дело в том, что хотя ветер, дувший с запада, вернее сказать, оттуда, где теперь находился восток, по силе соответствовал лишь небольшому бризу, море было если не бурным, то неспокойным. И понятно почему: поскольку уменьшилась сила земного притяжения, молекулы воды весили теперь меньше и при малейшем колебании воздуха поднимались на громадную высоту. Араго, определявший в семь-восемь метров максимальную высоту волны, немало бы удивился, увидев водяные горы в пятьдесят — шестьдесят футов. То не были обычные

волны, которые, пенясь, сталкиваются друг с другом, а могучие, широкие валы, и шкуна, поднимаясь и опускаясь на них, перемещалась с разностью уровней до двадцати метров. Теперь судно стало более легким, а следовательно, менее устойчивым, и, признаться, будь капитан Сервадак подвержен морской болезни, он заболел бы непременно.

Однако эта качка, вызванная морским волнением, напоминавшим очень крупную зыбь, была не очень резкой. В общем, шкуне приходилось преодолевать сопротивление не больше, чем в прежнее время при натиске коротких и сильных волн в Средиземном море. Единственной помехой в этих новых условиях плавания являлось уменьшение обычной скорости судна.

«Добрыня» держался в двух-трех километрах от предполагаемой береговой линии этой части Алжира. На юге он не обнаружил никаких признаков земли. Сейчас Прокофьев не мог, как прежде, определить место судна по планетам, потому что изменилось их взаимное расположение; не мог он и определить широту и долготу по высоте солнца над линией горизонта, ибо результаты его вычисления нельзя было сопоставить с географическими картами, составленными до космической катастрофы; тем не менее ему удавалось держаться почти правильного курса. При таком малом плавании достаточно было, во-первых, определять пройденный судном путь при помощи лага, а во-вторых, руководствоваться точными показаниями компаса.

К счастью, магнитная стрелка компаса ни на секунду не теряла своих свойств и не отклонялась. На нее не влияли космические явления, и она попрежнему показывала магнитный полюс, составляя угол примерно в двадцать два градуса с истинным меридианом. Таким образом, хотя восток и запад переместились, или, иначе говоря, солнце всходило на западе и заходило на востоке, то север и юг сохраняли прежнее положение. Поэтому за невозможностью пользоваться секстантом, по крайней мере теперь, следовало исходить из показаний компаса и лага.

Лейтенант Прокофьев, более осведомленный в этих вопросах, чем капитан Сервадак, объяснил ему все это

в присутствии графа в первый же день плавания. Он, как и большинство русских, в совершенстве владел французским языком. Разговор, само собой разумеется, зашел о тех необычайных явлениях, причину которых лейтенанту Прокофьеву так же, как и капитану Сервадаку, до сих пор не удавалось установить. И раньше всего они коснулись вопроса о новой орбите, по которой двигался земной шар начиная с 1 января.

— Ясно, капитан, что Земля движется вокруг Солнца не по своему обычному пути, — сказал лейтенант Прокофьев, — в силу какой-то неизвестной причины она значительно приблизилась к Солнцу.

— Я в этом больше чем уверен, — ответил капитан Сервадак, — но теперь остается узнать, не пересечем ли мы орбиту Меркурия после того, как пересекли орбиту Венеры.

— И не упадем ли в конце концов на Солнце, где и найдем свою гибель, — добавил граф.

— Но это было бы крушением Земли, и каким страшным крушением! — воскликнул капитан Сервадак.

— Нет, — ответил лейтенант Прокофьев, — мне думается, можно с уверенностью утверждать, что Земле не угрожает падение. Она не летит навстречу Солнцу, а несомненно движется вокруг него по новой траектории.

— Можешь ли ты привести какое-нибудь доказательство в пользу твоей гипотезы? — спросил граф.

— Могу, — ответил лейтенант Прокофьев, — и довольно убедительное. Если бы земной шар действительно падал на Солнце, развязка наступила бы в кратчайший срок и мы уже сейчас оказались бы на чрезвычайно близком расстоянии от нашего центра притяжения. Если бы Земля падала на Солнце, это значило бы, что внезапно прекратилось действие центробежной силы, которая в сочетании с силой центростремительной заставляет планеты двигаться по эллиптическим орбитам, и тогда мы бы упали на Солнце через шестьдесят четыре с половиной дня.

— Каков же ваш вывод? — спросил капитан Сервадак.

— Что Земля не падает на Солнце, — ответил лейтенант Прокофьев. — Прошло больше месяца с тех пор, как она движется по новой орбите, однако Земля успела пересечь только орбиту Венеры. Стало быть, за этот промежуток времени земной шар приблизился к Солнцу лишь на одиннадцать миллионов лье из разделяющих их тридцати восьми миллионов лье. Поэтому мы вправе утверждать, что Земля не падает на Солнце. Именно в этом наше счастье. Вдобавок мне кажется, что мы начинаем отдаляться от Солнца, так как температура понизилась и сейчас на острове Гурби не жарче, чем в Алжире, будь Алжир попрежнему на тридцать шестой параллели.

— Ваши выводы, лейтенант, очевидно, правильны, — сказал капитан Сервадак, — Земля, конечно, не летит навстречу Солнцу, а попрежнему вращается вокруг него.

— И все же, — ответил лейтенант Прокофьев, — не менее очевидно и то, что в результате катастрофы, причину которой мы с вами тщетно стараемся открыть, Средиземное море вместе с африканским побережьем передвинулось в тропики.

— Если африканское побережье еще существует, — заметил капитан Сервадак.

— И если существует Средиземное море, — присовокупил граф.

Все те же неразрешенные вопросы! Во всяком случае, бесспорным было одно: Земля постепенно отдаляется от своего центра притяжения, и ей не угрожает падение на поверхность Солнца.

Но что же все-таки сохранилось от африканского материка, остатки которого пыталась найти шкуна?

За двадцать четыре часа пути «Добрыня» наверное прошел уже мимо тех пунктов алжирского побережья, где находились города Тенес, Шершель, Колеа, Сиди-Ферруш. Однако даже в подзорную трубу ни один из этих городов не был замечен. Всюду, где раньше морскую стихию сковывали берега материка, теперь простиралась безграничная водная пустыня.

И все же лейтенант Прокофьев не мог ошибиться: судя по компасу, по довольно устойчивому направлению ветра и по лагу, определяющему скорость шкуны, а также пройденный ею путь, в тот день, а именно 2 февраля, «Добрыня» находился на 36° 47' широты и 0° 44' долготы, то есть в том месте, где надлежало бы находиться столице Алжира.

Но недра разверзшейся Земли поглотили город Алжир, как и Тенес, Шершель, Колеа и Сиди-Ферруш.

Сдвинув брови и стиснув зубы, капитан Сервадак с ненавистью смотрел на необъятное море, которому, казалось, нет границ. Жизнь проходила перед ним вереницей воспоминаний. Сердце больно сжималось. В столице Алжира он провел несколько лет: в памяти его вставали образы товарищей, друзей, которых сейчас уже нет в живых. Он обращался мыслью к своему отечеству, к Франции, спрашивал себя, не распространилась ли эта ужасная катастрофа и на берега его родины. И он снова тщетно искал хоть какие-нибудь следы затонувшей столицы.

— Нет, — говорил он, — такая катастрофа невозможна! Город не мог исчезнуть целиком! Мы бы наткнулись на его развалины! Из воды должны выступать хоть верхушки высоких сооружений, таких, как Казба или форт Императора, — ведь в нем сто пятьдесят метров! Неужели же хоть часть их не торчала бы из воды! Мы найдем остатки этих городов, если только земля не поглотила всю Африку!

И правда: как ни странно, на пути шкуны в море не попадалось ни обломков, ни стволов деревьев, унесенных водой, ни досок от домов, стоявших месяц назад на набережной великолепной бухты шириной в двадцать километров, ограниченной с одной стороны мысом Матифу, а с другой косой Пескад.

Но если человеческий глаз не в состоянии проникнуть сквозь толщу вод, то, может быть, их удастся исследовать с помощью лота и найти развалины города, столь загадочно исчезнувшего?

Граф Тимашев, не желая, чтобы у капитана Сервадака оставалась хоть тень сомнения, приказал

бросить лот. Свинцовое грузило лота смазали салом и опустили в море.

Ко всеобщему изумлению, в особенности к изумлению лейтенанта Прокофьева, лот неизменно показывал почти одну и ту же глубину моря, — она не превышала четырех-пяти морских саженей. Глубинные промеры производились в течение двух часов и на большом пространстве, но нигде не показали разности уровней дна, что было бы неизбежно, если бы затонул такой город, как Алжир, построенный амфитеатром. Можно ли допустить, что вода начисто смыла все здания и сооружения алжирской столицы, превратив то место, где находился город, в совершенно ровную поверхность?

Это было слишком невероятно.

На дне моря не обнаружилось ни камней, ни ила, ни песка, ни ракушек. Грузило лота оказалось покрытым крупинками какой-то металлической пыли неизвестного происхождения со своеобразным золотистым отливом. Разумеется, это нисколько не походило на то, что обычно приносит лот при глубинных промерах дна Средиземного моря.

— Видите, лейтенант, — сказал капитан Сервадак, — мы гораздо дальше от алжирского побережья, чем вы предполагали.

— Если бы это было так, — ответил лейтенант Прокофьев, покачав головой, — наш лот показал бы не пять морских саженей, а двести — триста!

— Следовательно? — спросил граф.

— Не знаю, что и думать.

— Граф, — воскликнул капитан Сервадак, — сделайте милость, прикажите взять курс еще немного на юг; может статься, где-нибудь подальше мы найдем то, что напрасно ищем здесь!

Граф Тимашев посовещался с лейтенантом Прокофьевым, и, так как погода благоприятствовала плаванию, они решили, что «Добрыня» может еще тридцать шесть часов идти в южном направлении.

Гектор Сервадак поблагодарил хозяина шкуны, и рулевой получил приказ держаться нового курса.

В течение полутора суток, то есть вплоть до 4 февраля, производилась самая тщательная разведка моря. После измерения лотом, показавшим, что дно моря всюду плоское, а глубина четыре-пять саженей, море еще протралили; однако и трал нигде не обнаружил ни камней, ни обломков металла, ни щепок, ни даже водорослей, полипов или зоофитов, которыми кишат недра морей. Как же возникло это дно на месте дна Средиземного моря?

«Добрыня» достиг тридцать шестого градуса широты. Когда же сверились с картой, выяснилось, что шкуна плывет в том самом месте, где некогда простирался горный массив Сахель, отделявший море от плодородной равнины Митиджа, как раз там, где находилась вершина Бу-Зареа высотой в четыреста метров. Между тем, если бы даже вода и затопила всю окружающую местность, верхушка горы выступала бы островком над волнами океана.

Продолжая держать тот же курс, «Добрыня» прошел над прежним крупным селением Сахеля-Дуирой, над прежним месторасположением Буфарика — города с широкими, прохладными от сени платанов улицами, затем миновал город Блида, не найдя и следа его фортов, которые были выше Уэд-эль-Кебира на четыреста метров.

Лейтенант Прокофьев, не решаясь продолжать плавание в совершенно неизвестном ему море, предложил повернуть либо на север, либо на восток, но граф, уступив просьбам капитана Сервадака, приказал следовать прежним курсом все дальше на юг.

Таким образом, разведка была продолжена до гор Музайи с их легендарными пещерами, где когда-то укрывались кабилы, где на склонах росли рожковые деревья, дубы всех видов и крапивные деревья, где водились львы, гиены и шакалы. Всего шесть недель назад самая высокая вершина хребта еще виднелась между Бу-Руми и Шиффой; должна же она выступать из воды, если высота ее достигала тысячи шестисот метров над уровнем моря! Но кругом, вплоть до самой линии горизонта, где небо сливалось с водой, ничего не было видно.

В конце концов пришлось возвратиться на север, и, сделав поворот на обратный курс, «Добрыня» снова оказался в водах Средиземного моря, так и не найдя следов страны, которая когда-то называлась алжирской колонией.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

где капитан Сервадак обнаруживает уцелевший от катастрофы островок, оказавшийся могилой

Итак, уже не оставалось сомнений в том, что значительная часть алжирской колонии затоплена водой. Но произошло нечто большее, чем оседание суши на дно моря. Казалось, разверзлись глубочайшие недра земного шара и в мгновение ока сомкнулись снова, поглотив целую страну. Действительно, горный массив Алжира словно провалился сквозь землю, а на месте песчаного морского дна возникло новое, природа которого была неизвестна.

Причина страшной катастрофы попрежнему оставалась загадкой для участников экспедиции. Теперь их целью было установить хотя бы размеры бедствия.

Обсудив план действий, они решили продолжать путь на восток, держась линии уже не существующих берегов Африки, прежде омываемых тем самым морем, которое сейчас не имело границ. Плавание не представляло особых трудностей, поэтому следовало воспользоваться хорошей погодой и попутным ветром.

Но на всем своем пути шкуна не нашла даже признаков берега, прежде тянувшегося от мыса Матифу до границы Туниса; не обнаружила ни приморского города Деллиса, выстроенного амфитеатром, и ничего сколько-нибудь похожего на горную цепь Джурджуры, главная вершина которой возвышалась на две тысячи триста метров над уровнем моря; «Добрыня» не встретил на своем пути ни города Бужи, ни крутых склонов Гурайи, ни горы Адрар, ни Джиджели, ни гор Малой

Кабилии, ни семиглавого «Тритона» древних с вершиной в тысячу сто метров; пропал старый порт Константины-Колло, равно как и новый порт Филиппвиля-Стора, а также город Бон, расположенный у залива шириной сорок километров. Исчезло все: мыс Гард, мыс Роса, гребни горы Эдуг, песчаные дюны побережья, Мафраг, порт Каль, знаменитый изделиями из кораллов; когда же в воду в сотый раз бросили лот, он опять не принес ни одного из тех изумительных зоофитов, что водятся в Средиземном море.

Тогда граф Тимашев решил идти вдоль параллели, прежде пересекавшей тунисское побережье, до мыса Кап-Блан, то есть до самой северной точки Африки. Здесь узкая полоса моря между африканским материком и Сицилией, вероятно, имела какие-либо особенности, которые могли представить интерес.

Таким образом «Добрыня», держа курс по тридцать седьмой параллели, 7 февраля пересек седьмой градус долготы.

Вот какими доводами руководствовался граф Тимашев, отстаивая целесообразность разведки в восточном направлении, в чем его поддержали капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев.

К тому времени благодаря Франции, хотя долгие годы этот проект отвергали, было, наконец, создано «Сахарское море». Это грандиозное дело рук человеческих, в сущности восстанавливавшее огромный бассейн «Тритона», куда некогда занесло корабль аргонавтов, благоприятно повлияло на местные климатические условия и позволило Франции монополизировать всю торговлю между Суданом и Европой.

Отразилось ли воссоздание древнего моря на новом положении вещей? Именно это и нужно было проверить.

Из залива Габес, на тридцать четвертом градусе широты, воды Средиземного моря вливались до последнего времени через широкий канал в котловину, занимаемую солончаковыми болотами Кебили, Гарсы и другими. Для этого перешеек, находившийся в двадцати шести километрах к северу от Габеса, был пере-

резан, и воды хлынули в прежнюю бухту Тритона, высохшую под лучами ливийского солнца.

Так вот, не здесь ли разверзлась земная кора, поглотив значительную часть Африки? Не встретит ли «Добрыня», дойдя до тридцать четвертой параллели, триполитанского берега? Не он ли явился тем непреодолимым препятствием, которое помешало катастрофе распространиться дальше?

— Если дойдя до этого пункта, мы увидим, что и на юге морю нет конца и краю, придется искать разгадку у берегов Европы, — весьма справедливо заметил лейтенант Прокофьев.

Не жалея топлива, «Добрыня» на всех парах несся к мысу Кап-Блан, но не обнаружил на своем пути ни мыса Негро, ни мыса Серрат. Дойдя до очаровательного восточного города Бизерты, экспедиция не нашла ни озера, прежде раскинувшегося неподалеку от гавани, ни мечетей, укрывавшихся в тени роскошных пальм. Лот, брошенный в прозрачную морскую воду, показал, что дно здесь такое же плоское и мертвое, как и повсюду в Средиземном море.

Седьмого февраля шкуна обогнула мыс Кап-Блан, точнее говоря, то место, где он находился пять недель тому назад. Киль шкуны рассекал воду, которая предположительно была водой Тунисского залива. Но от чудесного залива не осталось и следа, а с ним исчез и расположенный амфитеатром город, так же как и форт Арсенал, как Ла-Гулетт, как оба пика Бу-Курнейна. Мыс Бон, ближе других мысов африканского побережья расположенный к Сицилии, был погребен в недрах земли вместе с материком.

Когда-то, еще до всех описываемых нами удивительных событий, дно Средиземного моря в этом месте круто шло под уклон, а затем вверх, образуя два ската. Здесь земная кора выгнулась, отчего возник подводный хребет, перегородивший Ливийский пролив. Над гребнем хребта оставалось всего около семнадцати метров воды, зато по обеим сторонам его глубина достигала ста семидесяти метров. Вероятно, в эпоху геологических формаций мыс Бон соеди-

нялся с мысом Фуриной на Сицилии, как некогда, наверно, соединялись Гибралтар и Сеута.

Лейтенант Прокофьев в качестве опытного моряка, изучившего все особенности Средиземного моря, не мог не знать и эту его достопримечательность. Сейчас представлялась возможность установить, изменилось ли за последнее время морское дно между Африкой и Сицилией и существует ли еще подводный хребет в Ливийском проливе.

Граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев лично наблюдали за промерами глубин.

Матрос, стоявший на ванте фок-мачты, бросил в воду лот.

— Сколько морских саженей? — спросил Прокофьев.

— Пять [1], — ответил матрос.

— А дно?

— Плоское.

Теперь оставалось измерить глубину воды на склонах подводного хребта. «Добрыня» отошел сначала на полмили вправо, затем на полмили влево, и с обеих сторон было измерено дно.

Пять саженей и там и тут! Дно неизменно оказывалось плоским, где бы его ни измеряли. Лот давал всюду одинаковые показания. Подводный хребет между мысами Кап-Блан и Фуриной не существовал больше. Очевидно, катастрофа выровняла рельеф дна всего Средиземного моря. Что до природы дна, то оно и здесь было покрыто металлической пылью неизвестного происхождения: полное отсутствие губок, актиний, морских звезд, медуз, моллюсков и раковин, которыми прежде были усеяны подводные скалы.

Круто повернув, «Добрыня» взял курс на юг и продолжал разведку.

В числе прочих странных явлений, замеченных во время плавания, бросалось в глаза полное отсутствие судов на море. Шкуне не встретился ни один корабль, у которого экипаж мог бы справиться о том, что происходит в Европе. Казалось, «Добрыня» один на всем

---

[1] 30 футов. *(Прим. автора.)*

этом покинутом человечеством водном пространстве, и каждый на борту невольно задавался вопросом, не стала ли шкуна единственной обитаемой точкой земного шара, вторым Ноевым ковчегом, заключавшим в себе все, что осталось после катастрофы, — горсточку последних людей на земле.

Девятого февраля «Добрыня» прошел над тем местом, где некогда находился город Дидоны — древняя Бирса, ныне стертая с лица земли; сейчас, пожалуй, она пострадала больше, чем Карфаген от Сципиона Младшего во время пунической войны и позднее, при римском владычестве, от Гассана Гассанида!

Вечером, на закате солнца, которое попрежнему заходило на востоке, капитан Сервадак стоял в глубокой задумчивости, опершись о перила мостика. Взгляд его рассеянно блуждал то по небу, где сквозь облака уже поблескивали звезды, то по морю, на котором вместе с ветром мало-помалу начинало утихать волнение.

Гектор Сервадак стоял, повернувшись лицом к югу; вдруг до его сознания дошло, что впереди мелькает какой-то свет. Сначала он решил, что ему померещилось, что это обман зрения, затем стал всматриваться более пристально.

И тогда действительно взгляд его различил вдали огонь; капитан Сервадак подозвал матроса, и тот тоже отчетливо увидел свет.

Об этом тут же уведомили графа Тимашева и лейтенанта Прокофьева.

— Уж не земля ли это? — спросил капитан Сервадак.

— Может быть, огни корабля? — предположил граф.

— Об этом мы узнаем не позже чем через час! — воскликнул капитан Сервадак.

— Капитан, мы узнаем об этом не раньше чем завтра, — возразил лейтенант Прокофьев.

— Как, ты не хочешь повернуть на огонь? — не без удивления спросил граф.

— Нет. Я собираюсь лечь в дрейф под малыми парусами и дождаться утра. Если там земля, я не

вправе вести шкуну к неизвестным берегам и подвергать ее опасности.

Граф кивнул в знак согласия, и на «Добрыне» установили паруса таким образом, чтобы судно легло в дрейф. Глубокая ночь спустилась над морем.

Шестичасовая ночь коротка; но эта как будто тянулась целую вечность. Капитан Сервадак не уходил с палубы; его ежеминутно охватывал страх, что огонек может угаснуть.

Однако он сиял во тьме ровным светом, как светит неяркий огонь на дальнем расстоянии.

— И все на том же месте, — заметил лейтенант Прокофьев. — По всей вероятности, перед нами не плавающий корабль, а суша.

Едва взошло солнце, все трое навели подзорные трубы туда, откуда ночью исходил свет. С первыми утренними лучами он померк, и в шести милях от шкуны показался утес причудливой формы, похожий на островок, затерянный среди водной пустыни.

— Это только скала, — сказал граф, — или, скорее, вершина затопленной горы.

Но чем бы ни объяснялось происхождение скалы, с ней необходимо было ознакомиться, чтобы впредь суда обходили этот опасный риф. «Добрыня» направился к островку и через три четверти часа оказался в двух кабельтовых от него.

Островок с виду напоминал холм, совершенно голый, безводный и крутой; высота его над уровнем моря не достигала сорока футов. Подступ к нему не заграждали мелкие скалы, и это наводило на мысль, что он погружался в воду постепенно под воздействием необъяснимых причин, покуда не обрел новую точку опоры и окончательно не утвердился в этом положении над уровнем моря.

— Там что-то вроде дома! — закричал Сервадак, пристально разглядывая в подзорную трубу каждый бугорок на острове. — А может быть, есть и живые люди...

Вместо ответа лейтенант Прокофьев весьма выразительно покачал головой. Островок словно вымер;

даже когда шкуна дала пушечный выстрел, никто не вышел на берег.

И все же на вершине скалы стояло какое-то каменное здание, с виду несколько похожее на арабскую мечеть.

С «Добрыни» тотчас же спустили шлюпку. В нее сели капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев. Четверо матросов налегли на весла, и шлюпка быстро полетела по волнам.

Через несколько минут путешественники вступили на берег и, не теряя времени, поднялись по крутому склону вверх к мечети.

Пройдя несколько шагов, они остановились перед каменной оградой, украшенной древней, пострадавшей от времени скульптурой — вазами, колоннами, статуями, стелами, в сочетании которых не было ни гармонии, ни понимания законов искусства.

Граф Тимашев и оба его спутника, обогнув ограду, вошли в открытую настежь узкую дверцу. Дальше они увидели другую, также распахнутую дверь и проникли в мечеть. Стены внутри пестрели лепными украшениями в арабском вкусе, ничем не примечательными.

Посреди единственного зала мечети возвышалась простая и строгая гробница. Над ней висела огромная серебряная лампада, еще полная масла, в котором плавал длинный зажженный фитиль.

Свет этой лампады и привлек прошлой ночью внимание Сервадака.

Усыпальница была пуста. Страж ее, если только он когда-либо существовал, наверное, бежал во время катастрофы. Позднее здесь нашли себе приют дикие птицы — бакланы, да и те, спугнутые пришельцами, улетели прочь по направлению к югу.

На краю гробницы лежал старый молитвенник на французском языке. Книга была раскрыта на страницах с поминанием, приуроченным к дате 25 августа.

Капитана Сервадака озарила догадка: местоположение острова в Средиземном море, усыпальница, затерянная в морском пространстве, страница, на которой прервал чтение кто-то, читавший молитвенник, — все

это сразу объяснило ему, куда он попал вместе со своими спутниками.

— Господа, мы у гроба Людовика Святого, — сказал он.

Он не ошибся: здесь кончил свои дни король Франции. Здесь свыше шести столетий французы окружали гроб Людовика благоговейным преклонением.

Капитан Сервадак склонился перед священной могилой, а вслед за ним почтительно склонились и его спутники.

Кто знает, не была ли сейчас лампада, горевшая над гробом святого, единственным маяком, струившим свет над волнами Средиземного моря? И не суждено ли и ей скоро угаснуть?

Трое путешественников, выйдя из усыпальницы, покинули пустынный утес. Шлюпка доставила их на борт, и «Добрыня», взяв курс на юг, вскоре потерял из виду гробницу Людовика IX — единственный клочок тунисской земли, который пощадила загадочная катастрофа.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой лейтенант Прокофьев, выполнив свой долг моряка, полагается на волю божью

Спугнутые бакланы вылетели из мечети на юг. Это наводило на мысль, что, вероятно, невдалеке отсюда, где-то на юге есть земля. В участниках экспедиции пробудилась надежда.

Через несколько часов после того, как шкуна отчалила от островка, она уже плыла по новому водному пространству, где на сравнительно небольшой глубине покоился целиком затопленный полуостров Дакуль, прежде отделявший тунисский залив от залива Хаммамет.

Спустя два дня после поисков берегов тунисского Сахеля шкуна достигла тридцать четвертой параллели, которая в этом месте должна была пересекать залив Габес. Но залив, еще шесть недель тому назад питав-

ший канал «Сахарского моря», исчез бесследно, и на западе простиралась необозримая водная гладь.

И все-таки в тот же день, 11 февраля, палубу шкуны, наконец, огласил крик: «Земля!» — и вдали показался берег, хотя, судя по географической карте, он должен был находиться значительно дальше.

И в самом деле, замеченная полоса земли не походила на триполитанское побережье, повсюду низкое, песчаное и трудно различимое с большого расстояния. Кроме того, триполитанскому побережью надлежало находиться на два градуса южнее.

Извилистые берега новой земли широко растянулись с запада на восток, по всему южному горизонту. Слева она разделила пополам залив Габес, заслонив остров Джерба, на краю залива.

Новую землю тщательно нанесли на судовую карту и сделали вывод, что, повидимому, часть «Сахарского моря» теперь занята вновь образовавшимся материком.

— Итак, — заметил капитан Сервадак, — сначала мы избороздили ту часть Средиземного моря, где прежде был материк, а теперь наткнулись на материк там, где полагается быть Средиземному морю!

— И у этих берегов, — добавил лейтенант Прокофьев, — не встретили ни одной мальтийской тартаны, ни одной левантинской шебеки, а сколько их тут сновало!

— Надо решить, пойдем ли мы вдоль берега к востоку или к западу, — сказал граф Тимашев.

— К западу, граф, если позволите, — с живостью отозвался Сервадак. — Я бы тогда узнал по крайней мере, сохранилось ли хоть что-нибудь от алжирской колонии по ту сторону Шелиффа. По дороге мы захватим моего солдата, которого я оставил на острове Гурби, затем дойдем до Гибралтара, а там, может статься, получим известия о Европе!

— Капитан Сервадак, шкуна к вашим услугам, — ответил граф с присущей ему сдержанностью. — Распорядись, пожалуйста, Прокофьев.

— Отец, мне хотелось бы высказать одно замечание, — заговорил после минутного размышления лейтенант Прокофьев.

— Говори.

— Ветер дует с запада и свежеет. Если мы пойдем против ветра под парами, мы, конечно, пробьемся, но с большим трудом. Если же мы возьмем курс на восток и пойдем под парами и парусами, шкуна через несколько дней будет у берегов Египта, а там, в Александрии либо в другом месте, мы получим те же сведения, что и в Гибралтаре.

— Вы согласны, капитан? — И граф Тимашев повернулся к Гектору Сервадаку.

Как ни хотелось капитану узнать, что сталось с Оранской провинцией, и повидать Бен-Зуфа, он нашел возражение лейтенанта Прокофьева вполне резонным. Западный ветер крепчал, и, держа курс против него, «Добрыня» не мог бы идти быстро, тогда как, пользуясь попутным ветром, он гораздо скорее достиг бы берегов Египта.

Итак, шкуна повернула на восток. Сильный ветер угрожал перейти в шторм. К счастью, направление волн совпадало с курсом шкуны, и поэтому они не так сильно угрожали судну.

За последние две недели наблюдалось странное падение температуры: в среднем она понизилась до 15—20° тепла. Непрерывное похолодание вызывалось вполне естественной причиной: увеличилось расстояние между Солнцем и земным шаром, двигавшимся по новой орбите. Сомнений не было: Земля, которая сначала настолько приблизилась к своему центру притяжения, что даже пересекла орбиту Венеры, теперь постепенно отдалялась от Солнца и сейчас отстояла от него дальше, чем когда-либо в перигелии. 1 февраля она, повидимому, была на расстоянии тридцати восьми миллионов лье от Солнца, так же как и 1 января, но с тех пор расстояние между ними увеличилось приблизительно на одну треть. Об этом свидетельствовало не только понижение температуры, но и то, что солнечный диск заметно уменьшился. В точности таким видел бы его наблюдатель на Марсе. Отсюда можно

было заключить, что Земля приблизилась к орбите Марса, планеты, на которой почти такие же физические условия, как и на Земле. Следовательно, Земля двигалась в солнечной системе по орбите, имевшей форму очень вытянутого эллипса.

Однако участники экспедиции пока еще не задумывались над этим. Их тревожило не то, что нарушен порядок движения Земли в межпланетном пространстве, а странные перемены на самой Земле, характер которых им пока не удавалось установить.

Итак, шкуна шла вдоль новой береговой полосы, держась в двух милях от нее, потому что на более близком расстоянии всякое судно разбилось бы об эту каменную стену.

Берега нового материка были неприступны. Склоны массива, о которые с бешенством бились волны, докатившиеся из открытого моря, вздымались отвесно на высоту от двухсот до трехсот футов. Они были гладкими, как стены бастиона, без единого выступа, на который могла бы опереться нога. А над берегом ощетинился лес каменных пик, обелисков и пирамид. Весь массив казался гигантским сростком минерала с тысячефутовыми кристаллами.

Но не это было самым удивительным в этом исполинском массиве. Больше всего поражало участников экспедиции то, что он казался совершенно «новым». Грани его не утратили ни своей первоначальной чистоты, ни присущего им цвета, ни строгости линий, словно породы еще не коснулось разрушительное влияние меняющихся атмосферных условий. Его очертания вырисовывались на небе с несравненной четкостью. Склоны этой громады были гладко отполированы и сверкали, словно только что вышли из формы литейщика. Их металлический блеск, пронизанный золотистыми искорками, напоминал блеск пирита. И напрашивался вопрос: не состоит ли этот массив, который плутонические силы подняли над поверхностью воды, сплошь из одного металла, родственного металлической пыли, извлеченной со дна моря?

Еще одно замечание, подкрепляющее все вышесказанное: обычно даже самые бесплодные скалистые мас-

сивы в любом месте земного шара изборождены сетью ручейков, возникших из выпадающих на земную поверхность осадков, — эти ручейки текут, прихотливо извиваясь, в зависимости от направления склонов. Кроме того, нет на Земле таких безотрадных берегов, где бы не росли хоть какие-нибудь скудные растения, не пустили корни какие-нибудь неприхотливые кустарники. А здесь ничего, ни одной, даже тоненькой струйки воды, никакой, даже самой чахлой зелени. Вот почему эту суровую местность не оживляло пение птиц. Здесь не было ни движения, ни растительной, ни животной жизни.

Экипаж «Добрыни» понимал, отчего на шкуну со всех сторон слетелись стаи морских птиц — альбатросы, чайки, нырки, голуби. Разогнать пернатых не удавалось даже выстрелами; они сидели на реях днем и ночью. Стоило бросить на палубу остатки еды, и птицы с жадностью налетали на них, затевая ожесточенную драку из-за каждой крошки. По тому, как они изголодались, легко было догадаться, что в этой местности им негде раздобыть себе пищу, тем более на этом побережье, лишенном всякой растительности и воды.

Такова была та странная земля, вдоль которой уже несколько дней шел «Добрыня». Иногда контуры берега менялись, и на много километров тянулась одна грань, прямая и гладкая, точно ее тщательно отшлифовали. Затем снова вставала непроходимая чаща огромных зубцов. Но нигде у подошвы утесов не было ни песчаной отмели или гравия, ни подводных камней, которыми обычно усеяно прибрежное дно. Изредка то там, то тут попадались узкие бухты, но не было видно ни одного источника, где корабль мог бы запастись пресной водой. На своем пути экспедиция встречала только открытые рейды, доступные для всех ветров.

Пройдя около четырехсот километров, «Добрыня» в конце концов остановился перед крутым поворотом береговой линии. Лейтенант Прокофьев, каждый час наносивший на карту контуры нового материка, отметил, что берег здесь тянется с юга на север. Неужели в этом месте, чуть ли не на двенадцатом меридиане, Средиземное море замкнулось? Простирается ли этот барьер до Италии и Сицилии? В скором времени это

станет известно, и, если так, значит огромное море, омывавшее берега Европы, Азии и Африки, уменьшилось наполовину.

Экспедиция стремилась обследовать все точки новой береговой полосы, поэтому шкуна повернула на север, взяв курс прямо на Европу. В нескольких стах километрах пути лежала Мальта, и путешественники надеялись скоро увидеть ее, если только катастрофа пощадила древний остров, которым поочередно владели финикияне, карфагеняне, сицилийцы, римляне, вандалы, греки, арабы и орден мальтийских рыцарей.

Но от Мальты ничего не осталось; 14 февраля лот доставил на поверхность все ту же металлическую пыль неизвестного происхождения, покоившуюся на дне Средиземноморского бассейна.

— Стихийное бедствие захватило не только африканский материк, — заметил граф Тимашев.

— Да, — ответил лейтенант Прокофьев, — и мы не можем даже установить границы этих ужасных разрушений! А теперь я хотел бы знать, каковы твои намерения, отец? К каким берегам Европы направится «Добрыня»?

— К Сицилии, Италии и Франции, — воскликнул капитан Сервадак, — туда, где мы сможем, наконец, узнать...

— Что на борту «Добрыни» плывут последние люди на Земле, — с горечью сказал граф.

Капитан Сервадак промолчал, так как и сам разделял печальные предчувствия графа. Тем не менее шкуна изменила курс и миновала ту точку, где пересекались параллель и меридиан исчезнувшего острова Мальты.

Берег попрежнему тянулся с юга на север, заградив проход в залив Сидра — в древности Большой Сирт, который простирался некогда до Египта. Теперь стало ясно, что морской путь в Грецию и в порты Оттоманской империи закрыт даже у северных берегов нового материка. Следовательно, отрезан путь и к южным границам России через Греческий архипелаг, Дарданеллы, Мраморное море, Босфор и Черное море.

Итак, перед шкуной была одна дорога — на запад,

чтобы добраться до северной части Средиземного моря, если это вообще было осуществимо.

Шкуна попыталась идти новым курсом 16 февраля. Но ветер и бурные волны дружно преграждали ей путь, словно стихии вступили в заговор против нее. В море бушевал шторм, и судну водоизмещением лишь в двести тонн приходилось нелегко. Положение стало особенно опасным, так как ветер относил «Добрыню» к берегу.

Лейтенант Прокофьев был в большой тревоге. Он убрал паруса и опустил стеньги, но тогда шкуна, приводимая в движение только машиной, не могла бороться со штормом. Огромные волны поднимали шкуну на сто футов и с этой высоты бросали ее в разверстую бездну. Винт судна большей частью вращался вхолостую, не захватывая воды, и судно теряло управление. Паровой котел был перегрет до предела, и все же «Добрыня» отступал перед ураганом.

В какой гавани искать спасения? Не у этих же неприступных берегов? Будет ли лейтенант Прокофьев вынужден выброситься на берег? Эта мысль не выходила у него из головы. Но если даже потерпевшим кораблекрушение удастся взойти на крутой берег, что станется с ними потом? Что ждет их на этой безнадежно голой земле? Где они пополнят запас провианта? Есть ли надежда, что за этой неприступной громадой откроется уцелевшая часть старого материка?

«Добрыня» пытался противостоять натиску бури: его мужественный и самоотверженный экипаж держался с величайшим самообладанием. Матросы верили в искусство своего капитана, в крепость своего корабля, и никто не падал духом. Но паровой котел перегрелся так, что казалось, его разнесет на части. Кроме того, винт вращался вхолостую, а между тем приходилось идти без парусов; нельзя было поднять даже трисель, потому что его изорвал бы ураган. Шкуну несло к берегу.

Весь экипаж стоял на палубе, понимая, какая страшная опасность грозит шкуне. Земля была уже не больше чем в четырех милях под ветром; «Добрыню» несло с такой скоростью, что не оставалось никакой надежды на спасение.

— Отец, — сказал лейтенант Прокофьев графу, — силы человека не безграничны. Я не в состоянии предотвратить крушение.

— Сделал ли ты все, что обязан сделать моряк? — спросил граф Тимашев — на его лице не отразилось ни малейшего волнения.

— Все, — ответил лейтенант. — Но через час, не больше, шкуна разобьется.

— Бог может спасти нас и раньше, чем через час, — ответил граф, повысив голос, чтобы все его слышали.

— Он спасет нас только тогда, если берега расступятся и перед «Добрыней» откроется проход!

— Все в воле божьей, — ответил граф, обнажив голову.

Вслед за ним в торжественном молчании обнажили головы Гектор Сервадак, лейтенант и матросы.

Считая, что отклониться от берега уже невозможно, лейтенант Прокофьев принял все меры для того, чтобы экипаж после крушения оказался в наименее тяжелых условиях. Он постарался обеспечить людей пищей на первые дни пребывания на новом материке, если только кто-нибудь выйдет живым из пучины разъяренного моря. На палубу вынесли ящики с припасами, выкатили бочонки с пресной водой и привязали к ним пустые бочки, чтобы они держались на поверхности моря, когда судно пойдет ко дну. Итак, лейтенант принял все те меры предосторожности, которые обязан принять моряк.

В самом деле, на спасение шкуны не оставалось больше никакой надежды. В огромной отвесной стене не было видно ни единой бухты или залива, где мог бы укрыться терпящий бедствие корабль. «Добрыню» спасло бы только одно: если бы ветер вдруг переменился и вынес судно в открытое море или, как сказал лейтенант Прокофьев, бог совершил бы чудо и берега расступились, открыв проход.

Но ветер не менял направления.

Вскоре шкуну отделяло от берега не больше мили. Необъятная круча мало-помалу возрастала, надвигалась все ближе; казалось, еще немного — и она раздавит шкуну. Через несколько минут «Добрыня» нахо-

дился от земли всего в трех кабельтовых. Не было на борту человека, который не считал бы, что пришел его последний час.

— Прощайте, граф, — сказал капитан Сервадак.

— На все воля божья, капитан, — ответил граф, указывая на небо.

В эту минуту «Добрыню», поднятого волной чудовищной высоты, несло прямо на кручу.

Вдруг раздался голос:

— Эй, ребята, веселей! Ставь большой фок! Ставь кливер! Право руля!

Это командовал Прокофьев, стоя на носу шкуны. Как ни неожиданно прозвучала его команда, экипаж бросился ее выполнять, а лейтенант, перебежав на корму, перехватил штурвал у рулевого и сам повел судно.

Чего он хотел? Очевидно, врезаться носом прямо в берег.

— Смотри в оба! Приготовиться на шкотах! — снова раздался его голос.

В ответ послышался общий крик — это был крик радости.

Между двумя отвесными, как стена, утесами показалась расщелина шириной футов в сорок. Здесь шкуна сможет укрыться от бури, либо в материке действительно открылся проход. И направляемый Прокофьевым, подгоняемый ветром и волнами «Добрыня» ринулся вперед!.. Вернется ли он обратно?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

где речь идет о бригадире Мэрфи, майоре Олифенте, капрале Пиме и снаряде, перелетевшем линию горизонта

— Если позволите, я съем вашего слона, — сказал бригадир Мэрфи, решив, наконец, после двухдневных колебаний сделать этот, столь основательно обдуманный ход.

— Позволяю, ибо не могу воспрепятствовать, — ответил майор Олифент, не отрывая глаз от шахматной доски.

Это происходило утром 17 февраля по прежнему земному календарю, и прошел целый день, пока майор Олифент собрался ответить на ход бригадира Мэрфи.

Заметим, между прочим, что партия была начата четыре месяца назад, однако противники успели сделать всего двадцать ходов. Оба принадлежали к школе прославленного Филидора, утверждавшего, что плох тот шахматист, который не умеет играть пешками, ибо они — «душа шахмат». Вот почему каждая пешка в этой партии отдавалась лишь после упорного сопротивления.

Да и вообще бригадир Энейдж Финч Мэрфи и сэр Джон Темпль Олифент ничего не делали наобум и ко всему приступали только по зрелом размышлении.

Судьба свела этих двух достойных офицеров английской армии в пограничном гарнизоне, где они коротали досуг за шахматами. Обоим было лет под сорок; рослые, рыжие, с великолепными холеными бакенбардами, в которых терялись кончики длинных усов, они оба всегда ходили в мундирах, всегда сохраняли невозмутимость, весьма гордились своим британским происхождением и с младенческих лет усвоили презрение ко всему не английскому, полагая, что англосакс вылеплен из особого теста, секрет коего и доныне еще не удается открыть с помощью самого тщательного химического анализа. Пожалуй, оба офицера принадлежали к породе людей-автоматов, но автоматов усовершенствованных, из тех, что превосходно справляются со своими обязанностями, пугая ворон на вверенном их попечению огороде. Такие англичане везде чувствуют себя как дома, даже когда судьба занесет их за тысячи лье от родины; они — прирожденные колонизаторы и наверное обратят в свою колонию Луну, едва только смогут водрузить на ней британский флаг.

Надо заметить, что катастрофа, приведшая к столь поразительным изменениям в некоторых местах земного шара, не возбудила чрезмерного удивления ни в майоре Олифенте, ни в бригадире Мэрфи, этих поистине исключительных представителях рода челове-

ческого. Вместе с одиннадцатью солдатами они были отрезаны от всего мира на аванпосте, который занимали к моменту катастрофы; от огромного утеса, где еще накануне находилась казарма с несколькими сотнями солдат и офицеров, остался крохотный островок, окруженный необъятным морем.

Майор Олифент ограничился тем, что сказал:

— О! Это можно назвать чрезвычайным происшествием!

На что бригадир Мэрфи кратко ответил:

— Действительно чрезвычайным!

— Но Англия живет и здравствует!

— Как всегда.

— И она пришлет за нами корабли?

— Пришлет!

— Так останемся на своем посту.

— Останемся на посту.

Впрочем, они при всем желании не могли бы покинуть этот пост, потому что располагали одной-единственной лодкой. Два английских офицера с десятью солдатами и слугой Кирком, превратившись за одну ночь из континентальных жителей в островитян, с величайшим спокойствием ждали, что у берегов появится корабль и доставит им вести с родины.

Правда, храбрецы англичане были вдоволь обеспечены продовольствием. Припасов в погребах гарнизона могло бы хватить для насыщения тринадцати желудков, даже британских, лет на десять по крайней мере. А если имеется солонина, эль и брэнди, то all right[1], как говорят англичане!

А то, что восток и запад переместились, что сутки стали вдвое короче, что уменьшилась сила притяжения, что Земля вращалась вокруг своей оси в обратном направлении и к тому же по новой орбите, — это отнюдь не встревожило ни офицеров, ни солдат, хотя они и заметили перемены в окружающем мире. Бригадир и майор расставили по местам шахматные фигуры, рассыпавшиеся при толчке, и хладнокровно продолжали свою нескончаемую партию. Теперь, надо думать,

---

[1] Все в порядке *(англ.)*.

слоны, кони и пешки, утратив свой прежний вес, чаще, чем раньше, теряли равновесие на шахматном поле, а тем более короли и королевы, которым, как самым высокопоставленным фигурам, особенно часто грозило падение; но в конце концов Олифент и Мэрфи, приняв некоторые меры, добились того, что их миниатюрная армия из слоновой кости стала вполне устойчивой.

Как сказано выше, космические явления нимало не тревожили десяток солдат, отрезанных на островке от остального мира. Однако для полноты истины добавим, что в связи с одним из этих явлений рядовые обратились к начальству с запросом.

Через три дня после катастрофы капрал Пим попросил офицеров принять его в качестве представителя солдат.

Получив согласие, капрал Пим в сопровождении девяти солдат явился в комнату бригадира Мэрфи. Одетый в узкую красную куртку и непомерно широкие зеленоватые брюки, приложив руку к сдвинутой на правое ухо шапке, ремешок от которой проходил под нижней губой, капрал стоя ждал, когда начальство соблаговолит его заметить.

Офицеры оторвались от шахматной игры, и бригадир Мэрфи, величественно выпрямившись, спросил:

— Что нужно капралу Пиму?

— Обратиться с запросом, во-первых, к господину бригадиру касательно жалованья рядовым, — ответил капрал, — и, во-вторых, к господину майору касательно пищи.

— Капрал Пим может изложить свой первый запрос, — произнес бригадир Мэрфи, кивком подтверждая сказанное.

— Это насчет жалованья, ваша честь, — начал Пим. — Раз дни теперь стали вдвое короче, не будут ли нам и жалованье платить вдвое меньше?

Застигнутый врасплох, бригадир Мэрфи с минуту размышлял, но, повидимому, счел замечание капрала Пима вполне уместным, ибо одобрительно помотал головой. Затем, переглянувшись с майором Олифентом, бригадир ответил:

— Капрал Пим! Жалованье платят за время, истекшее между двумя восходами солнца. А посему, сколько бы ни продолжался этот промежуток времени, жалованье солдат остается неизменным. Англия достаточно богата, чтобы платить своим рядовым!

В столь приятной форме бригадир Мэрфи выразил ту мысль, что слава Англии зиждится на ее армии.

— Ура, — ответили хором десять солдат, но не громче, чем если бы сказали «благодарю вас».

Тогда капрал Пим обернулся к майору Олифенту.

Взглянув на своего подчиненного, майор произнес:

— Капрал Пим может изложить свой второй запрос.

— Это насчет пищи, ваша честь, — сказал Пим. — День теперь длится всего шесть часов, так будет ли нам положено получать пищу четыре раза в день или только два раза?

Майор с минуту подумал и переглянулся с бригадиром, всем своим видом показывая, что считает капрала человеком, исполненным здравого смысла и логики.

— Капрал, — сказал он, — стихийные явления бессильны перед воинским уставом. Вы и ваши солдаты будете получать пищу четыре раза в день, каждые полтора часа. Англия достаточно богата, чтобы приспособиться к законам вселенной, когда того требует устав! — добавил майор с полупоклоном в сторону Мэрфи в знак того, что рад случаю так кстати применить изречение начальства.

— Ура, — снова ответили хором солдаты, на сей раз чуть громче, желая этим подчеркнуть свое особое удовольствие.

Сделав поворот кругом, солдаты во главе с капралом построились и, отбивая шаг, вышли из комнаты офицеров, которые тотчас же возобновили прерванную партию.

Британцы имели все основания рассчитывать на помощь Англии, ибо она никогда не оставляет своих верноподданных сынов в беде. Однако как раз в ту пору она была очень занята[1], и ожидаемая с таким

[1] Вдохновившись успехом «Сахарского моря», созданного инженером Рудэром, и не желая отставать от Франции, Англия приступила к сооружению «Австралийского моря» в центре Австралии. *(Прим. автора.)*

терпением помощь все не являлась. Может быть, на севере Европы и не подозревали о том, что случилось на юге.

Однако после знаменательной новогодней ночи прошло сорок девять суток, считая по старому календарю, а на горизонте не видно было ни английского, ни какого-либо другого корабля. Та часть моря, где возвышался островок, теперь опустела, хотя раньше слыла одним из самых оживленных мест на земном шаре. Но солдаты и офицеры нисколько не тревожились, не удивлялись и не высказывали ни малейшего признака уныния. Они несли обычную службу и регулярно сменялись в карауле. Так же регулярно производили смотр гарнизону бригадир и майор. Все чувствовали себя превосходно и благодаря новому режиму питания толстели не по дням, а по часам; правда, офицеры принимали меры против ожирения, но лишь потому, что звание обязывало их сохранять стройность талии, дабы не уронить честь мундира.

Итак, англичане недурно проводили время на своем островке. Оба офицера сходились решительно во всем — характерами, вкусами, — и между ними царило полное единодушие. Да и вообще англичанин нигде не скучает, кроме как в собственной стране, и то, вероятно, потому, что там этого требует cant, иначе говоря — манера держаться.

Все они, разумеется, скорбели о погибших товарищах, но с чисто британской сдержанностью. Оставшиеся в живых при помощи простого вычитания установили следующее: поскольку, во-первых, до катастрофы в гарнизоне было тысяча восемьсот девяносто пять солдат и офицеров и поскольку, во-вторых, после катастрофы осталось только тринадцать, то, следовательно, на перекличку не явилось тысяча восемьсот восемьдесят два человека, что и было занесено в рапорт.

Выше мы упоминали о том, что на островке, который сохранился от затонувшего огромного массива высотой в две тысячи четыреста метров, теперь жили тринадцать англичан и что он был единственным клочком суши, уцелевшим в этой местности. Но мы

не совсем точно выразились. В двадцати километрах к югу из воды выступал второй, почти такой же островок. Он был вершиной затонувшего массива, высившегося прежде напротив владений англичан и тоже превратившегося после катастрофы в почти непригодный для жизни утес.

Был ли тот второй островок необитаем? Или он служил приютом для людей, спасшихся от катастрофы? Оба офицера часто задумывались над этим вопросом и, должно быть, основательно обсудили его за шахматной партией. Очевидно, загадка острова так их занимала, что они сочли необходимым разрешить ее и однажды, воспользовавшись тихой погодой, пересекли вдвоем на лодке пролив между островками и вернулись к себе только через тридцать шесть часов.

Быть может, при осмотре соседнего утеса они руководились чувством человеколюбия? А может статься, интересами совершенно иного свойства? Как бы то ни было, но о результатах разведки они не сказали никому ни слова, даже капралу Пиму. Был ли островок обитаем? Этого капрал Пим так и не узнал. Во всяком случае, офицеры вдвоем уехали, вдвоем они и вернулись. И все же, несмотря на их замкнутость, капралу Пиму показалось, что они чем-то очень довольны. Майор Олифент составил объемистый доклад, который бригадир Мэрфи подписал, после чего пакет запечатали и скрепили печатью тридцать третьего полка для того, чтобы незамедлительно переслать с первым же кораблем, если таковой появится.

Надпись на конверте гласила:

«Адмиралу Фэйрфаксу, первому лорду Адмиралтейства, Соединенное королевство».

Но на горизонте не показывался ни один корабль, и до 18 февраля связь между островом и метрополией все еще не была установлена.

Встав ото сна, бригадир Мэрфи обратился к майору Олифенту со следующими словами:

— Сегодня праздник для каждого, в ком бьется подлинно английское сердце.

— Большой праздник, — подтвердил майор.

— Полагаю, что никакие чрезвычайные обстоятельства не должны помешать двум офицерам и десяти солдатам Соединенного королевства отпраздновать юбилей королевского дома.

— И я так полагаю, — ответил майор Олифент.

— Если ее величество до сих пор не соизволили установить с нами связь, то лишь потому, что ее величество не сочли это уместным.

— Именно так, сэр.

— Не угодно ли бокал портвейна, майор?

— С удовольствием, сэр.

И, словно созданное для англичан, вино полилось рекой в разверстые уста британцев, именуемые на лондонском жаргоне «ловушкой для картофеля»; однако уста эти с тем же основанием можно было назвать «устьем портвейна», подобно тому, как говорят, например, — «устье Роны».

— А теперь, — произнес бригадир, — пора произвести торжественный салют согласно уставу.

— Согласно уставу, — повторил майор.

На зов офицеров явился капрал Пим с еще не обсохшими от утреннего брэнди губами.

— Капрал Пим, — начал бригадир, — сегодня у нас восемнадцатое февраля, если придерживаться доброго британского летоисчисления, а его должны придерживаться все истые англичане.

— Так точно, ваша честь, — ответил капрал.

— Сегодня, стало быть, юбилей королевского дома.

Капрал вытянулся и отдал честь.

— Капрал Пим, — продолжал бригадир, — приказываю произвести пушечный салют, дав двадцать один выстрел.

— Слушаюсь, ваша честь.

— Да вот еще что, капрал, — добавил бригадир, — присмотрите по возможности, чтобы ни у кого из канониров не оторвало руку!

— По возможности, ваша честь, — ответил капрал, не желая брать на себя больше, чем положено.

Из множества орудий, которые прежде защищали форт, осталась только двухсотсемидесятимиллиметровая пушка, заряжавшаяся с дула. Это была огромная

махина, и, хотя обычно салют производили из пушек меньшего калибра, на сей раз пришлось пустить ее в ход как последнее орудие, представлявшее всю артиллерию острова.

Отдав распоряжение орудийной прислуге, капрал Пим отправился в блиндированный редут с косой бойницей, где стояла пушка. Сюда поднесли порох в количестве, потребном для двадцати одного выстрела. Само собой разумеется, стрелять должны были холостыми зарядами.

На церемонию явились бригадир Мэрфи и майор Олифент в парадной форме и в шляпах с плюмажем.

Пушку зарядили по всем правилам, предписываемым «Руководством для артиллериста», и загремел праздничный салют.

После каждого выстрела Пим, как ему было приказано, проверял, закрыт ли запал в пушке, чтобы она не выстрелила раньше времени и не обратила руку канонира в метательный снаряд, как то нередко случается на парадах. Но на сей раз обошлось без происшествий.

Нужно, однако, заметить, что сейчас при уменьшившейся плотности воздуха, выделившиеся из пушечного жерла газы вызвали более слабое сотрясение, чем шесть недель тому назад, отчего и выстрел прогремел не столь оглушительно, как обычно. Офицеры остались недовольны. Скалистые ущелья больше не откликались многозвучным эхом, превращая сухой треск выстрела в раскаты грома. Не слышно было того мощного гула, который прежде в неразреженном воздухе разносился далеко кругом. Разумеется, самолюбие английских офицеров, готовившихся достойным образом отметить юбилей королевского дома, было несколько уязвлено.

Один за другим раздались двадцать выстрелов.

Когда канонир хотел зарядить пушку в двадцать первый раз, бригадир Мэрфи жестом остановил его.

— Возьмите-ка боевой снаряд, — сказал он. — Любопытно посмотреть, какова будет сейчас дальнобойность.

— Это будет испытанием орудия, — подхватил майор. — Вы поняли, капрал?

— Слушаюсь, ваша честь, — ответил капрал Пим.

Солдат подкатил на тачке снаряд весом не менее двухсот фунтов, обладающий дальностью полета около двух лье.

Наблюдая в подзорную трубу за полетом такого ядра, можно было легко проследить место его падения в море и сделать приблизительный расчет дальнобойности огромного орудия в новых условиях.

Пушку зарядили, установили ствол под углом в сорок два градуса, чтобы увеличить траекторию полета ядра, майор скомандовал, и раздался выстрел.

— Святой Георгий! — вскричал бригадир.

— Святой Георгий! — воскликнул майор.

Оба возгласа прозвучали одновременно. Оба офицера застыли, разинув рты и не веря своим глазам.

Проследить полет снаряда, на который сила притяжения теперь влияла гораздо меньше, чем на земной поверхности, оказалось невозможным. Даже через подзорную трубу нельзя было установить место падения снаряда. Значит, он явно перелетел линию горизонта.

— Свыше трех лье! — сказал бригадир.

— Свыше... м-да... конечно! — ответил майор.

И вдруг, или то был обман слуха? Едва смолк грохот английского орудия, с моря донесся гул ответного залпа.

Офицеры и солдаты насторожились, напряженно прислушиваясь.

С той же стороны раздались еще три выстрела кряду.

— Корабль! — воскликнул бригадир. — И если корабль, то только английский!

Через полчаса на горизонте показалось двухмачтовое судно.

— Англия идет к нам! — провозгласил бригадир Мэрфи с видом человека, предсказания которого сбылись.

— Она узнала голос родной пушки! — ответил майор Олифент.

— Надеюсь, ядро не угодило в корабль, — пробормотал про себя капрал Пим.

А еще через полчаса уже был отчетливо виден корпус корабля. По небу полосой стлался черный дым, из чего явствовало, что это идет паровое судно. Вскоре англичане увидели шкуну, которая приближалась на всех парах, явно собираясь пристать к берегу. На гафеле развевался флаг, но различить его цвета было еще трудно.

Мэрфи и Олифент не отрывали глаз от подзорных труб и жадно следили за шкуной, готовясь приветствовать британский флаг.

Вдруг обе подзорные трубы, как по команде, разом опустились, и оба офицера с недоумением уставились друг на друга.

— Русский флаг!

Действительно, на гафеле шкуны реял морской флаг Российской империи: белое полотнище, разделенное синим крестом на четыре поля.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

свидетельствующая о наличии некоторой напряженности в международных отношениях и кончающаяся географическим открытием обескураживающего свойства

Шкуна быстро подошла к острову, и англичане прочли на корабле ее название: «Добрыня».

На южном берегу островка, за скалами, лежала маленькая бухта, в которой не уместились бы в ряд и четыре рыбачьи лодки, но шкуне она вполне могла служить надежной гаванью, пока не начнется южный или западный ветер. Итак, шкуна вошла в бухту, бросила якорь, и четырехвесельная шлюпка вскоре доставила на берег графа Тимашева и капитана Сервадака.

Бригадир Мэрфи и майор Олифент со спесивым и чопорным видом поджидали их, храня горделивое молчание.

Первым его нарушил пылкий француз Гектор Сервадак.

— Слава богу, господа, — воскликнул он, — кроме нас, уцелели еще люди, и мы счастливы, что можем пожать руку нашим ближним!

Английские офицеры не пошевелились и не сделали ни шагу навстречу.

— Скажите скорее, — продолжал Гектор Сервадак, не замечая величавой неприступности британцев, — есть ли у вас сведения о Франции, России, Англии, Европе? Знаете ли вы, каковы размеры бедствия? Установили ли связь с родиной? Есть ли у вас...

— С кем имеем честь? — произнес бригадир Мэрфи, повернувшись к капитану Сервадаку ровно настолько, насколько это позволяло его достоинство.

— Ах, да, — сказал Сервадак, чуть заметно пожав плечами, — мы ведь еще не представились друг другу.

И обратившись к своему русскому спутнику, чья сдержанность могла поспорить с британской холодностью, капитан Сервадак представил его:

— Граф Василий Тимашев.

— Майор сэр Джон Темпль Олифент, — ответил бригадир, представляя своего подчиненного.

Русский и англичанин обменялись поклонами.

— Капитан штаба французских войск Гектор Сервадак, — в свою очередь сказал граф.

— Бригадир Энейдж Финч Мэрфи, — торжественно провозгласил майор Олифент.

Снова поклоны с обеих сторон.

Правила этикета были соблюдены. Теперь обе стороны могли вступить в переговоры без ущерба для своего достоинства.

Разумеется, речь велась на французском языке, равно знакомом и англичанам и русским, к чему их вынудили соотечественники капитана Сервадака, упорствующие в своем нежелании изучить английский и русский языки.

Пригласив капитана Сервадака и графа следовать за ним, бригадир Мэрфи пошел вперед, майор Олифент замкнул шествие, и гостей ввели в офицерскую комнату. Она несколько напоминала крепостной каземат, но была обставлена не без комфорта. Все сели, и разговор завязался.

Гектор Сервадак, которому претили все условности, предоставил графу Тимашеву начать беседу. Граф, поняв, что англичане не принимают в расчет все сказанное до официального знакомства, повел рассказ ab ovo, то есть с самого начала.

— Господа, — заговорил он, — как вам, конечно, известно, в ночь с тридцать первого декабря на первое января произошла катастрофа, причины и размеры которой нам еще не удалось установить. То, что осталось от вашей территории, — я разумею этот остров, — показывает, что тяжелые последствия стихийного бедствия весьма чувствительно отразились и на вас.

В знак согласия оба офицера одинаковым движением согнули стан в полупоклоне.

— Мой спутник капитан Сервадак, — продолжал граф, — также перенес тяжелые испытания. Он находился на своем посту в качестве штабного офицера на побережье Алжира...

— Французская колония, если не ошибаюсь? — прервал его, сощурив глаза, майор Олифент.

— Исконно французская, — сухо ответил капитан Сервадак.

— Капитан Сервадак находился подле устья Шелиффа, — невозмутимо продолжал граф Тимашев. — В ту злополучную ночь часть африканского материка внезапно превратилась в остров, а все остальное, повидимому, исчезло с лица земли.

— Ага! — проворчал бригадир Мэрфи, ограничившись этим скупым изъявлением чувств по поводу сделанного ему сообщения.

— А вы, граф, — осведомился майор Олифент, — где, позволю себе спросить, находились вы в ту злополучную ночь?

— В море, сэр, на борту моей шкуны, и я считаю чудом, что экипаж и груз не пострадали.

— Нам остается только поздравить вас, граф, — сказал бригадир Мэрфи.

Граф Тимашев продолжал:

— Когда же судьба снова привела меня к Алжирскому побережью, я, к счастью для себя, встретил на

новом острове капитана Сервадака и его денщика Бен-Зуфа.

— Бен? — переспросил майор Олифент.

— Зуф! — выкрикнул Сервадак, словно хотел сказать: «Уф, замучился!»

— Капитан Сервадак, — продолжал граф, — желая составить себе представление о последних событиях, отправился с нами на «Добрыне»; мы взяли курс на восток согласно старым картам и сделали попытку установить, что осталось от алжирской колонии... Но она исчезла бесследно.

Бригадир Мэрфи скривил губы, давая понять, что если колония французская, то в ее исчезновении нет ничего удивительного. Сервадак привскочил, чтобы должным образом ответить, но сдержался.

— Господа, — продолжал граф Тимашев, — размеры бедствия оказались огромными. Во всей восточной части Средиземного моря мы не нашли и следов населенных областей — Алжира, Туниса, за исключением одного пункта — скалы, выступающей из моря вблизи Карфагена; на ней находится гробница французского короля...

— Людовика Девятого, если не ошибаюсь? — заметил бригадир.

— Более известного под именем Людовика Святого, сэр! — поправил его капитан Сервадак, на что бригадир ответил снисходительной усмешкой.

Затем граф Тимашев рассказал, что шкуна прошла на юг до той параллели, на которой расположен залив Габес, что «Сахарское море» больше не существует (оба англичанина нашли это вполне естественным, поскольку «Сахарское море» было делом рук французов) и что близ триполитанского побережья возникла необычайная по своей геологической структуре новая береговая полоса, которая тянется на север, вдоль двенадцатого меридиана вплоть до острова Мальты.

— И этот британский остров, — поспешил добавить Сервадак, — вместе с его главным городом, гаванью, крепостью, солдатами, офицерами и губернатором провалился в бездну, как и Алжир.

Скорбь, омрачившая лица англичан, через минуту сменилась выражением глубокого недоверия к словам французского офицера.

— Едва ли возможно такое полное исчезновение, — заметил бригадир Мэрфи.

— Почему же? — спросил капитан Сервадак.

— Мальта — английский остров, — ответил майор Олифент, — а в качестве такового...

— Он сметен с лица земли совершенно так же, как если бы был китайским! — возразил капитан Сервадак.

— Может быть, во время плавания вы допустили неточности в ваших расчетах?

— Нет, господа, — сказал граф, — мы не ошиблись, и надо примириться с очевидностью. Англия, конечно, понесла большие потери. Остров Мальта больше не существует, и мало того: новый материк закрыл доступ в Средиземное море. Не окажись в береговой полосе расщелины, мы бы никогда не попали к вам. А если ничего не осталось от Мальты, то, к сожалению, вряд ли что-либо осталось и от Ионических островов, которые с недавних пор находятся именно под английским протекторатом.

— И я думаю, — добавил Сервадак, — что лорд верховный комиссар, чья резиденция там находилась и которому вы подчинены, едва ли в восторге от последствий катастрофы.

— Верховный комиссар, которому мы подчинены? — в полном недоумении переспросил Мэрфи.

— Впрочем, вы тоже едва ли в восторге от того, что вам осталось от Корфу.

— Корфу? — переспросил майор Олифент.

— Да, да! Кор-фу! — повторил Сервадак.

Оба англичанина в неподдельном изумлении молчали, не понимая, что собственно хотел сказать французский офицер, но их недоумение еще усилилось, когда граф Тимашев спросил, каким образом они получали за последнее время известия из Англии, — с отечественными судами или по подводному кабелю.

— Нет, граф, кабель поврежден, — ответил бригадир Мэрфи.

— Позвольте, господа, разве вы не поддерживаете связь с материком по итальянскому телеграфу?

— Итальянскому? — сказал майор Олифент. — Вы, конечно, хотели сказать — по испанскому телеграфу?

— По итальянскому или испанскому, — не все ли равно, — вмешался капитан Сервадак, — главное, получали ли вы какие-нибудь известия из метрополии?

— Никаких, — ответил бригадир Мэрфи, — но мы не беспокоимся — известия будут непременно...

— Если только не погибла и метрополия, — сказал Сервадак, и лицо его стало серьезным.

— Погибла метрополия?!

— Я хочу сказать, — если не погибла Англия!

— Англия погибла?!

Бригадир Мэрфи и майор Олифент вскочили, как ужаленные.

— Мне кажется, — сказал бригадир Мэрфи, — что раньше Англии сама Франция...

— Местоположение Франции более надежно, она на континенте! — ответил Сервадак, начиная уже горячиться.

— Более надежно, чем Англии?

— Что ж, в конце концов Англия только остров и уже довольно ветхий, поэтому она вполне могла рассыпаться!

Ссора была неминуема. Англичане уже не владели собой, и Сервадак решил ни в чем им не уступать.

Граф попробовал было примирить противников, в которых говорила лишь национальная неприязнь, но ему это не удалось.

— Господа, — сухо сказал капитан Сервадак, — мне думается, наш спор удобнее вести под открытым небом. Здесь вы все-таки у себя дома. Может быть, вы соблаговолите выйти?

Гектор Сервадак вышел из комнаты; граф Тимашев и англичане тотчас же последовали за ним. Все собрались на площадке перед высоким валом; место это, как полагал капитан Сервадак, должно было служить чем-то вроде нейтральной почвы.

— Господа, — снова заговорил Сервадак, обращаясь к англичанам, — хоть Франция и стала беднее,

утратив Алжир, но она не оскудела людьми настолько, чтобы уклониться от вызова, кто бы его ни бросил! И я, офицер французской армии, имею честь представлять здесь Францию с тем же правом, как и вы, представляете Англию!

— Прекрасно, — ответил бригадир Мэрфи.

— Я не потерплю...

— Я тоже, — сказал майор Олифент.

— И так как мы сейчас на нейтральной земле...

— Как на нейтральной? — вскричал бригадир Мэрфи. — Милостивый государь, вы на английской земле!

— Английской?

— Да, на земле, которая находится под защитой британского флага!

И бригадир указал на флаг Соединенного королевства, развевавшийся на вершине острова.

— Еще бы! — насмешливо заметил капитан Сервадак. — Если вам угодно было водрузить этот флаг после катастрофы...

— Он был здесь и раньше.

— Флаг государства, осуществляющего протекторат, но не флаг, охраняющий британские владения!

— Протекторат? — одновременно воскликнули английские офицеры.

— Господа, — заявил Гектор Сервадак, топнув ногой, — этот островок представляет собой все, что осталось от территории республики, над которой Англия никогда не имела иных прав, кроме права протектората!

— Республики?! — повторил бригадир Мерфи, широко раскрыв глаза.

— Кроме того, — продолжал Сервадак, — весьма сомнительно, сохранили ли вы еще права, которые десятки раз теряли и присваивали снова, ваши права на Ионические острова!

— Ионические острова? — возопил майор Олифент.

— И здесь, на Корфу...

— На Корфу?

Англичане были так ошеломлены, что даже сдержанный граф Тимашев, при всем своем сочувствии к французскому офицеру, все же нашел нужным

вмешаться. Он хотел было образумить бригадира Мэрфи, но тот сам заговорил уже более спокойно, обращаясь к Сервадаку:

— Сударь, я обязан рассеять ваше заблуждение, причину которого не могу разгадать. Вы находитесь на земле, принадлежащей Англии по праву завоевания и являющейся ее фактическим владением с тысяча семьсот четвертого года по праву, узаконенному Утрехтским договором. Эти права действительно не раз пытались оспаривать Франция и Испания, в тысяча семьсот двадцать седьмом, в тысяча семьсот семьдесят девятом и в тысяча семьсот восемьдесят втором году, но безуспешно. И как ни мал этот остров, вы здесь находитесь в Британии, совершенно так же, как на Трафальгарской площади в Лондоне.

— Разве мы не в Корфу, столице Ионических островов? — спросил изумленный граф.

— Нет, господа, нет, — отвечал бригадир Мэрфи. — Вы в Гибралтаре.

Гибралтар! Это слово как громом поразило графа Тимашева и французского офицера. Они думали, что прибыли на Корфу, на крайний восток Средиземноморья, а оказались в самой западной его точке — в Гибралтаре, хотя их шкуна не поворачивала назад.

Это совершенно по новому освещало события, и надо было обдумать их последствия. Едва граф собрался с мыслями, как услышал крики. Он обернулся и, к своему великому удивлению, увидел, что экипаж «Добрыни» затеял драку с английскими солдатами.

Что за причина вызвала это столкновение? Да просто матрос Пановко поспорил с капралом Пимом. А из-за чего возник спор? Из-за того, что пушечный выстрел, разбив в щепы рею шкуны, раздробил трубку Пановко и слегка повредил ему нос, который действительно был несколько длинноват для русского носа.

Итак, в то время как граф Тимашев и капитан Сервадак не без труда наладили отношения с английскими офицерами, экипаж «Добрыни» успел вступить в рукопашную с гарнизоном островка

Разумеется, Сервадак вступился за Пановко, а майор Олифент возразил, что Англия не несет ответственности за свои снаряды, что виноват во всем русский матрос, раз он находился в неположенном месте во время полета снаряда, и что, кроме того, будь у Пановко нос покороче, несчастный случай не произошел бы, и т. д. и т. п.

Тут, при всей своей сдержанности, рассердился и граф и, обменявшись с англичанами несколькими резкими словами, отдал приказ немедленно отчаливать.

— Мы еще встретимся, господа, — сказал капитан Сервадак англичанам.

— Когда вам будет угодно! — ответил майор Олифент.

Но узнав удивительную новость, узнав, что Гибралтар оказался в том географическом пункте, где должен был находиться Корфу, граф Тимашев только и думал, как бы ему поскорей вернуться в Россию, а капитан Сервадак стремился во Францию.

Вот почему шкуна сразу же снялась с якоря и через два часа уже потеряла из виду то место, которое называлось Гибралтаром.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой спорят с целью установить истину, что, может быть, помогает спорщикам к ней приблизиться

Первые часы плавания прошли в спорах о том, какие выводы надо сделать из последнего, столь неожиданного открытия. Если путем споров и не удалось установить истину во всей ее полноте, это все же давало возможность графу, капитану и лейтенанту Прокофьеву хоть немного приблизиться к разгадке.

Что знали они теперь самым непреложным образом? Что «Добрыня», отчалив от острова Гурби, то есть отправившись от первого градуса западной долготы, только на тринадцатом градусе восточной долготы встретил препятствие в виде вновь образовавшейся

береговой полосы. Следовательно, пройденный шкуной путь составлял пятнадцать градусов. Прибавив к этому длину пролива, открывшегося в неизвестном материке, то есть приблизительно три с половиной градуса, затем расстояние от пролива до Гибралтара, то есть около четырех градусов, и наконец расстояние между Гибралтаром и островом Гурби, а именно семь градусов, лейтенант Прокофьев получил в итоге около двадцати девяти градусов.

Таким образом, выйдя со стоянки на острове Гурби, шкуна, повидимому, шла все время по одной и той же параллели и вернулась к своей исходной точке, иначе говоря, описала окружность, покрыв расстояние в двадцать девять градусов.

А если принять величину градуса за восемьдесят километров, то все пройденное расстояние равно двум тысячам тремстам двадцати километрам.

Из того обстоятельства, что экспедиция наткнулась на Гибралтар там, где прежде находились Ионические острова и Корфу, следовало, что вся остальная поверхность земного шара, а именно триста тридцать один градус, исчезла полностью. Прежде, до катастрофы, чтобы попасть из Мальты в Гибралтар, держа курс на восток, нужно было пересечь всю восточную часть Средиземного моря, пройти Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Зондский пролив, Тихий и Атлантический океаны. Теперь же вместо этого огромного пути шкуна прошла только шестьдесят километров новым проливом и очутилась в восьмидесяти лье от Гибралтара.

Таковы были расчеты лейтенанта Прокофьева, и, при всей их приблизительности, они позволяли сделать ряд выводов.

— Ну вот «Добрыня» и вернулся к своей исходной точке, — сказал Сервадак, — отсюда можно заключить, что окружность земного шара теперь равна всего лишь двум тысячам тремстам двадцати километрам!

— Да, — ответил лейтенант Прокофьев, — а это означает, что диаметр Земли сократился до семисот сорока километров, то есть примерно в шестнадцать раз, так как до катастрофы он был равен двенадцати

тысячам семистам девяноста двум километрам. Сомнений нет: мы совершили кругосветное плавание вокруг того, что осталось от земного шара!

— Пожалуй, это объясняет множество необычайных явлений, которые нам довелось наблюдать, — сказал граф Тимашев. — Так на сфероиде, сократившемся до столь малых размеров, должен был значительно уменьшиться вес предметов, и теперь мне ясно, почему Земля вращается вокруг своей оси гораздо быстрее; поэтому и промежуток между двумя восходами Солнца, то есть сутки, равняется только двенадцати часам. Что же до новой орбиты, по которой сфероид движется вокруг Солнца...

Граф остановился, так как он не совсем ясно понимал, в какой связи находится эта орбита с его новым представлением о вселенной.

— Дальше, граф, — сказал капитан Сервадак, — так что же с новой орбитой?

— А каково твое мнение? — обратился граф к Прокофьеву.

— Есть только один способ объяснить изменение орбиты, — отвечал Прокофьев, — других быть не может.

— Какой же? — с волнением спросил Сервадак, словно предчувствуя, что скажет лейтенант.

— Надо предположить, что от Земли отделился осколок, а вместе с ним и часть земной атмосферы, — сказал Прокофьев, — и что этот осколок движется в пределах солнечной системы по новой орбите, уже не совпадающей с орбитой Земли.

Приведя это объяснение, казавшееся таким правдоподобным, лейтенант Прокофьев умолк. Молчали и его собеседники. Глубоко подавленные, они задумались над тем, какие неисчислимые последствия повлечет за собой эта мировая катастрофа. Если действительно от земного шара отделился огромный осколок, куда он стремится? Какова величина эллиптической орбиты, по которой он сейчас движется? На какое расстояние от Солнца он отдалится? Какова будет продолжительность его обращения вокруг центра притяжения? Умчится ли он, подобно кометам, на сотни миллионов

лье в межпланетное пространство или же вскоре будет притянут обратно к всемирному источнику тепла и света? И, наконец, совпадает ли плоскость его орбиты с земной орбитой, можно ли надеяться, что когда-нибудь он снова встретится и соединится с Землей, от которой был отторгнут?

Первым прервал молчание капитан Сервадак, громко воскликнув:

— Ну нет, черт побери! Ваше объяснение, лейтенант, многое помогает понять, но оно неприемлемо!

— Почему же, капитан? — удивился Прокофьев. — Напротив, оно, как мне кажется, отвечает на все вопросы.

— В том-то и дело, что нет! Есть по меньшей мере одно возражение, и ваша гипотеза его не опровергает.

— А именно? — спросил Прокофьев.

— Что ж, — сказал Сервадак, — постараемся друг друга понять. Вы утверждаете, что осколок земного шара, превратившийся в некий новый астероид, движется по околосолнечному миру, унося с собою нас вместе с частью средиземноморского бассейна от Гибралтара до Мальты?

— Утверждаю.

— А как тогда вы объясните появление странного материка, замкнувшего со всех сторон море? И чем объясняется строение его берегов? Если бы от земного шара отделилась какая-то часть и унесла нас в мировое пространство, на ней, конечно, сохранилась бы земная кора — граниты, известняки; между тем поверхность нашего астероида покрыта какими-то сростками минерала, состав которого нам совершенно неизвестен!

Замечание капитана Сервадака являлось серьезным возражением против теории Прокофьева. В самом деле, можно было вообразить, что от земного шара отделился осколок, захватив с собой часть земной атмосферы и бассейна Средиземного моря; можно было даже допустить, что его вращение вокруг собственной оси и обращение вокруг Солнца не совпадают с движением Земли; но почему вместо цветущих берегов, окаймлявших Средиземное море на юге, западе и востоке,

возникла эта голая и отвесная стена без всякой растительности, эта неведомая горная порода?

Возражение Сервадака поставило Прокофьева в тупик, и он ограничился тем, что сослался на будущее, которое, конечно, разрешит все неразрешенные вопросы. Тем не менее он не считал нужным пренебречь теорией, которая объясняла столько необъяснимых до сих пор явлений. Что же до первопричины космического переворота, то она попрежнему оставалась тайной. Можно ли предположить, что от Земли отделилась такая огромная масса и умчалась в пространство в результате какого-то взрыва под земной корой? Почти невероятно! Сколько еще неизвестных в этом уравнении со многими неизвестными...

— В конце концов, — сказал в заключение Сервадак, — не все ли равно, на каком новом астероиде я лечу в околосолнечном мире, — была бы с нами Франция!

— Да, Франция... но и Россия! — добавил граф.

— И Россия! — повторил француз, с готовностью принимая законное желание графа.

Однако, если действительно осколок Земли двигался по новой орбите и имел форму сфероида, то при его малых размерах можно было опасаться, что часть Франции и во всяком случае большая часть Российской империи остались на Земле. В равной мере это относилось и к Англии; к тому же полное отсутствие связи между Гибралтаром и Соединенным королевством в течение шести недель ясно указывало на то, что восстановить ее невозможно ни с суши, ни с моря, ни посредством почты и телеграфа. В самом деле, если остров Гурби, где продолжительность дня и ночи была одинакова, находился на экваторе астероида, то Северный и Южный полюсы отстояли от острова на расстоянии, равном половине окружности, пройденной «Добрыней» во время плавания, иначе говоря на расстоянии тысячи ста шестидесяти километров. Таким образом, Северный полюс отстоял на пятьсот восемьдесят километров к северу от острова Гурби, а Южный полюс находился на таком же расстоянии к югу. И когда обе эти точки были нанесены

на карту, выяснилось, что Северный полюс оказался на уровне побережья Прованса, а Южный полюс попал в африканскую пустыню, на двадцать девятую параллель.

Мог ли Прокофьев и сейчас отстаивать свою новую теорию? Действительно ли отделился какой-то большой осколок от Земли? Утверждать это со всей решительностью было невозможно. Только будущее могло разрешить эту загадку; и все же мы берем на себя смелость утверждать, что, если лейтенант Прокофьев еще не открыл истины, то сделал шаг, приблизивший его к цели.

Когда шкуна вышла из узкого пролива, соединявшего Средиземное море у Гибралтара, снова наступила прекрасная погода. Попутный ветер благоприятствовал экспедиции, и, несясь на всех парах и парусах, судно быстро устремилось на север.

Мы говорим север, а не восток, потому что испанское побережье исчезло целиком, во всяком случае исчезло все пространство между Гибралтаром и Аликанте. Там, где, соответственно их географическим координатам, должны были находиться Малага, Альмерия, мыс Гата, мыс Палос, Картахена, их не оказалось. Море затопило всю эту часть Пиренейского полуострова; тогда судно направилось на запад, к прежней Севилье, но на месте андалузского побережья возвышались скалистые берега, похожие на берега возле Мальты.

В этом месте море глубоко врезалось в новый материк, образуя острый угол, вершину которого должен был бы занимать Мадрид. Затем, спустившись к югу, береговая полоса выдавалась в море и, как грозный коготь, нависала над тем местом, где должны были находиться Балеарские острова.

После того как экспедиция, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь следы этой группы островов, уклонилась от взятого курса, она сделала совершенно неожиданную находку.

Двадцать первого февраля в восемь часов утра матрос, стоявший на носу корабля, закричал:

— Бутылка в море!

В такой бутылке мог храниться ценный документ, имевший отношение к последним событиям.

Услышав возглас матроса, все, в том числе граф Тимашев, Гектор Сервадак и лейтенант, выбежали на палубу. Шкуна приблизилась к плывущему по волнам предмету, и матросы выловили его из воды.

Оказалось, что это не бутылка, а кожаный футляр от небольшой подзорной трубы. По краям он был плотно запечатан воском, и, если его бросили в море недавно, вода не должна была в него проникнуть.

Прокофьев внимательно осмотрел находку в присутствии графа и Сервадака. На футляре не было фабричного клейма. Воск на крышке был совершенно цел, и на нем сохранился оттиск печати с инициалами «П. Р.».

Лейтенант Прокофьев сломал печать, открыл футляр и вынул какую-то бумагу. Она не пострадала от пребывания в морской воде. Это был листок из записной книжки, разграфленный в клетку, на котором крупным, размашистым почерком кто-то написал следующие слова, сопроводив их вопросительными и восклицательными знаками:

«Галлия???
Ab sole[1] 15 февр. расст.: 59 000 000 л!
Путь, пройденный с янв. по февр.: 82 000 000 л.!
Va bene![2] All right![3] Прекрасно!!!»

— Что это значит? — спросил граф Тимашев, со всех сторон осмотрев листок.

— Понятия не имею, — ответил Сервадак. — Одно несомненно: неизвестный автор этого документа пятнадцатого февраля был еще жив, потому что документ помечен этим числом.

— Повидимому, — согласился граф.

На документе отсутствовала подпись. Не было указано и место его отправления. Он состоял из латинских, итальянских, английских и французских слов — большей частью из французских.

[1] От солнца *(лат.)*
[2] Все идет хорошо *(итал.)*.
[3] Все в порядке *(англ.)*

— Это не может быть мистификацией, — заметил Сервадак. — Совершенно очевидно, что документ относится к космическому перевороту, последствия которого мы испытываем на себе! Футляр с запиской принадлежал какому-то наблюдателю, находящемуся на борту корабля...

— Нет, капитан, — возразил лейтенант Прокофьев, — такой наблюдатель, наверно, вложил бы записку в бутылку, где она была бы лучше защищена от воды, чем в кожаном футляре. Это скорее какой-то ученый, отрезанный от всего мира на клочке земли, хотел сообщить о результатах своих наблюдений и воспользовался этим футляром, который для него, вероятно, представлял меньшую ценность, чем бутылка.

— Не все ли равно! — воскликнул граф. — Важно понять смысл этого странного документа, а не гадать о том, кто его составитель. Начнем по порядку. Во-первых, что это за Галлия?

— Не знаю ни одной планеты, большой или малой, с таким названием, — ответил Сервадак.

— Капитан, — перебил его Прокофьев, — прежде чем продолжать обсуждение, разрешите задать вам вопрос.

— Пожалуйста, лейтенант.

— Не думаете ли вы, что документ подтверждает нашу последнюю гипотезу, то есть, что в мировом пространстве носится осколок земного шара?

— Да... пожалуй, — ответил Сервадак, — хотя мое возражение по поводу характера строения нашего астероида еще не опровергнуто.

— Но если Прокофьев прав, — добавил граф, — то неизвестный ученый, повидимому, назвал Галлией новый астероид.

— Так он француз? — сказал Прокофьев.

— Не лишено вероятия, — ответил Сервадак. — Заметьте, что из восемнадцати слов одиннадцать написаны по-французски, три по-итальянски и два по-английски. Отсюда можно сделать вывод, что ученый, не зная, в чьи руки попадет его записка, решил составить ее на нескольких языках, чтобы увеличить шансы на то, что его поймут.

— Хорошо, предположим, что Галлия — название нового астероида, — сказал граф Тимашев. — Читаю дальше: «Ab sole пятнадцатого февраля расстояние пятьдесят девять миллионов лье».

— Действительно, в то время Галлия должна была находиться именно на таком расстоянии от Солнца, — заметил лейтенант Прокофьев. — Она тогда пересекла орбиту Марса.

— Отлично, — ответил граф. — Вот первый пункт документа, совпадающий с нашими наблюдениями.

— В точности, — подтвердил Прокофьев.

— «Путь, пройденный с января по февраль, — продолжал читать вслух граф, — восемьдесят два миллиона лье».

— Повидимому, — заметил Сервадак, — здесь речь идет о пути, пройденном Галлией по ее новой орбите.

— Да, — согласился Прокофьев, — и на основании законов Кеплера скорость движения Галлии, или, что одно и то же, путь, проходимый ею в равные промежутки времени, должен был неуклонно уменьшаться. Самая высокая температура воздуха наблюдалась как раз пятнадцатого января. Стало быть, вполне вероятно, что Галлия тогда находилась в своем перигелии, в точке ближайшего расстояния от Солнца; и в то время она двигалась со скоростью вдвое большей, чем скорость Земли, а Земля проходит в час только двадцать восемь тысяч восемьсот лье.

— Очень хорошо, — заметил Сервадак, — но от этого нам не стало яснее, на каком расстоянии от Солнца окажется Галлия в своем афелии. Неизвестно, на что мы можем надеяться или что нам угрожает в будущем.

— Да, капитан, все это неизвестно, — ответил Прокофьев, — но при систематических наблюдениях с разных точек орбиты Галлии было бы возможно, пользуясь законом всемирного тяготения, установить величину отрезков, из которых складывается этот путь...

— И, следовательно, весь путь Галлии в пределах солнечной системы, — договорил Сервадак.

— Совершенно верно, — сказал граф, — ведь если Галлия астероид, она, как и все небесные тела, подчиняется законам небесной механики и Солнце направляет ее движение так же, как оно направляет движение планет. Едва эта масса отделилась от Земли, как вокруг нее сомкнулись невидимые цепи всемирного тяготения, и отныне она неуклонно будет следовать по раз и навсегда определенной орбите.

— Если только какое-нибудь встречное светило не изменит ее орбиты,— возразил лейтенант Прокофьев.— Ведь Галлия только маленькое колесико в механизме солнечной системы, и планеты могут оказать на нее неодолимое влияние.

— Что ж, — сказал Сервадак, — на своем пути Галлия наверняка может завести случайные знакомства и свернуть с пути истинного. А заметили вы, господа, что мы рассуждаем так, как будто и впрямь стали галлийцами? Полноте! С чего мы взяли, что Галлия, о которой идет речь в записке, не только что открытая, сто семидесятая по счету малая планета?

— Нет, — возразил Прокофьев, — этого не может быть. Движение малых или телескопических планет происходит только в пределах узкой зоны между орбитами Марса и Юпитера. Поэтому никакая телескопическая планета не может оказаться так близко от Солнца, как Галлия во время своего перигелия. Между тем не подлежит сомнению, что она тогда приблизилась к Солнцу, потому что данные документа совпадают с нашими собственными предположениями.

— К сожалению, — сказал граф, — у нас нет нужных приборов для наблюдений, и мы не можем определить все элементы орбиты Галлии.

— Кто знает? — ответил Сервадак. — Рано или поздно все тайное становится явным!

— Ну, а последние слова в записке, — продолжал граф, — «Va bene», «All right», «Прекрасно»? По-моему, в них нет никакого смысла...

— Если только, — заметил Сервадак, — автор записки не хотел сказать, что одобряет новый мировой порядок и находит, что все к лучшему в этом лучшем и самом невероятном из миров.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

где капитан Сервадак держит в руке все, что осталось от некогда обширного материка

Между тем «Добрыня», обогнув огромный выступ нового материка, преграждавший путь на север, направился к тому месту, где прежде был расположен мыс Креус.

День и ночь толковали на борту «Добрыни» о последних необычайных событиях. Слово «Галлия» не сходило с языка и как-то само собой, почти незаметно для наших путешественников, Галлия стала географическим понятием, подлинным названием астероида, умчавшего их в пространства солнечной системы.

Но они не забывали о том, что их насущная задача — исследовать побережье Средиземного моря. Поэтому шкуна все время шла вперед, держась возможно ближе к новой береговой полосе, которая обрамляла бассейн единственного, по всей вероятности, моря на поверхности Галлии.

Верхняя часть этого огромного выступа находилась там, где прежде на побережье Испании была расположена Барселона, но ни большого города, ни побережья более не существовало: вероятно, они были погребены на дне моря, и только прибой шумел у скал нового материка. А скалистый берег, заворачивая к северо-востоку, далеко выдавался в море как раз у мыса Креус.

Но и от мыса Креус ничего не осталось.

Здесь начиналась граница Франции. Нетрудно догадаться, о чем думал Сервадак, увидев вместо родной земли чуждые берега. Путь к южной Франции преграждал неодолимый барьер, за которым ничего не было видно. Вдоль параллели, прежде пересекавшей цветущие берега южной Франции, тянулась отвесная, голая и неприступная стена высотой в тысячу футов, такая же бесплодная, крутая и «новая», как и на африканском берегу Средиземного моря.

Как ни близко держалась шкуна к берегу, с борта ее не было видно ничего похожего на приморскую полосу Восточных Пиренеев: ни мыса Беар, ни

Пор-Вандра, ни устья реки Теш, ни озер Сен-Назер и Сальс. На границе департамента Од, с его живописными озерами и островами, не сохранилось и пяди земли Нарбоннского округа. Исчезло все: мыс Агд на границе департамента Эро, залив Эгморт, порт Сет, город Фронтиньян, побережье Нимского округа, дугой выдававшееся в море, равнины Кро и Камарг, извилистое устье Роны. Исчез Мартиг! Погиб Марсель!

Казалось, путешественникам не суждено встретить ни клочка той европейской страны, которая называлась Францией.

Гектор Сервадак готовил себя к самому горькому разочарованию; однако, столкнувшись лицом к лицу со страшной действительностью, он был сражен. Он искал и не находил ни следа знакомых ему ландшафтов. Порой, когда береговая полоса заворачивала к северу, в Сервадаке вспыхивала надежда, что за этим поворотом вдруг откроется часть уцелевшей французской земли; но как далеко ни тянулась береговая извилина, ничто не напоминало о чудесных берегах Прованса. Всюду простирался либо новый материк, либо катились волны неузнаваемого Средиземного моря, и капитан Сервадак невольно спрашивал себя: неужели же от его родины остался только крохотный клочок алжирской территории — остров Гурби, куда ему суждено вернуться?

— И все-таки, — говорил он графу Тимашеву, — материк Галлии не кончается этими неприступными скалами. По ту сторону лежит ее северный полюс. Что там, за высокой стеной? Надо узнать это во что бы то ни стало. И если, вопреки очевидности, мы все еще на нашей планете, если действительно нас носит по межпланетному миру уцелевшая часть земного шара, которая движется в ином, новом направлении, словом, если где-то еще существует Европа, Франция и Россия, — нужно в этом убедиться. Неужели нам не встретится отлогий берег, где бы мы могли высадиться? Неужели нельзя вскарабкаться на эти неприступные утесы и хоть раз осмотреться кругом, узнать, что там скрывается? Умоляю вас, граф, ради бога, высадимся!

Но в сплошной стене, вдоль которой шла шкуна, не встречалось ни маленькой бухты, ни отмели, где мог бы высадиться экипаж. Берега у основания были совершенно гладкими и отвесными, высотою в двести — триста футов; вершину массива венчало причудливое нагромождение исполинских кристаллов. Новые берега Средиземного моря состояли из совершенно одинаковых скал; их единообразие объяснялось тем, что все эти каменные громады представляли собой сплав одной породы.

Шкуна на всех парах неслась на восток. Попрежнему стояла ясная погода. Наступило похолодание, воздух стал менее влажен. Лишь кое-где небесную лазурь бороздили почти прозрачные облака. Днем солнечный диск, заметно уменьшившийся, отбрасывал слабый свет, придававший предметам неверные очертания. Ночью изумительно ярко горели звезды, зато некоторые дальние планеты как будто потускнели — Венера, Марс и то неведомое светило, что появлялось перед восходом и закатом солнца. Но огромный Юпитер и великолепный Сатурн сверкали все ярче, ибо Галлия приближалась к ним, и вскоре Прокофьев указал своим спутникам на Уран, который прежде не удавалось видеть невооруженным глазом. Итак, Галлия неслась в межпланетном пространстве, удаляясь от центра своего притяжения.

Двадцать четвертого февраля, пройдя вдоль ломаной линии, воспроизводившей прежнюю морскую границу департамента Вар, попытавшись затем найти Йерские острова, полуостров Сен-Тропез, Леренские острова, Каннский залив и залив Жуана, шкуна достигла широты мыса Антиб.

Здесь, ко всеобщему удивлению и радости, массив сверху донизу рассекала узкая трещина. У подножия скалы виднелась небольшая отмель, где легко могла причалить лодка.

— Наконец-то мы высадимся! — воскликнул Сервадак вне себя от нетерпения.

Графа не пришлось упрашивать обследовать новый материк. Он, как и лейтенант Прокофьев, разделял нетерпение Сервадака. Они надеялись, что, поднявшись

по откосу ущелья, издали казавшегося руслом высохшего ручья, доберутся до гребня скал, откуда удастся хотя бы осмотреть эту необычайную местность, если Франции больше не существует.

В семь часов утра граф, капитан и лейтенант высадились на отмель.

Здесь впервые они натолкнулись на остатки горной породы, из которой состояли прежние берега. Это были груды желтоватого известняка, когда-то покрывавшего берега Прованса. Однако эта частица земного шара — узкая отмель — занимала площадь всего только в несколько квадратных метров. Путешественники, не задерживаясь, поспешили к расселине.

Ущелье оказалось совершенно сухим; по его склонам, конечно, никогда не сбегали бурные воды ручья. Дно, как и склоны ущелья, состояли из той же кристаллообразной породы, уже встречавшейся на пути «Добрыни», но, повидимому, она еще не подверглась выветриванию. Вероятно, геолог нашел бы эту горную породу в таблице минералов, но ни граф Тимашев, ни капитан, ни лейтенант Прокофьев не в состоянии были определить ее.

Тем не менее уже сейчас было очевидно, что со временем, когда резко изменятся климатические условия, ущелье послужит руслом многоводных потоков.

Дело в том, что кое-где на склонах уже поблескивал снег; и чем выше, тем шире и плотнее становился этот снежный покров. Весьма вероятно, вершину горы, а может быть, и всю местность по ту сторону скалистой гряды покрывала белая кора ледников.

— Вот и первые признаки пресной воды на поверхности Галлии, — заметил граф Тимашев.

— Да, — отозвался лейтенант Прокофьев, — разумеется, чем выше, тем холоднее; поэтому на вершинах образуется уже не снег, а лед. Не будем забывать, что если Галлия имеет форму астероида, значит где-то, совсем близко от нас, лежат ее полярные области, куда попадают только косые солнечные лучи. Там, конечно, не бывает полной полярной ночи, как на земных полюсах; ведь солнце все время стоит над экватором Галлии, потому что ось ее наклонена под небольшим углом.

И все же здесь наступят сильнейшие холода, особенно когда Галлия отдалится на большое расстояние от Солнца.

— Лейтенант, — спросил Сервадак, — есть ли опасность, что на Галлии наступят такие холода, которые грозят гибелью всему живому?

— Нет, капитан, — ответил Прокофьев. — Как бы далеко мы ни оказались от Солнца, температура здесь не может быть ниже температуры космического пространства, иначе говоря — температуры безвоздушного пространства.

— А именно?

— По данным французского физика Фурье — около шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

— Шестьдесят градусов ниже нуля! — повторил граф Тимашев. — Пожалуй, такой мороз покажется нестерпимым и нам, русским!

— Такие холода выдерживали английские мореплаватели в полярных океанах, — возразил лейтенант Прокофьев. — Если не ошибаюсь, по свидетельству Парри, на острове Мелвилл температура падала до пятидесяти шести градусов ниже нуля.

Тут наши путешественники сделали передышку, потому что, как это бывает при восхождении на гору, дышать в разреженном воздухе становилось все труднее. Кроме того, хотя они поднялись не очень высоко — всего на шестьсот — семьсот футов, — температура резко упала. К счастью, уступы и впадины на гранях неизвестного минерала облегчили восхождение, и через полтора часа после того, как они высадились на узкой отмели, путешественники поднялись на гребень скалистой гряды.

Вершина ее господствовала не только над морем, но и над всей новой местностью на севере, круто спускавшейся под уклон.

У капитана Сервадака вырвался крик.

Франция исчезла! Так далеко, как только хватал глаз, тянулись бесчисленные скалы. Ряды обледеневших или засыпанных снегом морен сливались в диком однообразии. То было беспорядочное скопление горных пород, кристаллы которых имели форму правильных,

шестигранных призм. Казалось, вся Галлия состоит из одного неведомого минерала. Гребень массива, обрамлявшего Средиземное море, был не так однообразен, как здесь, потому, вероятно, что некая стихийная сила, которая создала море на поверхности Галлии, изменила во время катаклизма и строение морских берегов.

Так или иначе, в южной части Галлии не сохранилось ни пяди европейской земли. Повсюду новая горная порода заменила прежний ландшафт. Сметены холмистые селения Прованса, апельсиновые и лимонные сады, не отливают больше серебром оливковые рощи; исчезли широкие аллеи, обсаженные кустами перечника, крапивными деревьями, мимозами, пальмами, эвкалиптами; не видно гигантских кустов герани, перевитых сеткой ползучих растений вперемешку с высокими стеблями алоэ; нет больше ни багряно-бурых скал приморья, ни далеких гор в убранстве темной хвои.

Здесь не было места растительному миру, потому что даже самое неприхотливое растение — лишайник тундр — не смогло бы расти на голом камне! Тут не было места животному миру, потому что ни одна птица, даже полярный буревестник, глупыш или чистик не прожили бы дня без пищи.

Здесь открывалось царство минералов во всем его ужасающем бесплодии.

Горестное волнение охватило Сервадака с такой силой, которой не мог противостоять даже его беззаботный нрав. Застыв неподвижно на обледеневшей скале, он смотрел не отрываясь на раскинувшуюся перед ним чужую землю; слезы застилали ему глаза. Он не мог поверить, что здесь когда-либо была Франция.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Мы ошиблись направлением! Мы не на широте Приморских Альп! Надо искать дальше! Из воды выросла стена. Согласен! Но за стеной мы найдем хоть часть европейской земли! Граф, идемте дальше, идемте же! Переберемся через ледники, будем искать, будем продолжать поиски!

Гектор Сервадак бросился вперед, пытаясь найти хоть какую-нибудь тропу в чаще шестигранных кри-

сталлов, но вдруг споткнулся. Под снегом лежал обломок гладко обтесанного камня, о который оступился Сервадак. Он поднял его. По форме и цвету камень не походил на окружающие скалы.

Это был обломок пожелтевшего мрамора, на нем удалось разобрать выгравированные буквы: «Вил...»

— «Вилла!» — воскликнул Сервадак, выронив из рук мраморную дощечку, которая тут же разбилась на тысячи осколков.

Что же осталось от роскошной виллы, стоявшей у взморья на мысе Антиб, в самом прекрасном на свете уголке? И где чудесный мыс, похожий на зеленеющую ветвь, брошенную в море между заливом Жуан и Ниццей? Где величественная панорама с Приморскими Альпами в глубине, раскинувшаяся от живописных гор Эстерель, где Эза, Монако, Рокбрюн, Ментона и Винтимиль? От всех этих мест не осталось даже и разбитой мраморной дощечки, потому что и она рассыпалась впрах.

Теперь капитан Сервадак больше не сомневался, что мыс Антиб погребен в недрах нового материка. Он стоял, погруженный в скорбное раздумье.

Граф Тимашев подошел к нему и тихо сказал:

— Капитан, знаком ли вам родовой девиз Хоупов?

— Нет, граф, — ответил Гектор Сервадак.

— Девиз этот гласит: «Orbe fracto, spes illæsa!» [1]

— Он опровергает горькие слова Данте!

— Да, капитан, и отныне он должен стать нашим девизом!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

которую вполне можно было назвать: «Тем же от того же».

Экспедиции «Добрыни» ничего больше не оставалось, как вернуться на остров Гурби. По всей вероятности, он был тем единственным клочком земли, где

[1] «Хоть мир погиб, — надежда остается непоколебимой» *(лат.)*.

могли найти кров и пищу последние люди, которых новая планета умчала с собой в пространства околосолнечного мира.

— Что ж в конце концов, — говорил себе Сервадак, — это как бы частица Франции!

Путешественники обсудили план возвращения на Гурби и совсем было его приняли, как вдруг лейтенант Прокофьев напомнил о том, что новые берега Средиземного моря не обследованы полностью.

— Нам нужно сделать еще разведку на север, — сказал Прокофьев, — от того места, где находился мыс Антиб, до входа в Гибралтарский пролив. А на юге надо обследовать береговую линию от залива Габес до того же пролива; до сих пор мы держались точной границы прежнего африканского побережья, но не границы новой береговой полосы. Может статься, на юге все же есть проход, и мы узнаем, не пощадила ли катастрофа какой-нибудь оазис африканской пустыни? Кроме того, Италия и крупные острова Средиземного моря, Сицилия, Балеарский архипелаг, могли уцелеть; вот туда-то и следует вести «Добрыню».

— Справедливо замечено, — ответил граф. — Я тоже считаю, что нам необходимо иметь карту нового морского бассейна.

— Присоединяюсь к вашему мнению, — сказал Сервадак. — Главное — решить, надо ли продолжать разведку сейчас, не заходя на Гурби.

— Полагаю, — ответил Прокофьев, — что мы должны воспользоваться «Добрыней», пока шкуна еще может служить.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил граф.

— Я хочу сказать следующее: температура все время падает, Галлия движется по орбите, которая все дальше уводит ее от Солнца, и скоро здесь настанут жестокие холода. Море замерзнет, тогда о навигации нечего и думать. А вам известно, какие трудности представляет плаванье среди ледяных торосов. Не лучше ли продолжать экспедицию, пока море свободно ото льда?

— Ты прав, — ответил граф. — Поищем еще, посмотрим, не осталось ли чего-нибудь от старого мате-

рика, и если часть Европы уцелела, если найдется горсточка живых людей, которым нужна наша помощь, необходимо убедиться в этом до возвращения домой — на зимовку.

В графе говорило высокое чувство человеколюбия: не считаясь с обстоятельствами, он продолжал думать о своих ближних. Кто знает, может быть, заботиться о других и значит заботиться о себе? Сейчас между людьми, которых Галлия уносила в бесконечность мирового пространства, не существовало ни расовых, ни национальных различий. Они были сынами одного народа, вернее, членами одной семьи, ибо вполне могло оказаться, что обитателей старой земли не так уж много! Но если наперекор всему люди еще существуют, они должны сплотиться, соединить свои усилия во имя общего блага. Если же нет больше надежды вернуться на родную землю, — их долг возродить новое человечество на новой планете!

Двадцать пятого февраля шкуна покинула маленькую бухту, где нашла временный приют. Пройдя вдоль северных берегов, она на всех парах неслась на восток. Наступило сильное похолодание, особенно усилившееся, когда задул резкий ветер. Термометр показывал в среднем два градуса ниже нуля. К счастью, море замерзает при более низкой температуре, чем бассейны с пресной водой, поэтому «Добрыня» беспрепятственно продолжал свое плавание. Но следовало торопиться.

Ночи были ясные. В чистом, безоблачном небе звезды излучали изумительно яркий свет. Если Прокофьев в качестве моряка иной раз и сожалел о том, что луна навсегда исчезла с горизонта, то астроном, задавшийся целью проникнуть в тайны звездного мира, должен был бы радоваться благосклонной к его трудам темноте галлийских ночей.

Однако потеря луны была возмещена с лихвой; в последнее время с неба градом сыпались звезды; такого множества падающих звезд никогда еще не видели земные наблюдатели, занимающиеся их подсчетом и классификацией в августе и ноябре. По данным Олмстеда, среднее количество таких астероидов,

промелькнувших в 1833 году на небосводе в Бостоне, исчислялось в тридцать четыре тысячи; для того же, чтобы определить количество падавших звезд в Галлии, можно бы смело удесятерить это число.

Дело в том, что Галлия пересекла пояс, который является внешней и почти концентрической окружностью по отношению к орбите Земли. Повидимому, источником этих метеоритов была звезда Алголь, входящая в созвездие Персея; проносясь через атмосферу Галлии, метеориты раскалялись от трения и вспыхивали ярчайшим светом, казавшимся при их головокружительной скорости поистине волшебным. Даже шедевр знаменитого Руджиери — фонтан фейерверков, горящий миллионами огней, — не выдержал бы сравнения с великолепием сверкающего метеорного потока. Свет летящих звездных осколков отражался на металлической поверхности прибрежных утесов, дробясь и искрясь в их гранях, а море слепило глаза рябью от сыпавшихся в него огненных градин.

Но это зрелище продолжалось не больше двадцати четырех часов; слишком велика была скорость, с которой Галлия удалялась от Солнца.

Двадцать шестого февраля «Добрыне» преградило путь на запад препятствие в виде длинного скалистого мыса, и шкуна спустилась до широты бесследно исчезнувшей Корсики. На месте пролива Бонифачо шумело бескрайнее пустынное море. Но двадцать седьмого числа на востоке, в нескольких милях с подветренной стороны показался какой-то островок; судя по его расположению, если только он не возник недавно, островок мог быть северной частью Сардинии.

Шкуна подошла к островку. Через несколько минут шлюпка высадила графа Тимашева и капитана Сервадака на маленькую зеленую лужайку, площадью не больше гектара. Там росли кусты мирты, мастиковые деревья да несколько старых олив! Повидимому, островок этот покинуло все живое.

Путешественники собрались было уходить, как вдруг услышали блеяние: со скалы на скалу прыгала коза.

Оказалось, что это ручная козочка с бурой шерстью, с маленькими изогнутыми рожками, из тех, которых по справедливости прозвали «коровами бедняков»; она без страха побежала навстречу людям и принялась скакать вокруг и блеять, точно приглашая следовать за ней.

— Коза не может быть здесь одна! — воскликнул Гектор Сервадак. — Идемте за ней!

Сказано — сделано; пройдя несколько сот шагов, они заметили в зарослях мастиковых деревьев что-то вроде шалаша. Из листвы выглянуло детское личико — личико девочки лет семи-восьми, с сияющими огромными глазами, обрамленное длинными каштановыми локонами; прелестная, как те маленькие натурщики Мурильо, с которых он писал своих ангелочков для «Успенья богородицы». Девочка без всякой робости разглядывала наших путешественников.

Должно быть, они показались девочке нестрашными, потому что она подбежала к ним, доверчиво протягивая руки.

— Вы ведь не злые люди? — прозвучал ее голосок, так же ласкавший слух, как и ее итальянская речь. — Вы меня не обидите? Вас не надо бояться?

— Будь спокойна, — ответил граф по-итальянски. — Мы пришли к тебе, как друзья, друзьями тебе и останемся.

Полюбовавшись прелестной девочкой, он спросил:

— Как тебя зовут, крошка?

— Нина.

— Так вот, Нина, можешь ли ты сказать, где мы?

— На Маддалене, — ответила она, — я тут была, как вдруг все кругом стало совсем по-другому!

Маддалена — остров, расположенный неподалеку от Капреры, на севере от Сардинии, тоже исчезнувшей во время катастрофы.

На расспросы графа Нина дала вполне разумные ответы. Выяснилось, что девочка осталась одна на островке и что родителей у нее нет; она пасла козу помещика, а во время катастрофы все кругом затопило море, кроме вот этого клочка земли, и спаслись только Нина и ее любимица — козочка Марзи; сначала Нина

очень испугалась, но скоро успокоилась и, поблагодарив господа бога за то, что земля под ногами больше не трясется, стала жить здесь вместе с Марзи. К счастью, у них оставалась еда, которой хватило до сегодня, и Нина все надеялась, что к островку подойдет корабль. А раз уж корабль пришел, она только того и просит, чтобы ее взяли с собой, но непременно вместе с козочкой, и чтобы их, когда можно будет, отвезли домой, на ферму.

Гектор Сервадак обнял девчурку, воскликнув:

— На Галлии есть еще одна жительница, и премилая!

Через полчаса Нина и Марзи были водворены на шкуне, где, разумеется, их ждал самый теплый прием. «Найденное дитя к счастью», — говорили на борту «Добрыни». Русские матросы, люди верующие, считали, что им ниспослан ангел-хранитель, и кое-кто из них украдкой посматривал, нет ли у девочки за спиной крылышек! С первых же дней они стали между собой называть ее «благовестницей».

Через несколько часов шкуна потеряла из виду Маддалену и, спустившись к юго-востоку, взяла курс вдоль новой береговой полосы, отстоящей на пятьдесят лье от прежних берегов Италии. Итак, на месте бесследно исчезнувшего Апеннинского полуострова возник новый материк. На широте Рима образовался огромный залив, и площадь его была значительно больше, чем площадь Вечного города. Далее, новая береговая полоса опять перерезала прежнее море на широте Калабрии и тянулась до самой оконечности Апеннинского сапога. Не было уже ни Мессинского пролива, ни Сицилии, даже вершина огромной Этны, и та не выступила из воды, хотя когда-то высота вулкана достигала трех тысяч трехсот пятидесяти метров над уровнем моря.

А пройдя еще шестьдесят лье на юг, экипаж «Добрыни» снова увидел пролив, который чудом открылся перед ними во время бури и который на востоке вливался в море у Гибралтара.

Берега от этого пункта до залива Габес представляли собой уже обследованную часть Средиземноморского бассейна. Поэтому Прокофьев, дорожа временем,

повернул судно к параллели, проходившей через еще не исследованные берега.

Наступило 3 марта.

Береговая полоса, граничившая с Тунисом, пересекала провинцию Константину на широте оазиса Зибан. Затем она круто поворачивала к тридцать второй параллели и снова поднималась, образуя залив неправильной формы, обрамленный огромными кристаллообразными сростками все той же горной породы. Отсюда берег простирался еще почти на десять лье, пересекал площадь бывшей алжирской Сахары и южнее острова Гурби заканчивался клином, который мог бы служить естественной границей с Марокко, если бы Марокко еще существовало.

Таким образом, «Добрыне» пришлось подняться на север, чтобы обогнуть этот клин. Огибая его, наши исследователи стали очевидцами извержения вулкана, впервые установив, что на поверхности Галлии существуют вулканы.

Клинообразный мыс венчала огнедышащая гора высотой в три тысячи футов. Это был действующий вулкан, так как кратер его курился.

— Значит, у Галлии есть очаг подземного огня! — воскликнул Сервадак, когда вахтенный матрос возвестил о замеченном вулкане.

— А почему это вас удивляет, капитан? — ответил граф. — Ведь Галлия оторвалась от земного шара, и если вместе с ней отделилась часть земной атмосферы, морей и материков, то разве она не могла унести с собой и часть раскаленного ядра Земли?

— Весьма небольшую часть! — ответил капитан Сервадак. — Но для нынешнего населения Галлии ее, пожалуй, хватит!

— Кстати, капитан, — сказал граф, — наше кругосветное плавание снова приведет нас к Гибралтару; как вы полагаете, не нужно ли сообщить англичанам о новом положении вещей и обо всех последствиях, из него вытекающих?

— К чему? — ответил Сервадак. — Англичане знают, где находится Гурби, и, если им вздумается, они сами могут туда явиться. Нет оснований считать их

обездоленными людьми, которым нужна помощь. Напротив! Они всем обеспечены и надолго. От них до нашего острова сто двадцать лье самое большее, и, коль скоро море замерзнет, они могут к нам присоединиться, когда пожелают. По чести говоря, мы не можем похвалиться оказанным нам приемом, зато когда они пожалуют к нам, вот тогда мы и отомстим...

— Тем, что примем их гораздо радушнее, не правда ли? — спросил граф.

— Совершенно верно, граф, — ответил Сервадак, — ибо поистине нет здесь ни французов, ни англичан, ни русских...

— Ох, — сказал граф, покачав головой, — англичанин всегда и везде остается англичанином!

— Ну что ж, — возразил Гектор Сервадак, — это их недостаток, но и достоинство!

На том и порешили: не делать никаких шагов к сближению с маленьким гибралтарским гарнизоном. Впрочем, другое решение нельзя было бы осуществить: шкуна могла приблизиться к английскому острову только с большим риском для себя.

Дело в том, что температура неуклонно падала. Лейтенант Прокофьев не без тревоги заметил, что море вокруг шкуны с минуты на минуту может замерзнуть. Кроме того, из-за усиленного расходования угля бункеры мало-помалу пустели, и надо было беречь топливо. Лейтенант высказал эти соображения, бесспорно весьма веские, и, обсудив их, путешественники решили прервать кругосветное плавание на широте мыса, где находился вулкан. По другую сторону мыса берег спускался к югу, уходя далеко в необозримые просторы моря. Вести «Добрыню» через замерзающий океан, когда его запасы угля иссякли, было бы неосторожно и привело бы к самым плачевным последствиям. Кроме того, по всей вероятности, в этой части Галлии, ранее занимаемой африканской пустыней, окажется та же почва, что и на всем побережье, почва, не поддающаяся никакой обработке, лишенная воды и совершенно бесплодная. Поэтому было целесообразнее отложить экспедицию до лучших времен.

Итак, в этот день, 5 марта, путешественники решили не поворачивать на север и вернуться на остров Гурби, до которого оставалось не больше двадцати лье.

— Бедняга Бен-Зуф! — сказал Сервадак, который часто вспоминал о своем денщике во время пятинедельного плавания. — Только бы с ним не стряслось чего-нибудь худого!

Рейс между мысом вулканического происхождения и Гурби ознаменовался только одним происшествием. Шхуна выудила из моря второе послание таинственного ученого; повидимому, он сумел рассчитать все отрезки пути Галлии, наблюдая день за днем ее движение.

На рассвете был замечен предмет, плававший на поверхности воды. Его выловили. На этот раз традиционную бутылку заменил маленький, герметически закрытый бочонок из-под консервов; но и на этот раз находка «Добрыни» была запечатана воском с оттиснутыми на нем инициалами, уже знакомыми по выловленному раньше футляру от подзорной трубы.

— От того же к тем же! — сказал капитан Сервадак.

Бочонок осторожно вскрыли и нашли документ следующего содержания:

«Галлия(?)
Ab sole 1 марта, расст.: 78 000 000 л.!
Путь, пройденный с февр. по март: 59 000 000 л.!
Va bene! All right! Nil desperandum! [1]
Весьма рад!»

— И ни адреса, ни подписи! — воскликнул Сервадак. — Ну как не поверить, что это просто мистификация!

— Тогда это мистификация, размноженная в большом количестве экземпляров, — ответил граф Тимашев, — потому что, если нам дважды попался такой странный документ, значит его составитель все море забросал бочонками из-под консервов и футлярами!

---

[1] Не теряйте надежды *(итал.)*.

— Но что за сумасброд этот ученый, он даже не потрудился указать свой адрес!

— Адрес? Ищите его в колодце звездочета! — ответил граф, намекая на известную басню Лафонтена.

— Вполне возможно, но где колодец?

Вопрос капитана Сервадака остался без ответа. Может быть, составитель документа жил на каком-нибудь уцелевшем островке, который пока еще не попадался «Добрыне»? А может быть, на борту другого корабля, тоже совершавшего плавание по новому Средиземному морю? Но кто мог это знать!

— Во всяком случае, — заметил Прокофьев, — если документ составлен не ради шутки, а это доказывают приводимые в нем цифры, то он позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, скорость Галлии уменьшилась на двадцать три миллиона лье, так как путь, пройденный ею с января по февраль, равнялся восьмидесяти двум миллионам лье, а в феврале — марте она прошла только пятьдесят девять миллионов лье. Во-вторых, расстояние Галлии от Солнца, к пятнадцатому февраля исчислявшееся только в пятьдесят девять миллионов лье, к первому марта достигло семидесяти восьми миллионов лье, то есть возросло на девятнадцать миллионов лье. Стало быть, по мере того как Галлия удаляется от Солнца, скорость ее движения по орбите уменьшается, что в точности соответствует законам небесной механики.

— Что же отсюда следует? — спросил граф Тимашев.

— Что мы, как я уже говорил, движемся по эллиптической орбите; однако мы не в состоянии определить ее эксцентриситет.

— Замечу, между прочим, — сказал граф, — что автор записки все время употребляет название «Галлия». Предлагаю присвоить его нашей новой планете, а море назвать «Галлийским морем».

— Хорошо, — ответил лейтенант Прокофьев, — под этим названием я и нанесу его на новую карту.

— А я, — добавил капитан Сервадак, — скажу вот что: право же, наш ученый молодчина, — он решительно от всего в восторге! Это мне нравится, и от-

ныне, что бы ни случилось, я буду повторять его слова всегда и везде: «Nil desperandum!»

Через несколько часов вахтенный матрос оповестил наконец, что на горизонте виден остров Гурби.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

повествующая о приеме, оказанном генерал-губернатору острова Гурби, и о событиях, произошедших во время его отсутствия

Шкуна начала свое плавание 31 января, а прибыла на остров Гурби 5 марта, через тридцать пять суток: по земному летоисчислению это был високосный год. Но земным тридцати пяти суткам соответствовали семьдесят галлийских, потому что Солнце прошло через меридиан острова семьдесят раз.

С волнением возвращался Сервадак к последнему уцелевшему клочку алжирской земли. Не раз во время долгого плавания задумывался он над тем, найдет ли Гурби на месте, а там и верного Бен-Зуфа. После космического переворота, так глубоко изменившего поверхность Галлии, у капитана были все основания тревожиться.

Но опасения Сервадака не оправдались — остров Гурби стоял на своем месте. Еще издали, приближаясь к гавани в устье Шелиффа, Сервадак заметил (подробность довольно забавная!), что в футах ста над землей нависло странное облако. Когда же шкуна подошла к берегу на несколько кабельтовых, мнимое облако оказалось плотной массой, которая плавно опускалась и поднималась в воздухе. Тут только Сервадак понял, что это не скопление паров, а стая птиц, движущихся сплошной стеной, точно сельдь, когда она идет косяком в воде. Из этой огромной тучи доносился пронзительный писк, на который отвечали частые ружейные выстрелы.

Шкуна салютовала из пушки, давая знать о своем прибытии, и бросила якорь в маленькой гавани у устья Шелиффа.

Навстречу «Добрыне» выбежал человек с ружьем и одним прыжком очутился на прибрежных скалах.

Это был Бен-Зуф.

Сначала он встал на вытяжку на дистанции в пятнадцать шагов, выпучив глаза, «согласно уставу и насколько это позволяет телосложение», как говорят сержанты, обучая рядовых, и проделал весь церемониал, принятый при встрече высокопоставленных лиц. Но солдатское сердце не выдержало, и Бен-Зуф кинулся целовать руки своему капитану.

Но тут же, вместо обычных приветственных фраз: «Как я рад вас видеть!» или: «Как я беспокоился за вас!» или: «Как вы долго не возвращались!», Бен-Зуф разразился криками:

— Ах, негодяи! Ах, разбойники! Хорошо, что вы приехали, господин капитан! Ох, они, налетчики! Пираты! Подлые бедуины!

— Погоди, Бен-Зуф, на кого ты кричишь? — спросил Гектор Сервадак, которого витиеватые проклятья денщика навели на мысль, что остров разгромила шайка арабов.

— На кого ж еще, как не на этих окаянных птиц! — отвечал Бен-Зуф. — Целый месяц я извожу на них порох, сколько уже их перебил, а они снова налетают! Дайте им только волю, этим кабилам в перьях и с клювами, — они не оставят на острове ни зернышка!

Вслед за капитаном Сервадаком на берег сошли граф Тимашев с лейтенантом Прокофьевым, и все трое убедились, что Бен-Зуф нисколько не преувеличивает. Хлеб, созревший так быстро во время январской жары, когда Галлия проходила через свой перигелий, теперь истребляли целые тучи птиц. Прожорливые пернатые покушались и на собранный урожай, а это представляло серьезную опасность. Мы говорим «собранный урожай», потому что Бен-Зуф не сидел сложа руки: на сжатом поле стояли большие скирды хлеба.

Всех этих птиц Галлия унесла с собой, отколовшись от земного шара. Они, естественно, слетались на остров Гурби, так как нашли здесь поля, луга, пресную воду, повидимому, им негде было больше сыскать себе пропитание. Но голодные птицы собирались жить на счет

людей, и с этим приходилось бороться самым решительным образом.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Гектор Сервадак.

— Да что же это я! — спохватился Бен-Зуф. — Не спросил вас даже, как они там, наши товарищи в Африке?

— Они и сейчас в Африке, — ответил Сервадак.

— Славные ребята!

— Вот только Африки нет! — добавил капитан.

— Как так? А Франция?

— И Франции нет! Она очень далеко от нас, Бен-Зуф!

— А Монмартр?

Это был крик души. И Сервадак в нескольких словах объяснил денщику, что Монмартр, а с ним и Париж, и Франция, и Европа, да и весь земной шар находятся в восьмидесяти миллионах лье от острова Гурби. Следовательно, надо оставить надежду когда-нибудь вернуться на Землю.

— Ну нет, как бы не так! — воскликнул Бен-Зуф. — Я, уроженец Монмартра, Лоран, по прозвищу Бен-Зуф, не увижу больше Монмартра? Пустяки, господин капитан, не в обиду будь вам сказано, совершеннейшие пустяки!

И Бен-Зуф покачал головой с таким упрямым видом, что разубеждать его было бы совершенно бесполезно.

— Хорошо, дружище, — ответил капитан Сервадак, — надейся сколько твоей душе угодно. Никогда не надо отчаиваться! Наш неизвестный корреспондент даже сделал эти слова своим девизом. А пока будем устраиваться на острове так, словно нам предстоит прожить здесь всю жизнь.

Оживленно беседуя, капитан Сервадак и его спутники подошли к гурби, который Бен-Зуф отстроил заново. Караульня содержалась в полном порядке, Зефир и Галета были выхолены и сыты. Свою скромную хижину Гектор Сервадак предоставил гостям и малютке Нине с козочкой Марзи. По дороге Бен-Зуф уже успел

звонко расцеловать и девочку и козу, которые сразу полюбили его.

Затем в гурби состоялся совет, — надо было обсудить план действий на первое время.

Самым важным был вопрос об устройстве жилища на острове. Как спастись от жестоких холодов во время полета Галлии по межпланетному пространству? И долго ли продержатся морозы? Это зависело от эксцентриситета астероида: могут пройти годы, пока астероид, двигаясь по новой орбите, снова приблизится к Солнцу. Топлива на острове было недостаточно, мало угля, мало деревьев; кроме того, не исключалась возможность, что вымерзшая почва станет бесплодной. Что делать? Как предотвратить нависшую опасность? Необходимо было найти выход, и немедленно.

Пока, правда, не предвиделось трудностей с запасами продовольствия в колонии. И, разумеется, недостатка в питьевой воде нечего было опасаться: по долинам протекали ручьи, и колодцы были полны водой. Кроме того, с наступлением холодов галлийское море замерзнет, и лед даст сколько угодно пресной воды, так как не содержит ни крупинки соли.

Что до пищи в прямом смысле этого слова, иначе говоря — белковых веществ, необходимых для питания человека, то ими островитяне были обеспечены надолго. Таким обильным источником питания служил, во-первых, собранный после жатвы хлеб, который оставалось только убрать в амбары, и, во-вторых, бродивший по острову скот. Возможно, что во время холодов почва вымерзнет, и новый урожай кормов для скота собрать не удастся. Следовательно, нужно было принять какие-то меры, и если бы островитяне смогли вычислить продолжительность обращения Галлии вокруг Солнца, они узнали бы, какое количество животных нужно сохранить для запасов мяса.

Население Галлии, не считая тринадцати англичан, живших на Гибралтаре и пока не нуждавшихся в помощи, состояло из восьми русских, двух французов и маленькой итальяночки. Таким образом, остров Гурби должен был прокормить одиннадцать человек.

Но едва Сервадак назвал эту цифру, как раздался голос Бен-Зуфа.

— Да нет же, господин капитан! Не хотел бы вам противоречить, но только счет неверен!

— Что ты хочешь сказать?

— Что нас двадцать два человека!

— Здесь, на острове?

— На острове.

— Может, ты соблаговолишь объясниться, Бен-Зуф?

— Я, господин капитан, не успел вас предупредить. Пока вас не было, к нам пожаловали гости!

— Гости?

— Да, да! Однако идемте, и вы тоже, господа русские! Увидите, сколько хлеба сжато, а ведь одних моих рук на это бы не хватило!

— Правда! — сказал Прокофьев.

— Идемте же, это недалеко. Всего два километра. Возьмем с собой ружья!

— Для чего же? Чтобы обороняться? — спросил Сервадак.

— Да не от людей! — отвечал Бен-Зуф. — От птиц, будь они прокляты!

И денщик повел за собой капитана Сервадака, графа Тимашева и лейтенанта Прокофьева, снедаемых любопытством. Нину с Марзи оставили в гурби.

По дороге капитан Сервадак и его спутники открыли ружейный огонь против пернатой стаи. Над их головой тучей нависли птицы, тысячами носились дикие утки, кулики, трясогузки, жаворонки, вороны, ласточки, вперемешку с морскими птицами — синьгами, чайками, бакланами, и множеством дичи — перепелами, куропатками, бекасами. Ружья били без промаха по огромной живой мишени, и птицы падали дюжинами. Это была не охота, а расправа со вторгшимися грабителями.

Бен-Зуф, чтобы не идти в обход по северному берегу острова, повел своих спутников наискосок через равнину. Два километра пешеходы прошли за десять минут благодаря потере в весе и приобретенной легкости. Они остановились подле большой рощи из

смоковниц и эвкалиптов, живописно раскинувшейся у подошвы холма.

— Ах, негодяи! Ах, разбойники! Бедуины! — завопил вдруг Бен-Зуф, топая ногами.

— Ты опять о птицах? — осведомился Сервадак.

— Да нет же, господин капитан! Я об этих проклятых бездельниках! Опять работу бросили! Смотрите сами!

И Бен-Зуф указал на валявшиеся на земле серпы, грабли и косы.

— Вот что, любезный, — заявил капитан Сервадак, которого разбирало нетерпение, — будет тебе нас морочить! Изволь-ка объяснить, о чем или о ком идет речь!

— Тсс! Слушайте, слушайте! — отвечал Бен-Зуф. — Уж я-то не ошибаюсь!

Все прислушались. Из рощи доносились звуки песни, звон гитары и ритмичное щелканье кастаньет.

— Испанцы! — воскликнул капитан Сервадак.

— А кто же еще? — ответил Бен-Зуф. — В них хоть из пушек пали, они все равно будут трещать своими погремушками!

— Откуда же они взялись?

— Послушайте-ка еще! Сейчас вступит старик.

Раздался другой голос; стараясь перекричать музыку, он яростно бранился.

Сервадак, как и все гасконцы, знал немного по-испански, поэтому слова песни были ему понятны:

Весел ты сигару куришь
И купаешься в вине,
Ну, а я мушкет сжимаю
И красуюсь на коне!

А старческий голос, перебивая песню, твердил на ломаном испанском языке:

— Верните деньги! Отдайте мои деньги! Вернете ли вы, наконец, мои деньги, подлые махо? [1]

Но певцы не унимались:

---

[1] Повесы *(исп.)*.

Славна Чиклана кувшинами,
Требухена — лишь пшеницей,
А в Сан-Лукар де Барамеда
Всех прекраснее девицы!

— Я заставлю вас вернуть мне деньги, мошенники! — снова заговорил голос под щелканье кастаньет.— Вы мне заплатите, клянусь богом Авраама, Исаака и Иакова, именем Христа и Магомета!

— Ого, черт возьми, да ведь это еврей! — воскликнул Сервадак.

— Это еще не беда, что еврей, — ответил Бен-Зуф, — я знавал евреев, которые умели делать добро людям. А этот из Германии, да еще из худших ее краев — вероотступник, у которого нет ни родины, ни совести.

Гектор Сервадак и его спутники хотели было войти в рощу, но остановились на опушке, пораженные потешным зрелищем. Испанцы плясали свой национальный танец фанданго, и так как на Галлии их вес уменьшился, они подпрыгивали чуть ли не на сорок футов в вышину. Зрители еле сдерживали смех при виде плясунов, взлетавших над кронами деревьев. Их было четверо дюжих молодцов; взявшись за руки, они увлекали с собой какого-то старика, и он то возносился вверх, то падал вниз — точь-в-точь Санчо Панса, ставший жертвой озорной шутки веселых суконщиков из Сеговии.

Гектор Сервадак, граф Тимашев, Прокофьев и Бен-Зуф, пробравшись сквозь чащу деревьев, очутились на маленькой полянке. Развалясь на траве и помирая со смеху, двое молодцов подстрекали танцоров. Один перебирал струны гитары, другой щелкал кастаньетами.

Увидев пришедших, музыканты перестали играть, а плясуны плавно опустились на землю вместе со своей жертвой.

Охрипший, взбешенный старик бросился к капитану Сервадаку и заговорил по-французски, но с сильным немецким акцентом:

— Ах, господин генерал-губернатор, меня хотят ограбить! Но, во имя всевышнего, свершите правосудие!

Сервадак оглянулся на Бен-Зуфа, как бы спрашивая, кому он обязан этим высоким званием, но денщик закивал, словно говоря: «Ну да, господин капитан, вы и есть здешний генерал-губернатор! Об этом уж я позаботился!»

Тогда капитан знаком велел старику замолчать; тот сложил руки и смиренно понурил голову.

Теперь можно было его рассмотреть.

Человек этот, — с виду лет шестидесяти, хотя на самом деле ему минуло только пятьдесят, — маленький, щуплый, с живыми и хитрыми глазами, горбоносый, с нечесанными волосами, с желтовато-седой бородкой, с большими ногами и длинными цепкими руками, воплощал в себе типические и всем знакомые черты ростовщика, которого нельзя спутать ни с кем. Это был скряга и стяжатель, с черствым сердцем и гибкой спиной, словно созданной для низких поклонов. Деньги притягивали его, как магнит железо, а со своих должников такой Шейлок готов был содрать шкуру. Среди магометан этот человек выдавал себя за магометанина, среди католиков за христианина, и, если бы это сулило ему барыш покрупнее, он стал бы язычником.

Его звали Исааком Хаккабутом. Он родился в Кельне, следовательно, прежде всего был пруссаком, а потом уже немцем Однако большую часть года, как он рассказал Сервадаку, Хаккабут плавал на своей тартане. Промышлял он главным образом торговлей в приморских городах. Эта тартана вместимостью в двести тонн — поистине пловучий магазин колониальных товаров — поставляла на побережье всевозможные изделия, начиная с серных спичек и кончая лубочными картинками из Франкфурта и Эпиналя.

«Ганза» служила Хаккабуту настоящим домом. Он жил на борту тартаны, потому что у него не было ни жены, ни детей. Экипаж из шкипера и трех матросов вполне справлялся с легким суденышком, плававшим вдоль берегов Алжира, Туниса, Египта, Турции, Греции и по левантийским портам. Хаккабут появлялся там с большими запасами кофе, сахара, риса, табака, тканей,

пороха; там он торговал, выменивал, сбывал старье и в конечном счете сильно наживался.

Когда разразилась катастрофа, «Ганза» стояла в Сеуте — крайней точке марокканского побережья. В ночь с 31 декабря на 1 января шкипер с матросами были на берегу и бесследно исчезли, как и многие другие. Но, как читатель помнит, катастрофа пощадила утес у Сеуты, расположенный напротив Гибралтара (хотя выражение «пощадила» здесь едва ли уместно); на этом утесе спаслись десять испанцев, которые не имели никакого представления о том, что произошло.

Эти крестьяне, андалузские «махо», беспечные по природе, бездельники по призванию, так же искусно владевшие навахой, как и гитарой, выбрали своим вожаком некоего Негрете, который прослыл среди них самым смышленым человеком лишь потому, что больше других шатался по свету. Велико было их смятение, когда они увидели, что остались одни без всякой помощи на Сеутском утесе. Правда, поблизости стояла «Ганза», и они не постеснялись бы захватить тартану и расправиться с ее владельцем, но никто из них не умел управлять судном. Однако нельзя же было всю жизнь прожить на скалах, и, когда иссякли запасы съестного, испанцы заставили Хаккабута взять их на борт «Ганзы».

Тем временем два английских офицера с Гибралтара нанесли Негрете визит, о котором уже упоминалось. О чем говорили англичане и испанцы, Хаккабут не знал. Как бы там ни было, после этой беседы Негрете вынудил Хаккабута поднять паруса, чтобы доставить его с товарищами поближе к марокканскому побережью. Хаккабут покорился, но по своей привычке из всего извлекать выгоду поставил условием, что испанцы заплатят ему за переезд; испанцы согласились и тем охотнее, что твердо решили не платить ни реала.

«Ганза» отчалила 3 февраля. Дул западный ветер, и управлять тартаной было легко; вся задача экипажа заключалась в том, чтобы вести судно по ветру. Неопытные моряки подняли паруса, сами не зная, что

ветер несет корабль к единственному месту земного шара, где их ждет спасение.

И вот в одно прекрасное утро Бен-Зуф увидел на горизонте непохожее на «Добрыню» судно, которое ветер вскоре пригнал прямо в Шелиффскую гавань, к бывшему правому берегу реки.

Рассказ Хаккабута дополнил Бен-Зуф, сообщив, что груз судна, еще нетронутый, может очень пригодиться островитянам. Разумеется, с Хаккабутом договориться нелегко, но, принимая во внимание обстоятельства, Бен-Зуф не видел большого греха в том, чтобы отобрать у него товары для общей пользы: ведь Хаккабуту все равно негде больше торговать.

— Что до тяжбы между хозяином «Ганзы» и его пассажирами, — добавил Бен-Зуф, — то мы поладили на том, что спор разрешит генерал-губернатор, когда вернется после осмотра своих владений.

Гектор Сервадак невольно улыбнулся, услышав объяснения Бен-Зуфа, однако обещал Хаккабуту, что с ним поступят по закону; этим он положил конец нескончаемым упоминаниям «бога Израиля, Авраама и Иакова».

— А все-таки, — сказал граф Тимашев, когда Хаккабут отошел в сторону, — как же эти люди с ним расплатятся?

— О, деньги у них есть! — ответил Бен-Зуф.

— У испанцев? — спросил граф. — Вряд ли!

— У них есть деньги, — повторил Бен-Зуф, — я сам своими глазами видел у них деньги, да еще английские!

— Ах вот оно что! — сказал Сервадак, вспомнив визит английских офицеров в Сеуту. — Ну что ж, пускай! Придет время — разберемся! А знаете, граф, ведь на Галлии есть уже представители многих европейских стран!

— Да, капитан, — ответил граф, — на этом осколке земного шара собрались вместе подданные Франции, России, Италии, Испании, Англии и Германии. Но Германия, надо признаться, плохо представлена!

— Не слишком ли многого мы требуем? — ответил Сервадак.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой капитан Сервадак единогласно избран генерал-губернатором Галлии, причем он и сам присоединяется к общему решению

«Ганза» доставила на остров десять испанцев, включая двенадцатилетнего Пабло, тоже спасшегося на Сеутском утесе. Они почтительно приветствовали капитана Сервадака, представленного им Бен-Зуфом в качестве «генерала-губернатора», и после его ухода снова принялись за работу.

А Сервадак и его спутники, за которыми на почтительном расстоянии следовал Хаккабут, направились к месту стоянки «Ганзы».

Теперь положение было ясно: от старого мира сохранилось всего пять островков — Гурби, Гибралтар, занимаемый англичанами, Сеута, покинутая испанцами, Маддалена, где экспедиция нашла маленькую итальяночку, и могила Людовика Святого у тунисского побережья. Вокруг этих уцелевших клочков земли раскинулось Галлийское море, включавшее примерно половину Средиземного моря и замкнутое со всех сторон отвесной грядой скал из неизвестной горной породы.

Только два острова Галлии были обитаемы: Гибралтар, где жили англичане, обеспеченные провиантом на много лет, и остров Гурби с двадцатью двумя жителями, которые должны были найти себе там пропитание. И где-то, на еще неведомом острове, жил, вероятно, последний из обитателей Земли — таинственный автор посланий, выловленных «Добрыней» из моря. Итак, население нового астероида состояло из тридцати шести душ.

Предположим, что весь этот народец в один прекрасный день очутился бы на острове Гурби, даже и тогда остров с его тремястами пятьюдесятью гектарами плодородной почвы, только что обработанной и хорошо возделанной, мог бы с избытком прокормить всех. Задача заключалась в том, чтобы узнать, когда эта почва снова станет производительной, иначе говоря,

сколько времени Галлия будет подвергаться воздействию холодов мирового пространства и когда приблизится к Солнцу настолько, чтобы снова воскресли ее жизнетворные силы.

Итак, галлийцам предстояло решить две задачи: первая — движется ли планета по кривой, которая снова приведет ее к источнику тепла, то есть движется ли она по эллиптической орбите? Вторая: если да, то какова протяженность орбиты, то есть через какой период времени Галлия, пройдя свой афелий, начнет вновь приближаться к Солнцу?

Но галлийцы, к несчастью, пока еще не располагали приборами для наблюдений и не в силах были решить ни той, ни другой задачи.

Им приходилось рассчитывать только на наличные запасы: запасов «Добрыни» — сахара, вина, водки, консервов и прочего — хватило бы на два месяца, и граф Тимашев предоставил все это в распоряжение островитян; затем существовал ценный груз «Ганзы», который Хаккабут рано или поздно, по доброй воле, или против воли вынужден будет отдать в общее пользование; и, наконец, на самом острове были запасы хлеба и скота, которые при разумном ведении хозяйства могли обеспечить нужды населения на долгие годы.

Об этих важных вопросах, конечно, и толковали капитан Сервадак, граф Тимашев, лейтенант Прокофьев и Бен-Зуф по дороге к морю. Граф сказал Сервадаку:

— Капитан, вас представили этим добрым людям как губернатора острова. Думаю, что вам следует и впредь сохранить за собой это звание. Вы француз, мы на земле бывшей французской колонии, а так как всякое объединение людей должен кто-то возглавлять, то я со своими людьми готов признать вас нашим главой.

— Что ж, граф, — ответил без колебаний капитан Сервадак, — я принимаю ваше предложение, а вместе с тем и всю связанную с ним ответственность. Позвольте мне выразить уверенность, что между нами будет царить полное единодушие и мы сделаем все возможное для общей пользы. Черт побери, кажется, самое трудное уже осталось позади! Я убежден, что

мы не ударим лицом в грязь, если уж нам суждено кончить наши дни вдали от рода человеческого!

С этими словами Гектор Сервадак протянул руку графу Тимашеву. Граф пожал ее, слегка поклонившись, и это было первое рукопожатие, которым они обменялись после встречи на острове Гурби. Впрочем, упоминание о прошлом соперничестве не могло и не должно было иметь места ни раньше, ни впредь.

— Сначала нужно решить один важный вопрос, — сказал капитан Сервадак. — Говорить ли испанцам, каково создавшееся положение?

— Ни за что, господин губернатор! — выпалил Бен-Зуф. — Они и так по природе своей народ ненадежный! А как узнают всю правду, так и вовсе впадут в отчаяние, — тогда какой от них прок!

— Кроме того, — заметил лейтенант Прокофьев, — они, повидимому, глубоко невежественны и ничего не поймут, если мы попытаемся объяснить им космический смысл событий.

— Не беда, если и поймут, — возразил капитан Сервадак. — Это их едва ли взволнует. Испанцы все немного фаталисты, как и восточные народы, а наши махо вряд ли особенно впечатлительны. Сыграют на гитаре, спляшут фанданго, пощелкают кастаньетами и обо всем позабудут. Ваше мнение, граф?

— Я думаю, что лучше сказать им всю правду, как я ее сказал моим людям.

— И я так думаю, — заметил Сервадак. — Нельзя скрывать опасность от тех, кому она угрожает. Как ни невежественны наши испанцы, они не могли не увидеть изменений физического порядка; заметили же они, что сократились сутки, что изменилось движение Солнца, что уменьшился вес предметов. Поэтому надо сказать им, что их унесло в пространство далеко от Земли и этот островок все, что от нее осталось.

— Вот и хорошо, — согласился Бен-Зуф, — на том и порешим. Скажем им все! Нечего загадки загадывать! Зато уж и полюбуюсь я на Хаккабута, когда он узнает, что наш добрый старый земной шар в нескольких сотнях миллионах лье отсюда! Да еще со всеми должниками, которых у такого матерого ростовщика,

должно быть, немало там осталось! Поди догони их, голубчик!

Хаккабут ничего не слышал, потому что шагов на пятьдесят отстал от Бен-Зуфа. Он шел сзади сгорбившись, охая, призывая всех богов на свете, но по временам его узкие живые глазки метали искры, а губы кривились, обнажая мелкие зубы.

Он не хуже других видел происшедшие перемены и не раз говорил о них с Бен-Зуфом, к которому старался подольститься. Но Бен-Зуф питал нескрываемую неприязнь к этому выродившемуся потомку патриарха Авраама. От расспросов ростовщика Бен-Зуф отделывался шутками. Так, он твердил, что Хаккабут только выигрывает от нового положения вещей, потому что проживет не сто лет, как это положено всякому уважающему себя сыну Израиля, а наверняка двести, причем, так как все стало легче, то и Хаккабуту будет легче нести бремя своих лет; или уверял, что если луна пропала, то старому скряге терять нечего, — ведь он едва ли давал кому-нибудь ссуду под луну; или доказывал, что если солнце садится там, где раньше вставало, то не иначе, как оттого, что его кресло переставили. Словом, Бен-Зуф нес всякую околесицу. Когда же Хаккабут становился особенно назойливым, Бен-Зуф неизменно отвечал:

— Погоди, старина, приедет генерал-губернатор, — человек он умный! Уж он тебе все растолкует!

— И прикажет охранять мои товары?

— А ты как думал, Неффалим? Да он скорее их конфискует, чем даст разграбить!

Под влиянием этих малоутешительных речей Хаккабут, которому Бен-Зуф присваивал то одно, то другое библейское имя, не без опасения ждал приезда губернатора.

Между тем Сервадак и его спутники подошли к морю. «Ганза» стояла на якоре как раз на половине гипотенузы образуемого берегами треугольника. Редкие прибрежные скалы плохо защищали тартану, она не имела укрытия и при первом же порыве западного ветра могла разбиться о камни. Разумеется, ее необ-

ходимо было рано или поздно отвести в устье Шелиффа, к стоянке русской шкуны.

При виде тартаны Хаккабут опять разразился жалобами и при этом так вопил и кривлялся, что Сервадак приказал ему замолчать. Граф с Бен-Зуфом остались на берегу, а капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев сели в шлюпку «Ганзы» и причалили к плавучей лавке.

Тартана оказалась в полной сохранности, значит не пострадал и груз. В этом легко было убедиться. В трюме хранились сотни сахарных голов, цыбики с чаем, мешки кофе, кипы табака, бутылки водки, бочки вина, кадки с копченой сельдью, куски тканей, тюки хлопка, шерстяная одежда, сапоги и шапки всех размеров, бумага, чернила, спички, всякие инструменты, хозяйственная утварь, фарфоровая и фаянсовая посуда, сотни килограммов соли, перца и других пряностей, голландские сыры и даже комплект льежского альманаха, — всего на сто с лишним тысяч франков. За несколько дней до катастрофы тартана взяла полный груз в Марселе, собираясь сделать рейс от Сеуты до Триполи, иными словами, объехать все места, где пронырливый и оборотистый Хаккабут имел возможность нажиться.

— Да это просто клад для нас! — сказал Сервадак.

— Если только владелец позволит им воспользоваться, — ответил Прокофьев, с сомнением покачав головой.

— Полноте, лейтенант, что же, по-вашему, станет он делать со своими сокровищами? Как только он узнает, что нет больше ни марсельцев, ни французов, ни арабов и ему больше некого надувать, он поневоле все распродаст.

— Право, не знаю. Но уж во всяком случае он потребует, чтобы ему за все заплатили... так или иначе!

— Что ж, мы и заплатим, выдадим векселя на наш старый мир!

— Собственно говоря, капитан, — продолжал Прокофьев, — вы имеете право реквизировать...

— Нет, лейтенант. Именно потому, что этот человек немец, я не хочу поступать с ним на немецкий манер. Повторяю: в скором времени он будет нуждаться в нас больше, чем мы в нем. Когда он узнает, что находится на новой планете и что, повидимому, нет надежды вернуться на старую, он спустит свои сокровища по сходной цене.

— Как бы там ни было, — ответил Прокофьев, — тартану нельзя оставлять здесь. Она погибнет при первом же шторме или ее раздавят льды, когда море замерзнет, — ведь зима не за горами!

— Хорошо, лейтенант. Вы и ваши матросы отведете тартану в Шелиффскую гавань.

— Завтра же, капитан, — ответил Прокофьев, — время не терпит.

Составив опись груза, капитан Сервадак и лейтенант отправились на берег. Затем было решено, что все соберутся в караульне, захватив по дороге испанцев. Губернатор предложил Хаккабуту отправиться вместе с ними; тот согласился, однако все время с тревогой оглядывался на свою тартану.

Через час в большом помещении караульни собралось двадцать два человека. Здесь юный Пабло впервые встретился с малюткой Ниной, которая, повидимому, была очень довольна, что нашла себе товарища по возрасту.

Капитан Сервадак обратился с речью к присутствующим и, стараясь говорить так, чтобы все его поняли, начал объяснять, в каком серьезном положении находится колония. Прежде всего губернатор объявил, что рассчитывает на самоотверженность и мужество колонистов и что теперь все обязаны трудиться для общего блага.

Испанцы выслушали его спокойно, они молчали, еще не понимая, что именно от них требуется. Однако Негрете счел нужным взять слово и сказал, обращаясь к капитану Сервадаку:

— Господин генерал-губернатор, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства, мы с товарищами хотели бы узнать, когда вы можете доставить нас в Испанию?

— Доставить в Испанию! Слышите, господин генерал-губернатор! — воскликнул Хаккабут по-французски. — Не бывать этому, пока они не заплатят мне свой долг! Эти негодяи обещали мне по двадцать реалов с человека за перевоз на «Ганзе». А их десять душ. Стало быть, они должны мне двести реалов, и я призываю в свидетели...

— Замолчишь ты, наконец, Мардохай! — крикнул Бен-Зуф.

— Вам заплатят сполна, — сказал капитан Сервадак.

— Вот это будет справедливо, — ответил Хаккабут. — За все надо платить, и, если русский князь соблаговолит уступить мне на время трех матросов, чтобы отвезти тартану в Алжир, я тоже заплачу... да, да, я им заплачу... лишь бы они не запросили слишком дорого!

— В Алжир?! — воскликнул Бен-Зуф не в силах больше сдерживаться. — Да знаешь ли ты...

— Бен-Зуф, разреши уж мне рассказать этим добрым людям то, чего они еще не знают, — прервал его капитан Сервадак и, перейдя на испанский язык, сказал: — Послушайте, друзья мои! Какие-то силы природы, пока нам неизвестные, оторвали нас от Испании, Италии, Франции, словом, от всей Европы. Из всех материков остался только этот остров, где вы нашли приют. Отныне мы находимся не на Земле, а, вероятно, на отделившемся от нее осколке; он уносит нас с собой в пространство, и увидим ли мы когда-нибудь наш старый мир, — предсказать невозможно!

Поняли ли испанцы объяснения Сервадака? Едва ли. Но только Негрете попросил его повторить сказанное.

Гектор Сервадак повторил, стараясь выражаться как можно яснее; он говорил образно, прибегая к сравнениям, понятным этим темным людям, и в конце концов добился того, что его поняли. Однако, посовещавшись о чем-то с Негрете, испанцы, казалось, отнеслись к сообщению Сервадака с полной беззаботностью.

Хаккабут выслушал капитана, не сказав ни слова, и только сжал губы, словно сдерживая улыбку.

Обернувшись к нему, Сервадак спросил, намерен ли он теперь после всего, что услышал, вести тартану в уже несуществующий Алжир.

На этот раз Хаккабут позволил себе криво улыбнуться, но так, чтобы испанцы этого не заметили, и заговорил по-русски, обращаясь к графу и матросам «Добрыни», в расчете, что остальные его не поймут:

— Все это неправда, — его превосходительство генерал-губернатор изволит шутить!

Граф Тимашев повернулся к нему спиной, не скрывая отвращения.

Тогда Хаккабут, подойдя к капитану Сервадаку, сказал по-французски:

— Рассказывайте ваши сказки испанцам, — они всему поверят, а меня не так-то легко провести!

Потом обратился к Нине по-итальянски:

— Ведь все это выдумки, верно, крошка?

И, пожимая плечами, Хаккабут ушел.

— Вот так штука! — удивился Бен-Зуф. — Эта скотина говорит на всех языках!

— Да, Бен-Зуф, — ответил Сервадак, — но на каком бы языке он ни изъяснялся — на французском, русском, испанском, итальянском или немецком, — он всегда говорит на языке чистогана!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

доказывающая, что тот, кто умеет смотреть вдаль, в конце концов непременно увидит свет на горизонте

На следующий день, 6 марта, капитан Сервадак, не заботясь больше о том, верит или не верит ему Хаккабут, приказал отвести «Ганзу» в устье Шелиффа. Впрочем, старик не возражал, потому что это делалось в его же интересах. Но втайне он надеялся сманить на тартану двух-трех матросов с «Добрыни» и бежать либо в Алжир, либо в другой порт на побережье.

К устройству зимовки приступили тотчас же. Работа давалась всем гораздо легче, чем раньше, так как

возросла мускульная сила людей. Колонисты уже привыкли к новым условиям и не замечали ни того, что уменьшилась сила тяжести, ни того, что воздух разрежен и дыхание их стало учащенным.

Испанцы не отставали от русских и усердно взялись за дело. Начали с караульни, — в ожидании лучших времен ее надо было приспособить под жилье для испанцев. Русские пока оставались на борту «Добрыни», а Хаккабут — на своей тартане.

Но и суда и каменный дом могли служить лишь временным пристанищем. Необходимо было до наступления зимы найти надежный приют от холода межпланетного пространства — теплое само по себе жилище, которое не нужно было бы отапливать.

Только глубокие ямы, вырытые в земле, наподобие тех, где хранится зерно, могли бы защитить островитян от холодов. После того как Галлия оденется толстым покровом льда, — а лед, как известно, плохой проводник тепла, — внутри этих ям, вероятно, установится сносная температура. Капитан Сервадак и его товарищи жили бы в этих норах, как настоящие пещерные люди, но у них не было выбора.

К счастью, галлийцы попали в лучшее положение по сравнению, например, с арктическими исследователями или китобоями полярных морей. У полярных зимовщиков под ногами чаще всего не суша, а вода. Они живут во льдах, и морские недра не спасут их от стужи. Они либо остаются зимовать на борту корабля, либо строят себе жилища из дерева и снега, плохо защищающие от холода при резком падении температуры.

А галлийцы зимовали на твердой земле, и если бы сумели вырыть себе пещеру глубиной в несколько сот футов, им нипочем были бы любые прихоти ртутного столбика.

Колонисты сразу же приступили к работе. Как помнит читатель, в гурби валялись всевозможные инструменты, брошенные когда-то саперами, — лопаты, кирки, заступы; вооружившись ими, русские матросы вместе с испанцами дружно взялись за дело под началом у десятника Бен-Зуфа.

Но инженера Сервадака и его работников постигло горькое разочарование. Землю начали рыть направо от караульни, подле небольшого бугра. В первый день у землекопов все шло гладко, но, пройдя в глубину на восемь футов, они наткнулись на такую твердую породу, что ее нельзя было пробить ни киркой, ни заступом.

Когда Бен-Зуф доложил об этом капитану Сервадаку и графу Тимашеву, они, придя на место работы, узнали в непроходимой горной породе тот же минерал, что на побережье и на дне Галлийского моря. Повидимому, кора Галлии всюду состояла из одного и того же вещества. У них не было средств выкопать яму поглубже. Даже порох не раздробил бы эту породу, превосходившую твердостью гранит, и взорвать ее удалось бы разве только с помощью динамита.

— Вот наваждение! — воскликнул Сервадак. — Что же это за минерал? И мыслимо ли, чтобы осколок нашего земного шара состоял из вещества, которого мы не знаем даже по названию?

— Непостижимо! — ответил граф. — Но если нам не удастся вырыть себе здесь пещеру, это верная гибель.

Действительно, если цифры, приведенные в послании неизвестного ученого, были правильны и расстояние между Галлией и Солнцем непрерывно увеличивалось согласно законам механики, то теперь оно равнялось примерно ста миллионам лье, то есть втрое превышало расстояние, которое отделяет Солнце от Земли, когда она проходит через свой афелий. Отсюда понятно, насколько уменьшилось количество тепла и света, получаемых от Солнца. Правда, вследствие того, что ось Галлии находилась под углом в девяносто градусов к плоскости ее орбиты, Солнце никогда не уходило с экватора астероида — благоприятное обстоятельство для острова Гурби, через который проходила нулевая параллель. В этом поясе стояло вечное лето, но все же при удалении Галлии от Солнца температура на острове Гурби неуклонно падала. В ущельях скал уже образовался лед, к великому удивлению маленькой итальяночки, а вскоре должно было замерзнуть и море.

С наступлением морозов, которые вскоре могли дойти до шестидесяти градусов по Цельсию, островитянам, не имеющим зимнего жилища, грозила неминуемая гибель. Температура в среднем держалась уже на шести градусах ниже нуля, а печь в караульне, хотя и пожирала много дров, обогревала плохо. Рассчитывать, что топлива хватит надолго, не приходилось; нужно было искать другое убежище, которое надежно защищало бы от холода, потому что в недалеком будущем на Галлии могли замерзнуть даже ртуть и спирт в термометрах.

Как мы говорили выше, «Добрыня» и «Ганза» даже сейчас не спасали от наступивших холодов; о зимовке на судах нечего было и думать. Да и вряд ли бы эти суда выдержали давление льдов.

Если бы капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев легко поддавались унынию, у них было бы для этого достаточно поводов. Что можно было придумать, когда необычайная твердость подпочвенных слоев препятствовала устройству подземных жилищ?

Между тем решение этой задачи не терпело отлагательства. Солнечный диск по мере удаления все уменьшался. В полдень его отвесные лучи еще немного согревали, зато ночью ощущался жестокий холод.

Сервадак и граф изъездили верхом на Зефире и Галете весь остров вдоль и поперек в поисках места для жилья. Лошади неслись, как на крыльях, перелетая через все препятствия. Но поиски были напрасны. Где бы ни пробовали рыть землю, всюду на глубине нескольких футов оказывалась все та же непроходимая порода. Пришлось отказаться от мысли о подземном жилище.

Тогда за неимением пещеры галлийцы решили зимовать в караульне, утеплив ее насколько возможно. Сервадак отдал приказ запастись дровами, собрать весь хворост и вырубить все деревья на равнине. Медлить было нельзя. Началась рубка леса.

И все-таки принятых мер было недостаточно. Сервадак и его товарищи понимали это с беспощадной

ясностью. Топлива хватит ненадолго. Скрывая терзавшее его беспокойство, капитан бродил по острову, повторяя про себя: «Что делать? Что бы такое еще придумать?»

Как-то, когда навстречу ему попался Бен-Зуф, Сервадак сказал:

— Тьфу, пропасть! Может быть, ты что-нибудь надумал?

— Нет, господин капитан, ничего не надумал, — вздохнул Бен-Зуф. — Ах, будь мы сейчас на Монмартре! Какие там есть удивительные, совершенно готовые каменоломни!

— Ну и олух, — сказал Сервадак. — На что были бы мне тогда твои каменоломни?

Между тем сама природа приготовила поселенцам Галлии прибежище от холода космического пространства. Вот как это обнаружилось.

Десятого марта лейтенант Прокофьев и капитан Сервадак обследовали юго-западный берег острова. По дороге зашла речь о том, какими страшными опасностями грозит им будущее. Завязался горячий спор, ибо каждый отстаивал изобретенное им средство спасения. Один упорствовал в неосуществимой идее соорудить подземную пещеру, другой силился обосновать свой способ отопления уже существующих наземных жилищ. Сторонником второго изобретения был Прокофьев и с жаром доказывал свою правоту, как вдруг остановился на полуслове. В эту минуту он стоял лицом к югу, и Сервадак увидел, что Прокофьев проводит рукой по глазам, как будто пытаясь снять с них пелену, и снова пристально всматривается вдаль.

— Нет! — вскричал он. — Мне не померещилось! Я вижу свет!

— Где?

— Вон там, смотрите сами!

— А ведь верно, — сказал Сервадак, тоже различая какой-то отблеск на небе.

Сомнений не было. На южной стороне горизонта виднелся свет — крупная блестящая точка, которая все разгоралась, по мере того как темнело.

— Не корабль ли это? — предположил Сервадак.

— Сказали бы лучше — пожар на корабле, — возразил Прокофьев. — Ведь на таком расстоянии нельзя различить даже самый яркий сигнальный фонарь, и уж во всяком случае он не бывает на такой высоте.

— К тому же, — согласился Сервадак, — огонь не двигается, а там вон, в тумане, как будто разливается зарево...

Оба напряженно всматривались вдаль еще несколько секунд. Затем капитана осенила догадка.

— Вулкан, — вскричал он, — это тот вулкан, мимо которого мы шли во время обратного рейса!

И Сервадак, словно охваченный вдохновением, продолжал:

— Лейтенант, вот оно, то жилище, которое мы ищем! Природа приготовила нам дом с даровым отоплением! Да, да! Для всех наших потребностей нам будет служить лава, неиссякаемая, раскаленная лава, вытекающая из кратера. Небо к нам благосклонно! Идемте же, идемте, лейтенант! Завтра мы должны уже быть на том берегу, и если потребуется, отправимся на поиски тепла, а стало быть, и жизни в самое чрево Галлии!

Слушая восторженные речи Сервадака, Прокофьев призывал на помощь свою память. Да, где-то здесь был вулкан, — это несомненно. Затем Прокофьев вспомнил, что на обратном пути к острову Гурби, когда шкуна шла вдоль южных берегов Галлийского моря, путь ей преградил длинный мыс, и она вынуждена была подняться до широты Орача. Здесь судно обогнуло высокую скалистую вершину, над которой курился дымок. А теперь дымок над кратером, очевидно, сменился пламенем раскаленной лавы, и этот огненный столб озарял южный небосклон, отражаясь в вечерних облаках.

— Вы правы, капитан, — сказал Прокофьев, — это, безусловно, вулкан. Завтра же мы его осмотрим!

Гектор Сервадак и лейтенант Прокофьев поспешили домой, в гурби, но поделились своими планами только с графом.

— Я поеду с вами, — сказал граф, — «Добрыня» в вашем распоряжении.

— Мне кажется, — ответил лейтенант Прокофьев, — что шкуну незачем брать. В такую хорошую погоду мы без труда пройдем восемь лье до вулкана и на катере.

— Что ж, делай, как знаешь, — сказал граф.

На «Добрыне», как и на многих роскошных яхтах, был быстроходный паровой катер с небольшим, но мощным котлом системы Ориоля. Лейтенант Прокофьев, не зная берегов, к которым собирался держать путь, предпочел шкуне легкий катер, позволявший без риска заходить в самые узкие бухты.

На следующий день, 11 марта, катер нагрузили углем, которого на «Добрыне» оставалось еще с десяток тонн. Затем капитан, граф и лейтенант отчалили от берегов Гурби к великому изумлению Бен-Зуфа, ибо на этот раз даже его не посвятили в тайну исследования вулкана. Зато Сервадак на время своего отсутствия передал денщику полномочия генерал-губернатора, чем Бен-Зуф был немало польщен.

Быстроходный катер меньше чем за три часа прошел тридцать километров между островом и мысом, где возвышался вулкан. Тогда стало ясно видно, что вершина вулкана вся в огне: извержение казалось очень сильным. Но отчего оно произошло? От того ли, что кислород земной атмосферы, унесенной Галлией, недавно соединился с выделявшимися из ее недр легковоспламеняющимися частицами? А может быть, — и это более вероятно, — вулкан Галлии, как и вулканы на Луне, имел свой собственный источник кислорода?

Катер шел вдоль берега, не находя места для высадки. Через полчаса невдалеке от вулкана удалось найти маленькую подковообразную бухту, где впоследствии могли бы стать на якорь и «Добрыня» и тартана, если бы это понадобилось.

Катер подошел к берегу, и его пассажиры высадились напротив того склона, по которому струился поток лавы прямо в море. Подойдя ближе, Сервадак и его товарищи, к своей великой радости, почувство-

вали, насколько стало теплее. Что ж, может быть, надеждам капитана суждено осуществиться! Может быть, в этом огромном массиве действительно существуют пещеры, которые удастся приспособить под жилье, — тогда галлийцы будут спасены от нависшей над ними грозной опасности...

И как же упрямо они искали, карабкаясь на самые крутые склоны, взбираясь по широким горным уступам, прыгая со скалы на скалу, словно проворные серны, от которых, казалось, они заимствовали свою чудесную легкость! Но под ногами у них была все та же горная порода, те же шестигранные сростки минерала, как и повсюду на Галлии.

И все-таки они искали не напрасно.

За огромной гранью утеса, верхушка которого врезалась в небо, как пирамида, открылась узкая галерея, подобие темной траншеи, пробитой сбоку горы. Они бросились к ее входу, расположенному метрах в двадцати над уровнем моря.

Сервадак и его спутники ползли на четвереньках в кромешной тьме, руками нащупывая стенки глухого туннеля и неровности почвы. По тому, как усиливался подземный гул, они понимали, что кратер где-то недалеко, но страшились только одного: а вдруг траншея заведет их в тупик и перед ними встанет сплошная стена.

И все же Сервадак чувствовал такую непоколебимую уверенность в успехе, что заражал ею своих товарищей.

— Вперед, вперед! — звал он. — В крайних обстоятельствах надо прибегать к крайним средствам. Здесь пышет жаром, стало быть, печка близко! Сама природа снабжает нас топливом. Теперь, черт возьми, мы славно погреемся!

Температура воздуха уже доходила до пятнадцати градусов выше нуля. Стенки извилистой галереи так раскалились, что к ним нельзя было прикоснуться рукой. Казалось, горная порода, из которой состоял массив, проводила тепло не хуже металла.

— Видите, видите, — твердил Сервадак, — тут у нас настоящее паровое отопление!

Вдруг за поворотом темная траншея озарилась ослепительным светом, хлынувшим из громадной пещеры, куда она выходила. Температура здесь была очень высокой, но вполне терпимой.

Какие же силы природы наделили пещеру, возникшую в толще горного массива, таким мощным источником света и тепла? Это объяснялось очень просто: над отверстием пещеры в море низвергался поток лавы. Поток этот напоминал водяную завесу Ниагарского водопада над знаменитым «Гротом ветров». Только здесь была не водяная, а огненная завеса, которая ниспадала потоками пламени у широкого выхода из пещеры.

— Милостивое небо, — воскликнул капитан Сервадак. — Это даже больше, чем я просил!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

о том, как в один прекрасный вечер природа порадовала обитателей Галлии неожиданным подарком

Так оно и оказалось: пещера была чудесным домом с даровым отоплением и освещением, где вполне хватило бы места для всего народа Галлии. Более того, жить в нем с удобством мог не только Гектор Сервадак со своими «подданными», как любил именовать их Бен-Зуф, но даже обе лошади и домашний скот нашли бы здесь приют от морозов до конца галлийской зимы, если, впрочем, ей когда-нибудь придет конец.

Собственно говоря, огромная пещера, — как обнаружили путешественники, — была центром, к которому сходилось десятка два галерей, разветвлявшихся внутри горного массива. Оттуда распространялся нагретый воздух, поддерживая равномерную, сравнительно высокую температуру. Теплом, казалось, дышали поры самой горной породы. Таким образом, до

тех пор, пока вулкан действует, все живые существа новой планеты могли обрести под этими мощными сводами надежное убежище от ненастья полярной зимы и холода космического пространства. Но, как справедливо заметил граф Тимашев, во время своего плавания вдоль берегов нового моря экспедиция не встретила больше ни одной огнедышащей горы, и если вулкан служил единственным клапаном для огненно-жидких масс внутри планеты, он не потухнет и через века.

Нельзя было терять ни одного дня, ни даже одного часа. Пока море еще не замерзло, следовало перевезти на шкуне людей и животных «на новую квартиру», переправить туда зерно и корм для скота, словом окончательно поселиться на «Теплой Земле», как с полным основанием назвали этот мыс с огнедышащей горой.

Катер в тот же день отвез капитана Сервадака и его спутников обратно на остров Гурби, а наутро начались сборы.

Предстояла долгая зимовка, и нужно было подготовиться ко всевозможным случайностям. Да, галлийцев ждала длительная, тяжкая, быть может вечная зимовка, гораздо более страшная, чем те шесть месяцев полярной ночи и морозов, которые проводят зимовщики в арктических морях! Разве можно предвидеть, через сколько времени Галлия освободится от своего ледяного панцыря? Разве можно утверждать с уверенностью, что она движется по замкнутой кривой и что путь по эллиптической орбите снова приведет ее к Солнцу?

Сервадак рассказал своим товарищам о сделанном им счастливом открытии, и они приветствовали название «Теплая Земля» восторженными кликами, — особенно пришлось оно по душе Нине и испанцам. Каждый должным образом возблагодарил провидение, так мудро устроившее мир.

В последующие три дня «Добрыня» совершил три рейса между островом Гурби и Теплой Землей. Нагруженный доверху, он прежде всего доставил зерно и фураж, которые засыпали в глубокие рвы, заменившие амбары. 15 марта в пещеры, ставшие хлевом в недрах горы, доставили быков, коров, овец и свиней, всего там

было около пятидесяти голов скота, оставленного для приплода. Стадо все равно погибло бы от холодов, поэтому решено было перебить остальной скот и запасти как можно больше мяса, тем более что в этом суровом климате оно могло храниться сколько угодно времени. Итак, галлийцы заготовили огромное количество припасов. Будущее было обеспечено. Во всяком случае, будущее нынешнего населения планеты!

Ну, а вопрос о напитках решался чрезвычайно просто: приходилось довольствоваться водой. Зато ее было вдоволь, летом благодаря обилию ручьев и колодцев на Гурби, а зимой благодаря морозу, который обращает в лед морскую воду.

Пока на острове шли сборы, капитан Сервадак, граф и лейтенант Прокофьев устраивали жилище на Теплой Земле. Надо было спешить, потому что лед теперь не таял даже в полдень под отвесными лучами солнца. Колонисты торопились воспользоваться морем для перевозки, пока оно не замерзло, чтобы потом не затрачивать лишних сил, перенося тяжести по льду.

Капитан Сервадак и его товарищи проявили немало изобретательности, приспосабливая под жилье различные пещеры. Они открыли еще новые подземные галереи. Гора напоминала исполинский улей со множеством ячеек. Для каждой пчелы, — мы хотим сказать для каждого колониста Теплой Земли, — здесь готов был дом и даже довольно удобный. Такое расположение пещер в горном массиве дало повод назвать его «Ульем Нины» в честь найденной итальяночки.

Первой заботой капитана Сервадака и его друзей было распределить вулканическое тепло, которое щедро и безвозмездно давала природа для повседневных нужд людей. Они пробили в стенах пещеры стоки для расплавленной лавы и отвели ее по канавкам повсюду, где нужно было тепло. Так, камбуз «Добрыни», перекочевав в одну из приспособленных для него пещер Улья Нины, отныне отапливался лавой, и повар Михайло очень ловко использовал это тепло.

— М-да, — говорил Бен-Зуф, — то-то был бы прогресс, кабы в нашем старом мире вместо парового отопления завели в каждом доме по даровому вулканчику!

В главной пещере, откуда лучами расходились подземные галереи, устроили общую комнату и поставили лучшую мебель из гурби и с «Добрыни». Паруса шкуны были сняты с рей и доставлены в Улей Нины, где они тоже могли пригодиться. Разумеется, в большом зале нашлось место и для судовой библиотеки с прекрасным подбором французских и русских книг. Меблировку зала дополняли стол, стулья и лампы, по стенам развесили географические карты.

Мы уже говорили, что огненная завеса, струившаяся над выходом из главной пещеры, и обогревала ее и освещала. Поток лавы низвергался в бассейн, окруженный мелкими рифами и, повидимому, не сообщавшийся с морем. Бассейн этот, хотя и небольшой, был настолько глубок, что казался бездонным; вода в нем, нагреваемая лавой, конечно, не могла замерзнуть, даже если бы замерзло все Галлийское море. Во второй пещере, расположенной в глубине, налево от общего зала, поселились капитан Сервадак и граф Тимашев. Прокофьев и Бен-Зуф заняли вдвоем нишу в скале направо, а за большим залом нашелся уголок, где устроили уютную комнатку для Нины. Русские матросы и испанцы обосновались в боковых галереях, куда проникало тепло из большой пещеры, что делало их вполне пригодными для жилья. Все это вместе взятое и составляло Улей Нины. Разместившись там, маленькая колония могла без страха ждать прихода долгой и суровой зимы, которая превратит их в узников Теплой Земли. Теперь им нечего было бояться, даже если Галлия достигнет орбиты Юпитера, где температура настолько низка, что не превышает одной двадцать пятой земной температуры.

Но что же делал Хаккабут в гавани острова Гурби, пока шли сборы к переезду, пока все, в том числе и испанцы, лихорадочно готовились к зимовке?

Недоверчивый и подозрительный старик не внимал никаким доводам, которыми из сострадания пыта-

лись его переубедить, и безотлучно сидел на тартане, трепеща над своими товарами, как скупой над сокровищами, ворча, охая, не сводя глаз с горизонта в тщетной надежде, что у берегов острова Гурби появится корабль. Впрочем, в Улье Нины отлично обходились без неприятной физиономии ростовщика и не жалели об его отсутствии. Хаккабут наотрез отказался торговать иначе как за наличные деньги. Тогда капитан Сервадак запретил что-либо покупать или брать у него в кредит. Он хотел дождаться того момента, когда упрямство Хаккабута будет сломлено необходимостью, когда его переубедит сама действительность, а этого ждать оставалось уже недолго.

Между тем Хаккабут явно не разделял общего мнения, что колонии угрожает серьезная опасность. Он был уверен, что живет попрежнему на земле, лишь частично пострадавшей от катастрофы, и надеялся рано или поздно любым способом уехать с острова Гурби и снова заняться торговлей на средиземноморском побережье. Не веря никому и ничему, он вообразил, что против него готовят заговор, чтоб завладеть всем его достоянием. Именно поэтому, подозревая обман, он не желал признать гипотезу, утверждавшую, что Галлия лишь осколок Земли, уносимый в межпланетное пространство; именно поэтому он день и ночь неусыпно стерег свое добро. Однако до сих пор все подтверждало, что в околосолнечном мире странствует новое небесное тело — новая планета, все население которой состоит из англичан на Гибралтарском утесе и колонистов с острова Гурби; Хаккабут мог сколько его душе угодно сидеть, наставив на горизонт древнюю подзорную трубу, похожую на дырявую дымовую трубу, — у берегов не появлялся ни один корабль и ни один купец не спешил обменять свое золото на сокровища «Ганзы».

Прослышав о планах на зимовку и о приготовлениях к переезду, Хаккабут сначала по своему обыкновению ничему не поверил. Но когда он увидел, как шкуна, нагруженная зерном и скотом, направлялась на юг, он убедился, что капитан Сервадак и его товарищи решили покинуть остров Гурби.

Тогда-то Хаккабута и одолели мучительные сомнения. Что ожидает его, беднягу, если все окажется правдой? Неужели он действительно на берегу не Средиземного, а Галлийского моря? Неужто никогда больше он не увидит свое отечество, свою добрую старую Германию? Неужто ему не суждено больше обсчитывать простаков покупателей на триполитанском и тунисском побережьях? Ведь ему грозит разорение!

Хаккабут стал чаще наведываться на берег, пытаясь вступать в разговор то с испанцами, то с русскими, но в ответ слышал лишь весьма соленые шутки на свой счет. Он попробовал улестить Бен-Зуфа, предложив ему несколько понюшек табаку, однако тот решительно отклонил его подношения, сославшись на «приказ начальства».

— Нет, старина Завулон, — говорил Бен-Зуф, — не возьму ни понюшки! Запрещено! Лопай сам свой товар, пей, нюхай его, Сарданапал ты этакий!

Сообразив, что надо действовать по пословице: «Не помогли святые угодники, так взывай прямо к богу», Хаккабут обратился к Сервадаку с вопросом, верны ли дошедшие до него слухи, и выразил надежду, что французский офицер не станет обманывать такого бедняка, как он.

— Ну да, черт возьми, все это истинная правда, — отвечал Гектор Сервадак, которому надоел вздорный старик. — Вы едва успеете перебраться в Улей Нины!

— Спаси и помилуй меня предвечный бог и Магомет, — пробормотал Хаккабут, и в этом возгласе выразилась вся сущность вероотступника-торгаша.

— Хотите, я дам вам матросов, и они отведут «Ганзу» в бухту у Теплой Земли? — предложил капитан Сервадак.

— Мне хотелось бы добраться до Алжира, — ответил ростовщик.

— Повторяю вам еще раз, что Алжира больше не существует!

— Во имя аллаха, возможно ли это?

— Спрашиваю в последний раз, хотите ли вы отвести тартану на Теплую Землю и зимовать с нами?

— Помилосердствуйте! Ведь там мое добро разграбят!

— Не хотите? Что ж, тогда мы отведем «Ганзу» в безопасное место без вас и против вашего желания!

— Без моего согласия, господин губернатор?

— Да, я не могу допустить, чтобы ценный груз бессмысленно погиб из-за вашего глупого упрямства.

— Вы меня разоряете!

— Вы скорее разоритесь, если мы оставим вас здесь, — ответил Сервадак, пожимая плечами. — А теперь убирайтесь к черту!

Хаккабут поплелся к своей тартане, воздевая руки к небу и негодуя по поводу неслыханной алчности «нечестивцев».

К двадцатому марта работы на острове Гурби закончились. Оставалось только перебраться на Теплую Землю. Термометр показывал в среднем около восьми градусов ниже нуля. Вода в колодцах превратилась в лед. Колонисты решили на следующий день погрузиться на «Добрыню» и переехать в Улей Нины. Заодно решили отвести туда же и тартану, несмотря на все возражения ее владельца. Лейтенант Прокофьев заявил, что если «Ганза» останется в Шелиффской гавани, она будет затерта льдами и неминуемо раздавлена. В бухте же Теплой Земли тартана будет лучше защищена, а если даже и погибнет, то удастся спасти хотя бы ее груз.

Вот почему сразу же после того, как шкуна отчалила, «Ганза» тоже снялась с якоря, невзирая на вопли и проклятия Хаккабута. Четверо русских матросов по приказу лейтенанта Прокофьева взошли на борт «Ганзы»; корабль-лавка, как назвал его Бен-Зуф, поднял паруса и, покинув стоянку у острова Гурби, направился на юг.

Трудно передать, какою бранью осыпал матросов жалкий скряга, с каким ожесточением он твердил, что ни в ком не нуждается и ни у кого не просит помощи. Он рыдал, стонал, всхлипывал, но сквозь притворные слезы его серые глазки метали искры. И если бы через три часа, после того как тартана пришвартовалась в бухте Теплой Земли и Хаккабут убедился, что он

вместе со своим имуществом находится в полной безопасности, кто-нибудь подошел бы к нему поближе, то был бы поражен, увидев, какой откровенной радостью горели глаза торгаша, когда он бормотал:

— Отвели судно задаром! Дураки! Идиоты! Ничего не взяли с меня за это!

В словечке «задаром» снова проявилась вся его сущность: он был не способен понять, что можно оказывать услуги бескорыстно.

Отныне и бесповоротно остров Гурби был покинут людьми. На последнем клочке французской колонии остались только птицы и те животные, которые ускользнули от загонщиков, но и они должны были замерзнуть. Не найдя другого пристанища, птицы снова слетелись на остров, и это лишний раз убеждало в том, что земля кругом бесплодна.

В этот день капитан Сервадак и его товарищи торжественно вступили во владение своим жилищем. Улей Нины понравился всем, и каждый радовался тому, как удобно, а главное как тепло в новом доме. Общей радости не разделял только Хаккабут; он не пожелал даже заглянуть вовнутрь и сидел один на тартане.

— Боится, должно быть, что его заставят платить за квартиру, — сказал Бен-Зуф. — Ну, да ладно! Придет час, когда он сам выползет из своего логова, мороз выгонит старую лисицу из норы!

Вечером в большом зале отпраздновали новоселье. За горячим ужином, приготовленным на огне вулкана, собралось все население Галлии. Во время пира не раз поднимали бокалы, в которых играло французское вино из погреба «Добрыни», — пили за здоровье генерал-губернатора и его «административного совета». Разумеется, Бен-Зуф принял добрую часть этих почестей на свой счет.

Ну и весело же было! Особенное оживление внесли испанцы: один взял гитару, другой кастаньеты, и все запели хором. Затем Бен-Зуф исполнил знаменитую «песенку зуава», широко известную во французской армии; но лишь тот, кто слышал ее в виртуозном исполнении денщика капитана Сервадака, способен оценить ее по достоинству:

Мисти гот дар дар тир лире,
Тир лир лир лирет лира.
Кипит игра,
Раздайся шире —
Нам забаву отыскал
Зубоскал.
Без конца под вой свинца скачи, гонцы!
Если поняли припев —
Вы молодцы!

Затем состоялся бал, бесспорно первый бал на Галлии. Матросы с «Добрыни» сплясали русскую и заслужили бурное одобрение публики даже после фанданго, изумительно исполненного испанцами. К концу вечера Бен-Зуф показал сольный номер, блеснув в модном танце, весьма принятом на Монмартре, с такой грацией и мужественной силой, что снискал самые искренние похвалы Негрете.

К девяти часам торжества окончились. Всем захотелось подышать свежим воздухом, потому что после танцев, особенно при здешней температуре, было очень жарко.

Шествие возглавлял Бен-Зуф; он вел своих приятелей по главной галерее, выходившей на побережье Теплой Земли. Капитан Сервадак, граф, лейтенант Прокофьев, не торопясь, шли позади. Вдруг до них донеслись крики. Они ускорили шаг; в сухом и чистом воздухе оглушительно, словно оружейная пальба, раздавались восклицания, однако вовсе не выражающие ужас: то были крики «ура» и «браво».

Подойдя к выходу из галереи, Сервадак и его спутники увидели, что все столпились на скалах, а Бен-Зуф в несказанном восторге замер, указывая рукой на небо.

— Ах, господин генерал-губернатор! Ах, монсеньер! — восклицал он в неописуемой радости.

— Ну же! Что там такое? — спросил капитан Сервадак.

— Луна! — отвечал Бен-Зуф.

Он сказал правду: из вечерней мглы выплыла Луна, впервые за все это время взойдя на небосклоне Галлии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

кончающаяся маленьким, но довольно любопытным опытом из области занимательной физики

Луна! Но если это Луна, то почему ее не было до нынешнего вечера? А если сейчас она явилась снова, то откуда? До сих пор Галлию в ее обращении вокруг Солнца не сопровождал никакой спутник. Неужели же вероломная Диана изменила Земле и перешла на службу к новому светилу?

— Нет, это немыслимо! — сказал лейтенант Прокофьев. — Земля удалена от нас на многие миллионы лье, и Луна попрежнему тяготеет к ней!

— Ах, лейтенант, — ответил Гектор Сервадак, — что мы знаем? Разве нельзя предположить, что Луна с недавних пор попала в сферу притяжения Галлии и стала ее спутником?

— Тогда бы она появилась раньше, — возразил граф, — и нам не пришлось бы ждать три месяца ее появления на этом горизонте.

— Что поделать, — сказал Сервадак, — по чести говоря, все, что с нами здесь происходит, более чем странно!

— Господин Сервадак, — вмешался лейтенант Прокофьев, — невозможно принять гипотезу, будто Галлия обладает столь мощной силой притяжения, что способна перетянуть к себе земного спутника!

— Хорошо, лейтенант, — ответил Сервадак, — а кто нам докажет, что те самые силы, которые оторвали нас от земного шара, не могли заодно совратить с пути истинного и Луну. Блуждая в пространствах солнечной системы, она пристала к нам и...

— Нет, нет, капитан, — прервал его Прокофьев, — есть совершенно неопровержимый довод против вас!

— Какой же?

— Масса Галлии бесспорно меньше массы спутника Земли, поэтому не Луна должна была бы стать спутником Галлии, а наоборот — Галлия стала бы спутником Луны!

— С этим я, пожалуй, соглашусь, — ответил Сервадак.—Тогда как доказать, что мы не стали луной Луны

и не сопровождаем земного спутника по межпланетному миру, если ему была предназначена новая орбита?

— Вам очень хочется, чтобы я опроверг и эту гипотезу? — спросил лейтенант Прокофьев.

— Нет, — улыбнулся капитан Сервадак, — потому что, если наш астероид действительно только спутник спутника, ему не понадобилось бы три месяца, чтобы пройти полпути вокруг Луны, и мы бы уже неоднократно видели ее после катастрофы.

Тем временем спутник Галлии, пока о нем спорили, быстро поднимался над горизонтом, что подтверждало последний довод Сервадака. Теперь планета вполне поддавалась наблюдению, и когда принесли подзорные трубы, стало совершенно ясно, что это отнюдь не прежняя Луна, не Феба земных ночей.

Дело в том, что хотя спутник Галлии и находился к ней ближе, чем Луна к Земле, он казался гораздо меньше Луны, — поверхность его была примерно раз в десять меньше земного спутника. Итак, сателлит Галлии представлял собой лишь уменьшенную копию Луны и так слабо отражал солнечный свет, что не затмил бы даже звезд восьмой величины. Галлийская луна взошла на западе как раз в точке противостояния с дневным светилом, — следовательно, было полнолуние. Спутать эту планету с Луной сейчас уже не смог бы никто. Сервадак поневоле признал, что на диске его нет ни морей, ни борозд, ни кратеров, ни гор — словом, ни одной из тех особенностей рельефа, так ясно видных в лунных картах. То не был кроткий лик Аполлоновой сестры, по одним преданиям — свежей и юной, по другим — старой и морщинистой, которая уже столько веков бесстрастно созерцает бытие смертных в подлунном мире.

Следовательно, на небосклоне сияла какая-то особенная луна, — по предположению графа, это мог быть астероид, притянутый Галлией, когда она проходила через пояс малых планет. Что же это за светило? Принадлежит ли оно к разряду ста шестидесяти девяти малых планет, уже подсчитанных современными астрономами, либо к другой, еще неизвестной их разновидности? Впоследствии, вероятно, удастся узнать и это.

Существуют совсем крохотные астероиды, и хороший ходок мог бы за сутки совершить пешком кругосветное путешествие по такому астероиду. Их масса значительно меньше массы Галлии, и сила ее притяжения способна была повлиять на это крошечное светило.

Первая ночь в Улье Нины прошла спокойно. На следующий день был окончательно установлен общий распорядок. «Монсеньер губернатор», как титуловал капитана Бен-Зуф, не терпел безделья. Пуще всего он боялся вредных последствий праздности. Поэтому он самым тщательным образом распределил ежедневные обязанности между всеми колонистами; работа нашлась для каждого. Много труда требовал уход за скотом. Кроме того, заготовление пищи впрок, рыбная ловля, пока море еще не замерзло, очистка подземных галерей, которые надо было сделать пригодными для жилья, — словом, множество ежедневно возникавших забот не позволяло никому сидеть сложа руки.

Надо сказать, что в маленькой колонии царило полное согласие. Русские и испанцы прекрасно ладили между собой и понемногу стали уже изъясняться на французском языке, так как он был признан официальным языком Галлии. Сервадак начал заниматься по всем предметам с Пабло и Ниной. А по части забав незаменим был Бен-Зуф. Он не только познакомил детей со своим родным языком, но и выучил их говорить на самом изысканном парижском диалекте. Он обещал сверх того, что поедет с ними в город, расположенный «у подножья горы», которому нет равных на свете. Бен-Зуф рисовал его в самых радужных красках, и читателю нетрудно догадаться, какой город подразумевал восторженный наставник Нины и Пабло.

К этому же времени удалось разрешить и один из вопросов этикета.

Как читатель помнит, Бен-Зуф представил вновь прибывшим жителям Галлии своего капитана в качестве генерал-губернатора колонии. Но не довольствуясь этим званием, Бен-Зуф кстати и некстати величал его «монсеньером». Гектор Сервадак, которому надоел этот неуместный титул, запретил Бен-Зуфу так его называть.

— А все-таки, монсеньер? — всякий раз отвечал Бен-Зуф.

— Замолчишь ли ты, дубина!

— Так точно, монсеньер!

Однажды, не найдя иного способа обуздать Бен-Зуфа, Сервадак сказал:

— Послушай, ты перестанешь называть меня монсеньером?

— Как вам угодно, монсеньер, — ответил Бен-Зуф.

— Да знаешь ли ты, упрямая твоя голова, какой проступок ты совершаешь?

— Нет, монсеньер.

— Так ты даже не знаешь, что значит это слово, и употребляешь его, не понимая смысла?

— Да, монсеньер.

— Так вот, — это слово по-латыни означает «мой старик», и, обращаясь так к своему начальнику, ты нарушаешь субординацию.

И уверяю вас, после этого урока из словаря Бен-Зуфа навсегда исчез титул, присвоенный капитану.

Между тем суровые холода, ожидавшиеся во второй половине марта, все не наступали, и новоселы, которым морозы грозили заточением в Улье Нины, даже совершали прогулки по побережью и вглубь нового материка. Они обследовали его в радиусе пяти-шести километров от Теплой Земли, но кругом простиралась все та же мрачная каменная пустыня, лишенная даже признака растительности. Замерзшие тоненькие ручейки и выпавший кое-где снег говорили о том, что на поверхности Галлии есть вода. Но сколько веков должно было пройти, чтобы в этом каменистом грунте могла пробить себе русло река и докатиться до моря! И что представлял собой тот однородный массив, которому галлийцы дали название Теплой Земли? Остров? Материк? Простирался ли он вплоть до Южного полюса? Галлийцы были лишены возможности ответить на этот вопрос, ибо никакая экспедиция не смогла бы пробраться сквозь непроходимый лес кристаллов.

Правда, капитан Сервадак и граф Тимашев соста-

вили себе общее представление о местности, осмотрев ее с вершины вулкана, расположенного на крайней оконечности мыса Теплой Земли. Высота вулкана достигала приблизительно девятисот или тысячи метров над уровнем моря. Это была огромная глыба сравнительно правильной формы, напоминающей форму усеченного конуса. У самого среза верхушки открывался узкий кратер, откуда извергалась расплавленная масса; над кратером клубился столб испарений, словно исполинский султан на шляпе.

Если бы такой вулкан вдруг оказался на земле, подниматься на него было бы трудно и утомительно. Его крутых склонов и гладких откосов не одолели бы самые завзятые альпинисты. Во всяком случае, такое восхождение далось бы нелегко и потребовало бы большой затраты сил. А на Галлии Сервадак и граф, благодаря тому, что значительно уменьшился их вес и увеличилась их мускульная сила, совершали чудеса ловкости и выносливости. Пожалуй, даже серна не прыгала бы с таким проворством, как они, со скалы на скалу, птица не перепорхнула бы легче с одного каменного зубца на другой над самой бездной. Они поднялись на вершину высотой в три тысячи футов всего за час, а добравшись до кратера, чувствовали усталость не большую, чем если бы прошли полтора километра по ровному месту. Нет, решительно, жизнь на Галлии при всех ее неудобствах имела свои достоинства!

Осмотрев местность с вершины горы в подзорную трубу, наши исследователи убедились, что общий вид астероида всюду совершенно одинаков. На севере — огромное Галлийское море, гладкое, словно зеркало; было почти полное безветрие, — казалось, весь воздух застыл от холода, царившего в верхних слоях атмосферы. В туманной дали чернела еле видная точка — остров Гурби. На востоке и западе расстилалась та же водная пустыня, безжизненная, как всегда.

На юг, далеко за линию горизонта, уходила Теплая Земля. Эта часть материка напоминала огромный треугольник, вершину которого и представлял собой

вулкан; основание же терялось вдали. Казалось, для человека, смотревшего вниз с высоты вулкана, неровности почвы должны были бы сглаживаться, однако Сервадак и граф ясно видели, что местность непроходима. Миллионы шестигранных призм торчали из-под земли, делая ее совершенно недоступной для пешехода.

— Воздушный шар или крылья! — воскликнул капитан Сервадак. — Вот что нам нужно, чтобы обследовать нашу новую территорию! Тьфу ты, пропасть! Нас носит по вселенной на какой-то кристаллической штуке. А уж она-то наверное представляет не меньший интерес, чем иные музейные редкости, хранящиеся под стеклом!

— Заметили вы, капитан, — сказал граф, — как отсюда ясно видна выпуклая поверхность Галлии? Стало быть, нас отделяет от линии горизонта сравнительно небольшое расстояние.

— Заметил, граф, — отвечал Сервадак. — Здесь повторяется то же явление, которое я наблюдал, глядя вниз со скал острова Гурби. А если бы с высоты в один километр смотрел наблюдатель на Земле, линия горизонта отстояла бы от него значительно дальше.

— Да, земной шар куда больше, чем наш галлийский сфероид, — сказал граф.

— Конечно, но Галлия достаточно велика для нынешнего населения. Правда, площадь плодородной земли на планете сводится всего к тремстам пятидесяти гектарам на острове Гурби.

— Да и то, капитан, эта земля родит только два-три летних месяца, а зимой будет бесплодна — почем знать? — на многие тысячи лет.

— Что же вы хотите, — улыбнулся Сервадак. — Нас поместили на Галлии, не спросив нашего согласия, остается только отнестись к этому по-философски!

— Не только по-философски, капитан, но и с благодарностью к тому, кто зажег лаву в этом вулкане. Мы бы погибли от холодов, если бы подземный огонь Галлии не нашел себе здесь выхода.

— И я твердо надеюсь, граф, что этот огонь не потухнет до конца.

— Какого конца?

— Какой будет угоден богу. Он знает, что нас ждет, ибо он один всеведущ.

Бросив последний взгляд на окружавшие их сушу и море, капитан Сервадак и граф Тимашев собрались было уходить. Но перед уходом они решили осмотреть кратер. Их поразило, что извержение вулкана носит до странности спокойный характер. Оно не сопровождалось грохотом и оглушительными взрывами, как обычно при извержении лавы и вулканических пород. Это относительное спокойствие не могло не привлечь внимания обоих исследователей. Лава даже не кипела. Жидкая раскаленная масса непрерывно заполняла кратер, переливаясь через его края, словно вода тихого озера, стекающая в канал. Да позволено будет такое сравнение: кратеру полагалось бы клокотать, как стоящему на огне котлу, из которого бежит кипящая ключом вода, а между тем он походил скорее на чашу, полную до краев, из которой вода струилась медленно, почти бесшумно. Итак, огнедышащая гора не выбрасывала никаких продуктов извержения, кроме лавы. С клубами дыма, венчавшими его верхушку, не вырывались ни раскаленные камни, ни пепел. Этим и объяснялось, что подножье вулкана не было засыпано кусками пемзы, обсидиана и других минералов вулканического происхождения, которые обычно усеивают подступы к вулканам. Не встречалось здесь и валунов, потому что Галлия никогда еще не носила на себе покрова ледников.

Как заметил Сервадак, своеобразный характер этого действующего вулкана служил счастливым предзнаменованием, вселяя надежду, что извержение будет длиться бесконечно долго. Любая крайность — будь то в человеческом чувстве или явлении природы — обречена на быстротечный конец. Всесокрушающие бури, равно как и неистовые страсти, никогда не бывают продолжительными. А здесь жидкий огонь струился так безбурно, так спокойно, что, казалось, его питает неистощимый источник. Тому, кто посетил Ниагарский водопад и любовался его водами, мирно ниспадающими по ступенчатому ложу потока, и в

голову не придет, что они когда-нибудь прекратят свой бег. Нечто подобное испытывали и люди, стоявшие на вершине галлийского вулкана, и поэтому не хотели верить, что лава из его кратера не будет течь вечно.

Этот же день был примечателен переходом одной из стихий Галлии в новое физическое состояние; на сей раз способствовали этому сами колонисты.

После их окончательного переселения с острова Гурби на Теплую Землю им было необходимо ускорить замерзание Галлийского моря. Путь по льду облегчал сообщение с островом, выиграли бы от этого и охотники, получив более обширное поле деятельности. Итак, в тот день капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев собрали все население на высокой прибрежной скале, которою заканчивался мыс.

Вода в море не застывала, хотя была довольно низкая температура. Это объяснялось ее полной неподвижностью: морскую поверхность не волновало ни малейшее дуновение ветра. Как известно, в этих условиях вода не превращается в лед даже при температуре на несколько градусов ниже нуля, но простого сотрясения достаточно для того, чтобы она мгновенно замерзла.

В назначенный час явилась также и маленькая итальяночка со своим юным другом Пабло.

— Поди сюда, моя голубка, — подозвал ее капитан Сервадак, — и скажи нам, сумеешь ли ты бросить в море кусок льда?

— Конечно, — ответила девочка, — но только мой друг Пабло бросил бы ледышку куда дальше!

— А ты все-таки попробуй!

И Гектор Сервадак вложил кусочек льда в детскую ручонку, сказав:

— Смотри во все глаза, Пабло! Увидишь, какая волшебница наша Нина!

Нина размахнулась, и льдинка полетела в водную гладь...

И тут же раздался оглушительный скрежет и треск, подхваченный где-то далеко, за пределами горизонта: вся вода на поверхности Галлийского моря мгновенно превратилась в лед!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о чрезвычайно важном событии, которое повергло в волнение всю галлийскую колонию

Двадцать третьего марта после захода солнца на противоположной стороне горизонта показалась Луна, и галлийцы увидели, что она вступила в последнюю четверть.

Таким образом, спутник Галлии за четыре дня перешел от фазы полнолуния к фазе последней четверти; это означало, что период видимости галлийской луны длится около недели, а лунный месяц — всего лишь пятнадцать, шестнадцать дней. Следовательно, лунный месяц на Галлии сократился вдвое, как и солнечные сутки.

Через три дня, 26 марта, Луна была уже в соединении с Солнцем и, померкнув в его лучах, стала невидимой.

— Вернется ли она? — с тревогой спрашивал Бен-Зуф, который особенно близко к сердцу принимал судьбу спутника Галлии, потому что первый возвестил появление Луны.

И в самом деле, после стольких необъяснимых космических явлений страхи Бен-Зуфа были довольно основательны.

Двадцать шестого марта при необыкновенно ясной погоде и сухом воздухе температура упала до двенадцати градусов ниже нуля.

На каком расстоянии от Солнца находилась теперь Галлия? Какой путь она прошла по своей орбите с того дня, которым помечена последняя записка неизвестного ученого? Ответить на этот вопрос не был в состоянии ни один из обитателей Теплой Земли. Видимое уменьшение солнечного диска уже не могло служить основой даже для самого приблизительного вычисления. К сожалению, таинственный астроном перестал сообщать о результатах своих наблюдений. Капитан Сервадак больше всех сокрушался о том, что оборвалась своеобразная переписка с земляком, — он по-

прежнему придерживался мнения, что автор записок — француз.

— Почем знать, — говорил капитан Сервадак, — может быть, наш астроном посылал нам письма в разных футлярах или бочонках, но они не дошли ни до острова Гурби, ни до Теплой Земли. А теперь море замерзло, и у нас нет никакой надежды получить весточку от этого чудака!

Как читателю уже известно, море действительно замерзло. Вода перешла из жидкого состояния в твердое при тихой погоде и при полном безветрии. Вследствие этого ледяной покров был гладким и ровным, точно на замерзшем пруде или катке клуба конькобежцев. Кругом ни единого бугорка, ни малейшей впадинки, ни одной трещины. От края до края тянулась зеркально-гладкая ледяная поверхность.

Как резко отличалась эта картина от вида полярных морей на Земле! Там льдины, айсберги, торосы под напором ветра ломаются и громоздятся друг на друга, ежеминутно теряя равновесие и опрокидываясь. Такие ледяные поля представляют собой беспорядочное скопление ледяных глыб, смерзающихся самым причудливым образом, и пловучих гор с шатким основанием, превосходящих высотой мачты крупных китобойных судов.

Ничто не постоянно в этих арктических или антарктических океанах; там все находится в вечном движении; ведь ледяной покров не обладает прочностью металла — поэтому при первом же порыве ветра, при легком колебании температуры картина сразу меняется. Это похоже на беспрерывную смену сказочно прекрасных декораций. Здесь же, на Галлии, морская гладь приняла устойчивую и определенную форму, более определенную, чем когда она была открыта для всех ветров. Она превратилась, — и надолго, вероятно, — в необозримую белую равнину, более плоскую, чем пески Сахары или русские степи. С усилением морозов панцырь, сковавший воды Галлийского моря, будет становиться все плотнее; он останется столь же твердым до наступления оттепели... если только оттепель когда-нибудь наступит!

Русские, привыкшие к виду северного моря, к его неровному ледяному покрову, с удивлением, но и с удовольствием смотрели на спокойную гладь застывшего Галлийского моря: его безукоризненно ровный лед сулил раздолье для конькобежцев. На «Добрыне» нашлись всех размеров коньки, которые и были предоставлены в распоряжение любителей этого спорта. Таких оказалось множество. Русские научили испанцев бегать на коньках, и вскоре в безветренные и ясные дни, когда мороз не слишком щипал щеки, не осталось ни одного галлийца, который не выписывал бы на льду изящнейшие пируэты. Малютка Нина и юный Пабло совершали чудеса ловкости, вызывая всеобщее одобрение. А капитану Сервадаку вообще легко давались все виды гимнастических упражнений, поэтому он вскоре достиг на этом спортивном поприще такого же совершенства, как его учитель граф Тимашев. Блистал своим искусством и Бен-Зуф; правда, ему и прежде уже не раз доводилось бегать на коньках на огромном монмартрском катке, который «ничуть не меньше моря»!

Этот сам по себе здоровый вид спорта был полезен еще и тем, что отвлекал жителей Теплой Земли от мрачных мыслей. Кроме того, коньки могли служить быстрым способом передвижения. Так, лучший конькобежец Галлии — лейтенант Прокофьев — неоднократно пробегал на коньках расстояние между Теплой Землей и островом Гурби, то есть десять лье за два часа.

— Вот что заменит на Галлии железные дороги старого мира, — шутил капитан Сервадак. — В сущности коньки те же рельсы, только укрепленные на ноге путешественника и передвижные!

Между тем температура неуклонно падала, и термометр показывал в среднем пятнадцать — шестнадцать градусов мороза. С уменьшением тепла уменьшалась и сила света, точно Луна все время закрывала собой солнечный диск, как при солнечном затмении. На все окружающее легла какая-то мрачная тень, навевая тоску. Это вызывало у всех состояние

душевной подавленности, с которым приходилось бороться. Но разве могли изгнанники земного мира, прежде находившиеся в гуще кипучей человеческой деятельности, не ощущать пустоты, царившей вокруг них? Разве они в силах были забыть о том, что Земля, уже сейчас находящаяся на миллионы лье от Галлии, продолжает удаляться? Разве они смели надеяться увидеть Землю снова, когда оторвавшийся от нее осколок уносил их все дальше в межпланетное пространство? И кто мог утверждать, что этот осколок не покинет когда-нибудь пределов солнечной системы и не унесется в звездные миры, где станет вращаться вокруг нового солнца?

Пожалуй, из всей галлийской колонии только граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев отдавали себе отчет в происходящем. Тем не менее их товарищи, хотя и не посвященные в тайны грозного будущего, смутно чувствовали, что происходит нечто беспримерное в истории человечества. Так возникла необходимость отогнать от них мрачные мысли, заставляя их то учиться, то развлекаться, а катание на коньках внесло приятное оживление в однообразие трудовых будней.

Сказав, что все жители Теплой Земли в большей или меньшей степени увлеклись этим спасительным занятием, мы, конечно, не имели в виду Хаккабута.

Дело в том, что Хаккабут, несмотря на сильные морозы, ни разу не показывался с той самой поры, как его привезли на Теплую Землю. На «Ганзу» никто не заглядывал, потому что Сервадак строго запретил общаться с Хаккабутом. Но судя по тому, что из трубы, выведенной из его каюты, шел дымок, хозяин тартаны никуда не отлучался. Как ни старался он беречь топливо, он сам себя вводил в расход, отказываясь перейти в Улей Нины, где к его услугам было даровое отопление лавой. И все же он предпочитал жечь свой уголь, лишь бы не расставаться с «Ганзой». Кто бы тогда охранял драгоценный груз на его судне?

Впрочем, тартана и шкуна были установлены таким образом, что могли выдержать длительную зимовку, — об этом позаботился лейтенант Прокофьев. Оба судна

прочно стояли в бухте, закованные в ледяную броню. Но в целях предосторожности галлийцы, по примеру зимовщиков в полярных морях, обкололи лед вдоль корпусов обоих судов. При этом лед скопляется только под килем и не давит на бока корабля, грозя раздробить судно на мелкие щепки. Если же уровень ледяной поверхности моря поднимется, то вместе с ним поднимутся шкуна и тартана, а после таяния они, надо полагать, восстановят свою нормальную осадку.

Итак, Галлийское море уже замерзло на всем протяжении, и, посетив остров Гурби, Прокофьев убедился в том, что необозримый ледяной покров простирается на север, восток и запад.

Лишь один уголок огромного водного бассейна составлял исключение — то озерко у центральной пещеры, куда ниспадал огненный поток расплавленной лавы. Здесь, среди скал, вода не замерзала, и ледяная корочка, образующаяся на морозе, мгновенно растапливалась. При соприкосновении с лавой вода закипала и на ее клокочущей поверхности непрерывно всплывали пузырьки. Казалось бы, этот сохранившийся кусочек моря должен был бы привлекать рыболовов, но, как говорил Бен-Зуф, «вареная рыба не клюет».

В первых числах апреля погода переменилась, небо стало пасмурным, однако температура не поднималась. Дело в том, что падение температуры зависело здесь не от каких-либо особых атмосферных условий или от большей или меньшей влажности воздуха. В полярных областях земного шара, подверженных влиянию атмосферных условий, скачки температуры целиком зависят от того, куда перебросится ветер. На Галлии этого быть не могло. Холод, царивший на новом сфероиде, не давал значительных колебаний температуры, так как вызывался постепенным удалением планеты от источника света и тепла; он должен был непрерывно усиливаться до тех пор, пока не достигнет температуры, являющейся, по данным Фурье, предельной температурой мирового пространства.

Примерно тогда же, в начале апреля, разразилась настоящая буря; то была буря без дождя и снега, но

ветер бушевал с небывалой силой. Ворвавшись в пещеру, служившую общим залом, ураган привел к самым неожиданным последствиям: он с такой силой оттеснил внутрь огненную завесу, ниспадавшую над наружным выходом из зала, что пришлось спасаться от вторжения раскаленной лавы. Зато нечего было больше бояться, что она потухнет: ураган насытил ее кислородом, и ее пламя разгорелось еще ярче, словно от мощного поддувала в огромной печке. Несколько раз под яростным натиском вихря огненная завеса на мгновение распахивалась, и в зал проникал леденящий ветер, но текучее пламя, пропустив волну освежающего воздуха, смыкалось снова.

Четвертого апреля вновь народившаяся луна появилась на небосклоне в виде узкого серпа. Итак, после восьмидневного отсутствия, как и следовало ожидать, исходя из известного уже периода ее обращения вокруг Галлии, она снова возвратилась. К превеликому удовольствию Бен-Зуфа, его более или менее основательные опасения, что колонисты больше не увидят своей луны, не оправдались: новый спутник планеты, повидимому, решил аккуратно нести свою службу, совершая положенный ему двухнедельный обход вокруг Галлии.

Читатель, вероятно, помнит, что растения и злаки произрастали только на острове Гурби и что птицы, перенесенные вместе с людьми на Галлию, устремились именно к этому возделанному клочку земли. Пока стояли теплые дни, там было вдоволь пищи, и пернатые целыми тучами слетались на остров со всех концов астероида.

Однако с наступлением морозов поля оделись снегом, а затем снег сменила ледяная кора, и даже самые крепкие птичьи клювы не в силах были пробить толщу льда, покрывшую почву. Так начался великий перелет пернатых; руководимые инстинктом, они стаями перекочевывали на Теплую Землю.

Правда, новый материк не мог предоставить им пищу, зато он был обитаем. Теперь птицы не только не избегали, но даже искали человека. Отбросы, которые ежедневно выкидывались наружу из подземных галерей, исчезали мгновенно, но их не хватало, чтобы насы-

тить тысячи представителей всех видов птичьей породы. Вскоре несколько сотен пернатых, доведенных до отчаяния голодом и холодом, отважились проникнуть в узкий туннель и свить гнезда внутри Улья Нины.

Пришлось возобновить войну с птицами, потому что от них в конце концов не стало житья. Борьба с ними превратилась в развлечение, и охотники колонии истребляли их беспощадно. Птиц было такое множество, что они наводнили весь Улей. Изголодавшиеся и дерзкие, они врывались в столовую и выхватывали куски мяса или хлеба прямо из рук обедавших. В них швыряли камнями, палками, стреляли, но окончательно избавиться от незваных гостей удалось только после беспощадного, продолжительного истребления; несколько пар птиц оставили для сохранения породы.

Главным распорядителем охоты на птиц был Бен-Зуф. Как он бесновался, как надрывал глотку! Какой только сочной солдатской бранью не осыпал несчастных пернатых! И сколько же было съедено за последние дни вкусной дичи — диких уток, шилохвосток, куропаток, вальдшнепов, куликов! Мы даже подозреваем, что охотники с особым усердием преследовали именно этих птиц.

Наконец, в Улье Нины стал восстанавливаться порядок. Уже осталось не больше сотни непрошенных гостей, угнездившихся в расщелинах скал. Выжить их было нелегко, и мало-помалу эти втируши возомнили себя хозяевами и принялись свято охранять свой дом от чужаков. Так был заключен мир и союз между обеими враждующими сторонами, отныне совместно отстаивавшими неприкосновенность своих общих владений; по молчаливому соглашению колонисты позволили этим упрямцам исполнять обязанности местной полиции. И как же они старались! Злосчастная птица, которая имела неосторожность залететь в галерею, не пользуясь особыми правами и привилегиями, немедленно изгонялась или умерщвлялась своими безжалостными сородичами.

Пятнадцатого апреля у входа в главную галерею внезапно раздались крики: Нина звала на помощь.

Услышав ее голос, Пабло опередил спешившего к ней Бен-Зуфа и бросился на выручку своей подружки.

— Ко мне, ко мне! — кричала Нина. — Они хотят его убить!

Пабло увидел, что девочка отбивается от нападающих на нее крупных чаек. Вооружившись палкой, он бросился в бой и разогнал крылатых морских хищников, несмотря на то, что они несколько раз пребольно клюнули его в голову.

— Что случилось? — спросил он Нину.

— Погляди сам, Пабло! — И девочка протянула ему птицу, которую прятала на груди, спасая от чаек. Подоспевший Бен-Зуф взял ее из рук Нины, говоря:

— Да это голубь!

Бен-Зуф не ошибся, птица оказалась голубем да еще, повидимому, почтовым, потому что концы его крыльев были подрезаны полукругом и чуть укорочены.

— Ого, — вскричал Бен-Зуф, — клянусь всеми монмартрскими святыми, у него на шее висит пакетик!

Через несколько минут голубь был доставлен капитану Сервадаку, и колонисты, столпившись в зале, с жадным интересом рассматривали птицу.

— Наш ученый снова дает о себе знать! — воскликнул Сервадак. — Теперь, когда море замерзло, он послал письмо с почтовым голубем. Ах, если бы он хоть на этот раз догадался назвать себя, а главное — указать место, где он находится!

Угол маленького пакета, висевшего на шейке голубя, был оторван во время сражения с чайками. Сервадак вскрыл конверт и вынул записку, которая в нескольких скупых словах сообщала следующее:

«Галлия,
Пройденный путь с 1 марта по
1 апреля — 39 700 000 лье
Расстояние от Солнца — 110 000 000 лье
Во время пути притянула Нерину.
Запас продовольствия кончается и...»

Что было написано дальше, осталось неизвестным, ибо чайки оторвали кончик записки.

— Проклятье! Какая неудача! — вскричал Гектор Сервадак. — В конце он, наверное, проставил свою подпись, число и место отправления письма. На этот раз оно написано сплошь по-французски, — автор его, конечно, француз! И подумать только, что мы не можем помочь этому бедняге!

Граф Тимашев и лейтенант Прокофьев вернулись к месту птичьего побоища, надеясь найти хоть обрывок письма, где сохранилось бы имя, подпись или какая-нибудь пометка, способная навести на верный след. Но поиски оказались напрасными.

— Неужели же мы так никогда и не узнаем, где находится последний оставшийся в живых человек? — воскликнул Сервадак.

И вдруг раздался голосок Нины:

— Зуф, друг мой, смотри, смотри скорее!

И бережно держа голубя обеими руками, она протянула его Бен-Зуфу.

На левом крыле птицы виднелось клеймо, в нижней части которого значилось то единственное слово, которое так важно было узнать:

«ФОРМЕНТЕРА».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев находят, наконец, ключ к занимавшей их космической загадке

— Форментера! — в один голос воскликнули граф Тимашев и капитан Сервадак.

Так называется небольшой остров Балеарского архипелага в Средиземном море. Слово «Форментера» открыло, наконец, местопребывание неизвестного корреспондента. Но что делал француз на Балеарских островах и жив ли он еще?

Очевидно, именно с берегов Форментеры исходили его послания, в которых ученый сообщал, как проходил по своей орбите осколок земного шара, названный им Галлией.

Во всяком случае, судя по записке, доставленной почтовым голубем, французский астроном 1 апреля,

то есть две недели тому назад, был еще на своем наблюдательном посту. Однако последняя депеша существенно отличалась от прежних тем, что автор ее не изъявлял никакого удовольствия по поводу происходящего: никаких «Va bene», «all reight», «nil desperandum». Более того, на сей раз послание, написанное целиком по-французски, было прямой мольбой о помощи, ведь запас провианта на Форментере кончался.

Все эти соображения коротко изложил капитан Сервадак.

— Друзья мои, — заключил он, — мы должны тотчас же отправиться на помощь к погибающему...

— Или к погибающим, — поправил граф Тимашев. — Я готов вас сопровождать, капитан.

— «Добрыня», несомненно, проходил близ Форментеры, когда мы делали разведку у Балеарских островов, — заговорил лейтенант Прокофьев. — Если мы тогда не заметили никакой земли, значит от Балеарского архипелага остался только крохотный островок, как от Гибралтара и Сеуты.

— Как ни мал этот островок, мы его найдем, — заявил Сервадак. — Скажите, лейтенант, какое расстояние между Теплой Землей и Форментерой?

— Около ста двадцати лье, капитан. Разрешите полюбопытствовать, каким способом вы предполагаете туда добраться?

— Пешком, очевидно, раз море не судоходно, — ответил Гектор Сервадак, — вернее, на коньках. Не так ли, граф?

— Я иду с вами, капитан, — сказал граф, в котором призыв облегчить человеческое страдание всегда находил горячий и быстрый отклик.

— Отец, — с волнением заговорил Прокофьев, — я хотел бы высказать одно соображение, но не для того, чтобы помешать тебе выполнить свой долг, напротив — для того, чтобы помочь.

— Говори.

— Предположим, что вы пойдете вдвоем по льду. Однако мороз крепкий, двадцать два градуса, и с юга дует резкий ветер, при котором переносить такую температуру особенно тяжело. Допустим, что вы пройдете

за день двадцать лье. Стало быть, до Форментеры вы доберетесь дней через шесть. А ведь вам придется нести на себе провиант не только для вас обоих, но и еще для одного человека или нескольких людей — для тех, кого надо спасать...

— Мы пойдем в поход по-солдатски — с мешком за плечами,— перебил его Сервадак, не желая признавать, что переход не просто труден, но и невозможен.

— Допустим, — холодно ответил Прокофьев. — Однако в пути вам не раз придется делать привал. Между тем кругом сплошная гладкая ледяная поверхность и вам негде вырубить себе даже подобие землянки, как это делают, к примеру, эскимосы.

— Мы будем идти день и ночь без отдыха, — сказал Сервадак, — и дойдем до Форментеры не через шесть, а через три, через два дня!

— Хорошо, капитан. Допустим и это: вы дойдете за два дня, хотя это физически невозможно. Но чем вы поможете людям, которых застанете на острове обессилевшими от голода и холода? Если они при смерти и вы возьмете их с собой, вы доставите на Теплую Землю только трупы.

Речь лейтенанта Прокофьева произвела на слушателей сильное впечатление, с полной убедительностью доказав, что экспедиция в этих условиях неосуществима. Всем стало ясно, что капитан Сервадак с графом, оказавшись на огромном и открытом ледяном поле, при первом же буране свалятся с ног и больше не встанут.

Однако Гектор Сервадак, увлекаемый чувством долга и сострадания к ближнему, все еще пытался спорить против очевидности и упрямо отказывался внять разумным доводам лейтенанта Прокофьева. Верный Бен-Зуф стал на сторону Сервадака и объявил, что готов «подписать свою подорожную вместе с капитаном», если граф колеблется.

— Так как же, граф? — спросил Сервадак.

— Я поступлю, как вы, капитан.

— Нельзя же бросать людей на произвол судьбы, когда у них нет пищи, а может статься, и крова над головой!

— Конечно, нельзя, — ответил граф и, обращаясь к Прокофьеву, сказал: — Если есть только один способ добраться до Форментеры — тот, который ты отвергаешь, мы принимаем этот единственный способ, и да поможет нам бог!

Лейтенант не отозвался, погруженный в глубокое раздумье.

— Ах, если бы у нас были сани! — воскликнул Бен-Зуф.

— Сделать сани нетрудно, — сказал граф, — но где взять собак или оленей в упряжку?

— А наши лошади? Разве нельзя их так подковать, чтобы они не скользили на льду? — возразил Бен-Зуф.

— Они не вынесут мороза и падут по дороге, — ответил граф.

— Пускай, — сказал Сервадак. — Рассуждать некогда. Сделаем сани и...

— Сани у нас есть, — прервал его лейтенант Прокофьев.

— Тогда запряжем в них лошадей...

— Нет, капитан. У нас есть двигатель более мощный и быстрый, чем лошади, которым не под силу такой изнурительный путь.

— Что же это? — спросил граф.

— Ветер, — отвечал Прокофьев.

Ну конечно же, ветер! В Америке он служит превосходным двигателем для парусных саней, или, иначе говоря, для буера. Такие сани мчатся по просторам прерий со скоростью пятидесяти метров в секунду, то есть ста восьмидесяти километров в час. Между тем на Галлии дул в это время сильный южный ветер, который мог сообщить буеру скорость от двенадцати до пятнадцати лье в час. И не успеет Солнце дважды взойти на небосклоне Галлии, как экспедиция достигнет Балеарских островов, вернее, уцелевшего островка Балеарского архипелага.

Двигатель был готов к услугам путешественников. Отлично. Но Прокофьев сказал, что есть и сани. И в самом деле, разве двенадцатифутовая гичка «Добрыни», вмещающая пять-шесть человек, не может служить санями? Нужно только поставить ее на два же-

лезных фальшкиля, которые, поддерживая ее с боков, заменят полозья. А много ли времени понадобится механику «Добрыни», чтобы поставить гичку на фальшкили? Да всего несколько часов! Попутный ветер наполнит паруса буера, и легкое суденышко полетит с головокружительной скоростью по ледяной зеркальной глади без единого бугорка, впадинки или трещинки! Мало того, гичку можно превратить в крытые сани при помощи деревянных планок, обтянутых парусиной. Это защитит от ненастья и спасательную экспедицию и спасенных. А если добавить еще меховые шубы, запас продовольствия и горячительных напитков, да еще переносную спиртовую печку, то путешественники с комфортом доедут до Форментеры и привезут спасенных людей на Теплую Землю.

Это был самый простой и остроумный выход. И только одно возражение сохраняло свою силу: ветер благоприятствовал при рейсе на север, но что будет, когда придется повернуть назад, на юг?

— Пустяки, — отвечал на это Сервадак, — главное — доехать. А там придумаем, как вернуться обратно!

Впрочем, если буер не может идти в бейдевинд так же хорошо, как парусная шлюпка, которая противодействует дрейфу при помощи руля, то фальшкили буера, врезаясь в лед, позволят ему лавировать против ветра, чтобы пробиться на юг. Но об этом еще рано было думать.

Механик «Добрыни», взяв себе в подручные нескольких матросов, тотчас же принялся за дело. Они поставили гичку на железные полозья, спереди загнутые кверху, перекрыли ее легкой крышей, напоминавшей рубку на палубе, сделали металлическое весло, чтобы управлять буером, погрузили провиант, инструменты, одеяла, и к заходу солнца все было готово.

Но тут лейтенант Прокофьев попросил графа уступить ему свое место. Буеру нельзя брать больше двух пассажиров, доказывал он, потому что на обратном пути прибавятся еще люди; к тому же один из двух должен быть опытным моряком, умеющим управлять парусами и определять курс.

Граф долго упорствовал в своем желании ехать и сдался только после настоятельных просьб Сервадака заменить его в колонии на время отсутствия. Путешественникам предстояли тяжелые испытания. Буер подстерегало множество опасностей. Стоит налететь буре посильнее, и хрупкая ладья на полозьях не в силах будет ей противиться, а если уж капитану Сервадаку не суждено вернуться на Теплую Землю, кто, как не граф, может стать достойным главой колонии?.. В конце концов граф согласился остаться.

Однако сам Сервадак наотрез отказался уступить кому-либо свое место в экспедиции. Он не сомневался в том, что призыв о помощи исходил от француза, и считал себя обязанным в качестве французского офицера первым оказать помощь и поддержку соотечественнику.

Шестнадцатого апреля на рассвете капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев сели в буер. Охваченные волнением товарищи провожали их в неведомый путь при двадцатипятиградусном морозе по необъятной ледяной пустыне. С тяжелым сердцем простился Бен-Зуф со своим капитаном. Испанцы и русские наперебой пожимали руки отъезжающим. Граф обнял храброго француза, расцеловался со своим верным Прокофьевым. Трогательную сцену расставания завершил нежный поцелуй Нины, чьи большие глаза были полны слез. Затем на буере подняли паруса, и лодка на полозьях, словно подхваченная могучим крылом, в мгновение ока скрылась из вида.

Паруса ее состояли из грота и кливера, поставленных таким образом, чтобы можно было идти с попутным ветром. Буер несся с большой скоростью, — по определению его пассажиров, не меньшей, чем двенадцать лье в час. В крыше было устроено отверстие, откуда закутанный в теплый башлык Прокофьев следил, сверяясь с компасом, чтобы буер держал курс по прямой линии к Форментере.

Парусные сани шли изумительно плавно. В них не ощущалось ни малейшей тряски, от которой не избавлены пассажиры в поездах даже на лучших железных дорогах. Лодка весила на Галлии гораздо меньше, чем на Земле, поэтому она скользила по льду в десять раз

быстрее, чем в привычной для нее стихии — воде, и не подвергалась ни бортовой, ни килевой качке. Порой Сервадаку и Прокофьеву казалось, будто они парят в воздухе, как на аэростате. Но это только казалось: они летели, не отрываясь от поверхности льда, бороздя ее верхний слой железными полозьями буера и оставляя за собой облако мелкой снежной пыли.

Теперь путешественники наглядно убедились в том, что замерзшее море представляет собой совершенно однообразную картину. Ни одно живое существо не нарушало ее великого безмолвия. От окружающей пустыни веяло безмерной печалью. Но в этом зрелище было какое-то дикое очарование, и каждый из путников отзывался на него по-своему; Прокофьев наблюдал как ученый, а Сервадак любовался как художник, чье сердце всегда открыто для всякого нового впечатления. Когда же солнце село и косые лучи озарили буер, отбрасывая слева исполинскую тень от парусов, когда вслед за тем на землю пала тьма, мгновенно вытеснив день, люди, повинуясь какому-то безотчетному стремлению, придвинулись ближе и молча пожали друг другу руки.

Ночь стояла темная — ведь только вчера наступило новолуние, но на черном небе ослепительно сияли созвездия. Если бы Прокофьев не запасся компасом, он мог бы держать курс по новой Полярной звезде, стоявшей низко над горизонтом. Разумеется, на каком бы расстоянии ни находилась Галлия от Солнца, оно было абсолютно ничтожно по сравнению с бесконечным пространством, отделявшим ее от звезд.

Тем не менее расстояние от Галлии до Солнца стало уже весьма значительным. Это с полной ясностью устанавливало последнее сообщение ученого. Вот над чем задумался Прокофьев, пока Сервадак, следуя совершенно иному течению мыслей, думал только о своем соотечественнике или соотечественниках, ждавших спасения.

С первого марта по первое апреля скорость движения Галлии по ее орбите уменьшилась на двадцать миллионов лье согласно второму закону Кеплера. В то же время расстояние между нею и Солнцем увеличилось на тридцать два миллиона лье. Таким образом,

она находилась почти в центре пояса малых планет, которые движутся между орбитами Марса и Юпитера. Это подтверждалось, между прочим, и появлением спутника Галлии. судя по последнему сообщению ученого, это была Нерина — один из недавно открытых астероидов. Итак, непрерывно удаляясь от Солнца, Галлия подчинялась точно определенному закону. А если это верно, то не может ли неизвестный ученый вычислить орбиту Галлии и установить математически точно время, когда Галлия достигнет своего афелия, если, конечно, она движется по эллипсу? Эта точка явится точкой ее наибольшего удаления от Солнца; начиная с этого момента планета опять начнет приближаться к дневному светилу, и тогда можно будет вычислить продолжительность ее солнечного года и количество дней в году.

Утро застало Прокофьева за этими тревожными мыслями. Посоветовавшись с Сервадаком и подсчитав, что они прошли по прямой линии не менее ста лье, лейтенант решил замедлить ход буера. Убрав часть парусов и не обращая внимания на жестокий мороз, путешественники зорко следили за белой равниной.

Она была попрежнему пустынной и гладкой, без единой скалы, которая внесла бы хоть некоторое разнообразие в ее величаво-унылый простор.

— Не взяли ли мы курс слишком на запад от Форментеры? — спросил Сервадак, сверившись с картой.

— Пожалуй, — ответил Прокофьев. — Я, как и в море, проложил курс с наветренной стороны острова. Но мы можем теперь держать прямо на остров.

— Хорошо, только поскорей, — сказал Сервадак.

Прокофьев взял курс на северо-восток. Безжалостно подставляя лицо леденящему ветру, Гектор Сервадак стоял на носу буера, напряженно всматриваясь вдаль. Казалось, пристальный взгляд его сосредоточил в себе все силы его души. Нет, он искал не дымок на горизонте, который помог бы обнаружить жилище ученого, ведь у бедняги, наверное, топливо кончилось, так же как и провиант, — Сервадак напрягал зрение, стараясь найти островок, выступающий над ледяной равниной.

Вдруг его глаза загорелись, он протянул руку вперед к еле видной темной точке вдали:

— Вот он, там!

И капитан Сервадак указал на какое-то деревянное сооружение, поднимавшееся над линией горизонта, где небо сливалось с ледяным покровом моря.

Лейтенант Прокофьев схватил подзорную трубу.

— Да, да, — ответил он, — там что-то есть! Это вышка для геодезических съемок!

Они не ошиблись. Ветер надул поднятые паруса, буер, находившийся всего километрах в шести от берега, рванулся вперед и полетел с бешеной скоростью.

Сервадак и Прокофьев были не в силах вымолвить ни слова. Вышка быстро росла на глазах, и вскоре они увидели гряду невысоких, окружавших ее скал, которые выделялись темным пятном на снежном ковре.

Предчувствие не обмануло капитана: нигде над островом не курился дымок. Мороз был жестокий, и обольщаться не приходилось, — буер несся на всех парусах навстречу чьей-то могиле.

Через двадцать минут, когда до геодезической вышки осталось не больше километра, Прокофьев спустил грот, так как буер летел к берегу уже по инерции.

Сердце Сервадака сжалось: он увидел, что ветер треплет висящий на вышке лоскут голубой ткани... И это все, что осталось от французского флага!

Легкий толчок о прибрежные рифы, и буер остановился. Остров был меньше полукилометра в окружности, — это был последний уцелевший клочок земли Форментеры, земли Балеарского архипелага! У подножия геодезической вышки ютилась жалкая деревянная хижина с плотно закрытыми ставнями. Быстрее молнии Сервадак и Прокофьев выпрыгнули на скалы, вскарабкались по скользким уступам, добежали до хижины.

Гектор Сервадак ударил кулаком в дверь; она была заперта изнутри на засов.

Он позвал:

— Эй, кто там, отворите!

Молчание.

— Помогите, лейтенант, — воскликнул Сервадак,

И дружно нажав плечом на ветхую дверь, они сорвали ее с петель.

В единственной каморке хижины — ни проблеска света, ни звука.

Одно из двух: либо последний обитатель хижины покинул ее, либо лежал здесь мертвый.

Капитан Сервадак распахнул ставни, и в каморку проник свет.

В холодном очаге еще оставался пепел — и только.

В углу — кровать. На ней распростертое тело.

— Умер от голода! Замерз! — в отчаянии вскричал Гектор Сервадак.

Лейтенант Прокофьев склонился над телом.

— Жив! — воскликнул он.

И откупорив фляжку с водкой, он влил несколько капель в рот умирающего.

Раздался легкий вздох, затем несколько слов, еле внятных.

— ...Галлия?

— Да, да, Галлия! — отвечал капитан Сервадак. — И это...

— Это моя комета, моя собственная!

И больной снова впал в беспамятство, Сервадак глубоко задумался: «Но ведь я его знаю! Где же я встречался с этим ученым?»

Конечно, нечего было и думать о том, чтобы выходить больного здесь, где отсутствовало все необходимое. Сервадак и Прокофьев быстро приняли решение. Через несколько минут они перенесли в буер умирающего ученого, его физические и астрономические приборы, одежду, рукописи, книги и старую дверь, служившую ему для вычислений вместо грифельной доски.

К счастью, ветер переменился и стал попутным. Путешественники не преминули этим воспользоваться, подняли паруса, и вскоре последний утес, уцелевший от Балеарских островов, исчез вдали.

Через полтора суток, 19 апреля, ученого, все еще находившегося в беспамятстве, внесли в большой зал Улья Нины, и колонисты приветствовали криками «ура» своих отважных товарищей, которых они ждали с таким нетерпением.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой читателя без лишних церемоний знакомят с тридцать шестым обитателем галлийского сфероида

Тридцать шестой обитатель Галлии был, наконец, доставлен на Теплую Землю. Вот первые, довольно непонятные слова, которые он произнес:

— Это моя комета, моя собственная! Это моя комета!

Что означали эти слова? Не хотел ли ученый объяснить все еще неясную причину катастрофы, не хотел ли сказать, что огромный обломок был отторгнут от земного шара и брошен в пространство в результате столкновения с кометой? Не произошла ли в пределах земной орбиты роковая катастрофа? Которому из двух астероидов дал имя Галлии отшельник с острова Форментеры — хвостатой комете или осколку Земли, несущемуся по околосолнечному миру? Все эти вопросы мог разрешить только сам ученый, который так уверенно заявил права на «свою комету»!

Во всяком случае, этот умирающий старик бесспорно был автором записок, найденных в море во время экспедиции «Добрыни», тем самым астрономом, что составил документ, занесенный на Теплую Землю почтовым голубем. Только он один мог бросить в море футляр от подзорной трубы и бочонок из-под консервов, только он мог выпустить птицу, которую инстинкт

направил к единственно обитаемой и населенной живыми существами области нового светила. Значит, этому ученому, — а он несомненно был таковым, — были известны некоторые из элементов Галлии. Он мог определить ее постепенное удаление от Солнца, мог вычислить уменьшение ее тангенциальной скорости. Но разрешил ли он самый важный вопрос, определил ли, по какой орбите следовал астероид, по гиперболе, параболе или эллипсу? Удалось ли ему вычислить эту кривую путем последовательных наблюдений Галлии в трех различных положениях? Знал ли он, наконец, встретится ли когда-нибудь новое светило с Землей и через какой промежуток времени это произойдет?

Вот какие вопросы граф Тимашев задавал сначала самому себе, а затем капитану Сервадаку и лейтенанту Прокофьеву. Ни тот, ни другой не могли дать ему ответа. Все эти гипотезы они уже рассмотрели и обсудили во время обратного путешествия, но не пришли ни к какому заключению. И, к несчастью, можно было опасаться, что единственный человек, владеющий, по всей вероятности, разгадкой проблемы, привезен ими в виде бездыханного трупа! Если он действительно умер, им придется отбросить всякую надежду узнать, какая судьба уготована Галлии.

Итак, надо было постараться любой ценой привести в чувство астронома, который не подавал уже никаких признаков жизни. Корабельная аптека «Добрыни», где имелся большой выбор лекарств, как нельзя более подходила для этой цели. Тотчас приступили к лечению при ободряющем возгласе Бен-Зуфа:

— За дело, господин капитан! Вы и представить себе не можете, до чего живучи эти ученые!

Все принялись приводить в чувство умирающего — во-первых, энергичным массажем, способным свести в могилу и здорового, а во-вторых, подкрепляющими снадобьями, способными поднять на ноги даже мертвого.

Бен-Зуф попеременно с Негрете взялись за наружное лечение, и можете быть уверены, что оба силача выполняли свои обязанности с величайшим усердием.

Тем временем Гектор Сервадак тщетно ломал себе голову над вопросом, кто этот француз, подобранный им на островке Форментере, и при каких обстоятельствах он с ним прежде встречался.

Между тем он вполне мог бы узнать старика, хотя видел его прежде лишь в том возрасте, который не без оснований называют возрастом неблагодарным — не только для тела, но и для души.

Действительно, ученый, распростертый без движения в большом зале Улья Нины, был не кем иным, как старым учителем физики Гектора Сервадака в лицее Карла Великого.

Профессора звали Пальмирен Розет. Это был настоящий ученый, крупный специалист в области математических наук. Из лицея Карла Великого Гектор Сервадак перешел в Сен-Сирское училище, и с тех пор они с профессором ни разу не встречались и, как им казалось, совершенно позабыли друг о друге.

Сервадак, как нам известно, никогда не чувствовал особого влечения к школьным занятиям. Зато сколько скверных штук он сыграл с несчастным Пальмиреном Розетом в компании других таких же шелопаев учеников!

Кто добавлял потихоньку щепотку соли в дистиллированную воду лаборатории, вызывая этим самые неожиданные химические реакции? Кто брал капельку ртути из чашечки ртутного барометра, приводя его в явное несоответствие с состоянием атмосферы? Кто нарочно нагревал градусник за минуту перед тем, как профессор собирался проверить его показания? Кто пускал живых насекомых между окуляром и объективом зрительной трубы? Кто портил изоляцию электрической машины, так что она не могла дать ни одной искры? Кто, наконец, провертел почти незаметную дырочку в подставке под колпаком пневматической машины, после чего Пальмирен Розет напрасно выбивался из сил, выкачивая воздух, все время туда проникавший?

Вот самые обычные проказы школьника Сервадака и его шалунов приятелей.

Проделки такого рода особенно нравились мальчишкам потому, что их учитель отличался необычайной вспыльчивостью. Его неистовая ярость и дикие припадки бешенства приводили в восторг старших учеников.

Два года спустя после того как Гектор Сервадак ушел из лицея, Пальмирен Розет, чувствуя больше склонности к космографии, нежели к физике, бросил преподавание и всецело отдался изучению астрономии. Он пробовал поступить в обсерваторию. Но его сварливый нрав, хорошо известный в ученых кругах, закрыл перед ним все двери. Обладая небольшим состоянием, он занялся астрономией на свой страх и риск, без всякой официальной должности, с наслаждением критикуя и высмеивая системы и теории других астрономов. Кстати говоря, именно ему наука обязана открытием последних трех малых планет, а также вычислением элементов орбиты триста двадцать пятой кометы астрономического каталога. Как уже было сказано, профессор Розет и ученик Сервадак ни разу не виделись после лицея до своей неожиданной встречи на островке Форментере. И нет ничего удивительного, что по прошествии двенадцати лет капитан Сервадак не узнал своего старого учителя, особенно в том плачевном состоянии, в каком тот находился.

Когда Бен-Зуф и Негрете вытащили ученого из меховых шуб, в которые тот был укутан с головы до пят, они увидели маленького человечка пяти футов и двух дюймов ростом, тощего от природы и, вероятно, еще более отощавшего, совершенно лысого, с черепом гладким, точно страусовое яйцо, безбородого, если не считать отросшей за неделю щетины, с длинным орлиным носом, оседланным громадными очками, которые, как обычно у близоруких людей, казались неотъемлемой частью его существа.

Маленький человечек отличался, повидимому, болезненной нервностью. Его можно было сравнить с катушкой Румкорфа, на которую вместо проволоки намотали бы нерв в несколько сотен метров длиною, заменив электрический ток нервным током такого же напряжения. Словом, в «катушке Розета» «нервозность», — примем

на минуту этот термин, — достигала столь же высокого напряжения, как электричество в катушке Румкорфа.

Однако, каким бы нервным и раздражительным ни был профессор, его все же следовало спасти от смерти. В мире, где насчитывается всего лишь тридцать пять обитателей, нельзя пренебрегать жизнью тридцать шестого. Когда с умирающего сняли верхнюю одежду, оказалось, что сердце его еще бьется. Значит, при заботливом уходе еще можно было вернуть больного к жизни. Бен-Зуф тер и растирал с такой силой это тощее тело, высохшее, как сухое дерево, точно хотел высечь из него огонь, и, как бы начищая свою саблю перед походом, напевал при этом известный припев:

До блеска славой начищай
Воинственную сталь.

Наконец, под влиянием непрерывного двадцатиминутного массажа из уст умирающего вырвался вздох, затем второй и третий. Губы его, до сих пор крепко сжатые, раскрылись. Старик приподнял веки, снова сомкнул их и, наконец, широко открыл глаза, еще не сознавая, где он находится и что его окружает. Послышались какие-то невнятные слова. Затем ученый вытянул правую руку, поднес ее ко лбу, как бы напрасно ища там чего-то. Вдруг лицо его исказилось, покраснело от гнева, и, словно эта вспышка гнева вернула его к жизни, он закричал:

— Очки! Где мои очки?

Бен-Зуф бросился искать очки. Их нашли. Громадные очки были снабжены стеклами, выпуклыми, как окуляры телескопа. Во время растираний они соскочили, хотя, казалось, так плотно сидели на своем месте, точно были привинчены к вискам профессора. Очки водрузили обратно на орлиный нос их обладателя, и тогда старик испустил новый вздох, сопровождаемый довольным бормотаньем.

Капитан Сервадак нагнулся над изголовьем Пальмирена Розета, разглядывая ученого с пристальным вниманием. В эту минуту тот широко раскрыл глаза.

Он пронзил капитана острым взглядом сквозь стекла очков и воскликнул с явным раздражением:

— Ученик Сервадак! пятьсот строк к завтрашнему уроку!

Вот какими словами Пальмирен Розет приветствовал капитана Сервадака!

При этом странном возгласе, вызванном, должно быть, воспоминанием о былой вражде, Гектор Сервадак, хоть и подумал сначала, что бредит наяву, внезапно узнал своего старого учителя физики из лицея Карла Великого.

— Профессор Пальмирен Розет! — воскликнул он. — Мой старый учитель собственной персоной!..

— Хороша персона — кожа да кости! — вставил Бен-Зуф.

— Черт возьми! Какая странная встреча!.. — произнес пораженный Сервадак.

Между тем Пальмирен Розет снова впал в забытье, и присутствующие решили его не тревожить.

— Будьте покойны, господин капитан, — сказал Бен-Зуф. — Он выживет, ручаюсь вам. Этакие жилистые старички очень живучи! Мне случалось видеть еще более тощих и высохших, чем он; их привозили издалека.

— Откуда же, Бен-Зуф?

— Из Египта, господин капитан. Да еще в красивых, разрисованных ящиках.

— Так это же мумии, болван!

— Точно так, господин капитан!

Как бы то ни было, когда профессор заснул, его перенесли на мягкую постель и волей-неволей отложили до его пробуждения все важные вопросы, связанные с кометой.

В течение всего дня капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев, представлявшие как бы Академию наук маленькой колонии, развивали и обсуждали самые невероятные гипотезы вместо того, чтобы терпеливо дожидаться завтрашнего утра. Какой же именно комете присвоил Пальмирен Розет название «Галлия»? Значит, не этим именем зовется обломок земного шара? Стало быть, расчеты расстояний и ско-

ростей, обнаруженные в записках, относятся к комете Галлия, а не к новому сфероиду, на котором летят по межпланетному пространству капитан Сервадак и тридцать пять его спутников? Итак, люди, уцелевшие после гибели человечества, уже не носят имя галлийцев?

Вот что необходимо было выяснить. Ведь если это так, то рушится вся система долгих и сложных умозаключений, которые привели наших исследователей к выводу о сфероиде, вырванном из самых недр земли, и вполне согласовались с новыми космическими явлениями.

— Ну что же! — воскликнул Гектор Сервадак. — Профессор Розет здесь, с нами, и он нам все разъяснит!

Заговорив с товарищами о Пальмирене Розете, капитан Сервадак обрисовал его таким, каким он был, то есть человеком неуживчивым, с которым нелегко наладить отношения. Это неисправимый чудак, чрезвычайно упрямый, весьма раздражительный, но в сущности славный старик. Лучше всего переждать, пока пройдет его дурное настроение, как пережидают грозу, укрывшись в безопасном месте.

Когда капитан Сервадак закончил эту краткую характеристику, граф Тимашев сказал:

— Будьте покойны, капитан, мы всячески постараемся поладить с профессором Розетом. К тому же, думается мне, он может оказать нам большую услугу, сообщив результаты своих исследований. Однако это возможно лишь при одном условии.

— Каком же? — спросил Гектор Сервадак.

— Если он действительно автор документов, которые попали нам в руки, — отвечал граф Тимашев.

— А вы в этом сомневаетесь?

— Нет, капитан. Все подтверждает это, и я высказал свои сомнения лишь для того, чтобы покончить со всякими гипотезами.

— Да кто же, кроме моего старого учителя, мог посылать эти записки? — воскликнул капитан Сервадак.

— Возможно, какой-нибудь другой астроном, затерянный на другом островке прежней земли,

— Это невероятно, — возразил лейтенант Прокофьев, — ведь мы узнали имя Галлии только из найденных в море записок, а это было первое слово, произнесенное профессором Розетом.

На справедливое замечание лейтенанта нечего было возразить, и никто уже не сомневался более, что автором записок был именно отшельник с Форментеры. О том же, что он делал на острове, мы узнаем из его собственных уст.

Сверх того, не только дверь, покрытую вычислениями, но и все бумаги профессора доставили вместе с ним, и не было никакой нескромности в том, чтобы ознакомиться с их содержанием, пока он спал.

Это и было сделано.

Рукописи и столбцы цифр были написаны тем же самым почерком, что и найденные записки. Дверь была покрыта алгебраическими знаками, начертанными мелом, которые колонисты постарались тщательно сохранить. Что касается рукописей, они состояли большей частью из разрозненных листков, испещренных геометрическими фигурами. Там пересекались гиперболы, незамкнутые кривые с двумя бесконечными, все более удаляющимися друг от друга ветвями, параболы, кривые с ветвями, также уходящими в бесконечность, и, наконец, эллипсы, кривые замкнутые, какими бы вытянутыми они ни были.

Лейтенант Прокофьев обратил внимание, что эти кривые в точности соответствовали орбитам комет, которые обычно движутся по параболе, гиперболе или эллипсу; это означало в двух первых случаях, что кометы, наблюдаемые с Земли, никогда не появятся вновь на земном горизонте, а в третьем случае, что они будут возвращаться периодически, через более или менее значительные промежутки времени.

Итак, при рассмотрении бумаг и чертежей профессора стало ясно, что он занимался вычислением элементов кометных орбит; однако из различных кривых, последовательно изученных им, нельзя было сделать никаких выводов, так как, начиная вычисления элемен-

тов орбиты кометы, астрономы всегда принимают ее в первом приближении за параболическую.

Словом, из всего этого вытекало, что Пальмирен Розет во время пребывания на Форментере вычислил частично или полностью элементы орбиты новой кометы, еще не вошедшей в каталог.

Сделал ли он эти вычисления до или после катаклизма 1 января? Это можно было узнать только от него самого.

— Подождем! — заявил граф Тимашев.

— Что ж, подождем, хоть я и сгораю от нетерпения, — сказал капитан Сервадак, который уже не мог усидеть на месте. — Я отдал бы месяц жизни за каждый час сна профессора Розета!

— И вы, пожалуй, жестоко прогадали бы, капитан, — заметил лейтенант Прокофьев.

— Как? Ради того, чтобы узнать, какая судьба ожидает наш астероид...

— Не хочу вас разочаровывать, капитан, — продолжал лейтенант Прокофьев. — Но из того, что профессор досконально изучил комету Галлию, вовсе не следует, что он в силах дать нам объяснение относительно того осколка Земли, на котором мы находимся. Да и есть ли какая-нибудь связь между появлением кометы на земном горизонте и обломком земного шара, уносящим нас в пространство?..

— Еще бы, черт возьми, связь самая несомненная! — вскричал капитан Сервадак. — Ясно как день, что...

— Что?.. — спросил граф Тимашев, с нетерпением ожидая ответа своего собеседника.

— Что комета зацепила земной шар и вследствие сильного толчка от Земли отделился осколок, который и уносит нас в пространство!

Выслушав гипотезу, которую так уверенно высказал капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев переглянулись. Каким бы невероятным ни казалось столкновение Земли с кометой, оно все же было возможным. Толчок такого рода — вот, наконец, объяснение необъяснимых до сих пор явлений, вот неведомая причина столь необычайных событий.

— Пожалуй, вы правы, капитан, — сказал лейтенант Прокофьев, взглянув на вопрос с новой точки зрения. — Возможность такого столкновения вполне допустима, и при толчке от земного шара мог отделиться огромный осколок. Если это действительно так, то громадный диск, увиденный нами ночью после катастрофы, был не чем иным, как кометой; она, вероятно, отклонилась от своей орбиты, но скорость ее при этом была так велика, что Земля не могла удержать новое светило в сфере своего притяжения.

— Это единственное объяснение, какое мы можем дать появлению нового неведомого светила, — подтвердил капитан Сервадак.

— Вот и новая гипотеза, причем весьма правдоподобная, — согласился граф Тимашев. — Она подтверждает и наши собственные наблюдения и наблюдения профессора Розета. По всей вероятности, именно той блуждающей звезде, с которой мы столкнулись, он и дал имя Галлии.

— Несомненно, граф.

— Отлично, капитан. Однако есть нечто такое, чего я не могу понять.

— Что же это?

— Почему ученый больше занимался кометой, чем тем осколком Земли, который уносит в межпланетное пространство его самого?

— Ах, дорогой граф, — отвечал капитан Сервадак, — вы же знаете, какими чудаками бывают иной раз ученые фанатики, а мой профессор — чудак из чудаков!

— Кроме того, — заметил лейтенант Прокофьев, — вполне возможно, что вычисления элементов орбиты Галлии были сделаны им еще до столкновения. Профессор, вероятно, предвидел встречу с кометой и произвел наблюдения до катастрофы.

Замечание лейтенанта Прокофьева казалось справедливым. Как бы то ни было, гипотеза капитана была в принципе принята. Итак, все рассуждения сводились к следующему: некая комета в ночь с 31 декабря на 1 января пересекла эклиптику, задев поверхность Земли, и вследствие толчка от земного шара отде-

лился огромный обломок, который с тех пор носится в межпланетном пространстве.

Если члены Галлийской Академии наук и не постигли еще истины во всей полноте, то они все же подошли к ней очень близко.

Один только Пальмирен Розет мог до конца разрешить эту загадку.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

последние слова которой открывают читателю то, о чем он, вероятно, уже и сам догадался

Так закончился день 19 апреля. Пока их правители вели споры, колонисты занимались своими обычными делами. Неожиданное появление профессора на галлийском горизонте не слишком их обеспокоило. Беспечные по натуре испанцы и слепо преданные своему барину русские мало интересовались причинами и следствиями. Вернется ли Галлия когда-нибудь на Землю, или им предстоит жить на ней до самой смерти, — они нисколько не стремились это узнать! Поэтому всю ночь напролет они крепко спали со спокойствием философов, которых ничто не может взволновать.

Бен-Зуф, обратившись в сиделку, не отходил от изголовья профессора Розета. Он принимал близко к сердцу свои обязанности. Ведь он поручился, что поставит старика на ноги. Это было для него вопросом чести. И как же заботливо он ухаживал за больным! Какое множество сердечных капель вливал ему в рот по малейшему поводу! Как чутко прислушивался к его вздохам! С каким вниманием ловил слова, слетавшие с его губ! Необходимо отметить, что в бреду Пальмирен Розет то с тревогой, то с гневом часто повторял имя Галлии. Уж не снилось ли профессору, что у него хотят украсть комету Галлию, что враги оспаривают его открытие, отрицают первенство за его исследованиями и вычислениями? Вполне

вероятно. Пальмирен Розет был одним из тех, кто приходит в ярость даже во сне.

Но как ни прислушивался Бен-Зуф к бессвязному бреду больного, он не мог уловить ничего, что помогло бы разрешить великую загадку. Профессор проспал всю ночь напролет, и его слабые вздохи вскоре перешли в громкий храп, предвещающий выздоровление.

Когда над западным горизонтом Галлии поднялось солнце, Пальмирен Розет все еще спал, и Бен-Зуф счел за лучшее не будить его. К тому же в эту минуту внимание денщика было отвлечено одним происшествием.

В толстую дверь, закрывающую доступ в главную галерею Улья Нины, кто-то громко постучал. Следует заметить, что эта дверь служила скорее защитой от холода, нежели от непрошенных гостей.

Бен-Зуф уже собирался было отойти от постели больного, но, поразмыслив, решил, что он, должно быть, ослышался. Не швейцар же он в конце концов! К тому же другие меньше заняты, чем он, — найдется кому отворить дверь. И он не тронулся с места.

В Улье Нины все еще спали глубоким сном. Стук повторился. Стучали, несомненно, чем-то тяжелым.

— Честное слово алжирца, это уж слишком! — сказал себе Бен-Зуф. — Черт побери! Кто бы это мог быть?

И он направился по главной галерее прямо к двери.

— Кто там? — спросил он громко, отнюдь не любезным тоном.

— Это я, — ответил вкрадчивый голос.

— Кто вы такой?

— Исаак Хаккабут.

— А чего тебе надо, Астарот?

— Чтобы вы отперли мне дверь, господин Бен-Зуф.

— Зачем тебя принесло? Хочешь продать свои товары?

— Вы же знаете, что за них не хотят платить.

— Ну так убирайся к черту!

— Господин Бен-Зуф, — продолжал Исаак заискивающим, умоляющим тоном, — я бы хотел поговорить с его превосходительством генерал-губернатором.

— Он спит.

— Я подожду, пока он проснется.

— Ну и дожидайся за дверью, Авимелех!

Бен-Зуф без церемоний повернулся к нему спиной, но тут подошел капитан Сервадак, разбуженный шумом.

— Что там такое, Бен-Зуф?

— Да ничего, пустяки. Этот пес Хаккабут хочет с вами толковать, господин капитан.

— Так отопри ему, — приказал Гектор Сервадак. — Надо узнать, что привело его сюда.

— Жажда наживы, черт подери.

— Отопри, говорят тебе!

Бен-Зуф повиновался. Исаак Хаккабут, закутанный в старый плащ, тотчас же юркнул в галерею. Капитан Сервадак вернулся в главный зал, и еврей последовал за ним, награждая его самыми лестными и почтительными титулами.

— Что вам нужно? — спросил капитан Сервадак, глядя прямо в глаза Исааку Хаккабуту.

— Ах, господин губернатор, — воскликнул тот, — разве вы ничего не узнали нового со вчерашнего дня?

— Так вы пришли за новостями?

— Ну да, господин капитан, и я надеюсь, что вы соизволите мне их сообщить.

— Ничего я вам не сообщу, любезный Исаак, потому что и сам ничего не знаю.

— Да ведь вчера днем на Теплую Землю прибыло новое лицо...

— А вам уже это известно?

— Ну да, господин губернатор! Я видел с моей убогой тартаны, как ваш буер отправился в далекий путь, а потом вернулся. И мне показалось, что оттуда бережно кого-то выносят...

— Ну и что же?

— Разве неправда, господин губернатор, что вы привезли чужеземца?

— Вы его знаете?

— Ах, что вы, господин губернатор, но я надеялся..., я хотел бы...

— Чего?

— Поговорить с этим иностранцем, ведь он, может быть, прибыл...

— Откуда?

— С северного побережья Средиземного моря и, возможно, привез...

— Что привез?

— Новости из Европы! — проговорил Исаак, пожирая глазами капитана Сервадака.

Итак, после трех с половиной месяцев пребывания на Галлии упрямец все еще стоял на своем! При его характере ему было труднее, чем кому-либо другому, отрешиться от земных забот, хотя он и был разлучен с Землей. Если Хаккабуту и пришлось убедиться в наличии новых необычайных явлений, в том, что дни и ночи укоротились, что Солнце восходит на западе и садится на востоке, — все это в его представлении происходило попрежнему на Земле. Море было попрежнему Средиземным морем. Если часть Африки вследствие некой катастрофы исчезла под водой, то все же в нескольких сотнях лье к северу сохранилась добрая старая Европа. Ее население живет там, как и прежде, и он сможет опять покупать, продавать, менять — словом, вести торговлю. «Ганза» будет плавать вдоль европейского побережья за неимением африканского, и такая перемена, пожалуй, отнюдь не принесет ему убытка. Вот почему Исаак Хаккабут поспешно прибежал в Улей Нины, чтобы разузнать новости из Европы.

Пытаться образумить Исаака, победить его упрямство было бы совершенно бесполезно. Капитан Сервадак и пробовать не стал. К тому же ему вовсе не хотелось возобновлять отношения с этим торгашом, и в ответ на его расспросы он только пожал плечами.

С еще большим презрением пожал плечами Бен-Зуф. Денщик услыхал просьбу Исаака, и как только капитан Сервадак отошел, он сам взялся удовлетворить любопытство Хаккабута.

— Так, значит, я не ошибся? — с загоревшимся взглядом допытывался торговец. — Вчера привезли иностранца?

— Привезли, — отвечал Бен-Зуф.

— Живого?

— Надо надеяться.

— А можно ли узнать, господин Бен-Зуф, из каких краев Европы прибыл путешественник?

— С Балеарских островов, — заявил Бен-Зуф, желая испытать Исаака Хаккабута.

— С Балеарских островов! — воскликнул тот. — Лучшее место для торговли во всем Средиземном море! Ну и дела я там обделывал в былые времена! «Ганзу» хорошо знали на этом архипелаге.

— Даже слишком хорошо.

— Ведь эти острова не дальше двадцати пяти лье от испанского побережья, и ваш почтенный гость уж наверное узнал и привез с собой много новостей из Европы.

— Как же, Манассия, он не преминет сообщить тебе приятные новости!

— Правда, господин Бен-Зуф?

— Правда.

— Я не пожалел бы... — продолжал Исаак нерешительно, — нет... конечно... хоть я и бедный человек... я не пожалел бы нескольких реалов, чтобы поговорить с ним...

— Врешь! пожалел бы.

— Ваша правда! Но все-таки я бы заплатил, лишь бы поговорить с ним немедленно.

— Вот досада! — ответил Бен-Зуф. — К сожалению, наш путешественник очень устал и до сих пор спит.

— А если разбудить его?

— Хаккабут! — вмешался капитан Сервадак, — если вы вздумаете кого-нибудь здесь будить, я вас выставлю за дверь.

— Ах, господин губернатор, — заговорил Исаак еще более заискивающим, еще более умоляющим тоном, — я бы все-таки хотел узнать...

— Вы и узнаете, — ответил капитан Сервадак, — я даже настаиваю, чтобы вы здесь присутствовали, когда наш новый товарищ сообщит нам новости о Европе!

— И я тоже, Иезекииль, — добавил Бен-Зуф, — хочу поглядеть, какую ты скорчишь забавную рожу!

Исааку Хаккабуту не пришлось долго ждать. Как раз в эту минуту раздался нетерпеливый голос Пальмирена Розета.

На этот зов все сбежались к постели профессора: капитан Сервадак, граф Тимашев, лейтенант Прокофьев и Бен-Зуф, который с трудом удерживал Хаккабута своей могучей рукой.

Профессор еще не совсем проснулся и, вероятно, что-то спутав спросонок, кричал: «Эй, Жозеф! Черт тебя побери, скотина! Куда ты пропал, Жозеф!»

Очевидно, слугу Пальмирена Розета звали Жозефом, но он не мог прийти по той причине, что остался, вероятно, в прежнем мире. Столкновение с Галлией внезапно разлучило и, должно быть, навсегда хозяина и слугу.

Между тем профессор, окончательно проснувшись, продолжал кричать:

— Жозеф! проклятый Жозеф! Где моя дверь?

— Вот она! — отозвался Бен-Зуф. — Ваша дверь в полной сохранности.

Пальмирен Розет раскрыл глаза и, нахмурившись, пристально взглянул на денщика.

— Ты Жозеф? — спросил он.

— К вашим услугам, господин Пальмирен, — невозмутимо ответил Бен-Зуф.

— Так подавай кофе, Жозеф, — приказал профессор, — и сию же минуту.

— Есть подать кофе! — воскликнул Бен-Зуф, бегом устремляясь на кухню.

Тем временем капитан Сервадак помог Пальмирену Розету приподняться.

— Дорогой профессор, так вы узнали вашего прежнего ученика из лицея Карла Великого? — спросил он.

— Да, Сервадак, узнал, — ответил Пальмирен Розет. — Надеюсь, вы исправились за двенадцать лет.

— Совершенно исправился! — засмеялся капитан Сервадак.

— Отлично, отлично! — сказал Пальмирен Розет. — Но где же кофе? Без кофе голова плохо работает, а сегодня у меня должна быть ясная голова.

К счастью, тут появился Бен-Зуф, неся огромную чашку черного горячего кофе.

Выпив кофе, Пальмирен Розет встал с кровати, вошел в общий зал, рассеянно огляделся кругом и, наконец, опустился в кресло, лучшее из кресел, принесенных с «Добрыни».

Тут профессор, все еще храня угрюмый вид, заговорил торжествующим тоном, напоминающим все «all right», «va bene», «nil desperandum» его записок.

— Итак, господа, что вы скажете о Галлии?

Капитан Сервадак собирался было спросить, что же такое Галлия, но тут выскочил вперед Исаак Хаккабут.

При виде Исаака профессор снова нахмурил брови, как бы обиженный непочтительным обращением, и сердито спросил, отталкивая Хаккабута рукой:

— Это кто такой?

— Не обращайте на него внимания, — отвечал Бен-Зуф.

Но остановить Исаака и помешать ему говорить было не так-то легко. Упрямец снова принялся за свое, нимало не заботясь о присутствующих.

— Сударь, — начал он, — во имя бога Израиля, Авраама и Иакова, скажите, какие новости вы привезли из Европы?

Пальмирен Розет привскочил в кресле, словно его что-то укололо.

— Новости из Европы? — воскликнул он. — Он хочет знать новости о Европе!

— Да... да... — повторил Исаак, цепляясь за кресло, так как Бен-Зуф пытался силой оттащить его от профессора.

— А для чего вам это нужно? — спросил Пальмирен Розет.

— Чтобы возвратиться туда.

— Возвратиться в Европу! Какое у нас нынче число? — спросил профессор, обернувшись к своему прежнему ученику.

— Двадцатое апреля, — отвечал капитан Сервадак.

— Так вот, сегодня, двадцатого апреля, — заявил с сияющим лицом Пальмирен Розет, — Европа находится от нас на расстоянии ста двадцати трех миллионов лье!

Исаак Хаккабут всем своим видом изобразил такое отчаяние, словно сердце его разрывалось на части.

— Как так? — удивился Пальмирен Розет. — Разве вам здесь ничего не известно?

— Вот что нам известно! — сказал капитан Сервадак.

И в немногих словах он рассказал профессору обо всем, что произошло после ночи 31 декабря, о том, как «Добрыня» отправился в плаванье, как они обследовали остатки суши, то есть Туниса, Сардинии, Гибралтара, Форментеры, как трижды подряд в их руки попадали чьи-то записки, как, наконец, они переселились с острова Гурби на Теплую Землю и сменили прежнее убежище на Улей Нины.

Пальмирен Розет не без нетерпения выслушал этот рассказ. Затем, когда капитан Сервадак умолк, он спросил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Как вы думаете, господа, где вы теперь находитесь?

— На новом астероиде, который вращается в пределах солнечной системы, — отвечал капитан Сервадак.

— А что же, по-вашему, представляет собой этот новый астероид?

— Огромный обломок, оторванный от земного шара.

— Оторванный? Ах вот как? Скажите пожалуйста! Обломок земного шара! А почему, по какой причине он оторвался?

— От столкновения с кометой, которой вы, дорогой профессор, дали имя Галлии.

— Так нет же, господа, — объявил Пальмирен Розет, вставая с кресла. — Дело обстоит гораздо лучше!

— Гораздо лучше? — живо спросил лейтенант Прокофьев.

— Да, — продолжал профессор, — да! Совершенно справедливо, что неизвестная комета столкнулась с Землей в ночь с тридцать первого декабря на первое января в два часа сорок семь минут тридцать пять и шесть десятых секунды пополуночи. Но она только слегка задела Землю и унесла с собой лишь несколько частиц ее поверхности, те самые, что вы нашли во время морской экспедиции.

— В таком случае, — воскликнул капитан Сервадак, — мы находимся сейчас...

— На светиле, которому я дал имя Галлии, — с торжеством объявил Пальмирен Розет. — Вы находитесь на моей комете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несколько вариаций на старую, всем знакомую тему как о кометах солнечной системы, так и обо всех прочих

Когда профессору Пальмирену Розету доводилось читать лекции по кометографии, вот каким образом, следуя утверждениям лучших астрономов, он определял кометы:

«Светила, состоящие из центральной твердой части, называемой ядром, из туманного вещества, называемого головой, и светящейся полосы, называемой хвостом. Означенные небесные тела становятся видимыми для обитателей Земли лишь на небольшом отрезке своего пути, вследствие крайне вытянутой орбиты, которую они описывают вокруг Солнца».

Вслед за этим Пальмирен Розет никогда не забывал добавить, что его определение необычайно точно, кроме тех случаев, когда у этих светил недостает ядра, или хвоста, или головы и они все же остаются кометами.

Поэтому, как он предусмотрительно отмечал вслед за Араго, небесное тело, чтобы заслужить громкое название кометы, должно, во-первых, быть наделено движением и, во-вторых, описывать сильно вытянутый эллипс, уносясь вследствие этого на столь далекое расстояние, что становится невидимым как с Земли, так и с Солнца. При соблюдении первого условия светило нельзя спутать со звездой, при соблюдении второго — нельзя принять за планету. Таким образом, не принадлежа к категории метеоров, не будучи ни планетой, ни звездой, небесное тело бесспорно является кометой.

Провозглашая эти истины на своих лекциях, профессор Пальмирен Розет и не подозревал, что в один прекрасный день комета умчит его самого в межпланетное пространство. Он всегда испытывал особое пристрастие к этим светилам, хвостатым или бесхвостым. Уж не предчувствовал ли он, что́ готовит ему будущее? Во всяком случае, он был весьма сведущ в кометографии. После столкновения, очнувшись на Форментере, профессор, должно быть, особенно сожалел, что перед ним нет аудитории, которой он тут же прочел бы лекцию о кометах и изложил бы свою тему в следующем порядке:

1-е. Сколько комет насчитывается в мировом пространстве?

2-е. Что такое кометы периодические, то есть возвращающиеся через определенные промежутки времени, и что такое кометы непериодические?

3-е. Какова вероятность столкновения между Землей и одной из комет?

4-е. Каковы были бы последствия столкновения Земли с кометой, обладающей твердым ядром, и с кометой, лишенной такового?

Ответив с исчерпывающей точностью на все четыре вопроса, Пальмирен Розет, несомненно, удовлетворил бы самых придирчивых слушателей.

В этой главе мы дадим ответы за него.

Ответ на первый вопрос: Сколько комет насчитывается в мировом пространстве?

Кеплер утверждал, что кометы в небе столь же многочисленны, как рыбы в океане.

Араго, беря за основу количество этих небесных тел, обращающихся между Меркурием и Солнцем, доводил число тех, что странствуют в границах одной лишь солнечной системы, до семнадцати миллионов.

Ламбер утверждал, что только между нами и Сатурном, то есть на протяжении трехсот шестидесяти четырех миллионов лье, комет насчитывается около пятисот миллионов.

Другие астрономы насчитали в мировом пространстве семьдесят четыре миллиона миллиардов комет.

Истина состоит в том, что число этих хвостатых светил совершенно неизвестно, их никто не сосчитал и никто никогда не сосчитает; несомненно одно — они чрезвычайно многочисленны. Продолжив и дополнив придуманное Кеплером сравнение, можно сказать, что, сто́ит рыболову, сидящему на поверхности Солнца, закинуть удочку в космическое пространство, он непременно выловит одну из комет.

И это еще далеко не все. По мировому пространству носится множество комет, которые избежали силы притяжения Солнца. Есть среди них бродячие светила, настолько капризные и своенравные, что они покидают одну сферу притяжения и перелетают в другую. Они сменяют солнечные миры с достойным сожаления легкомыслием; на земном горизонте появляются те, которых никто еще никогда не видел, и исчезают другие, чтобы никогда уже более не возвратиться.

Можно ли утверждать, говоря только о кометах, принадлежащих к солнечной системе, что орбиты у них постоянны, не подвержены изменениям и что вследствие этого невозможно ни столкновение их друг с другом, ни с Землей? Нет, этого утверждать нельзя! Орбиты комет ни в коей мере не защищены от посторонних влияний. Из эллиптических они могут превратиться в параболические или гиперболические. Один Юпитер, например, вносит в движение комет больше беспорядка, чем все другие светила. По наблюдениям

астрономов, он как будто нарочно встречается им на пути и оказывает порой на эти слабые астероиды роковое влияние, объясняющееся огромной силой его притяжения.

Таков в общих чертах мир комет, насчитывающий в своем составе миллионы небесных тел.

Ответ на второй вопрос: Что такое кометы периодические и кометы непериодические?

Просматривая астрономические летописи, можно насчитать от пятисот до шестисот комет, явившихся в разные эпохи предметом серьезных наблюдений. Однако из этого числа найдется всего сорок, периоды обращения которых точно известны.

Эти сорок светил делятся на кометы периодические и кометы непериодические. Первые появляются на земном горизонте через более или менее долгие, но почти правильные промежутки времени. Вторые, сроки возвращения которых невозможно предсказать, удаляются от Солнца на расстояния, поистине не поддающиеся измерению.

Среди периодических комет имеется десять так называемых «короткопериодических», и пути их движения вычислены с большой точностью. Это кометы Галлея, Энке, Гамбара, Фая, Брорзена, Д'Ареста, Туттля, Виннеке, Вико и Темпеля.

Здесь уместно рассказать в нескольких словах историю перечисленных комет, ибо одна из них задела земной шар именно так, как задела его комета Галлия.

Комета Галлея была известна ранее других. Предполагают, что она появлялась в 134 и 52 годах до рождества Христова, затем в 400, 855, 930, 1006, 1230, 1305, 1380, 1456, 1531, 1607, 1682, 1759 и 1835 годах. Она движется с востока на запад, то есть в направлении противоположном вращению планет вокруг Солнца. Промежутки между ее появлениями колеблются от семидесяти пяти до семидесяти шести лет; смотря по тому, какие возмущения были внесены в движение кометы Юпитером или Сатурном, она может запоздать на шестьсот дней и более. Знаменитый Гершель, который наблюдал эту комету с мыса Доброй Надежды и находился, следовательно, в луч-

ших условиях, чем астрономы Северного полушария, мог проследить ее с момента появления в 1835 году вплоть до конца марта 1836 года, когда она стала невидимой, улетев на слишком большое расстояние от Земли. В своем перигелии комета Галлея проходит в двадцати двух миллионах лье от Солнца, то есть еще ближе от него, чем Венера, — то же самое, повидимому, произошло и с Галлией. В своем афелии комета удаляется от Солнца на миллиард триста миллионов лье, то есть уносится за орбиту Нептуна.

Комета Энке совершает полный оборот вокруг Солнца в наиболее короткий период, в среднем в тысячу двести пять дней, иначе говоря меньше чем в три с половиной года. Она движется в прямом направлении, с запада на восток. Открыта она была 26 ноября 1818 года, и, вычислив ее элементы, астрономы определили, что она тождественна с кометой, замеченной в 1805 году. Согласно предсказанию астрономов она появилась вновь в 1822, 1825, 1829, 1832, 1835, 1838, 1842, 1845, 1848, 1852 годах и так далее, неизменно показываясь на земном горизонте в назначенные сроки. Ее орбита не заходит за орбиту Юпитера. Таким образом, комета не удаляется от Солнца более чем на сто пятьдесят шесть миллионов лье, а приближается к нему на тринадцать миллионов лье, то есть еще больше, чем Меркурий. Астрономы сделали одно важное наблюдение, — оказывается, большая ось эллиптической орбиты этой кометы постепенно уменьшается, и, следовательно, среднее ее расстояние от Солнца становится все короче. Вполне возможно поэтому, что комета Энке в конце концов упадет на раскаленное светило и сольется с ним, если только до этого не испарится на лету от солнечного жара.

Комета Гамбара, иначе называемая кометой Биэлы, была замечена уже в 1772, 1789, 1795, 1805 годах, но лишь 28 февраля 1826 года были определены элементы ее орбиты. Период ее обращения постоянен и длится две тысячи четыреста десять дней, почти семь лет. В перигелии она проходит на расстоянии тридцати двух миллионов семисот десяти тысяч лье от

Солнца, то есть немного ближе Земли, в афелии — на расстоянии двухсот тридцати пяти миллионов трехсот семидесяти тысяч лье, значит за орбитой Юпитера. Любопытное явление произошло в 1846 году. Комета Биэлы показалась на земном горизонте в раздвоенном виде. Она разделилась на две части по дороге, вероятно под действием внугренних сил. Обе части продолжали свой путь сообща, на расстоянии шестидесяти тысяч лье друг от друга, однако в 1852 году это расстояние увеличилось до пятисот тысяч лье.

Комета Фая, отмеченная впервые 22 ноября 1843 года, имеет постоянный период обращения. После вычисления элементов ее орбиты было предсказано, что комета вернется в 1851 году, через семь с половиной лет, вернее через две тысячи семьсот восемнадцать дней. Предсказание исполнилось: светило появилось в назначенный срок, пройдя мимо Солнца на расстоянии шестидесяти четырех миллионов шестисот пятидесяти тысяч лье, то есть дальше Марса, и удалившись от него на двести двадцать шесть миллионов пятьсот шестьдесят тысяч лье, то есть несколько больше, чем Юпитер.

Комета Брорзена, также с постоянным периодом обращения, была открыта 26 февраля 1846 года. Она совершает свой полный оборот в пять с половиной лет, или в две тысячи сорок два дня. В перигелии она отстоит от Солнца на двадцать четыре миллиона шестьсот четырнадцать тысяч лье, в афелии — на двести шестнадцать миллионов лье.

Что касается остальных короткопериодических комет, то комета Д'Ареста совершает свой оборот немногим более чем в шесть с половиной лет и в 1862 году прошла лишь в одиннадцати миллионах лье от Юпитера, комета Туттля — в тринадцать лет и восемь месяцев, комета Виннеке в пять с половиной лет, комета Темпеля приблизительно за тот же период, комета же Вико, по всей вероятности, затерялась в небесных пространствах. Однако эти светила далеко не так тщательно исследованы, как ранее упомянутые пять комет.

Теперь остается перечислить главные кометы с большим периодом обращения, причем сорок из них изучены с довольно большой точностью.

Комета 1556 года, названная кометой Карла Пятого, возвращения которой ожидали в 1860 году, так и не появилась.

Комета 1680 года, изученная Ньютоном и вызвавшая, если верить Уистону, всемирный потоп, ибо слишком приблизилась к Земле, якобы появлялась в 619 и 43 годах до рождества Христова, затем в 531 и 1106 годах. Период ее обращения — шестьсот семьдесят пять лет, и в своем перигелии она проходит так близко от Солнца, что получает солнечного тепла в двадцать восемь тысяч раз больше, чем Земля, иначе говоря, ее температура в две тысячи раз выше температуры расплавленного железа.

Комету 1586 года сравнивали по яркости со звездой первой величины.

Комета 1744 года тянула за собой несколько хвостов, напоминая трехбунчужного пашу в свите турецкого султана.

Комета 1811 года, прославившая год своего появления, была окружена кольцом, имевшим сто семьдесят одно лье в диаметре, и туманностью в четыреста пятьдесят тысяч лье, а длина ее хвоста достигала сорока пяти миллионов лье.

Комету 1843 года, которую отождествляли с кометой 1668, 1494 и 1317 годов, наблюдал Кассини, но астрономы расходятся во мнениях относительно длительности ее обращения. Она проходит всего в двенадцати тысячах лье от дневного светила со скоростью пятнадцати тысяч лье в секунду и получает столько тепла, сколько могли бы посылать на Землю сорок семь тысяч солнц. Ее хвост был виден даже среди бела дня, так сильно он был накален.

Комета Донати, столь ярко блеставшая среди северных созвездий, обладает массой, равной одной семисотой части массы Земли.

Комета 1862 года, украшенная сверкающими рогами, напоминала некую причудливую раковину.

Наконец, комета 1864 года, оборот которой завершится не менее чем за две тысячи восемьсот веков, можно сказать, затерялась в бесконечном мировом пространстве.

Ответ на третий вопрос: Какова вероятность столкновения между Землей и одной из комет?

Если начертить на бумаге планетарные орбиты и орбиты комет, то мы увидим, что они пересекаются во многих точках. Но в пространстве это не так. Плоскости всех этих орбит наклонны под различными углами к плоскости эклиптики, иначе говоря, к плоскости земной орбиты. Несмотря на эту «меру предосторожности», принятую творцом, не может разве случиться, при громадном множестве комет, что одна из них заденет Землю?

Вот что можно ответить на это.

Земля, как мы знаем, никогда не выходит из плоскости эклиптики, и ее орбита всеми своими точками совпадает с этой плоскостью.

При каких же условиях комета может столкнуться с Землей?

Во-первых, при условии, что комета окажется в плоскости эклиптики.

Во-вторых, если комета пересечет эклиптику в той самой точке, в которой в данный момент будет находиться Земля.

В-третьих, если расстояние между центрами обоих небесных тел окажется меньше их радиусов.

Могут ли, однако, все эти условия встретиться одновременно и тем самым вызвать столкновение?

Когда у Араго спрашивали его мнение на этот счет, он отвечал:

«Теория вероятностей позволяет оценить шансы подобного столкновения и доказывает, что при появлении неизвестной кометы существует двести восемьдесят миллионов шансов против одного, что она никогда не заденет земной шар».

Лаплас не отвергает возможности столкновения кометы с Землей и описывает его опасные последствия в своем труде «Изложение системы мира».

Велика ли вероятность такого столкновения? Каждый может судить об этом по своему разумению. Необходимо отметить к тому же, что расчеты знаменитого астронома основаны на двух условиях, которые могут меняться до бесконечности. В самом деле, он требует: во-первых, чтобы комета в перигелии оказалась ближе к Солнцу, чем Земля, во-вторых, чтобы диаметр кометы равнялся четверти диаметра Земли.

Кроме того, в этих расчетах речь идет лишь о столкновении ядра кометы с земным шаром. Если же мы хотим определить шансы встречи Земли с туманностью, то их окажется в десять раз больше, иначе говоря существует двести восемьдесят один миллион шансов против десяти или двадцать восемь миллионов сто тысяч шансов против одного, что Земля не встретится с туманностью.

Однако, оставаясь в рамках первого вопроса, Араго добавляет:

«Допустим на миг, что комета, которая столкнулась бы с Землей, уничтожила бы весь человеческий род целиком; в этом случае опасность погибнуть при встрече Земли с кометой равнялась бы для каждого человека в отдельности опасности, грозящей ему в том случае, если из двухсот восьмидесяти одного миллиона шаров, находящихся в урне, он вытащил бы в начале жеребьевки белый шар, означающий приговор к смерти!»

Итак, из всего этого вытекает, что нет ничего невозможного в столкновении Земли с какой-нибудь кометой.

Случалось ли это когда-нибудь раньше?

Нет, отвечают астрономы, ибо, как говорит Араго, «из того, что Земля продолжает вращаться вокруг одной и той же оси, можно с уверенностью заключить, что она никогда не сталкивалась с кометой. В самом деле, в случае какого-нибудь давнего столкновения постоянная ось вращения сместилась бы и широты земного шара подверглись бы изменению, чего, однако, наши наблюдения не подтверждают. Неизменность земных широт, следовательно, доказывает, что ни одна комета ни разу с сотворения мира не задевала земного шара. Нельзя также по примеру некоторых ученых

приписывать встрече Земли с кометой то явление, что уровень Каспийского моря лежит на сто метров ниже уровня океана».

Итак, нам представляется несомненным, что в прошлые века столкновения не было, однако возникает вопрос, могло ли оно произойти?

Здесь, конечно, приходит на ум комета Гамбара.

Появление в 1832 году кометы Гамбара вызвало на Земле неподдельный ужас. Благодаря довольно редкому космическому совпадению орбита ее почти пересекает орбиту Земли. И вот 29 октября, около полуночи, комета должна была пройти совсем близко от одной из точек земной орбиты. Достигнет ли Земля этой точки в тот же самый момент? Если бы это случилось, произошло бы столкновение, ибо согласно наблюдениям Ольбера радиус кометы равнялся пяти земным радиусам, и туманность кометы неизбежно покрыла бы часть земной орбиты.

К счастью, Земля достигла данной точки эклиптики лишь месяц спустя, 30 ноября, а так как скорость ее движения равняется шестистам семидесяти четырем тысячам лье в сутки, то к тому времени комета уже умчалась от нее дальше чем на двадцать миллионов лье.

Отлично; однако встреча произошла бы, если бы Земля достигла этой точки своей орбиты на месяц раньше или комета — на месяц позже. Могло ли это случиться? Несомненно, ибо если трудно допустить, что скорость движения земного шара может измениться, замедление скорости кометы — вещь вполне возможная, — стольким возмущающим влияниям подвергаются на своем пути эти небесные тела.

Итак, если подобное столкновение и не произошло в прошедшие века, оно все же, несомненно, могло произойти.

К тому же упомянутая комета Гамбара уже появлялась ранее, в 1805 году, причем она прошла тогда в десять раз ближе к Земле, всего-навсего в двух миллионах лье. Однако в то время никто этого не знал, и ее появление не вызвало никакой паники. Не так обстояло дело с кометой 1843 года: люди опаса-

лись, как бы она не задела земной шар своим хвостом и не отравила бы земную атмосферу.

Ответ на четвертый вопрос: Допустив, что столкновение между Землей и кометой может произойти, каковы будут последствия подобного столкновения?

Они будут различны, в зависимости от того, обладает ли данная комета ядром, или не обладает.

Действительно, одни из этих блуждающих светил имеют ядро, другие, подобно некоторым плодам, лишены его.

Если у кометы нет твердого ядра, то она состоит из туманного вещества, столь разреженного, что сквозь него удается порою разглядеть звезды десятой величины. Этим объясняются частые изменения формы комет и трудность установить их тождество. То же легкое разреженное вещество входит в состав кометного хвоста. Это как бы испарения самой кометы под воздействием солнечного жара. Доказательством служит то, что хвосты комет — либо в форме длинной метлы, либо широкого веера — появляются только на расстоянии тридцати миллионов лье от Солнца, то есть ближе, чем отстоит от Солнца Земля. Случается, впрочем, что у некоторых комет, состоящих из вещества более плотного, устойчивого, нечувствительного к воздействию высоких температур, не обнаруживается вообще никакого придатка.

В случае, если земной шар встретится с кометой, лишенной ядра, между ними не произойдет столкновение в подлинном смысле слова. По выражению астронома Фая, паутина, быть может, представляла бы более трудное препятствие для ружейной пули, чем туманность кометы. Если вещество, из которого состоит хвост или голова кометы, не вредно для здоровья, людям нечего бояться. Тревогу вызывают следующие соображения: пары хвоста могут быть раскаленными, и в этом случае они спалят все дотла на поверхности земного шара или же отравят земную атмосферу газами, опасными для живых существ. Однако трудно себе представить, что последнее предположение осуществится. В самом деле, согласно Бабинэ, земная атмосфера, как бы разрежена она ни

была в верхних слоях, обладает все же весьма значительной плотностью сравнительно с плотностью оболочки и хвоста кометы и останется для них непроницаемой. Разреженность кометных паров позволила Ньютону утверждать, что если комету без ядра радиусом в триста шестьдесят пять миллионов лье довести до степени плотности земной атмосферы, она целиком уместится в наперстке диаметром в двадцать пять миллиметров.

Итак, встреча с кометами, состоящими из обычной туманности, большой опасностью не угрожает. Но что бы случилось, если бы хвостатое светило обладало твердым ядром?

Прежде всего, существуют ли эти ядра? Мы ответим, что они должны появляться, когда комета достигла такой плотности, что может перейти из газообразного в твердое состояние. В этих случаях, пролетая между наблюдателем, находящимся на Земле, и звездой, она затмевает звезду.

В частности, если верить Анаксагору, в 480 году до рождества Христова, во времена Ксеркса, затмение Солнца было вызвано кометой. Позже, за несколько дней до смерти Августа, Дион также наблюдал подобного рода затмение, которое нельзя было приписать Луне, ибо Луна в тот день находилась в противостоянии.

Необходимо оговориться, что кометографы оспаривают оба эти свидетельства, и, может быть, они правы. Но другие свидетельства, более новые, не позволяют подвергать сомнению существование кометных ядер. Действительно, кометы 1774 и 1828 годов затмили звезды восьмой величины. Непосредственными наблюдениями доказано также, что кометы 1402, 1532 и 1744 годов обладали твердым ядром. В отношении кометы 1843 года этот факт тем более достоверен, что светило было видимо вблизи от Солнца среди бела дня и без помощи подзорной трубы.

Твердые ядра не только существуют у некоторых комет, но даже удается измерить их величину. Так, нам известны различные диаметры ядер, начиная от

одиннадцати — двенадцати лье у комет 1798 и 1805 годов (Гамбар) до трех тысяч двухсот лье у кометы 1845 года. Следовательно, ядро этой последней превосходит по величине земной шар, так что в случае столкновения перевес, пожалуй, оказался бы на стороне кометы.

Что касается некоторых наиболее замечательных туманностей, величина которых была измерена, то она колеблется от семи тысяч двухсот до четырехсот пятидесяти тысяч лье.

В заключение мы скажем вместе с Араго — в мире существуют или могут существовать:

Во-первых: кометы без ядра.

Во-вторых: кометы с ядром, по всей очевидности прозрачным.

В-третьих: кометы, блистающие ярче планет, с ядром, повидимому, плотным и непроницаемым.

А теперь, прежде чем говорить о возможных последствиях встречи между Землей и одним из этих светил, следует заметить, что даже без прямого столкновения могут произойти при этом весьма необычайные явления.

В самом деле, встреча на близком расстоянии с кометой значительной величины и массы не лишена опасности. Если ее масса ничтожна, нам нечего бояться. Так, комета 1770 года, приблизившись к Земле на шестьсот тысяч лье, ни на секунду не изменила длительность земного года; напротив, влияние Земли замедлило на два дня время обращения кометы.

Однако, в случае если массы обоих небесных тел были бы равны, если комета прошла бы всего в пятидесяти пяти тысячах лье от Земли, она удлинила бы земной год на шестнадцать часов пять минут и увеличила бы на два градуса наклон эклиптики. Возможно также, что по дороге она похитила бы Луну.

Наконец, каковы были бы последствия в случае столкновения? Мы это сейчас узнаем.

Либо комета, слегка задев земной шар, оставила бы там часть своей массы, либо оторвала бы несколько частиц от Земли (как это случилось с Гал-

лией), либо, наконец, слилась бы с Землей, образовав на земной поверхности новый материк.

Во всех трех случаях тангенциальная скорость движения Земли оказалась бы внезапно нарушенной. От чудовищного толчка живые существа, деревья, дома швырнуло бы по направлению движения Земли со скоростью восьми лье в секунду, с какой мчала их до толчка Земля. Моря вышли бы из берегов и затопили бы сушу. Расплавленные массы из центра земного шара пробили бы земную кору, стремясь вырваться наружу. Земная ось переместилась бы, и старая линия экватора сменилась бы новой. Наконец, скорость движения Земли затормозилась бы, вследствие чего центробежная сила перестала бы уравновешивать силу притяжения Солнца, Земля полетела бы прямо по направлению к Солнцу и через шестьдесят четыре с половиной дня упала бы на него и расплавилась.

Если же применить теорию Тиндаля о том, что тепло есть не что иное, как вид движения, то скорость Земли при внезапном ее нарушении механически превратилась бы в тепло, и тогда под воздействием температуры, доходящей до миллионов градусов, Земля испарилась бы в несколько секунд.

Однако покончим с этим кратким обзором, — имеется двести восемьдесят один миллион шансов против одного, что столкновение между Землей и какой-нибудь из комет не произойдет никогда.

«Разумеется, это так, — как сказал впоследствии Пальмирен Розет, — разумеется, это так, но мы вытянули белый шар!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Пальмирен Розет настолько доволен своей судьбой, что это не может не вызвать тревогу

«Вы находитесь на моей комете!» — таковы были последние слова, произнесенные профессором. После этого, нахмурив брови, он обвел своих слушателей грозным взглядом, как будто кто-нибудь из них соби-

рался оспаривать его права собственности на Галлию. Может быть, он даже спрашивал себя, по какому праву эти незваные гости, толпившиеся вокруг него, водворились в его владениях.

Между тем капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев хранили молчание. Наконец-то они узнали истину, постигнуть которую стремились с таким упорством. Читатель помнит, какие гипотезы были приняты ими одна за другой после долгих и серьезных обсуждений: сначала изменение оси вращения Земли и перемещение двух стран света — востока и запада, затем — осколок, отделившийся от земного сфероида и улетевший в пространство, наконец — неведомая комета, которая, слегка задев Землю, увлекла за собой часть земной поверхности и мчит теперь ее обитателей куда-то в звездные миры.

Прошедшее они знали. Настоящее — видели, ощущали. Каково же будет будущее? Предвидел ли его ученый чудак? Ни Гектор Сервадак, ни его спутники не решались задать профессору этот вопрос.

Пальмирен Розет, напустив на себя важный профессорский вид, казалось, ожидал, что посторонние, собравшиеся в зале, будут ему представлены.

Гектор Сервадак, чтобы задобрить раздражительного и обидчивого астронома, тут же приступил к церемонии.

— Его сиятельство граф Тимашев, — сказал он, представляя своего спутника.

— Добро пожаловать, граф, — приветствовал его Пальмирен Розет с благосклонным видом хозяина, принимающего гостей у себя в доме.

— Господин профессор, — заявил граф Тимашев, — я попал на вашу комету не совсем по доброй воле, но тем не менее весьма вам признателен за гостеприимство.

Гектор Сервадак, оценив иронию этого ответа, слегка усмехнулся и продолжал:

— Лейтенант Прокофьев, командир шкуны «Добрыня», на которой мы совершили плавание вокруг Галлии.

— Кругосветное плавание? — живо переспросил профессор.

— Именно кругосветное, — подтвердил капитан Сервадак.

Затем продолжал:

— Бен-Зуф, мой денщ...

— Адъютант генерал-губернатора Галлии! — поспешно перебил Бен-Зуф, который не желал отказаться от столь высокого звания ни за себя, ни за своего капитана.

Один за другим были представлены профессору русские матросы, испанцы, юный Пабло и крошка Нина, на которую профессор сердито посмотрел сквозь огромные очки, показывая всем своим видом, что терпеть не может детей.

Когда дело дошло до Исаака Хаккабута, тот приблизился к ученому со словами:

— Господин астроном, один вопрос, один-единственный вопрос, чрезвычайно для меня важный... Когда можно надеяться на возвращение?..

— Э-э! — протянул профессор. — Зачем говорить о возвращении? Ведь мы только что отправились в путь.

Когда церемония представления была закончена, Гектор Сервадак попросил Пальмирена Розета рассказать, как он попал на Форментеру.

Вот его рассказ в немногих словах.

Французское правительство, желая проверить длину Парижского меридиана, назначило для этой цели ученую комиссию, в которую Пальмирен Розет ввиду его неуживчивого характера не был приглашен. Обиженный и разгневанный профессор решил работать в одиночку, на свой страх и риск. Подозревая, что первоначальные геодезические съемки изобилуют ошибками, он порешил заново проверить длину отрезка меридиана, заключенного между островом Форментерой и испанским побережьем и сделать это при помощи треугольника, одна из сторон которого равнялась сорока лье. Эту работу, кстати сказать, уже проделали до него с исключительной точностью Араго и Био.

Итак, Пальмирен Розет уехал из Парижа. Прибыв на Балеарские острова, он устроил обсерваторию на самой высокой горе Форментеры и поселился там в одиночестве со своим слугой Жозефом. В то же время один из его прежних лаборантов, приглашенный для этой цели, установил на одной из вершин испанского побережья сигнальный маяк такой яркий, что его можно было видеть в подзорную трубу с острова Форментеры. Несколько книг, измерительные приборы, двухмесячный запас продовольствия — вот и все, что было у Пальмирена Розета, не считая астрономической трубы, неразлучной спутницы ученого, которая как бы составляла неотъемлемую часть его самого. Дело в том, что бывший профессор лицея Карла Великого был одержим одной страстью — он любил исследовать звездное небо в надежде обессмертить свое имя каким-нибудь новым открытием. Это была его мания.

Задача Пальмирена Розета требовала прежде всего необычайного терпения. Чтобы определить вершину треугольника, он должен был каждую ночь ловить сигнальный огонь, зажженный его лаборантом на испанском побережье, помня, что в тех же условиях Араго и Био понадобился шестьдесят один день для достижения этой цели. К несчастью, как мы уже говорили, на редкость густой, плотный туман заволакивал в эти дни не только Средиземное море, но почти весь земной шар целиком.

Однако как раз в районе Балеарских островов в пелене тумана нередко образовывались просветы. Надо было, пользуясь этим, тщательно наблюдать за огнем маяка, что́, по правде сказать, не мешало Пальмирену Розету изредка посматривать на небосвод, ибо он одновременно проверял карту той части звездного неба, где находится созвездие Близнецов.

В этом созвездии можно различить простым глазом самое большее шесть звезд, а в телескоп с объективом в двадцать семь сантиметров их насчитывают более шести тысяч. Не имея под рукой рефлектора такой силы, Пальмирен Розет волей-неволей пользовался своим небольшим телескопом.

И вот однажды, исследуя небесные глубины в созвездии Близнецов, он заметил какую-то блестящую точку, которая не значилась ни на одной карте. Вероятно, это была звезда, еще не занесенная в каталог. Однако, внимательно наблюдая за ней несколько ночей подряд, профессор обнаружил, что светило перемещается чрезвычайно быстро относительно окружающих его неподвижных звезд. Неужели это новая малая планета, ниспосланная ему богом астрономов? Неужели он наконец-то сделал открытие?

Пальмирен Розет, продолжая наблюдать с удвоенным вниманием, установил по скорости движения светила, что это не что иное, как комета. Вскоре обозначилась ее туманность, а затем, когда комета приблизилась к Солнцу на расстояние тридцати миллионов лье, по небу раскинулся ее хвост.

Надо откровенно признаться, что с этого момента триангуляция была совершенно забыта. Лаборант Пальмирена Розета, без всякого сомнения, каждую ночь добросовестно зажигал сигнальный огонь на испанском берегу, но так же несомненно, что Пальмирен Розет и не думал смотреть в ту сторону. Объектив его телескопа был направлен исключительно на новое хвостатое светило, которое профессор хотел изучить и окрестить по своему усмотрению. Все его мысли были прикованы к участку небосвода, ограниченному созвездием Близнецов.

При вычислении элементов кометы в первом приближении принимают ее орбиту за параболическую. Это наилучший способ. Действительно, кометы обычно становятся видимыми у своего перигелия, то есть на ближайшем расстоянии от Солнца, находящегося в одном из фокусов орбиты. Таким образом, между эллипсом и параболой с одним и тем же фокусом разница не будет ощутительной на данном отрезке кривой, ибо парабола — не что иное, как эллипс с бесконечно большой осью.

Поэтому Пальмирен Розет построил свои вычисления на гипотезе параболической кривой, и это было правильно.

Для определения круга необходимо знать три точки его окружности; точно так же для определения элементов орбиты кометы необходимо наблюдать ее в трех последовательных положениях на небе. Тогда можно проследить путь светила в пространстве и установить его так называемые «эфемериды».

Но Пальмирен Розет не удовольствовался наблюдением кометы в трех положениях. Пользуясь тем, что по счастливой случайности туман в зените рассеялся, ученый произвел десять, двадцать, тридцать наблюдений прямого восхождения и склонения и определил с величайшей точностью пять элементов орбиты нового светила, которое перемещалось с устрашающей быстротой.

Итак, он вычислил:

1. Наклон плоскости кометной орбиты к эклиптике, то есть к плоскости, в которой Земля вращается вокруг Солнца. Обычно угол, образуемый этими плоскостями, весьма значителен, что, как известно, уменьшает возможность столкновения. Но в данном случае обе плоскости совпадали.

2. Положение угла восхождения кометы, то есть ее долготу на эклиптике, иначе говоря точку, где хвостатое светило пересекает земную орбиту.

После вычисления этих двух элементов положение в пространстве плоскости кометной орбиты было определено.

3. Направление большой оси орбиты. Оно было найдено путем вычисления долготы кометы в перигелии, и Пальмирен Розет получил таким способом отрезок параболы на уже известной ему плоскости.

4. Положение кометы в перигелии, иначе говоря расстояние, отделяющее ее от Солнца в точке наибольшего приближения к нему; это вычисление позволило в конечном итоге точно определить форму параболической орбиты, в фокусе которой находилось Солнце.

5. И, наконец, направление движения кометы. Она летела в направлении, обратном движению планет, то есть перемещалась с востока на запад[1].

---

[1] Из 252 комет 123 движутся в прямом направлении и 129 — в направлении обратном *(Прим. автора)*

Определив пять элементов орбиты кометы, Пальмирен Розет точно вычислил время, когда комета достигнет перигелия. Потом, обнаружив, к своей величайшей радости, что комета никем еще не открыта, он дал ей название Галлии, хоть ему и хотелось окрестить ее Пальмира или Розета. После этого он приступил к составлению обстоятельного доклада.

Невольно возникает вопрос, предвидел ли профессор возможность столкновения между Землей и Галлией.

Без сомнения, он знал, что столкновение не только возможно, но и неизбежно.

Мало сказать, что он обрадовался этому. То был исступленный восторг, астрономическая горячка. Подумать только! В ночь с 31 декабря на 1 января Землю заденет комета, и столкновение будет тем ужаснее, что оба светила летят в противоположных направлениях!

Всякий другой, испугавшись, немедленно уехал бы с Форментеры. Он же остался на посту. Мало того, что астроном не покинул острова, он еще утаил от всех свое открытие. Узнав из газет, что густые облака препятствуют наблюдениям на обоих континентах, и выяснив, что ни одна обсерватория не оповестила о новой комете, ученый проникся уверенностью, что он единственный, кто открыл ее.

Так оно и было на самом деле, и лишь это обстоятельство избавило род людской от ужасной паники, которая неизбежно распространилась бы среди обитателей Земли, знай они о грозящей опасности.

Итак, один лишь Пальмирен Розет предвидел столкновение Земли с неизвестной кометой, которая, блеснув ему в небе над Балеарскими островами, тщательно пряталась в других местах от взоров астрономов.

Профессор упрямо засел на Форментере, в особенности потому, что согласно его вычислениям хвостатое светило должно было удариться о Землю на юге Алжира. Он непременно хотел при этом присутствовать, так как комета обладала твердым ядром и «зрелище предстояло прелюбопытное»!

Столкновение совершилось; что̀ до его последствий, то они нам уже известны. Пальмирен Розет мгновенно потерял из виду своего слугу Жозефа, и когда после долгого беспамятства пришел в себя, то оказался совершенно один на маленьком клочке суши. Это все, что осталось от Балеарских островов.

Профессор рассказал эту историю, прерывая ее сердитыми замечаниями и гневно хмуря брови, хотя внимательные слушатели не подавали к тому никакого повода. Он закончил следующими словами:

— После этого произошли важные перемены: перемещение стран света, уменьшение силы тяжести. Но я ни минуты не заблуждался, подобно вам, господа, ни минуты не думал, будто нахожусь еще на земном сфероиде. Нет! Земля продолжает свой путь в пространстве с неизменным спутником Луной, которая вовсе ее не покидала, она движется по обычной орбите, нисколько не изменившейся после катаклизма. Впрочем, комета, можно сказать, только зацепила Землю, оторвав от нее лишь несколько незначительных частиц, которые вы обнаружили во время плавания. Итак, все произошло как нельзя лучше, и нам не на что жаловаться. В самом деле, ведь комета могла либо раздавить нас при столкновении, либо слиться с земным шаром, и в обоих случаях мы не имели бы счастья странствовать по солнечной системе.

Пальмирен Розет говорил это с таким удовлетворенным видом, что никто не осмелился ему противоречить. Только Бен-Зуф дерзнул вставить замечание, что «ежели бы комета вместо Африки зацепила Монмартрский холм, тот, несомненно, устоял бы, и тогда...»

— Монмартр? — вскричал Пальмирен Розет. — Ваш холмик разнесло бы в пух и прах, как простую кочку!

— Кочку? — с негодованием воскликнул Бен-Зуф, задетый за живое. — Да мой холм сам ухватил бы на лету вашу паршивую комету и нахлобучил бы ее как шапку!

Чтобы пресечь этот неуместный спор, Гектор Сервадак заставил Бен-Зуфа замолчать, объяснив профес-

сору, какие нелепые идеи вбил себе в голову его денщик о своем родном Монмартре.

Итак, инцидент был исчерпан, но Бен-Зуф так и не простил Пальмирену Розету презрительного отзыва о его родном холме!

Однако оставалось еще неизвестным, продолжал ли Пальмирен Розет свои астрономические наблюдения после катастрофы и к какому выводу он пришел относительно дальнейшей судьбы кометы. Вот что необходимо было узнать.

Лейтенант Прокофьев, опасаясь крутого нрава профессора, самым деликатным образом задал ему вопрос о пути движения Галлии в мировом пространстве и о времени ее обращения вокруг Солнца.

— Да, сударь, — отвечал Пальмирен Розет, — я определил путь следования моей кометы еще до столкновения, но потом мне пришлось произвести все вычисления заново.

— Почему же, господин профессор? — спросил лейтенант Прокофьев, несколько удивленный таким ответом.

— Потому что если земная орбита не изменилась после катаклизма, то об орбите Галлии этого сказать нельзя.

— Орбита Галлии изменилась?

— Да, я утверждаю это с полным правом, — ответил Пальмирен Розет, — так как мои позднейшие наблюдения были произведены с величайшей точностью.

— И вы вычислили элементы новой орбиты? — с живостью спросил лейтенант Прокофьев.

— Да, — не колеблясь, отвечал Пальмирен Розет.

— В таком случае вам известно...

— Вот что мне известно, сударь: Галлия задела Землю, находясь в восходящем узле, в два часа сорок семь минут тридцать пять и шесть десятых секунды пополуночи в ночь с тридцать первого декабря на первое января; десятого января она пересекла орбиту Венеры, пятнадцатого января оказалась в своем перигелии, затем снова пересекла орбиту Венеры, первого февраля достигла нисходящего узла, тринадцатого фев-

раля перерезала орбиту Марса, десятого марта проникла в пояс малых планет, взяла себе в спутники Нерину...

— Все это мы уже знаем, дорогой профессор, — сказал Гектор Сервадак, — так как имели счастье найти ваши записки. Только там не было ни подписи, ни указания места.

— Да разве можно было сомневаться, что записки составлены мной?! — воскликнул профессор с гордостью. — Я же сотнями бросал их в море, я, Пальмирен Розет!

— Разумеется, сомневаться не приходилось! — любезно подтвердил граф Тимашев.

Между тем никакого ответа относительно будущего Галлии присутствующие так и не получили. Казалось даже, что Пальмирен Розет избегает прямо отвечать на этот вопрос. Лейтенант Прокофьев собирался было повторить свою просьбу более настойчиво, но Гектор Сервадак, боясь рассердить старого чудака, перевел разговор:

— Кстати, дорогой учитель, чем вы объясняете, что при таком страшном столкновении мы все же дешево отделались?

— Это легко объяснить.

— Вы полагаете, что Земля не слишком пострадала, если не считать потери нескольких квадратных лье территории, и что, в частности, ось ее вращения не изменилась внезапно?

— Да, я так полагаю, капитан Сервадак, — отвечал Пальмирен Розет, — и вот на каком основании. Земля двигалась тогда со скоростью двадцати восьми тысяч восьмисот лье в час, Галлия — со скоростью пятидесяти семи тысяч лье. Представьте себе, что поезд, проходящий около восьмидесяти шести тысяч лье в час, налетел бы на препятствие. Сами можете судить, господа, каков был бы при этом толчок. Комета же, обладая ядром исключительной твердости, прошла сквозь Землю навылет, ничего не разрушив, подобно пуле, пущенной с близкого расстояния сквозь оконное стекло.

— В самом деле, — проговорил Гектор Сервадак, — так оно, пожалуй, и случилось...

— Именно так, — подтвердил профессор с глубоким убеждением, — тем более что комета летела наискось к поверхности Земли. Упади Галлия вертикально, она проникла бы в самую глубь нашей планеты, произведя ужасные разрушения, и раздавила бы даже Монмартрский холм, если бы он встретился ей на пути!

— Сударь! — воскликнул Бен-Зуф, возмущенный этим выпадом, к которому на сей раз не подавал никакого повода.

— Молчи, Бен-Зуф, — остановил его капитан Сервадак.

В эту минуту Исаак Хаккабут, приблизившись к Пальмирену Розету, спросил его дрожащим голосом:

— Господин профессор, а вернемся ли мы на Землю и когда мы вернемся?

— Вы очень спешите туда? — спросил Пальмирен Розет.

— То, о чем спрашивает вас Исаак, — вмешался лейтенант Прокофьев, — мне хотелось бы сформулировать более научно.

— Говорите!

— Вы утверждаете, что прежняя орбита Галлии изменилась?

— Бесспорно.

— Какой же стала новая орбита, новая кривая движения кометы? Неужто гиперболической? Это увлекло бы Галлию в бесконечные пространства звездных миров и без всякой надежды на возвращение.

— Нет! — ответил Пальмирен Розет.

— Значит, она обратилась в эллиптическую?

— Именно.

— И плоскость ее будет совпадать с плоскостью земной орбиты?

— Несомненно.

— Следовательно, Галлия комета периодическая?

— Бесспорно, и даже короткопериодическая, так как ее полный оборот вокруг Солнца, учитывая возмущающее влияние Юпитера, Сатурна и Марса, завершится в два года.

— Но в таком случае, — воскликнул лейтенант Прокофьев, — все шансы за то, что через два года после столкновения Галлия опять встретится с Землей в той же самой точке?

— Действительно, сударь, этого можно опасаться.

— Опасаться? — изумился капитан Сервадак.

— Да, господа! — ответил Пальмирен Розет, топнув ногой. — Нам здесь хорошо, и, если бы это зависело только от меня, Галлия никогда не вернулась бы к Земле!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой ученику Сервадаку здорово попало от профессора Пальмирена Розета

Итак, все стало ясно, все нашло объяснение для наших исследователей, любителей строить гипотезы! Их уносила комета, летящая по околосолнечному миру. Громадное светило, которое после катастрофы появилось на миг в густой пелене облаков перед капитаном Сервадаком, было не чем иным, как Землей. Грандиозный, небывалый прилив на Галлийском море был вызван притяжением земного шара.

И, главное, комета должна неминуемо встретиться с Землей, — так по крайней мере утверждал профессор. Были ли, однако, его вычисления настолько точны, чтобы неизбежность этой встречи могла считаться математически доказанной? Вполне понятно, что у галлийцев остались на этот счет некоторые сомнения.

Последующие дни колонисты были заняты хлопотами по устройству своего гостя. К счастью, профессор принадлежал к людям неприхотливым в житейских мелочах и легко мирился с любыми условиями. Витая день и ночь в облаках, следя за светилами, блуждающими в небесных пространствах, ученый мало интересовался помещением и пищей, за исключением разве кофе. Он как будто даже не заметил, как искусно и умело поселенцы приспособили для жилья Улей Нины.

Капитан Сервадак хотел отвести самую лучшую комнату своему старому учителю. Но тот, вовсе не склонный жить рядом с другими поселенцами, отказался наотрез. Единственное, что ему было нужно, это уголок для обсерватории, удобно расположенный и уединенный, где он мог бы спокойно заняться астрономическими наблюдениями.

Гектор Сервадак и лейтенант Прокофьев постарались отыскать удобное помещение. Им повезло. В склонах вулканического массива, футах в ста над центральным залом, они обнаружили узкую пещеру, вполне подходящую для астронома и его приборов. Там поставили кровать, несколько стульев, шкафчик, не говоря уже о знаменитой трубе, которую установили с таким расчетом, чтобы по возможности облегчить наблюдения. Струя лавы, отведенная от главного потока, обогревала помещение обсерватории.

Там и обосновался профессор; в назначенные часы он съедал обед, который ему приносили, спал мало, занимался вычислениями днем, наблюдал звезды ночью — словом, почти не принимал участия в общей жизни. Все привыкли к его чудачествам и решили, что самое лучшее — оставить его в покое.

Между тем наступили жестокие морозы. Термометр показывал в среднем около тридцати градусов ниже нуля по Цельсию. Ртутный столбик не колебался, как это бывает при неустойчивой погоде, а медленно и неуклонно падал. Это понижение должно было прекратиться с наступлением самой низкой температуры межпланетного пространства, а повышение начаться лишь с того момента, когда Галлия, следуя своей эллиптической траектории, несколько приблизится к Солнцу.

Ртутный столбик вел себя так потому, что ни одно дуновение не нарушало неподвижности галлийской атмосферы. Колонисты находились в совершенно необычных климатических условиях. В воздухе не двигалась ни одна молекула. Все жидкое и газообразное на поверхности кометы как будто застыло. Ни бури, ни дождя, ни облаков не наблюдалось ни в зените, ни над горизонтом. Не было ни влажных испарений, ни

густых туманов, которые часто заволакивают полярные области земного сфероида. Небо оставалось неизменно ясным и прозрачным, солнце сияло в вышине днем, а звезды ночью, но даже солнечные лучи, казалось, совсем не грели.

Интересно, что в подобных условиях такие свирепые холода легко было переносить даже на свежем воздухе. В самом деле, то, что губит зимовщиков полярных стран, что иссушает их легкие и лишает жизненных сил, — это жестокие холодные бури, пронзительные северные ветры, гибельные туманы, грозные вьюги. В этом причина всех болезней и недугов, убийственных для полярных мореплавателей. Но в периоды затишья, когда воздух бывает неподвижен, все они стойко выдерживали самые страшные морозы, будь то на острове Мелвилл, как Парри, за восемьдесят первым градусом широты, как Кан, или еще дальше, за пределами широт, достигнутых неустрашимым Холлем и исследователями судна «Полярис». Если зимовщики тепло одеты и сытно питаются, они могут вынести при безветрии самые жестокие холода, и они это доказали, даже когда температура падала до шестидесяти градусов ниже нуля.

Поселенцы Теплой Земли находились в наиболее благоприятных условиях, чтобы выдержать холод межпланетного пространства. У них не было недостатка ни в мехах со шкуны, ни в дубленых кожах. Пища была обильная и здоровая. Благодаря тихой безветренной погоде они без труда выходили на воздух, несмотря на необычайное понижение температуры.

К тому же генерал-губернатор Галлии тщательно следил, чтобы все колонисты были тепло одеты и сытно накормлены. Им были предписаны ежедневные гимнастические упражнения, и они их добросовестно выполняли. Никто не мог уклониться от правил общежития, обязательных для всех. Ни юный Пабло, ни крошка Нина не составляли исключения. Эти милые дети, тепло укутанные в меха, словно маленькие эскимосы, бегали вдвоем на коньках у побережья Теплой Земли. Пабло заботливо помогал своей подруге, играл с ней,

поддерживал ее, когда она уставала. Словом, они вели себя так, как и подобает в их возрасте.

А что поделывал Исаак Хаккабут?

После довольно нелюбезного приема, оказанного ему Пальмиреном Розетом, Исаак Хаккабут вернулся на тартану в полном отчаянье. В его душе произошел переворот. После точных и обстоятельных объяснений профессора он не мог сомневаться, он уже не сомневался более, что какая-то блуждающая комета умчала его в пространство за миллионы лье от земного шара, где он так долго и так удачно вел торговые дела.

Казалось бы, очутившись на Галлии, одним из тридцати шести ее обитателей, в положении столь необычайном и непредвиденном, он должен был совершенно измениться, задуматься над самим собой, ощутить более дружеские чувства к тем немногим людям, которых по милости своей сохранил ему бог, а не смотреть на них исключительно с точки зрения выгоды и наживы.

Ничего этого не случилось. Если бы Исаак Хаккабут изменился, он не был бы законченным образцом себялюбца, человека, который думает только о себе. Наоборот, он еще более очерствел и ломал голову только над тем, как бы извлечь побольше барышей из создавшегося положения. Он достаточно хорошо знал капитана Сервадака и потому был спокоен: никто не причинит вреда ему, Исааку Хаккабуту, его имущество находится под надежной охраной французского офицера и только неожиданный случай может изменить такое положение вещей. Однако такого случая как будто не предвиделось; и вот что придумал Исаак Хаккабут, чтобы использовать трудное положение колонистов.

С одной стороны, следовало принять в расчет надежды на возвращение на Землю, как бы слабы они ни были. С другой стороны, в небольшой колонии не было недостатка в золоте и серебре, английском и русском, но эти металлы могли иметь ценность только на старой земле. Предстояло, следовательно, мало-помалу прибрать к рукам все денежные запасы Галлии. Итак, план Исаака Хаккабута состоял в следующем: распро-

дать все товары до возвращения, так как ввиду их редкости они имели больше ценности на Галлии, чем будут иметь на Земле, но вместе с тем, учитывая нужды колонии, подождать, пока спрос во много раз превысит предложение. Это вызовет несомненное повышение цен и принесет верную прибыль. Итак — распродать все, но повременить, чтобы продать подороже.

Вот что обдумывал Исаак Хаккабут в своей тесной каюте на «Ганзе». Во всяком случае, поселенцы были избавлены от его неприятного злого лица, и никто на это не жаловался.

В течение апреля Галлия прошла путь в тридцать девять миллионов лье и к концу месяца находилась в ста десяти миллионах лье от Солнца. Эллиптическая орбита кометы, с учетом ее эфемерид, была чрезвычайно точно вычерчена профессором. Эту кривую он разделил на двадцать четыре неравных отрезка, изображающих двадцать четыре месяца галлийского года. Каждый отрезок обозначал путь, пройденный кометой за месяц. Первые двенадцать сегментов, отмеченные на кривой, постепенно укорачивались, согласно одному из трех законов Кеплера, вплоть до точки афелия; затем миновав эту точку, они начинали удлиняться по мере приближения к перигелию.

Однажды, — это было 12 мая, — профессор ознакомил со своей работой капитана Сервадака, графа Тимашева и лейтенанта Прокофьева. Они принялись изучать чертеж с вполне понятным интересом. Перед их глазами развернулась вся траектория Галлии, несколько заходившая, как они удостоверились, за орбиту Юпитера. Путь, пройденный за каждый месяц, и соответственные расстояния кометы от Солнца были выражены в цифрах. Все было ясно, точно, и если Пальмирен Розет не допустил ошибки, если Галлия действительно совершала полный оборот ровно за два года, она должна будет встретиться с Землей в той же самой точке, ибо за это же время Земля с математической точностью совершит два оборота. Но каковы будут последствия нового столкновения? Об этом не хотелось даже и думать!

Во всяком случае, если точность вычислений Пальмирена Розета и вызывала сомнения, его собеседники остерегались даже намекнуть ему об этом.

— Следовательно, — сказал Гектор Сервадак, — в течение мая Галлия пролетит всего тридцать миллионов четыреста тысяч лье и умчится на расстояние ста тридцати девяти миллионов лье от Солнца.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор.

— Значит, мы вышли из пояса малых планет? — спросил граф Тимашев.

— Вы можете сами судить об этом, сударь, — отвечал Пальмирен Розет, — у меня на карте обозначен пояс этих планет.

— И комета достигнет афелия, — продолжал Гектор Сервадак, — ровно через год после того, как пройдет через перигелий?

— Именно.

— Пятнадцатого января будущего года?

— Разумеется, пятнадцатого января... Ах, погодите! — спохватился профессор. — Почему вы сказали пятнадцатого января, капитан Сервадак?

— Потому что, как я полагаю, пятнадцатого января истекает год, иначе говоря двенадцать месяцев...

— Двенадцать земных месяцев, да! — возразил профессор. — Но отнюдь не двенадцать галлийских!

При этом неожиданном заявлении лейтенант Прокофьев не мог удержаться от улыбки.

— Вы усмехаетесь, сударь? — вспылил Пальмирен Розет. — А почему вы усмехаетесь, желал бы я знать?

— О господин профессор, просто потому, что вы, как я вижу, хотите изменить земной календарь.

— Я хочу, милостивый государь, только одного — быть строго логичным...

— Согласен, дорогой профессор, — воскликнул капитан Сервадак, — будем логичны!

— Признаете ли вы за истину, — начал Пальмирен Розет довольно сухо, — что Галлия вернется в свой перигелий два года спустя после того, как она прошла через него?

— Признаю.

— Соответствует ли этот двухлетний промежуток времени, иначе говоря период обращения кометы вокруг Солнца, — соответствует ли он галлийскому году?

— Безусловно.

— Следует ли разделить этот год, как любой другой год, на двенадцать месяцев?

— Если хотите, дорогой профессор.

— Дело не в том, хочу ли я...

— Ну, хорошо, разделим его на двенадцать месяцев, — поправился Гектор Сервадак.

— А из скольких дней будут состоять эти месяцы?

— Из шестидесяти дней, раз они укоротились наполовину.

— Капитан Сервадак! — остановил его профессор суровым тоном, — думайте о том, что вы говорите!

— Но мне казалось, что я следую вашему методу... — возразил Гектор Сервадак.

— Ни в коей мере.

— Тогда объясните нам...

— Нет ничего проще! — заявил Пальмирен Розен, презрительно пожав плечами. — Соответствует ли каждый галлийский месяц двум земным месяцам?

— Разумеется, так как галлийский год длится два года.

— Равняются ли эти два месяца шестидесяти дням на Земле?

— Да, шестидесяти дням.

— Ну и что же из этого?.. — спросил граф Тимашев, обращаясь к Пальмирену Розету.

— А вот что: если два месяца равняются шестидесяти земным дням, это составляет сто двадцать галлийских дней, так как продолжительность дня на поверхности Галлии не превышает двенадцати часов. Понятно ли вам?

— Совершенно понятно, сударь, — ответил граф Тимашев. — Но не опасаетесь ли вы, что новый календарь несколько неточен...

— Неточен? — воскликнул профессор с негодованием. — Да начиная с первого января я только по нему и считаю.

— Итак, наши месяцы отныне будут состоять из ста двадцати дней? — спросил капитан Сервадак.

— А что же тут дурного?

— Ничего, дорогой профессор. Значит, нынче у нас не май, а только еще март?

— Именно март, господа, сегодня двести шестьдесят шестой день галлийского года, соответствующий сто тридцать третьему дню земного года. Следовательно, сегодня двенадцатое марта по-галлийски, и когда истекут еще шестьдесят галлийских дней...

— Наступит семьдесят второе марта! — воскликнул Гектор Сервадак. — Превосходно! Будем же логичны!

Пальмирен Розет, казалось, заподозрил, не издевается ли над ним его бывший ученик, но тут все три посетителя ввиду позднего времени распростились с ученым и покинули обсерваторию.

Итак, профессор составил новый галлийский календарь. Надо признаться, однакоже, что пользовался им он один и что никто его не понимал, слушая про сорок седьмое апреля или сто восемнадцатое мая.

Между тем по старому календарю наступил июнь месяц, в течение которого Галлии предстояло пролететь лишь двадцать семь миллионов пятьсот тысяч лье и удалиться от Солнца на сто пятьдесят пять миллионов лье. Температура неуклонно понижалась, но погода оставалась столь же ясной и тихой, как и прежде. Жизнь на Галлии текла по заведенному порядку, спокойно, даже несколько однообразно. Чтобы нарушить это однообразие, требовался именно такой вспыльчивый, нервный, капризный, даже сварливый человек, как Пальмирен Розет. Всякий раз, как он, прервав свои наблюдения, удостаивал спуститься в общий зал, его посещение давало повод к ссоре.

Спор почти неизменно начинался из-за того, что капитан Сервадак и его спутники с нескрываемой радостью ожидали нового столкновения с Землей, какой бы опасностью ни угрожало им это столкновение. Это приводило в ярость профессора, который и слушать не желал о возвращении и продолжал изучать Галлию, словно собирался остаться там навсегда.

Однажды, 27 июня, Пальмирен Розет вихрем влетел в общий зал. Там как раз находились капитан Сервадак, лейтенант Прокофьев, граф Тимашев и Бен-Зуф.

— Лейтенант Прокофьев, — вскричал профессор, — отвечайте без обиняков и уверток на вопрос, который я вам задам.

— Но я вообще не имею привычки... — начал было лейтенант Прокофьев.

— Хорошо, — перебил его Пальмирен Розет тоном учителя, обращающегося к ученику. — Отвечайте на следующий вопрос: совершили ли вы на вашей шкуне кругосветное плавание по Галлии приблизительно по линии экватора, другими словами по одной из близких к экватору параллелей? Да или нет?

— Да, сударь, — отвечал лейтенант, которому граф Тимашев подал знак не перечить грозному Розету.

— Отлично, — продолжал тот. — А во время экспедиции отмечали ли вы путь, пройденный «Добрыней»?

— Лишь приблизительно, — отвечал Прокофьев, — то есть с помощью лага и компаса, а не по высоте солнца и звезд, чего мы не имели возможности сделать.

— И что же вы обнаружили?

— Что Галлия имеет в окружности примерно две тысячи триста километров, а отсюда ее диаметр равняется семистам сорока километрам.

— Так... — проговорил Пальмирен Розет как бы про себя, — следовательно, ее диаметр в шестнадцать раз короче земного, который равняется двенадцати тысячам семистам девяноста двум километрам.

Капитан Сервадак и его друзья с удивлением смотрели на профессора, не понимая, куда он клонит.

— Так вот, — продолжал Пальмирен Розет, — чтобы дополнить изучение Галлии, мне остается определить ее поверхность, объем, массу, плотность и силу тяжести.

— Что касается ее поверхности и объема, — сказал лейтенант Прокофьев, — то, зная диаметр Галлии, определить их нет ничего легче.

— Разве я говорю, что это трудно? — вспылил профессор. — Такие вычисления я умел делать с младенческих лет.

— Ого! Больно рано! — насмешливо протянул Бен-Зуф, не упускавший случая подпустить шпильку хулителю Монмартра.

— Ученик Сервадак, — продолжал Пальмирен Розет, кинув грозный взгляд на Бен-Зуфа, — возьмите перо. Раз вам известна длина окружности Галлии, скажите мне, какова же ее поверхность?

— Слушаю, господин Розет, — ответил Гектор Сервадак, решив изображать примерного ученика. — Нам следует умножить две тысячи триста двадцать три километра, то есть длину окружности Галлии, на семьсот сорок, то есть длину ее диаметра.

— Множьте, да поскорее! — нетерпеливо вскричал профессор. — Пора бы уже сосчитать! Ну что же?

— Ну вот, — отвечал Гектор Сервадак, — я получил цифру в один миллион семьсот девятнадцать тысяч двадцать квадратных километров, — это и есть величина поверхности Галлии.

— Следовательно, ее поверхность в двести девяносто семь раз меньше поверхности Земли, равняющейся пятистам десяти миллионам квадратных километров.

— Тьфу! Козявка какая-то! — фыркнул Бен-Зуф, выпячивая губы и всем своим видом выражая презрение к комете профессора.

Пальмирен Розет смерил Бен-Зуфа уничтожающим взглядом.

— Так вот, — продолжал профессор с раздражением, — каков же теперь объем Галлии?

— Объем?.. — переспросил Гектор Сервадак нерешительно.

— Ученик Сервадак, неужели вы разучились вычислять объем шара, когда вам известна его поверхность?

— Нет, господин Розет... Но вы даже не даете мне времени передохнуть.

— В математике не бывает передышек, молодой человек, не должно быть передышек!

Собеседники Пальмирена Розета призвали на помощь всю свою выдержку, чтобы не расхохотаться.

— Чего же вы ждете? — настаивал профессор. — Объем шара...

— Равен величине его поверхности... — отвечал Гектор Сервадак, запинаясь, — помноженной на...

— На треть его радиуса, молодой человек! — воскликнул Пальмирен Розет. — На треть радиуса! Вы кончили?

— Сейчас. Треть радиуса Галлии, составляя сто двадцать три, три, три...

— Три, три, три, три... — насмешливо повторял Бен-Зуф на разные лады.

— Молчать! — крикнул профессор, рассердившись не на шутку. — Достаточно двух первых чисел десятичной дроби, отбросьте остальные.

— Я уже отбросил, — покорно ответил Гектор Сервадак.

— И что же?

— Помножив один миллион семьсот девятнадцать тысяч двадцать на сто двадцать три и тридцать три сотых, мы получим двести одиннадцать миллионов четыреста тридцать девять тысяч четыреста шестьдесят кубических километров.

— Вот каков объем моей кометы! — с торжеством воскликнул профессор. — Право же, это не так уж мало.

— Без сомнения, — заметил лейтенант Прокофьев, — но ее объем все же в пять тысяч сто шестьдесят шесть раз меньше объема Земли, составляющего в круглых цифрах...

— Триллион восемьдесят два миллиарда восемьсот сорок один миллион кубических километров, мне это отлично известно, сударь, — перебил Пальмирен Розет.

— Кроме того, — добавил лейтенант Прокофьев, — объем Галлии гораздо меньше объема Луны, равняющегося одной сорок девятой объема земного шара.

— Да кто же с этим спорит? — огрызнулся профессор, уязвленный в самое сердце.

— Итак, — безжалостно продолжал лейтенант Прокофьев, — с поверхности Земли Галлия видна не лучше, чем звезда седьмой величины, то есть ее нельзя заметить простым глазом!

— Вот так штука! — воскликнул Бен-Зуф. — Хороша комета, нечего сказать! И на этакой-то песчинке нас угораздило улететь!

— Замолчите! — прошипел Пальмирен Розет, окончательно выведенный из себя.

— Не комета, а ореховая скорлупа, горошина, крупинка! — продолжал дразнить его Бен-Зуф в отместку за Монмартр.

— Перестань, Бен-Зуф, — сказал капитан Сервадак.

— Булавочная головка, букашка, ничтожество!

— Замолчишь ли ты, черт возьми?

Поняв, что капитан рассердился не на шутку, Бен-Зуф ушел, оглашая взрывами хохота гулкие своды пещеры.

Он скрылся во-время. Пальмирен Розет готов был разразиться бранью и долго еще не мог овладеть собой. Он с таким же трудом выносил нападки на свою комету, как Бен-Зуф — нападки на родной Монмартр. Каждый из них защищал свое с одинаковым ожесточением.

Наконец, профессор обрел дар речи и, обращаясь к своим ученикам, вернее к собеседникам, заявил:

— Господа, нам известны теперь диаметр, окружность, поверхность и объем Галлии. Это уже кое-что, но далеко не все. Я хотел бы непосредственно измерить ее плотность и массу, а также узнать силу тяжести на ее поверхности.

— Это трудно, — вставил граф Тимашев.

— Мало ли что! Я желаю знать, сколько весит моя комета, и я узнаю это.

— Разрешить эту проблему не так-то легко, — заметил лейтенант Прокофьев, — потому что мы не знаем, из какого вещества состоит Галлия.

— Ах, вы не знаете ее состава? — спросил профессор.

— Не знаем, — подтвердил граф Тимашев, — и если бы вы могли просветить нас на этот счет...

— Э-э, господа, какое мне до этого дело! —ответил Пальмирен Розет. — Я и без того отлично разрешу занимающую меня проблему.

— Как вам угодно, дорогой профессор, мы же всегда будем к вашим услугам! — проговорил капитан Сервадак.

— Мне требуется еще месяц для наблюдений и вычислений, — заявил Пальмирен Розет резким тоном, — потрудитесь подождать, пока я кончу!

— Еще бы, господин профессор, разумеется! — успокоил его граф Тимашев. — Мы будем ждать, сколько вам будет угодно!

— И даже дольше! — прибавил капитан Сервадак шутливо.

— Итак, мы встретимся через месяц, — заключил Пальмирен Розет, — то есть шестьдесят второго апреля.

Это соответствовало тридцать первому июля по земному календарю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

из которой видно, что Пальмирен Розет имеет полное право быть недовольным хозяйственным инвентарем колонии

Галлия между тем следовала своим путем в межпланетном пространстве, повинуясь силе притяжения Солнца. Ничто до сих пор не нарушало ее движения. Планета Нерина, прихваченная ею в качестве спутника в поясе астероидов, оставалась ей верной, добросовестно обращаясь вокруг нее в двухнедельный срок. Казалось, все должно было идти без помех в течение всего галлийского года.

Но обитателей Галлии невольно тревожила все та же неотвязная мысль: вернутся ли они на Землю? Не ошибся ли астроном в своих вычислениях? Верно ли

он определил новую орбиту Галлии и продолжительность обращения кометы вокруг Солнца?

Пальмирен Розет был так обидчив, что просить его проверить результаты его наблюдений никто не решался.

Вот почему Гектор Сервадак, граф Тимашев и Прокофьев не могли не тревожиться. Что касается других колонистов, то эти вопросы нисколько их не заботили. Какая покорность судьбе! Какая житейская мудрость! В особенности испанцы, прозябавшие в нищете у себя на родине, чувствовали себя счастливыми как никогда в жизни. Негрете и его спутники никогда еще не находились в таких прекрасных условиях. Какое им было дело до пути движения Галлии? Зачем было знать, удержит ли ее Солнце в сфере своего притяжения, или она ускользнет от него и умчится в другие миры? Они беззаботно пели и плясали, а может ли быть что-нибудь лучшее для махо, как проводить время в песнях и танцах?

Самыми счастливыми из всей колонии были, без сомнения, юный Пабло и крошка Нина. Какие чудесные прогулки совершали они вдвоем, бегая по длинным коридорам Улья Нины и карабкаясь на прибрежные скалы. То они катались на коньках по необозримым ледяным просторам моря, то забавлялись рыбной ловлей на берегу озерка, которое благодаря огненному потоку лавы никогда не замерзало. Развлечения не мешали им, впрочем, брать уроки у Гектора Сервадака. Они уже научились довольно бегло болтать по-французски, а главное, прекрасно понимали друг друга.

Зачем было детям беспокоиться о будущем? Почему стали бы они жалеть о прошлом?

Однажды Пабло спросил:

— Есть ли у тебя родные, Нина?

— Нет, Пабло, — ответила девочка, — я совсем одна на свете. А ты?

— Я тоже один на свете, Нина. А чем ты занималась на Земле?

— Я пасла коз, Пабло.

— А я, — сказал мальчик, — день и ночь скакал верхом впереди упряжки дилижанса.

— Но теперь ведь мы не одиноки, Пабло.

— Нет, Нина, не одиноки.

— Губернатор наш отец, а граф и лейтенант наши дяди.

— А Бен-Зуф наш товарищ, — подхватил Пабло.

— И все остальные так ласковы и добры к нам, — добавила Нина.— Все нас балуют. Даже слишком балуют, Пабло. Будем стараться, чтобы они были довольны нами... всегда довольны.

— Ты такая умница, Нина, что с тобой невольно становишься умнее.

— Я твоя сестра, а ты мой братец, — серьезно проговорила Нина.

— Конечно, — согласился Пабло.

Эти два юные существа были так милы, так прелестны, что вскоре стали общими любимцами. Все их ласкали, называли нежными именами, причем немало ласк доставалось и на долю козочки Марзи. Капитан Сервадак и граф Тимашев относились к детям с отеческой любовью. Стоило ли Пабло сожалеть о выжженных полях Андалузии, а Нине — о голых скалах Сардинии? Им, право же, казалось, что они всю жизнь прожили на Галлии.

Наступил июль. За этот месяц комете предстояло пролететь по своей орбите лишь двадцать два миллиона лье, а расстояние, отделявшее ее от Солнца, равнялось теперь ста семидесяти двум миллионам лье. Таким образом, Галлия отстояла от центра притяжения в четыре с половиной раза дальше, чем Земля, и почти сравнялась с нею в скорости. Действительно, средняя скорость движения земного шара по эклиптике приблизительно достигает двадцати одного миллиона лье в месяц, то есть двадцати восьми тысяч восьмисот лье в час.

Шестьдесят второго апреля по галлийскому календарю профессор отправил капитану Сервадаку лаконичную записку. Пальмирен Розет предлагал в тот же день приступить к определению массы и плотности кометы, а также силы тяжести на ее поверхности.

Гектор Сервадак, граф Тимашев и Прокофьев не преминули явиться в назначенное время. Однако

предстоящие опыты не могли интересовать их в той же мере как профессора; им гораздо больше хотелось узнать, из какого вещества состоит почти целиком Галлия.

Ранним утром Пальмирен Розет встретился с ними в главном зале. Пока еще он был в довольно сносном расположении духа, но ведь день только начинался!

Всем известно, что такое сила тяжести. Это влияние земного притяжения на тело с массой, принятой за единицу. Читатель помнит, что сила тяжести на Галлии оказалась значительно меньше, чем на Земле, благодаря чему мускульная сила галлийцев заметно возросла. Но никто не знал, насколько именно.

Что касается массы, это не что иное, как количество вещества, заключенного в данном теле, весом которого она и определяется. Наконец, плотностью называется масса тела, заключенная в единице его объема.

Итак, перед колонистами стояли три вопроса:

Первый вопрос — какова сила тяжести на поверхности Галлии?

Второй вопрос — какое количество вещества заключено в комете, то есть какова ее масса и соответственно каков ее вес?

Третий вопрос — какова масса Галлии при данном, уже известном, объеме кометы, иначе говоря, какова ее плотность?

— Господа, — сказал профессор, — сегодня нам предстоит закончить исследование различных элементов моей кометы. Когда мы определим путем точных измерений силу тяжести на поверхности Галлии, ее массу и плотность, — для нас не останется больше тайн. Словом, нам предстоит взвесить Галлию!

Бен-Зуф, появившись на пороге зала, слышал последние слова Пальмирена Розета. Он тут же молча вышел и, вернувшись несколько минут спустя, насмешливо сказал:

— Я обыскал все хозяйственные склады, но не мог найти подходящих весов; к тому же я, право, не знаю, на какой крючок мы ухитрились бы их подвесить!

И с этими словами Бен-Зуф поднял голову кверху, как бы ища глазами, нет ли на небе гвоздя.

Сердитый взгляд профессора и знак, поданный Гектором Сервадаком, заставили насмешника умолкнуть.

— Господа, — продолжал Пальмирен Розет, — прежде всего мне необходимо узнать, сколько весит на Галлии земной килограмм. Вследствие меньшей массы Галлии сила ее притяжения слабее земной, а из этого следует, что любой предмет весит здесь меньше, чем весил бы на поверхности Земли. Но какова разница этих двух весов, вот что необходимо выяснить.

— Совершенно справедливо, — заметил лейтенант Прокофьев, — но обыкновенные весы, если бы у нас они и нашлись, не годятся для подобного опыта, так как обе их чашки в одинаковой мере испытывают силу притяжения и не могут показать соотношения между галлийским весом и весом земным.

— В самом деле, — прибавил граф Тимашев, — если положить на весы, скажем, килограммовую гирю, она столько же потеряет в весе, сколько и предмет, взятый для взвешивания, и поэтому...

— Господа, — перебил его Пальмирен Розет, — если вы говорите все это для моего сведения, то лишь даром теряете время; не мешайте мне, пожалуйста, продолжать мою лекцию по физике.

Профессор более чем когда-либо чувствовал себя лектором ex cathedra[1].

— Есть ли у вас безмен и гиря весом в килограмм? — спросил он. — Все дело в этом. На безмене имеется либо стальная полоска, либо пружина, и все основано на гибкости этой полоски или на упругости пружины. Таким образом, сила притяжения не влияет на сам прибор. Действительно, если я взвешу на безмене гирю весом в один земной килограмм, стрелка точно отметит, сколько весит килограмм на поверхности Галлии. Следовательно, я узнаю разницу между притяжением Галлии и притяжением Земли. Итак, повторяю свой вопрос: найдется ли у вас безмен?

Слушатели Пальмирена Розета вопросительно переглянулись. Затем Гектор Сервадак обернулся

---

[1] На кафедре (*лат.*).

к Бен-Зуфу, который досконально знал весь хозяйственный инвентарь колонии.

— У нас нет ни безмена, ни килограммовой гири, — заявил тот.

Профессор с досады громко топнул ногой.

— Но, — продолжал Бен-Зуф, — кажется, я знаю, где найти безмен, да и гирю впридачу.

— Где же?

— На тартане Хаккабута.

— Надо было сразу сказать об этом, болван! — крикнул профессор, передернув плечами.

— А главное, надо сходить за безменом, — добавил капитан Сервадак.

— Иду! — отозвался Бен-Зуф.

— Я пойду с тобой, — сказал Гектор Сервадак, — ведь Хаккабут непременно заартачится, если попросят у него что-нибудь взаймы.

— Пойдемте все вместе на тартану, — решил граф Тимашев. — Посмотрим, как устроился Исаак на борту своей «Ганзы»...

Все уже собрались в путь, как вдруг профессор сказал:

— Граф Тимашев, не мог бы кто-нибудь из ваших людей выточить из здешней горной породы кубик с ребром в один дециметр?

— Мой механик сделает это без труда, — ответил граф Тимашев, — при условии, что ему дадут метр для измерения.

— Вероятно, у вас нет не только безмена, но и метра? — ворчливо спросил Пальмирен Розет.

Действительно, на складе колонии не имелось ничего похожего на метр. Бен-Зуф принужден был признать эту печальную истину.

— Но на борту «Ганзы», — добавил он, — наверняка все это найдется.

— Так идем туда! — воскликнул Пальмирен Розет, поспешно устремляясь в главную галерею.

Все последовали за ним. Несколько минут спустя Гектор Сервадак, граф Тимашев, Прокофьев и Бен-Зуф выбрались из пещеры на прибрежные высокие скалы. Они спустились на берег и направились

к узкой бухте, где стояли «Добрыня» и «Ганза», скованные ледяным панцырем.

Несмотря на необычайно низкую температуру — тридцать пять градусов ниже нуля, — капитан Сервадак и его спутники, хорошо укутанные, тепло одетые, в толстых капюшонах и меховых шубах, без труда переносили стужу. Их бороды, брови и ресницы обледенели, так как пар от дыхания тотчас же замерзал на морозе. Забавно было смотреть на лица, ощетинившиеся тонкими, острыми, точно колючки дикообраза, иглами инея. Профессор, походивший при своем маленьком росте на медвежонка, казался еще свирепее обыкновенного.

Было восемь часов утра. Солнце быстро поднималось к зениту. Его диск, значительно уменьшенный расстоянием, напоминал полную луну в кульминации. Лучи уже совсем не грели, и даже свет их до странности потускнел. Прибрежные скалы у подножья вулкана и сама огнедышащая гора блистали чистой белизной снегов, выпавших еще в то время, пока галлийская атмосфера была насыщена парами. Всю гору, вплоть до самой дымящейся вершины, покрывала сплошная снежная пелена без единого темного пятнышка. По северному склону низвергался поток лавы. Там снега уступили место огненным каскадам, которые струились по извилистым склонам до отверстия главной пещеры, откуда ниспадали отвесно в море.

На сто пятьдесят футов выше пещеры зияла черная дыра, над которой раздваивался поток лавы. Из этого отверстия торчала труба телескопа. Там помещалась обсерватория Пальмирена Розета.

Ослепительно белая прибрежная полоса сливалась с ледяным покровом моря, так что границы между ними нельзя было различить. По сравнению с беспредельными снеговыми просторами небо казалось бледноголубым. На берегу виднелись отпечатки ног колонистов, которые ежедневно спускались к морю то колоть лед для добывания пресной воды, то кататься на коньках. На ледяной поверхности моря переплетались следы от коньков, напоминая круги, которые чертят на речной глади водяные насекомые.

От берега к «Ганзе» тоже вели отпечатки шагов — следы Исаака Хаккабута, который проходил здесь в последний раз после снегопада. Под влиянием сильных морозов эти следы затвердели, как камень.

От скалистых отрогов горного массива до бухты, где зимовали оба корабля, было не больше полкилометра.

Дойдя до бухты, лейтенант Прокофьев обратил внимание спутников на то, что ватерлиния «Ганзы» и «Добрыни» значительно поднялась. Тартана и шкуна возвышались теперь футов на двадцать над уровнем моря.

— Вот любопытное явление! — заметил капитан Сервадак.

— Не только любопытное, но и опасное, — отвечал лейтенант Прокофьев. — Очевидно, под корпусом кораблей, где глубина невелика, происходит постепенное замерзание. Мало-помалу ледяная кора утолщается и с непреодолимой силой выталкивает все, что в ней находится.

— Но этот процесс со временем прекратится? — спросил граф Тимашев.

— Не знаю, отец, — отвечал лейтенант Прокофьев, — ведь морозы еще не достигли предела.

— Еще бы! — воскликнул профессор. — Не стоило улетать на двести миллионов лье от Солнца, если температура там такая же, как на земных полюсах!

— Вы очень любезны, профессор, — усмехнулся лейтенант Прокофьев. — К счастью, холода межпланетных пространств не превышают шестидесяти — семидесяти градусов, что́ еще довольно терпимо.

— Ничего! — сказал Гектор Сервадак. — Мороз без ветра не вызывает простуды; вот увидите, за всю зиму мы даже ни разу не чихнем.

Между тем лейтенант Прокофьев поделился с графом Тимашевым тревогой, которую внушало ему положение шкуны. Вполне возможно, что вследствие утолщения ледяного покрова «Добрыня» поднимется на значительную высоту. В таком случае шкуне во время таянья льдов угрожает та же опасность, что китобой-

ным судам, которые часто гибнут при зимовке в полярных морях. Но как предотвратить это?

Путники приблизились к «Ганзе», скованной ледяным панцырем. Ступеньки, недавно вырубленные во льду Исааком Хаккабутом, облегчали доступ на борт судна. Любопытно, как поступит старик, если его тартана поднимется еще выше, на сотню футов. Ну, да это уж его дело!

Из медной трубы, торчавшей среди обледенелых сугробов, покрывавших палубу «Ганзы», тянулся легкий синеватый дымок. Скупой старик, очевидно, расходовал топливо с величайшей бережливостью, но он, повидимому, не очень страдал от холода. В самом деле, лед, сковавший тартану, плохо пропускал тепло, тем самым помогая сохранять внутри судна сносную температуру.

— Эй! Навуходоносор! — крикнул Бен-Зуф.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

где Исаак находит превосходный случай дать денег взаймы из расчета тысячи восьмисот процентов

На зов Бен-Зуфа на корме приоткрылась дверца люка, и Исаак Хаккабут высунулся оттуда по пояс.

— Кто там? — крикнул он. — Что вам нужно? Тут никого нет! Здесь ничего не продают и не дают взаймы!

Вот с каким радушием приветствовал он своих посетителей.

— Потише, любезный Хаккабут! — остановил его капитан Сервадак повелительным тоном. — Вы что же, принимаете нас за воров?

— Ах, это вы, господин генерал-губернатор! — отозвался тот, не выходя из каюты.

— Он самый! — сказал Бен-Зуф, взобравшись на палубу тартаны. — Ты должен быть польщен такой честью. Ну-ка, выползай из своей конуры!

Исаак Хаккабут решился, наконец, вылезти из люка, придерживая дверцу рукой, чтобы в случае опасности тут же ее захлопнуть.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Побеседовать с вами, почтенный Исаак, — отвечал капитан. — Но мы замерзли на морозе, поэтому окажите нам любезность и впустите ненадолго в свою каюту.

— Как? Вы желаете войти? — воскликнул Исаак, даже не пытаясь скрыть, насколько это посещение казалось ему подозрительным.

— Вот именно! — ответил Гектор Сервадак, взбираясь по ступеням в сопровождении своих спутников.

— Но у меня ничего для вас нет! — жалобно проговорил Исаак. — Я совсем бедный человек.

— Ну вот, начинается нытье! — фыркнул Бен-Зуф. — Посторонись-ка, Илия!

И схватив Хаккабута за шиворот, Бен-Зуф попросту оттолкнул его и открыл дверцу люка.

— Слушайте хорошенько, Хаккабут, — сказал капитан Сервадак, перед тем как войти, — мы не собираемся насильно завладеть вашим добром. Я повторяю: в тот день, когда интересы колонии этого потребуют, я не постесняюсь распорядиться грузом тартаны, то есть ради общественного блага заберу у вас товары... по рыночным ценам Европы!

— По ценам Европы? — пробормотал сквозь зубы Исаак Хаккабут. — Как бы не так! По рыночным ценам Галлии, причем я сам их назначу.

Между тем Гектор Сервадак и его спутники спустились в каюту «Ганзы». Это было тесное помещение, почти целиком загроможденное товарами. В углу, против койки, стояла небольшая чугунная печка, где едва тлели угольки. В глубине виднелся шкаф, старательно запертый на ключ. Несколько табуреток, еловый стол сомнительной чистоты да самая необходимая кухонная утварь — такова была обстановка, правда, мало комфортабельная, но зато вполне достойная владельца «Ганзы».

Как только новоприбывшие спустились в каюту, а старик захлопнул дверь, Бен-Зуф первым делом подбросил угля в печку, так как холод в помещении стоял собачий. Это вызвало упреки и жалобы Исаака Хаккабута, который готов был пожертвовать собственной

шкурой, лишь бы не тратить драгоценный запас топлива. Но никто его не слушал. Бен-Зуф пристроился около печки, умело раздувая в ней огонь. Затем гости, рассевшись кто как мог, предоставили капитану Сервадаку объяснить цель их посещения.

Исаак Хаккабут стоял перед ними, судорожно стиснув крючковатые пальцы и всем своим видом напоминая осужденного, которому читают смертный приговор.

— Любезный Исаак, — начал капитан Сервадак, — мы пришли, чтобы попросить вас об услуге.

— Об услуге?

— Да, в наших общих интересах.

— Но у нас с вами нет общих интересов...

— Выслушайте меня и не причитайте, Хаккабут. Мы не собираемся вас ограбить.

— Просить меня об услуге? меня, такого бедняка!.. — плакался старик.

— Вот в чем дело, — заговорил Гектор Сервадак, словно не замечая его испуга.

Судя по столь торжественному вступлению, Исаак Хаккабут мог подумать, что у него потребуют все его состояние.

— Одним словом, любезный Исаак, — продолжал капитан, — нам понадобился безмен. Можете ли вы одолжить нам безмен?

— Безмен? — воскликнул Исаак в ужасе, точно у него хотели занять несколько тысяч франков. — Вы говорите, безмен?

— Ну да, безмен для взвешивания, — нетерпеливо повторил Пальмирен Розет, раздраженный столь долгими переговорами.

— Неужели у вас нет безмена? — спросил лейтенант Прокофьев.

— Есть у него, я знаю! — сказал Бен-Зуф.

— В самом деле... есть... как будто, — отвечал Исаак Хаккабут нерешительно.

— Так вот, почтенный Исаак, — не окажете ли вы нам величайшую услугу, не одолжите ли ваш безмен?

— Одолжить? — затрясся ростовщик. — Господин губернатор, вы хотите взять у меня безмен?

— На один день! — вмешался профессор. — Только на один день, Исаак! Мы вам вернем ваш безмен!

— Но ведь это хрупкий прибор, сударь, — залепетал Исаак Хаккабут. — В такие морозы пружина может лопнуть...

— Экая скотина! — вспылил Пальмирен Розет.

— И потом вы, пожалуй, будете взвешивать слишком большую тяжесть?

— Ты что же думаешь, Эфраим, — спросил Бен-Зуф, — что мы повесим на него гору?

— Больше чем гору! — заявил Пальмирен Розет. — Мы хотим взвесить Галлию.

— Пощадите! — взмолился Исаак, чьи жалобы клонились к вполне понятной цели.

Тут снова вмешался капитан Сервадак.

— Любезный Хаккабут, — сказал он, — нам нужно взвесить всего-навсего один килограмм.

— Боже милостивый, целый килограмм!

— И притом эта гиря будет весить гораздо меньше, благодаря меньшей силе притяжения Галлии. Так что вам нечего бояться за безмен.

— Конечно... господин губернатор... — ответил Исаак, — но одолжить... одолжить!

— Раз вы не хотите дать в долг, продайте его нам, — предложил граф Тимашев.

— Продать? — воскликнул Исаак Хаккабут. — Продать мой безмен? Да если я его продам, на чем же мне вешать мои товары? У меня нет весов! У меня только один этот маленький прибор, очень хрупкий, очень точный, и вы хотите отнять его у меня!

Бен-Зуф понять не мог, как это его капитан до сих пор не задушил мерзкого упрямца. Но Гектор Сервадак, по правде сказать, от души забавлялся, пробуя воздействовать на Исаака всеми возможными способами убеждения.

— Ну, почтенный Исаак, — сказал он без всякого раздражения, — я вижу, что вы не согласны одолжить нам безмен.

— Увы! это невозможно, господин губернатор.

— А продать?

— Продать? О, ни за что на свете!

— В таком случае не хотите ли дать его нам напрокат?

Глаза Исаака Хаккабута загорелись как уголья.

— Вы возместите мне убыток в случае поломки безмена? — спросил он, оживляясь.

— Да.

— И дадите залог, который останется у меня, если безмен испортится?

— Да.

— Сколько же?

— Я дам сто франков залога за безмен, не стоящий и двадцати. Этого достаточно?..

— Едва ли... господин губернатор... ведь этот безмен, так сказать, единственный в нашем новом мире! А скажите-ка, — прибавил он, — я получу эти сто франков золотом?

— Золотом.

— И вы бы хотели взять напрокат безмен, без которого я совершенно не могу обойтись, взять напрокат на целый день?

— На один день.

— А плата за прокат?

— Двадцать франков, — ответил граф Тимашев. — Это вам подходит?

— Увы!.. сила на вашей стороне! — прошептал Исаак Хаккабут, молитвенно складывая руки. — Приходится покориться!

Торг был заключен и, повидимому, к величайшему удовлетворению Исаака. Двадцать франков за прокат да сто франков залогу, и все это звонкой монетой, французской или русской! Кто, кто, а Исаак Хаккабут не продал бы права первородства за чечевичную похлебку, разве только чечевица была бы из жемчуга.

Окинув всех подозрительным взглядом, торговец вышел из каюты, чтобы принести безмен.

— Что за человек! — сказал граф Тимашев.

— Да, — засмеялся Гектор Сервадак, — законченный тип в своем роде.

Исаак Хаккабут тотчас же вернулся, держа в руках пресловутый прибор.

Это был пружинный безмен с крючком, на котором

подвешивался груз. По кругу с нанесенными на него делениями двигалась стрелка, отмечая вес. Таким образом, как уже разъяснял Пальмирен Розет, сам прибор не находится в зависимости от силы тяжести, какова бы она ни была. На земле он показал бы килограмм для каждого предмета, весящего килограмм. Какой же вес для того же самого предмета отметил бы он на Галлии? Это мы узнаем в свое время.

Исааку отсчитали сто двадцать франков золотом, и он прикрыл драгоценный металл руками, точно крышкой сундука. Безмен был передан Бен-Зуфу, и посетители собирались было покинуть каюту «Ганзы». Но в эту минуту профессор вспомнил, что ему необходим для опытов еще один предмет. Безмен окажется бесполезным, если не подвесить к нему кусок галлийской горной породы точно установленных размеров, равный, например, одному кубическому дециметру.

— Стойте! Это еще не все! — заявил Пальмирен Розет, останавливаясь на пороге. — Нам нужно еще занять...

Исаак Хаккабут вздрогнул.

— Нам нужно занять метр и гирю весом в килограмм.

— Вот это уж невозможно, мой добрый господин, — сказал Исаак. — Я крайне сожалею, я был бы так рад вам услужить!

На этот раз Исаак Хаккабут говорил чистую правду, утверждая, что на судне нет ни метра, ни гири, о чем он искренне сожалеет. Он бы и тут обделал выгодное дельце.

Расстроенный Пальмирен Розет сердито смотрел на своих спутников, как будто считая их виновными в своей неудаче. Он имел все основания огорчаться, ибо без метра и гири не мог придумать, как получить искомый результат.

— Должен же я, однако, найти выход из положения! — бормотал он, почесывая голову.

Профессор поспешно поднялся обратно по ступенькам, ведущим к люку. Его спутники последовали за ним. Не успели они вступить на борт тартаны, как до них донесся звон монет.

Это Исаак Хаккабут старательно прятал золото в один из ящиков шкафа.

При этом звуке профессор насторожился и стремительно спустился в каюту. За ним последовали все остальные, хотя и не понимали, чего он хочет.

— Есть у вас серебро? — крикнул тот, хватая Исаака за рукав ветхого плаща.

— У меня... серебро?.. — пролепетал Исаак Хаккабут, побледнев от страха, точно на него напали воры.

— Да, да! серебряные монеты! — продолжал профессор с горячностью. — Французские деньги? У вас есть пятифранковые монеты?

— Да... нет... — заикался Исаак, сам не понимая, что он говорит.

Профессор нагнулся над ящиком, в то время как Исаак Хаккабут тщетно пытался его запереть. Капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев, ничего не понимая, но решив прийти на помощь профессору, с удивлением наблюдали за этой сценой.

— Мне нужны французские деньги! — кричал Пальмирен Розет.

— Не дам! ни за что! — вопил в ответ торговец, как будто у него собирались вырвать сердце.

— Мне они нужны, говорят тебе, и я их достану!

— Только через мой труп! — голосил Исаак Хаккабут.

Капитан Сервадак счел, что пришло время вмешаться.

— Дорогой профессор, — сказал он улыбаясь, — предоставьте мне уладить и это дело.

— Ах, господин губернатор! — воскликнул Исаак Хаккабут, на котором лица не было, — заступитесь, защитите мое добро!

— Замолчите, почтенный Исаак, — приказал капитан.

Затем, обратившись к Пальмирену Розету, он спросил:

— Вам необходимо для опытов некоторое количество пятифранковых монет?

— Да, — отвечал профессор, — для начала мне нужно сорок.

— Итого двести франков! — прошептал ростовщик.

— Помимо того, — продолжал профессор, — мне нужно десять монет по два франка и двадцать по пятьдесят сантимов.

— Тридцать франков! — раздался жалобный голос.

— Всего двести тридцать франков? — переспросил Гектор Сервадак.

— Да, двести тридцать франков, — подтвердил Пальмирен Розет.

— Отлично, — сказал капитан Сервадак и спросил, обращаясь к графу Тимашеву: — Граф, найдутся ли у вас деньги, чтобы внести залог Исааку в обеспечение займа, который я принужден у него сделать?

— Мой кошелек к вашим услугам, капитан, — отвечал граф Тимашев, — но у меня с собой только рубли в ассигнациях.

— Никаких ассигнаций! никаких бумаг! — запротестовал Исаак Хаккабут. — Бумажные деньги не имеют хождения на Галлии.

— А разве серебро здесь имеет хождение? — холодно спросил граф Тимашев.

— Почтенный Исаак, — заявил, наконец, капитан, — до сих пор я снисходительно выслушивал ваши жалобы. Но советую вам не выводить меня из терпения. Волей или неволей, а вам придется выдать нам двести тридцать франков.

— Грабеж! — завопил Исаак.

И тут же замолчал, так как могучая рука Бен-Зуфа сдавила ему горло.

— Оставь его, Бен-Зуф, — сказал капитан Сервадак, — оставь! Он их отдаст по доброй воле.

— Никогда!.. Никогда!..

— Под какие проценты, любезный Исаак, вы согласны ссудить нам двести тридцать франков?

— Ссуда?.. это только ссуда? — воскликнул Исаак Хаккабут, и лицо его сразу просияло.

— Ну да, простой заем. Какие проценты вы потребуете?

— Ах, господин генерал-губернатор! — заговорил ростовщик с приторной любезностью, — вы же знаете,

как трудно заработать деньги и какая это теперь редкость на Галлии...

— Надоели мне ваши глупые рассуждения... Сколько вы просите? — прервал его Гектор Сервадак.

— Что же, господин губернатор, — ответил Исаак Хаккабут, — мне кажется, что десять франков процентов...

— В день?

— Само собой... в день!

Не успел он окончить фразы, как граф Тимашев бросил на стол пачку рублевых ассигнаций. Исаак схватил их и начал торопливо пересчитывать. Хотя это были только «бумажки», такое обеспечение удовлетворило бы самого алчного ростовщика.

Французские серебряные монеты были немедленно вручены профессору, и тот сунул их в карман с видимым удовлетворением.

Что касается Исаака, то он просто-напросто поместил свой капитал из расчета более тысячи восьмисот процентов. Право же, продолжая давать взаймы на таких условиях, он еще быстрее нажил бы состояние на Галлии, чем на Земле!

Несколько минут спустя капитан Сервадак и его спутники покинули тартану, и Пальмирен Розет воскликнул с торжеством:

— Господа, я уношу с собой не двести тридцать франков, а материал, из которого мы сделаем ровно один килограмм и один метр!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой профессор и его ученики орудуют секстильонами, квинтильонами и прочими астрономическими числами

Через четверть часа посетители «Ганзы» собрались в общем зале, где Пальмирен Розет объяснил им смысл своих последних слов.

По приказанию профессора Бен-Зуф все убрал со стола, и на нем разложили согласно их достоинству

занятые у Исаака Хаккабута серебряные монеты — две кучки по двадцати пятифранковых монет, кучка из десяти монет по два франка, кучка из двадцати монет по пятьдесят сантимов.

— Господа, — сказал Пальмирен Розет, весьма довольный самим собой, — к сожалению, у вас не хватило предусмотрительности спасти во время столкновения метр и гирю весом в килограмм, и поэтому мне пришлось изобрести способ заменить эти два предмета, необходимые для вычисления силы тяжести, массы и плотности моей кометы.

Это вступление было несколько длинно, но весьма характерно для всякого оратора, уверенного в себе и в своей власти над аудиторией. Капитану Сервадаку, графу Тимашеву и лейтенанту Прокофьеву и в голову не пришло протестовать против обращенного к ним нелепого упрека. Они привыкли к чудачествам Пальмирена Розета.

— Господа, — продолжал профессор, — прежде всего я удостоверился, что эти монеты совсем новенькие, не стертые и не стесанные. Следовательно, они отвечают требуемым условиям, чтобы произвести мой опыт со всей необходимой точностью. Итак, сначала я воспользуюсь ими, чтобы получить точную длину земного метра.

Гектор Сервадак и его приятели поняли идею профессора еще прежде, чем он ее высказал. Что же касается Бен-Зуфа, то он таращил глаза на ученого, как будто тот был фокусником из балаганчика на Монмартре.

Профессор взял за основу своего первого опыта следующее соображение, пришедшее ему в голову внезапно, когда он услышал звон монет в ящике у Исаака Хаккабута.

Как известно, французская денежная система — десятичная, и следовательно, десятичными являются и все монеты, от одного сантима до ста франков, а именно: во-первых, один, два, пять, десять сантимов медью, во-вторых, двадцать сантимов, пятьдесят сантимов, один франк, два франка, пять франков серебром,

в-третьих, пять, десять, двадцать, пятьдесят и сто франков золотом.

Таким образом, существуют монеты более крупного достоинства, чем франк, кратные ему; и монеты более мелкого достоинства — все десятичные доли франка. Франк же есть не что иное, как эталон.

Тут профессор Пальмирен Розет попросил слушателей обратить особое внимание на то, что все эти монеты точно вымерены и диаметр их строго установлен законом. Так, если взять к примеру монеты в пять франков, в два франка и в пятьдесят сантимов серебром, то первые имеют в диаметре тридцать семь миллиметров, вторые — двадцать семь миллиметров, а третьи — восемнадцать миллиметров.

Нельзя ли в таком случае, аккуратно положив рядом известное количество монет различного достоинства, получить совершенно определенную меру длины, а именно земной метр?

Это было вполне возможно, и профессор, зная это, велел отобрать десять пятифранковых монет из двадцати имеющихся, десять монет по два франка и двадцать — по пятьдесят сантимов.

Действительно, быстро произведя на клочке бумаги следующее вычисление, он показал его своим слушателям:

10 монет	в	5 франков	по	0,037 м	= 0,370 м
10 »	»	2 »	»	0,027 м	= 0,270 м
20 »	»	50 сантимов	»	0,018 м	= 0,360 м
				Итого	= 1,000 м

— Прекрасно, дорогой профессор, — сказал Гектор Сервадак. — Теперь нам остается положить рядом эти сорок монет так, чтобы прямая прошла через их центры, и мы получим в точности длину земного метра.

— Честное слово алжирца, — воскликнул Бен-Зуф, — а хорошо все-таки быть ученым!..

— Он называет это быть ученым! — презрительно фыркнул Пальмирен Розет, пожимая плечами.

На столе положили в ряд десять пятифранковых монет так, чтобы центры их соединяла одна и та же

прямая, затем десять монет по два франка и двадцать монет по пятьдесят сантимов. У обоих концов образованной таким образом прямой сделали на столе отметки.

— Вот, господа, — сказал тогда профессор, — точная длина земного метра.

Измерение было произведено с величайшей точностью. При помощи циркуля метр разделили на десять равных частей — дециметры. Затем, вырезав прут соответствующей длины, передали его механику «Добрыни».

Этому искусному мастеру оставалось вырубить кусок неизвестной горной породы, из которой состоял вулканический массив, обтесать его так, чтобы каждая из шести граней вышла размером в один квадратный дециметр, и получить безукоризненно точный куб.

Это и нужно было Пальмирену Розету.

Метр был налицо. Нужно было найти груз весом точно в один килограмм.

Это оказалось еще легче.

В самом деле, французские монеты обладают не только строго определенными размерами, но и точно установленным весом.

Если взять, например, пятифранковую монету, она весит ровно двадцать пять граммов, столько же, сколько пять монет по одному франку, каждая из которых весит пять граммов [1].

Значит, сорок пятифранковых серебряных монет весят один килограмм.

Капитан Сервадак и его товарищи поняли сразу мысль профессора.

— Ну-ну, — проговорил Бен-Зуф, — теперь я вижу, что для этой штуки мало быть ученым, надо еще...

— Что же? — спросил Гектор Сервадак.

---

[1] Сравнительный вес французских монет:

Золото: 100 франков весят 32,25 грамма; 50 фр. весят 16,12 гр.; 20 фр. весят 6,45 гр.; 10 фр. весят 3,22 гр.; 5 фр. весят 1,61 гр.

Серебро: 5 фр. весят 25 гр.; 2 фр. весят 10 гр.; 1 фр. весит 5 гр.; 0,50 фр. весят 2,5 гр.

Медь: 0,10 фр. весят 10 гр.; 0,05 фр. весят 5 гр.; 0,02 фр. весят 2 гр.; 0,01 весит 1 гр. *(Прим. автора.)*

— Надо еще быть богачом!

Замечание Бен-Зуфа вызвало дружный хохот.

Наконец, несколько часов спустя механик с большой точностью вытесал из горной породы кубический дециметр и вручил его профессору.

Теперь Пальмирен Розет, имея под рукой гирю весом в килограмм, кубический дециметр и, наконец, безмен для взвешивания, мог без труда определить силу тяжести, массу и плотность своей кометы.

— Господа, — заявил он, — я должен вам напомнить, на случай, если вы забыли или попросту не знаете, знаменитый закон Ньютона, гласящий, что сила притяжения прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Прошу вас не забывать этого.

Профессор прекрасно умел объяснять. Правда, и ученики у него были необычайно старательные.

— Вот в этом мешочке, — продолжал он, — находятся сорок пятифранковых монет. Эти монеты весили бы на Земле ровно килограмм. Следовательно, если бы, находясь на Земле, я подвесил мешочек к крючку безмена, стрелка показала бы один килограмм. Ясно?

Говоря так, Пальмирен Розет не сводил пристального взгляда с Бен-Зуфа. В этом он подражал Араго, который во время лекций всегда смотрел на того из слушателей, кто казался ему самым тупым, и если этот слушатель, повидимому, понимал объяснения, Араго убеждался, что излагает предмет достаточно ясно[1].

Здесь же перед профессором сидел денщик капитана Сервадака; правда, он был неглуп, но зато невежествен, что сводилось к одному и тому же.

Когда ему показалось, что Бен-Зуф все усвоил, профессор продолжал лекцию в следующих выражениях:

---

[1] Вот забавный анекдот, переданный знаменитым астрономом. Однажды, когда он только что рассказал в обществе о том, как он читает лекции, в гостиную вошел незнакомый молодой человек и чрезвычайно любезно с ним раскланялся.

— С кем имею честь говорить? — осведомился ученый.

— Ах, господин Араго, вы должны меня помнить, я прилежно посещаю ваши лекции, и вы все время не спускаете с меня глаз. *(Прим. автора.)*

— Итак, господа, я взвешу эти сорок монет на безмене, и ввиду того, что опыт производится на Галлии, мы и узнаем, сколько они весят на Галлии.

Мешочек с деньгами подвесили к крючку, стрелка безмена заколебалась, остановилась и показала на круге с нанесенными на нем делениями сто тридцать три грамма.

— Итак, — объяснял Пальмирен Розет, — то, что весит на Земле килограмм, весит на Галлии всего сто тридцать три грамма, то есть почти в семь раз меньше. Ясно?

Бен-Зуф утвердительно кивнул головой, и профессор продолжал с важностью:

— Теперь вам понятно, что результатов, достигнутых с помощью безмена, я не мог бы получить на обыкновенных весах. Действительно, обе чашки, если на одну положить монеты, а на другую гирю весом в килограмм, остались бы в равновесии, так как тяжесть обеих уменьшилась бы одинаково. Понятно вам?

— Даже мне понятно, — отвечал Бен-Зуф.

— Итак, — снова начал профессор, — если тяжесть здесь в семь раз меньше, чем на земном шаре, из этого надо заключить, что сила тяжести на Галлии составляет одну седьмую силы тяжести на поверхности Земли.

— Превосходно! — сказал капитан Сервадак. — Теперь мы выяснили этот вопрос. Итак, дорогой профессор, перейдем к массе.

— Нет, сначала к плотности, — возразил Пальмирен Розет.

— В самом деле, — согласился лейтенант Прокофьев, — нам уже известен объем Галлии, а узнав ее плотность, мы без труда определим ее массу.

Соображения лейтенанта были справедливы, и оставалось лишь приступить к вычислению плотности Галлии.

Этим и занялся профессор. Он взял вытесанный из вулканической породы кубик с ребром, равным одному дециметру.

— Господа, — сказал он, — перед вами кусок той неведомой горной породы, которую во время

кругосветного плаванья вы повсюду встречали на поверхности Галлии. Право, можно подумать, что на моей комете нет никакого другого вещества. Прибрежные скалы, вулканический массив, побережье, как на севере, так и на юге, — все состоит из одного и того же минерала, которого вы, по своему невежеству в геологии, не сумели определить.

— Да, и нам бы очень хотелось знать, что это за вещество, — сказал Гектор Сервадак.

— Итак, я считаю себя вправе предположить, — продолжал Пальмирен Розет, — что Галлия целиком состоит из данного вещества. Вот перед вами кубический дециметр этой породы. Сколько бы он весил на Земле? Он весил бы ровно в семь раз больше, чем на Галлии, так как, повторяю, сила тяжести на комете в семь раз меньше, чем на земном шаре. Вы поняли? Что вы смотрите на меня, выпучив глаза?

Последние слова относились к Бен-Зуфу.

— Ничего не понял, — отвечал тот.

— Ну так я не стану терять времени, чтобы вам это втолковать. Остальные поняли, этого с меня достаточно.

— Экий невежа! — пробормотал Бен-Зуф.

— Взвесим же этот кубик, — заключил профессор. — Я как бы вешаю свою комету на крючок безмена.

Кубик подвесили, и стрелка показала один килограмм четыреста тридцать граммов.

— Один килограмм четыреста тридцать граммов, помноженные на семь, дадут около десяти килограммов! — воскликнул Пальмирен Розет. — Поскольку плотность Земли приблизительно равняется пяти, то плотность Галлии, будучи равна десяти, вдвое больше. В противном случае сила тяжести на моей комете составляла бы не одну седьмую земной силы тяжести, а одну пятнадцатую!

Профессор произнес эти слова с чувством законной гордости. Если Земля превосходила Галлию в объеме, то комета превосходила ее плотностью, и право же, он не променял бы одну на другую.

Итак, теперь были известны диаметр, окружность, поверхность, объем и плотность Галлии, а также сила тяжести на ее поверхности. Оставалось вычислить массу кометы, иными словами ее вес.

Произвести это вычисление было минутным делом. Действительно, если один кубический дециметр галлийского вещества весил бы на Земле десять килограммов, то, чтобы узнать вес Галлии, следовало помножить на десять число кубических дециметров, составляющих ее объем. Объем же ее равнялся, как мы знаем, двумстам одиннадцати миллионам четыремстам тридцати трем тысячам четыремстам шестидесяти кубическим километрам и заключал в себе двадцатиоднозначное число кубических дециметров, а именно двести одиннадцать квинтильонов четыреста тридцать три квадрильона четыреста шестьдесят триллионов. Этим же самым числом в земных килограммах выражалась масса, или вес Галлии.

Следовательно, вес Галлии был меньше веса земного шара на четыре секстильона семьсот восемьдесят восемь квинтильонов пятьсот шестьдесят шесть квадрильонов пятьсот сорок триллионов килограммов.

— Да сколько же тогда весит Земля? — спросил Бен-Зуф, совершенно сбитый с толку этими астрономическими цифрами.

— А ты представляешь себе, что такое миллиард? — усмехнулся капитан Сервадак.

— Смутно, господин капитан.

— Так знай же, что с рождества Христова не прошло еще и миллиарда минут, и если бы ты в то время задолжал миллиард, то, отдавая по франку в минуту, ты до сих пор бы еще не расплатился.

— По франку в минуту! — воскликнул Бен-Зуф. — Да я бы за четверть часа разорился дотла. Ну, а все-таки, сколько же весит Земля?

— Пять тысяч восемьсот семьдесят пять секстильонов килограммов, — ответил лейтенант Прокофьев, — то есть двадцатипятизначное число.

— А Луна?

— Семьдесят два секстильона килограммов.

— Только-то? — удивился Бен-Зуф. — Ну, а Солнце?

— Два нонильона, — отвечал профессор, — число, выражаемое тридцатью одной цифрой.

— Два нонильона! — воскликнул Бен-Зуф. — Не может быть! Уж нескольких-то граммов, наверно, не хватает?

Пальмирен Розет метнул на Бен-Зуфа сердитый взгляд.

— Значит, — заключил капитан Сервадак, — всякий предмет весит на поверхности Галлии в семь раз меньше, чем на поверхности Земли.

— Да, — подтвердил профессор, — и вследствие этого наша мускульная сила возросла в семь раз. Грузчик, способный поднять на Земле сто килограммов, здесь, на Галлии, поднял бы семьсот.

— Так вот почему мы прыгаем в семь раз выше! — догадался Бен-Зуф.

— Без сомнения, — ответил лейтенант Прокофьев, — а если бы масса Галлии была меньше, вы бы прыгали еще выше, Бен-Зуф.

— Перескочили бы даже через Монмартрский холмик, — прибавил профессор, подмигнув, чтобы вывести Бен-Зуфа из себя.

— А какова сила тяжести на других планетах? — спросил Гектор Сервадак.

— Неужели вы забыли? — возмутился профессор. — Недаром вы всегда были плохим учеником.

— Признаюсь, к стыду своему, что забыл! — сказал капитан Сервадак.

— Так вот! Если принять силу тяжести на Земле за единицу, то на Луне она равняется шестнадцати сотым, на Юпитере — двум целым сорока пяти сотым, на Марсе — пяти десятым, на Меркурии — одной целой пятнадцати сотым, на Венере — девяноста двум сотым, почти столько же, сколько на Земле, на Солнце — двум целым сорока пяти сотым. Там один земной килограмм весит двадцать восемь килограммов!

— Поэтому, — добавил лейтенант Прокофьев, — если человек упадет на Солнце, то подняться он

может лишь с огромным трудом, а пушечное ядро пролетит там не больше нескольких десятков метров.

— На таком поле битвы трусам раздолье! — заметил Бен-Зуф.

— Вовсе нет, — возразил капитан Сервадак, — ведь они будут так тяжелы, что не смогут удрать!

— Экая досада, что Галлия не оказалась еще меньше, — заявил Бен-Зуф. — Тогда мы были бы куда сильнее и прыгали бы много выше. Правда, комету меньше Галлии трудно и сыскать!

Такая насмешка не могла не задеть самолюбие Пальмирена Розета, владельца упомянутой кометы.

— Видали вы нахала? — огрызнулся он сердито. — Голова этого невежды и так слишком легковесна. Берегитесь, как бы от порыва ветра она не отлетела совсем!

— Ерунда, — отвечал Бен-Зуф, — я придержу ее обеими руками.

Видя, что последнее слово остается за неугомонным Бен-Зуфом, Пальмирен Розет собирался было уйти, когда капитан Сервадак остановил его.

— Простите, дорогой профессор, — сказал он, — только один вопрос. Не знаете ли вы, из какого вещества состоит Галлия?

— Может быть, и знаю! — ответил Пальмирен Розет. — Свойства этого вещества... плотность, равняющаяся десяти... я бы осмелился утверждать... О, если это так, я посрамлю вашего Бен-Зуфа! Пусть только посмеет сравнить свой пригорок с моей кометой!

— А что вы осмелились бы утверждать? — спросил капитан Сервадак.

— Что это вещество, — продолжал профессор, торжественно скандируя каждый слог, — это вещество не что иное, как теллурид...

— Эка невидаль — теллурид! — фыркнул Бен-Зуф.

— Теллурид, содержащий золото, минерал, встречающийся и на Земле; здесь же в нем содержится, я полагаю, семьдесят процентов теллура и тридцать процентов золота.

— Тридцать процентов! — воскликнул Гектор Сервадак.

— Что при сложении удельного веса обоих металлов составляет в целом десять, то есть именно ту цифру, которой выражается плотность Галлии!

— Золотая комета! — удивился капитан Сервадак.

— Прославленный Мопертюи считал это вполне возможным, и существование Галлии доказывает его правоту!

— Но если в таком случае Галлия упадет на земной шар, — заметил граф Тимашев, — она спутает там все денежные отношения, ибо на Земле в обращении находится всего двадцать девять миллиардов четыреста миллионов золота!

— Вы правы, — согласился Пальмирен Розет, — глыба из золотого теллурида, на которой мы находимся, весит, по земным мерам веса, двести одиннадцать квинтиллионов четыреста тридцать три квадрильона четыреста шестьдесят триллионов килограммов, следовательно, она принесет с собой на Землю около семидесяти одного квинтиллиона золота. Из расчета трех тысяч пятисот франков на килограмм, это составит круглым числом двести сорок шесть секстильонов франков — число двадцатичетырехзначное.

— И с этого дня, — заключил Гектор Сервадак, — золото на Земле совершенно обесценится и более чем когда-либо будет заслуживать название «презренного металла».

Профессор не слышал этого замечания. Закончив свою речь, он величественно вышел из зала и направился к себе в обсерваторию.

— А сказать по правде, — спросил тогда Бен-Зуф, — какая польза от всех этих головоломок, с которыми наш сварливый ученый управляется как фокусник в балагане?

— Никакой! — отвечал капитан Сервадак. — Именно поэтому это так и увлекательно!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой будет идти речь только о Юпитере, называемом великим ловцом комет

В самом деле, Пальмирен Розет трудился исключительно из любви к искусству. Он определил эфемериды кометы, ее траекторию в межпланетном пространстве, период ее обращения вокруг Солнца. Все остальное — масса, плотность, сила притяжения и даже ценные металлы Галлии — интересовало только его одного и было безразлично для его спутников; им прежде всего хотелось встретиться с Землей в назначенной точке ее орбиты и в назначенный срок.

Профессору предоставили заниматься чистой наукой сколько ему угодно.

На другой день было 1 августа, или, пользуясь терминологией Пальмирена Розета, 63 апреля по галлийскому календарю. В течение этого месяца комета, пролетев шестнадцать миллионов пятьсот тысяч лье, должна была удалиться от Солнца на сто девяносто семь миллионов лье. Ей предстояло пройти еще восемьдесят один миллион лье, чтобы к 15 января достигнуть афелия. Миновав эту точку, она начнет приближаться к Солнцу.

Теперь Галлия неслась навстречу неведомому чудесному миру, который до сих пор был недоступен человеческому взору на таком близком расстоянии.

Да, профессор был совершенно прав, что ни на минуту не покидал своей обсерватории. Никогда еще перед астрономом, — а астроном видит больше других людей, ибо живет вне земных интересов, — не развертывалось такого великолепного зрелища. Как прекрасны были галлийские ночи! Ни дуновение ветерка, ни единое облачко не нарушало их прозрачности. Книга небесного свода была раскрыта, и ее письмена выступали с несравненной отчетливостью.

Галлия приближалась к чудесному блистательному миру, миру Юпитера, самого огромного из светил, которых Солнце удерживает в сфере своего притяжения. Со времени столкновения с Землей, семь месяцев

назад, комета продолжала стремительно лететь по направлению к великолепной планете, которая величаво двигалась навстречу ей. 1 августа оба светила разделяло расстояние лишь в шестьдесят один миллион лье, и вплоть до 1 ноября им предстояло неуклонно приближаться друг к другу.

Не угрожает ли комете опасность? Не рискованно ли для нее пролететь так близко от Юпитера? Не окажется ли гибельной для Галлии притягательная сила планеты, обладающей столь внушительной массой по сравнению с ней? Разумеется, вычисляя время обращения Галлии, профессор точно учитывал возможные пертурбации, вызванные близостью не только Юпитера, но даже Сатурна и Марса. Ну, а что, если он ошибся, недооценил значение этих пертурбаций и они замедлят движение его кометы сильнее, чем он предполагал? А что, если грозный Юпитер, вечный совратитель комет...

Одним словом, как объяснил лейтенант Прокофьев, в случае если астроном напутал в вычислениях, Галлии угрожала опасность четырех родов:

1. Либо, увлеченная непреодолимой силой притяжения Юпитера, комета упадет на его поверхность и исчезнет.

2. Либо, взятая им в плен, она перейдет на положение спутника или даже спутника одного из сателлитов Юпитера.

3. Либо, отклонившись от своей траектории, она станет описывать новую орбиту и никогда не пересечет эклиптики.

4. Либо, хоть немного задержавшись по вине светила — «ловца комет», она достигнет эклиптики слишком поздно и не успеет встретиться с Землей.

Само собой понятно, что, если сбудется хотя бы одно из этих предположений, галлийцы потеряют всякую возможность вернуться на родную планету.

Интересно отметить, что из указанных четырех возможностей Пальмирен Розет опасался только двух. Разумеется, отважного астронома нимало не прельщала мысль о том, что Галлия может обратиться в луну Юпитера или в спутника одной из его лун, но если бы, избежав встречи с Землей, она продолжала обра-

шаться вокруг Солнца или даже навсегда умчалась в космическое пространство, к туманности Млечного Пути, состоящей из неисчислимого множества звезд, — это пришлось бы ему весьма по вкусу. Непреодолимое желание спутников астронома вернуться на земной шар, где они оставили родных и друзей, было вполне естественно. Но Пальмирен Розет не имел семьи и не завел друзей, — ему никогда не хватало для этого времени. Да и с кем бы он мог подружиться при своем неуживчивом характере? Поэтому он считал исключительной удачей, что новая комета унесла его в мировое пространство, и всем готов был пожертвовать, лишь бы никогда ее не покидать.

Так прошел целый месяц, для галлийцев полный тревог, для Пальмирена Розета — полный надежд.

Первого сентября между Галлией и Юпитером оставалось всего тридцать восемь миллионов лье, как раз то расстояние, что отделяет Землю от Солнца, а 15 сентября это расстояние сократилось до двадцати шести миллионов лье. Планета заметно вырастала на небосводе и, казалось, притягивала к себе Галлию, точно эллиптическое движение кометы изменилось, и она падала прямо на Юпитер.

Что и говорить, планета, которая грозила отклонить Галлию от ее пути, была поистине громадна! Настоящий камень преткновения, серьезная опасность для кометы! Мы знаем, что согласно закону Ньютона сила притяжения между телами прямо пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Масса же Юпитера была весьма значительна, а расстояние между ним и Галлией относительно невелико.

В самом деле, диаметр Юпитера составляет тридцать пять тысяч семьсот девяносто лье, то есть он в одиннадцать раз больше диаметра Земли, а окружность этого великана равняется ста двенадцати тысячам четыремстам сорока лье. Его объем в тысячу четыреста четырнадцать раз больше земного, иными словами, понадобилось бы взять одну тысячу четыреста четырнадцать земных шаров, чтобы сравняться с ним по величине. Масса Юпитера в триста тридцать восемь раз пре-

восходит массу земного сфероида; иначе говоря, он весит в сто тридцать восемь раз больше Земли, а именно около двух октильонов килограммов — число, выражающееся двадцатью восемью цифрами. Если даже средняя плотность Юпитера, вычисленная на основании его массы и объема, не достигает и одной четверти плотности Земли и превышает лишь на одну треть плотность воды (откуда возникла гипотеза, что огромная планета, быть может, находится в жидком состоянии, по крайней мере на поверхности), — то все же при громадной массе Юпитера эта встреча была опасна для Галлии.

Здесь уместно добавить, заканчивая физическую характеристику Юпитера, что он совершает свое обращение вокруг Солнца за одиннадцать лет десять месяцев семнадцать дней восемь часов сорок две минуты по земному времени; что он движется со скоростью тринадцати километров в секунду по орбите длиною в тысячу двести четырнадцать миллионов лье; что его вращение вокруг оси совершается всего за девять часов пятьдесят пять минут, благодаря чему значительно сокращается длина его суток; что вследствие этого любая точка его экватора перемещается в двадцать семь раз быстрее любой точки земного экватора, чем вызывается сплюснутость каждого из его полюсов, достигающая девятисот девяноста пяти лье; что ось планеты почти перпендикулярна к плоскости ее орбиты, отчего ночи там равны дням и смена времен года мало ощутима, так как Солнце почти неизменно находится в плоскости экватора; и, наконец, на долю планеты достается лишь одна двадцать пятая света и тепла, получаемых Землей, ибо Юпитер, следуя по своей эллиптической траектории, приближается к Солнцу самое меньшее на сто восемьдесят восемь миллионов лье и отдаляется от него самое большее на двести семь миллионов лье.

Остается сказать о четырех лунах, которые восходят то вместе, то порознь и великолепно освещают ночное небо Юпитера.

Один из этих четырех спутников движется вокруг Юпитера почти на таком же расстоянии, как и Луна

от Земли. Второй несколько меньше нашего ночного светила. И все четыре совершают свой полный оборот гораздо быстрее Луны: первый — за одни сутки восемнадцать часов двадцать восемь минут, второй за трое суток тринадцать часов четырнадцать минут, третий за семь суток три часа сорок три минуты и четвертый за шестнадцать суток шестнадцать часов тридцать две минуты. Самый отдаленный спутник проходит на расстоянии четырехсот шестидесяти пяти тысяч ста тридцати лье от планеты.

Как известно, наблюдая спутников Юпитера, чье движение изучено с величайшей точностью, ученые впервые определили скорость света. Этими лунами можно также пользоваться при вычислении земных долгот.

— Можно, значит, представить себе Юпитер, — сказал как-то лейтенант Прокофьев, — в виде громадных часов, где сателлиты служат стрелками на циферблате и отмечают время с величайшей точностью.

— Такие часы чересчур велики для моего жилетного кармана! — вздохнул Бен-Зуф.

— Надо добавить, — продолжал лейтенант, — что у обыкновенных часов самое большее три стрелки, а здесь их четыре...

— Берегитесь, как бы вскоре не появилась и пятая! — вставил капитан Сервадак, намекая на грозившую Галлии опасность стать новым спутником Юпитера.

Не трудно понять, что этот неведомый мир, с каждым днем выраставший перед их глазами, служил единственной темой разговоров между капитаном Сервадаком и его спутниками. Они не могли оторвать от него взгляда, не могли говорить ни о чем другом.

Как-то раз беседа зашла о возрасте различных планет, тяготеющих к Солнцу, и лейтенант Прокофьев вместо ответа прочел отрывок из книги Фламмариона «Рассказы о бесконечном», которая имелась у него в русском переводе.

«Самые отдаленные (из этих светил) не только являются и самыми почтенными по возрасту, они достигли, кроме того, наиболее высокой степени развития. Нептун, находящийся на расстоянии одного

миллиарда ста миллионов лье от Солнца, первым оторвался от газообразной солнечной туманности миллиарды столетий тому назад. Возраст Урана, отстоящего на семьсот миллионов лье от общего центра планетных орбит, исчисляется несколькими сотнями миллионов веков. Юпитер, планета-великан, находящаяся в ста девяноста миллионах лье от Солнца, образовалась семьдесят миллионов веков тому назад. Марс существует около миллиарда лет, его расстояние от Солнца составляет пятьдесят шесть миллионов лье. Земля, находящаяся в тридцати семи миллионах лье от Солнца, вышла из его раскаленных недр сто миллионов лет тому назад. Не прошло, пожалуй, и пятидесяти миллионов лет с тех пор, как оторвалась от Солнца Венера; она обращается вокруг него на расстоянии двадцати шести миллионов лье. И только десять миллионов лет тому назад появился на свет Меркурий (его расстояние от Солнца — четырнадцать миллионов лье). Что касается Луны, то она таким же образом порождена Землей».

Такова была новая теория, вызвавшая шутливое замечание капитана Сервадака: «Если так, уж лучше было бы попасть в плен к Меркурию, чем к Юпитеру. Будь наш властелин помоложе, с ним легче было бы поладить!»

В течение второй половины сентября Галлия и Юпитер продолжали неизменно сближаться. 1 сентября комета пересекла орбиту планеты, а 1 октября оба светила должны были оказаться на наиболее близком расстоянии друг от друга. Прямого столкновения нечего было опасаться, ибо плоскости орбит Юпитера и Галлии не совпадали, хоть и были едва заметно наклонены одна к другой. Действительно, плоскость, по которой движется Юпитер, составляет с эклиптикой угол в один градус девятнадцать минут, а, как мы помним, после столкновения эклиптика и орбита кометы оказались в одной плоскости.

В течение последних двух недель Юпитер представлял восхитительное зрелище для всякого наблюдателя, более беспристрастного, чем галлийцы. Его диск, озаренный солнечными лучами, отбрасывал отраженный

свет на Галлию. Предметы на ее поверхности выступали резче, принимая новые оттенки. Нерина, находившаяся в противостоянии с Юпитером, смутно вырисовывалась на ночном небе. Пальмирен Розет, ни на минуту не покидавший обсерватории, наблюдал в телескоп великолепное светило и, казалось, стремился проникнуть в последние тайны юпитерова мира. Подумать только, планета, которую астрономам на Земле никогда не удавалось видеть ближе чем за сто пятьдесят миллионов лье, скоро должна приблизиться к восхищенному профессору на каких-нибудь тринадцать миллионов лье!

Что касается Солнца, то на таком расстоянии от Галлии оно казалось небольшим диском, диаметр которого равнялся в угловом измерении пяти минутам сорока шести секундам.

За несколько дней до того, как расстояние между Юпитером и Галлией сократилось до минимума, спутники планеты стали видны простым глазом. Как известно, с Земли невозможно различить без телескопа эти луны Юпитера. Тем не менее несколько счастливцев, одаренных исключительно зорким зрением, разглядели сателлитов Юпитера без помощи оптических приборов. Среди прочих в астрономических летописях упоминаются Местлин, профессор Кеплер, какой-то сибирский охотник по фамилии Врангель и, согласно утверждению Богуславского, директора Бреславльской обсерватории, некий портной из того же города. Если допустить, что эти люди были действительно наделены столь острым зрением, у них нашлось бы множество соперников, очутись они теперь на Теплой Земле в Улье Нины. Сателлиты стали превосходно видны всем. Можно даже было заметить, что у первого из них беловатый цвет, второй кажется синеватым, третий сверкает снежной белизной, четвертый отливает то оранжевым, то красноватым оттенками. Следует добавить, что даже на таком расстоянии Юпитер излучал ровное немерцающее сияние.

Если Пальмирен Розет наблюдал Юпитер с беспристрастием астронома, то его спутники все время находились в тревоге, опасаясь замедления скорости

Галлии или даже ее падения, вызванного притяжением планеты. Между тем дни проходили, а опасения их не оправдывались.

Неужели «ловец комет» не окажет на Галлию никакого влияния, не считая тех возмущений, которые уже были приняты в расчет при вычислении? Если нечего было страшиться прямого падения Галлии благодаря силе ее инерции, то достаточна ли эта сила, чтобы удержать комету в пределах указанных возмущений и дать ей возможность завершить свой двухлетний оборот вокруг Солнца?

Этими вопросами и занимался, вероятно, Пальмирен Розет, но выпытать у него тайну произведенных им наблюдений было не так-то легко.

По временам Гектор Сервадак и его товарищи вели беседу на эту тему.

— Поверьте, — сказал как-то капитан Сервадак, — если период обращения Галлии изменился и скорость ее неожиданно замедлилась, мой бывший профессор не смог бы скрыть своей радости. Вот увидите, он не упустит случая подразнить нас, и мы, даже не задавая вопросов, сразу узнаем, что попали в беду.

— Дай-то бог, — проговорил граф Тимашев, — чтобы профессор не допустил никакой ошибки в своих первоначальных вычислениях!

— Чтобы Пальмирен Розет допустил ошибку? — возразил Гектор Сервадак. — Это мне представляется невероятным. Он первоклассный астроном, в этом нельзя ему отказать. Я твердо верю в точность предварительных вычислений профессора, касающихся периода обращения Галлии, и так же твердо поверю в его правоту, если он объявит, что мы должны отказаться от всякой надежды вернуться на Землю.

— Коли так, господин капитан, — вмешался тут Бен-Зуф, — разрешите доложить вам о том, что меня беспокоит.

— Говори, что же тебя беспокоит, Бен-Зуф.

— Ваш ученый дни и ночи торчит у себя в обсерватории, верно? — спросил денщик тоном человека, зрело обдумавшего свой вопрос.

— Верно, — отвечал Гектор Сервадак.

— И круглые сутки, — продолжал Бен-Зуф, — его чертова труба целится в Юпитера, который вот-вот нас проглотит. Так ведь?

— Так. И что же?

— Уверены ли вы, господин капитан, что ваш учитель не притягивает к нам Юпитера своей проклятой дудкой?

— Ну, это уж вздор! — отвечал, смеясь, капитан Сервадак.

— Ладно, господин капитан, ладно! — сказал Бен-Зуф, с сомнением покачивая головой. — Я не так в этом уверен и с трудом удерживаюсь, чтобы...

— Чтобы?.. — переспросил Гектор Сервадак.

— Чтобы не сломать к чертям его проклятый инструмент!

— Разбить телескоп, Бен-Зуф?

— Вдребезги!

— Только попробуй, я тут же велю тебя повесить.

— Повесить?

— Немедленно! Разве я не генерал-губернатор Галлии?

— Так точно, господин капитан! — ответил простодушный Бен-Зуф.

И право же, если бы его приговорили к повешенью, он скорее сам бы надел себе на шею веревку, чем хотя бы на минуту усомнился в праве «его превосходительства» распоряжаться жизнью и смертью галлийцев.

Первого октября расстояние между Юпитером и Галлией сократилось до восемнадцати миллионов лье. Таким образом, Юпитер отстоял теперь от кометы в сто восемьдесят раз дальше, чем Луна от Земли в своем апогее. Будь же он на расстоянии Луны, его диаметр казался бы в тридцать четыре раза больше лунного, а диск в тысячу двести раз больше ее диска. Но и теперь для наблюдателей с Галлии он представлялся светилом гигантских размеров.

Можно было ясно разглядеть полосы различных оттенков, бороздящие поверхность Юпитера параллельно экватору, на севере и на юге сероватые, на полюсах попеременно темные и светлые, причем самые края планетного диска светились наиболее ярко. Отчетливо

видимые пятна разной формы и величины нарушали там и сям рисунок поперечных полос.

Не были ли эти полосы и пятна следствием атмосферных явлений? Нельзя ли было объяснить их появление, природу и непрерывное перемещение скоплением паров, образованием облаков, гонимых воздушными течениями, вроде пассатов, дующими в направлении, обратном вращению планеты вокруг оси? Пальмирен Розет не мог этого решить, так же как и его коллеги в земных обсерваториях. Если он вернется на Землю, у него не будет даже того утешения, что он раскрыл одну из самых сокровенных тайн Юпитера!

Наступила вторая неделя октября, и тревога галлийцев возросла более чем когда-либо. Галлия мчалась с огромной скоростью к опасному повороту своей орбиты. Граф Тимашев и капитан Сервадак, обычно несколько сдержанные и даже холодные в обращении друг с другом, чувствовали, как сблизила их общая опасность. Они беспрестанно делились мыслями и сомнениями. Когда порою им казалось, что все погибло и надежда возвратиться на Землю потеряна навсегда, они принимались обсуждать, какое будущее ожидает их в солнечном мире, а может быть и дальше, в звездных мирах. Они заранее примирились с судьбой. Мысленно переносясь в неведомые дали, они вдохновлялись широкими философскими идеями, которые отвергают узкое представление о мире, созданном исключительно для человека, и стремятся охватить всю бесконечную и, возможно, обитаемую вселенную.

Но, право же, в глубине души они чувствовали, что не в силах отказаться от надежды вернуться на Землю, пока она еще виднеется над горизонтом Галлии, среди многих тысяч звезд небесного свода. К тому же, если им удастся избежать опасностей, вызванных соседством Юпитера, то, как часто твердил лейтенант Прокофьев, Галлии уже ничто более не угрожает, ни со стороны Сатурна, слишком отдаленного, ни со стороны Марса, чью орбиту она пересечет еще раз, возвращаясь к Солнцу. Понятно поэтому, с каким нетерпением галлийцы стремились, подобно Вильгельму Теллю, поскорее «миновать роковой перекресток»!

Пятнадцатого октября оба светила должны были приблизиться друг к другу на кратчайшее расстояние, если только не произойдет каких-либо непредвиденных возмущений. Их разделяло теперь лишь тринадцать миллионов лье. Оставались две возможности: или могучий Юпитер притянет Галлию к себе, или же комета пройдет мимо него, не испытав иных замедлений, кроме тех, что были предусмотрены в вычислениях...

Галлия прошла мимо!

Об этом все догадались сразу, на другой же день, по невыносимо дурному настроению Пальмирена Розета. Если он и торжествовал как ученый математик, то был посрамлен как искатель приключений. Вместо того чтобы стать самым счастливым из астрономов, он чувствовал себя самым несчастным из галлийцев!

Галлия между тем продолжала свой путь вокруг Солнца, неуклонно двигаясь навстречу Земле.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой убедительно доказывается, что вести торговлю на Земле гораздо выгоднее, чем на Галлии

— Черт побери! Кажется, мы проскочили благополучно! — воскликнул капитан Сервадак, догадавшись по разочарованному виду профессора, что всякая опасность миновала.

Затем он обратился к товарищам, не менее обрадованным, чем он сам.

— В сущности говоря, что особенного с нами произошло? Мы просто совершили путешествие по солнечному миру, небольшое двухлетнее путешествие! Право же, на земле многие странствовали и подольше нашего! Итак, до сих пор нам не на что жаловаться, а раз с этого дня все пойдет гладко, то меньше чем через пятнадцать месяцев мы снова вернемся на родной сфероид.

— И снова увидим Монмартр! — прибавил Бен-Зуф.

И вправду, галлийцы счастливо отделались, «избежав абордажа», как сказали бы моряки. Допустим

даже, что под влиянием силы притяжения Юпитера комета запоздала бы всего на один час, — ведь за это время Земля отдалилась бы почти на сто тысяч лье от той точки, где они должны были встретиться. Когда еще повторится подобное совпадение? Разве не протекут столетия и даже тысячелетия, прежде чем станет возможной новая встреча с Землей? Да, без сомнения. Кроме того, Юпитер мог бы, воздействовав на Галлию, изменить либо плоскость, либо форму ее орбиты; в первом случае комета продолжала бы вечно вращаться в околосолнечном мире, а во втором унеслась бы в межзвездные пространства.

Первого ноября расстояние, отделяющее Галлию от Юпитера, достигло семнадцати миллионов лье. Через два с половиной месяца комета будет находиться в афелии, то есть в точке наиболее удаленной от Солнца, а миновав ее, вновь начнет к нему приближаться.

Световые и тепловые свойства лучезарного светила казались теперь чрезвычайно ослабленными. Лишь тусклый, сумеречный свет падал на поверхность Галлии. Комета получала всего одну двадцать пятую того света и тепла, что Солнце посылает на Землю. Но огромное светило попрежнему сияло вдалеке. Галлия все еще подчинялась его могущественному влиянию. Скоро она к нему приблизится. Скоро все на ней оживет под горячими лучами Солнца, температуру которого исчисляют не менее чем в пять миллионов градусов. Ожидание этой счастливой перемены вдохнуло бы новые силы в галлийцев, если бы эти люди способны были пасть духом.

А Исаак Хаккабут? Знал ли этот эгоист, какие тревоги пережили капитан Сервадак и его товарищи за последние два месяца?

Нет, и понятия не имел. Исаак Хаккабут со времени столь выгодной для него сделки не покидал «Ганзы». На другой же день после того, как профессор кончил свои измерения, Бен-Зуф поспешил возвратить ростовщику безмен и серебряные монеты. Плата за прокат и проценты уже находились у него в руках. Пришлось только вернуть рублевые ассигнации, полученные в

залог, и на этом его отношения с обитателями Улья Нины были прерваны.

Однако Бен-Зуф не упустил случая сообщить ростовщику, что вся почва Галлии состоит из чистого золота, которое не только не имеет здесь никакой цены, но потеряет всякую цену и на Земле, когда комета упадет туда.

Исаак подумал, конечно, что Бен-Зуф просто издевается над ним. Он нисколько не верил этим россказням и более чем когда-либо мечтал присвоить весь денежный запас галлийской колонии.

Итак, почтенный Хаккабут ни разу не удостоил Улей Нины своим посещением.

— Просто удивительно, — говаривал иногда Бен-Зуф, — как легко отвыкаешь от его рожи!

Между тем Исаак Хаккабут задумал возобновить свои отношения с галлийцами. Этого требовали его интересы. С одной стороны, некоторые товары на его складе начинали портиться. С другой, необходимо было обменять их на деньги до того, как комета снова встретится с Землей. В самом деле, на земном шаре его товары стоили бы не дороже рыночной цены. В Галлии же, напротив, как он отлично знал, цены на них сильно возрастут, ведь таких товаров негде больше взять, и колонистам волей-неволей придется обратиться именно к нему, к Исааку.

На хозяйственных складах Галлии как раз начал ощущаться недостаток в предметах первой необходимости — масле, кофе, сахаре, табаке и проч. Бен-Зуф тут же довел об этом до сведения капитана. Сервадак, верный своим правилам, не медля принял решение заставить хозяина «Ганзы» продать свои товары.

Подобное совпадение интересов продавца и покупателей, естественно, побуждало Исаака наладить отношения с обитателями Теплой Земли. При помощи выгодных торговых сделок Исаак Хаккабут сильно надеялся вскоре захватить в свои руки все золото и серебро колонии.

«Однакоже, — размышлял он в своей тесной каюте, — ведь стоимость моих товаров превышает наличный денежный запас этих людей. И когда я запру

в сундук весь их капитал, на что же они смогут купить оставшиеся товары?»

Подобные сомнения не давали покоя достойному старику. И тут ему весьма кстати пришло на ум, что он не только торговец, но и заимодавец или, скажем прямо, ростовщик. Почему бы не продолжать на Галлии прибыльное ремесло, так хорошо удававшееся ему на Земле? Последняя сделка подобного рода могла только поощрить его к этому.

Таким образом, Исаак Хаккабут, наделенный логическим складом ума, пришел мало-помалу к следующему выводу:

— Когда эти люди истратят все свои деньги до гроша, у меня еще останется немало товаров, и я буду продавать их как можно дороже. Кто помешает мне тогда давать им денег взаймы, то есть только тем, чья подпись покажется мне надежной. Э-э, хоть векселя и подписаны на Галлии, они останутся действительными и на Земле! Если должники не уплатят мне в срок, я опротестую векселя и притяну их к суду. Всевышний не запрещает человеку извлекать доход из своего добра. Наоборот, там у них имеется капитан Сервадак и особенно граф Тимашев, они кажутся мне платежеспособными и не поглядят на высокие проценты. О, этим людям я не прочь ссудить небольшую сумму, — пускай уплатят ее на Земле!

Сам того не зная, Исаак Хаккабут применил способ, которым некогда пользовались древние галлы. Они давали в долг под векселя, подлежащие оплате в будущей жизни. Правда, под будущей жизнью они разумели вечность. Исаак же подразумевал жизнь на Земле, куда надеялся вернуться через пятнадцать месяцев, к счастью для себя, к несчастью для своих должников.

Подобно тому как Галлия непреодолимо стремилась навстречу Земле, так и Исаака Хаккабута непреодолимо влекло к капитану Сервадаку, который со своей стороны тоже собирался навестить владельца тартаны.

Встреча произошла 15 ноября в каюте «Ганзы». Осторожный торговец не делал первого шага, отлично зная, что покупатели явятся к нему сами.

— Почтенный Исаак, — сказал капитан без всяких предисловий и околичностей, — нам нужны кофе, табак, масло и прочие припасы со складов «Ганзы». Завтра мы с Бен-Зуфом придем и закупим у вас все, что нам необходимо.

— Помилосердствуйте! — возопил Исаак, любивший кстати и некстати прибегать к этому восклицанию.

— Я же сказал, что мы придем «покупать», слышите вы? — продолжал капитан Сервадак. — Покупать, по-моему, значит брать товары по условленной цене. А потому нечего вам ныть и причитать.

— Слышу, слышу, господин губернатор, — отвечал Исаак дрожащим голосом, точно нищий, просящий подаяния. — Я знаю, вы не допустите, чтобы ваши люди ограбили несчастного коммерсанта, которому и так грозит разорение.

— Ничего вам не грозит, Исаак; повторяю, мы за все заплатим.

— Заплатите... наличными?

— Наличными.

— Поймите, господин губернатор, — продолжал Исаак Хаккабут, — что я не могу отпускать товары в кредит...

Капитан Сервадак по своему обыкновению не прерывал его, желая изучить этого скрягу как можно лучше. Обрадованный его молчанием, Исаак стал ныть пуще прежнего:

— Я полагаю... да... я думаю... ведь на Теплой Земле есть весьма почтенные особы... то есть вполне платежеспособные... граф Тимашев... наконец, сам господин губернатор...

Гектору Сервадаку на секунду захотелось дать ему хорошего пинка.

— Вы сами понимаете... — слащаво тянул Исаак Хаккабут, — если бы я поверил в кредит одному, мне было бы затруднительно... отказать другому. Это вызвало бы неприятные объяснения... и я полагаю, что лучше... не давать в долг никому.

— Я тоже так думаю, — ответил Гектор Сервадак.

— Ах, — подхватил Исаак, — я счастлив, что господин губернатор разделяет мое мнение. Вот что значит

правильно понимать торговое дело. Осмелюсь спросить у господина губернатора, какими деньгами он будет расплачиваться?

— Золотом, серебром, медью, а когда звонкой монеты не хватит, банковыми билетами...

— Ассигнациями! — воскликнул Исаак Хаккабут. — Этого-то я и опасался!

— Разве вы не доверяете банкам Франции, Англии и России?

— Ах, господин губернатор!.. Только благородные металлы золото и серебро... имеют подлинную ценность!

— Так я же сказал вам, почтенный Исаак, — возразил капитан Сервадак самым любезным тоном, — что вам заплатят золотом и серебром, имеющим хождение на Земле.

— Золотом, золотом! — живо поддакнул Исаак. — Это лучшая монета на свете!

— Золотом, главным образом золотом, почтенный Исаак, именно золотом богаче всего Галлия, золотом русским, английским и французским.

— О, милое золото! — прошептал Исаак, с нежностью повторяя это слово, столь высоко чтимое на всем свете.

Собираясь уходить, капитан Сервадак сказал:

— Итак, решено, почтенный Исаак, до завтра.

Исаак Хаккабут подошел к нему.

— Разрешит ли мне господин губернатор задать еще один, последний вопрос? — спросил он.

— Задавайте.

— Имею ли я право назначать... за свои товары... те цены, какие захочу?

— Почтенный Хаккабут, — спокойно ответил капитан Сервадак, — я имел бы право установить твердые цены, но не стану применять подобных революционных методов. Вы назначите за свои товары обычные розничные цены Европы, вот и все.

— Помилосердствуйте, господин губернатор! — возопил Исаак, задетый за живое. — Вы лишаете меня законного барыша!.. Это же против всяких правил коммерции... Я вправе распоряжаться рынком, раз я вла-

дею всеми товарами... Поистине, это значит обобрать меня до нитки!

— Вы продадите товары по европейским ценам, — невозмутимо повторил капитан Сервадак.

— Как? Ведь я мог бы здесь нажиться...

— Именно в этом я и хочу вам помешать!

— Но подобного случая никогда больше не представится...

— Для того чтобы ограбить ваших ближних, почтенный Исаак? Право же, я огорчен за вас... Но не забывайте, что в интересах колонии я имел бы право по своему усмотрению распорядиться вашими запасами...

— Распоряжаться тем, что мне принадлежит по закону, перед лицом всевышнего!

— Да, почтенный Исаак, — отвечал капитан, — но объяснять вам эту простую истину — напрасная потеря времени. Подчинитесь тому, что вам приказано, и будьте еще довольны, что получаете за товары хоть какую-то цену, когда их могли бы у вас просто отнять.

Исаак Хаккабут принялся было снова за свои жалобы, но капитан Сервадак, оборвав его, удалился со следующими словами:

— По европейским ценам, почтенный Исаак, по европейским ценам!

Исаак провел остаток дня, неистово ругая губернатора и всю галлийскую колонию, осмелившихся навязывать ему твердые цены, словно в худшие времена революции. И, казалось, несколько утешился лишь после следующего рассуждения, которому, несомненно, придавал какой-то особый смысл.

— Ну, погодите, нечестивые! Так и быть, примирюсь с вашими европейскими ценами. А все-таки я выгадаю на этом больше, чем вы думаете.

На следующий день, 16 ноября, капитан Сервадак, желая лично проверить, как будет выполнен его приказ, явился на тартану с раннего утра в сопровождении Бен-Зуфа и двух русских матросов.

— Эй, Элеазар! — крикнул Бен-Зуф. — Как поживаешь, старый плут?

— Вы очень любезны, господин Бен-Зуф, — отозвался Исаак.

— Стало быть, ты уступишь нам по дружбе кое-какие припасы?

— Да... по дружбе... только за плату...

— По европейским ценам, — прибавил капитан Сервадак.

— Ладно уж, ладно! — продолжал Бен-Зуф. — Скоро ты у нас попляшешь!

— Что вам нужно? — вздохнул Исаак Хаккабут.

— На сей раз, — ответил Бен-Зуф, — нам нужен кофе, табак и сахар, по десятку килограммов каждого товара. Только смотри, чтобы все было лучшего качества, не то берегись, несдобровать твоим старым костям. Меня не проведешь, ведь я назначен с нынешнего дня капралом интендантской службы!

— А я думал, что вы адъютант генерал-губернатора? — удивился Исаак.

— Верно, Кайафа, на больших парадах я адъютант, а когда иду на рынок, так я капрал. Поторопись, не теряй времени даром.

— Вы сказали, господин Бен-Зуф, десять кило кофе, десять кило сахару и десять кило табаку?

Тут Исаак Хаккабут покинул каюту, спустился в трюм «Ганзы» и вскоре вернулся с десятью пачками табаку французской марки, в аккуратных обертках с акцизной печатью, весом в один килограмм каждая.

— Вот десять килограммов табаку, — сказал он. — По двенадцать франков килограмм, всего сто двадцать франков.

Бен-Зуф собирался было уплатить назначенную цену, но капитан Сервадак остановил его:

— Минутку, Бен-Зуф. Надо проверить, точен ли вес.

— Ваша правда, господин капитан.

— Зачем это, — возразил Исаак Хаккабут. — Вы же видите, обертка на пакетах нетронута и вес на ней указан.

— Все равно надо проверить, почтенный Исаак! — заявил капитан Сервадак тоном, не допускавшим возражений.

— Ну, старина, тащи свой безмен! — сказал Бен-Зуф.

Исаак пошел за безменом и, принеся его, подвесил на крючок пачку табаку весом в килограмм.

— Mein Gott![1] — вскричал он в ужасе.

И действительно, было от чего прийти в ужас.

Так как сила тяжести на поверхности Галлии была меньше, чем на Земле, стрелка безмена показала вместо целого килограмма всего только сто тридцать три грамма!

— Ну что, почтенный Исаак? — обратился к нему капитан с невозмутимо серьезным видом. — Вы сами видите, что я был прав, заставляя вас взвесить эту пачку.

— Но, господин губернатор...

— Добавьте сколько нужно табаку до полного килограмма.

— Ах, господин губернатор...

— Ну, подсыпай живее! — скомандовал Бен-Зуф.

— Ах, господин Бен-Зуф...

Злополучный Исаак не знал, как выпутаться из беды. Он догадался, чем была вызвана эта разница в весе. Он понимал, что благодаря уменьшению веса «нечестивцы» вознаградят себя за высокие цены, навязанные им. Ах, будь у него обыкновенные весы, ничего бы не случилось, как мы уже объяснили это в другом месте. Но у него не было весов.

Он пытался протестовать, пытался растрогать капитана Сервадака. Но тот оставался непреклонным. Это не его вина и не вина его товарищей, он же вправе требовать, платя за килограмм, чтобы стрелка безмена показывала ровно килограмм.

Волей-неволей Исаак Хаккабут принужден был покориться, причем его жалобы и вздохи заглушались взрывами хохота Бен-Зуфа и русских матросов. Сколько шуток, сколько острот! В конце концов ему пришлось за один килограмм табаку отсыпать целых семь, столько же сахару и кофе.

— Поворачивайся живей, Гарпагон, — понукал его Бен-Зуф, собственноручно держа безмен, — может, ты хочешь, чтобы мы забрали все бесплатно?

---

[1] Боже мой! *(нем.)*

Наконец, товар отвесили. Исаак Хаккабут поставил им семьдесят килограммов табаку, столько же кофе и сахару, получив в уплату за каждый товар цену десяти килограммов.

В конце концов во всем виновата Галлия, как сказал Бен-Зуф. Вольно же было Исааку начать торговать на Галлии!

Но тут капитан Сервадак, который хотел только подшутить над Исааком, выказал присущее ему великодушие и велел восстановить точное соотношение между весом и ценой. Таким образом, за семьдесят килограммов Исаак Хаккабут получил ровно столько, сколько и полагалось за семьдесят килограммов.

Надо признать, однако, что трудные условия, в которых очутился капитан Сервадак и его спутники, вполне оправдывали их несколько необычный способ проводить коммерческие операции.

К тому же, как в этом, так и в других случаях, Гектор Сервадак видел, что Исаак лишь прикидывается несчастной жертвой. В его жалобах и причитаниях звучала какая-то фальшивая нота. Это чувствовалось сразу.

Как бы то ни было, пришельцы покинули «Ганзу», и Исаак Хаккабут долго еще слышал издалека воинственный припев весельчака Бен-Зуфа:

Хорошо, когда парад
И гремят
Барабаны, горны, трубы;
Но особенно мне любы
Громы грозных канонад!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой ученый мир Галлии мысленно путешествует по бесконечным пространствам вселенной

Прошел месяц. Галлия продолжала лететь, унося с собой свой маленький мирок. Этот мирок до сих пор был мало доступен влиянию земных страстей. Жадность и эгоизм олицетворял здесь только ростовщик

Хаккабут, жалкий образец человеческой породы, — единственное пятно на этом микрокосме, отторгнутом от Земли.

В сущности галлийцы считали себя лишь путниками, совершающими кругосветное плавание по околосолнечному миру. Они старались обосноваться как можно удобнее в своем убежище, хоть и считали его временным. После двух лет отсутствия, завершив кругосветное путешествие, их «корабль» причалит к родному сфероиду, и если вычисления профессора абсолютно точны, — а в этом сомневаться не приходилось, — они покинут комету и высадятся на берега Земли.

Правда, возвращение корабля Галлии на Землю, его прибытие в гавань будет, вероятно, сопряжено с небывалыми трудностями, с величайшей опасностью. Но это вопрос будущего, и разрешится он в свое время.

Итак, граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев были более или менее уверены, что сравнительно скоро они снова увидят своих ближних. Следовательно, им незачем делать запасы на будущее, обрабатывать в теплое время года плодородные области острова Гурби, разводить различные породы четвероногих и птиц, для того чтобы возродить животный мир Галлии.

И все же они не раз вели беседы о том, как сделать свой астероид более пригодным для жизни, если придется остаться здесь навсегда. Сколько работ надо выполнить, сколько планов осуществить, чтобы обеспечить для маленькой горстки людей сносное существование в тяжелых условиях долгой, более чем двадцатимесячной зимы!

Пятнадцатого января будущего года комета должна была достигнуть крайней точки большой оси, иначе говоря своего афелия. Миновав эту точку, она устремится по направлению к Солнцу со все возрастающей скоростью. Пройдет еще девять или десять месяцев, прежде чем солнечное тепло освободит море ото льда и оживит Землю. Тогда настанет время погрузить людей и животных на «Добрыню» и «Ганзу» и перевезти на остров Гурби. Надо будет как можно скорее обработать землю, чтобы не пропустить краткой, но знойной поры

галлийского лета. Своевременно засеянные поля за несколько месяцев дадут богатый урожай злаков и кормов; и люди и животные будут сыты. Сенокос и жатву следует закончить до наступления зимы. Летом на цветущем острове живется привольно, колонисты будут заниматься охотой и земледелием. Затем, с возвращением зимы, снова начнется жизнь троглодитов в пещерах огнедышащей горы. Галлийцы вновь слетятся, как пчелы, в Улей Нины и проведут там суровую и долгую зимнюю пору.

Да, колонисты вынуждены будут вернуться в свое теплое убежище. Однако разве они не отважились бы предпринять далекую экспедицию, чтобы отыскать топливо, быть может залежи каменного угля, годные для разработки? Разве не постарались бы построить на самом острове Гурби более удобное жилье, лучше приспособленное к нуждам поселенцев и климатическим условиям Галлии?

Разумеется, построили бы. Или по крайней мере попытались бы это сделать, чтобы избежать долгого заточения в пещерах Теплой Земли, заточения еще более невыносимого морально, чем физически. Только человек вроде Пальмирена Розета, чудак, погруженный в цифры и вычисления, мог не замечать серьезных неудобств такой жизни и мечтать остаться на Галлии даже в таких условиях ad infinitum [1].

К тому же обитателям Теплой Земли постоянно угрожала страшная опасность. Можно ли было сказать с уверенностью, что она их минует? Можно ли было поручиться, что она не нагрянет прежде, чем Солнце вернет комете необходимое для жизни тепло? Это был серьезный вопрос, и галлийцы не раз обсуждали его, страшась завтрашнего дня; более отдаленное будущее их не тревожило, ибо они надеялись во-время возвратиться на Землю.

В самом деле, разве не может случиться, что обогревающий Теплую Землю вулкан вдруг потухнет? Разве не истощится когда-нибудь подземный огонь Галлии? Что станет с обитателями Улья Нины, если

---

[1] До бесконечности (*лат.*).

извержение прекратится? Не придется ли им углубиться в самые недра кометы в поисках сносной температуры? Да и там будут ли они в состоянии вынести холод межпланетного пространства?

Очевидно, в отдаленном будущем Галлию постигнет та же участь, что уготована всем мирам вселенной. Ее внутренний жар погаснет. Она обратится в мертвое светило, каким в наше время стала Луна, каким некогда станет Земля. Но это будущее не должно было беспокоить галлийцев, — по крайней мере они так полагали, ибо твердо рассчитывали покинуть Галлию гораздо раньше, чем она станет непригодной для жизни.

Однакоже извержение могло со дня на день прекратиться, как это случается и с вулканами земного шара, прекратиться даже раньше, чем комета успеет достаточно приблизиться к Солнцу. Чем в таком случае заменить лаву, благодаря которой так равномерно распределялось тепло в пещерах Улья Нины, вплоть до самых глубин массива? Где взять топливо, чтобы поддерживать в их жилище сносную температуру, позволявшую переносить мороз в шестьдесят градусов ниже нуля?

Это был серьезный вопрос. К счастью, до сих пор в потоке изверженных пород не замечалось никаких изменений. Вулкан продолжал действовать равномерно и, как мы уже говорили, вел себя спокойно, что являлось добрым предзнаменованием. Итак, в этом отношении колонистам нечего было опасаться за будущее, ни даже за настоящее. Таково было мнение капитана Сервадака, который, впрочем, вообще никогда не падал духом.

Пятнадцатого декабря Галлия находилась в двухстах шестнадцати миллионах лье от Солнца, почти у конца большой оси своей орбиты. Она двигалась теперь со скоростью не более одиннадцати — двенадцати миллионов лье в месяц.

Взорам галлийцев и в особенности взору Пальмирена Розета открылся совершенно новый мир. Обозрев Юпитер с более близкого расстояния, чем кто-либо из смертных, профессор погрузился в созерцание Сатурна.

Правда, условия наблюдения были не одинаковы.

От Юпитера комету отделяло при наибольшем приближении лишь тринадцать миллионов лье, от Сатурна — этой своеобразной планеты — целых сто семьдесят три миллиона. Итак, новый властелин не мог вызвать никакого замедления Галлии, кроме заранее вычисленного, и, следовательно, не угрожал комете ни малейшей опасностью.

Как бы то ни было, Пальмирену Розету представлялась возможность наблюдать Сатурн с такого же расстояния, как если бы планета приблизилась к Земле на полдиаметра своей орбиты.

Спрашивать у профессора каких-либо объяснений относительно Сатурна было бесполезно. Бывший преподаватель не испытывал больше потребности преподавать. Он безвыходно сидел в своей обсерватории, и казалось, что окуляр телескопа прирос к его глазам.

К счастью, в библиотеке «Добрыни» нашлось несколько книг по элементарной космографии, и благодаря лейтенанту Прокофьеву те из галлийцев, кого интересовали астрономические проблемы, могли познакомиться с Сатурном и его спутниками.

Прежде всего Бен-Зуфу разъяснили, что если бы Галлия удалилась от Солнца на такое же расстояние, как Сатурн, оттуда уже нельзя было бы видеть Землю простым глазом. Между тем денщик, как нам известно, придавал особенное значение тому, чтобы всегда иметь перед глазами свой родимый земной шар.

— Покуда мы видим Землю, ничто еще не потеряно, — любил он повторять.

И действительно, на расстоянии, отделяющем Сатурн от Солнца, Землю нельзя было бы увидеть даже при самом остром зрении.

Сатурн в эту пору плыл в небесном пространстве в ста семидесяти пяти миллионах лье от Галлии, иначе говоря находился в трехстах шестидесяти четырех миллионах трехстах пятидесяти тысячах лье от Солнца. На таком далеком расстоянии он получал лишь сотую долю света и тепла, которые лучезарное светило посылает на Землю.

Галлийцы узнали из книг, что Сатурн завершает свой полный оборот вокруг Солнца за двадцать девять лет

и сто шестьдесят семь дней, что его скорость равна восьми тысячам восьмистам пятидесяти восьми лье в час, что он описывает орбиту длиною в два миллиарда двести восемьдесят семь миллионов пятьсот тысяч лье, «правда, не считая сантиметров», по выражению Бен-Зуфа. Окружность планеты по экватору составляет девяносто тысяч триста восемьдесят лье. Поверхность планеты равна сорока миллиардам квадратных километров, объем — шестистам шестидесяти шести миллиардам кубических километров. Словом, Сатурн больше Земли в семьсот тридцать пять раз, и, следовательно, он меньше Юпитера. Что касается его массы, она только в сто раз превышает массу земного шара, имея плотность меньшую, чем плотность воды. Планета совершает оборот вокруг своей оси за десять часов двадцать девять минут; в ее году двадцать четыре тысячи шестьсот тридцать дней, а времена года ввиду значительного наклона оси к плоскости орбиты длятся каждое по семь земных лет.

Великолепным зрелищем для жителей Сатурна, если они существуют, является ночное небо, ведь планету сопровождают восемь лун. Все они носят чисто мифологические имена: Мимас, Энцелад, Тефия, Диона, Рея, Титан, Гиперион, Япет. Если период обращения Мимаса длится только двадцать два с половиной часа, то Япет завершает свой оборот за семьдесят девять дней. Япет находится на расстоянии девятисот десяти тысяч лье от Сатурна, Мимас же — на расстоянии всего тридцати четырех тысяч лье, то есть почти втрое ближе, чем Луна от Земли. Ночи на Сатурне должны быть восхитительны, несмотря на то, что его луны освещаются солнцем относительно слабо.

То, что придает еще больше красоты ночному небу Сатурна, это бесспорно окружающее его светящееся тройное кольцо. Планета как будто вставлена в сверкающую драгоценную оправу. Если поместить наблюдателя под этим кольцом, которое будет в этом случае находиться в зените на высоте пяти тысяч ста шестидесяти пяти лье, то он увидит лишь узкую полосу, шириной всего в сто лье, по определению Гершеля. Эта полоса представится ему как бы светящейся нитью, про-

тянутой в небесном пространстве. Но отойдя от зенита в ту или другую сторону, наблюдатель увидит, как на небе постепенно выступят три концентрических кольца: ближайшее внутреннее кольцо, тусклое и прозрачное, шириною в три тысячи сто двадцать шесть лье, среднее промежуточное кольцо, шириною в семь тысяч триста восемьдесят восемь лье, более яркое, чем сама планета, и, наконец, наружное кольцо сероватого оттенка, шириною в три тысячи шестьсот семьдесят восемь лье.

Таков общий вид этого кольцеобразного придатка; он движется в собственной плоскости и совершает свой оборот вокруг Сатурна за десять часов тридцать две минуты. Из какого вещества состоят эти кольца, почему они не распадаются на куски? Этого никто не знает. Можно подумать, что, сохранив их, творец хотел показать смертным, каким образом постепенно образовались небесные тела. Действительно, эти кольца не что иное, как остатки туманности, из которой, мало-помалу затвердевая, возник Сатурн. По неизвестной причине они, вероятно, сами уплотнились, и если когда-либо разлетятся на куски, то или упадут на поверхность Сатурна, или будут вращаться вокруг планеты в виде множества новых сателлитов.

Как бы то ни было, это тройное кольцо должно представлять собою удивительное зрелище для жителей Сатурна, обитающих между сорок пятым градусом широты и экватором сфероида. То оно высится на горизонте в виде гигантской арки, как бы сломанной посредине тенью, которую Сатурн отбрасывает в пространство, то вырисовывается во всей красе, словно сияющий полукруг нимба. Часто это кольцо затмевает Солнце, которое восходит и заходит через строго установленные промежутки, должно быть, к великой радости астрономов Сатурна. А если добавить к этому восходы и заходы восьми лун, в самых разнообразных фазах, то сияющих серебристым диском, то изгибающихся узеньким серпом, можно себе представить несравненную красоту ночного неба Сатурна.

У галлийцев не было возможности созерцать этот мир во всем его великолепии. Он был слишком от них

удален. Земные астрономы, вооруженные телескопами, в тысячу раз ближе к нему, и капитан Сервадак с товарищами гораздо больше узнали о Сатурне из книг «Добрыни», чем из собственных наблюдений. Но они и не жалели об этом, — соседство столь громадного светила представляло слишком большую опасность для их крохотной кометы!

Они не могли проникнуть также и в мир еще более далекого от Солнца светила, Урана; но, как мы уже упоминали, эта планета, которая в восемьдесят два раза больше Земли и видна оттуда лишь как звезда шестой величины, была здесь очень ясно различима простым глазом. Однако нельзя было заметить ни одного из восьми спутников, которых Уран увлекает за собой по эллиптической орбите, проходя ее за восемьдесят четыре года, в среднем на расстоянии семисот двадцати девяти миллионов лье от Солнца.

Что касается Нептуна, последней планеты солнечной системы, — последней до тех пор, пока какой-нибудь будущий Леверье не откроет новой, еще более отдаленной, — то галлийцы не могли ее разглядеть. Пальмирен Розет, вероятно, видел ее в поле зрения телескопа, но он никого не удостаивал приглашать в свою обсерваторию, и остальным колонистам пришлось удовольствоваться изучением Нептуна... по книгам.

Среднее расстояние этой планеты от Солнца равняется миллиарду ста сорока миллионам лье, а период ее обращения длится сто шестьдесят пять лет. Нептун перемещается по своей громадной орбите длиною в семь миллиардов сто семьдесят миллионов лье со скоростью двадцати тысяч километров в час; он имеет форму сфероида, в сто пять раз превышающего по объему земной шар; единственный спутник Нептуна обращается вокруг него на расстоянии ста тысяч лье.

Миллиард двести миллионов лье — расстояние, отделяющее Нептун от Солнца, считается предельным в солнечной системе. И, однако, как ни велик этот диаметр, он представляется нам ничтожным по сравнению с диаметром звездной системы, к которой принадлежит Солнце.

Действительно, лучезарное светило, повидимому, входит в состав грандиозной туманности Млечного Пути, занимая там лишь скромное место звезды четвертой величины. Кто знает, куда бы направилась Галлия, освободившись от силы притяжения Солнца? Какой новый центр притяжения она избрала бы, блуждая по звездным пространствам? Быть может, ближайшую звезду Млечного Пути?

Этой ближайшей звездой является Альфа из созвездия Центавра, и свет, распространяющийся со скоростью семидесяти семи тысяч лье в секунду, доходит до нее от Солнца лишь за три с половиной года. Каково же расстояние Альфы от Солнца? Оно столь велико, что, определяя его, астрономы вынуждены принять за единицу миллиард; они утверждают, что Альфа удалена от Солнца на восемь тысяч «миллиардов» лье.

Многие ли звездные расстояния нам известны? До сих пор было вычислено самое большее восемь из них. Среди крупнейших звезд, чьи расстояния удалось измерить, называют Вегу, удаленную от нас на пятьдесят тысяч миллиардов лье, Сириус — на пятьдесят две тысячи двести миллиардов, Полярную звезду — на сто семнадцать тысяч шестьсот миллиардов, Капеллу — на сто семьдесят тысяч четыреста миллиардов лье. Последнее число состоит уже из пятнадцати цифр.

Чтобы получить представление о подобных расстояниях, следует, приняв за основу скорость света, рассуждать следующим образом:

«Предположим, что некто, одаренный безгранично острым зрением, находится на звезде Капелле. Обратив взоры на Землю, он станет свидетелем событий, происшедших семьдесят два года тому назад. Если же он перенесется на звезду, вдесятеро более отдаленную, он увидит то, что произошло семьсот двадцать лет назад. Дальше, на расстоянии, которое свет пробегает в тысячу восемьсот лет, ему предстанет горестное зрелище смерти Христа. Еще дальше, куда световой луч долетит через шесть тысяч лет, он сможет созерцать бедствия всемирного потопа. Наконец, так как пространство бесконечно, с расстояния еще более далекого

он увидел бы, согласно библейскому учению, создающего мир творца. Действительно, все в пространстве, если можно так выразиться, совершается по одному образцу и ничто из того, что однажды совершилось во вселенной, не может исчезнуть бесследно».

Быть может, и прав был отважный Пальмирен Розет в своем стремлении путешествовать по звездным мирам, где его восхищенному взору представилось бы столько чудес. Если бы его комету захватила в плен сначала одна звезда, потом другая — сколько различных звездных систем он мог бы наблюдать! Галлия летела бы вместе с далекими светилами, которые только кажутся нам неподвижными, а на самом деле несутся в пространстве, как, например, Арктур, со скоростью двадцати двух лье в секунду. Само Солнце движется со скоростью шестидесяти двух миллионов лье в год, по направлению к созвездию Геркулеса. Но расстояние, отделяющее нас от звезд, так велико, что, несмотря на скорость, с которой они перемещаются, земные наблюдатели не замечают перемены в их взаимном расположении на небе.

Однако это непрестанное многовековое перемещение, несомненно, должно изменить форму созвездий, ибо звезды движутся каждая с различной скоростью. Астрономам удалось определить новое расположение, в каком окажутся звезды относительно друг друга через много столетий. Были графически воспроизведены фигуры некоторых созвездий, какими они станут через пятьдесят тысяч лет. Большая Медведица, например, показана на чертеже не в виде неправильного четырехугольника, а в виде длинного креста, растянувшегося по небу, а на месте пятиугольника созвездия Ориона изображен простой четырехугольник.

Впрочем, ни обитателям Галлии, ни жителям земного шара не удалось бы увидеть этих постепенных изменений собственными глазами. Совсем не этого отправился искать Пальмирен Розет в звездных мирах. Если бы, по какой-либо случайности, комета вырвалась из сферы притяжения Солнца и подчинилась влиянию новых светил, глазам ученого представилось

бы такое чудесное зрелище, о каком солнечная система не может дать никакого понятия.

Действительно, в далеких мирах группы планет не всегда тяготеют к одному-единственному Солнцу. В некоторых областях вселенной монархическая система, повидимому, отвергнута. Одно солнце, два солнца, шесть солнц движутся, связанные взаимным тяготением. Все эти звезды имеют разные цвета, красные, желтые, зеленые, оранжевые, синие. Как восхитительна должна быть игра света на поверхности вращающихся вокруг них планет. И кто знает, может быть, горизонт Галлии окрашивался бы всеми цветами радуги поочередно?

Но Галлии не было суждено ни подчиниться силе притяжения нового солнца, ни присоединиться к звездным скоплениям, уже изученным и разложенным благодаря мощным телескопам, ни затеряться в звездных пустынях, ни, наконец, исчезнуть среди темных туманностей, непроницаемых для самых мощных астрономических приборов, — туманностей, рассеянных по всему мировому пространству, которых ученые насчитывают более пяти тысяч.

Нет! Галлии не суждено было покинуть околосолнечный мир и потерять из виду родную землю. И в сущности, описав орбиту длиною приблизительно в шестьсот тридцать миллионов лье, она совершила лишь сравнительно небольшое путешествие по необъятной, безграничной вселенной.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

как отпраздновали на Галлии первое января и как закончился день Нового года

Между тем по мере удаления Галлии от Солнца холод заметно возрастал. Температура уже упала до сорока двух градусов ниже нуля. В подобных условиях ртутные термометры не годились, так как при сорока двух градусах ртуть застывает. Пришлось употре-

бить спиртовой термометр, принесенный с «Добрыни», и он показал пятьдесят три градуса мороза.

В то же время у берегов небольшой бухты, где зимовали оба корабля, случилось то, что предвидел и чего опасался лейтенант Прокофьев. Ледяные пласты под корпусом «Ганзы» и «Добрыни» медленно, но неуклонно утолщались. Шкуна и тартана, защищенные скалистым мысом, постепенно поднимаясь в своем ледяном бассейне, уже возвышались на пятьдесят футов над уровнем Галлийского моря. «Добрыня» как более легкое судно поднялся несколько выше тартаны. Никакие силы человеческие не могли бы помешать этой работе льдов.

Лейтенанта Прокофьева сильно беспокоила судьба «Добрыни». Все предметы, находившиеся там, были уже выгружены. Оставался только корабельный корпус, рангоут и машина. В случае какой-либо опасности этот корпус должен был послужить убежищем для маленькой колонии. А как быть, если во время таяния льдов он разобьется при падении? Ведь может случиться, что галлийцам придется покинуть Теплую Землю, — какое судно заменит тогда шкуну? Уж во всяком случае не тартана, ибо ей угрожала та же опасность, ее ждала та же судьба. «Ганза», плохо сдерживаемая своим ледяным панцырем, уже сильно накренилась, ее положение не могло не вызывать тревогу. Оставаться на ней было опасно. Тем не менее Исаак вовсе не собирался покидать свои товары, решив охранять их днем и ночью. Он понимал, что рискует жизнью, но еще больше боялся за свое добро и, поминутно призывая всемогущего, проклинал его без всякого стеснения за все те испытания, которым подвергался.

В этих обстоятельствах капитан Сервадак принял решение, которому Исаак вынужден был подчиниться. Если жизнь Исаака Хаккабута и не была так уж необходима для членов галлийской колонии, то его грузы представляли для них безусловную ценность. Значит, надо было во что бы то ни стало спасти их от неминуемой гибели. Сначала капитан Сервадак попытался припугнуть Исаака Хаккабута грозившей

ему опасностью. Но это не удалось. Исаак не желал переселяться.

— Сами вы как хотите, — заявил тогда Гектор Сервадак, — но грузы ваши мы переправим на склады Теплой Земли.

Причитания и жалобы Исаака Хаккабута никого не тронули, и днем 20 декабря колонисты приступили к перевозке товаров.

К тому же никто не мешал Исааку переселиться в Улей Нины, где он мог попрежнему стеречь свое добро и торговать по установленным ценам. Никто не причинил бы ему никакого вреда. Право же, если когда-нибудь Бен-Зуф и позволял себе порицать своего командира, то только за излишнюю мягкость с этим жалким торгашом.

В глубине души Исаак Хаккабут мог только одобрить решение, принятое генерал-губернатором. Этим соблюдались его интересы, товары попадали в надежное место, а платить за разгрузку тартаны он не был обязан, раз это делалось «против его воли».

Несколько дней подряд русские и испанцы ревностно занимались этой работой. Тепло одетые, хорошо закутанные, они без труда выносили низкую температуру. Единственно, чего следовало избегать при переноске, это касаться голыми руками металлических предметов. При малейшей неосторожности они содрали бы кожу на руках, как будто притронувшись к раскаленному железу, ибо результат был бы совершенно такой же. Итак, работа была выполнена без всяких происшествий, и товары с «Ганзы» разместили на складе в одной из обширных галерей Улья Нины.

Лейтенант Прокофьев успокоился только тогда, когда дело было доведено до конца.

После этого, не имея больше причин оставаться на тартане, Исаак Хаккабут устроился на житье в том же коридоре, где были сложены его товары. Надо признать, что он никого не стеснял. Его видели крайне редко. Он спал возле своего добра и питался из своих запасов. Спиртовая лампа служила ему для приготовления кушаний, более чем скромных. Обитатели Улья Нины обращались к нему только в тех случаях, когда

им надо было купить что-нибудь, а он к ним, когда хотел что-нибудь продать. Несомненно одно — мало-помалу все золото и серебро маленькой колонии перекочевало в ящик с тройным запором, ключ от которого Исаак Хаккабут всегда держал при себе.

Приближалось 1 января по земному календарю. Через несколько дней исполнится ровно год со дня встречи кометы с земным шаром, когда после чудовищного толчка тридцать шесть обитателей Земли были разлучены со своими ближними. Как бы то ни было, до сих пор ни один из них не погиб. В этих новых климатических условиях здоровье галлийцев не оставляло желать ничего лучшего. При неуклонном снижении температуры без всяких скачков и колебаний и, можно добавить, при полном безветрии никто из колонистов даже не простудился. Климат кометы оказался на редкость здоровым. Все вселяло уверенность в том, что если расчеты профессора правильны и Галлия долетит до Земли, то галлийцы вернутся туда все до единого.

Несмотря на то, что этот первый новогодний день не совпадал с наступлением галлийского календарного года и отмечал лишь начало второй половины пути кометы, капитан Сервадак решил отпраздновать его с известной торжественностью.

— Не следует допускать, чтобы наши спутники потеряли интерес к земным делам, — сказал он графу Тимашеву и лейтенанту Прокофьеву. — Им предстоит вернуться на земной шар, и даже если этого не произойдет, необходимо поддерживать в них привязанность к старому миру, почаще напоминая о нем. Там, на Земле, будут праздновать Новый год, отпразднуем же его и мы здесь, на комете. Общность мыслей и чувств вещь хорошая. Не надо забывать, что о нас, вероятно, думают на Земле. С разных точек земного шара можно наблюдать, как Галлия движется в пространстве, — если и не простым глазом, то хотя бы с помощью зрительной трубы и телескопа. Научные интересы как бы поддерживают нашу связь с земным шаром, и Галлия попрежнему входит в состав солнечного мира.

— Я совершенно согласен с вами, капитан, — отвечал граф Тимашев. — Несомненно, ученые астрономы крайне заинтересованы новой кометой. Представляю себе, как отовсюду — из Парижа, Петербурга, Гринвича, Кембриджа, Кейптауна, Мельбурна — на наш астероид направлены мощные телескопы.

— Мы там, должно быть, в большой моде, — продолжал капитан Сервадак, — и я бы очень удивился, если бы газеты и журналы не сообщали читателям обоих континентов обо всех перемещениях Галлии. Вспомним же о тех, кто помнит о нас, и мысленно проведем вместе с ними ночь на 1 января земного года.

— Вы полагаете, — вмешался лейтенант Прокофьев, — что на Земле все заняты кометой, задевшей земной шар? Я уверен в этом так же, как и вы, но думаю, что это вызвано не научным интересом и не чувством любопытства. Те наблюдения, какими занимается наш астроном, несомненно произведены и на Земле, притом с неменьшей точностью. Эфемериды Галлии уже давным-давно определены и, конечно, вполне правильны. Элементы орбиты новой кометы вычислены. Ее траектория в пространстве известна, известно и то, где и как она должна вторично встретиться с Землей. В какой именно точке эклиптики, в какую долю секунды, в каком месте комета вновь столкнется с Землей — все это, без сомнения, вычислено с математической точностью. Неизбежность столкновения — вот что должно главным образом занимать умы. Я иду дальше и осмеливаюсь утверждать, что на Земле уже приняли меры предосторожности, чтобы ослабить гибельные последствия нового толчка, — если, впрочем, это вообще возможно.

Говоря так, лейтенант Прокофьев был, вероятно, прав, ибо рассуждал логически. В страхе перед возвращением Галлии в точно предсказанный срок люди, очевидно, забросили все земные дела. О Галлии думали, не столько ожидая, сколько опасаясь ее приближения. Правда, и галлийцев, как ни желали они этой встречи, не могла не тревожить мысль о последствиях нового столкновения. И если, как предполагал лейте-

нант Прокофьев, на Земле были приняты меры против грозящего бедствия, не следует ли принять их и на Галлии? Это предстояло обсудить в свое время.

Во всяком случае, день 1 января решили торжественно отпраздновать. Даже русские присоединились к французам и испанцам, хотя по их календарю эта дата не соответствует новому году.

Наступило рождество. Годовщину рождения Христа отметили с религиозным благочестием. Только Исаак в этот день казался еще нелюдимее, упорно скрываясь в своем темном углу.

За последнюю неделю старого года у Бен-Зуфа накопилось множество дел. Необходимо было составить увлекательную программу, хотя развлечения на Галлии и не отличались разнообразием. Итак, решили начать этот торжественный день роскошным завтраком и закончить большой прогулкой по льду в сторону острова Гурби. Обратно сговорились вернуться с наступлением ночи, при свете факелов, изготовленных из того, что имелось на складе «Ганзы».

«Коли закуска выйдет хороша, так и прогулка будет весела, — говорил себе Бен-Зуф, — а лучшего и желать нечего!»

Составление меню казалось ему особенно важным делом. Это вызвало частые тайные совещания между денщиком капитана Сервадака и поваром «Добрыни», и в результате получилось искусное сочетание русской и французской кухни.

К вечеру 31 декабря все было готово. Холодные блюда, мясные консервы, паштеты из дичи, купленные втридорога у Исаака Хаккабута, красовались уже на огромном столе главного зала. Горячие блюда предстояло приготовить утром следующего дня в печах, нагреваемых лавой.

Вечером зашел разговор о Пальмирене Розете. Приглашать ли профессора на торжественное празднество? Да, разумеется, его следовало пригласить. Примет ли он приглашение? Более чем сомнительно.

Тем не менее приглашение передали. Капитан Сервадак собирался было лично подняться в обсерваторию, но Пальмирен Розет так нелюбезно встречал не-

званых гостей, что предпочли послать ему пригласительный билет.

Юный Пабло вызвался отнести письмо и вскоре возвратился с запиской следующего содержания:

«Пальмирен Розет может ответить на это только одно: сегодня сто двадцать пятое июня, а завтра наступит первое июля, ибо на Галлии следует вести счет согласно галлийскому календарю».

Это был отказ, правда научно обоснованный, но все же отказ.

Первого января, через час после восхода солнца, французы, русские, испанцы и маленькая Нина, представляющая Италию, уселись все вместе вокруг большого стола, за роскошным завтраком; такого еще никогда не подавали на комете Галлии. В обильных и сытных кушаньях Бен-Зуф и кок «Добрыни» превзошли самих себя. Блюдо из куропаток с капустой, где капусту заменял острый соус, настолько вкусный, что язык проглотишь и пальчики оближешь, произвело эффект. Что касается вин, доставленных из запасов «Добрыни», то они были превосходны. Французские и испанские вина распивали во славу Франции и Испании, не забыли выпить и за Россию, по случаю нескольких бутылок тминной водки, тоже поданных к столу.

Завтрак прошел, как и надеялся Бен-Зуф, очень удачно и очень весело.

За десертом, после тоста, провозглашенного за общую отчизну, за старый родной сфероид, за «возвращение на Землю», раздались такие крики «ура», что Пальмирен Розет не мог не слышать их с высоты своей обсерватории.

Когда окончился завтрак, у колонистов осталось впереди целых три часа до наступления темноты. Солнце стояло в зените, бледное солнце, под которым никогда бы не созрел виноград бордосских и бургундских вин, выпитых с таким удовольствием; его диск разливал кругом тусклый свет и совсем не грел.

Колонисты закутались потеплее с ног до головы, готовясь к прогулке, которая должна была затянуться до ночи. Им предстояло выйти на жестокий мороз, но

при спокойной, безветренной погоде они переносили его без труда.

Все покинули Улей Нины, весело беседуя и распевая песни. На обледенелом берегу каждый надел коньки, и все отправились в путь кто как хотел, одни поодиночке, другие в компании. Граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев все время держались вместе. Негрете с испанцами рассыпались по ледяным просторам, уносясь с невероятной быстротой чуть ли не до самого горизонта. Они достигли большого искусства в катанье на коньках и ревностно, с присущей им ловкостью предавались этому спорту.

Матросы «Добрыни», по обычаю северных стран, построились гуськом. Зажав подмышкой правой руки длинный шест, они умчались вереницей далеко вперед, точно поезд по рельсам. Пабло с Ниной, рука об руку, с веселыми криками, словно две птички, выпущенные на волю, скользили по льду с неподражаемой грацией, то возвращаясь к капитану Сервадаку, то снова скрываясь вдали. Эти юные существа олицетворяли собой всю радость, а может быть, и все надежды галлийской земли.

Не следует забывать и о Бен-Зуфе, который носился от одного к другому с неистощимым запасом веселых шуток, радуясь настоящему и нисколько не заботясь о будущем.

Конькобежцы, неудержимо скользя по ровной глади, быстро неслись все дальше — дальше, за видимый горизонт Теплой Земли. Позади них постепенно исчезали вдали гряды скал, обрывистый снежный берег, вершина вулкана в шапке черного дыма. Порою они останавливались передохнуть, но только на минуту, чтобы не замерзнуть. Затем снова пускались в путь, держа курс на остров Гурби, хотя и не рассчитывали до него добраться, так как с наступлением темноты надо было возвращаться обратно.

Солнце уже клонилось к востоку, или, вернее, стремительно падало вниз, — зрелище, ставшее привычным для галлийцев. Закат лучезарного светила на Галлии с ее до странности суженным горизонтом происхо-

дил в особых условиях. Ни одно облачко не окрашивалось пленительным отблеском догорающих лучей. Ледяной покров мешал им проникнуть в пучину моря, где они, преломившись, рассыпались бы зеленоватыми искрами. Опустившись до линии горизонта, солнечный диск, увеличенный под действием рефракции, сразу исчезал, как будто провалившись в люк, внезапно открывшийся в застывшей поверхности моря, и тут же наступала ночь.

К концу дня капитан Сервадак созвал весь свой отряд и посоветовал спутникам держаться поближе к нему. Они ушли из дому «вольными стрелками», но идти назад надо было сомкнутым строем, чтобы не заблудиться во мраке и вместе возвратиться на Теплую Землю. Ночь обещала быть темной, ибо Луна, находясь в соединении с Солнцем, оставалась невидимой.

Наступила тьма. Поверхность Галлии озарялась лишь «бледным светом звезд», как сказано у Корнеля. Тогда зажгли факелы. Конькобежцы стремительно помчались вперед, а длинные языки пламени, колыхаясь, словно флажки на ветру, разгорались от быстрого бега.

Час спустя показались смутные очертания высокого берега Теплой Земли, точно огромное черное облако на горизонте. Ошибиться было невозможно. Надо всем возвышался вулкан, мечущий яркие искры среди окружающего мрака. Отражение раскаленных потоков лавы в зеркале льда освещало группу конькобежцев, за которыми тянулись неимоверно длинные тени.

Так бежали они около получаса, быстро приближаясь к берегу, как вдруг раздался громкий крик.

Это кричал Бен-Зуф. Весь отряд круто затормозил, врезавшись в лед стальными коньками.

И вот, при свете угасающих факелов, они увидели, что Бен-Зуф остановился, указывая рукой на берег.

Тогда в ответ на крик Бен-Зуфа у всех вырвался вопль отчаянья!..

Вулкан внезапно потух. Потоки лавы, недавно еще вытекавшие из кратера главного конуса, застыли. Ка-

залось, будто какой-то могучий порыв ветра задул вулкан.

Все поняли, что источник огня иссяк. Неужели извержение прекратилось окончательно? Неужели Теплая Земля навсегда лишилась тепла и у колонистов отнята всякая возможность бороться с жестокой стужей галлийской зимы? Неужели им грозила смерть, мучительная смерть от холода!

— Вперед! — крикнул капитан Сервадак громким голосом.

Факелы только что погасли. Все бросились вперед среди непроглядной тьмы. Галлийцы быстро достигли берега. Взобравшись не без труда на обледенелые скалы, они устремились в открытую галерею, затем в большой зал...

Всюду царил густой мрак, температура сильно понизилась. Огненная завеса не загораживала уже большого окна, и, выглянув наружу, лейтенант Прокофьев увидел, что озерко, до сих пор не замерзавшее благодаря раскаленным потокам лавы, сковано льдом.

Так закончился на Галлии первый день нового земного года, который так весело начался!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой капитан Сервадак и его спутники делают то единственное, что можно сделать в их положении

Галлийцы провели в невыразимой тревоге остаток ночи, то есть несколько часов перед восходом солнца. Даже Пальмирен Розет, весь окоченевший, принужден был покинуть свою обсерваторию и укрыться в галереях Улья Нины. Теперь или никогда колонистам представлялся случай спросить у него, продолжает ли он упорствовать в своем желании вечно странствовать по околосолнечному миру на этой непригодной для жилья комете; но он, без сомнения, ответил бы утвердительно. Во всяком случае, он был сильно раздражен, даже взбешен.

Гектору Сервадаку с товарищами тоже пришлось искать пристанища в самых глубоких галереях вулканического массива. Главный зал с широким выходом уже не годился для жилья. Сырость на его стенах начала превращаться в сосульки, и даже если бы удалось заткнуть обширное отверстие, закрытое прежде завесой лавы, холод в зале все равно был бы нестерпимым.

В глубине темных пещер еще сохранялось немного тепла. Наружная и внутренняя температуры еще не уравнялись, но скоро это неминуемо должно было произойти. Чувствовалось, как теплые камни постепенно начинают остывать. Гора напоминала мертвеца, у которого холодеют конечности, хотя сердце еще борется с холодом смерти.

— Ну что ж! — воскликнул капитан Сервадак. — Мы и устроим себе жилье у самого сердца вулкана!

На другой день он созвал своих товарищей и обратился к ним со следующими словами:

— Друзья мои, какая опасность нам угрожает? Холод, но только холод и больше ничего. Запасов пищи нам хватит на все время путешествия на Галлии, и у нас такое изобилие консервов, что мы можем обойтись без горячих блюд. Что же нам нужно, чтобы продержаться эти зимние месяцы? Немного тепла, которое до сих пор природа предоставляла нам даром. Так вот, более чем вероятно, что это тепло еще существует в недрах Галлии: туда-то мы и отправимся его искать!

Его уверенная речь приободрила этих славных людей, хотя кое-кто из них уже начал поддаваться унынию. Граф Тимашев, лейтенант Прокофьев и Бен-Зуф крепко пожали руку, которую протянул им капитан; они-то никогда не падали духом.

— Ну как, Нина, — обратился к девочке Гектор Сервадак, — ты не побоишься спуститься вглубь вулкана?

— Нет, господин капитан, — решительно ответила Нина, — особенно если с нами пойдет Пабло.

— Пабло пойдет с нами. Ведь он храбрый и ничего не боится. Не правда ли, Пабло?

— Я последую за вами всюду, куда бы вы ни пошли, господин капитан! — заявил мальчик.

После этого разговора оставалось только приняться за дело.

Нечего было и пытаться проникнуть в вулкан сверху через главный кратер. При резком понижении температуры обледенелые склоны горы стали неприступны. Человек не нашел бы никакой точки опоры на скользкой поверхности. Значит, необходимо было пробиться к очагу подземного огня сквозь самую толщу массива и притом как можно скорее, так как жестокий мороз начинал проникать в самые отдаленные уголки Улья Нины.

Внимательно изучив расположение внутренних галерей и их направление в недрах массива, лейтенант Прокофьев определил, что один из узких проходов должен вести прямо к очагу вулкана. В самом деле, когда под воздействием паров лава поднималась, тепло как бы просачивалось там сквозь стены. Очевидно, теллурид, минеральное вещество, из которого состоял массив, был отличным проводником тепла. Значит, пробив стену этой галереи, толщина которой вряд ли превышала семь-восемь метров, они проникнут в старое русло, проложенное потоком лавы, и, может быть, найдут способ спуститься по нему.

Все немедленно приступили к работе. В этом деле русские матросы, под руководством лейтенанта, проявили особенную ловкость. Чтобы пробуравить твердую породу, лома и кирки оказалось недостаточно. Пришлось просверлить отверстия, заложить мины и при помощи пороха взорвать скалу. После этого работа пошла быстрее и через два дня благополучно закончилась.

Весь этот короткий промежуток времени колонисты жестоко страдали от мороза.

— Если нам закрыт всякий доступ в недра массива, — сказал граф Тимашев, — никто из нас не вынесет холода, и тут, вероятно, галлийской колонии придет конец!

— Граф Тимашев, — возразил капитан Сервадак,— верите ли вы в милосердие всемогущего?

— Да, капитан, но сегодня он может порешить иначе, чем вчера. Нам не дано судить о его предначертаниях. Десница его простерлась над нами... Теперь как будто он отступился от нас...

— Только наполовину, — отвечал капитан Сервадак. — Он хочет лишь испытать наше мужество. Как мне подсказывает внутренний голос, извержение прекратилось не потому, что огонь вулкана окончательно потух. Вполне вероятно, что после недолгого перерыва лава опять потечет из его кратера.

Лейтенант Прокофьев согласился с мнением капитана Сервадака. Быть может, где-нибудь на комете открылся другой кратер, и потоки лавы устремились по новому руслу. Мало ли по каким причинам могли измениться условия, вызывавшие извержение, — это не значило, что в недрах Галлии вообще прекратился процесс химического соединения минеральных веществ с кислородом. Единственное, что невозможно было предугадать, — удастся ли колонистам проникнуть вглубь вулкана, чтобы там, в тепле, выдержать холод межпланетных пространств.

Все эти два дня Пальмирен Розет не принимал никакого участия ни в разговорах, ни в работах. Он бродил взад и вперед, как неприкаянный грешник, впрочем, вовсе не желающий каяться. Никого не спрашивая, профессор сам перенес свою трубу в главный зал. Он часто наведывался туда днем и ночью и наблюдал небесные светила до тех пор, пока буквально не замерзал. Тогда он нехотя возвращался обратно, бранясь и проклиная Теплую Землю, ворча, что на острове Форментере ему было бы гораздо удобнее.

Наконец, 4 января днем раздался последний удар кирки. Послышался грохот камней, которые скатывались в центральный кратер вулкана. Лейтенант Прокофьев заметил, что они не падают отвесно, а скорее скользят по склонам, задевая скалистые выступы. Стенки жерла, очевидно, были покатыми, и, следовательно, по ним можно будет спуститься.

Замечание лейтенанта оказалось правильным.

Как только пробоину расширили достаточно, чтобы в нее мог пролезть человек, лейтенант Прокофьев и капитан Сервадак, в сопровождении Бен-Зуфа с факелом в руках, проникли в жерло вулкана. Стенки его шли отлого, под углом самое большее в сорок пять градусов. Значит, можно было спускаться, не рискуя упасть. Под слоем пепла нога ощущала надежную опору, ибо склоны были покрыты выемками, впадинами и скалистыми выступами. Это объяснялось тем, что извержение началось недавно. Действительно, оно могло произойти лишь после столкновения с Землей, когда Галлия унесла с собой часть земной атмосферы, а потому лава еще не успела отполировать внутренние стенки кратера.

— Здóрово! — заметил Бен-Зуф. — Вот вам и лестница. Уж не взыщите, какая есть!

Капитан Сервадак и его товарищи начали осторожно спускаться. В этой «лестнице», как называл ее Бен-Зуф, не доставало многих ступенек. Исследователям понадобилось около получаса, чтобы пройти пятьсот футов. На стенках кратера зияли там и сям обширные, но неглубокие пещеры. Потрясая факелом, Бен-Зуф ярко освещал их, но ни одна не разветвлялась и не уходила внутрь горы, образуя длинные проходы, как в верхних ярусах Улья Нины.

Во всяком случае, у галлийцев не было выбора. Они должны были воспользоваться любыми средствами спасения, какие только предоставляла им судьба.

Надежды капитана Сервадака как будто должны были осуществиться. По мере того как путники проникали все глубже в недра огнедышащей горы, температура постепенно поднималась. Однако то не было повышение температуры, обычно наблюдаемое в рудниках. Быстрое потепление вызывалось какой-то местной причиной. Глубоко под почвой ощущался источник тепла. Продолжая исследование, они ясно чувствовали, что спускаются не в каменноугольные копи, а вглубь настоящего вулкана. Этот вулкан не потух, как можно было опасаться, — где-то внизу еще бурлила лава. Если по какой-то неведомой причине она уже не переливалась через края кратера, то все же распространяла тепло по

всей подземной части массива. Ртутный термометр, захваченный лейтенантом Прокофьевым, и барометр-анероид капитана Сервадака указывали, что наши путники находятся ниже уровня моря и что температура в недрах горы постепенно повышается. На глубине шестисот футов ртутный столбик отметил шесть градусов выше нуля.

— Шесть градусов, — сказал капитан Сервадак, — этого недостаточно для людей, которым предстоит замуроваться здесь на долгие зимние месяцы. Давайте спустимся еще глубже, ведь воздуха здесь достаточно.

В самом деле, воздуху было много: он поступал и через обширный кратер сверху и через широкий пролет на боковом склоне горы. Его как бы втягивало в эти глубины, и дышалось здесь даже легче, чем на поверхности. Поэтому путешественники могли без всякого опасения опускаться до тех пор, пока не встретят сносной температуры.

Путники находились теперь на четыреста с лишним футов ниже Улья Нины. Это соответствовало глубине в двести пятьдесят метров ниже уровня Галлийского моря. В этом месте термометр показал двенадцать градусов тепла по Цельсию — температура вполне терпимая при условии, что она останется на этом уровне.

Трое исследователей могли, конечно, спуститься без труда еще глубже по отлогому руслу, проложенному лавой. Но зачем? До их чуткого слуха уже доносилось глухое шипенье и клокотанье, — это означало, что главный очаг подземного огня был недалеко.

— Останемся здесь, — решил Бен-Зуф. — Кто из колонистов озябнет, пускай лезет в пропасть, коли придет охота! Ну, а для меня и здесь достаточно жарко. Честное слово алжирца!

Вопрос теперь сводился к тому, можно ли устроить хоть какое-нибудь жилье в этой части горного массива?

Гектор Сервадак и его спутники уселись на скалистый выступ и оттуда, при свете разгоревшегося факела, стали осматривать место привала.

По правде говоря, трудно было представить себе что-либо менее удобное. Главное жерло вулкана, расширяясь книзу, образовало нечто вроде глубокой пещеры. Правда, в ней могла разместиться целиком вся галлийская колония, но приспособить пещеру для удобного жилья было довольно затруднительно. Кое-где имелись впадины и пещеры поменьше, годные для складов провизии, но совсем не подходящие для комнат капитана Сервадака и графа Тимашева. Небольшой уголок для Нины еще можно было подыскать. Итак, галлийцам предстояло находиться вместе круглые сутки. Главная пещера должна была служить одновременно столовой, залом и общей спальней. До сих пор колонисты жили точно кролики в норах, теперь им придется зарыться под землю и уподобиться кротам во всем, кроме долгой зимней спячки.

Однако при помощи ламп и фонарей легко было осветить эту темную пещеру. Галлийцы не ощущали недостатка в горючем: на складах имелось еще несколько бочонков масла, а также некоторое количество спирта для варки пищи.

Что касается предстоящего заточения на время долгой галлийской зимы, то не всегда же колонисты будут сидеть взаперти. Одевшись потеплее, они смогут делать вылазки в Улей Нины или на береговые скалы. К тому же потребуется запасать лед, чтобы добывать из него воду, столь необходимую для всех жизненных нужд. Каждому придется поочередно выполнять эту довольно тяжелую обязанность, взбираясь на высоту девятисот футов и спускаясь оттуда с тяжелой ношей.

Наконец, после тщательного осмотра исследователи решили, что маленькая колония должна перебраться именно сюда, в это темное подземелье, и устроиться в нем как можно удобнее. Единственная пещера послужит общим жильем для всех. Ведь в сущности капитан Сервадак и его товарищи разместятся здесь не хуже, чем зимовщики в полярных областях. Действительно, ни на китобойных судах, ни в факториях на крайнем севере Америки не принято расселяться по отдельным

каютам или комнатам. Обычно все там пользуются одним просторным помещением, где труднее завестись сырости. В условиях севера не в почете углы и закоулки, где скопляются водяные пары. Большую высокую комнату легче проветрить, легче натопить, следовательно, жить в ней здоровее. В фортах под общий зал отводится целый этаж, на кораблях — межпалубное пространство.

Все это лейтенант Прокофьев, знакомый с обычаями полярных стран, разъяснил в нескольких словах своим товарищам, и те примирились с участью зимовщиков, раз уж им суждено здесь зимовать.

Все трое поднялись обратно в Улей Нины. Они сообщили колонистам о принятом решении, и те его одобрили. Все дружно принялись за работу; прежде всего очистили пещеру от еще теплого пепла, густым слоем покрывавшего пол и стены, затем начали без промедления переносить вещи из Улья Нины.

Нельзя было терять ни минуты. Все буквально замерзали, даже в самых глубоких галереях старого жилища. Холод еще более подстегивал усердие носильщиков, и никогда еще переправа имущества, необходимой мебели, коек, различной утвари, запасов со шкуны и товаров с тартаны не совершалась с такой быстротой. Правда, людям приходилось лишь спускать тюки вниз, да и уменьшение силы тяжести сильно облегчало их труд.

Пальмирен Розет волей-неволей тоже перебрался в подземелье, но не позволил перенести туда свою пресловутую трубу. Действительно, она не создана была для этой темной бездны и осталась зимовать на своем треножнике в главном за́ле Улья Нины.

Бесполезно описывать нескончаемые жалобы Исаака Хаккабута. Все его излюбленные восклицания повторялись сотни раз. Ни один негоциант во всем свете не подвергался якобы столь жестоким испытаниям. Под градом шуточек, которыми его вечно донимали, он ревниво следил за переноской своих товаров. По приказанию капитана Сервадака все принадлежащее Исааку имущество было сложено отдельно в той самой нише, которую ему отвели для жилья. Таким

образом он мог сторожить свое добро и продолжать вести торговлю.

Переселение было закончено в несколько дней. Ряд фонарей освещал длинный узкий проход, отлого подымавшийся к Улью Нины. Все это было довольно оригинально и в какой-нибудь сказке из «Тысячи и одной ночи» могло бы показаться восхитительным. Обширная пещера, служившая общим жилищем, была освещена лампами с «Добрыни». К 10 января галлийцы перебрались в это подземелье, надежно укрывшись по крайней мере от наружного холода, превышавшего шестьдесят градусов.

— Va bene, как говорит малютка Нина, — воскликнул неунывающий Бен-Зуф, — жили во втором этаже, проживем и в подвале, невелика беда!

Между тем граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев не могли не беспокоиться о будущем, хоть и не показывали этого. Если в один прекрасный день жар вулкана погаснет, если какое-либо неожиданное обстоятельство замедлит скорость обращения Галлии вокруг Солнца, если придется снова зимовать в подобных условиях, удастся ли им найти в ядре кометы недостающее им топливо? В недрах Галлии не могло быть каменного угля, образовавшегося из остатков древних лесов, залегших в земле в геологические эпохи и окаменевших под воздействием времени. Не придется ли колонистам, когда вулкан окончательно потухнет, довольствоваться расплавленными массами, таящимися в его глубине?

— Все в свое время, друзья мои, — сказал капитан Сервадак, — все в свое время! У нас впереди долгая зима. Можно будет подумать, побеседовать, поспорить. Черт возьми! Провалиться мне на месте, если мы чего-нибудь да не придумаем.

— Да, — согласился граф Тимашев, — перед лицом опасности ум работает особенно хорошо, и мы найдем выход. К тому же вряд ли внутреннее тепло Галлии иссякнет до возвращения лета.

— Я тоже так думаю, — отвечал лейтенант Прокофьев. — До нас непрерывно доносится шум бурлящей лавы. Воспламенение вулканических пород, по всей

вероятности, началось недавно. До встречи с Землей, пока комета носилась в пространстве, она не была окружена атмосферой, и, следовательно, кислород проник в ее недра лишь после столкновения. Это вызвало сложные химические процессы и в результате извержение вулкана. Вот как я это объясняю и считаю несомненным, что работа подземных сил в ядре Галлии только недавно началась.

— Я согласен с тобой, Прокофьев, — проговорил граф Тимашев, — и нисколько не опасаюсь, что внутренний огонь потухнет; меня скорее страшит другая возможность, не менее гибельная для нас.

— Какая же? — спросил капитан Сервадак.

— А та, капитан, что извержение внезапно возобновится и поток лавы сметет наш лагерь на своем пути.

— Черт побери! — вскричал капитан Сервадак. — А ведь это вполне может случиться!

— Будем же начеку, — возразил лейтенант Прокофьев, — и не дадим застать себя врасплох.

Пять дней спустя, 15 января, Галлия миновала афелий, в конце большой оси своей орбиты, и находилась теперь на расстоянии двухсот двадцати миллионов лье от Солнца.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

которая доказывает, что люди не созданы для того, чтобы лететь на расстоянии двухсот двадцати миллионов лье от Солнца

Начиная с этого дня Галлия повернула обратно по своей эллиптической кривой и стала приближаться к Солнцу со все возрастающей скоростью. Все живые существа на ее поверхности зарылись вглубь вулканического массива, за исключением тринадцати англичан на Гибралтаре.

Как-то выдержали первую половину галлийской зимы эти упрямцы, добровольно оставшиеся на своем островке? Вероятно, лучше, чем обитатели Теплой

Земли, — таково было общее мнение. В самом деле, им ведь не приходилось заимствовать у вулкана жар извергающейся лавы, приспособляя его для своих жизненных нужд. У них были громадные запасы угля и продовольствия. Ни в пище, ни в топливе они не испытывали недостатка. Занимаемый ими редут, прочно сооруженный, с толстыми каменными стенами, без сомнения, служил им надежной защитой в самые жестокие холода. Англичане не жалели топлива и не мерзли; они хорошо питались и, вероятно, так разжирели, что мундиры стали им тесны. Бригадир Мэрфи и майор Олифент, должно быть, сражались по всем правилам науки на шахматной доске. Никто не сомневался, что жители Гибралтара проводили дни самым благопристойным образом и даже с комфортом. Во всяком случае, Англия должна будет воздать хвалу двум своим офицерам и одиннадцати солдатам, доблестно оставшимся на посту.

Разумеется, если бы капитану Сервадаку и его спутникам грозила гибель от холода, они могли бы укрыться на островке Гибралтар. Им даже приходила в голову такая мысль. Без сомнения, им не отказали бы там в гостеприимстве, хотя в первый раз и приняли весьма неприветливо. Англичане не такие люди, чтобы бросить своих ближних в беде. В случае крайней необходимости колонисты Теплой Земли без колебаний перебрались бы на Гибралтар. Но туда лежал долгий путь по необозримым ледяным просторам, без огня, без крова, и не все, вероятно, добрались бы до цели живыми. Отважиться на подобное путешествие можно было лишь в самом крайнем случае, и колонисты твердо решили не покидать Теплой Земли, пока огнедышащая гора дает им достаточно тепла.

Как уже было сказано, все живые существа галлийской колонии нашли пристанище в пещерах центрального жерла. Действительно, даже животные принуждены были покинуть галереи Улья Нины, где они могли околеть от холода. Лошадей Сервадака и Бен-Зуфа с трудом удалось спустить вглубь вулкана; однако и капитану и денщику непременно хотелось сохранить Зефира с Галетой и доставить их на Землю

живыми. Они привязались к этим бедным животным, плохо приспособленным для жизни в новых климатических условиях. Им отвели широкое углубление, обращенное в конюшню, а на складе, к счастью, еще оставалось для них достаточно фуража.

Что касается прочих домашних животных, то ими пришлось пожертвовать. Разместить их в подземельях массива было немыслимо, а оставить животных в Улье Нины — значило обречь их на мучительную смерть. Пришлось всех заколоть. И так как мясо на старых складах при царившем там лютом морозе могло сохраняться до бесконечности, это значительно увеличило запасы провианта.

Чтобы покончить с перечислением живых существ, нашедших убежище в недрах массива, надо упомянуть еще о птицах, питающихся исключительно крошками и объедками, которые им бросали каждое утро. Мороз прогнал их из верхних проходов Улья Нины в темные провалы вулкана. Однако они были так многочисленны и так назойливы, что приходилось гнать и истреблять их беспощадно.

В этих заботах прошел весь конец января, и лишь к началу февраля переселенцы окончательно водворились на новом месте. Но тут для членов галлийской колонии потянулись дни безнадежно однообразные и унылые. Смогут ли они побороть своего рода отупение, вызванное бездействием? Руководители попытались подбодрить их при помощи более тесного каждодневного общения, частых собеседований, в которых все приглашались принять участие, чтения вслух научных книг и рассказов о путешествиях, имевшихся в библиотеке. Усевшись вокруг большого стола, русские и испанцы слушали и просвещались; если им суждено увидеть родную землю, то они вернутся туда менее невежественными, чем были прежде.

Что же делал все это время Исаак Хаккабут? Интересовался ли он беседами и чтениями? Нисколько. Какую выгоду он мог бы там извлечь? Он проводил долгие часы, проверяя списки товаров, считая и пересчитывая деньги, которые стекались к нему в руки. То, что он нажил здесь, вместе с приобретенным ранее

уже достигало по меньшей мере ста пятидесяти тысяч франков, причем наполовину золотом. Взвешивая и пересыпая этот звонкий металл, он знал, что сумеет выгодно поместить его на Земле, и если жалел об уходящих без пользы днях, то лишь с точки зрения потерянных процентов. Здесь ему не представилось еще случая ссужать деньги в рост, как он на это надеялся, разумеется, под надежное обеспечение и с надежной гарантией.

Пальмирен Розет скорее всех отыскал себе занятие и ушел в него с головой. Со своими цифрами он никогда не чувствовал себя одиноким, и сложные вычисления помогали ему коротать долгие зимние месяцы.

О Галлии он знал уже все, что можно было знать, но далеко не так обстояло дело с Нериной, ее сателлитом. Между тем права собственности, предъявленные им на комету, естественно, распространялись также и на ее луну. Следовательно, он обязан по меньшей мере исследовать новые элементы Нерины, изменившиеся с тех пор, как она была похищена из зоны малых планет.

Он решил произвести эти вычисления. Ему еще требовалось определить положения Нерины в различных точках ее орбиты. Получив эти данные и зная массу Галлии, которую ему удалось установить путем взвешивания, он намеревался взвесить и Нерину, не выходя из своей темной каморки. Беда только в том, что у него не было каморки, которую он собирался важно именовать «кабинетом», поистине не имея оснований называть ее обсерваторией. И вот в первых числах февраля он заговорил об этом с капитаном Сервадаком.

— Вам нужен кабинет, дорогой профессор? — спросил тот.

— Да, капитан, такой кабинет, где я мог бы работать, не опасаясь назойливых посетителей.

— Мы подыщем вам уголок, — заверил его Гектор Сервадак. — Не взыщите, если кабинет будет не достаточно комфортабельным, зато вы сможете там уединиться и спокойно работать.

— Я большего и не требую.

— Итак, решено.

Видя, что Пальмирен Розет находится в довольно сносном расположении духа, капитан отважился задать ему вопрос насчет его прежних вычислений, вопрос, которому он придавал особенное значение.

— Дорогой профессор, — сказал он, когда Пальмирен Розет собирался уже уходить, — я хочу вас кое о чем спросить.

— Спрашивайте.

— Ваши вычисления, касающиеся периода обращения Галлии вокруг Солнца, разумеется, совершенно правильны, — продолжал капитан Сервадак. — Но ведь, не правда ли, если движение вашей кометы замедлится или ускорится хотя бы на полминуты, она никогда не встретится с Землей в данной точке эклиптики...

— Так что же?

— А вот что, дорогой профессор, не следует ли проверить точность ваших вычислений?

— Это бесполезно.

— Лейтенант Прокофьев охотно помог бы вам в этой важной работе.

— Мне не нужно помощников, — резко возразил Пальмирен Розет, задетый за живое.

— Однако...

— Я никогда не ошибаюсь, капитан Сервадак, и ваша настойчивость неуместна.

— Черт возьми, дорогой профессор, — воскликнул Гектор Сервадак, — вы не очень-то любезны с вашими товарищами...

Но он тут же осекся: Пальмирена Розета не стоило раздражать, — он еще мог пригодиться.

— Капитан Сервадак, — сухо ответил профессор, — я не стану проверять свои вычисления, ибо они абсолютно точны. Но должен вам сообщить, что, досконально изучив Галлию, я намерен приступить теперь к изучению Нерины, ее сателлита.

— Вот это действительно как нельзя более своевременно, — с серьезным видом отозвался капитан Сервадак. — Однако я полагал, что Нерина одна из малых планет и ее элементы уже известны земным астрономам.

Профессор метнул на капитана Сервадака свирепый взгляд, точно тот усомнился в полезности его труда. Затем заговорил с горячностью.

— Капитан Сервадак, если земные астрономы и наблюдали Нерину и даже определили ее среднее суточное движение, ее годовой период обращения, среднее расстояние от Солнца, ее эксцентриситет, долготу ее перигелия, долготу восходящего узла, наклон ее орбиты, — все это необходимо определить заново, ибо Нерина теперь уже не малая планета, а спутник Галлии. Она является нашей луной, и я желаю изучать ее как Луну! Я не вижу причины, почему галлийцы должны знать меньше о галлийской луне, чем знают жители Земли о своей луне.

Надо было слышать, каким тоном произнес Пальмирен Розет «жители Земли». С каким презрением он говорил теперь о родной планете!

— Капитан Сервадак, — заявил он, — я заканчиваю наш разговор тем же, с чего начал, — просьбой предоставить мне отдельный кабинет...

— Мы позаботимся об этом, дорогой профессор...

— О, я не тороплюсь, — отвечал Пальмирен Розет, — лишь бы он был готов через час...

Для этого понадобилось целых три часа, и Пальмирена Розета устроили, наконец, в одной из ниш, где уместились его письменный стол и кресло. В последующие дни, несмотря на лютый мороз, он неоднократно подымался в верхний зал, чтобы наблюдать различные фазы Нерины. После этого он уединился в своем кабинете и больше не показывался.

Право же, галлийцам, замуровавшимся на глубине восьмисот футов, требовалась большая сила духа, чтобы выносить столь однообразную жизнь, не отмеченную никакими происшествиями. За много дней ни один из них не подымался на поверхность, и если бы не необходимость пополнять запасы льда для получения пресной воды, они и совсем бы не покидали недр вулкана.

Колонисты несколько раз спускались и в нижние ярусы главного кратера. Капитан Сервадак, граф Тимашев, Прокофьев и Бен-Зуф хотели исследовать как

можно глубже эту пропасть, зиявшую в ядре Галлии. Надо признать, что их нисколько не интересовала разработка горной породы, состоящей на тридцать процентов из золота. К тому же этот металл, бесполезный на Галлии, не имел бы цены и на Земле, если бы комета упала туда, и исследователи обращали не больше внимания на теллурид, чем на простой известняк.

Во время этой экспедиции они выяснили, что главный очаг вулкана не угас, и пришли к заключению, что если извержение и прекратилось, то, значит, лава где-нибудь проложила себе новые пути.

Так протекли февраль, март, апрель, май; затворники жили в каком-то оцепенении, хотя и не отдавали себе в этом отчета. Угнетенное и унылое состояние духа уже становилось опасным. Общие чтения, вызывавшие вначале такой интерес, больше никого не привлекали. Вместо общих бесед люди собирались по двое, по трое и разговаривали вполголоса. В особенности испанцы казались подавленными и целыми днями лежали на своих койках. Они подымались редко и неохотно лишь для того, чтобы поесть. Русские держались бодрее и выполняли порученную им работу с большим усердием.

Недостаток физических упражнений представлял особую опасность при столь долгом заточении. Капитан Сервадак, граф Тимашев и Прокофьев с беспокойством наблюдали, как галлийцами овладевает сонное оцепенение, но что они могли поделать? Одних увещаний было недостаточно. Да и сами они временами поддавались унынию и не всегда могли его побороть. Порою это выражалось в необычайной сонливости, порою в неодолимом отвращении ко всякой пище. Право, можно было подумать, что, зарывшись в землю, как черепахи на зимнюю спячку, наши узники решили поститься и беспробудно спать по их примеру вплоть до наступления тепла.

Из всей галлийской колонии наиболее стойко держалась крошка Нина. Она бегала взад и вперед по пещере, старалась подбодрить Пабло, который невольно заражался общим подавленным настроением. Девочка заговаривала то с тем, то с другим, и ее

свежий голосок разносился по мрачному подземелью, словно пение птички. Одного она уговаривала поесть, другого — что-нибудь выпить. Она была душою этого замкнутого мирка и оживляла его своей беготней. Когда под угрюмыми сводами наступала гнетущая тишина, девочка распевала веселые итальянские песенки. Она жужжала, как хорошенькая мушка из басни, но приносила гораздо больше пользы и добра. В этой крошке был такой избыток жизненных сил, что они невольно передавались остальным. Быть может, благотворное влияние Нины сказывалось почти незаметно для тех, кто ему подвергался, но от этого оно не становилось слабее; присутствие ребенка бесспорно было спасительным для галлийцев, уныло дремавших в своем мрачном склепе.

Между тем дни и месяцы шли своим чередом. Чем они были заполнены? Ни капитан Сервадак, ни его спутники не могли бы этого сказать.

К началу июня общее угнетенное состояние как будто стало проходить. Сказывалось ли тут воздействие лучезарного светила, к которому приближалась комета? Возможно, хотя Солнце все еще было от них очень далеко! В то время как Галлия совершала первую половину своего оборота, лейтенант Прокофьев тщательно сверял ее перемещения с цифрами, полученными профессором. Он отметил графически эфемериды кометы и мог с достаточной точностью проследить по вычерченной орбите весь ее путь.

После прохождения афелия ему уже нетрудно было определить дальнейшее движение Галлии. Поэтому он мог и сам давать разъяснения своим спутникам, не обращаясь за советами к Пальмирену Розету.

Он установил, что к началу июня Галлия вторично пересекла орбиту Юпитера, но еще находилась чрезвычайно далеко от Солнца, а именно на громадном расстоянии в сто девяносто семь миллионов лье. Однако в соответствии с одним из законов Кеплера скорость кометы непрерывно возрастала, и через четыре месяца она должна вновь вступить в пояс малых планет, находящийся лишь в ста двадцати пяти миллионах лье от Солнца.

Во второй половине июня капитан Сервадак с товарищами стряхнули с себя тягостное оцепенение; здоровье вернулось к ним. Бен-Зуф был похож на человека, который выспался всласть и теперь блаженно потягивается.

Колонисты стали все чаще посещать пустынные залы Улья Нины. Капитан Сервадак, граф Тимашев и Прокофьев даже выходили на берег. Все еще стояли лютые морозы, но воздух был попрежнему чист и неподвижен. Ни единого облачка ни на горизонте, ни в зените, ни малейшего ветерка. Отпечатки ног, оставленные на снегу несколько месяцев назад, были так же отчетливы, как и в первый день.

Вид побережья изменился лишь со стороны скалистого мыса, защищавшего бухту. В этом месте продолжалось непрерывное утолщение ледяного покрова. Он уже поднялся теперь больше чем на сто пятьдесят футов. И на этой совершенно неприступной высоте виднелись шкуна и тартана. При таянье льдов им грозило неминуемое падение и неизбежная гибель. Спасти их не было никакой возможности.

Хорошо еще, что Исаак Хаккабут, никогда не покидавший своей лавочки в глубинах горы, не сопровождал капитана Сервадака в этой прогулке по берегу.

— Будь он здесь, — сказал Бен-Зуф, — старый плут завопил бы громче павлина. А на черта нужны павлиньи крики без павлиньего хвоста?

В следующие два месяца, июль и август, Галлия еще более приблизилась к Солнцу, от которого ее отделяло теперь сто шестьдесят четыре миллиона лье. Короткими ночами попрежнему стоял жестокий холод, но днем солнце заметно пригревало Теплую Землю, расположенную в поясе экватора Галлии, и температура поднималась градусов на двадцать. Галлийцы ежедневно выходили наружу погреться в его живительных лучах, следуя в этом примеру некоторых птиц, которые ищут солнца днем и прячутся с наступлением темноты.

Это подобие весны оказало самое благодетельное влияние на обитателей Галлии. К ним возвращалась надежда и уверенность. Днем на горизонте сиял

заметно увеличившийся диск. Ночью среди неподвижных звезд появлялась Земля. Цель уже была видна, хоть она и находилась еще очень далеко. Это была пока лишь точка в небесном пространстве.

Однажды Бен-Зуф заметил в присутствии капитана Сервадака и графа Тимашева:

— По правде сказать, никогда я не поверю, что на этакой козявке может уместиться Монмартрский холм.

— Однакож он там умещается, — возразил капитан Сервадак, — и я крепко надеюсь, что мы его там найдем!

— И я тоже, господин капитан! Но нельзя ли узнать, с вашего позволения, — если бы комета профессора Розета не захотела вернуться на Землю, разве мы не сумели бы притянуть ее туда насильно?

— Нет, друг мой, — ответил граф Тимашев, — никакая власть человеческая не может нарушить геометрическое расположение светил во вселенной. Если бы каждый изменял по-своему ход планет, какая путаница началась бы в небе! Но господь бог не дозволяет этого и, я думаю, поступает мудро.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

где повествуется о первой и последней стычке, происшедшей между Пальмиреном Розетом и Исааком Хаккабутом

Наступил сентябрь месяц. Пока еще не было возможности покинуть темное, но теплое убежище галлийского подземелья и снова водвориться в Улье Нины. Пчелы-галлийцы непременно замерзли бы в своих прежних ячейках.

К счастью или к несчастью, но вулкан как будто не угрожал снова стать действующим.

К счастью потому, что внезапное извержение могло бы застать врасплох галлийцев в главном жерле, единственном выходе, оставшемся для лавы.

К несчастью потому, что в случае извержения гал-

лийцы могли бы немедленно вернуться к относительно легкой и удобной жизни в верхних помещениях Улья Нины, что всех бы очень обрадовало.

— Ну и гнусно же мы провели эти семь месяцев, господин капитан! — сказал как-то Бен-Зуф. — А вы заметили, как держала себя это время наша Нина?

— Да, Бен-Зуф, — ответил капитан Сервадак. — Это удивительный ребенок! Казалось, будто вся жизнь Галлии сосредоточилась в ее сердечке.

— Верно, господин капитан, а как же дальше?

— Что дальше?

— Ну да ведь не бросим же мы девчонку, когда вернемся на Землю?

— Черт возьми! Мы удочерим ее, Бен-Зуф.

— Браво, господин капитан! Вы будете ей отцом, а я, с вашего позволения, — матерью.

— Тогда нам придется породниться с тобой, Бен-Зуф.

— Ах, господин капитан, — отвечал верный солдат, — да мы уже и так давно породнились!

С первых дней октября благодаря отсутствию ветра хо́лода́ стало легче переносить даже по ночам. Расстояние от Солнца до Галлии лишь втрое превышало расстояние, отделяющее от него Землю. Температура держалась в среднем на тридцати — тридцати пяти градусах ниже нуля. Колонисты все чаще и чаще делали вылазки в Улей Нины и даже на берег. Возобновилось катанье на коньках по ледяной глади моря. Для узников было истинной радостью вырваться из своей мрачной тюрьмы. Граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев ежедневно выходили наружу, производили наблюдения и обсуждали важные вопросы, связанные с «высадкой на Землю». Речь шла не только о том, чтобы встретиться с Землей, надо было, если возможно, предотвратить опасные случайности столкновения.

Одним из постоянных посетителей галерей в Улье Нины стал Пальмирен Розет. Он распорядился перенести телескоп в прежнюю обсерваторию и занимался своими астрономическими наблюдениями до тех пор, пока мороз не прогонял его оттуда.

У профессора не спрашивали о результатах его новых вычислений. Он, вероятно, и не стал бы отвечать. Но через несколько дней все заметили, что ученый чем-то раздосадован. Он то и дело подымался наверх и спускался обратно по отлогому склону главного жерла. Профессор что-то бормотал и бранился сквозь зубы. Он стал нелюдимее, чем когда-либо. Раз или два Бен-Зуф — человек, как известно, не робкого десятка, — радуясь в душе этим признакам недовольства, попытался расспросить грозного Розета. Как его приняли, легко себе представить!

«Похоже на то, — подумал Бен-Зуф, — что на небе не так сложились дела, как ему хочется. Да черт с ним! Лишь бы только он не напортил чего-нибудь в небесной машине и не погубил нас вместе с ней».

Между тем у капитана Сервадака, графа Тимашева и лейтенанта Прокофьева было достаточно причин интересоваться, чем это так недоволен Пальмирен Розет. А вдруг профессор проверил свои математические расчеты и выяснил, что они противоречат его новым наблюдениям? А вдруг комета уже не занимает на орбите места, определенного по ее прежним эфемеридам, и, следовательно, ей не суждено встретиться с Землей в данной точке и в данную секунду?

Вот какие вопросы волновали наших друзей, в особенности теперь, когда Пальмирен Розет казался таким рассерженным, ибо все их надежды были основаны на его предсказаниях.

И в самом деле, профессор чувствовал себя несчастнейшим из астрономов. Его расчеты явно не соответствовали новым наблюдениям, а что могло быть хуже для такого человека, как он?

Всякий раз, возвращаясь к себе в кабинет, весь закоченевший после слишком долгого дежурства у телескопа, он впадал в настоящую ярость.

И если кто-нибудь отважился бы приблизиться к нему в эту минуту, то мог бы услышать, как профессор бормотал про себя:

— Проклятие! Что это значит? Что она там делает? Она вовсе не на том месте, которое ей указано

в моих высчислениях! Мерзавка! Она запаздывает! Или Ньютон сумасшедший, или она сошла с ума! Нарушены все законы всемирного тяготения! Что за черт! Не мог же я ошибиться! Мои наблюдения правильны, мои расчеты точны! Негодяйка! Чертовка!

И Пальмирен Розет хватался руками за голову, выдирая последние скудные остатки волос у себя на затылке. И вечно, вечно один и тот же результат: постоянное необъяснимое противоречие между его расчетами и наблюдениями.

— Полно, — говорил он себе, — не произошло ли какого-либо нарушения законов небесной механики? Нет, это невозможно. Это я допустил ошибку. И однакоже... однако...

Право, Пальмирен Розет похудел бы от огорчения, если бы только мог еще более похудеть.

Чем больше он сердился, тем больше беспокоились окружающие, но это его нисколько не трогало.

Однажды, 12 октября, разгуливая возле большого зала Улья Нины, где как раз находился профессор, Бен-Зуф услышал пронзительный крик.

Бен-Зуф побежал к ученому.

— Вы не ушиблись ненароком? — спросил он невозмутимо, точно спрашивал: как поживаете?

— Эврика! Слышишь ты, эврика! — отвечал Пальмирен Розет, бегая взад и вперед, как сумасшедший.

В его возбуждении чувствовались одновременно и радость и бешенство.

— Эврика? — переспросил Бен-Зуф.

— Да, эврика! Знаешь ли ты, что это значит?

— Нет.

— Так убирайся к черту!

— Как приятно, — сказал себе денщик, — что господин Розет хоть выражается вежливо, когда не хочет отвечать.

И он убрался, правда не к черту, а к Гектору Сервадаку.

— Господин капитан, есть новости, — сказал он.

— Что такое?

— Наш ученый... одним словом, у него какая-то эврика.

— Он нашел!.. — воскликнул капитан Сервадак. — Но что же он нашел?

— Этого я не знаю.

— Именно это и нужно знать.

И капитан Сервадак встревожился более чем когда-либо.

Тем временем Пальмирен Розет спустился в свой рабочий кабинет, бормоча себе под нос:

— Да, это так... это не может быть иначе... Ах, негодяй! Он дорого поплатится, если это так! Только признается ли он? Ни за что!.. Его надо поймать с поличным... Ну что ж, я его перехитрю... и тогда посмотрим!

Хотя слова Пальмирена Розета были непонятны, но все заметили, что с этого дня он явно переменил обращение с почтенным Исааком Хаккабутом. До сих пор он либо избегал ростовщика, либо отвечал ему грубо. Теперь Пальмирен Розет держался совсем по-другому.

Кого это удивило прежде всего? Да самого Исаака, не привыкшего к подобной любезности. Профессор часто посещал теперь его темную лавчонку, проявлял интерес к особе Хаккабута, к его делам. Спрашивал, успешно ли он распродает свои товары, велика ли прибыль, сумел ли он воспользоваться столь редким случаем, который, может быть, никогда больше не представится, и о многом другом и при всем этом с трудом скрывал желание задушить торговца собственными руками.

Исаак Хаккабут, подозрительный, как старая лисица, отвечал ему крайне уклончиво. Неожиданная перемена в обращении профессора, естественно, удивляла его. Он задавался вопросом, уж не хочет ли Пальмирен Розет занять у него денег.

Как мы знаем, Исаак Хаккабут в принципе был не прочь давать взаймы, правда по самым ростовщическим процентам. Он даже рассчитывал путем этих денежных операций увеличить свое состояние и, конечно, согласился бы дать ссуду, но лишь под надежную подпись. По правде сказать, Исаак считал, что только с графом Тимашевым, богатым русским барином, можно пойти на этот риск. Капитан Сервадак, по всей ве-

роятности, был нищим, как и все гасконцы. Что касается профессора, то кому придет в голову давать взаймы профессорам! Поэтому почтенный Исаак держался крайне осторожно.

С другой стороны, ростовщику, несмотря на всю его скупость, пришлось тратить деньги самым непредвиденным образом.

Дело в том, что к этому времени он распродал галлийцам почти все продукты из своих запасов. У него не хватило благоразумия оставить часть съестных припасов для своего личного пользования. Между прочим, у него не было кофе. А как бережливо не расходуй кофе, «раз его нет, значит нет», сказал бы Бен-Зуф.

Итак, у почтенного Исаака не было больше напитка, без которого он не мог обойтись, и ему пришлось прибегнуть к запасам главного галлийского склада.

Решив после долгих колебаний, что запасы провианта принадлежат всем галлийцам без исключения и что он имеет одинаковые права с остальными, Хаккабут отправился к Бен-Зуфу.

— Господин Бен-Зуф, — начал он самым вкрадчивым тоном, — у меня к вам маленькая просьба.

— Выкладывай, Гобсек, — отвечал Бен-Зуф.

— Мне хотелось бы взять со склада лично для себя один фунт кофе.

— Фунт кофе? — переспросил Бен-Зуф. — Как! ты просишь фунт кофе?

— Да, господин Бен-Зуф.

— Ого, это не так-то просто!

— Разве его больше не осталось?

— Как же, найдется еще сотня-другая кило.

— Так что же?

— А то, старина, — отвечал Бен-Зуф, озабоченно качая головой, — что я не знаю, можно ли тебе его дать.

— Дайте, господин Бен-Зуф, — взмолился Исаак Хаккабут, — дайте, и сердце мое возрадуется!

— На твое сердце мне наплевать с высокого дерева!

— Однако вы бы не отказали, если бы всякий другой...

— Вот в том-то и дело, что ты не «всякий другой».

— Так как же, господин Бен-Зуф?

— А так же, что я доложу об этом его превосходительству генерал-губернатору.

— О господин Бен-Зуф, я не сомневаюсь в его справедливости.

— Вот именно, старина, он до того справедлив, что тебе плохо придется.

И с этими мало утешительными словами денщик вышел.

Пальмирен Розет, постоянно подстерегавший торговца, явился как раз во время его препирательства с Бен-Зуфом. Ему показалось, что пришло время узнать правду, и он вмешался в разговор.

— Как, почтенный Исаак, — сказал он, — вам требуется кофе?

— Да... господин профессор, — ответил Исаак Хаккабут.

— Разве вы все продали?

— Увы! я совершил эту ошибку.

— А черт! А ведь кофе вам необходим! Да, да... он согревает кровь.

— Еще бы... а в этой черной дыре я просто обойтись без него не могу!

— Ну что ж, почтенный Исаак, вам дадут столько кофе, сколько потребуется.

— Не правда ли, господин профессор?.. И хотя я сам продал этот кофе, я имею право взять его наравне с другими.

— Конечно... почтенный Исаак... конечно! А много ли вам нужно?

— Всего только фунт! Я расходую его так бережливо... Мне хватит этого надолго.

— А на чем будут взвешивать кофе? — спросил Пальмирен Розет с невольным ударением.

— На моем безмене!.. — прошептал торговец.

И Пальмирену Розету послышалось, будто из груди Исаака вырвался легкий вздох.

— Да, — сказал профессор, — на безмене. Здесь ведь нет других весов?

— Нет! — ответил Исаак, горько сожалея, что не удержался от вздоха.

— Эге, почтенный Исаак!.. Это будет вам выгодно! Ведь вместо фунта кофе вам дадут целых семь.

— Да... семь, именно семь!

Профессор смотрел на свою жертву, впиваясь в нее глазами. Он собирался задать один вопрос, но не решался этого сделать, справедливо полагая, что Исаак не скажет ему правды, которую необходимо было узнать во что бы то ни стало.

Однако, не в силах сдержать нетерпения, он хотел уже заговорить, когда вернулся Бен-Зуф.

— Ну как? — живо спросил Исаак Хаккабут.

— А так, что губернатор не желает... — отвечал Бен-Зуф.

— Не желает, чтобы мне выдали кофе? — воскликнул Исаак.

— Нет, но он согласен, чтоб тебе его продали.

— Продали, mein Gott!

— Да, и это справедливо, раз ты прикарманил все наши денежки. Ну-ка, покажи, какого цвета твои пистоли.

— Меня вынуждают покупать, а всякому другому...

— Сказано тебе, что ты не всякий другой! Будешь ты покупать или нет?

— Помилосердствуйте!

— Отвечай, или я запру лавочку!

Исаак хорошо знал, что с Бен-Зуфом шутки плохи.

— Так и быть... Я куплю! — вздохнул он.

— Ладно.

— А по какой цене?

— По той самой, по какой ты продавал кофе. Не бойся, шкуры с тебя не сдерут. Кому она нужна, твоя шкура?

Исаак Хаккабут сунул руку в карман, позвякивая мелкими монетами.

Профессор все более напрягал внимание, ловя каждое слово Исаака.

— Сколько вы запросите с меня за фунт кофе? — спросил тот.

— Десять франков, — ответил Бен-Зуф. — Это его рыночная цена на Теплой Земле. Да тебе-то что, раз после возвращения на Землю золото обесценится.

— Золото обесценится? — воскликнул Исаак. — Разве это мыслимо, господин Бен-Зуф?

— Вот увидишь.

— Да поможет мне всевышний! Десять франков за один фунт кофе.

— Десять франков. Не задерживай меня.

Тогда Исаак Хаккабут вынул золотую монету, любуясь ею при свете лампы, готовый чуть ли не поцеловать ее.

— И вы взвесите кофе на моем безмене? — протянул он так жалобно, что это невольно казалось подозрительным.

— А на чем же мне вешать, по-твоему? — рассердился Бен-Зуф.

Затем, взяв безмен, он подвесил на крючок чашку и начал сыпать кофе, пока стрелка не показала фунт, то есть в действительности семь фунтов.

Исаак Хаккабут следил за ним глазами.

— Готово! — заявил Бен-Зуф.

— Стрелка точно стоит на делении? — спросил негоциант, наклоняясь над полукруглой шкалой безмена.

— Ну да, старый Иона!

— Подвиньте ее немножко пальцем, господин Бен-Зуф.

— Это зачем?

— Потому... потому... — пролепетал Исаак Хаккабут, — потому что мой безмен, возможно, не совсем... правильный!

Не успел Исаак договорить, как Пальмирен Розет схватил его за горло. Он тряс его изо всех сил, пытаясь задушить.

— Негодяй! — кричал он при этом.

— Спасите! Караул! — вопил Исаак Хаккабут.

Драка продолжалась. Бен-Зуф и не думал разнимать противников. Напротив, он подзуживал их, покатываясь со смеху. По правде говоря, в его глазах один стоил другого.

Но тут, привлеченные шумом, прибежали капитан Сервадак, граф Тимашев и лейтенант Прокофьев.

Профессора силой оттащили от Исаака.

— Что такое? В чем дело? — спросил Гектор Сервадак.

— Дело в том, — закричал Пальмирен Розет, — что этот мошенник подсунул нам неточный безмен, безмен, показывающий больше настоящего веса!

— Это правда, Исаак?

— Ах, господин губернатор... да... нет... да! — отвечал тот.

— Дело в том, что этот разбойник торговал на фальшивых весах, — продолжал профессор с возрастающей яростью, — и когда я взвешивал свою комету при помощи его безмена, я получил неправильную цифру, — на самом деле она весит меньше...

— Это правда?

— Право же... я не знаю! — заикался Исаак Хаккабут.

— Дело в том, наконец, что я принял этот неправильный вес за основу своих последних вычислений, вот почему они противоречат моим наблюдениям! А я-то подумал, будто она сдвинулась с места!

— Кто она?.. Галлия?

— Да нет же, Нерина, черт возьми! Наша луна!

— А Галлия?

— Э! да что Галлия! Она там, где ей положено быть! — воскликнул Пальмирен Розет. — Комета летит прямым путем к Земле, и мы вместе с ней!.. а с нами этот проклятый Исаак... накажи его бог!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой капитан Сервадак и Бен-Зуф отправляются в поход и возвращаются ни с чем

Это было чистейшей правдой. С тех пор как Исаак Хаккабут занимался торговлей на тартане, он неизменно обвешивал покупателей. Зная его характер,

никто этому не удивлялся. Но в тот день, когда из продавца Хаккабут обратился в покупателя, он сам стал жертвой своей нечестности. Безмен помог ему нажиться, ибо врал не больше не меньше как на четверть килограмма. Факт этот был установлен, и профессору пришлось сызнова начать свои вычисления, теперь уже на основании точных данных.

Когда пресловутый безмен показывал на Земле один килограмм, на самом деле предмет весил лишь семьсот пятьдесят граммов. Значит, прежде установленный вес Галлии следовало уменьшить на одну четверть. Отсюда понятно, что расчеты профессора, основанные на неправильном вычислении массы кометы, не могли совпадать с истинным положением Нерины, ибо на нее влияла масса Галлии.

Пальмирен Розет, радуясь тому, что как следует отколотил Исаака Хаккабута, тут же принялся за работу, чтобы поскорее закончить исследование Нерины.

Легко себе представить, сколько насмешек вытерпел Исаак Хаккабут после этой сцены. Бен-Зуф беспрестанно повторял, что этого мошенника привлекут к суду за обвешиванье, что его дело расследуют, а самого засадят в тюрьму.

— Где, когда? — спрашивал тот.

— На Земле, когда мы туда вернемся, старый плут! — любезно объяснял Бен-Зуф.

Старикашка забился в свой темный угол и старался показываться как можно реже.

Два с половиной месяца отделяли галлийцев от того дня, когда они надеялись встретиться с Землей. Начиная с 7 октября комета вновь вступила в пояс телескопических или малых планет, где она в свое время похитила Нерину.

К первому ноября Галлия благополучно пересекла половину пояса астероидов, образовавшихся, вероятно, от распадения какой-нибудь планеты между Марсом и Юпитером. За этот месяц комете предстояло обежать по своей орбите сорок миллионов лье, приблизившись к Солнцу на семьдесят восемь миллионов лье.

Температура становилась сносной — около десяти — двенадцати градусов ниже нуля. Однако еще не

было заметно никаких признаков оттепели. Море попрежнему было сковано льдом, и оба корабля, поднявшись на огромную высоту, казалось, повисли над бездной.

В то же время перед колонистами снова встал вопрос об англичанах, заточенных на островке Гибралтар. Никто не сомневался, что они благополучно перенесли лютые морозы галлийской зимы.

Капитан Сервадак высказал мнение, которое делало честь его великодушию. Он заявил, что, несмотря на дурной прием, оказанный экипажу «Добрыни», обитатели Теплой Земли обязаны снова вступить в общение с британцами и известить их обо всем, чего они, вероятно, не подозревают. Встреча с Землей, неминуемо связанная с новым столкновением, грозила гибелью всем обитателям Галлии. Необходимо было, следовательно, предупредить англичан и даже пригласить их сюда, чтобы вместе встретить опасность.

Граф Тимашев и лейтенант Прокофьев присоединились к мнению капитана Сервадака. Здесь дело шло о человеколюбии, а в этом вопросе они не могли оставаться равнодушными.

Но как добраться зимой до островка Гибралтар?

Разумеется, по морю, то есть по его ледяной поверхности, пока она еще не начала таять.

К тому же это было единственное средство сообщения между двумя островами, так как после таянья льдов всякая переправа морем станет невозможной. Действительно, ни на шкуну, ни на тартану больше нельзя было рассчитывать. Что же касается парового катера, то воспользоваться им — значило израсходовать те последние несколько тонн угля, которые берегли на случай, если колонистам придется вернуться на остров Гурби.

Правда, у галлийцев оставалась шлюпка, переоборудованная в буер с парусом. Мы знаем, с какой быстротой и удобством совершили они на нем пробег от Теплой Земли до Форментеры.

Но чтобы привести его в движение, необходим был ветер, а ветра давно уже не наблюдалось на Галлии.

Возможно, что после оттепели, благодаря парам, вызванным повышением температуры, польют дожди и разразятся бури. Этого даже следовало опасаться. Но теперь стояло полное безветрие, и буер не мог добраться до островка Гибралтар.

Таким образом, оставалась единственная возможность — совершить путь пешком или, вернее, на коньках. Расстояние было значительным — около ста лье. Можно ли преодолеть его при таких условиях?

Капитан Сервадак вызвался совершить это путешествие. Переходы по двадцать пять — тридцать лье в день, то есть около двух лье в час, не могли испугать столь опытного конькобежца. За неделю он успел бы посетить Гибралтар и возвратиться обратно на Теплую Землю. Компас, чтобы не сбиться с пути, небольшой запас холодного мяса, спиртовка, чтобы сварить кофе, — вот все, что ему было нужно в дороге, а столь рискованное путешествие весьма привлекало этого любителя приключений.

Граф Тимашев и лейтенант Прокофьев настойчиво предлагали заменить его или отправиться всем вместе. Но капитан Сервадак поблагодарил и отказался. Если с ним случится несчастье, присутствие графа и лейтенанта окажется необходимым на Теплой Земле. Чтó станут делать без них их товарищи в момент возвращения на Землю?

Граф Тимашев вынужден был уступить. Капитан Сервадак согласился взять лишь одного спутника, своего верного Бен-Зуфа, и спросил его, пойдет ли он с ним.

— Пойду ли я, черт возьми! — воскликнул Бен-Зуф. — Еще бы, господин капитан! Прекрасный случай размять ноги! Да неужели вы думаете, что я отпустил бы вас одного!

Выход был назначен на следующее утро, 2 ноября. Разумеется, первым побуждением капитана Сервадака было оказать услугу англичанам и выполнить долг человеколюбия. Но возможно, что в его гасконском мозгу зародилась и другая мысль. Он еще ни с кем ею не делился и уж во всяком случае ничего не хотел говорить графу Тимашеву.

Кто другой, а Бен-Зуф сразу догадался, что «тут кроется какая-то загвоздка», когда накануне отбытия капитан сказал ему:

— Бен-Зуф, не найдется ли у тебя на главном складе лоскутов, чтобы сделать трехцветный флаг?

— Найдется, господин капитан, — ответил Бен-Зуф.

— Так сшей этот флаг и спрячь в дорожный мешок, чтобы никто его не видел. Захватим его с собой.

Бен-Зуф повиновался, ни о чем больше не расспрашивая.

Что же это задумал капитан Сервадак и почему он скрыл свои планы от товарищей?

Прежде чем говорить об этом, необходимо отметить здесь одно психологическое явление, не принадлежащее к категории небесных явлений, но вполне закономерное, если принять во внимание человеческие слабости.

С тех пор как Галлия стала приближаться к Земле, граф Тимашев и капитан Сервадак, напротив, начали как бы отдаляться друг от друга. Возможно, это совершалось почти бессознательно. Воспоминание о прежнем соперничестве, совершенно заглохшее за двадцать два месяца совместной жизни, мало-помалу пробуждалось сначала в их мозгу, а затем и в их сердце. Не станут ли эти товарищи по несчастью снова соперниками в любви, когда возвратятся на земной шар? Обратившись в галлийцев, они все же остались людьми. Госпожа Л., вероятно, еще свободна, — было бы оскорблением для нее даже сомневаться в этом!..

Одним словом, все это порождало, умышленно или нет, известную холодность в отношениях между графом и капитаном. Впрочем, читатели и раньше могли заметить, что их никогда не связывала истинная дружба, а лишь симпатия, порожденная общими интересами и обстоятельствами.

Теперь следует объяснить, в чем состоял план капитана Сервадака, — план, который мог послужить причиной нового соперничества между ним и графом Тимашевым. Вот почему капитан решил сохранить его в тайне.

План этот, надо сознаться, был вполне достоин сумасбродного ума, в котором он зародился.

Как известно, англичане, закрепившись на скалистом островке, оставшемся от Гибралтара, занимали исконную британскую территорию. Они имели на это право, и если бы их сторожевой пост благополучно перенесся на Землю, никто не стал бы оспаривать у них этих законных владений.

Но в том-то и дело, что напротив Гибралтара находился островок Сеута.

Перед столкновением Сеута, расположенная на африканском берегу пролива, принадлежала испанцам. Но теперь заброшенную Сеуту мог захватить первый, кто на ней высадится. Итак, добраться до Сеуты, завладеть ею именем Франции, водрузить на ней французский флаг — вот что представлялось капитану Сервадаку совершенно естественным и необходимым.

«Кто знает, — рассуждал он сам с собой, — быть может, Сеута благополучно пристанет к Земле и будет господствовать над каким-нибудь важным участком Средиземного моря. Тогда французский флаг, развевающийся на ее скале, узаконит притязания Франции!»

Вот почему, никому не говоря ни слова, капитан Сервадак и его денщик Бен-Зуф отправились на завоевание новой территории.

Надо признать к тому же, что лучшего помощника, чем Бен-Зуф, нельзя было и придумать. Завоевать остров для Франции! Подложить свинью англичанам! Блестящая идея!

Но капитан посвятил Бен-Зуфа в свои планы лишь после того, как, распростившись с друзьями, оба завоевателя остались одни у подножия скалистого берега.

И тут все старые полковые песенки пришли на память солдату, и он принялся распевать громким голосом:

На заре блестят штыки —
Оставляем мы квартиры.
Эй, вперед, вперед, Зефиры,
Африканские стрелки!

Капитан Сервадак и Бен-Зуф на коньках, оба тепло одетые, с походным мешком за плечами, устремились вперед по необозримой белоснежной глади и вскоре потеряли из виду вершину Теплой Земли.

Прогулка совершалась без всяких происшествий и лишь с редкими остановками, во время которых путники отдыхали и закусывали. Температура держалась довольно сносная даже по ночам, и 5 ноября, всего через три дня после выхода, наши герои подошли к острову Сеута на расстояние нескольких километров.

Бен-Зуф сгорал от нетерпения. Если бы понадобилось идти на приступ, храбрый солдат готов был построиться в колонну или даже в каре, чтобы отразить вражескую конницу.

Наступило утро. Путники точно определили по компасу направление и с самого начала строго ему следовали. Скалистый берег Сеуты возвышался на западном горизонте в пяти-шести километрах от них, купаясь в лучах восходящего солнца.

Оба героя ускорили шаг, торопясь вступить на остров.

И вдруг, на расстоянии около трех километров, Бен-Зуф, обладающий очень острым зрением, остановился.

— Поглядите-ка, господин капитан! — воскликнул он.

— Что такое, Бен-Зуф?

— Там на скале что-то шевелится.

— Вперед! — скомандовал капитан Сервадак.

За несколько минут они пробежали два километра. Затем, умерив скорость, капитан Сервадак и Бен-Зуф снова остановились.

— Господин капитан.

— Что, Бен-Зуф?

— Право же, какой-то верзила торчит на Сеуте и подает нам знаки. Не то он машет руками, не то вроде как потягивается спросонья.

— Какого черта! — вскричал капитан Сервадак. — Неужели мы прибыли слишком поздно?

Они покатили вперед, и вскоре Бен-Зуф воскликнул:

— Ах, господин капитан, да это телеграф!

В самом деле, это был телеграф, возвышавшийся, точно сигнальная мачта, на скалах Сеуты.

— Проклятие! — пробормотал капитан. — Но ведь раз там есть телеграф, значит кто-то его туда поставил.

— Если только телеграфы не растут на Галлии вместо деревьев! — заметил Бен-Зуф.

— А если он подает сигналы, значит кто-то приводит его в действие.

— Ясно как день!

Сильно раздосадованный, Гектор Сервадак посмотрел на север. Там, на грани горизонта, высился утес Гибралтара, и ему показалось, так же как и Бен-Зуфу, что второй телеграф, установленный на верхушке скалы, отвечал на сигналы первого.

— Они захватили Сеуту, — воскликнул капитан Сервадак, — и теперь передают на Гибралтар сигналы о нашем прибытии!

— Что же теперь делать, господин капитан?

— Что делать, Бен-Зуф? Отказаться от планов завоевания и примириться с судьбой.

— А что, господин капитан, если Сеуту обороняют только пять или шесть англичан...

— Нет, Бен-Зуф, — остановил его капитан Сервадак, — они нас опередили, и если только мои доводы не убедят их уступить нам остров, тут уж ничего не поделаешь.

Гектор Сервадак и Бен-Зуф, сильно приунывшие, достигли подножия скалы. В ту же минуту перед ними, словно из-под земли, вырос часовой.

— Кто идет?

— Друзья! Франция!

— Англия!

Таковы были первые слова, которыми обменялись обе стороны. Тут на высоком берегу появилось еще четыре человека.

— Что вам угодно? — спросил один из них, как видно, солдат гибралтарского гарнизона.

— Я хочу говорить с вашим начальником, — отвечал капитан Сервадак.

— С комендантом Сеуты?

— С комендантом Сеуты, раз уж на Сеуте есть комендант.

— Я доложу ему, — ответил английский солдат.

Несколько минут спустя комендант Сеуты в военной форме прибыл на аванпост своего острова.

Это был майор Олифент собственной персоной.

Сомнений быть не могло: мысль захватить Сеуту, зародившаяся у капитана Сервадака, пришла в голову также и англичанам, и они первые привели ее в исполнение. Заняв скалу, они соорудили там сторожевой пост и основательно укрепили его. Топливо и провиант были доставлены туда на катере коменданта Гибралтара, пока еще льды не сковали море.

Над вершиной серого утеса вздымался густой дым, заставлявший предполагать, что в течение всей зимы здесь жарко топились печи и что гарнизону не пришлось страдать от холода. И в самом деле, у английских солдат был здоровый, упитанный вид, а сам майор Олифент даже слегка разжирел, хоть он, вероятно, и стал бы это отрицать.

Впрочем, англичане на Сеуте не чувствовали себя заброшенными, так как их отделяли от Гибралтара самое большее четыре лье. Они находились в постоянном общении с соседним гарнизоном, либо перебираясь туда через пролив, либо переговариваясь по телеграфу.

Следует добавить, кроме того, что бригадир Мэрфи и майор Олифент даже не прекращали своей игры в шахматы. Медленно обдумывая ходы, они передавали их по телеграфу.

В этом почтенные офицеры следовали примеру двух американских клубов, которые в 1846 году, невзирая на дождь и грозу, сыграли «по телеграфу» знаменитую шахматную партию между Вашингтоном и Балтимором.

Бесполезно говорить, что бригадир Мэрфи и майор Олифент продолжали ту же самую партию, начатую еще во время визита капитана Сервадака на Гибралтар.

Между тем майор холодно ждал, чтобы два чужеземца обратились к нему.

— Майор Олифент, если не ошибаюсь? — спросил капитан Сервадак с поклоном.

— Да, майор Олифент, губернатор Сеуты, — ответил офицер и спросил в свою очередь: — С кем имею честь говорить?

— С капитаном Сервадаком, генерал-губернатором Теплой Земли.

— А, очень приятно, — поклонился майор.

— Сударь, — заявил Гектор Сервадак, — разрешите мне выразить удивление по поводу того, что вы обосновались в качестве коменданта на островке, оставшемся от древних владений Испании?

— Разрешаю, капитан.

— Осмелюсь спросить, по какому праву?

— По праву первого, занявшего этот остров.

— Отлично, майор Олифент. Но не думаете ли вы, что испанцы, гостящие сейчас на Теплой Земле, могут предъявить свои права?..

— Нет, не думаю, капитан Сервадак.

— А почему, позвольте узнать?

— Потому что эти самые испанцы уступили остров Сеуту в полную собственность Англии.

— По договору, майор Олифент?

— По договору, составленному по закону и в должной форме.

— В самом деле?

— И даже получили крупную сумму денег британским золотом, капитан Сервадак, в уплату за эту важную уступку.

— Вот оно что, — воскликнул Бен-Зуф, —теперь понятно, почему у Негрете и его ребят звенели денежки в карманах!

Действительно, все произошло так, как говорил майор Олифент. Как мы помним, два английских офицера тайно посетили Сеуту, пока еще там находились испанцы. Англичанам легко удалось убедить их передать остров в полное владение Англии.

Итак, все доводы, на которые рассчитывал капитан Сервадак, отпадали сами собою. Завоевателя и его начальника штаба постигла полная неудача. Он не

решился долее настаивать, боясь, как бы его намерения не разгадали.

— Могу я узнать, чему обязан вашим любезным посещением? — спросил тогда майор Олифент.

— Майор Олифент,— отвечал капитан Сервадак,— я пришел, чтобы оказать услугу вам и вашим товарищам.

— Вот как? — заметил майор тоном человека, который не нуждается ни в чьих услугах.

— Должно быть, майор Олифент, вы не знаете, что произошло, и не подозреваете, что острова Сеута и Гибралтар находятся на поверхности кометы, летящей в межпланетном пространстве?

— Кометы? — повторил майор с недоверчивой улыбкой.

Капитан Сервадак вкратце рассказал ему о последствиях столкновения Галлии с Землей, причем английский офицер выслушал все, не моргнув глазом. Затем капитан добавил, что есть все основания надеяться на встречу с земным шаром и что обитателям Галлии следовало бы объединить свои усилия и предотвратить опасности, связанные с новым столкновением.

— Итак, майор Олифент, если ваш гарнизон и гарнизон Гибралтара захотели бы переселиться на Теплую Землю...

— Чрезвычайно вам признателен, капитан Сервадак, — холодно возразил майор Олифент, — но мы не имеем права покинуть наш пост.

— А почему?

— Мы не получили приказа от нашего правительства, а донесение, адресованное адмиралу Ферфаксу, все еще ждет почтовой оказии.

— Но повторяю вам, мы теперь не на земном шаре, и через два месяца самое большее комета снова встретится с Землей!

— Это нисколько меня не удивляет, капитан Сервадак, — Англия, без сомнения, сделала все возможное, чтобы притянуть нас к себе.

Было очевидно, что майор не поверил ни одному слову из рассказа капитана.

— Как вам угодно! — заявил тот. — Вы упорно желаете сторожить оба поста на Сеуте и Гибралтаре?

— Разумеется, капитан Сервадак, так как они охраняют вход в Средиземное море.

— Ах, майор Олифент, скоро, может быть, и Средиземного моря-то не останется.

— Средиземное море всегда останется на месте, если так будет угодно Англии! Но извините меня, капитан Сервадак, бригадир Мэрфи передает мне по телеграфу новый шахматный ход, весьма смелый. Вы разрешите...

Капитан Сервадак, с раздражением теребя усы, ответил поклоном на прощальный поклон майора Олифента. Английские солдаты вернулись в свое укрепление, а наши завоеватели остались одни у подножия скал.

— Ну что ж, Бен-Зуф?

— Ну что ж, господин капитан? Надо сознаться, прошляпили мы нашу зимнюю кампанию!

— Поедем-ка домой, Бен-Зуф.

— Поедемте, господин капитан, — отвечал Бен-Зуф, у которого даже пропала охота распевать песенки африканского батальона.

И они повернули домой, ничего не добившись и не получив возможности водрузить свой трехцветный флаг.

Обратный путь неудачливых завоевателей не ознаменовался никакими происшествиями, и 9 ноября они вновь вступили на берег Теплой Земли.

Надо сказать, что они вернулись, словно нарочно, во время страшного припадка ярости Пальмирена Розета. Но на сей раз, по правде говоря, профессору было отчего прийти в бешенство!

Как читатели помнят, ученый произвел сызнова ряд наблюдений и вычислений, касающихся Нерины. Теперь он только что их закончил и определил, наконец, все элементы спутника своей кометы[1]..

Но Нерина, которая должна была появиться еще вчера, исчезла с горизонта Галлии. Похищенная, вероятно, каким-нибудь более могущественным астероидом в поясе малых планет, она ускользнула навсегда!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

где обсуждается важный вопрос возвращения на Землю и сообщается о смелом предложении, сделанном лейтенантом Прокофьевым

По возвращении Гектор Сервадак сообщил графу Тимашеву о результате своего визита к англичанам. Он не утаил, что Сеуту продали Англии испанцы, которые, кстати, не имели никакого права ее продавать, и умолчал лишь о крушении своих собственных планов.

Итак, было решено, что раз англичане не желают переселяться на Теплую Землю, колонисты обойдутся и без них. Англичан предупредили о грозящей опасности. Пускай теперь выпутываются, как знают.

Оставалось обсудить важный вопрос о столкновении, которое должно вновь произойти между кометой и земным шаром.

В сущности это было настоящее чудо, что при первом столкновении капитан Сервадак, его спутники, животные, словом все живые существа, унесенные с Земли, не погибли. Это объяснялось тем, что вследствие каких-то неведомых причин движение кометы, по всей вероятности, замедлилось. Если на Земле и были жертвы, то это станет известно лишь впоследствии. Во всяком случае, несомненно одно — никто из людей, похищенных кометой как с острова Гурби, так и с Гибралтара, Сеуты, Мадалены и Форментеры, не пострадал при катастрофе.

Обойдется ли дело так же благополучно при возвращении? Пожалуй, на такой исход не следовало рассчитывать.

Этот серьезный вопрос обсудили днем 10 ноября. Граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев собрались в большой пещере, служившей галлийцам общим залом. Бен-Зуфа, разумеется, тоже пригласили на совещание. Что касается Пальмирена Розета, за которым неоднократно посылали, то он отказался прийти, — этот вопрос нисколько его не интересовал. Со времени исчезновения незабвенной Нерины он был безутешен. Опасаясь потерять свою комету, как

потерял ее сателлита, профессор просил оставить его в покое. Так и поступили.

Капитан Сервадак и граф Тимашев, хоть и сильно охладевшие друг к другу, не выказывали своих тайных чувств и при обсуждении вопроса руководствовались лишь общими интересами.

Капитан Сервадак взял слово первым:

— Господа, сегодня у нас десятое ноября. Если вычисления моего бывшего профессора правильны, — а они должны быть таковыми, — то ровно через пятьдесят один день произойдет новая встреча кометы с Землей. Как вы думаете, должны ли мы принять заранее какие-нибудь меры предосторожности?

— Несомненно, капитан, — отвечал граф Тимашев, — но разве в наших силах принять эти меры и разве судьба наша не в руках провидения?

— Провидение не запрещает людям помогать самим себе, граф, — возразил капитан Сервадак. — Совсем напротив.

— Есть ли у вас какой-либо план действий, капитан Сервадак?

— По правде сказать, никакого.

— Да не может быть, — вмешался Бен-Зуф, — неужели такие ученые господа, как вы, не в обиду вам будь сказано, не сумеют повернуть эту чертову комету туда, куда им заблагорассудится?

— Во-первых, мы не ученые, Бен-Зуф, — отвечал капитан Сервадак, — а если бы и были учеными, то ничего не могли бы поделать. Сам видишь, разве Пальмирен Розет, настоящий ученый...

— Грубиян он, вот кто! — вставил Бен-Зуф.

— Хоть бы и так, все же он настоящий ученый, — а разве он мог помешать своей комете вернуться на Землю!

— Тогда на кой черт нужна наука?

— Чаще всего на то, чтобы понять, как мало мы еще знаем! — отвечал граф Тимашев.

— Господа, — выступил лейтенант Прокофьев, — не подлежит сомнению, что встреча с Землей угрожает нам многими опасностями. Если хотите, я их перечислю,

и мы посмотрим, можно ли с ними бороться или по крайней мере избежать их гибельных последствий.

— Говори, Прокофьев! — приказал граф Тимашев.

Все они так спокойно рассуждали о грозящей катастрофе, что можно было подумать, будто она их нисколько не касалась.

— Господа, — продолжал лейтенант Прокофьев, — надо прежде всего уяснить себе, каким образом может произойти новая встреча кометы с земным шаром. Дальше мы увидим, чего можно опасаться и на что надеяться в каждом отдельном случае.

— Как нельзя более логично, — заметил капитан Сервадак, — не забудьте только, что оба светила несутся навстречу друг другу и что в момент столкновения их скорость достигнет девяноста тысяч лье в час.

— Прямо-таки два курьерских поезда! — позволил себе добавить Бен-Зуф.

— Разберем же, как может произойти столкновение, — продолжал лейтенант Прокофьев. — Удар будет либо боковой, либо лобовой. В первом случае Галлия может лишь слегка задеть Землю, как в первый раз, отколов от нее часть поверхности, и снова унестись в пространство. Но при этом ее орбита, вероятно, изменится, и, если мы останемся в живых, у нас будет мало надежды вновь увидеть наших ближних.

— Это пришлось бы по вкусу Пальмирену Розету, но вовсе не нам, — заметил рассудительный Бен-Зуф.

— Оставим в стороне эту гипотезу, — возразил граф Тимашев. — Мы достаточно изучили на опыте ее преимущества и недостатки. Обсудим прямое столкновение, иначе говоря тот случай, когда Галлия, ударившись о Землю, останется там навсегда.

— Точно бородавка на роже, — вставил Бен-Зуф.

— Помолчи, Бен-Зуф, — сказал Гектор Сервадак.

— Слушаю, господин капитан.

— Посмотрим, — продолжал лейтенант Прокофьев, — каковы будут последствия прямого столкновения. Прежде всего надо принять во внимание, что поскольку масса Земли значительно превосходит массу Галлии, то скорость земного шара при встрече не изменится и он унесет комету с собой.

— Принято во внимание, — сказал капитан Сервадак.

— Итак, господа, в случае прямого столкновения Галлия ударится о Землю либо той частью своей поверхности, которую занимаем мы, либо противоположной стороной, либо одним из своих полюсов. Причем во всех этих случаях у живых существ, ее населяющих, не будет никакой возможности спастись.

— Объяснитесь точнее, лейтенант, — попросил капитан Сервадак.

— Если в момент столкновения удар придется в то место экватора, где мы находимся, мы будем раздавлены.

— Ясно как день! — заметил Бен-Зуф.

— Если мы окажемся на противоположной стороне, то опять-таки будем раздавлены, ибо внезапная остановка равносильна толчку, — мало того, мы еще неизбежно задохнемся. В самом деле, галлийская атмосфера сольется с атмосферой земной, и на вершине горы высотою в сто лье, которую образует Галлия на земной поверхности, нам нечем будет дышать.

— А если Галлия ударится о Землю одним из своих полюсов? — спросил граф Тимашев.

— В этом случае, — ответил лейтенант Прокофьев, — нас подбросит вверх со страшной силой и при падении мы разобьемся насмерть.

— Превосходно! — отозвался Бен-Зуф.

— Вдобавок, если допустить невероятный случай, а именно, что ни одна из этих гипотез не осуществится, мы все равно неминуемо сгорим.

— Сгорим? — удивился Гектор Сервадак.

— Да, потому что, когда Галлия наткнется на препятствие, ее скорость мгновенно обратится в теплоту и вся комета или ее часть тут же вспыхнет от страшного жара в несколько тысяч градусов.

Все, что говорил лейтенант Прокофьев, было совершенно справедливо. Его слушатели внимательно смотрели на него, следя без особого удивления за развитием этих различных гипотез.

— Однако, господин Прокофьев, — вмешался

Бен-Зуф, — один только вопрос: что, если Галлия шлепнется в море?

— Как ни глубоки Атлантический и Тихий океаны, — возразил лейтенант Прокофьев, — а их глубина не превышает нескольких лье, — слой воды все же недостаточен, чтобы смягчить удар. Итак, все описанные мною последствия одинаково гибельны.

— Да мы еще утопимся впридачу! — добавил Бен-Зуф.

— Итак, господа, — заключил капитан Сервадак, — мы разобьемся, утонем, будем раздавлены, задохнемся или изжаримся; вот какая судьба нас ожидает при любых обстоятельствах, каким бы образом ни произошла встреча.

— Совершенно верно, капитан Сервадак, — без колебания ответил лейтенант Прокофьев.

— Ну что ж, — заявил Бен-Зуф, — раз такое дело, я вижу только один выход.

— Какой же? — спросил Гектор Сервадак.

— Покинуть Галлию еще до столкновения.

— Но как, каким способом?

— О, способ самый простой! — невозмутимо ответил Бен-Зуф. — Его вовсе нету.

— Быть может, однако... — проговорил лейтенант Прокофьев.

Все взоры устремились на лейтенанта, который, обхватив голову руками, обдумывал какой-то смелый план.

— Быть может, — повторил он, — каким бы фантастическим ни показался вам мой план, его все же следует осуществить.

— Говори, Прокофьев, — ободрил его граф Тимашев.

Лейтенант, погрузившись в размышления, помолчал еще несколько минут. Потом заговорил.

— Бен-Зуф, — заявил он, — указывал единственный выход, который нам остается: покинуть Галлию до столкновения.

— Разве это возможно? — спросил граф Тимашев.

— Да... может быть... да!

— Но как же?

— На воздушном шаре!..

— На воздушном шаре! — воскликнул капитан Сервадак. — Но он же отчаянно устарел, ваш воздушный шар! Даже в романах о нем уже не принято упоминать.

— Прошу выслушать меня, господа, — продолжал лейтенант Прокофьев, слегка нахмурив брови. — Точно зная время встречи с Землей, мы можем за час раньше подняться в воздух. Как и сама комета, атмосфера Галлии наделена определенной скоростью движения, и наш шар, попав в нее, приобретет ту же скорость. Но еще до столкновения обе атмосферы могут слиться, и вполне вероятно, что воздушный шар без помех перелетит из одной атмосферы в другую и, избежав толчка, продержится в воздухе, пока будет длиться катаклизм.

— Молодец Прокофьев, — сказал граф Тимашев, — мы все поняли и сделаем то, что ты сказал!

— Из ста шансов девяносто девять против нас! — продолжал лейтенант Прокофьев.

— Девяносто девять?

— По меньшей мере, ибо, как только поступательное движение шара прекратится, он непременно сгорит.

— И он тоже? — воскликнул Бен-Зуф.

— И он тоже вместе с кометой, — ответил Прокофьев. — Если только при слиянии двух атмосфер... Сам не знаю... затрудняюсь сказать... но мне кажется, будет лучше, если к моменту столкновения мы уже покинем поверхность Галлии.

— Да, да! — сказал капитан Сервадак. — Будь у нас один только шанс из ста тысяч, мы должны рискнуть!

— Но у нас нет водорода, чтобы надуть воздушный шар... — заметил граф Тимашев.

— Его заменит нагретый воздух, — возразил Прокофьев, — ведь нам нужно продержаться в воздухе не более часу.

— Отлично, — подхватил капитан Сервадак, — воздушный шар монгольфьер... это проще и легче соорудить... А оболочка?

— Мы выкроим ее из парусов «Добрыни», они сшиты из прочной и легкой парусины.

— Хорошо сказано, Прокофьев, — похвалил его граф Тимашев. — Право же, у тебя на все готов ответ.

— Ура! Браво! — крикнул в заключение Бен-Зуф.

Действительно, лейтенант Прокофьев предложил чрезвычайно смелый план. Однако, так как колонистам все равно грозила гибель, надо было идти на риск. Для этого следовало точно установить не только час, но, если возможно, минуту и даже секунду, в которую произойдет столкновение.

Капитан Сервадак вызвался как можно осторожнее и деликатнее выведать это у Пальмирена Розета. Итак, в тот же день под руководством лейтенанта колонисты приступили к изготовлению монгольфьера, и довольно большого, ибо он должен был поднять всех обитателей Теплой Земли, то есть двадцать три человека — об англичанах с Гибралтара и Сеуты больше не приходилось заботиться.

Стремясь увеличить шансы на спасение при встрече с Землей, лейтенант Прокофьев хотел подольше продержаться в воздухе. Возможно также, что аэронавтам придется искать удобную площадку для спуска, и надо постараться, чтобы в нужную минуту шар не отказался им служить. Вот почему лейтенант Прокофьев принял решение захватить с собой некоторый запас топлива — сухой травы и соломы, чтобы нагревать воздух, наполняющий монгольфьер. Так поступали в прежнее время первые воздухоплаватели.

Паруса «Добрыни», сложенные в Улье Нины, были сделаны из чрезвычайно плотной парусины; покрыв ее лаком, нетрудно было добиться, чтобы ткань стала еще более непроницаемой для воздуха. Все нужные материалы имелись среди товаров тартаны и, значит, в распоряжении лейтенанта. Кроме того, лейтенант Прокофьев тщательно разметил, как надо кроить паруса. Все, не исключая и крошки Нины, принялись за шитье полотнищ. Опытные в этом ремесле русские матросы научили испанцев, как взяться за дело, и работа в новой швейной мастерской дружно закипела.

Оговоримся: работали все, за исключением ростовщика, об отсутствии которого никто не жалел, и Паль-

мирена Розета, не желавшего и слышать о сооружении какого-то монгольфьера!

Целый месяц прошел в напряженном труде. А капитан Сервадак все еще не улучил минуты задать своему бывшему профессору вопрос о предстоящей встрече двух светил. Пальмирен Розет был неприступен. Его не видели по целым дням. С тех пор как температура стала довольно сносной, он перебрался в свою обсерваторию, уединился там и никого к себе не допускал. Он грубо пресек первую же попытку капитана Сервадака затронуть этот вопрос. Более чем когда-либо раздосадованный возвращением на Землю, он нисколько не интересовался грозящими опасностями и не желал ничего делать для общего спасения.

Однакоже необходимо было знать с величайшей точностью, в какой именно момент столкнутся оба светила, летящие со скоростью двадцати семи лье в секунду.

Капитану Сервадаку пришлось вооружиться терпением, и он им вооружился.

Тем временем Галлия продолжала неуклонно приближаться к Солнцу. Диск земного шара заметно увеличивался на глазах у галлийцев. За ноябрь месяц комета пролетела пятьдесят девять миллионов лье и 1 декабря находилась всего лишь в семидесяти восьми миллионах лье от Солнца.

Температура значительно повысилась, началась оттепель, лед тронулся. Великолепную картину представляло море, где трескались и дробились ледяные глыбы. Слышался величественный «голос льдов», о котором говорят китоловы. По склонам вулкана и береговых скал струились змейками первые ручейки. С каждым днем появлялись все новые потоки и водопады. Снег на вершине вулкана подтаивал со всех сторон.

В то же время на горизонте стали сгущаться водяные пары. Мало-помалу образовались облака, быстро гонимые ветром, который ни разу не дул в течение всей долгой галлийской зимы. В ближайшем будущем следовало ожидать гроз или бурь, но никого это не пугало; в эти дни вместе с теплом и светом на поверхность кометы возвращалась жизнь.

Между тем тут произошли два давно ожидаемых события, повлекшие за собой гибель галлийского морского флота.

К началу ледохода шкуна и тартана все еще возвышались на сто футов над уровнем моря. Их огромный пьедестал, оседая и подтаивая, все более накренялся. Теплая весенняя вода подтачивала его основание, как это случается с айсбергами в арктических морях, и вся громада грозила вскоре обрушиться. Спасти оба судна было немыслимо, и заменить их мог только воздушный шар.

Крушение произошло в ночь с 12 на 13 декабря. Вследствие потери равновесия вся ледяная глыба опрокинулась. От «Ганзы» и «Добрыни», разбившихся о прибрежные рифы, остались одни обломки.

Это несчастье, которого колонисты ожидали, но не в силах были предотвратить, произвело на них тягостное впечатление. Им казалось, что они потеряли что-то родное, связанное с далекой Землей.

Невозможно передать всех жалоб и причитаний Исаака Хаккабута при внезапном крушении его тартаны, всех проклятий, которыми он осыпал «нечестивое племя». Он обвинял во всем капитана Сервадака и его помощников. Ведь если бы его не принудили отвести «Ганзу» в бухту Теплой Земли, если бы оставили судно в гавани острова Гурби, ничего бы не случилось! Они сделали это против его воли, они ответственны за его разорение, и уж он сумеет, вернувшись на Землю, притянуть к суду тех, кто причинил ему такие убытки.

— Заткните глотку, почтенный Исаак, а не то я закую вас в кандалы! — воскликнул капитан Сервадак.

Исаак Хаккабут замолк и забился в свою нору.

Четырнадцатого декабря монгольфьер был закончен. Тщательно сшитая и покрытая лаком оболочка шара оказалась необычайно прочной. Сетку сплели из тонких снастей «Добрыни». Гондола, сооруженная из ивовых переборок, взятых из трюма «Ганзы», была достаточно велика, чтобы вместить двадцать три пассажира. В сущности дело шло лишь о кратковременном полете, — надо было успеть проскользнуть вместе

с атмосферой Галлии в земную атмосферу. Тут уж нечего было думать об удобствах.

Итак, галлийцам оставалось только разрешить вопрос о часе, минуте и секунде столкновения, вопрос, на который сварливый упрямец Пальмирен Розет все еще не давал ответа.

К тому времени Галлия вновь пересекла орбиту Марса, находившегося от нее приблизительно на расстоянии пятидесяти шести миллионов лье. Значит, теперь уже нечего было опасаться.

Между тем именно тогда, в ночь на 15 декабря, галлийцы подумали было, что пришел их последний час. Началось что-то вроде «землетрясения». Вулкан зашатался, словно от сильного подземного толчка. Капитану Сервадаку и его спутникам показалось, будто комета раскалывается, и они поспешно покинули колеблющийся вулканический массив.

В то же время из обсерватории донеслись пронзительные крики, и на берег выбежал злополучный профессор, неся в руках обломки своей астрономической трубы.

Но сочувствовать ему было некогда. В эту же мрачную ночь на небе Галлии появился какой-то новый сателлит.

То был осколок самой кометы!

Под действием внутренних сил Галлия раскололась надвое. Огромный кусок, отделившись от нее, умчался в пространство, унося с собой англичан с Сеуты и Гибралтара!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

из которой мы узнаем, что галлийцы готовятся обозревать свой астероид с птичьего полета

Каковы могли быть последствия этого важного события для самой Галлии? Капитан Сервадак и его товарищи еще не решались ответить на этот вопрос.

Вскоре над горизонтом показалось Солнце, и взошло оно гораздо быстрее, чем раньше. Причиной этого было

раздвоение кометы. В самом деле, если Галлия и продолжала вращаться вокруг своей оси в том же направлении, то есть с востока на запад, то период ее обращения уменьшился наполовину. Промежуток между двумя восходами Солнца сократился до шести часов вместо двенадцати. Через три часа после своего появления лучезарное светило уже закатывалось за противоположной линией горизонта.

— Что за черт! — воскликнул капитан Сервадак. — Ведь это увеличит наш год до двух тысяч восьмисот дней!

— На такой календарь и святых не напасешься! — прибавил Бен-Зуф.

И действительно, пожелай Пальмирен Розет приспособить свой календарь к новым галлийским суткам, ему пришлось бы включить туда не только 238 июня, но и 325 декабря!

Что касается осколка Галлии, на котором унесло англичан вместе с Гибралтаром, то вскоре обнаружилось, что он отнюдь не вращается вокруг кометы. Напротив, он удалялся от нее. Но захватил ли он с собой часть моря и хоть некоторое количество галлийской атмосферы? Сохранились ли на нем пригодные для жизни условия? И, наконец, вернется ли он когда-нибудь на Землю?

Мы узнаем об этом позже.

Как сказалось раздвоение кометы на ее полете в пространстве? Вот каким вопросом прежде всего заинтересовались граф Тимашев, капитан Сервадак и лейтенант Прокофьев. Они сразу почувствовали, как возросла их мускульная сила, и обнаружили таким образом новое уменьшение силы тяжести. Если масса Галлии сократилась, не изменится ли также скорость движения кометы и не следует ли опасаться, что она опоздает или прибудет слишком рано на место встречи с Землей?

Это было бы непоправимым несчастьем!

Но изменилась ли хоть на немного скорость Галлии? Лейтенант Прокофьев этого не думал. Однако, не обладая достаточными познаниями в астрономии, он не решался что-либо утверждать.

Один Пальмирен Розет мог ответить на этот вопрос. Значит, было необходимо тем или иным способом — убеждением или силой — заставить его говорить и кстати указать с точностью до секунды, когда именно должна произойти встреча.

Все последующие дни профессор находился в отвратительном настроении. Неизвестно, вызывалось ли это потерей пресловутой трубы или же тем, что раздвоение нисколько не изменило скорости Галлии, и, следовательно, в назначенный час она все равно встретится с Землей. В самом деле, если бы комета убежала вперед или запоздала, если бы возвращение на Землю стало сомнительным, Пальмирен Розет не сумел бы скрыть своего торжества. Раз он не выказывал никакой радости, значит радоваться было нечему, по крайней мере в этом вопросе.

Капитан Сервадак и его спутники пришли к такому выводу, наблюдая за астрономом, но этого им было мало. Назрела необходимость выведать тайну у старого упрямца.

Наконец, капитану Сервадаку повезло. Вот как это случилось.

Наступило 18 декабря. Между профессором и Бен-Зуфом разгорелся яростный спор. Тот посмел оскорбить ученого в лице его любимой кометы! Нечего сказать, хороша звезда, которая разбивается надвое, как детская игрушка, лопается, как мыльный пузырь, раскалывается, как сухой орех! Живешь на ней, точно на разрывном снаряде или на бомбе с зажженным фитилем! И прочее в таком же роде. Легко можно вообразить, чего только ни наболтал Бен-Зуф, сев на своего любимого конька. Оба спорщика попрекали друг друга, один — Галлией, другой — Монмартром.

Случаю угодно было, чтобы в самый разгар перебранки явился капитан Сервадак. Не было ли то внушением свыше? Только он решил, что раз от Пальмирена Розета ничего не добьешься добром, надо попытаться воздействовать на него грубостью, — и с жаром вступился за Бен-Зуфа.

Разгневанный профессор немедленно осыпал его самой язвительной бранью.

Притворно рассерженный капитан Сервадак в конце концов заявил:

— Господин профессор, вы позволяете себе дерзости, которые мне не по вкусу, и я не намерен долее их терпеть! Вы не отдаете себе отчета в том, что говорите с генерал-губернатором Галлии!

— А вы, — огрызнулся вспыльчивый астроном, — вы забываете, что беседуете с ее законным владельцем.

— Это чепуха, сударь. Ваши права собственности, в сущности говоря, весьма спорны!

— Спорны?

— И раз мы уже никогда больше не возвратимся на Землю, вы обязаны с этого дня подчиняться законам, установленным на Галлии!

— Ах вот как? — переспросил Пальмирен Розет. — Значит, теперь я обязан вам подчиняться?

— Вот именно.

— И это потому, что Галлия не должна встретиться с Землей?

— Да, и нам предстоит остаться здесь навеки, — ответил капитан Сервадак.

— А почему это Галлия не должна, по-вашему, встретиться с Землей? — спросил профессор тоном глубочайшего презрения.

— Потому что с тех пор как она раздвоилась, — пояснил капитан Сервадак, — ее масса уменьшилась и, следовательно, ее скорость не могла не измениться.

— Кто это говорит?

— Я сам и все остальные.

— В таком случае, капитан Сервадак, и вы сами и все остальные, вы просто круглые...

— Осторожнее, господин Розет!

— Круглые невежды, безмозглые ослы, ничего не смыслящие ни в небесной механике...

— Берегитесь!

— Ни даже в элементарной физике...

— Сударь!

— Ага, скверный ученик! — крикнул профессор, окончательно рассвирепев. — Я не забыл, что когда-то своим невежеством вы позорили мой класс!

— Это уже слишком!

— Что вы были посмешищем лицея Карла Великого!

— Замолчите, не то...

— Нет, не замолчу, и вы меня выслушаете, несмотря на свой капитанский чин! Нечего сказать! Хороши физики! Если масса Галлии уменьшилась, они уже вообразили, будто это могло изменить ее тангенциальную скорость! Точно эта скорость не зависит исключительно от взаимодействия первоначальной скорости и силы притяжения Солнца! Точно нельзя определить возмущающие действия на светила, не приняв в расчет их массы! Известна ли масса комет? Нет. Вычисляют ли их пертурбации? Да! Эх вы, жалкие невежды!

Профессор был вне себя. Бен-Зуф, принимая всерьез гнев капитана Сервадака, предложил ему:

— Хотите, господин капитан, я разорву его на части, разрублю пополам, как его проклятую комету?

— Только троньте меня, попробуйте! — завопил Пальмирен Розет, выпрямляясь во весь свой маленький рост.

— Сударь! — живо вмешался капитан Сервадак, — я сумею вас образумить, поверьте!

— А я за угрозы и оскорбление действием привлеку вас к суду!

— К суду на Галлии?

— Нет, капитан, к настоящему суду, на Земле!

— Вот испугали! Земля от нас далеко! — засмеялся капитан Сервадак.

— Как бы далека она ни была, — воскликнул Пальмирен Розет, не помня себя от бешенства, — тем не менее мы пересечем ее орбиту в восходящем узле в ночь с тридцать первого декабря на первое января и столкнемся с ней ровно в два часа сорок семь минут тридцать пять и шесть десятых секунды ночи!..

— Дорогой профессор, — перебил его капитан Сервадак с любезным поклоном, — это все, что мне нужно было узнать!

И с этими словами он покинул совершенно сбитого с толку Пальмирена Розета, которому Бен-Зуф счел нужным отвесить не менее почтительный поклон, чем капитан.

Наконец-то Гектор Сервадак и его товарищи узнали то, что так жаждали узнать. Столкновение произойдет в два часа сорок семь минут тридцать пять и шесть десятых секунды утра.

Итак, до встречи с Землей оставалось еще пятнадцать земных дней, то есть тридцать два галлийских дня по старому календарю, или же шестьдесят четыре дня по новому исчислению.

Тем временем, готовясь к вылету, все трудились с необычайным рвением. Галлийцы спешили как можно скорее покинуть комету. Монгольфьер лейтенанта Прокофьева представлялся им наиболее надежным способом достигнуть земной поверхности. Всем казалось, что проникнуть в атмосферу Земли вместе с галлийской атмосферой — самая легкая вещь на свете. Они забывали о множестве опасностей, связанных с этим небывалым в истории воздухоплаванья перелетом. По их мнению, не было ничего проще, хотя лейтенант Прокофьев не раз серьезно предупреждал товарищей, что стоит монгольфьеру внезапно остановиться в своем поступательном движении, и он неминуемо сгорит вместе со всем экипажем: они могут спастись только чудом. Капитан Сервадак, подбадривая других, намеренно расписывал предстоящее путешествие в самых радужных тонах. Что до Бен-Зуфа, то он всю жизнь мечтал о прогулке на воздушном шаре и был в восторге, что желание его исполнилось.

Граф Тимашев и лейтенант Прокофьев одни только ясно сознавали, сколько опасностей таит в себе эта дерзкая попытка. Но они были готовы ко всему.

К тому времени, освободившись ото льда, море стало вновь пригодным для судоходства. Паровой катер привели в порядок и, израсходовав остатки угля, совершили несколько рейсов на остров Гурби.

В первое плаванье отправились капитан Сервадак, Прокофьев и несколько русских матросов. Они обнаружили, что долгая зима пощадила остров, караульню и гурби. По лугам струились ручейки. Птицы, стремительно покинув Теплую Землю, перелетели на этот плодородный клочок суши, покрытый зеленью лугов и деревьев. Под воздействием экваториальной жары,

стоявшей во время кратких трехчасовых дней, распускались новые незнакомые растения. Лучи Солнца, отвесно падая на почву, грели с необычайной силой. Почти сразу после суровой зимы наступило знойное лето.

На острове Гурби собрали для топлива запас травы и соломы, чтобы наполнить монгольфьер нагретым воздухом. Если бы огромный воздушный шар не был таким громоздким, его, вероятно, переправили бы морем на остров Гурби. Однако после обсуждения решено было, что удобнее всего подняться с Теплой Земли и туда же доставить топливо для нагревания воздуха.

Для повседневных нужд колонисты уже начали жечь обломки обоих кораблей. Когда дело дошло до обшивки тартаны, Исаак Хаккабут попытался было протестовать, но Бен-Зуф пригрозил, что его заставят уплатить пятьдесят тысяч франков за место в гондоле, если он только посмеет рот раскрыть.

Исаак Хаккабут вздохнул и покорился.

Наступило 25 декабря. Все приготовления к вылету были закончены. Рождество отпраздновали так же, как и в прошлом году, только с еще более горячим религиозным чувством. Что касается нового года, то все эти славные люди твердо верили, что встретят его на Земле, а Бен-Зуф даже пообещал юному Пабло и крошке Нине богатые новогодние подарки.

— Можете считать, что они у вас в руках! — заверил он их.

Хоть и трудно поверить, но капитан Сервадак и граф Тимашев в последние дни перед великим событием думали не об опасности перелета на Землю, а совсем о другом. Холодность, которую они выказывали друг к другу, отнюдь не была притворной. Два года, проведенные вместе вдалеке от Земли, уже казались им забытым сном, и они готовились встретиться в реальной земной жизни как противники. Очаровательный женский образ снова встал между ними, мешая им относиться друг к другу попрежнему.

И тут капитану Сервадаку пришло на ум закончить пресловутое рондо, последнее четверостишие которого осталось недописанным. Еще несколько строк, и пре-

лестное стихотворение будет готово. Галлия похитила с Земли поэта, пусть же он и вернется туда как поэт!

И капитан Сервадак между делом перебирал в уме все свои неблагозвучные рифмы.

Что до других обитателей колонии, то граф Тимашев и лейтенант Прокофьев мечтали как можно скорее увидеть Землю, а у русских матросов было только одно желание: следовать за своим барином повсюду, куда ему будет угодно, хоть на край света.

Испанцам же жилось на Галлии так хорошо, что они охотно остались бы там навсегда. А впрочем, Негрете с приятелями все же были бы рады увидеть вновь поля родной Андалузии.

Ну, а Пабло и Нина, те были в восторге вернуться на Землю с новыми друзьями, лишь бы никогда не разлучаться друг с другом.

Только один человек был недоволен — сварливый Пальмирен Розет. Он негодовал, бушевал, клялся, что ни за что не сядет в корзину. Нет, ни за что! Он не желал покидать своей кометы. Дни и ночи он проводил за астрономическими наблюдениями. Ах, как ему недоставало его замечательной, горько оплакиваемой трубы! Ведь как раз теперь Галлия должна вступить в зону падающих звезд! Он мог бы наблюдать там редкостные явления, сделать необыкновенные открытия!

С отчаяния Пальмирен Розет прибегнул к героическому средству — он попытался расширить свои зрачки, чтобы хоть как-нибудь заменить оптическую мощность разбитой трубы. Стащив белладонну в аптечке Ульэ Нины, профессор без конца глотал это лекарство и чуть все глаза себе не проглядел, наблюдая за звездным небом. Но хоть он и увеличил силу света, отражавшегося на сетчатой оболочке своих глаз, однако ничего толком не увидел и ничего не открыл.

Последние дни прошли среди всеобщего лихорадочного возбуждения. Лейтенант Прокофьев следил за последними приготовлениями, вникая во все мелочи. Две мачты со шкуны были поставлены на берегу и поддерживали огромный монгольфьер, еще не наполненный воздухом, но уже заключенный в сетку. Тут же стояла гондола, достаточно вместительная для два-

дцати трех пассажиров. К бортам ее прикрепили несколько пустых бурдюков, чтобы корзина могла продержаться некоторое время на воде, на тот случай, если монгольфьер опустится в море недалеко от берега. Разумеется, при падении в океан корзина скоро затонет вместе с экипажем, если только поблизости не окажется какого-нибудь корабля, чтобы подобрать людей на борт.

Миновало двадцать шестое, двадцать седьмое, двадцать восьмое, двадцать девятое и тридцатое декабря. Колонистам оставалось провести на Галлии всего лишь сорок восемь часов по земному времени.

Наступило 31 декабря. Пройдет еще двадцать четыре часа, и монгольфьер, поднявшись вверх под действием нагретого воздуха, будет парить в галлийском небе. Правда, атмосфера здесь менее плотная, чем на Земле, но надо принять во внимание, что вследствие меньшей силы притяжения сам воздушный шар окажется легче.

Галлия находилась теперь на расстоянии лишь сорока миллионов лье от Солнца, то есть несколько дальше от него, чем Земля. Комета приближалась с огромной скоростью к земной орбите, которую должна была пересечь в восходящем узле, как раз в той точке эклиптики, где в этот момент окажется и земной шар.

Что же касается расстояния между кометой и Землей, оно сократилось уже до двух миллионов лье, и оба светила, стремясь навстречу друг другу, должны были преодолеть его со скоростью восьмидесяти семи тысяч лье в час, из которых на долю Галлии приходилось пятьдесят семь тысяч, на долю Земли — около двадцати девяти тысяч.

Наконец, в два часа утра галлийцы приготовились к вылету. Встреча должна была произойти через сорок семь минут и тридцать пять секунд.

Вследствие изменения периода вращения Галлии вокруг своей оси там уже рассвело; занималась заря и на той стороне земного шара, которую должна была задеть комета.

Уже час назад наполнение монгольфьера теплым воздухом было закончено. Оно удалось как нельзя лучше. Огромный воздухоплавательный аппарат, покачиваясь между мачтами, был готов к отлету. Подвешенная к сетке гондола поджидала пассажиров.

Галлию отделяло от Земли только семьдесят пять тысяч лье.

Первым занял место в корзине Исаак Хаккабут. Но тут капитан Сервадак заметил, что ростовщик опоясан непомерно широким и толстым кушаком.

— Что там у вас? — спросил он.

— Здесь, господин губернатор, — отвечал Исаак Хаккабут, — здесь все мои скромные сбережения, я уношу их с собой.

— А сколько весят ваши скромные сбережения?

— О! всего-навсего тридцать кило, даже меньше.

— Тридцать кило? А у нашего монгольфьера и так едва хватит сил, чтобы поднять нас в воздух! Выбросьте за борт, почтенный Исаак, этот бесполезный груз.

— Но позвольте, господин губернатор!

— Бесполезный, говорю я, потому что мы не можем перегружать корзину!

— Боже всемогущий! — воскликнул Исаак. — Все мое добро, все мое состояние, добытое с таким трудом!

— Эх, почтенный Исаак, вам отлично известно, что ваши деньги не будут иметь на Земле никакой ценности, ведь Галлия содержит в себе двести сорок шесть секстильонов золота!

— Но, господин губернатор, помилосердствуйте!..

— Ну-ка, Маттафия, — вмешался тут Бен-Зуф, — или избавь нас от своего присутствия, или от твоего золота — выбирай сам!

И злополучный Исаак вынужден был расстаться со своим огромным кушаком, испуская столь жалобные вопли и проклятия, что мы даже не беремся их передать.

С Пальмиреном Розетом предстояли трудности совсем иного рода. Сердитый ученый ни за что не хотел покидать своей кометы. Почему его насильно

выселяют из собственных владений! А их жалкий монгольфьер — самое нелепое изобретение на свете! При перелете из одной атмосферы в другую воздушный шар непременно вспыхнет и сгорит дотла, как пучок соломы. Гораздо безопаснее остаться на Галлии, а если сверх ожидания Галлия лишь слегка заденет Землю, Пальмирен Розет с радостью полетит на ней дальше. Словом, множество разных доводов вперемешку с яростными проклятиями и смешными угрозами жестоко наказать ученика Сервадака!

Несмотря ни на что, два дюжих матроса впихнули профессора в гондолу, предварительно связав его по рукам и ногам. Капитан Сервадак твердо решил не оставлять Пальмирена Розета на Галлии и потому велел погрузить его на монгольфьер таким не совсем деликатным способом.

Обеих лошадей и козочку Нины пришлось бросить. Как ни огорчились этим капитан, Бен-Зуф и девочка, но взять животных с собою было невозможно. Нашлось место только для голубя Нины. Кто знает, не пригодится ли воздухоплавателям этот голубь в качестве посланца между ними и земным шаром?

Граф Тимашев и лейтенант Прокофьев по знаку капитана тоже уселись в гондолу.

Этот последний со своим верным Бен-Зуфом еще оставался на галлийской почве.

— Ну, Бен-Зуф, твой черед, — сказал капитан.

— После вас, господин капитан!

— Нет. Я должен остаться последним, как командир гибнущего корабля!

— Однако...

— Влезай, говорят тебе!

— Только повинуясь приказу! — нехотя ответил Бен-Зуф.

Бен-Зуф перелез через край гондолы. Капитан Сервадак поднялся после него.

Тогда перерезали канаты, и монгольфьер величественно поднялся в небо.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой минута за минутой отмечаются все чувства и впечатления пассажиров воздушного шара

Монгольфьер поднялся на высоту двух тысяч пятисот метров. Лейтенант Прокофьев решил держаться именно в этих слоях атмосферы. В жаровне из железной проволоки, подвешенной к шару, нетрудно было в случае необходимости разжечь сухую траву, поддерживая нужную температуру воздуха в монгольфьере, чтобы он не опускался.

Сидя в гондоле, пассажиры оглядывались вокруг, смотрели вниз и на небо над головой.

Внизу под ними расстилалась широкая гладь Галлийского моря, казавшаяся несколько вогнутой. На севере виднелась одинокая темная точка — это был остров Гурби.

Напрасно было бы искать на западе островки Гибралтар и Сеута. Они исчезли без следа.

На юге возвышалась огнедышащая гора, господствуя над побережьем и обширной территорией Теплой Земли. Полуостров соединялся с материком, окаймлявшим Галлийское море, — и повсюду все та же странная кристаллическая горная порода, искрящаяся под лучами Солнца. Повсюду все тот же золотоносный теллурид, из которого как будто целиком состояла комета.

Вокруг гондолы, над горизонтом, который расширялся по мере того как монгольфьер набирал высоту, простиралось небо, необычайно ясное и прозрачное. На северо-западе, в противостоянии с Солнцем, плыло в небе какое-то светило, меньше планеты, меньше астероида, нечто вроде болида. Это был кусок Галлии, отторгнутый от нее какой-то неведомой внутренней силой. Светило удалялось от них, следуя по своей новой траектории, и расстояние от него измерялось уже несколькими тысячами лье. Впрочем, болид был слабо виден днем и лишь с наступлением темноты казался, вероятно, светящейся точкой.

Наконец, вверху, несколько сбоку от них, сиял во всем своем великолепии земной шар. Казалось, будто

он летит прямо на Галлию, занимая значительную часть небосвода.

Этот ярко освещенный диск слепил глаза. Расстояние до него настолько сократилось, что уже нельзя было различить оба полюса сразу. Галлия находилась вдвое ближе от Земли, чем Луна, и неизменно приближалась к ней со все возрастающей скоростью. На поверхности Земли выделялись различные пятна; одни блестели — то были материки, другие темнели, поглощая солнечные лучи, — то были океаны. Сверху медленно плыли длинные белые полосы, очевидно серые или черные с обратной стороны: это были облака, рассеянные по земной атмосфере.

Но вскоре, приближаясь со скоростью двадцати девяти лье в секунду, смутный, неясный земной диск приобрел более четкие очертания. Обозначились длинные извилистые ленты берегов, отчетливо выступили горы и возвышенности, хребты и долины. Наблюдателям с монгольфьера стало казаться, будто они склоняются над огромной рельефной картой земной коры.

В два часа двадцать семь минут ночи комету отделяло от земного сфероида всего лишь тридцать тысяч лье. Оба светила мчались навстречу друг другу. К двум часам тридцати семи минутам оставалось пролететь пятнадцать тысяч лье.

Основные очертания диска уже можно было ясно различить, и тут лейтенант Прокофьев, граф Тимашев и капитан Сервадак разом воскликнули:

— Европа!

— Россия!

— Франция!

Они не ошиблись. Земля была обращена к Галлии тем полушарием, где находится европейский материк. В ярком свете утра легко было узнать очертания каждой страны.

Воздухоплаватели смотрели с глубоким волнением на эту родную, грозящую им гибелью Землю. Они только о том и думали, чтобы спуститься туда, позабыв об ожидавших их опасностях. Наконец-то они возвращались к людям, которых уже не надеялись больше увидеть!

Да, перед их глазами была, несомненно, Европа. Они видели различные государства, входящие в ее состав, с их прихотливыми очертаниями, данными самой природой или установленными по международным договорам. Вот она как на ладони!

Вот Англия, похожая на леди, шествует к востоку, в платье со смятыми складками и с затейливой прической из островов и островков.

Скандинавский полуостров, словно великолепный лев, выгибая спину, бросается на Европу из ледяных просторов полярных морей.

Россия, огромный полярный медведь, повернув голову к азиатскому материку, опирается левой лапой на Турцию и правой на Кавказ.

Австрия, большая кошка, свернувшись в клубок, спит беспокойным сном.

Испания развевается, как флаг, на краю Европы, с Португалией вместо древка.

Турция, точно сердитый петух, цепляясь одной ногой за азиатский берег, когтями другой лапы душит Грецию.

Италия, узкий изящный сапог, как будто жонглирует Сицилией, Сардинией и Корсикой.

Пруссия, чудовищный топор, глубоко вонзается в германскую империю, задевая Францию своим лезвием.

И наконец Франция выпрямляет свой могучий торс с Парижем на месте сердца.

Да, все было на виду, все можно было угадать. Волнение переполняло сердца воздухоплавателей. Но вот среди общего напряженного молчания раздался радостный возглас Бен-Зуфа:

— Монмартр!

И было бы совершенно бесполезно убеждать денщика капитана Сервадака, что на таком расстоянии немыслимо разглядеть его любимый холм.

Что до Пальмирена Розета, то, высунув голову из гондолы, он глаз не сводил с покинутой Галлии, которая плыла внизу на расстоянии двух тысяч пятисот метров. Он и смотреть не желал на приближавшуюся

Землю, устремив все внимание на свою утраченную комету, ярко сиявшую отраженным светом.

Лейтенант Прокофьев с хронометром в руках отсчитывал минуты и секунды. По его приказу в жаровне время от времени раздували огонь, чтобы удерживать монгольфьер на нужной высоте.

В гондоле говорили мало. Капитан Сервадак и граф Тимашев жадно впивались глазами в родную землю. Монгольфьер находился несколько сбоку от Галлии и вместе с тем позади нее, это означало, что в своем падении комета должна опередить воздухоплавателей, — обстоятельство весьма благоприятное, так как воздушный шар при переходе в земную атмосферу не окажется под Галлией.

Но куда же упадет монгольфьер?

Упадет ли он на сушу? Если так, то придет ли им кто-нибудь на помощь? Встретят ли они там людей?

Упадет ли он в океан? Если так, то можно ли надеяться на чудо? Окажется ли поблизости корабль, чтобы спасти потерпевших крушение воздухоплавателей?

Сколько опасностей грозит им со всех сторон! Разве не прав был граф Тимашев, говоря, что судьба их находится всецело в руках божьих?

— Два часа сорок две минуты! — произнес лейтенант Прокофьев среди всеобщего молчания.

Еще пять минут тридцать пять и шесть десятых секунды, и оба светила столкнутся!.. Их отделяло друг от друга меньше восьми тысяч лье.

Лейтенант Прокофьев заметил, что комета летит несколько косо по направлению к Земле. Два тела двигались не по одной прямой. Однако следовало ожидать, что на этот раз Галлия упадет на Землю, а не заденет ее на лету, как два года назад, и если даже не произойдет прямого удара, то во всяком случае Галлия «здорово шмякнется», по выражению Бен-Зуфа.

Но неужели, если никто из воздухоплавателей не переживет столкновения, если захваченный воздушными течениями монгольфьер в момент слияния двух атмосфер разорвется и упадет на Землю, если ни одному из галлийцев не суждено вернуться к своим близким, —

неужели же исчезнет навсегда всякое воспоминание о них самих, об их пребывании на комете, об их странствованиях по околосолнечному миру?

Нет. Этого нельзя допустить. Капитана Сервадака осенила блестящая мысль. Вырвав листок из записной книжки, он написал на нем название кометы, названия островов и местностей, унесенных с земного шара, имена своих спутников и скрепил эти сведения своей подписью.

Затем он попросил Нину дать ему почтового голубя, которого она крепко прижимала к груди.

Нежно поцеловав голубя, девочка беспрекословно отдала его капитану.

Капитан Сервадак взял птицу и, привязав ей на шею записку, пустил в пространство.

Голубь, кружась в галлийской атмосфере, опустился и полетел под воздушным шаром.

Еще две минуты, и еще около трех тысяч двухсот лье! Два светила сближались со скоростью, в три раза превышающей скорость прохождения Земли по эклиптике.

Бесполезно пояснять, что пассажиры гондолы совсем не ощущали этой головокружительной быстроты и им казалось, будто их шар висит в воздухе совершенно неподвижно.

— Два часа сорок шесть минут! — сказал лейтенант Прокофьев.

Расстояние сократилось до тысячи семисот лье. Земля внизу казалась им вогнутой, точно громадная воронка. Можно было подумать, что она расступилась, чтобы принять комету!

— Два часа сорок семь минут! — проговорил опять лейтенант Прокофьев.

Оставалось пролететь только тридцать пять и шесть десятых секунды при скорости в двести семьдесят лье в секунду!

И вот они ощутили сильное сотрясение. Это Земля притянула к себе галлийскую атмосферу вместе с монгольфьером, который так растянулся, словно готов был лопнуть!

Испуганные, растерянные пассажиры уцепились за борт гондолы...

Обе атмосферы слились. Образовалось плотное скопление облаков. Пары сгустились. Воздухоплаватели ничего уже не видели ни вверху, ни внизу. Им почудилось, будто их обволокло бушующее пламя, они потеряли точку опоры и, сами не понимая и не сознавая каким образом, очнулись на Земле. В обмороке и беспамятстве покинули они земной шар, в беспамятстве они и возвратились туда!

Что касается воздушного снаряда, то от него не осталось и следа!

Тем временем Галлия прошла по касательной к земному шару и против всякого ожидания, лишь слегка задев его, умчалась в восточном направлении в беспредельные миры.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

которая, вопреки всем правилам, принятым в романах, отнюдь не завершается женитьбой героя

— Ах, господин капитан, да мы в Алжире!

— И даже в Мостаганеме, Бен-Зуф!

Эти два возгласа вырвались одновременно у капитана Сервадака и его денщика, как только они и их товарищи пришли в сознание.

Благодаря какому-то чуду, необъяснимому, как и всякое чудо, все они оказались целы и невредимы.

— Мостаганем! Алжир! — заявили в один голос капитан Сервадак и его денщик. А они не могли ошибиться, так как много лет стояли в гарнизоне именно в этой местности.

Итак, они возвратились почти на то же самое место, откуда пустились в двухлетнее путешествие по околосолнечному миру!

Странная случайность, — да и случайность ли это, раз Галлия и Земля встретились в ту же секунду и на той же точке эклиптики? — привела их почти в точности к месту отправления.

Они находились меньше чем в двух километрах от Мостаганема.

Полчаса спустя капитан Сервадак и все его спутники добрались до города.

Их чрезвычайно удивило, что на Земле все казалось совершенно спокойным. Алжирское население невозмутимо занималось своими повседневными делами. Ничем не встревоженные животные мирно паслись на влажной от январской росы траве. Было, вероятно, около восьми часов утра. Солнце встало, как обычно, с востока. Казалось, на земном шаре не только не произошло ничего особенного, но его обитатели и не ожидали никаких особенных происшествий.

— Вот тебе раз! — сказал капитан Сервадак. — Значит, их никто не предупредил о появлении кометы.

— Должно быть, так, господин капитан, — отозвался Бен-Зуф. — А я-то надеялся, что нам устроят торжественную встречу!

Совершенно ясно, что никто не готовился к столкновению с кометой. Иначе во всех областях земного шара распространилась бы страшная паника и люди были бы уверены, еще более чем в 1000 году, что наступает конец света!

У Маскарских ворот капитан Сервадак неожиданно встретил двух своих товарищей, майора второго стрелкового полка и капитана восьмого артиллерийского. Он попал прямо к ним в объятия.

— Как, это вы, Сервадак? — вскричал майор.

— Я самый.

— А откуда вы явились, мой бедный друг, после вашего непонятного отсутствия?

— Я бы охотно рассказал вам, майор, да боюсь, вы мне не поверите.

— Однакоже...

— Ладно, друзья! Пожмите руку своему товарищу, и спасибо, что не забыли меня... Будем считать, что мне приснился сон!

И Гектор Сервадак, как его ни упрашивали, не захотел ничего рассказывать.

Однако он все-таки задал офицерам вопрос:

— А как поживает госпожа де...?

Майор стрелкового полка, поняв его с полуслова, не дал ему договорить.

— Вышла замуж, обвенчалась, дружище, — ответил он. — Ничего не поделаешь! Отсутствующие всегда неправы...

— Да, — вздохнул капитан Сервадак, — я сам виноват, что целых два года путешествовал по волшебным странам.

Затем, обернувшись к графу Тимашеву:

— Черт возьми, граф, — воскликнул он, — вы слышали новость?! Честное слово, я в восторге, что мне теперь незачем с вами драться!

— А я, капитан, счастлив, что могу теперь без задней мысли, дружески пожать вам руку!

— А лучше всего то, что мне не нужно заканчивать этого проклятого рондо, — пробормотал Гектор Сервадак про себя.

И оба соперника, не имея больше поводов для соперничества, крепким рукопожатием скрепили дружбу, которую отныне ничто не могло нарушить.

В полном согласии с капитаном Сервадаком, граф Тимашев хранил молчание о невероятных событиях, свидетелями которых им довелось стать и из которых самыми необъяснимыми были их встреча с кометой и возвращение на Землю. Не могли они понять и того, почему на средиземноморском берегу все осталось по-прежнему.

Положительно, им лучше всего было молчать.

На следующий день маленькая колония распалась. Русские во главе с графом Тимашевым и лейтенантом Прокофьевым возвратились в Россию, испанцы — в Испанию, где благодаря щедрости графа могли теперь жить безбедно. Все эти славные люди, прощаясь, выражали друг другу самые дружеские чувства.

Что касается Исаака Хаккабута, разоренного крушением «Ганзы», разоренного потерей золота и серебра, которое его заставили выбросить за борт, то он как в воду канул. Справедливость требует признать, что никто о нем и не жалел.

— Старый плут не пропадет, — сказал как-то Бен-Зуф, — должно быть, его показывают в Америке за деньги, как человека, упавшего с Луны!

Остается рассказать о Пальмирене Розете.

Его-то, разумеется, ничто не могло заставить молчать! Итак, он заговорил!.. Однако никто не поверил в его комету, которую ни одному астроному не удалось заметить в небе. Ее отказались поместить в астрономический каталог. Невозможно даже вообразить, в какую ярость это привело вспыльчивого профессора. Через два года после возвращения Пальмирен Розет опубликовал объемистый труд, содержащий вместе с исследованием элементов орбиты Галлии рассказ о его собственных приключениях.

Тут мнения ученого мира Европы разделились. Одни — их было огромное большинство — высказались против этой книги, другие — ничтожное меньшинство — высказались за.

В одном из отзывов об этой книге, — и, вероятно, наиболее остроумном, — труд Пальмирена Розета оценили по достоинству, назвав его «История одной гипотезы».

Подобная дерзость до последней степени взбесила профессора, который как раз в это время утверждал, что снова видел в небе Галлию, и не только ее, но и отторгнутый от нее астероид, уносящий тринадцать англичан в беспредельность звездного пространства. Профессору так и не суждено было утешиться, и он до сих пор жалеет, что не путешествует вместе с ними.

Во всяком случае, совершили ли они действительно, или нет невероятную экспедицию по околосолнечному миру, Гектор Сервадак и Бен-Зуф стали еще более неразлучными друзьями, чем прежде, хоть один из них был капитаном, а другой — денщиком.

Однажды, прогуливаясь по Монмартрскому холму и вполне уверенные в том, что их никто не слышит, они вспомнили о своих былых приключениях.

— А может, ничего этого и не было на самом деле? — сказал Бен-Зуф.

— Черт возьми! В конце концов я сам перестаю этому верить! — отвечал капитан Сервадак.

Что касается Пабло и Нины, то одного усыновил граф Тимашев, а другую удочерил капитан Сервадак,

и дети воспитывались и обучались под руководством опекунов.

В один прекрасный день полковник Сервадак, чьи волосы уже начали седеть, обвенчал молодого испанца, обратившегося в красивого юношу, с маленькой итальяночкой, которая стала прелестной девушкой. Граф Тимашев пожелал лично дать Нине богатое приданое.

И, поверьте, после свадьбы молодые супруги отнюдь не чувствовали себя менее счастливыми оттого, что им не пришлось стать Адамом и Евой нового мира.

1877 г.

КОММЕНТАРИЙ

«ЧЕНСЛЕР»

Роман «Ченслер». Дневник пассажира Ж.-К. Казаллона» вышел в свет отдельным изданием в 1875 году, но, как сообщает Жюль Верн издателю Этцелю в письме от 14 февраля 1871 года, был написан во время франко-прусской войны, на борту яхты «Сен-Мишель».

«Ченслер» выдержан в традициях так называемого «морского» романа, лучшие образцы которого были созданы английскими и американскими писателями (Д. Дефо, Т. Смоллет, Ф. Марриэт, Ф. Купер, Г. Мелвилл и др.). Этот вид романа получил распространение и во французской литературе. В тридцатых годах XIX века пользовались успехом «морские» романы Эжена Сю, позже Габриэля де Лаланделя [1], Рауля де Навери и других авторов. Однако самые популярные и непревзойденные во французской литературе «морские» романы были написаны Жюлем Верном.

Интерес автора «Необыкновенных путешествий» к истории навигации и к морскому делу обнаруживается во многих его произведениях. Кроме «Ченслера», в этом жанре написаны также романы «Удивительные приключения дядюшки Антифера», «Истории Жана-Мари Кабидулена», повести «Нарушители блокады», «Мятежники с «Боунти», не говоря уже о многих других

---

[1] Г. де Лаландель (1812—1886) затем проявил себя как энтузиаст авиации и талантливый популяризатор идеи завоевания «воздушного океана» летательными аппаратами тяжелее воздуха. В начале шестидесятых годов Жюль Верн познакомился с Лаланделем и часто с ним встречался.

произведениях, в которых значительная часть действия совершается в морях и океанах

Своеобразный сюжет «Ченслера» был навеян Жюлю Верну неизгладимым впечатлением от знаменитой картины французского живописца-романтика Теодора Жерико «Плот медузы». Жерико с большой силой запечатлел страдания людей, потерпевших кораблекрушение и гибнущих на плоту, в волнах океана, от непогоды, жажды и голода Отдельные эпизоды и детали для своего романа Жюль Верн почерпнул в отчетах о кораблекрушениях, которые публиковались в морском ежегоднике Великобритании

Рассказ о трагических злоключениях матросов и пассажиров «Ченслера» ведется со слов человека, которому довелось самому увидеть и пережить все описанные в романе бедствия Это усиливает психологическое воздействие и художественный эффект. Точный диалог, реалистическое описание всех деталей катастрофы как нельзя более соответствуют избранной форме повествования Все возрастающее ощущение трагедии потерпевших крушение резко сменяется в финале бурной радостью и ликованием людей, неожиданно вернувшихся к жизни

«Ченслер» был издан на русском языке почти одновременно в трех разных переводах Один из этих переводов, принадлежащий Марко Вовчок, вышел в 1876 году под заглавием «На море» «Ченслер» — последний из четырнадцати романов Жюля Верна, переведенных Марко Вовчок

Русские издания романа «Ченслер» вызвали отклики во многих журналах и газетах.

Е Брандис

ГЕКТОР СЕРВАДАК

Современники Жюля Верна считали роман «Гектор Сервадак» самой фантастической его книгой

Безусловно веривший в конечное торжество человеческого разума над природой, во всемогущество науки и техники, в познаваемость всего сущего, Жюль Верн был убежден, что рано или поздно *наутилусы* опустятся в зыбкие глубины океана, а *альбатросы* поднимутся в прозрачную голубизну неба, что тем или иным способом люди доберутся до Луны, исследуют глубочайшие земные недра Но, конечно, он даже ни на одну минуту не допускал мысли о возможности совершить путешествие по вселенной, «оседлав» комету Это был только условный прием, позволивший в увлекательной форме научно-фантастического романа рассказать о семье планет солнечной системы, а заодно осветить некоторые другие любопытные явления, возможные во внеземных условиях. И, конечно, великий фантаст был бы бесконечно удивлен, если бы ему сказали, что возможность таких полетов по вселенной всего через восемьдесят лет после выхода его книги будет серьезно обсуждаться учеными, а в недалеком будущем, возможно, будет и осуществлена

1

Гигантская комета, расстелившая свой вуалевый хвост на половину неба, — безусловно, величественное и прекрасное зрелище Редкая гостья из космоса, она кажется несравненно вещественнее, грандиознее скромно мигающих, словно готовых в

любую минуту погаснуть, звезд и планет. И во времена Жюля Верна считали, что кометы имеют большие каменные или даже металлические ядра и окружены атмосферой, содержащей самые различные газы. Из этих же газов, по предположениям ученых, состоит и хвост комет. Совершенно естественно, что обсуждалась возможность столкновения Земли с кометой. Известный французский астроном и популяризатор, книги которого и теперь еще не потеряли своего обаяния, хотя содержание их в значительной степени устарело, Камиль Фламмарион, например, считал возможным отравление земной атмосферы газами, составляющими хвост кометы.

Однако Земля уже дважды пронзала на своем пути хвост кометы — в 1861 и в 1910 годах. И оба раза большинство жителей Земли даже не заметило этого.

Успехи современной астрономии сильно изменили наши взгляды на природу комет.

Прежде всего ученые вынуждены были отказаться от мысли о том, что кометы имеют значительное твердое ядро.

Согласно новейшим данным ядро кометы состоит из сравнительно небольших, диаметром от нескольких сантиметров до нескольких километров, глыб загрязненного льда — льда, в который вморожены каменные и железные тельца-пылинки. Движутся эти ледяные глыбы тесно рядом друг с другом, как свинцовые шарики в летящем заряде дроби.

Весь блеск и все величие комет — чисто бутафорские, — масса кометы, количество вещества, из которого она состоит, чрезвычайно невелико. Масса Земли — отнюдь не самой большой планеты солнечной системы — значительно больше, чем масса самой крупной кометы.

Одной из наиболее величественных комет, известной еще в средние века, является комета Галлея. В 1910 году эта комета прошла между Солнцем и Землей. Астрономы припали к окулярам телескопов, — они хотели увидеть твердое ядро этой кометы Будь его диаметр равен всего пятидесяти километрам, они бы уже увидели на светящемся диске Солнца черную переползающую через него точку. Но ожидания их были тщетны — они ничего не увидели. Комета оказалась абсолютно прозрачной. По более поздним вычислениям, ее масса вместе с ярким ядром, прозрачной светящейся короной вокруг этого ядра — так называемой комой — и пышным хвостом, который может растянуться на сотни миллионов километров, перечеркнув светящейся поло-

сой земное небо, — составляет меньше пяти миллиардных от массы Земли.

Даже самые крупные и массивные кометы, такие, как, например, комета Ленселя, имеют массу в миллион раз меньше земной.

«Видимое ничто», «мешок пустоты» — вот какими прозвищами награждены астрономами кометы. «Кометы — это пример того, что природа способна сделать из мухи слона», — остроумно заметил профессор Б. А. Воронцов-Вильяминов.

Эллиптические орбиты комет, как правило, очень вытянуты. Наиболее отдаленные их участки лежат в тех же областях солнечной системы, где величественно движутся, освещаемые далеким Солнцем, планеты-тиганты — Юпитер, Сатурн, Уран. Здесь, в царстве мрака и холода, кометы отнюдь не щеголяют пышным убором, здесь это самые скромные члены в семье небесных тел. На этих участках их орбит они недосягаемы для земных астрономов, они попросту не видны в самые сильные телескопы.

Но вот, подчиняясь законам всемирного тяготения, комета в своем вековечном движении приближается к Солнцу. Все жарче и жарче становятся его лучи. Замерзшие газы, входящие в состав ледяного ядра, начинают испаряться Очень редки и разрежены их частицы, — слабое притяжение небольшой массы кометы не может удержать плотной атмосферы И под влиянием давления солнечных лучей они истекают в виде узкой и длинной газовой струи в сторону, противоположную Солнцу. Эти струи истекающего газа, отбрасываемого к периферии солнечной системы жарким дыханием световых лучей, и образуют величественный хвост кометы.

Поскольку ледяное ядро кометы сильно загрязнено каменной и металлической пылью, оно плохо проводит внутрь тепло; слои оттаявших пылинок словно шубой одевают внутреннюю часть ядра. Это предохраняет содержащиеся там летучие газы от слишком быстрого испарения. Поэтому хвост кометы развивается сравнительно медленно.

Вещество в газовом хвосте кометы чрезвычайно разрежено, вакуум там значительно превосходит любое разрежение, которое мы можем искусственно получить в земных условиях Видимое нами сияние этих беспредельно разреженных газов объясняется не освещением их Солнцем, а тем, что солнечная радиация возбуждает их атомы и они начинают светиться так же, как све-

тится газ в газосветных лампах. Таким образом, свечение кометных хвостов имеет электрическое происхождение.

Но вот комета прошла афелий — ближайшую к Солнцу точку своей траектории — и начинает удаляться от него с протянутым вперед газовым хвостом, подобным теперь лучу фары, освещающей путь впереди. И хвост кометы начинает уменьшаться. Прекращается истечение газов из головы, часть вещества, составляющего хвост, рассеивается в пространстве, часть снова конденсируется вокруг ее ледяных глыб И из величественнейшей среди небесных тел комета снова превращается в незаметную стайку летящих в холодном мраке метеоров

Разнообразны периоды обращения комет: у одних полный оборот по орбите занимает всего несколько лет, у других свыше сотни. И при каждом приближении к Солнцу комета распускает свой хвост. Это событие является трагическим в ее жизни расходом вещества, — его все меньше и меньше остается в голове кометы, и с каждым приближением все уменьшается и величина и яркость ее хвоста. У так называемых короткопериодических комет, каждые три — пять лет возвращающихся к Солнцу, уменьшение яркости происходит на глазах у одного поколения наблюдателей.

Астрономам известны в космическом пространстве области, которых в будущем будут тщательно избегать штурманы космических кораблей, как штурманы морских судов избегают некоторых районов, изобилующих рифами. Эти «рифы» космического пространства — метеоритные потоки, опоясывающие Солнце. Земля при движении по своей орбите ежегодно пересекает несколько таких метеоритных потоков: Персеид — 12 августа, Драконид — 10 октября, Леонид — 16 ноября и т. д. По ночам в эти числа можно наблюдать особенно большое количество метеоров, прорезающих небесный свод. Повидимому, по всей эллиптической траектории, одну из ветвей которой пересекает в эти дни Земля, движутся рассеянные обломки метеорного вещества. Астрономы установили их прямую связь с кометами. Кометы, рассеяв в космическом пространстве газовое вещество своего хвоста, растеряв твердые куски своего ядра по всей длине орбиты, и становятся метеоритными потоками.

Так, значит, кометы — сравнительно недолговечные небесные тела? Значит, период, в течение которого они могут появляться на небесном своде в сиянии своего роскошного хвоста, очень

невелик? Так откуда же тогда берутся кометы, которых не так уж мало встречается в космическом пространстве и которые сравнительно нередко сияют на земном небе совершенно новенькими, нерастраченными хвостами?

2

Между орбитами Марса и Юпитера вокруг Солнца движется огромное количество так называемых малых планет, или астероидов. В большинстве случаев это глыбы камня или железа с примесью никеля и других элементов. Величина астероидов весьма разнообразна, она колеблется от 786 километров (такой диаметр имеет самая крупная из малых планет — Церера) до десятков сантиметров. Количество зарегистрированных астероидов в настоящее время превосходит полторы тысячи. Каждый год их число растет. Нередки случаи, когда астрономы не успевают вычислить орбиту вновь открытого астероида, и он исчезает, не сообщив, так сказать, своего адреса Такие астероиды, видимо, открывали не один раз.

Астероидов величиной свыше сотни километров всего четыре, остальные значительно меньше. Академик А Н. Заварицкий сделал попытку представить себе, какой величины планету можно бы было получить, сложив вместе все астероиды: и гигантские — величиной с остров, и более мелкие — величиной с гору, и крохотные — с кулак или горошину. По его мнению, в самом лучшем случае вещества астероидов могло хватить лишь на весьма скромную планетку, по величине раз в пятнадцать меньшую Земли. Но и эти расчеты надо считать слишком оптимистическими. Вряд ли общая масса астероидов превосходит 0,001 массы Земли.

Орбиты астероидов более сильно отличаются от окружностей, чем орбиты планет. Эллипсы, по которым они движутся, как правило, очень вытянуты, но все же меньше, чем орбиты комет. Лишь немногие астероиды заходят своими орбитами внутрь земной орбиты, то есть приближаются к Солнцу ближе, чем Земля И очень немногие удаляются за пределы орбиты Юпитера.

Некоторые астрономы считают, что за орбитой Нептуна, на дальних границах солнечной системы, расположено второе кольцо астероидов, самым крупным из семейства которых, по их предположениям, считается недавно открытый Плутон. Но,

конечно, наши телескопы еще бессильны помочь нам увидеть эти крохотные планетки, озаряемые слабыми лучами Солнца, которое само-то должно казаться оттуда просто очень яркой звездой.

Возможно, что именно астероиды или другие подобные им тела и являются прародителями комет, как сами кометы являются прародителями метеорных роев.

Согласно общей теории происхождения солнечной системы все малые тела возникли из той же газопылевой массы, из которой образовались и планеты. Это гигантское газопылевое облако, окружавшее когда-то Солнце, с самого начала отнюдь не было однородным по составу. В его областях, близлежащих к Солнцу, газы — азот, кислород, водород — могли находиться только в газообразном виде, к тому же под действием давления солнечных лучей эти газы отбрасывались к периферийным областям. Там господствовали низкие температуры космического пространства, и газы эти замерзали. В процессе образования планет, сгущения газопылевого облака, образования в нем отдельных глыб вещества бесспорно происходили многочисленные столкновения и соударения. При таких ударах, неизбежных в еще «неотлаженном» механизме планетной системы, бесспорно должно было образовываться огромное количество осколков самого разнообразного размера и самых разнообразных по составу веществ.

Творение нашей планетной системы продолжается и сейчас. Конечно, уже давным-давно, миллиарды лет тому назад, выделились и устойчиво стабилизировались основные крупные планеты. Однако того же нельзя сказать про мир малых планет. Их орбиты неустойчивы и подвержены изменениям и сейчас. Вероятно, происходят между ними и столкновения. При таких столкновениях осколки, обломки, да и целые астероиды могут внезапно резко изменять свою орбиту, переходя с приближающейся к круговой, подобной планетной, на резко вытянутую кометную.

Представим себе, что такое событие произошло с глыбой вещества, сгустившегося из газопылевого облака в незапамятные времена где-то между орбитами Марса и Юпитера или даже в области предполагаемого второго астероидного кольца. Состоит эта глыба из замерзших газов, льда, метеорной пыли. И вот, сброшенная силой столкновения со своего вековечного размеренного пути, она устремляется из области вечного холода и мрака к пылающему жаркому Солнцу. И нарушается стабильное в те-

чение миллиардов лет состояние ее вещества. Закипают и испаряются газы, образуя за летящей глыбой длинный светящийся хвост. Отдельные каменные или металлические куски глыбы, скрепленные до этого замерзшими газами и льдом, по мере таяния и испарения распадаются, превращаясь в стайку астероидов. И вот уже классическая комета, распустив пышный хвост, летит по крутой дуге эллипса, огибая центральное светило...

Эта гипотеза происхождения комет кажется нам наиболее вероятной.

3

Ну, а что в действительности произойдет, если какое-либо космическое тело значительной величины — астероид или твердое кометное ядро — столкнется с Землей?

Скорость движения кометы, заходящей за орбиту Юпитера, вблизи Земли составляет около сорока километров в секунду, скорость движения Земли — тридцать километров в секунду. Изберем самый благоприятный вариант, — как это сделал Жюль Верн, — что комета догоняет Землю и разница между их скоростями составляет всего десять километров в секунду.

При ударе двух тел от места удара по этим телам распространяется так называемая ударная волна сжатия. Уже при скорости соударения в четыре-пять километров в секунду двух каменных или металлических тел давление в этой волне сжатия будет достигать миллиона атмосфер! Если с поверхностью Земли столкнется ледяная глыба, давление будет составлять двести — триста тысяч атмосфер! Конечно, при таком гигантском давлении будут разрушены все связи между частицами вещества, составляющими тело, и за фронтом проходящей ударной волны начнется разлет сильно сжатых раздробленных частиц, подобный разлету сильно сжатого газа. Все это явление, механизм которого мы здесь описали, можно коротко назвать одним словом — взрыв.

Для сравнения заметим, что при взрыве такого сильного взрывчатого вещества, как тротил, возникающее давление не превышает двухсот тысяч атмосфер. При взрыве атомной и даже водородной бомбы уже на расстоянии десятков метров от центра взрыва давление имеет примерно такую же величину.

Давление волны сжатия растет значительно быстрее, чем скорость соударяющихся тел, — оно возрастает пропорционально квадрату скорости соударения Это значит, что при скорости соударения в десять километров в секунду давление волны сжатия достигает нескольких миллионов атмосфер

Вот такой грандиозный взрыв и должен был бы произойти при столкновении ядра Галлии с Землей И, конечно, ни о каком «мирном» захвате части земной территории с атмосферой, растительностью, животными, птицами и населением не могло бы быть и речи.

4

Прошло 80 лет со дня написания Жюлем Верном романа «Гектор Сервадак», но увлекательный рассказ о нашей планетной системе не утратил своего познавательного значения Конечно, наука внесла целый ряд поправок в вопросы происхождения солнечной системы, природы комет, были уточнены некоторые цифры, отчетливее представляют себе ученые целый ряд явлений, но с нашей точки зрения всего одно или два места в романе требуют специального комментария

Температура космического пространства всего 65—70 градусов ниже нуля, — полагают герои Жюля Верна С современной точки зрения это нельзя считать правильным Но сначала надо условиться, что мы будем называть температурой космического пространства

Обычно температура — степень нагретости тела — определяется скоростью движения молекул этого тела Если подходить с этой точки зрения, то температура космического пространства сравнительно высока редкие молекулы водорода, гелия и других газов, содержащихся в космическом пространстве, движутся с очень значительной скоростью, соответствующей температуре порядка сотен градусов

Однако кусок твердого вещества, помещенного в космическое пространство, например, где-нибудь на орбите Земли, не нагреется от ударов этих молекул до такой температуры, — слишком мало их в космическом пространстве Температуру этого куска твердого вещества будет определять главным образом сила солнечной радиации, а значит, и его форма Так абсолютно

черный шарик, который поглощал бы все падающие на него лучи и вращался бы с достаточной скоростью, имел бы температуру + 3 градуса Такой же черный цилиндр с длиной, равной пяти радиусам, нагрелся бы в этом случае до температуры около +12 градусов

Если бы мы наш шарик и цилиндры приблизили к Солнцу, температура их увеличилась бы, а если бы отнесли, например, к орбите Марса, она упала бы до —40—50 градусов

Следовательно, и температуру предмета, освещенного Солнцем, нельзя считать температурой космического пространства

Ну, а если заслониться от солнечных лучей? Какую температуру приобретет твердое тело, помещенное в затененную от Солнца часть космического пространства? Чрезвычайно низкую, всего на 4—5 градусов отличающуюся от температуры абсолютного нуля Да и эти несколько градусов объясняются влиянием звездной радиации

Такова температура космического пространства

5

Вулканические извержения на Галлии являются следствием того, что кислород земного воздуха вошел в соприкосновение с горючими веществами в недрах кометы Так объясняют пассажиры Галлии вулканическую деятельность своего небесного тела

В настоящее время такое объяснение вулканизма кажется не совсем верным

Да, действительно известны случаи, когда в течение многих лет и даже десятилетий длятся подземные пожары пластов угля или торфа Следы этого пожара можно заметить и на поверхности земли Но никаких извержений вулканов с потоками изливающейся лавы такие подземные пожары вызвать не в силах

Причины действия вулканов заключаются в другом Внутри земной коры имеются обособленные магматические бассейны, возникновение которых связано с распадом радиоактивных элементов, входящих в состав земных пород В процессе тектонических движений земной коры расплавленная магма начинает искать выхода наружу Если такой выход ей удается найти — и происходит извержение вулкана.

6

Мы уже заметили, что Жюль Верн, который отлично понимал всю фантастичность путешествия по вселенной на комете, был бы весьма удивлен, узнав, что в этой идее есть здравое рациональное зерно. А между тем это так

Астероиды — ближайшие родственники комет — имеют весьма разнообразные орбиты Некоторые из них приближаются сравнительно близко к Земле. Так, Эрос бывает от нас на расстоянии «всего» двадцати двух миллионов километров, Амур — двенадцати миллионов, Аполлон — трех миллионов, а Адонис — даже полутора миллионов километров Еще ближе к нашей планете может оказаться Гермес. Эта крохотная планетка может пройти мимо Земли на расстоянии лишь 780 тысяч километров, то есть всего вдвое дальше Луны.

Сблизившись с нашей планетой, эти астероиды продолжают свой путь по вытянутым орбитам, пересекающим орбиту Марса, приближающимся или даже заходящим за орбиту Юпитера.

А почему бы, говорят астронавты, не воспользоваться этими вечными скитальцами по вселенной для путешествия? Почему бы не воспользоваться приближением Гермеса к Земле и не посадить на его поверхность звездолет? Космической экспедиции будет значительно удобнее базироваться на этой летящей в пространстве глыбе, чем совершать полет в своем снаряде. В зависимости от того, какая цель будет поставлена перед экспедицией, звездолет покинет астероид, приблизившись к орбите Марса, Юпитера или, замкнув полный эллипс — гермесовский год, — финиширует на Землю!

Конечно, такая космическая экспедиция на «попутном» астероиде — дело будущего, но не более отдаленного, чем полет на Марс и на Венеру.

Инженер М Васильев

Профессор К. Станюкович

Роман «Гектор Сервадак Путешествие и приключения в околосолнечном мире» был опубликован в 1877 году в XXV—XXVI частях «Журнала воспитания и развлечения» и в том же году вышел отдельным изданием.

Задумано было это произведение еще в конце шестидесятых годов, но к работе над ним Жюль Верн приступил только в середине семидесятых годов, когда был уж напечатан «Таинственный остров».

В увлекательном рассказе о приключениях группы людей разных национальностей, уцелевших после космической катастрофы, и о том, как они объединились в сплоченный трудовой коллектив, в своего рода трудовую коммуну, можно увидеть в какой-то степени воплощение той же самой социально-утопической темы, которая была положена в основу «Таинственного острова», а затем и других романов

В «Гекторе Сервадаке» социально-утопическая тема осложняется еще борьбой «межпланетных Робинзонов» с упрямыми английскими офицерами-колонизаторами, навсегда унесенными в мировое пространство на осколке сфероида, и с жадным ростовщиком Исааком Хаккабутом, который, лишившись «в пути» своего золота, возвращается на Землю нищим.

Жюль Верн однажды заметил о своем романе «Гектор Сервадак», что правильнее всего было бы его назвать «История одной гипотезы» И в самом деле, несмотря на парадоксально-фантастический сюжет, автор здесь не отклоняется от обычных представлений о солнечной системе, что позволяет ему по ходу действия насыщать повествование астрономическими сведениями Именно ради этого на страницах романа и появляется очередной ученый-чудак — комический образ астронома Пальмирена Розета

Астрономические гипотезы в романах Жюля Верна основаны на допущении заведомо фантастической предпосылки, из которой выводятся в дальнейшем все возможные логические последствия научного характера

Что испытали бы и увидели жители куска земной поверхности, унесенного при столкновении с кометой в межпланетную даль? («Гектор Сервадак»).

Что произошло бы на нашей планете, если бы удалось «выпрямить» земную ось? («Вверх дном»).

К каким последствиям привело бы падение на Землю огромного метеора, состоящего из чистого золота? («В погоне за метеором»)

Каждое из таких парадоксально-фантастических допущений дает возможность автору вплетать в самый сюжет рассказа

целый комплекс научно-познавательных сведений и в то же время развивать социальную и сатирическую тему.

Роман «Гектор Сервадак» интересен также тем, что значительная роль отводится в нем русским персонажам.

Граф Василий Тимашев, освободивший своих крепостных еще до реформы 1861 года, управляет колонией «межпланетных Робинзонов» вместе с французом Гектором Сервадаком. Капитан яхты «Добрыня» Прокофьев, сын крестьянина-вольноотпущенника, изображен как талантливый механик-самоучка, обладающий острым, пытливым умом, отвагой и отзывчивостью. Среди русских персонажей Жюля Верна образ Прокофьева один из самых выразительных и удачных.

Вскоре после выхода романа «Гектор Сервадак» ряд критиков, привыкших к большей обоснованности научно-фантастических гипотез Жюля Верна, неодобрительно встретили его роман. (Любопытно, что в их числе оказался и знаменитый французский астроном-популяризатор Камиль Фламмарион) Много рецензий вызвал этот роман и в русской печати. («Гектор Сервадак» впервые на русском языке появился в 1879 году в переводе С. Самойловича и затем много раз переиздавался.) Большинство рецензентов по достоинству оценило «фантастическую выдумку», живой юмор Жюля Верна и его искусство популяризировать науку. Особое внимание критиков привлекли русские персонажи романа. В то же время рецензенты некоторых педагогических журналов признали книгу непригодной для детского чтения на том основании, что неправдоподобность изображенных в ней событий не может быть уравновешена даже обильными научно-познавательными сведениями (например, журнал «Образование», № 10, 1880).

Мы можем целиком согласиться с характеристикой, данной роману «Гектор Сервадак» советским критиком С. Полтавским:

«В «Гекторе Сервадаке» кусок Африки, оторванный столкновением с кометой и унесшийся в небесное пространство вместе с несколькими людьми и затем с математической точностью вернувшийся на прежнее место, с научной точки зрения — чудовищная бессмыслица. Но эта озорная и смелая шутка жизнерадостного писателя дала ему возможность наполнить книгу ценным познавательным астрономическим материалом и некоторыми политическими идеями своего времени. Писатель с мудрой усмешкой как бы вызывает читателя с первых же страниц,

раньше, чем тот найдет в конце расшифровку парадокса, на жаркий спор, предвидит и недоверчивые улыбки, и взрывы иронического смеха, и возгласы возмущения. Ему надо, чтобы читательская мысль бурлила, кипела, изумлялась, негодовала, а не текла спокойно в русле привычных представлений» («Литературная газета» от 7 августа 1954 года).

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

«ЧЕНСЛЕР»

ГЕКТОР СЕРВАДАК

Часть первая

Перевод Н. М. Гнединой

Часть вторая

Перевод М. В. Вахтеровой

Редактор *О. Лозовецкий*

Оформление художника
Т. Цинберг

Художественный редактор
А Гайденков

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректоры *В. Брагина* и *Л Бунчукова*

*

Сдано в набор 7/VI 1956 г.
Подписано к печати 16/XI 1956 г.
Бумага 84×108 1/32 — 17,63 печ. л.
29 усл. печ. л. 27,052 уч -изд. л. + 3 вкл. = 27,202 л.
Тираж 390000. Заказ № 1336.
Цена 12 руб.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.